This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

UC-NRLF
B 3 818 422

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

БИБЛІОТЕКА
А. А. БАЛАНДИНА
въ г. Никсейскѣ.

№ 1336
Кн. VI-я

Бог.
898
XI

Инв. № 6702

Digitized by Google

Russkoe Bogatstvo. ANSO 9 №11

НОЯБРЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1938 1112

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Digitized by Google

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 20 ноября 1898 г.

Digitized by Google

AP5
R977
1898:11
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

		СТРАН.
1.	**У теплаго моря.** Очеркъ *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* (Окончаніе)	5— 31
2.	**Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г.** *А. А. Кизеветтера*	32— 55
3.	**Пятьсотъ миль по Англіи и Уэльсу на велосипедѣ.** (Изъ впечатлѣній поверхностнаго туриста). *Н. К.* (Окончаніе)	56— 94
4.	**Соціологическіе взгляды Дюркгейма.** *П. Ю.* Статья первая.	95—124
5.	**Въ мірѣ случайностей.** Романъ *В. Д. Гоуэльса.* Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе)	125—171
6.	**«Необходимость».** Восточная сказка. *В. І. Короленко*	172—185
7.	**Авдотьины дочки.** Разсказъ *О. А. Шапиръ.* I—VII.	186—231
8.	**Сосна.** Стихотвореніе. *А. Коптоновскаго* . . .	232
9.	**По счетному участку.** (Наблюденія и впечатлѣнія счетчицы). *Д. Ведребисели*	1— 19
10.	**Отвѣтъ «Русской Мысли».** *С. Н. Южакова* . . .	19— 29
11.	**Литература и жизнь.** О шутахъ. *Н. К. Михайловскаго*	30— 56
12.	**Памяти Я. П. Полонскаго.** *Н. М.*	56— 62
13.	**Новыя книги:** **Марко Вовчокъ.** Полное собраніе сочиненій.—**Ѳ. Е. Ромеръ.** Сказка и правда.—**И. С. Бѣляевъ.** Искушеніе.—**Р. Е. Леляковъ.** Стихотворенія.—**Ал. Ленцевичъ.** Стихотворенія.—**Д. Боханъ.** Игорь, князь Сѣверскій.—**Э. Кошвицъ.** Руководство къ изученію французской филологіи.—**Э. Левассеръ.** Народное образованіе въ цивили-	

Digitized by Google

СТРАН.

зованныхъ странахъ.—М. И. Демковъ. Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ.—Мысли о домашнемъ и школьномъ образованіи Л. Кельнера.—Альберъ Метенъ. Соціализмъ въ Англіи.—Финляндія.—Поль де Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи.—Книги, поступившія въ редакцію . . . . 62— 97

14. **Центральные союзы и кредитные банки для мелкихъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи.** *М. Герценштейна* . . . . . 97—110

15. **Новый трудъ проф. М. М. Ковалевскаго.** *Л. С. З.* 110—119

16. **Англійскія Reviews.** *Діонео* . . . . . 119—139

17. **Французскій романтизмъ въ литературѣ и наукѣ.** (По поводу юбилеевъ Шатобріана и Мишлэ). *Н. К.* 139—167

18. **Политика.** Военныя опасности и мирный исходъ.—Паденіе кабинета Бриссона.—Пересмотръ дѣла Дрейфуса.—Коалиціонное министерство Дюпюи.—Текущія политическія событія. *С. Н. Южакова* . . . . . 167—181

19. **Знаменитость конца вѣка.** *В. К.* . . . . . 182—191

20. **Хроника внутренней жизни.** Студенческая нужда и юбилей общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета.—Къ характеристикѣ нашего купечества.—Чумная коммиссія и санитарное положеніе Поволжья. — Эпизоды уѣздныхъ земскихъ собраній. *М. А. Плотникова.* 191—217

21. **Объявленія.**

Digitized by Google

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . **9** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . **8** р.
За границу . . . . . **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка**:

для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой:

при подпискѣ . . . . **5** р. и къ 1-му іюля . . . **4** р. — или — при подпискѣ . . . **3** р. къ 1-му апрѣля . . . **3** р. и къ 1-му іюля . . . **3** р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать **за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Digitized by Google

Въ конторахъ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(въ Петербургѣ и Москвѣ) имѣются въ продажѣ:

Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
—Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
— Гимназисты. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
— Студенты. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р.
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. шестое. Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Два тома. Цѣна за каждый 1 р. 50 к.

Н. К. Михайловскій. *Шесть томовъ сочиненій.* Ц. по 2 р. за томъ.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1. р. 50 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
— Вопросы просвѣщенія. Ц. 1 р. 50 к.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. 2-е изданіе. Ц. 1 р.

А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.

П. Я. Стихотворенія. Печатаются 2-мъ изд. Ц. 1 р.

А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к.

А. Осиповичъ. (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р.

С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 к.

В. В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р.
— Письма о научной философіи. Ц. 1 р. 25 к.
— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к.
— Что такое научная философія? Ц. 2 р.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р.
— (на веленевой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к.

Поль-Луи-Курье. Сочиненія. Ц. 2 руб.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р.

В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.

Полные экземпляры журнала **«Русское Богатство»** за 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 г. Цѣна за годъ **8** р.

Пересылка книгъ за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Digitized by Google

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна **2** р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Digitized by Google

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
Его же. Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
Его же. Гимназисты. Изъ семейной хроники. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
Его же. Студенты. Изъ семейной хроники. Ц. 1 р. 25 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р.
Его же. Слѣпой музыкантъ. Изд. шестое. Ц. 75 к.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія въ шести томахъ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ. *Съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Печатаются 2-мъ изд. Ц. 1 р.

НОВАЯ КНИГА:

Л. Мельшинъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Записки бывшаго каторжника.

ТОМЪ II.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА
А. А. БАЛАН...
ВЪ ...

У ТЕПЛАГО МОРЯ.

Очеркъ.

IX.

Самымъ труднымъ моментомъ для Клавдіи Григорьевны было знакомство доктора съ ея поклонниками. Для него это былъ совершенно неизвѣстный міръ, къ которому онъ относился съ брезгливой подозрительностью. Какъ они себя держали, что говорили—каждаго такого субъекта было мало выгнать или проще—выбросить въ окно.

— Это печальное неудобство нашей профессіи, — объясняла Клавдія Григорьевна, отвѣчая на нѣмые вопросы мужа.— Приходится терпѣть... Эти негодяи составляютъ намъ репутацію.

Между прочимъ, она замѣтила, что докторъ особенно подозрительно относится къ ея московскому лысенькому другу. Очевидно, что онъ что-то слышалъ объ ея отношеніяхъ къ нему, и это заставляло ее краснѣть. О! какъ она хорошо понимала эти молчаливыя муки ревности... Но откровенное объясненіе по этому щекотливому вопросу она отложила до первой поѣздки въ горы.

Они поѣхали вдвоемъ. Много лѣтъ докторъ не пользовался удобствами путешествія въ хорошемъ экипажѣ и наслаждался молча. Боже, какъ хорошо было кругомъ... Съ каждымъ шагомъ впередъ открывались все новыя картины. И какія картины... Море уходило все въ глубь, отливая тяжелыми фіолетовыми тонами. Ялта превратилась въ игрушечный городокъ. Морскія суда казались тоже игрушками. Это игрушечное впечатлѣніе все усиливалось, по мѣрѣ поднятія въ горы.

— Хорошо... да, хорошо...—повторялъ докторъ шопотомъ, точно боялся кого-то разбудить.

Они выбрали глухой тѣнистый уголокъ, гдѣ и расположились. Бойкій проводникъ татаринъ разостлалъ на травѣ коверъ, а самъ въ сторонкѣ занялся приготовленіемъ шашлыка. Клав-

Digitized by Google

дія Григорьевна сидѣла на травѣ съ усталымъ видомъ и смотрѣла куда-то въ пространство.

— Вамъ скучно, Клавдія?—разбудилъ ее докторъ.

— Мнѣ? О, нѣтъ... Я думаю... Здѣсь такъ хорошо думается. Вся жизнь точно остается назади и точно самъ уже не существуешь... Вы испытываете такое состояніе?

— О, да... Вы думали о чемъ-то серьезномъ.

— Да... Мнѣ давно хочется поговорить съ вами откровенно, чтобы разъяснить одинъ больной пунктъ. Какъ мнѣ кажется, вы особенно подозрительно относитесь къ одному изъ моихъ поклонниковъ. Вы, конечно, знаете, о комъ я говорю...

— Да...

— Мнѣ разсказывали, что я съ нимъ живу...

Она засмѣялась нехорошимъ смѣхомъ.

— Вѣдь и вы, вѣроятно, слышали объ этомъ? Всѣ это говорятъ... да... Такъ я хотѣла сказать вамъ, что это неправда.

— Послушайте, какое я имѣю право вмѣшиваться въ ваши личныя дѣла?

— Это такъ говорится обыкновенно... Но я не желаю недоразумѣній. У меня никого нѣтъ... я слишкомъ устала и слишкомъ разувѣрилась въ нашемъ бабьемъ счастьѣ. Нѣтъ его и не можетъ быть... Мы гонимся за призракомъ собственнаго воображенія, и только. Я повторяла другихъ женщинъ, не сознавая этого, а раздумье пришло, можетъ быть, немного поздно.

— Довольно, довольно...—умолялъ докторъ.—Я не желаю ничего знать и не имѣю на это никакого права. Будемте просто друзьями...

Проводникъ устроилъ походную закуску, причемъ каждую рюмку водки Клавдія Григорьевна наливала сама. Это смущало доктора, пока онъ не почувствовалъ блаженной теплоты перваго опьяненія. Онъ оживился и разсказывалъ шагъ за шагомъ исторію своего паденія, ничего не скрывая. Да, все это случилось какъ-то само собой, и, конечно, онъ никогда не думалъ, что дойдетъ до такой степени этого паденія.

— Самое страшное въ моемъ положеніи, — объяснялъ онъ:—это то, что я, какъ врачъ, отлично понималъ все, что дѣлалось со мной... Да, понималъ, и не имѣлъ силы удержаться. Собственно говоря, страшнѣе смотрѣть на спившихся людей со стороны, а сами они уже утратили извѣстную дозу чуткости. Притомъ, заразительно дѣйствуетъ обстановка... Встрѣчаешь такихъ же людей, какъ и ты самъ... И, право, все люди недурные, сами по себѣ, за вычетомъ всепожирающей страсти. Это совершенно особый міръ, гдѣ свои законы, правила приличія и даже своя собственная нравственность... Мнѣ вотъ и сейчасъ, скажу откровенно, жаль своихъ товари-

Digitized by Google

щей, съ которыми я сдѣлалъ путь отъ Петербурга до Ялты. Право, они недурные люди.

Докторъ увлекся своими воспоминаніями, и Клавдія Григорьевна слушала его съ большимъ вниманіемъ. У нея явилась счастливая мысль, именно то самое, о чемъ мечталъ докторъ—вѣдь все это были матеріалы для научной медицинской работы. Если бы докторъ могъ выдержать характеръ...

— Разсказывайте, я слушаю,—повторяла она, когда разсказчикъ останавливался, чтобы перевести духъ.—Вѣдь это все такъ интересно и ново... Если бы систематизировать эти матеріалы, получилась бы научная работа.

— Я уже думалъ объ этомъ...

— Думали? Вотъ и отлично... Не нужно только медлить и останавливаться въ началѣ дѣла. Если бы я могла быть полезна вамъ чѣмъ-нибудь... Кстати, хотите, я куплю у васъ эту работу впередъ?

— Нѣтъ, это неудобно продавать шкуру медвѣдя, который еще ходитъ въ лѣсу...

— А если я этого хочу? Представьте себѣ, что я капризная женщина, которая желаетъ поставить на своемъ. Да, пусть это будетъ мой капризъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ...

— Всѣ дѣла дѣлаются сразу, Иванъ Степанычъ... Я, наконецъ, требую на правахъ вашего стараго друга. Даже не буду спрашивать вашего согласія... Я знаю, вы боитесь замаскированной милостыни и благодѣянія, какъ это принято понимать, но даю вамъ честное слово, что ничего подобнаго нѣтъ. Единственное мое желаніе видѣть васъ за работой. Въ этомъ все ваше спасеніе...

А кругомъ было такъ хорошо... Фіолетовыя горы, облака зелени, вдали—синее море, вверху—легкія облачки, точно бѣлый пухъ. А какъ дышалось легко, и какъ хорошо билось «пивное сердце» доктора. Онъ переживалъ настоящую блаженную минуту, какія не повторяются. Да, онъ поправится... Это также вѣрно, какъ то, что свѣтитъ солнце, темнѣетъ лѣсъ, ласково дышетъ теплое южное море. Отъ нахлынувшаго счастья ему хотѣлось плакать, хотѣлось сказать Клавдіи Григорьевнѣ, какая она хорошая, чистая, красивая. Докторъ чувствовалъ то же, что чувствуетъ замерзающій человѣкъ, попавшій въ теплую комнату. Боже, какъ хорошо! Какое счастье разлито кругомъ... А онъ, несчастный, погибалъ самымъ жалкимъ образомъ, поддаваясь гнусному пороку. Нѣтъ, довольно, онъ собственнымъ примѣромъ докажетъ, что запой, какъ болѣзнь, не существуетъ.

Когда проводникъ подалъ шашлыкъ, и Клавдія Григорьев-

Digitized by Google

на налила рюмку водки, докторъ выплеснулъ водку въ траву, а рюмку разбилъ о ближайшій камень.

— Не дѣлайте этого,—строго замѣтила Клавдія Григорьевна.—Дурныя привычки не бросаются разомъ. Какъ докторъ, вы это понимаете лучше меня... Будемъ исправляться постепенно, шагъ за шагомъ, пока организмъ войдетъ въ норму. Ни зароковъ, ни обѣщаній, ни раскаянія—ничего не нужно. Волю можно лѣчить также, какъ и всѣ другія болѣзни. Все дѣло въ послѣдовательности и въ системѣ... Первое время вамъ придется очень и очень слушаться меня.

— Можно мнѣ, по крайней мѣрѣ, дать слово, что я буду исполнять все, что вы хотите?

— И этого не нужно... Будетъ просвѣщенный деспотизмъ.

Она весело разсмѣялась. Да, довольно нравоученій и всяческихъ выдержекъ. Будетъ то, что будетъ... Она молча пожала ему руку въ знакъ заключеннаго союза и заговорила о другомъ. Вѣдь они столько времени не видались, было о чемъ поговорить. Она разсказывала о своей театральной службѣ, о маленькихъ успѣхахъ на сценѣ и большихъ непріятностяхъ тоже на сценѣ. Люди и здѣсь люди, съ той разницей, что конкурренція сильнѣе, а параллельно—выше и ожесточеніе борьбы за существованіе.

Въ Ялту они вернулись только вечеромъ, когда начало уже темняться. По мѣрѣ спуска съ горъ докторъ дѣлался все молчаливѣе. Его охватывало все сильнѣе и сильнѣе неясное для него сомнѣніе. Вонъ тамъ, далеко внизу мелькаютъ призывно огоньки, и этотъ городъ—красавецъ отниметъ опять ее, какъ тысячеглазное чудовище.

— Вамъ, можетъ быть, холодно?—спрашивала она.

— Да...

X.

Увлекшись желаніемъ, во чтобы-то ни стало, спасти мужа, Клавдія Григорьевна выработала цѣлый планъ, какъ систематически достигнуть цѣли. Ей казалось, что постепенно можно добиться самаго невозможнаго, какъ было и въ данномъ случаѣ. Главное условіе заключалось въ томъ, чтобы ничего не скрывать отъ паціента, и она объяснялась съ нимъ вполнѣ откровенно.

— Сколько водки вы пили самое большее?—спрашивала она.

— Когда былъ здоровъ, то около четырехъ бутылокъ въ день. Конечно, не каждый день...

Digitized by Google

— А теперь?

— Сейчасъ вполнѣ довольно двухъ бутылокъ... Алкоголь накопляется въ организмѣ, истощаетъ его, и опьянѣніе наступаетъ быстрѣе.

— Хорошо... Я вамъ буду давать эти двѣ бутылки, но съ условіемъ, что вы будете сбавлять по полрюмки въ день... т. е. не каждый день, а черезъ извѣстный промежутокъ времени. Вѣдь полрюмки совершенно ничтожная величина, которой можно и пожертвовать.

— Я производилъ точно такіе же опыты надъ запойными и не могу похвалиться успѣхомъ.

— А я ручаюсь за успѣхъ.

— Мнѣ эта система напоминаетъ софизмъ какого-то греческаго мудреца, который вопросъ ставилъ такъ: «если я вырву одинъ волосъ съ головы, будетъ ли лысина?»—«А если два? три? и т. д.». Однимъ словомъ, гдѣ тотъ роковой волосъ, съ котораго начинается лысина, опредѣлить невозможно. Точно то же самое и относительно роковой пьяной рюмки, съ которой начинается форменный запой!..

— И всетаки попробуемъ... Софизмъ еще не доказательство.

Докторъ противорѣчилъ только изъ формализма, а въ глубинѣ души самъ вѣрилъ въ полную возможность собственнаго спасенія. Да, онъ сильно опустился, потерялъ волю, но это еще не значитъ, что нужно погибать. А тутъ еще протягивается такая дружеская рука, что не можетъ быть и рѣчи о невозможности спасенія...

Но на первыхъ же шагахъ по пути спасенія встрѣтились непредвидѣнныя препятствія. Разъ докторъ пришелъ въ *свое* время въ «Россію» и засталъ Клавдію Григорьевну совершенно разстроенной, съ красными отъ слезъ глазами.

— Что-нибудь случилось? Театральныя непріятности?—сдѣлалъ онъ попытку догадаться.

— О, нѣтъ...—быстро отвѣтила она и сейчасъ же поправилась:—т. е. да. Вы не знаете нашего театральнаго болота и не поймете моихъ объясненій!..

Его что-то точно кольнуло, и онъ почувствовалъ себя такимъ чужимъ, лишнимъ и далекимъ. Она поняла его настроеніе и перемѣнила тонъ.

— Все дѣло въ ангажементѣ на зиму...—сбивчиво объясняла она, подбирая слова.—Мнѣ обѣщали дебютъ на императорской сценѣ, но у меня есть враги... Турецкая поговорка говоритъ, что одинъ врагъ сдѣлаетъ больше вреда, чѣмъ сто друзей принесутъ пользы. Не правда ли?

Докторъ не сталъ разспрашивать, хотя и чувствовалъ себя все время неловко. Въ концѣ концовъ, отъ него всетаки что-то

Digitized by Google

скрывали, онъ кому-то мѣшалъ, и, можетъ быть, Клавдія Григорьевна раскаивается въ принятой на себя миссіи. Это была первая маленькая ложь, вкравшаяся въ ихъ отношенія. Потомъ уже изъ десятыхъ рукъ докторъ узналъ, какая непріятность грозила Клавдіи Григорьевнѣ—на репетиціи на нее бросился одинъ изъ сомнительныхъ князей съ кинжаломъ, и если бы не лысенькій московскій меценатъ, проявившій замѣчательное самообладаніе, дѣло могло кончиться плохо. Исторія, во всякомъ случаѣ, была замята и не попала даже на столбцы услужливыхъ для всякаго скандала газетъ.

Раньше докторъ относился совершенно безразлично къ этимъ темнымъ, закулиснымъ поклонникамъ, а тутъ у него впервые шевельнулось нехорошее и злое чувство. Почему *она* должна проводить свою жизнь въ этомъ театральномъ болотѣ? Ему дѣлалось больно за нее, за ту чудную женщину, которую зналъ только онъ одинъ. Но она молчала, и онъ не смѣлъ задавать вопросовъ.

Устроившись въ своей комнаткѣ—счастье, котораго онъ такъ давно не испытывалъ—докторъ принялся за свою работу, не теряя времени. Вся «почта», которую носилъ съ собой солдатъ Орѣховъ, представляла собой богатѣйшій матеріалъ, а тутъ еще личный громадный опытъ и возможность пополнить наблюденія сколько угодно. На южномъ берегу Крыма точно нарочно группировались самые интересные факты.

Когда онъ утромъ приходилъ въ «Россію» завтракать, то считалъ своимъ долгомъ подѣлиться съ Клавдіей Григорьевной новостями своей работы. Только она одна умѣла слушать и, что еще важнѣе, задавать вопросы.

— Меня просто начинаетъ пугать моя работа,—жаловался докторъ.—Матеріалъ все разростается, а выводы получаются самаго грознаго характера... Пьянство — нашъ историческій недугъ, отмѣченный всѣми знатными иностранцами, посѣщавшими Россію, но онъ никогда не достигалъ такой интезивности, какъ сейчасъ. Мы знаемъ только отдѣльные случаи и закрываемъ глаза на его общее значеніе. По моимъ приблизительнымъ разсчетамъ, въ Россіи наберется до милліона пьяницъ, настоящихъ горькихъ пьяницъ... Вся бѣда въ томъ, что не ведется ихъ подсчета, и, благодаря этому, зло кажется случайнымъ, проявляющимся въ единичныхъ случаяхъ. Нѣтъ, оно гораздо серьезнѣе и глубже, чѣмъ думаютъ, и въ немъ братаются всѣ сословія, всѣ степени образованія и всевозможныя общественныя положенія.

— А русская женщина?

— Къ чести ея нужно сказать, что она въ этомъ случаѣ далека отъ равноправности... Женщины-пьяницы составляютъ сравнительно ничтожный процентъ.

Digitized by Google

— Можетъ быть потому, что ихъ пьянство соединено съ еще болѣе позорнымъ порокомъ, который покрываетъ все?

— Видите ли, женщина предварительно погибаетъ, а потомъ спивается, а мужчина предварительно спивается и потомъ погибаетъ.

Къ этому докторъ могъ еще прибавить тѣ наблюденія, которыя онъ изо дня въ день дѣлалъ надъ самимъ собой. Вѣдь онъ составлялъ живую органическую частицу той пьяной Россіи, надъ которой сейчасъ работалъ. Картина въ общемъ получалась по истинѣ ужасная, ужасная тѣмъ болѣе, что не было на лицо основныхъ причинъ и законной почвы. Нѣкоторую аналогію представляли русскіе пожары, когда горятъ деревни, села и цѣлые города тоже безъ всякой «уважительной причины».

По вечерамъ докторъ любилъ уходить на пристани и въ кофейни, гдѣ опять наблюдалъ излюбленныхъ имъ турокъ. Впечатлѣніе отъ непьющей національности все наростало. Здѣсь онъ встрѣчался съ солдатомъ Орѣховымъ, который работалъ при нагрузкѣ судовъ и былъ доволенъ.

— Всѣмъ бы хорошо, вашескородіе, кабы вотъ настоящій нашъ муромскій огурецъ да соленая капуста. А здѣсь этого не понимаютъ, потому какъ вездѣ эта самая фрухта... А мнѣ ее даромъ не нужно. Однимъ словомъ, то-есть, настоящей закуски къ водкѣ здѣсь ни-ни...

— Да, вѣдь, ты бросаешь водку?

— Я-то ее бросаю, да только она не хочетъ меня бросить. Вотъ тоже бани настоящей здѣсь нѣтъ, а то много водки изъ натуры воспареніемъ выходитъ. Первое это дѣло: баня. А потомъ кваску да капустки, да соленаго огурчика, да редички съ зеленымъ лучкомъ... Нѣтъ слова, хорошо здѣсь, а все, нѣтъ-нѣтъ, Сѣнную-то и вспомнишь. Самое угодное мѣсто...

Кондитеръ, кажется, не былъ согласенъ съ этими мечтами о Сѣнной и уныло поджималъ хвостъ. Онъ каждый разъ встрѣчалъ доктора радостнымъ визгомъ, лизалъ ему руки и всѣми способами старался высказать свои чувства.

— Умнѣющій песъ,—хвастался солдатъ.—И вотъ какъ доволенъ здѣшнему теплу... Я его, какъ барышню, кажинный день въ морѣ купаю, чтобы животная чувствовала, какъ и што и къ чему относится.

Но всѣхъ счастливѣе былъ Замерзавецъ. Онъ даже закрывалъ глаза отъ страха, когда Орѣховъ начиналъ похваливать свою Сѣнную площадь.

— Я здѣсь умру...—объяснялъ онъ свое настроеніе.—И могила здѣсь теплая.

Докторъ время отъ времени угощалъ ихъ какой нибудь дешевой закуской въ кофейнѣ и только изрѣдка давалъ деньги

Digitized by Google

на водку. И солдатъ, и Замерзавецъ охотно угощались на докторскій счетъ, а отъ денегъ на водку отказывались изъ чувства своей золоторотской гордости.

— А я тутъ контрабанду заведу...—сообщилъ солдатъ доктору подъ величайшимъ секретомъ.—Въ лучшемъ видѣ... Татаришки-то и глупые, и трусливые...

XI.

Время летѣло быстро, и докторъ со страхомъ думалъ о моментѣ разлуки. Ей нужно было уѣзжать. Театральный сезонъ наступилъ, стягивая силы къ театральнымъ центрамъ. Ни онъ, ни она ни слова не говорили о роковомъ моментѣ. Только за недѣлю до отъѣзда она сказала, съ трудомъ подбирая слова:

— Мнѣ нужно уѣзжать, Иванъ Степанычъ... Ничего не подѣлаете: служба. Я и то запоздала...

Онъ молчалъ. Ей вдругъ сдѣлалось невыразимо его жаль. Какъ онъ останется здѣсь одинъ? Съ тоски человѣкъ способенъ на все, и начавшееся исправленіе можетъ закончиться крахомъ. Она подошла къ нему, взяла за руку и проговорила:

— Скажу одно: мнѣ очень тяжело уѣзжать отсюда... Но я вполнѣ надѣюсь, что вы и безъ меня будете поправляться такъ же, какъ и при мнѣ. У васъ еще достаточно силы воли... Каждую недѣлю я буду вамъ писать... Только одно условіе: вы должны отвѣчать на каждое мое письмо. Да?

— О, да...

— Я буду высылать вамъ всѣ книги, какія необходимы будутъ для вашей работы. Надѣюсь, что вы не будете стѣсняться со мной... Я понимаю, что васъ стѣсняетъ моя дружеская помощь, но пока придется примириться съ этимъ, а потомъ сочтемся. Въ сущности, я только плачу вамъ маленькій процентъ съ моего долга.

— Ради Бога, не говорите такъ! Не нужно, не нужно...

Въ послѣдніе дни, оставшіеся до отъѣзда, докторъ замѣтилъ, что Клавдія Григорьевна относится къ нему какъ будто иначе, чѣмъ было раньше, и что даже его присутствіе ее стѣсняетъ. Она была чѣмъ-то озабочена и не высказывалась. Онъ нѣсколько разъ ловилъ ея пытливый взглядъ, остановленный на немъ, и однажды, неожиданно даже для самого себя, отвѣтилъ на этотъ прямой вопросъ:

— Провожать я васъ не буду, Клавдія...

Она густо покраснѣла и спросила глухимъ голосомъ:

— Почему?

— Это васъ стѣснило бы...

— Нисколько. Вы ошибаетесь.

Digitized by Google

— Позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ настоять на своемъ.

Они неловко замолчали, и онъ ушелъ съ стѣсненнымъ сердцемъ. Для чего онъ угадывалъ печальную истину? Конечно, его присутствіе на проводахъ могло ее стѣснить предъ «друзьями»... Всякій имѣетъ право жить по своему—это основное правило.

День отъѣзда наступилъ. Она простилась еще наканунѣ. Она имѣла какой-то растерянный видъ, что его кольнуло.

— Дайте мнѣ слово...—начинала она фразу и не докончила.—Нѣтъ, не нужно никакихъ словъ! Понимаете: я вамъ вѣрю безусловно.

Когда онъ уходилъ, она воротила его съ порога и проговорила съ какой-то неестественной порывистостью:

— На послѣдней недѣлѣ поста я пріѣду сюда... Буду говѣть, а Пасху встрѣтимъ вмѣстѣ.

Это была одна изъ тѣхъ маленькихъ милостыней, которыя всего тяжелѣе принимаются. Когда докторъ вышелъ изъ «Россіи», у него кружилась голова. Онъ чувствовалъ, что она смотритъ въ окно, но не оглянулся. Зачѣмъ было продолжать агонію?

Всю ночь докторъ не спалъ. Онъ ушелъ на морской берегъ и просидѣлъ тамъ до разсвѣта, прислушиваясь къ немолчному морскому говору. Небо было чистое, звѣздное, глубокое, съ переливавшимся внутреннимъ свѣтомъ, точно громадный синій экранъ. Но въ картинѣ ночного неба есть что-то подавляющее, потому что оно молчитъ, а за то море вѣчно живетъ, вѣчно движется и вѣчно шумитъ тысячью голосовъ. Стоитъ закрыть глаза, и получается иллюзія смутнаго говора далекой громадной толпы. Можно различить отдѣльныя слова этого непонятнаго морского языка—то ласковыя, то гнѣвныя, то успокаивающія. Особенно хороши эти послѣднія, какъ любовный шопотъ, гдѣ дѣло не въ смыслѣ словъ, а въ интонаціяхъ.

— Хорошо, хорошо, хорошо...—шепталъ докторъ, поддаваясь гипнозу морского шума.

Красиво мелькали красные огоньки стоявшихъ на рейдѣ судовъ. Они отражались въ водѣ дрожавшими полосками, точно желая заглянуть въ таинственную морскую глубину. У мола стоялъ темной глыбой и тотъ пароходъ, который завтра долженъ былъ увезти Клавдію Григорьевну изъ Ялты, и докторъ смотрѣлъ на спрятавшееся подъ защитой мола желѣзное чудовище почти со злобой, какъ смотрятъ на тайнаго врага. Человѣческій умъ такъ устроенъ, что цѣпляется за ближайшую механическую причину ожидаемаго зла и на ней сосредоточиваетъ свое негодованіе. Намъ кажутся страшными совершенно невинные предметы, при посредствѣ которыхъ совершено ка-

Digitized by Google

кое нибудь преступленіе: револьверъ, ножъ, самая обыкновенная палка. Такъ и сейчасъ докторъ почти ненавидѣлъ стоявшій у пристани пароходъ, который завтра на крыльяхъ унесетъ его счастье.

Пароходъ отходилъ рано утромъ, но на пристани набралось очень много народа. Докторъ долго не рѣшался идти туда, но не могъ удержаться и пошелъ. Онъ хотѣлъ еще разъ посмотрѣть на нее хотя издали. Вѣдь это было въ послѣдній разъ... Докторъ почему-то былъ убѣжденъ, что больше они не встрѣтятся. Публика все прибывала. Много было разодѣтыхъ дамъ и сезонныхъ кавалеровъ съ подвернутыми панталонами. Онъ узналъ нѣкоторыхъ поклонниковъ, явившихся проводить диву. Она пріѣхала уже къ самому отходу парохода, въ сопровожденіи лысенькаго милліонера, одѣтая въ изящный дорожный костюмъ, такая красивая, свѣтлая, привѣтливая. Докторъ любовался ею, прячась въ толпѣ, и старался увѣрить себя, что эта женщина была когда-то его женой, съ ней онъ ѣздилъ въ горы, она такъ трогательно заботилась о немъ.

— Милая, милая, милая...—шепталъ онъ.

Какой-то пшютъ подпесъ дивѣ роскошный букетъ, а когда пароходъ тронулся — другіе пшюты засыпали ее цвѣтами и маленькими букетиками. Она стояла у барьера и раскланивалась. Пшюты махали шляпами и аплодировали, какъ въ театральной залѣ. Она отрывала цвѣты изъ своего букета и бросала въ толпу. Одинъ цвѣтокъ упалъ къ ногамъ доктора, и онъ его схватилъ.

— До свиданья! До свиданья...

Изъ трубы парахода повалилъ густой черный дымъ, раздался третій звонокъ, гдѣ-то забурлила тяжело вода, и желѣзная масса грузно отдѣлилась отъ пристани. Медленный поворотъ, и чудовище, дышавшее дымомъ, врѣзалось желѣзной грудью въ переливавшуюся перламутровыми утренними тонами морскую гладь, оставляя за собой двоившійся пѣнистый хвостъ. Еще поворотъ, и онъ прошелъ мимо мола близко. Съ палубы махали бѣлыми платками, точно на пароходъ спускалась стая бѣлыхъ голубей.

— Прощай, прощай...—шепталъ докторъ, едва сдерживая душившія его слезы.—О, милая моя!...

Онъ, пошатываясь, поднялся съ пристани на каменную стѣнку мола и, заслонивъ глаза отъ солнца рукой, долго наблюдалъ, какъ пароходъ дѣлается все меньше и меньше, какъ пропадаютъ отдѣльныя люди, сливаясь въ неопредѣленныя массы, какъ расходится и замираетъ въ морѣ пѣнистый слѣдъ отъ парохода. Вотъ ужъ онъ совсѣмъ маленькій, какъ рыбачья лодка, и только далеко стелется въ тихомъ утреннемъ воздухѣ черный дымъ, точно траурный султанъ.

Digitized by Google

Пароходъ уже превратился въ маленькую черную точку, а докторъ все стоялъ и смотрѣлъ, точно зачарованный. Изъ этого забытья его вывелъ чей-то хриплый смѣхъ. Это былъ солдатъ Орѣховъ, удившій со стѣнки мола какую-то морскую рыбу.

— Вашескородіе, да вы только поглядите на меня...

Докторъ посмотрѣлъ на него и ничего особеннаго не замѣтилъ, кромѣ какой-то мелкой рыбешки, завязанной въ рваный и грязный платокъ.

— Много рыбы наловилъ?

— Ну, это пустяки... на закуску, то-есть. А вотъ, вашескородіе...

Солдатъ поднялъ одну ногу и хлопнулъ по новому сапогу.

— Вотъ оно куда пошло, вашескородіе: новые сапоги купилъ, то-есть. Хе-хе... Лѣтъ съ десять босой ходилъ да въ опоркахъ, а тутъ совсѣмъ новый товаръ, то-есть.

Оглядѣвшись, солдатъ шопотомъ прибавилъ:

— Краденымъ табакомъ торгую, то-есть... х-ха!...

— Ну, это не хорошо вообще, да еще можешь попасться.

— Я-то? Х-ха... Не хорошо? А ежели тутъ кругомъ воры, т. е., не то, чтобы вполнѣ воры, а такъ, по неволѣ... Вашескородіе, надо бы вспрыснуть эти самые сапоги, чтобы крѣпче были.

— Нѣтъ, нѣтъ...—торопливо отказался докторъ и сейчасъ же пошелъ домой, точно боялся соблазна.

Собака Кондитеръ, вертѣвшаяся около хозяина, проводила доктора недоумѣвавшими глазами.

XII.

Первые дни послѣ отъѣзда Клавдіи Григорьевны докторъ почти не выходилъ изъ дому. Его охватила молчаливая тоска. Сезонъ былъ въ самомъ разгарѣ, въ Ялтѣ жизнь била ключомъ, на каждомъ шагу встрѣчались разряженныя женщины, веселыя кавалькады, мчавшіяся въ горы коляски, гарцовавшіе на дорогихъ иноходцахъ красавцы-проводники. Доктору было больно видѣть это чужое веселье, и онъ выходилъ изъ дому только раннимъ утромъ, когда курсовые еще спали. Онъ уходилъ на молъ, съ котораго солдатъ Орѣховъ удилъ кефаль. При каждой встрѣчѣ солдатъ показывалъ свои новые сапоги и удушливо хохоталъ, закрывая ротъ своей мозолистой пятерней.

— Вашескородіе, вотъ до чего, то-есть, я дошелъ... Х-ха!.. Однимъ словомъ: масленица здѣсь, а не житье. И нашихъ все прибываетъ... Такъ и прутъ. Господа-то въ коляскахъ да на пароходахъ, а наши горами перебираются пѣшечкомъ. Зимо-

Digitized by Google

вать идутъ, потому какъ здѣсь зимы настоящей и званья нѣтъ. Снѣгъ, слышь, выпадетъ утромъ, а къ вечеру его и нѣтъ... Вотъ какое угодное мѣсто, помирать не надо...

Босяки собирались на рынкѣ, это были отбросы со всей Россіи. Тутъ были опытные люди, которые приходили въ Крымъ зимовать въ третій и четвертый разъ. Было много новичковъ, которые въ первый разъ слышали разсказы о зимней работѣ въ виноградникахъ, какъ солдатъ Орѣховъ.

— Какая это работа: игра, а не работа,—впередъ рѣшалъ солдатъ.

Первое письмо докторъ получилъ изъ Москвы, ровно черезъ двѣ недѣли. Клавдія Григорьевна писала о томъ, какъ устроилась, и въ концѣ письма напоминала о своемъ обѣщаніи пріѣхать въ Ялту на Пасху. Это письмо точно оживило доктора, и онъ перечитывалъ его каждый день. Да, онъ былъ не одинъ, а до Пасхи можно многое сдѣлать, начиная съ режима для собственнаго исправленія. Это лѣченіе шло по составленому Клавдіей Григорьевной плану, и докторъ начиналъ чувствовать себя значительно лучше. Больше всего мучившее его удушье сдѣлалось значительно легче, и докторъ могъ дѣлать горныя прогулки.

А главное, что его радовало—онъ могъ работать все больше и больше. Вѣчно затуманенный винными парами мозгъ начиналъ проясняться. Являлись полосы давно не испытанной свѣжести, причемъ докторъ съ ужасомъ оглядывался на свое недавнее прошлое. Неужели у него не хватитъ силы стряхнуть себя это прошлое? Послѣдняя мысль мучила его все сильнѣе, по мѣрѣ проясненія сознанія и по мѣрѣ движенія задуманной большой работы. Вѣдь онъ писалъ о самомъ себѣ и чѣмъ больше писалъ, тѣмъ страшнѣе ему дѣлалось, какъ человѣку, который только спасся отъ смертельной опасности и только теперь припомимаетъ всѣ подробности грозившей гибели.

— Боже мой, сколько убито силъ, здоровья, времени...— повторялъ докторъ въ ужасѣ.—Ахъ, если бы можно было возстановить здоровье, конечно, не совсѣмъ, а по возможности.

Свое настроеніе докторъ подробно описывалъ Клавдіи Григорьевнѣ, не скрывая рѣшительно ничего. «Моя мечта,—писалъ онъ:—когда оставятъ Ялту сезонные гости... Мнѣ они точно мѣшаютъ, и я испытываю при встрѣчахъ съ ними безпричинное чувство раздраженія, точно они мѣшаютъ мнѣ работать. Всѣ мои разсчеты на южную теплую зиму, которая должна меня вылѣчить окончательно». Къ каждому письму докторъ прикладывалъ обстоятельно составленную таблицу постепенно уменьшавшейся порціи водки. Это уменьшеніе шло слишкомъ быстро впередъ, и Клавдія Григорьевна не совѣтовала торопиться, чтобы не случилось какого нибудь кризиса. Докторъ

Digitized by Google

и самъ этого боялся, а поэтому когда его охватывала темная органическая тоска, онъ отыскивалъ солдата Орѣхова и уходилъ съ нимъ куда нибудь въ глухую татарскую деревушку, пока скверное настроеніе не исчезало. Солдатъ Орѣховъ въ такихъ экскурсіяхъ былъ необходимъ и ухаживалъ за докторомъ, какъ самая лучшая нянька. Что больше всего нравилось доктору—это необыкновенно бодрое и всегда веселое настроеніе солдата. Онъ даже сердился какъ-то весело, какъ сердятся очень здоровыя дѣти. Вглядываясь внимательно въ солдатскую психологію, докторъ понялъ, что солдатъ неисправимый мечтатель, съ перевѣсомъ фантазіи надъ разсудочными процессами. Въ этомъ заключалась вся его бѣда. Онъ теперь, напримѣръ, находилъ возможнымъ поэтизировать свою пьяную жизнь на Сѣнной и даже періодическія высылки этапнымъ порядкомъ изъ столицы.

— И куда-куда меня не высылали, вашескородіе! Можно сказать, что вполнѣ насмотрѣлся на всякіе города... И въ Царскомъ Селѣ былъ, и въ Гатчинѣ, и въ Новой Ладогѣ, и въ Лугѣ, и въ Валдаѣ, и въ Боровичахъ... Сподобился, можно сказать, то-есть. И вездѣ-то наши... Неочерпаемое множество этихъ самыхъ пьяненькихъ народовъ. Ужъ начальство и такъ и этакъ съ нами, а куды дѣнешь—одни ушли, а на ихъ мѣсто, глядишь, другіе объявились. Какъ это вспомнишь про свое житье по разнымъ городамъ, такъ даже противно смотрѣть на здѣшнихъ-то азіятцевъ...

«Азіятцы» въ психологіи солдата являлись больнымъ пунктикомъ, а особенно онъ ненавидѣлъ непьющихъ турокъ.

— Помилуйте, вашескородіе, какой же это порядокъ: ему, напримѣрно, азіятцу, то-есть, двугривенный, и мнѣ двугривенный... Кажется, глядѣть, такъ двугривенный-то одинъ, а выходитъ совсѣмъ разница, потому какъ азіятецъ на счетъ водки, то-есть, ни-ни... Я-то его, двугривенный, сейчасъ пропью, а онъ, азіятецъ, кофею выпьетъ двѣ чашечки, заплотитъ четыре копѣйки, и шабашъ. Шестнадцать копѣекъ у азіятца, глядишь, въ карманѣ... Да ежели бы меня, напримѣрно, лишить этой самой водки, такъ я бы ихъ всѣхъ истребилъ.

Докторъ смѣялся, слушая эти разсужденія, а солдатъ еще больше сердился.

— Работу у насъ турки отбиваютъ, вашескородіе. Да... Бить ихъ надо.

— Лучше работаютъ, чѣмъ вы.

Въ своихъ письмахъ къ женѣ докторъ не разъ описывалъ солдата, и она послала ему въ подарокъ англійскую трубку и вязаную шерстяную фуфайку, какія носятъ московскіе дворники. Солдатъ былъ очень смущенъ, потому что въ теченіе всей своей жизни не получалъ никакихъ подарковъ.

Digitized by Google

— Ну, и штука... —повторялъ онъ, почесывая затылокъ.— Воровать, грѣшнымъ дѣломъ, случалось—штобы даромъ...

Самому доктору Клавдія Григорьевна высылала медицинскія книги и подписалась для него на нѣсколько спеціально медицинскихъ журналовъ. Онъ сильно отсталъ по части науки и вынужденъ былъ учиться по нѣкоторымъ отдѣламъ съ аза. Да и наука шла впередъ слишкомъ быстро... Только по разрабатываемому имъ вопросу онъ не находилъ ничего новаго или особенно интереснаго. Пробовали примѣнять гипнотизмъ, дѣлали предохраняющія прививки, и все безуспѣшно. Алкоголики не поддавались послѣднимъ словамъ науки.

Разработывая свою тему, докторъ послалъ нѣсколько замѣтокъ въ медицинскіе журналы, не особенно разсчитывая, что на нихъ обратятъ вниманіе и напечатаютъ. Когда въ одномъ журналѣ были помѣщена его замѣтка, онъ не повѣрилъ собственнымъ глазамъ, какъ просыпающійся послѣ тяжелаго обморока человѣкъ не узнаетъ своей комнаты. Вѣдь это было его воскресеніе... Онъ даже заплакалъ. Значитъ, онъ еще можетъ спастись и войти въ среду нормальныхъ людей и работать, какъ нормальный человѣкъ.

Думая о будущемъ, докторъ мечталъ о самомъ маленькомъ благополучіи, именно быть фельдшеромъ гдѣ нибудь при земской больницѣ. Онъ почти видѣлъ маленькую комнатку въ два окна, чувствовалъ запахъ лѣкарствъ, слышалъ храпѣнье въ передней солдата Орѣхова, котораго опредѣлилъ больничнымъ сторожемъ. Это былъ настоящій рай послѣ той скитальческой жизни, когда онъ перебивался на Сѣнной. Хорошо было бы устроиться гдѣ нибудь въ Малороссіи, чтобы былъ маленькій садикъ подъ окнами, крошечный огородикъ, обсаженный подсолнухами. Да, хорошо...

— Работать, работать—въ этомъ все спасенье!—повторялъ докторъ самому себѣ, припоминая студенческую страду.

XIII.

Клавдія Григорьевна сдержала свое слово и пріѣхала въ Ялту въ началѣ седьмой недѣли великаго поста. Ей самой хотѣлось отдохнуть недѣли двѣ, а потомъ отговѣть въ ялтинской церкви. По временамъ на нее нападало религіозное настроеніе, и она любила стоять гдѣ-нибудь въ уголкѣ маленькой старинной церкви, гдѣ ее никто не видѣлъ. Ее охватывало такое хорошее, чистое настроеніе, какое переживается только въ дѣтствѣ.

Видѣть мужа составляло, конечно, главную задачу. Изъ его писемъ она знала почти всю его жизнь въ Ялтѣ и ра-

Digitized by Google

довалась, что онъ выдержалъ свой курсъ и почти совершенно здоровъ. Теперь оставалось борьба только съ послѣдствіями запоя, потому что весь организмъ былъ расшатанъ. Главнымъ образомъ, пострадало сердце. Конечно, все лѣченіе заключалось только въ самомъ строгомъ режимѣ. Изъ писемъ же Клавдія Григорьевна познакомилась съ солдатомъ Орѣховымъ, Замерзавцемъ и собакой Кондитеромъ,—ей очень хотѣлось всѣхъ ихъ видѣть, и она впередъ чувствовала, что полюбитъ этихъ отверженцевъ. Это былъ совершенно неизвѣстный ей міръ, представителей котораго она видѣла только изъ окна и каждый разъ испытывала чувство отвращенія. Изъ работы мужа и изъ его писемъ она видѣла, что этотъ міръ ужъ совсѣмъ не такъ страшенъ, и что здѣсь есть даже хорошіе люди, конечно, по своему, какъ солдатъ Орѣховъ, такъ безкорыстно ухаживавшій все время за ея мужемъ.

Въ Ялту Клавдія Григорьевна пріѣхала въ сопровожденіи своей горничной Шуры и не остановилась въ «Россіи», а наняла домикъ-особнячекъ, чтобы не стѣснять себя ничѣмъ. Погода стояла довольно свѣжая, и съ моря тянуло холоднымъ воздухомъ. У горничной Шуры разболѣлись зубы, и она ворчала:

— Еще Крымъ называется... Сквознякъ, точно въ форточкѣ.

Докторъ явился, конечно, по первому приглашенію. Клавдію Григорьевну поразила его худоба и землистый цвѣтъ лица. Это былъ уже другой человѣкъ и держалъ онъ себя по другому, какъ прежде. Изъ прежняго оставалось только смущеніе виноватаго человѣка. Когда къ чаю подана была закуска и водка, докторъ отодвинулъ свою рюмку.

— Вы не подумайте, Клавдія, что я съ перваго раза желаю показать себя съ самой лучшей стороны,—замѣтилъ онъ съ больной улыбкой.—Я просто не могу пить...

— А я выпью рюмочку...—отвѣтила Клавдія Григорьевна, наливая себѣ водки.—Знаете, при нашей собачьей службѣ приходится прибѣгать къ искусственному возбужденію. Когда я играю, то каждый разъ вышиваю полбутылки мадеры.

— Смотрите, это очень опасно... Женщины скорѣе поддаются запою.

Она загадочно улыбнулась и ничего не отвѣтила, а заговорила о дорогѣ въ Крымъ и какомъ-то интересномъ знакомствѣ въ вагонѣ. Докторъ не слушалъ ее, а только наблюдалъ, какъ она говоритъ. Боже мой, какъ она была хороша, вся хороша... Онъ видѣлъ ее говѣющей въ маленькой ялтинской церкви и думалъ о томъ, какъ должно быть пріятно прощать такую кающуюся женщину, если бы это право принадлежало не Богу, а простому смертному. Вѣдь въ прощеніи есть какая-то скрытая, таинственная поэзія...

Digitized by Google

— Онъ — раззорившійся помѣщикъ...—разсказывала она, отпивая чай маленькими глотками.—То есть, я навѣрно не знаю, а дѣлаю предположеніе. По манерамъ видно, что онъ когда-то служилъ въ военной службѣ и непремѣнно въ одномъ изъ дорогихъ полковъ.

— Да?—спрашивалъ докторъ, нисколько не интересуясь этой дорожной встрѣчей.

— То есть, я опять дѣлаю только предположеніе... И потомъ, совершенная случайность, оказалось, что онъ тоже ѣдетъ въ Ялту. У него что-то такое съ сердцемъ и, кажется, «начинаетъ немножко шалить его правая ножка». Вообще, человѣкъ пожилъ въ свою долю...

Докторъ молчалъ, а Клавдія Григорьевна, точно желая въ чемъ-то оправдаться, скороговоркой прибавила:

— Онъ почти старикъ... за сорокъ... Фамилія старая дворянская: Бантышъ-Козельскій.

— Да?

Она засмѣялась и прибавила:

— Къ чему я вамъ разсказываю эти глупости? Это всегда такъ бываетъ, когда встрѣтишь человѣка послѣ долгой разлуки... Вы замѣчали, конечно?

Она начинала чувствовать себя немного жутко подъ его пристальнымъ взглядомъ и принужденно улыбалась. Что-то такое было, что мѣшало попасть въ прежній непринужденный тонъ. Докторъ тоже не зналъ, о чемъ ему говорить, и скоро началъ прощаться.

— Вы куда?—удивилась она.

— Вамъ необходимо отдохнуть съ дороги...

— Да, это правда... А потомъ я непремѣнно желаю познакомиться съ вашимъ Пудомъ Орѣховымъ. Мнѣ онъ очень нравится... Вотъ только я отговѣю... да... Вы ничего не будете имѣть, если мы всѣ вмѣстѣ разговѣемся? Вѣдь это день прощенія, общаго мира и братства... Можетъ быть васъ это стѣснитъ?

— Нѣтъ, отчего же... Если это кого можетъ стѣснить, такъ именно моихъ бывшихъ друзей по Сѣнной. Они будутъ чувствовать себя не въ своей тарелкѣ...

— А если я этого хочу?

Докторъ не спорилъ. Конечно, это былъ капризъ избалованной хорошенькой женщины, но ее могли и серьезно интересовать неизвѣстные ей люди. Онъ мысленно точно старался оправдать ее передъ кѣмъ-то.

На другой день онъ встрѣтилъ Клавдію Григорьевну уже въ церкви, куда зашелъ какъ-то машинально. Она стояла у лѣвой стѣны, одѣтая вся въ черное и съ кружевной косынкой на головѣ, вмѣсто шляпы. Въ церкви было много чахоточныхъ,

Digitized by Google

которыхъ доктора отправляютъ каждую весну умирать въ Ялту, какъ дѣлалъ когда-то и онъ. Церковное пѣніе прерывалось изнемогающимъ кашлемъ. Клавдія Григорьевна стояла, какъ статуя, и усердно молилась. Она ни разу не посмотрѣла въ сторону, и доктору сдѣлалось совѣстно за свое мірское неумѣстное любопытство. Потомъ онъ возмутился, когда рядомъ съ нимъ сталъ подержанный джентльмэнъ съ закрученными колечкомъ усами и началъ торопливо креститься, помахивая рукой между двухъ пуговицъ моднаго смокинга. Это ужъ было противно, и докторъ ушелъ. Онъ не былъ религіознымъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать эти слова, но не выносилъ профанаціи ни въ какомъ дѣлѣ.

Вечеромъ Клавдія Григорьевна прислала за нимъ свою горничную.

— Барыня пришли отъ вечерни и пьютъ чай,—объяснила Шура, дѣлая постное лицо.

Сегодня чай былъ сдѣланъ на небольшой террасѣ, съ которой можно было видѣть кусочекъ моря. Клавдія Григорьевна имѣла усталый видъ и посмотрѣла на доктора какими-то покорными глазами, какъ смотрятъ монахини. Сказывалась театральная привычка входить въ свою роль. Она и говорила какимъ-то притихшимъ голосомъ.

— Я совершенно счастлива, Иванъ Степанычъ... Время отъ времени не лишнее остаться съ глазу на глазъ съ собственной совѣстью. Только меня мучитъ одно: мнѣ все кажется, что я недостаточно искренна... Вы вѣрите въ прощеніе? А я глубоко вѣрю, иначе нельзя было бы жить... Когда я молюсь, мнѣ кажется, что я дышу какимъ-то чуднымъ свѣжимъ воздухомъ, и мнѣ дѣлается такъ легко... Мнѣ кажется, что есть такая же атмосфера нравственная, какъ и физическая, только мы ее не желаемъ видѣть. Понимаете: безъ нея нельзя жить, какъ нельзя дышать безъ воздуха. Вѣдь любовь тоже прощеніе... Это можетъ быть немного смѣлый парадоксъ, или я не умѣю выразиться болѣе ясно и опредѣленно, но для себя лично я его отлично понимаю.

Докторъ слушалъ ее и мысленно повторялъ: «Милая, милая, милая... о, милая»!

XIV.

Клавдія Григорьевна начала замѣчать въ докторѣ какую-то странную перемѣну, точно онъ сердился на нее. Придетъ и молчитъ или отвѣчаетъ не впопадъ. Она приписывала это его общему болѣзненному состоянію и нѣсколько разъ спрашивала:

- Что съ вами, Иванъ Степанычъ? Вы больны?

Digitized by Google

— Да... очень...—уклончиво отвѣчалъ докторъ.

Онъ чего-то не договаривалъ, что огорчало Клавдію Григорьевну. Она и не подозрѣвала, что творится въ душѣ доктора... Это было ужасное чувство, которое испугало его, какъ смертельная и неизлѣчимая болѣзнь. Онъ старался не думать объ этомъ и скрывался отъ самого себя, не рѣшаясь произнести роковое слово. Это было что-то вродѣ удара грома зимой. Ему было и жутко, и хорошо, и страшно... Онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ на морскомъ берегу, повторяя одно завѣтное имя. Его тайну знало только это чудное южное море, и больше никто, и никто никогда ничего не узнаетъ. Иногда у доктора являлось сомнѣніе въ собственной нормальности, и онъ даже ощупывалъ свою голову.

— Боже мой, за что?—говорилъ онъ иногда, охваченный какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ.

По ночамъ онъ, какъ тѣнь, бродилъ около домика, гдѣ жила Клавдія Григорьевна, пока смертельная усталость не охватывала его. А какія ужасныя ночи онъ переживалъ... Какія галлюцинаціи проходили въ его мозгу, когда дневной шумъ стихалъ, и онъ оставался наединѣ съ самимъ собой. Онъ видѣлъ ужасныя картины, разлагая самого себя. Да, онъ видѣлъ эти дряблые мускулы, прослоенные пьянымъ жиромъ, видѣлъ переродившуюся печень, испорченныя легкія, мозгъ, нервы, сосуды—полную анатомическую картину пропитаннаго алкоголемъ организма. Иногда ему казалось, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ всю пьяную Россію и что каждая капля крови несетъ смертельную заразу. Его охватывала предсмертная тоска, и холодный потъ заставлялъ его дрожать. Зло было слишкомъ велико, и онъ чувствовалъ на самомъ себѣ всю его тяжесть.

А «пивное сердце» продолжало работать съ какой-то лихорадочной торопливостью, точно оно обгоняло всѣ эти мысли. Докторъ часто прислушивался къ этой работѣ опытнымъ ухомъ и сознавалъ, что сердце безнадежно и бьется неправильно. Оно тоже было пропитано алкоголемъ и точно обманывало самого себя виноватой торопливостью, напоминавшей колеблющуюся походку пьянаго человѣка.

И въ то же время это пивное сердце замирало или било тревогу, когда пропитанный алкоголемъ мозгъ вызывалъ одинъ образъ, въ которомъ сосредоточивалось все. Иногда докторъ начиналъ хохотать, какъ сумасшедшій, вырывая изъ невѣдомыхъ душевныхъ глубинъ роковое признаніе:

— Любовь алкоголика... ха-ха-ха.!. Какъ это хорошо... А главное: логично. Вѣдь любовь творитъ чудеса... Вотъ истинное чудо безумія!

Наступила Пасха. Послѣ христовской заутрени Клавдія Григорьевна пригласила къ себѣ разговляться «всѣхъ», т. е. док-

Digitized by Google

тора съ его друзьями по Сѣнной. Докторъ далъ Замерзавцу свой костюмъ, а солдатъ Орѣховъ вырядился въ новые сапоги и дареную фуфайку. Однимъ словомъ, нарядъ былъ полный. Клавдія Григорьевна находилась въ самомъ христіанскомъ настроеніи и по русски похристосовалась со всѣми, хотя предварительно и намазала губы помадой. «Лишенные столицы» держали себя джентльмэнами, хотя и смущались поведеніемъ фыркавшей горничной Шуры.

— Что съ тобой, Шура? — спрашивала ее Клавдія Григорьевна.

— Вы бы, барыня, всю золотую роту пригласили разговляться, — ворчала горничная. — Однимъ словомъ, рвань коричневая...

Клавдія Григорьевна въ другое время разсердилась бы, но сейчасъ не желала портить своего праздничнаго умиленнаго настроенія и мысленно по христіански простила глупую дѣвушку.

— Они такіе же люди, Шура,—замѣтила она.—Нужно и имъ гдѣ-нибудь разговѣться...

— Дали бы рупь, вотъ имъ и разговѣнье... Не стало въ Ялтѣ кабаковъ-то.

— Довольно, довольно...

Докторъ отказался отъ водки и за него выпилъ солдатъ Орѣховъ, быстро «размалѣвшій». Хозяйка угощала гостей со смиреніемъ строгой монастырской послушницы и сама любовалась своимъ настроеніемъ кроткой христіанки. Кондитеръ, конечно, былъ тутъ же и чувствовалъ себя прекрасно, особенно когда получилъ великолѣпную телячью кость. Разговлялись на терассѣ. Ночь была совсѣмъ теплая, хотя и темная.

— Въ Питерѣ-то что теперь дѣлается... х-ха!—заливался Орѣховъ, закрывая ротъ рукой.—Настоящая, то-есть, слякоть... Даже подумаешь, такъ холодно дѣлается. А здѣсь... И все это, подумаешь, азіятцамъ принадлежитъ. Да ежели бы перевести сюда нашу Рязанскую губернію, такъ и не знаю, что бы было... Первое дѣло, наша рязанская баба вотъ какъ бы отъѣлась, какъ попова лошадь. А ежели баба сытая, и всѣ будутъ сытые... Ужъ она произведетъ всю свою бабью музыку.

Заговоривъ объ «азіятцахъ», солдатъ Орѣховъ предался воспоминаніямъ о своей солдатской службѣ и, между прочимъ, разсказалъ, что въ его время служба ужъ была легкая, не то что прежде, когда «Севастополь брали» и «замиряли азіятца Шамиля»...

Докторъ шагалъ по терассѣ, покручивая бороду. Наступила неловкая пауза.

— ИванъСтепанычъ, неужели зло нужно? Вѣдь оно существовало, существуетъ и будетъ всегда существовать...

Digitized by Google

— Безъ зла не было бы и добра,—какъ-то сухо отвѣтилъ докторъ.

— Это софизмъ, которымъ можно оправдать все...

— Есть и другіе софизмы, Клавдія Григорьевна...

— Именно?

— Очень просто... Еще вопросъ, что сильнѣе: физическія страданія или нравственныя. Мы не знаемъ, чтобы первыя побѣждали послѣднія, а обратныя явленія извѣстны. Мученики за вѣру шли съ радостью на величайшія муки... И, знаете, женщины въ этомъ случаѣ проявляли гораздо больше героизма, чѣмъ мужчины. Для физическихъ страданій есть извѣстная граница, а для нравственныхъ ея нѣтъ. Возьмите любое самоубійство... Какъ врачъ могу сказать, что люди безнадежно больные представляютъ ничтожный процентъ въ этомъ отношеніи.

— Перевѣсъ психической жизни, конечно, фактъ, — соглашалась Клавдія Григорьевна:—но, вѣдь, я говорю о злѣ вообще...

Грызшій телячью кость Кондитеръ вдругъ насторожилъ уши и заворчалъ.

— Кондитеръ, тубо!—крикнулъ на него Орѣховъ.—Вотъ я тебя...

Но собака уже не признавала власти хозяина и продолжала ворчать, глядя злыми глазами на дверь терассы, выходившей въ маленькій садикъ.

XV.

— Кто тамъ? — спрашивала Клавдія Григорьевна, направляясь къ двери терасы.

— А это мы, Клавдія... — отвѣтилъ хриплый голосъ изъ темноты.

Клавдія Григорьевна отступила въ ужасѣ, когда въ дверяхъ показались двое незнакомцевъ. Въ одномъ изъ нихъ докторъ узналъ того господина съ усами колечкомъ, котораго встрѣтилъ въ церкви, а другой, высокій, съ испитымъ лицомъ и водяночными мѣшками подъ глазами, являлся неизвѣстнымъ.

— Ну, здравствуй, сестра... —проговорилъ послѣдній.—Вотъ и мы съ Сережей пришли похристосоваться.

Клавдія Григорьевна стояла, какъ окаменѣлая и, кажется, потеряла всякое чувство дѣйствительности.

— Мы, кажется, попали не во время...—замѣтилъ господинъ съ усами колечкомъ.—Въ церковь ходятъ по звону, а въ гости по звану...

— А мы пришли на огонекъ, какъ первые христіане, — объяснилъ испитой субъектъ и, вглядѣвшись въ гостей, прибавилъ съ хриплымъ смѣхомъ:—Ба, знакомыя все лица...

Digitized by Google

Солдатъ Орѣховъ и Замерзавецъ поднялись, чтобы уйти, но Клавдія Григорьевна ихъ удержала.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь...—быстро проговорила она, набирая воздуха.—Сегодня вы—мои дорогіе гости...

Затѣмъ, обернувшись къ господину съ усами колечкомъ, она сказала съ порывистой быстротой:

— А это мой мужъ, Иванъ Степанычъ Жемчуговъ, докторъ. Рекомендую: мой братъ Андрей... Сергѣй Петровичъ Бантышъ-Козельскій,—прибавила она, обращаясь къ доктору.—Я вамъ разсказывала о нашей встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ. Теперь, господа, садитесь...

— Очень, очень пріятно...—говорилъ желѣзнодорожный знакомый, пожимая доктору руку.

— И я тоже радъ... очень...—присоединился братъ Андрей.—Давно слышалъ, а встрѣчаться не приходилось.

Эта сцена всѣхъ болѣе удивила солдата Орѣхова. Онъ нѣсколько разъ зажималъ ротъ рукой, чтобы не расхохотаться. Помилуйте, вотъ такъ штука... Значитъ, барыня-то докторова жена, а этотъ шалыганъ ейный братецъ. Нечего сказать, хорошая музыка получилась... А братецъ-то очень даже знакомъ: вмѣстѣ въ кабакѣ водку пили сколько разовъ. Даже весьма достаточно пили... Ну, и музыка, хоть и настоящіе господа.

Докторъ молчалъ и хмурился. Братъ Андрей безъ приглашенія пристроился къ водкѣ и быстро захмелѣлъ. Онъ изрѣдка взглядывалъ на доктора и ухмылялся загадочно. За всѣхъ говорилъ Бантышъ-Козельскій, державшій себя съ тактомъ настоящаго свѣтскаго человѣка. Онъ разсказывалъ о своей случайной поѣздкѣ на югъ, о случайномъ знакомствѣ съ Клавдіей Григорьевной, потомъ просто о разныхъ удивительныхъ случаяхъ, какими переполнена была его жизнь.

— Ты, пожалуйста, не разсказывай всего...—предупредилъ братъ Андрей. — Сестра Клавдія не любитъ, когда говорятъ слишкомъ откровенно.

Докторъ видѣлъ, какъ Клавдія Григорьевна вдругъ страшно поблѣднѣла, а новые гости переглянулись между собой, улыбаясь одними глазами. Было что-то, что ихъ всѣхъ соединяло и чего онъ, признанный мужъ, не зналъ. Кстати, для чего она это сдѣлала? Въ этомъ признаніи чувствовался какой-то вызовъ, брошенный прямо въ лицо вотъ этимъ подозрительнымъ субъектамъ. Докторъ припоминалъ, какъ Клавдія Григорьевна разсказывала ему о своемъ случайномъ знакомствѣ вотъ съ этимъ подержаннымъ джентльмэномъ, что, вѣроятно, дѣлала тоже неспроста. Вѣроятно она предвидѣла вотъ именно такую встрѣчу и... Дальше мысли доктора начали совсѣмъ путаться, перебивая другъ друга, и онъ почему-то припомнилъ предупрежденіе умиравшей матери Клавдіи Григорьевны: «Помните, что она

Digitized by Google

Коврова-Свирская...» Да, это предупрежденіе пришло ему на память именно сейчасъ, какъ далекій отзвукъ того чужого для него міра, къ которому Клавдія Григорьевна принадлежала по рожденію и къ которому принадлежали вотъ эти два сомнительныхъ господина.

А тутъ еще захмелѣвшій Замерзавецъ принялся разсказывать о баронѣ фонъ-Клейнгаузъ, который сдѣлалъ его несчастнымъ «черезъ всю жизнь».

— А я его отлично знаю, — поощрялъ Бантышъ-Козельскій...—Отличный баронъ... да. Мы съ нимъ въ сельско-хозяйственномъ клубѣ въ карты постоянно играемъ. Совсѣмъ отличный баронъ, если бы не хромалъ... Впрочемъ, я знаю четырехъ барономъ фонъ-Клейнгаузъ и всѣ они отличные бароны.

— О, мой баронъ есть хромой... — обрадовался Замерзавецъ.—Мой баронъ весьма любилъ лошадей, а лошади давили ему на обѣ нога.

Солдатъ Орѣховъ проявилъ замѣчательный тактъ, какимъ обладаютъ всѣ русскіе умные мужики. Онъ посидѣлъ ровно столько, сколько нужно было, чтобы «не ломать компаніи» и не афишировать своего желанія убраться во свояси. Онъ отлично понималъ, что господа высмѣиваютъ Замерзавца и внутренно обозлился. Вонъ барыня-то какая великатная, а эти щелкоперы пришли незваные да еще зубы скалятъ.

— Ну, Замерзавецъ, айда домой,—рѣшительно заявилъ солдатъ, поднимаясь.—Не обезсудьте, Клавдія Григорьевна, на нашей простотѣ...

— Что-же вы уходите?—уговаривала хозяйка.

— Да ужъ такъ, барышня... то-есть, пора.

— Заходите какъ нибудь.

— Спасибо...

Когда солдатъ и Замерзавецъ ушли, докторъ почувствовалъ себя очень неловко. Ему тоже хотѣлось уйти домой, но приходилось выдерживать характеръ, тѣмъ болѣе, что Клавдія Григорьевна нѣсколько разъ посмотрѣла на него съ умоляющей выразительностью, точно просила защиты. Скрѣпя сердце, онъ остался, стараясь не слушать болтовни этихъ странныхъ господъ.

Говорилъ собственно одинъ Бантышъ-Козельскій, чувствовавшій себя по мѣрѣ выпитой водки все свободнѣе. Онъ кончилъ тѣмъ, что сѣлъ рядомъ съ Клавдіей Григорьевной, обнялъ ее и хотѣлъ поцѣловать прямо въ губы. Все это случилось такъ быстро, что она едва успѣла вырваться и, задыхаясь, вся блѣдная, проговорила:

— Послушайте... это... это... Въ какой конюшнѣ вы воспитывались?!..

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста...—добродушно смѣялся

Digitized by Google

Бантышъ-Козельскій, ни мало не смущаясь.—Кажется, здѣсь собрались все свои люди. Вообще, что за церемонія между своими?

Эта возмутительная сцена заставила доктора подняться. У него пошли красные круги предъ глазами и губы судорожно свело въ кривую улыбку.

— Милостивый государь, не угодно ли вамъ убираться отсюда вонъ...—какъ-то прохрипѣлъ онъ, подступая къ нахально улыбавшемуся джентльмэну.—Понимаете, вонъ!..

Послѣднія слова докторъ прокричалъ съ такой силой, что не узналъ собственнаго голоса.

— Позвольте, милостивый государь, въ свою очередь спросить васъ, по какому праву вы позволяете себѣ... да... э, позволяете вообще...

— Вонъ, негодяй!!..

— Ахъ, да, виноватъ... Ваше амплуа: благородный мужъ.

Раздалась пощечина. Джентльмэнъ схватился за стулъ, но къ нему бросилась Клавдія Григорьевна и заслонила собой доктора. Разыгралась, вообще, дикая и отвратительная сцена. Совсѣмъ пьяный братъ Андрей хрипло хохоталъ, счастливый скандаломъ.

— Вы знаете, кто я?!..—оралъ Бантышъ-Козельскій, ударяя себя въ грудь кулакомъ.—Я вамъ поккажу... дда!.. Я васъ въ двадцать четыре часа вышлю изъ Крыма... дда... Я... я...

— Если вы не уйдете сейчасъ... сію минуту, я васъ убью, какъ собаку,—заявилъ докторъ уже спокойно.—Я васъ отправлю прямо на тотъ свѣтъ...

Джентльмэнъ посмотрѣлъ на страшно блѣдное лицо доктора съ остановившимися глазами, пожалъ плечами и, не простившись съ хозяйкой, пошелъ къ двери.

— Сережа, а я-то какъ же? бросился за нимъ братъ.—Я вѣдь не зналъ, что здѣсь бьютъ...

Они исчезли въ темнотѣ южной весенней ночи, какъ два привидѣнія. Докторъ безсильно опустился къ столу, чувствуя, какъ его сердце совсѣмъ перестаетъ биться. Клавдія Григорьевна быстро подошла къ нему, обняла одной рукой и поцѣловала въ лобъ.

— Ахъ, не нужно... не то... шепталъ докторъ въ изнеможеніи, чувствуя, какъ слезы подступаютъ къ горлу и начинаютъ его душить.

XVI.

Послѣ этого случая докторъ пролежалъ въ постели ровно два дня. Клавдія Григорьевна заходила его навѣстить, но ея

Digitized by Google

присутствіе какъ-то смущало его. Они ни слова не говорили о случившемся.

— Что у васъ собственно болитъ?—спрашивала Клавдія Григорьевна.

— Право, не умѣю вамъ отвѣтить... Весь немогу, какъ говорятъ мужики.

— А какъ ваше сердце?

— О немъ не стоитъ говорить...

Клавдія Григорьевна тоже чувствовала себя неловко и уходила, не договоривъ самаго главнаго. Ей хотѣлось высказаться, объяснить все, но докторъ предупреждалъ ее и съ больной улыбкой просилъ:

— Ради Бога, не будемте говорить объ *этомъ*...

Ей казалось, что онъ сердится на нее и подозрѣваетъ въ чемъ-то. Эта неизвѣстность мучила ее больше всего. Что о ней думаетъ мужъ сейчасъ?

Завернулъ вечеркомъ раза два солдатъ Орѣховъ и тоже держалъ себя какъ-то странно. Докторъ чувствовалъ, что теперь въ глазахъ солдата онъ, какъ мужъ Клавдіи Григорьевны, совершенно другой человѣкъ и что говорить имъ по-прежнему не о чемъ. Солдатъ по случаю праздниковъ приходилъ на-веселѣ, кого-то по обыкновенію бранилъ, показывая кулаки, и заканчивалъ безпричиннымъ хохотомъ, раздражавшимъ доктора.

— Ну, какъ вы живете?—спрашивалъ докторъ.

— А все такъ же, вашескородіе: день да ночь—сутки прочь. Зиму, слава Богу, перезимовали, а теперь ужъ наше время... Вѣтеръ съ моря ужъ очень донимаетъ, точно изъ погреба дуетъ. А ежели разобрать, такъ совсѣмъ пустая сторона, ничего настоящаго, то-есть, сурьезнаго. Однимъ словомъ: азіятцы. Ни пашни, ни настоящаго хозяйства, а одна фрукта... Куды же супротивъ нашей Рязанской губерніи!..

Только однажды солдатъ проговорился про «ейнаго братца», причемъ даже зажалъ ротъ рукой.

— Онъ, значитъ, тоже изъ нашихъ... Вотъ какъ, то-есть, подверженъ. Только натурой очень ужъ слабъ—дворянская кость опадкая. Я-то и раньше его знавалъ... Такъ, мусорный человѣкъ.

На третій день докторъ могъ въ первый разъ выйти изъ дому и сейчасъ же направился къ морю, которое полюбилъ всей душой. На морскомъ берегу такъ легко дышалось... Въ самомъ шумѣ морскихъ волнъ чувствовалось что-то родное. Боже, сколько онъ передумалъ и перечувствовалъ, сидя на морскомъ берегу по цѣлымъ днямъ...

Сейчасъ море еще было холодное и съ него тянуло холоднымъ сквознякомъ. Но оно всетаки было прекрасно, и докторъ съ наслажденіемъ дышалъ полной грудью. Въ воздухѣ чувство-

Digitized by Google

вался тонкій солоноватый вкусъ, какой даетъ откупоренная бутылка зельтерской воды. У доктора были свои облюбованныя мѣста на берегу, гдѣ каждый камень казался добрымъ старымъ знакомымъ. Давно цвѣлъ миндаль, начали распускаться настоящіе южные цвѣты—вообще, наступала пышная южная весна, благоухающая, разцвѣченная милліонами красокъ и позолоченная живымъ золотомъ горячаго южнаго солнца. Послѣ своей болѣзни докторъ какъ-то особенно живо чувствовалъ разлитую кругомъ него красоту и точно дышалъ ею.

Когда такъ онъ сидѣлъ на берегу, къ нему, шатаясь, подошелъ какой-то рваный субъектъ и хрипло проговорилъ:

— Бонжуръ и мерси, докторъ...

Это былъ братъ Андрей, опухшій, съ трясшимися руками и въ лохмотьяхъ.

— Енъ не д'аржанъ...—прибавилъ онъ, усаживаясь рядомъ,— А, впрочемъ, не давайте. Все равно пропью... да...

Онъ разсмѣялся и, оглядывая себя, проговорилъ:

— Что, хорошъ мальчикъ? ха-ха... Вотъ что значитъ получить хорошее образованіе... Сейчасъ замѣтно образованнаго человѣка. Не правда-ли? Былъ у милой сестрицы: прогнали... А все вы виноваты.. Ха-ха!.. Ловко вы тогда смазали этого нахала Бантыша... Такъ и слѣдовало, потому что онъ негодяй и трусъ. Не понимаю, что милая сестрица нашла въ немъ такого... Вмѣстѣ изъ Москвы пріѣхали...

— Послушайте, мнѣ это совсѣмъ не интересно знать,— остановилъ его докторъ, поднимаясь.

— Да? Очень жаль... да... Напрасно. Вотъ вы мужъ Клавдіи, т. е. были мужемъ, а не знаете, что такое Клавдія...

— Я попрошу васъ не продолжать...

— Нѣтъ, ужъ позвольте,—съ пьяной настойчивостью заговорилъ несчастный пьяница.—Нѣтъ, вы должны все знать... Вѣдь я не желаю никого оскорблять. Да, вы не знаете Клавдіи. Она только одного меня и боится, потому что я все знаю...

Доктору было противно слушать эту пьяную болтовню, но въ то же время его что-то такъ и тянуло къ ней, какъ тянетъ заглянуть на дно пропасти.

— Ковровы-Свирскіе... Что сіе значитъ? какъ мы учили въ катихизисѣ Филарета,—продолжалъ братъ Андрей.—А это цѣлыя истуаръ сконапель... да... Вырождающаяся семья... Вы это понимаете? О, это ужасно—сумасшедшіе, пьяницы, развратники... У насъ большой родъ, т. е. былъ большой и, представьте себѣ, всѣ вымерли, т. е. всѣ мужчины. Я остаюсь послѣднимъ представителемъ этого угасшаго рода и со мной вмѣстѣ умретъ послѣдняя родовая надежда. Вѣдь это ужасно... Съ дѣтства у меня на глазахъ происходили ужасныя картины... Погибали

Digitized by Google

прежде всего мужчины... водка, сифилисъ, наслѣдственныя болѣзни... Ахъ, какъ это ужасно!.. Молодые цвѣтущіе люди едва достигали двадцати лѣтъ и быстро погибали... Отца я не помню—онъ утонулъ пьяный! Потомъ дядя Никита, красавецъ, настоящій богатырь... И тоже погибъ. Я помню, какъ онъ пришелъ несчастнымъ пропойцомъ... Какъ плакала моя мать... Женщины живучѣе, хотя у нихъ вырожденіе сказалась въ другой сферѣ. Сколько разыгрывалось тутъ романовъ, была одна чуть не Мессалина...

Докторъ слушалъ, затаивъ дыханіе. Ему теперь хотѣлось узнать все, все... Это было унижающее, преступное желаніе, но онъ чувствовалъ, что долженъ выслушать до конца.

— Знаете, чѣмъ я живу?—неожиданно обратился къ нему братъ Андрей.—Ха-ха... Шантажомъ. Да... Моя жертва—Клавдія. О, какъ она меня ненавидитъ и боится... Ну, что стоитъ пьяницѣ разболтать всю подноготную. А разболтать есть что... Она странная женщина и что всего удивительнѣе—порядочная, т. е. порядочная условно. Она съумѣла создать такое положеніе, которое обезпечиваетъ впередъ отъ клеветы. Кто будетъ обвинять артистку за одно лишнее увлеченіе? Талантъ, темпераментъ, профессія... Другимъ женщинамъ *это* не прощается, потому что ихъ единственное амплуа—быть честной, т. е. честной условно, какъ это выгодно мужчинѣ. Клавдія начала съ собрата по профессіи... Это было театральное ничтожество, но онъ далъ ей выдержку, а дальше пошли уже другіе, настоящіе люди, люди со средствами, съ именемъ, съ положеніемъ. О, она ловко вела свои дѣла... Патентованныя кокотки предъ ней глупыя дѣти. Клавдія всегда умѣла остаться порядочней и чистой женщиной... Ха-ха!... Въ ней сказался хищническій инстинктъ вырождающагося животнаго. Да... Вы только подумайте, какое величайшее искусство сохранить лицо порядочной женщины? Ни одного фальшиваго взгляда, ни одного фривольнаго движенія, ни одной безпокойной улыбки.—Она всегда равна самой себѣ и всегда чувствуетъ себя сама собой. Она холодна, какъ сѣверный полюсъ...

— Дальше, ради Бога, дальше...—шепталъ докторъ, чувствуя, какъ у него все начинаетъ кружиться предъ глазами.

— Дальше? А дальше нечего и разсказывать... Тутъ цѣлый синодикъ счастливыхъ именъ и каждый думаетъ, что онъ первый. У Клавдіи великій талантъ обманывать всѣхъ, сохраняя дѣвичье лицо...

Потомъ братъ Андрей удушливо расхохотался и сквозь слезы заговорилъ:

— И вдругъ является братецъ шантажистъ, молчаніе котораго нужно покупать... У меня есть самыя точныя свѣдѣнія

Digitized by Google

ея успѣховъ и я въ каждый данный моментъ могу устроить самое пикантное разоблаченіе.

— Вы страшный негодяй!..

— Просто: мерзавецъ. Да... И представьте себѣ, какъ пріятно такому негодяю, если его боятся. Кругомъ поклонники, успѣхъ, овацiи и тутъ же за угломъ ждетъ пьяненькій негодяй... Табло! «Клавдія Григорьевна дива, перметте муа енъ пе даржанъ»... Ха-ха!.. «И даютъ-даютъ прохожіе»... А я беру. Все равно, не ея деньги беру, а этихъ счастливцевъ...

У доктора кружилась голова, когда онъ возвращался къ себѣ домой. Да, онъ былъ хуже вотъ этого негодяя, потому что цѣлыхъ полгода жилъ на средства жены-куртизанки и... О, Боже мой, Боже мой! Онъ во второй разъ полюбилъ ее, полюбилъ, какъ святыню...

Когда утромъ на другой день горничная Шура вышла убирать террасу, она увидѣла сидѣвшаго на ступенькѣ доктора. Онъ былъ мертвецки пьянъ и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, бормоталъ:

— Да... конецъ... Довольно!.. Не нужно... Я—лицо собирательное... имя мнѣ легіонъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Digitized by Google

Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г.

I.

Екатерининская коммиссія 1767 г., созванная для составленія проекта новаго государственнаго уложенія, давно уже пользовалась преимущественнымъ вниманіемъ изслѣдователей въ ряду явленій русской жизни прошлаго столѣтія. Шумно задуманная и обставленная съ исключительною торжественностью, эта коммиссія долго интриговала изслѣдователей, какъ отрывочно блеснувшее яркое пятно на общемъ фонѣ русской общественности прошлаго вѣка. Но съ тѣхъ поръ какъ Русское Историческое Общество приступило къ обнародованію любопытнѣйшихъ матеріаловъ, касающихся дѣятельности коммиссіи, передъ нами постепенно развертывается все въ болѣе осязательныхъ и конкретныхъ очертаніяхъ ея исторія. Литература уже успѣла воспользоваться этими матеріалами въ различныхъ направленіяхъ: разсматривали внѣшнюю исторію коммиссіи, ея организацію, порядокъ ея работъ, причины ея преждевременнаго распущенія, далѣе оцѣнивали степень вліянія ея работъ на послѣдующее законодательство, наконецъ, всего чаще останавливались на содержаніи и значеніи депутатскихъ наказовъ, поскольку послѣдніе отразили на себѣ общественныя язвы и общественные идеалы прошлаго столѣтія.

Эта разработка принесла свои плоды. Въ общемъ, она способствовала, такъ сказать, поднятію историческаго значенія Екатерининской коммиссіи передъ лицомъ науки. Не смотря на преждевременную смерть коммиссіи, не смотря на то, что ей не пришлось выполнить оффиціально возложенное на нее порученіе, никто уже, думается намъ, не назоветъ ее въ настоящее время безрезультатной затѣей императрицы, никто не станетъ отрицать, что важнѣйшіе законодательные акты Екатерининскаго царствованія въ значительной мѣрѣ выросли изъ собранныхъ, а отчасти и обработанныхъ ею матеріаловъ.

Digitized by Google

Но историческое значеніе коммиссіи должно быть измѣрено не только степенью вліянія ея работъ на послѣдующее законодательство. За этимъ вопросомъ подымается другой, не менѣе важный. Предстоитъ учесть, въ какой мѣрѣ въ работѣ коммиссіи обнаружилась самостоятельная общественная иниціатива, насколько широко и насколько умѣло откликнулось русское общество прошлаго вѣка на правительственный призывъ къ активному участію въ законодательной дѣятельности. Для выясненія этого второго вопроса, до сихъ поръ еще не подвергнутаго всестороннему разслѣдованію, особую важность получаетъ одинъ моментъ въ исторіи коммиссіи, какъ разъ пока всего менѣе освѣщенный научной разработкой. Я разумѣю моментъ выработки текста депутатскихъ наказовъ. За немногими исключеніями намъ неизвѣстны ни авторы, ни редакторы этихъ драгоцѣнныхъ документовъ. Взятые въ своей общей массѣ, депутатскіе наказы являются въ полномъ смыслѣ слова апокрифическимъ произведеніемъ русской провинціи прошлаго вѣка. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исторія составленія наказовъ способна вызвать особенный интересъ изслѣдователя. Прежде всего, незнакомство съ ходомъ составленія и редактированія наказовъ лишаетъ насъ возможности оцѣнить ихъ, какъ историческій источникъ. Наказы должны были выразить нужды, сознанныя мѣстнымъ обществомъ. Но, пока намъ неизвѣстенъ процессъ составленія наказовъ, мы не можемъ судить, насколько полно и правильно они отразили на себѣ эти нужды. Есть и еще одно обстоятельство, усугубляющее значеніе занимающаго насъ вопроса. Когда депутаты съѣхались въ Москву и приступили къ своимъ занятіямъ, они тотчасъ подпали подъ руководящую опеку оффиціальныхъ лицъ, призванныхъ императрицей направлять дѣятельность коммиссіи и снабженныхъ съ этой цѣлью спеціальными полномочіями. Въ такихъ же твердо установленныхъ рамкахъ должны были дѣйствовать и провинціальные избиратели при выборѣ городского головы и депутата въ коммиссію. Обрядъ выборовъ предусмотрѣлъ мельчайшія подробности всего хода избирательныхъ собраній. Но вотъ — моментъ, когда провинціальное общество получало право дѣйствовать вполнѣ по собственному почину и усмотрѣнію: моментъ выработки депутатскаго наказа. Конечно, и здѣсь могли быть и бывали въ дѣйствительности случаи давленія со стороны администраціи. Но то были уже прямыя злоупотребленія властью, не находившія себѣ оправданія въ точныхъ предписаніяхъ закона. Оффиціально утвержденный «обрядъ выборовъ» посвящаетъ порядку составленія наказовъ всего нѣсколько строкъ, ограничиваясь самыми общими указаніями: избиратели выбираютъ изъ своей среды особую коммиссію изъ пяти лицъ, которая подъ смотрѣніемъ градскаго головы въ теченіе трехъ дней занимается «выслушиваніемъ отъ своихъ собратій разсужденій о сочиненіи прошеній и въ чемъ желаютъ поправленія» и ведетъ запись всѣмъ этимъ заявленіямъ; затѣмъ, на основаніи со-

Digitized by Google

бранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ составляетъ окончательную редакцію наказа, которая прочитывается собранію избирателей и скрѣпляется подписями послѣднихъ *). Вотъ и всѣ обязательныя правила, которыя предстояло принять къ руководству при составленіи наказовъ. Эти правила оставляли большой просторъ самодѣятельности общества. Прежде всего общество было совершенно свободно касаться какихъ угодно вопросовъ при обсужденіи своего положенія. Свыше не было намѣчено никакихъ вопросныхъ пунктовъ, никакихъ обязательныхъ рамокъ. Въ «обрядѣ» въ этомъ отношеніи можно найти только одно ограниченіе совершенно общаго характера: въ наказы запрещалось вносить какія либо частныя претензіи, «партикулярныя дѣла», и надлежало ограничиваться изложеніемъ «общественныхъ нуждъ и отягощеній» **). Далѣе, въ какомъ порядкѣ могли быть подаваемы въ мѣстную редакціонную коммиссію тѣ заявленія, которыя должны были послужить матеріаломъ для составленія текста наказа? Разумѣетъ ли здѣсь «обрядъ» подачу записокъ или устныхъ замѣчаній отдѣльными лицами, предоставляя редакторамъ сдѣлать общій сводъ всего накопившагося матеріала, или здѣсь предполагается публичное совмѣстное обсужденіе общихъ нуждъ, перекрестныя пренія, причемъ редакторамъ пришлось бы исходить при окончательной редакціонной работѣ изъ протокола этихъ предварительныхъ совмѣстныхъ обсужденій?

Туманная фраза «обряда»—«коммиссія выслушиваетъ отъ своихъ собратій разсужденія о сочиненіи прошеній» одинаково свободно допускаетъ обѣ возможности, и въ этомъ случаѣ открывая самому обществу широкій просторъ такъ или иначе, по собственному усмотрѣнію выполнить возлагаемую на него задачу.

Не имѣя возможности разсмотрѣть теперь вопросъ о происхожденіи наказовъ 1767 г. во всемъ его объемѣ, я остановлюсь лишь на исторіи текста тѣхъ наказовъ, которыми были снабжены депутаты отъ городовъ. Одно обстоятельство особенно побуждаетъ заняться съ этой точки зрѣнія именно городскими наказами. Въ 33-мъ томѣ своего сборника Русское Историческое Общество издало наказы городскихъ депутатовъ Московской губерніи, всего 40 наказовъ. Сравнительное изученіе ихъ текста приводитъ къ любопытному наблюденію. Оказывается, что эти 40 наказовъ отнюдь не представляютъ собой 40 самостоятельныхъ произведеній. Многіе изъ нихъ — ничто иное, какъ или дословное воспроизведеніе, или нѣкоторая компилятивная комбинація очень немногихъ основныхъ редакцій. Какъ объяснить это явленіе? Явилось ли оно въ результатѣ сознательной совмѣстной выработки общаго текста представителями различныхъ городскихъ обществъ, или передъ нами—поваль-

*) П. С. З. т. XVII № 12801. В. п. 25, Г. п. 24.
**) Ibid. В. п. 27. Г. п. 26.

Digitized by Google

ный беззастѣнчивый плагіатъ, которымъ прикрылся повальный общественный индиферентизмъ?

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о ходѣ составленія наказовъ, считаясь съ популярнымъ представленіемъ о низкомъ уровнѣ общественнаго развитія въ прошломъ столѣтіи, всего легче при первомъ взглядѣ на эти сходные тексты заключить, что большинство городскихъ наказовъ просто механически списано другъ съ друга. Такой выводъ долженъ, съ одной стороны, подорвать значеніе наказовъ, какъ историческаго источника, съ другой стороны, подтвердить тотъ взглядъ, что русское общество было застигнуто Екатерининскимъ начинаніемъ совершенно врасплохъ и, смущенное, не съумѣло обнаружить ничего, кромѣ убожества своей политической подготовки.

Мнѣ думается, однако, что цѣлый рядъ соображеній и наблюденій долженъ удержать насъ отъ такого пессимистическаго вывода, особенно въ столь общей его формѣ.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что тѣ отдѣльныя городскія общества, которыя дѣйствительно обнаружили полное непониманіе предстоявшей имъ задачи формулировать мѣстныя общественныя нужды, отнюдь не думали рядиться въ чужія перья для прикрытія собственной культурной наготы, собственнаго индиферентизма. Напротивъ, они спѣшили торжественно исповѣдать свою несостоятельность передъ судомъ современниковъ и потомства. Вотъ, напримѣръ, наказъ города Дмитрова. Онъ состоитъ всего изъ двухъ статей. Въ первой удостовѣряется, что дмитровскіе граждане не имѣютъ никакихъ общественныхъ нуждъ, а вторая заключаетъ въ себѣ предписаніе депутату явиться съ этимъ удостовѣреніемъ въ Сенатъ. Подъ наказомъ стоитъ 224 подписи *). То были, однако, исключительные эпизоды, отдѣльныя темныя пятна, не сообщавшія одинаково мрачнаго колорита всей картинѣ. Отнюдь не предполагая доказывать высоту общественнаго развитія русской провинціи прошлаго столѣтія, считая подобную задачу совершенно непроизводительной и неблагодарной, я тѣмъ не менѣе нахожу возможнымъ утверждать, что многообразныя мрачныя черты тогдашняго провинціальнаго быта не могли затушевать окончательно способности населенія заинтересоваться собственными нуждами. Текущая жизненная практика того времени выработала и нѣкоторыя опредѣленныя формы, въ которыхъ проявлялось активное участіе общества въ разработкѣ больныхъ вопросовъ мѣстной жизни. Изученіе этихъ формъ и можетъ, думается намъ, содѣйствовать болѣе правильной постановкѣ вопроса о происхожденіи городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г.

Въ печати давно уже были оглашены интереснѣйшія данныя по исторіи выборовъ городскихъ депутатовъ. Эти данныя не разъ

*) Сборникъ Рус. Имп. Истор. Общ. т. 93. Дмитр. наказъ.

Digitized by Google

развертываютъ передъ нами картину сознательныхъ усилій городского купечества по возможности расширить размѣры городского представительства. По иниціативѣ самихъ купцовъ, поднимается вопросъ объ увеличеніи круга избирателей на депутатскихъ выборахъ. Такъ, не довольствуясь постановленіемъ «обряда» о привлеченіи къ выборамъ домовладѣльцевъ, нѣкоторые купцы поднимаютъ голосъ за допущеніе къ избирательнымъ урнамъ всякаго купца, имѣющаго самостоятельный торгъ, хотя бы и не владѣющаго домомъ *). Это уже не совсѣмъ гармонируетъ съ обычнымъ утвержденіемъ, что общество взглянуло на правительственный призывъ къ участію въ коммиссіи, какъ на новое обязательное бремя, и старалось лишь объ одномъ, какъ бы удачнѣе схорониться отъ новой тяготы, подобно тому, какъ оно ранѣе хоронилось всякими средствами отъ смотровъ, походовъ, обязательныхъ экзаменовъ и податныхъ взносовъ. Извѣстны далеко не одинокіе случаи, когда обойденный пунктъ городского поселенія не только не радовался тому, что его миновала новая «повинность» депутатскаго выбора, но, наоборотъ, настойчиво требовалъ для себя права на эту повинность. Возьмемъ для примѣра Гжатскую пристань. По смыслу «обряда» посадъ, выросшій у этой пристани, какъ не имѣвшій своего уѣзда, долженъ былъ выбрать депутата сообща съ жителями своего уѣзднаго города. И вотъ бургомистръ Гжатской пристани подаетъ губернатору энергическое доношеніе, гдѣ, ссылаясь на всю исторію развитія гжатскаго посада, требуетъ для него права на выборъ самостоятельнаго депутата, а, слѣдовательно, и на составленіе *самостоятельнаго наказа*. Примѣру Гжатска послѣдовали многія слободы. Такъ городскія общества прошлаго вѣка умѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только цѣнить даруемыя имъ права, но и завоевывать себѣ эти права съ усиліемъ и настойчивостью. Дс какихъ размѣровъ могла выростать эта настойчивость, ярко видно на примѣрѣ города Скопина. Скопинъ выбралъ на ряду съ другими городами своего депутата. Герольдмейстерская контора отказала въ утвержденіи этого депутата на томъ основаніи, что Скопинъ «не городъ, но волость и состоитъ въ вѣдомствѣ дворцовой конюшенной канцеляріи». Скопинское купечество не хотѣло уступить и обжаловало это рѣшеніе въ сенатъ. Достаточно прочитать текстъ одной этой жалобы, чтобы живо почувствовать, какъ сознательно цѣнило городское населеніе право выбрать въ коммиссію депутата и *снабдить его наказомъ*. Изложивъ различные признаки, приравнивающіе Скопинъ къ обычному городу, скопинскіе купцы заявляютъ, что лишеніе ихъ права представительства въ коммиссіи они признаютъ себѣ за «великую тщету», учрежденіе коммиссіи почитаютъ великою милостью, изліянною отъ Ея Имп. Величества на всероссійское государство, и въ посылкѣ

*) Липинскій. «Новыя данныя для исторіи Екатер. коммиссіи». Журн. Мин. Нар. Просв. 1887. Іюнь, стр. 258.

Digitized by Google

въ коммиссію депутата видятъ способъ избавиться «отъ несносныхъ и тяжкихъ притѣсненій и разореній» *). Выборъ того или иного депутата тоже далеко не всегда былъ безразличенъ для избирателей, не сводился къ простой формальности. Избиратели умѣли подъ часъ ревностно отстаивать своего кандидата въ случаѣ встрѣчаемыхъ со стороны мѣстной администраціи затрудненій къ его утвержденію. Извѣстна, наприм., длинная и сложная борьба, разыгравшаяся на этой почвѣ между гражданами города Гороховца и мѣстнымъ воеводой, борьба, опять таки доходившая до сената и кончившаяся побѣдой городскихъ избирателей **). При свѣтѣ приведенныхъ данныхъ получаетъ особое значеніе и любопытное сообщеніе Крестинина о составленіи наказа въ городѣ Архангельскѣ. Въ своей исторіи города Архангельска этотъ точный и добросовѣстный писатель-современникъ не поскупился на изображеніе многихъ весьма мрачныхъ моментовъ изъ жизни архангельскаго посада прошлаго столѣтія. Крестинина всего менѣе можно заподозрить въ попыткахъ украсить, разцвѣтить печальную дѣйствительность. Между тѣмъ, вотъ что сообщаетъ онъ о составленіи наказа. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1767 г. по обряду выбранъ отъ архангельскаго городского посада въ депутаты коммиссіи новаго уложенія знатный, богатый и благоразумный архангелогородскій купецъ Николай Алексѣевичъ Свѣшниковъ, а надъ сочиненіемъ даннаго ему отъ гражданства наказа трудился гражданинъ Александръ Ѳоминъ, сынъ нашего защитника гражданскія свободы Ивана Ѳомина, лучшій нынѣшняго времени въ архангелогородскомъ посадѣ писецъ въ прозѣ и стихахъ». И какъ бы предвидя возможность того вывода изъ этихъ словъ, что составленіе наказа было единоличнымъ дѣломъ мѣстнаго литератора, Крестининъ прибавляетъ: «...въ расположеніи нуждъ

*) Липинскій, loc. cit. стр. 261.

**) Ibid., стр. 283—287. Болѣе общеизвѣстенъ другой эпизодъ подобнаго же рода, разыгравшійся между нѣжинскими шляхтичами и ген.-губернаторомъ Малороссіи Румянцевымъ и наиболѣе полно разсказанный не такъ давно на основаніи свѣжихъ архивныхъ матеріаловъ В. А. Мякотинымъ (Академич. рецензія на книгу А. М. Лазаревича «Описаніе Старой Малороссіи» т. II. Оттискъ изъ отчета о 37-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 25—39). Хотя этотъ эпизодъ относится къ шляхетскимъ, а не къ городскимъ избирателямъ, но по аналогіи и его детали могутъ имѣть косвенное значеніе для нашего вопроса. Не смотря на то, что нѣжинцы въ противоположность гороховцамъ потерпѣли, въ концѣ концовъ, полное фіаско, мы не находимъ, чтобы нѣжинская исторія 1767 г. свидѣтельствовала объ апатичномъ отношеніи общества къ дѣлу коммиссіи. Какъ разъ наоборотъ: рядомъ съ картиной грубаго административнаго произвола всесильнаго ген.-губернатора передъ нами встаетъ здѣсь картина сознательныхъ стремленій шляхетства отстоять своего депутата и свой текстъ наказа, стремленій, обнаружившихся не смотря на перспективу тяжкихъ административныхъ каръ и судебнаго преслѣдованія. Нѣжинцы потерпѣли пораженіе за отсутствіемъ *средствъ* борьбы, а не за недостаткомъ доброй воли вести борьбу.

Digitized by Google

общества, представленныхъ въ оном наказѣ, всѣ лучшіе граждане имѣли участіе». *) Опытное перо мѣстнаго грамотѣя явилось орудіемъ для выраженія желаній всѣхъ гражданъ.

Подобные факты—а количество аналогичныхъ примѣровъ можно было бы умножить—показываютъ, думается намъ, что предположеніе о повальной неспособности провинціальнаго общества прошлаго вѣка оцѣнить важность предстоявшаго ему акта оглашенія своихъ нуждъ и желаній не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Но, сознательно цѣня это право, городское общество не обнаружило и приписываемаго ему иногда безсилія реализировать это право на практикѣ. Согласимся, что Екатерининскій экспериментъ законодательной реформы при посредствѣ народнаго представительства превышалъ наличные рессурсы тогдашняго общества; согласимся, что идея быстрой отмѣны исторически назрѣвшей системы законодательныхъ нормъ была вдохновлена не столько знакомствомъ съ уровнемъ народнаго развитія, сколько всегда присущимъ Екатеринѣ оптимизмомъ въ связи съ господствовавшими философскими предразсудками вѣка о всемогуществѣ раціональной законодательной иниціативы. Въ *этомъ* смыслѣ мы дѣйствительно вправѣ говорить о малоподготовленности тогдашняго общества къ разрѣшенію *такъ* поставленной задачи. Намъ трудно представить себѣ безъ улыбки обывателя какого нибудь тогдашняго Устьсысольска или Царевококшайска, внезапно очутившагося по долгу службы за перекройкой уложенія царя Алексѣя Михайловича по рецепту Беккарія и Монтескье. Но эту конечную цѣль всего предпріятія нельзя смѣшивать съ тѣми предварительными и подготовительными актами, къ которымъ должно быть отнесено, между прочимъ, и составленіе депутатскихъ наказовъ. Когда мы переносимъ то же представленіе о безпомощности русскаго провинціальнаго общества и на первую стадію связанныхъ съ созывомъ коммиссіи работъ и на этомъ основаніи заподозриваемъ городское населеніе въ повальномъ уклоненіи отъ выработки самостоятельныхъ депутатскихъ наказовъ,—мы смѣшиваемъ такіе разнородные моменты въ дѣятельности коммиссіи, которые были строго различены и на практикѣ, и въ предначертаніяхъ самой императрицы. Раскроемъ высочайшій манифестъ объ учрежденіи коммиссіи. Тамъ точно разграничены двѣ самостоятельныя задачи, изъ совокупности которыхъ должно было сложиться дѣло коммиссіи. Во первыхъ, тамъ сказано: «...для того, дабы лучше намъ *узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа*, повелѣваемъ... прислать депутатовъ»; и затѣмъ ниже: «...сихъ депутатовъ... мы созываемъ *не только* для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, *но и допущены быть имѣютъ въ коммиссію*, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія къ

*) Крестининъ. Краткая исторія о г. Архангельскомъ, стр. 32.

Digitized by Google

поднесенію намъ для конфирмаціи». *) Итакъ, коммиссія должна была выполнить двѣ роли—чисто справочную, послужить орудіемъ обслѣдованія общественныхъ неустройствъ, и законодательную—выработать проектъ новаго уложенія. Эти двѣ роли подѣлены между депутатами и ихъ избирателями. Составленіе уложенія всецѣло возлагается на депутатовъ. Задача избирателей ограничена лишь формулированіемъ и оглашеніемъ мѣстныхъ нуждъ, и для осуществленія этой задачи имъ предоставлены два средства—посылка въ коммиссію депутата и составленіе наказа. Обязанность депутата въ отношеніи къ первой, такъ сказать, справочной роли коммиссіи сводится къ доставкѣ въ коммиссію даннаго имъ наказа и присоединеніи къ наказу тѣхъ дополнительныхъ заявленій, какія оказались бы нужными по ходу коммиссіонныхъ работъ.

Въ этомъ отношеніи депутатъ являлся лишь передаточнымъ орудіемъ для оглашенія заявленій его избирателей, и многія указанія убѣждаютъ въ томъ, что не въ этомъ полагалась главная сущность депутатскихъ обязанностей. Такъ, депутаты, ограничившіе этой стороной своей дѣятельности свое участіе въ коммиссіи, были устранены отъ пользованія привилегіями, присвоенными депутатскому званію. Эти привилегіи распространялись лишь на тѣхъ депутатовъ, которые принимали активное участіе въ составленіи той или другой части проекта уложенія, т. е. работали въ одной изъ тѣхъ частныхъ коммиссій, гдѣ изготовлялись законопроекты, **) и сенатъ строго слѣдилъ за примѣненіемъ этого ограниченія на практикѣ ***).

Но, если на депутатовъ должна была пасть прежде всего законодательная дѣятельность коммиссіи, то обществу, призванному къ составленію наказовъ, предстояло ограничиться констатированіемъ своихъ нуждъ и потребностей. Такъ именно и поняло общество свою задачу. Правительство получило, чего желало. Безплодно было бы искать въ наказахъ сколько нибудь широкихъ теоретическихъ обобщеній, какихъ либо смѣлыхъ плановъ коренного переустройства существующихъ порядковъ. Составители наказовъ—скромные практики. Они крѣпко стоятъ на почвѣ текущей дѣйствительности. Правда, они сплошь и рядомъ жалуются на ея недочеты и изъяны, но этотъ анализъ не идетъ дальше ближайшихъ причинъ и ближайшихъ послѣдствій занимающихъ ихъ явленій. Однако, ничего иного и не требовалось отъ составителей наказовъ. Между правительствомъ и обществомъ не произошло по этому пункту никакого недоразумѣнія. Депутатскій наказъ, по опредѣленію манифеста объ учрежденіи коммиссіи—списокъ текущихъ нуждъ и отягощеній и ничего больше.

---

*) Пол. Собр. Зак. т. XVII, № 12801 стр. 1093.
**) Ibid, стр. 1094.
***) Липинскій, стр. 235—236.

Digitized by Google

Но въ такомъ случаѣ мы уже никакъ не вправѣ считать задачу составленія наказовъ непосильнымъ, непривычнымъ и отяготительнымъ бременемъ, наложеннымъ на общество, а близость другъ къ другу текста нѣкоторыхъ наказовъ объяснять только въ силу одного этого пассивнымъ заимствованіемъ продуктовъ чужой работы. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ представлять себѣ составителей наказовъ 1767 г. неподготовленными дебютантами на поприщѣ лѣтописательства общественныхъ нестроеній. За ихъ плечами стоялъ въ этомъ отношеніи долголѣтній опытъ. Представляя себѣ призывъ къ составленію наказовъ особенно торжественнымъ моментомъ въ жизни русскаго города прошлаго вѣка, впервые потревожившимъ мирный сонъ обывательской души, мы забываемъ, что посадскія общества въ теченіе всего вѣка, отнюдь не дожидаясь спеціальнаго правительственнаго призыва, постоянно, можно сказать, осаждали высшія правительственныя мѣста пространными перечисленіями своихъ отягощеній. Дѣлопроизводство провинціальныхъ магистратовъ прошлаго столѣтія переполнено всевозможными образчиками этой обильной «челобитной» литературы. Въ этой-то литературѣ посадскихъ «челобитій» мы и должны искать объяснительнаго ключа къ исторіи текста городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г. Текстъ этихъ наказовъ не былъ выработанъ впопыхахъ, ad hoc, для спеціальныхъ цѣлей одной Екатерининской коммиссіи. Онъ, можно сказать, исторически наслоялся параллельно съ постепеннымъ назрѣваніемъ самихъ мѣстныхъ нуждъ. Посадскія общества прошлаго столѣтія не имѣли обыкновенія оставаться безгласными исполнителями всѣхъ предъявляемыхъ къ нимъ правительственныхъ требованій. Падавшее на нихъ бремя обязательныхъ службъ и повинностей было очень велико. Помимо окладныхъ платежей и постоянныхъ «очередныхъ» мѣстныхъ службъ, на каждый посадъ сыпался непрерывный градъ экстренныхъ сборовъ и—еще чаще—экстренныхъ служебныхъ посылокъ: по запросамъ различныхъ учрежденій каждый посадъ то и дѣло долженъ былъ разсылать во всѣ концы выборныхъ изъ своей среды лицъ для исполненія порученій; нерѣдко бывало, что *всѣ* наличные служилоспособные члены посадской общины оказывались разобранными по разнымъ мѣстнымъ и отъѣзжимъ службамъ. Неся столь тяжелое и часто непосильное бремя, посадъ прошлаго вѣка не подчинялся, однако, своей участи молчаливо и безропотно. Возложеніе на него каждой новой службы сопровождалось стономъ, отливавшимся въ форму «мірского челобитья». Эти челобитья почти никогда не достигали цѣли. Обыкновенно главный магитратъ—сборный резервуаръ, куда стекались со всѣхъ сторонъ такія челобитья—отвѣчалъ на нихъ дословнымъ повтореніемъ предшествующаго приказанія съ присоединеніемъ обѣщанія жестокой кары за дальнѣйшее промедленіе. И всетаки посады неизмѣнно противопоставляли настойчивому постоянству такихъ отказовъ столь же настойчивое постоянство своихъ челобитій. Чело-

Digitized by Google

битье объ отмѣнѣ службы, за которымъ неизбѣжно слѣдовало выполненіе этой самой службы, сдѣлалось какъ бы нормальной составной частью обычнаго дѣлопроизводства. Подобныя «мірскія челобитья» или «доношенія», утвержденныя на мірскихъ посадскихъ сходахъ, скрѣпленныя подписями членовъ посадской общины и препровожденныя въ высшія инстанціи отъ имени всей общины, содержали въ себѣ не одну только просьбу о снятіи съ посада данной новой службы. То были просьбы, мотивированныя обстоятельнымъ перечисленіемъ всѣхъ мѣстныхъ тягостей и неустройствъ, развертывающія передъ нами яркія картины посадскаго разоренія. Къ основной просьбѣ объ избавленіи отъ новой службы присоединялся рядъ другихъ просьбъ, обнимавшихъ собою разнообразныя стороны посадскаго быта. Такъ какъ поводы къ подачѣ такихъ просьбъ были весьма часты, а содержаніе посадскихъ стремленій мало мѣнялось, потому что посадъ намѣчалъ въ нихъ не столько временныя нужды, сколько основныя, коренныя причины посадской тяготы, то непрерывающаяся практика такихъ челобитій создавала во многихъ мѣстахъ какъ бы стереотипный, традиціонный текстъ, который лишь съ незначительными случайными варіаціями и воспроизводился изъ года въ годъ при подачѣ каждаго новаго челобитья. Почти у каждаго посада всегда имѣлся на готовѣ такой скорбный листъ собственныхъ недуговъ. Эти челобитья подавались въ высшія учрежденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ или непосредственно самимъ «міромъ», т. е. земскимъ старостой посада въ формѣ протокола посадскаго схода, на которомъ земскій староста предсѣдательствовалъ, или препровожденіе такого челобитья бралъ на себя мѣстный магистратъ, хотя опять таки не иначе, какъ «съ общаго градскихъ людей совѣта», т. е. по предварительномъ опросѣ посадскаго схода *). *Изъ такихъ-то традиціонныхъ, освященныхъ многолѣтнею давностью текстовъ мірскихъ челобитій выросли и городскіе наказы 1767 г.* Безъ предварительнаго изученія посадскихъ челобитій невозможно приступать къ анализу городскихъ депутатскихъ наказовъ. Текстуальное родство тѣхъ и другихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вотъ почему наказы, какъ и челобитья, за самыми незначительными исключеніями, носятъ, если можно такъ выразиться, *оборонительный*, а не *наступательный* характеръ. Сущность ихъ содержанія можетъ быть сведена къ слѣдующимъ двумъ основнымъ мотивамъ: а) къ просьбамъ о количественномъ сокращеніи падавшаго на посадъ тяглаго бремени, объ уменьшеніи или отмѣнѣ тѣхъ или другихъ посадскихъ службъ и б) къ просьбамъ о принудительномъ урегулированіи отношеній между посадскими тяглецами и бѣломѣстцами-разночинцами, урегулированіи на старомъ началѣ сословной спеціализаціи государственныхъ

*) Архивъ Мин. Юст. Дѣла главн. магистр., вязка VII, № 9, л.л 147—150.

Digitized by Google

тяглъ. Этотъ второй мотивъ тѣсно переплетался съ первымъ. Борьба посадa съ внѣпосадскими элементами населенія носила тотъ же оборонительный характеръ; посадъ не хотѣлъ дѣлиться съ этими элементами своимъ правомъ на торговлю и промыслы, такъ какъ онъ оплачивалъ это право спеціальнымъ посадскимъ тягломъ; съ другой стороны, посадъ противился возложенію на него такихъ службъ, которыя не вытекали непосредственно изъ его торгово-промышленнаго характера и требовалъ распространенія такихъ службъ и на прочіе слои городского населенія. Отсюда постоянное взаимное треніе различныхъ группъ этого населенія, постоянная перекрестная вражда, характеризовавшая внутреннюю жизнь тогдашняго города. Все это—тѣ самые больные вопросы посадской жизни, которые во всѣхъ деталяхъ разработаны обильной литературой посадскихъ «мірскихъ челобитій». Весьма вѣроятно, что по изданіи полныхъ текстовъ всѣхъ городскихъ наказовъ 1767 г. откроется возможность наслѣдить въ нѣкоторыхъ наказахъ воспроизведеніе цѣликомъ такихъ стереотипныхъ челобитій. Теперь же, пользуясь текстами 40 изданныхъ доселѣ наказовъ городовъ Московской губерніи, мы убѣждаемся во всякомъ случаѣ въ томъ, что эти наказы, если и не являются простыми копіями такихъ челобитій, то все же самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ ними какъ по внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему содержанію.

Предложенное сближеніе депутатскихъ наказовъ 1767 г. съ посадскими челобитьями можетъ вызвать одно возраженіе. Знакомый и привычный актъ обращенія къ правительству съ письменнымъ изложеніемъ мѣстныхъ нуждъ былъ обставленъ на этотъ разъ, въ 1767 г., нѣкоторыми новыми условіями, которыя были несомнѣнно чужды предшествующей практикѣ посадскихъ челобитій. Челобитья, о которыхъ мы только что говорили, подавались отъ *посада*. Депутатскіе наказы 1767 г. должны были включить въ себя просьбы не посада, но всего *города*. Понятіе посада не покрывало собою понятія города. Посадская община была корпораціей торгово-промышленныхъ тяглецовъ, доступъ въ которую былъ возможенъ для сторонннхъ элементовъ лишь при условіи вступленія въ посадское тягло, участія во всѣхъ общепосадскихъ платежахъ и службахъ на основаніи уравнительной мірской раскладки. Какъ прекрасно было доказано проф. Дитятинымъ, въ «обрядѣ выборовъ» 1767 г. въ первый разъ лишь блеснула новая и совершенно чуждая какъ до Петровской, такъ и Петровской Россіи идея о «градскомъ обществѣ», какъ о такой корпораціи, которая обнимаетъ своимъ личнымъ составомъ *всѣхъ* постоянныхъ обывателей города, причемъ признакомъ городской осѣдлости было избрано владѣніе домомъ въ чертѣ города. Соотвѣтственно съ этимъ «обрядъ выборовъ» предначертывалъ какъ для выборовъ городского депутата, такъ, слѣдовательно, и для содержанія городского депутатскаго наказа *всесословный* характеръ. Для этой цѣли прежнія посадскія челобитья не го-

Digitized by Google

дидись. Они не только не могли послужить исходнымъ пунктомъ для объединенія различныхъ слоевъ городского населенія, но во многихъ своихъ частяхъ представляли собой какъ разъ орудіе междуусобной борьбы, разъѣдавшей внутреннюю жизнь города... Спрашивается, какимъ образомъ при этомъ условіи депутатскіе наказы могли оказаться въ значительной своей части простымъ воспроизведеніемъ старыхъ посадскихъ челобитій?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на нѣкоторыхъ выраженныхъ въ спеціальной литературѣ взглядахъ, съ точки зрѣнія которыхъ самая постановка такого вопроса должна быть признана излишней. Установленное проф. Дитятинымъ пониманіе «обряда выборовъ» 1767 г. въ отношеніи къ организаціи городского представительства встрѣтило въ литературѣ различныя возраженія. Основанныя на недоразумѣніяхъ, эти возраженія не поколебали, на мой взглядъ, выводовъ Дитятина. Но ихъ нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ они способны внести значительную путаницу въ ясное пониманіе нашего вопроса. Съ одной стороны, проф. Сергѣевичъ и проф. Латкинъ пытаются доказать вопреки мнѣнію Дитятина, что «обрядъ» 1767 г. не становился въ противорѣчіе со старыми началами, не разсматривалъ городскихъ депутатовъ, какъ представителей всего города въ смыслѣ территоріальной единицы, не вводилъ для городовъ всесословнаго представительства, въ которомъ должна была бы раствориться старая особность посада. Подъ «городскими обывателями по преимуществу» по прежнему разумѣлись члены торгово-промышленной посадской общины, къ городскимъ выборамъ, также какъ и къ уѣзднымъ, примѣненъ былъ сословный принципъ. Доводы, на которыхъ основывается это воззрѣніе, не выдерживаютъ критики.

Разберемъ ихъ. Прежде всего, проф. Латкинъ ссылается на *практику* выборовъ и обращаетъ вниманіе на подавляющее преобладаніе купеческихъ и мѣщанскихъ подписей подъ городскими наказами. Замѣчая, что дворянскія подписи совершенно блещутъ отсутствіемъ подъ городскими наказами, г. Латкинъ заключаетъ, что дворянство, за исключеніемъ столицъ, не принимало участія въ городскомъ представительствѣ *). Противъ этого аргумента можно выставить двоякаго рода возраженія. Во-первыхъ, въ указаніяхъ проф. Латкина заключается фактическая ошибка. Послѣ изслѣдованія г. Липинскаго, послѣ обнародованія документовъ, касающихся исторіи городскихъ выборовъ въ малороссійскихъ городахъ, нѣтъ уже никакой возможности отрицать, что участіе какъ дворянства, такъ и другихъ внѣпосадскихъ элементовъ городского населенія въ городскихъ выборахъ представлялось необходимымъ и со сто-

*) Латкинъ. Законодат. коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 208, прим. 2.

Digitized by Google.

роны мѣстной администраціи, слѣдившей за ходомъ выборовъ, и со стороны сената при повѣркѣ законности депутатскихъ полномочій. Г. Латкина не удовлетворяетъ приведенный г. Липинскимъ примѣръ города Венева, депутатъ котораго не былъ утвержденъ сенатомъ только потому, что въ его избраніи участвовали одни купцы безъ прочихъ жителей города. Г. Латкинъ полагаетъ, что здѣсь подъ «прочими жителями» разумѣлись другіе разряды торговопромышленнаго же класса, какъ-то фабриканты, заводчики, цеховые ремесленники и т. п., а не дворяне *). Однако, по утвержденію г. Липинскаго, резолюція сената была вызвана какъ разъ заявленіемъ депутата о томъ, что въ г. Веневѣ, кромѣ купцовъ, живутъ также и дворяне, подписей которыхъ подъ наказомъ не оказалось. Мы не имѣли возможности провѣрить архивную цитату г. Липинскаго, но такой провѣрки не произвелъ и г. Латкинъ, конъектуру котораго нельзя не признать поэтому совершенно произвольной.

Впрочемъ, и помимо Венева у насъ есть свѣдѣнія и о другихъ пунктахъ, гдѣ мѣстная администрація настаивала такимъ же образомъ на участіи дворянъ въ городскихъ выборахъ, опираясь на предписаніе «обряда». Такъ, въ г. Прилукахъ присланный для наблюденія за выборами премьеръ-маіоръ Стремоуховъ, «приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лучшаго пребывающаго въ городѣ шляхетства и присутствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, объяснилъ имъ, что въ манифестѣ и при оному приложенномъ обрядѣ не однимъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ велѣно избрать голову и депутата». Правда, шляхетство во многихъ мѣстностяхъ брезгливо сторонилось отъ участія въ городскихъ выборахъ, не желая смѣшиваться въ одну толпу съ посадскими «мужиками». Тѣмъ не менѣе ему приходилось обыкновенно уступать настояніямъ администраціи. Мы видимъ участіе шляхетства въ городскихъ выборахъ въ Прилукахъ, Козельцѣ, Лубнахъ, Полтавѣ и проч. **). Но вопросъ не ограничивается однимъ дворянствомъ. Существовали и другіе внѣпосадскіе элементы городского населенія, участіе которыхъ въ городскихъ выборахъ точно также лишало городское представительство спеціально посадской окраски. Въ той же статьѣ г. Липинскаго приводится случай кассированія выборовъ въ г. Зарайскѣ на томъ основаніи, что отъ выборовъ были устранены приказные служители, унтеръ-офицеры и солдаты, имѣющіе свои дворы. При вторичномъ баллотированіи участвовали уже всѣ городскіе жители безъ исключенія ***). Анализъ текста городскихъ наказовъ убѣждаетъ въ томъ, что эти сторонніе посаду

*) Ibid. Примѣчаніе передъ главою I.

**) Наказы малорос. депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію. Изданіе «Кіевской Старины». Стр. 226—227, 253, 259—268, 285—286. Мы уже не говоримъ о двухъ столицахъ, гдѣ участіе дворянства выразилось особенно широко.

***) Липинскій, стр. 257.

Digitized by Google

городскіе обыватели далеко не въ единичныхъ случаяхъ принимали участіе въ составленіи наказовъ, и мы скоро увидимъ, въ какихъ формахъ проявлялось это участіе.

Итакъ, практика выборовъ не на сторонѣ проф. Латкина. Но мы думаемъ, что ссылка на практику выборовъ вообще не имѣетъ въ данномъ случаѣ того значенія, какое приписываетъ ей проф. Латкинъ. Вопросъ заключается въ томъ, какія принципіальныя основанія городского представительства установлены «обрядомъ выборовъ» 1767 г. Какъ бы ни были сбивчивы и спутаны постановленія «обряда», отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть извлеченъ только изъ текста самаго «обряда», а никакъ не изъ фактовъ его примѣненія на практикѣ, иначе мы допустимъ такое смѣшеніе права и факта, которое ничего не доказываетъ и которое является особенно неожиданнымъ подъ перомъ писателя-юриста. Правда, проф. Латкинъ, слѣдуя на этотъ разъ проф. Сергѣевичу, подкрѣпляетъ затѣмъ свое толкованіе и текстомъ самого «обряда». «Обрядъ—говоритъ онъ—устанавливаетъ по одному депутату отъ каждаго *города*, но въ понятіе города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра I, *которое и дѣйствовало въ моментъ выборовъ*, высшее сословіе не входило, потому-то городскіе выборы по смыслу «обряда» и не могли носить всесословнаго характера» *). Такъ ли это однако? «Обрядъ выборовъ» очень точно опредѣлилъ кругъ городскихъ избирателей, и не нужно особой прозорливости, чтобы убѣдиться, какъ далеко разошлось это опредѣленіе со смысломъ прежняго законодательства. По занимающему насъ вопросу въ моментъ депутатскихъ выборовъ 1767 г. дѣйствовало не законодательство Петра I, какъ утверждаютъ пр. Сергѣевичъ и пр. Латкинъ, а постановленіе «обряда», которое имѣло силу закона и шло въ разрѣзъ съ законодательствомъ Петра I. Гг. Сергѣевичъ и Латкинъ берутъ одинъ третій пунктъ «положенія», гдѣ сказано: «отъ жителей *каждаго города* по одному депутату», но они игнорируютъ при этомъ то мѣсто «обряда» (литера Г, ст. 5), гдѣ какъ разъ самымъ точнымъ образомъ объяснено, кого именно разумѣетъ «обрядъ» подъ «жителями города», это—всѣ, имѣющіе или *домъ*, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ. Итакъ, уже одно владѣніе домомъ въ чертѣ городской осѣдлости, независимо отъ принадлежности къ торгово-промышленному классу, пріобщало городского обывателя къ числу избирателей. Это постановленіе, какъ совершенно справедливо полагали еще Дитятинъ и г. Липинскій, расширяло понятіе города далеко за предѣлы торгово-промышленной посадской общины.

Но если, такимъ образомъ, проф. Сергѣевичъ и Латкинъ безъ достаточныхъ основаній отказываются видѣть въ «обрядѣ» 1767 г. выраженіе новаго взгляда на городское общество, шедшаго въ раз-

*) Латкинъ, стр. 203. Примѣч. 2.

Digitized by Google

рѣзъ съ старыми началами, то въ недавней статьѣ г. Семенова *) мы встрѣтили противоположную крайность, въ совершенно иномъ направленіи отступающую отъ взглядовъ Дитятина и г. Липинскаго. Г. Семеновъ полагаетъ, что начало всесословнаго городского представительства не только было провозглашено «обрядомъ», но и нашло себѣ широкое признаніе и вполнѣ подготовленную почву въ стремленіяхъ самого городскаго населенія того времени. Мы думаемъ, что и этотъ взглядъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ. Г. Семеновъ убѣжденъ, что тенденція всесословности въ строѣ городского управленія ведетъ свое начало еще изъ старой до-петровской Руси и, вопреки законодательнымъ опытамъ Петра, доживаетъ въ сознаніи населенія до половины XVIII вѣка, когда Екатерининскія постановленія помогаютъ ей обнаружиться во всей широтѣ и свободѣ. Что касается до-петровской Руси, то въ этомъ отношеніи выводы автора основываются исключительно на ошибочномъ представленіи о «посадѣ» и о «посадскихъ людяхъ» московскаго государства. Изъ многихъ мѣстъ статьи г. Семенова очевидно, что авторъ понимаетъ терминъ «посадскіе» въ смыслѣ чисто территоріальномъ, въ смыслѣ всей совокупности коренного городского населенія безъ различія «чиновъ» и состояній. На этомъ основаніи онъ причисляетъ, напримѣръ, къ посадскимъ даже ратныхъ людей, имѣвшихъ въ городскомъ кремлѣ «осадные» дворы **). Мы уже видѣли выше, какъ далекъ такой взглядъ отъ подлинной дѣйствительности. «Посадскіе» — лишь одинъ изъ тѣхъ «чиновъ», члены которыхъ скучивались вмѣстѣ въ чертѣ городской осѣдлости, но отнюдь не смѣшивались другъ съ другомъ. Не «начало всеобщности», о которомъ говоритъ г. Семеновъ, а рознь и взаимное отчужденіе между посадомъ и внѣ-посадскими элементами городского населенія характеризуютъ жизнь стараго русскаго города.—Эта застарѣлая рознь сказалась и въ моментъ созванія Екатерининской коммиссіи. Г. Семеновъ тщательно собралъ различныя указанія на проявленіе, какъ онъ выражается, «общегородскихъ теченій» въ наказахъ отъ городовъ 1767 г., теченій, шедшихъ якобы на встрѣчу провозглашенному въ «обрядѣ» принципу всесословности городского представительства. Эти указанія представляются намъ опять таки построенными на недоразумѣніяхъ и натяжкахъ. Если тульское купечество требуетъ въ своемъ наказѣ, чтобы фабриканты и заводчики были во всемъ подвѣдомственны магистрату, если шуйское купечество проситъ о дозволеніи выбирать въ гражданскія службы также и раскольниковъ, «чѣмъ бы *все купечество* имѣло пользоваться въ равенствѣ всеобщественно», то ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ попыткой раздвинуть предѣлы посадской общины, включивъ въ нее и внѣпосадскіе элементы, а со стремленіемъ за-

*) Дм. Семеновъ. Городское представительство въ Екатерининскую эпоху. Русское Богатство 1898 г. № 1.

**) Ib. стр. 38, ср. стр. 47.

Digitized by Google

градить выходъ *изъ нея* нѣкоторымъ слоямъ посадскаго класса, которые подпали подъ дѣйствіе спеціальныхъ узаконеній. Совершенно неосновательно усматривать проявленіе «общегородского теченія» въ просьбѣ переяславцевъ ежегодно избирать членовъ магистрата «обще со всего земскаго совѣту». «Земскій совѣтъ» на языкѣ актовъ XVIII в.—не общегородское собраніе, а спеціальный *посадскій* сходъ. Толкованіе воротынскаго наказа, предложенное г. Семеновымъ, опять таки не можетъ быть принято, такъ какъ оно основано на усвоенномъ авторомъ превратномъ пониманіи термина «посадскіе люди». Г. Семеновъ указываетъ далѣе на то, что въ городскихъ наказахъ встрѣчаются просьбы одинаковаго содержанія какъ въ интересахъ купцовъ, такъ и въ интересахъ дворянъ и разночинцевъ. Совершенно вѣрно. Но въ этихъ случаяхъ каждый чинъ испрашиваетъ себѣ одну и ту же льготу не для всего города а только для себя, и если эти однородныя просьбы сталкиваются въ одномъ и томъ же наказѣ, то это обстоятельство объясняется своеобразными техническими пріемами составленія общегородского наказа, къ разсмотрѣнію которыхъ намъ и предстоитъ скоро обратиться. Мы вовсе не намѣрены утверждать, что «общегородскія теченія», какъ выражается г. Семеновъ, были совершенно чужды русскому обществу того времени. Нѣтъ, онѣ несомнѣнно существовали и высказывались, какъ личныя мнѣнія, нѣкоторыми отдѣльными лицами. Не даромъ же онѣ были усвоены Екатерининскимъ законодательствомъ. Ихъ отголоски звучатъ кое-гдѣ и въ депутатскихъ преніяхъ, въ рѣчахъ такихъ депутатовъ, какъ, напр., кн Щербатовъ, и въ нѣкоторыхъ наказахъ, напримѣръ, въ такомъ исключительномъ наказѣ, какъ московскій. Но мы считаемъ ошибочнымъ видѣть въ этихъ теченіяхъ продуктъ предшествующей исторіи русскаго города и разсматривать ихъ, какъ общее стремленіе всего городского класса.

Изложенныя соображенія побуждаютъ насъ вернуться къ старымъ выводамъ Дитятина и г. Липинскаго. Для насъ несомнѣнно, что «обрядъ выборовъ» 1767 г. устанавливалъ принципъ всесословнаго городского представительства, и въ одинаковой степени несомнѣнно, что, устанавливая этотъ принципъ, «обрядъ» вступалъ въ коллизію съ историческими прецедентами.

II.

Итакъ, передъ нами остается во всей своей силѣ поставленный выше вопросъ: какимъ образомъ *всесословные* депутатскіе наказы отъ городовъ могли вырости изъ *посадскихъ* мірскихъ челобитій? Если задача письменнаго изложенія своихъ нуждъ не была для посадскихъ людей непривычной новостью, то безспорною новостью являлась необходимость впервые заняться этимъ дѣломъ совмѣстно съ прочими слоями городского населенія, выбрать съ ними одного

Digitized by Google

депутата и составить общій депутатскій наказъ. Разсматривая текстъ городскихъ наказовъ 1767 г., мы убѣждаемся, однако, что это осложненіе нисколько не помѣшало на практикѣ включить въ новые всесословные наказы старыя спеціально-посадскія міроkія челобитья. Произошло то, что не разъ случалось въ нашей исторіи. Жизненная практика, такъ сказать, перемалывала реформаторскія предначертанія правительственныхъ указовъ и регламентовъ. Постановленія, которыя, казалось, должны были открыть новую эру государственной жизни, нерѣдко превращались въ нарядныя личины, подъ покровомъ которыхъ продолжали послѣдовательно развертываться старинные процессы народной жизни. Смѣлое и новое стушевывалось въ практическомъ примѣненіи закона, а тѣ стороны закона, которыми онъ соприкасался съ исторической традиціей, понимаемыя односторонне и примѣняемыя изолированно отъ общаго смысла реформы, въ значительной мѣрѣ лишали всю реформу ея истиннаго значенія. Такъ случилось и съ «обрядомъ выборовъ». Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ на практикѣ былъ допущенъ даже и съ формальной стороны прямой обходъ закона. Игнорируя идею всесословности выборовъ, игнорируя постановленіе «обряда» о выборѣ отъ цѣлаго города *одного* депутата, нѣкоторые города остались вполнѣ вѣрны старинному началу дробимости городского населенія на рядъ замкнутыхъ въ себѣ группъ. Такъ, г. Астрахань избралъ въ коммиссію не одного, а пять депутатовъ, которые и были снабжены пятью самостоятельными наказами. Были попытки установить средній путь. Такъ, Нѣжинъ выбралъ одного депутата, но этотъ депутатъ привезъ съ собой пять отдѣльныхъ и взаимно-противорѣчивыхъ по содержанію наказовъ, принципъ всесословности былъ примѣненъ къ депутатскому выбору, но не распространился на порядокъ выработки депутатскаго наказа.

Большинство городовъ съ формальной стороны въ точности выполнило предписаніе «обряда»: выбрало по одному депутату и составило по одному наказу. Но было бы крупной ошибкой предположить, что этимъ достигалось всесословное единеніе всѣхъ группъ городского населенія. Выработка общегородского наказа достигалась механической сшивкой въ одну тетрадь съ общей нумераціей статей нѣсколькихъ самостоятельныхъ наказовъ, составленныхъ отдѣльно и обыкновенно проникнутыхъ духомъ сословной вражды и розни. Иногда эта сшивка ясно отмѣчена даже внѣшнимъ образомъ, статьи наказа раздѣляются на группы отдѣльными заголовками. Такъ, Костромской наказъ дробится на группы: 1) ст. 1—19 подъ общимъ заголовкомъ «купечество», 2) ст. 20—21 подъ заголовкомъ «фабриканты», 3) ст. 22—23 подъ заголовкомъ «разночинцы». Точно также въ наказѣ отъ Углича встрѣчаемъ слѣдующіе заголовки: ст. 1—12 «отъ бѣлаго духовенства съ причтомъ», ст. 13—44: «отъ углицкаго купечества», ст. 45—49: «отъ содержателей фабрикъ», ст. 50—56: «отъ городскихъ приказныхъ служителей и раз-

Digitized by Google

ночинцевъ», наконецъ, ст. 57—61: «отъ ямщиковъ». Но и при отсутствіи такой рубрикаціи нѣтъ никакого труда различить искусственно соединенныя части общегородскихъ наказовъ. Просмотрите серпуховскій наказъ. Тамъ и при отсутствіи спеціальныхъ надписаній какъ нельзя отчетливѣе выдѣляется втиснутый между статьями посадскаго наказа спеціальный наказъ отъ серпуховскихъ слободъ. Дробленіе шло и дальше. Тульская оружейная слобода составила свой наказъ, особый отъ тульскаго наказа. Но среди его статей мы въ свою очередь вскрываемъ особый наказъ гончарной слободы. Гончарная слобода примыкала къ оружейной: жители обѣихъ слободъ составляли одну группу «оружейнаго дѣла мастеровыхъ людей». Но, примкнувъ къ оружейной слободѣ, при составленіи наказа жители гончарной слободы все же составили свою часть наказа самостоятельно. Составленныя ими четыре статьи (см. 35—39) представляютъ собой какъ бы отдѣльный вставной наказикъ, и по внѣшности отличающійся отъ остального текста: такъ всѣ другія статьи этого наказа снабжены каждая своимъ заглавіемъ, тогда какъ статьи 35—39, касающіяся нуждъ гончарной слободы, вставлены безъ всякихъ надписаній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти частные наказы вырабатывались *обособленно* и уже въ готовомъ видѣ вносились въ общій наказъ. Передъ 19 статьей серпуховскаго наказа, излагающей заявленія жителей Казенной слободы г. Серпухова, есть помѣта: «отъ старосты Ивана Замошникова *со всѣми той слободы жителями*». Ясно, что эта часть общаго серпуховскаго наказа выработана на особомъ *слободскомъ* сходѣ подъ предсѣдательствомъ слободского старосты и уже въ готовомъ видѣ сдана въ мѣстную редакціонную пятичленную комиссію. — Самое содержаніе статей обнаруживаетъ именно такой ходъ составленія общаго наказа враздробь, по тѣмъ отдѣльнымъ группамъ, на которыя распадалось городское населеніе. Въ разныхъ частяхъ одного и того же наказа часто находимъ повтореніе одинаковыхъ заявленій — естественный результатъ того, что каждая группа городского населенія составила свои заявленія особо, а не совмѣстно. Сравни, напр., статьи 19 и 3 серпуховскаго наказа, заключающія въ себѣ дважды повторенную просьбу относительно облегченія постойной повинности: въ ст. 3 эта просьба заявлена отъ имени посадскихъ, въ ст. 19 отъ имени слобожанъ. Еще осязательнѣе другой признакъ: не менѣе часто различныя статьи одного и того же наказа рѣзко полемизируютъ другъ съ другомъ, выставляя требованія, взаимно противоположныя и выражающія антагонистическіе интересы различныхъ группъ городского населенія. По всѣмъ этимъ признакамъ не трудно расшить каждый наказъ на его первоначальныя составныя части. Гораздо труднѣе представить себѣ положеніе депутата, вооруженнаго такимъ пестрымъ и полнымъ противорѣчій полномочіемъ.

Такъ извратился въ практическомъ примѣненіи принципъ все-

Digitized by Google

сословности, предписанный обрядомъ какъ для выборовъ городского депутата, такъ и для выработки городского наказа. Совмѣстность работы различныхъ группъ городского населенія надъ выясненіемъ общихъ нуждъ осуществилась буквально только на бумагѣ, въ формѣ соединенія въ одну тетрадку предварительно выработанныхъ особо пунктовъ *). Торжественно провозглашенное Екатериной объединеніе всего города въ одно всесословное общество, и въ переносномъ и въ прямомъ смыслѣ, оказалось сшитымъ бѣлыми нитками.

Это-то обстоятельство и дало возможность посадскимъ общинамъ, не смущаясь предписаннымъ сотрудничествомъ чуждыхъ имъ элементовъ городского населенія, цѣликомъ пересадить въ депутатскіе наказы свои старыя посадскія челобитья.

Изложенныя наблюденія приводятъ къ тому заключенію, что составленіе городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г. осуществилось на почвѣ старыхъ, всѣмъ хорошо привычныхъ и долго уже практиковавшихся пріемовъ. Вотъ почему при составленіи этихъ наказовъ городскимъ обществамъ просто не было надобности прибѣгать къ механическому заимствованію иногородныхъ текстовъ. Матеріалы для составленія самостоятельнаго наказа, провѣренные самой жизнью, давно были готовы и лежали подъ рукой, въ архивѣ мѣстнаго магистрата, для немедленнаго представленія по начальству по первой надобности.

Теперь обратимся къ самимъ инкриминируемымъ текстамъ и посмотримъ, въ какихъ формахъ выразилось сходство отдѣльныхъ наказовъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что на ряду съ частымъ совпаденіемъ текстовъ чрезъ литературу наказовъ столь же рѣзко проходитъ и другая отличительная черта: тѣсная связь каждаго отдѣльнаго наказа съ *мѣстными* бытовыми условіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта связь устанавливается документально самымъ текстомъ наказа. Вотъ, напримѣръ, боровскій наказъ. Въ немъ всего пять статей. Это—статьи, повторяющіяся во многихъ другихъ наказахъ—объ отмѣнѣ баннаго сбора, о переложеніи на деньги рекрутской повинности, о посадскомъ управленіи. Не нужно, однако, долго вчитываться въ боровскій наказъ, чтобы замѣтить, какъ несправедливо было-бы заподозрѣть боровчанъ въ механическомъ копированіи чужихъ наказовъ. Заимствованіе было произведено, очевидно, на основаніи сознательной оцѣнки мѣстныхъ боровскихъ условій. Въ томъ же наказѣ находимъ сообщенія о характерныхъ и важныхъ подробностяхъ мѣстной жизни. Наказъ открывается подробной исторіей боровскаго городского выгона съ об-

*) Въ веневскомъ наказѣ находимъ любопытный намекъ на то, какъ привыкшія къ замкнутости посадскія общины далеки были отъ расширенія понятія городского общества на всѣ слои городского населенія. Статьи наказа дѣлятся на двѣ группы: первая озаглавлена: «пункты о приказныхъ служителяхъ и военныхъ служилыхъ людяхъ», а вторая: «пункты, подлежащіе до купечества, *общественные*».

Digitized by Google

стоятельнымъ изложеніемъ поземельныхъ споровъ города съ окрестнымъ населеніемъ, со ссылками на оправдательные документы. Далѣе идетъ не менѣе пространная повѣсть о получающихся для города отягощеніяхъ отъ постоя Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Въ иныхъ случаяхъ эта тѣсная связь наказовъ съ фактами текущей *мѣстной* жизни даже переходитъ законныя границы. Въ наказы попадаютъ обрывки личныхъ тяжбъ, и депутатъ по смыслу этихъ заявленій превращается изъ представителя общественныхъ интересовъ въ частнаго ходатая по дѣламъ. Такъ, напр., въ кашинскомъ наказѣ, среди ряда заявленій общаго характера, встрѣчаемъ статью (30), все содержаніе которой исчерпывается просьбой двухъ ямщиковъ Неклюдовыхъ объ отпискѣ ихъ отъ углицкаго яма и зачисленіи въ кашинское купечество. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые разрѣшались городовыми магистратами въ порядкѣ обычнаго дѣлопроизводства и обыкновенно не восходили выше главнаго магистрата. Включеніе такого частнаго ходатайства въ депутатскій наказъ свидѣтельствуетъ, конечно, о недостаточной подготовкѣ общества къ различенію законодательной нормы отъ административнаго распоряженія на основаніи существующихъ узаконеній, но оно свидѣтельствуетъ также и о томъ, что наказы вбирали въ себя текущую мѣстную жизнь со всѣми ея мелкими перипетіями. Сличая наказы одной и той же редакціи, мы даже и въ совпадающихъ статьяхъ наслѣживаемъ иногда нѣкоторыя черты, документально указывающія на то, что заимствованіе чужегороднаго текста не всегда свидѣтельствовало объ игнорированіи мѣстныхъ условій. Вотъ перемышльскій наказъ. Онъ списанъ съ воротынскаго. Нѣкоторыя статьи совпадаютъ дословно, нѣкоторыя едва различаются большей или меньшей распространенностью отдѣльныхъ фразъ. Здѣсь легко заподозрѣть съ перваго взгляда механическое копированіе. Но вотъ въ ст. 9-й перемышльскаго наказа открываемъ драгоцѣнную оговорку, бросающую совершенно иной свѣтъ на исторію его выработки. Эта статья воспроизводитъ дословно заявленіе 4 статьи воротынскаго наказа о необходимости дозволить профессіональнымъ хлѣботорговцамъ покупать въ торговые дни хлѣбъ на торгу въ теченіе всего торга, тогда какъ по существующему порядку профессіональные хлѣботорговцы могли приступать къ сдѣлкамъ лишь послѣ полудня, когда закончатъ свои покупки «разнаго званія люди». Воспроизводя это заявленіе, перемышльскій наказъ обронилъ въ поясненіе, что въ г. Перемышлѣ всего одинъ торговый день на недѣлѣ, причемъ весь торгъ продолжается какъ разъ только до полудня, такъ что профессіональные хлѣботорговцы лишены всякой возможности когда бы то ни было производить на торгу необходимыя закупки. Вотъ чисто мѣстная особенность, заставившая составителей перемышльскаго наказа ухватиться за столь подходящую для нихъ соотвѣтствующую статью наказа воротынскаго. Заимствованіе вызвано здѣсь самостоятельной

Digitized by Google

оцѣнкой мѣстныхъ условій. Возьмемъ еще примѣръ: алексинскій наказъ, за исключеніемъ немногихъ статей—воспроизведеніе тульскаго. Пятая статья тульскаго наказа касается одной своеобразной группы въ составѣ тульскаго купечества: бывшихъ тульскихъ оружейниковъ, сенатскимъ наказомъ переведенныхъ въ купечество, но положенныхъ при этомъ въ двойной окладъ на томъ основаніи, что на первыхъ порахъ по переводѣ въ посадъ они были освобождены отъ гражданскихъ службъ и платежей за рекрутскій наборъ. Наказъ ходатайствуетъ о снятіи съ нихъ двойного оклада, такъ какъ съ теченіемъ времени они совершенно сравнялись съ прочимъ купечествомъ въ несеніи платежей и службъ и стали «обращаться по купеческому порядку». Пятая статья алексинскаго наказа содержитъ въ себѣ точно такую же просьбу, причемъ совпаденіе статей обоихъ наказовъ прямо вызвано совпаденіемъ мѣстныхъ условій: въ составѣ алексинскаго купечества тоже оказались группы, обложенныя двойнымъ окладомъ, бывшіе казенные кузнецы, прежнихъ службъ служилые люди, дворцовые крестьяне, переведенные въ купечество изъ разныхъ слободъ. Характерно, что эти случайныя оговорки, указывающія на общность мѣстныхъ условій, встрѣчаются какъ разъ въ такихъ наказахъ, тексты которыхъ совпадаютъ почти по всѣмъ статьямъ. Очевидно, мы вправѣ предполагать совпаденіе мѣстныхъ условій и при прочихъ статьяхъ совпадающихъ наказовъ. Сознательный характеръ допущенныхъ заимствованій выразился и въ томъ, что на ряду съ наказами-копіями мы встрѣчаемъ и наказы-компиляціи, собранныя по кусочкамъ изъ различныхъ другихъ наказовъ съ выборомъ изъ каждаго статей, наиболѣе подходящихъ къ мѣстнымъ условіямъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи верейскій наказъ. Въ немъ есть статьи несомнѣнно мѣстнаго происхожденія (1, 2, 12, 13) и на ряду съ этимъ мы находимъ въ немъ дословныя заимствованія изъ *нѣсколькихъ* другихъ наказовъ, напр., гжатскаго, малоярославскаго. Итакъ, въ литературѣ наказовъ можно выдѣлить, такъ сказать, стереотипныя, странствующія статьи, которыя включались въ различные самостоятельные наказы.

Я остановился на этихъ, быть можетъ, нѣсколько мелочныхъ наблюденіяхъ, такъ какъ они—думается мнѣ—раскрываютъ нѣкоторыя черты въ процессѣ составленія наказовъ. Эти наблюденія приводятъ къ двумъ выводамъ.—Во первыхъ, составители наказовъ исходили прежде всего изъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ. Во вторыхъ, посадскія общества пользовались при составленіи наказовъ широкой взаимопомощью, но эта взаимопомощь отнюдь не сводилась къ механическому списыванію чужихъ текстовъ. Источникъ и характеръ этой взаимопомощи вскроется передъ нами, если мы снова обратимся къ условіямъ обыденной, будничной жизни посадскихъ общинъ, въ которой слагались и крѣпли основныя особенности посадскаго быта. Только принявъ во вниманіе эти подробности обыденнаго строя посадской жизни, мы получимъ возможность

Digitized by Google

понять дѣятельность посадскихъ общинъ и въ торжественный моментъ созванія Екатерининской коммиссіи.

Взаимное текстуальное сходство занимающихъ насъ наказовъ унаслѣдовано ими отъ тѣхъ же старыхъ посадскихъ мірскихъ челобитій, которыя легли въ основу ихъ текста. Стереотипные тексты этихъ челобитій сами отмѣчены такою же взаимной близостью, возникшей не на почвѣ плагіата, а на почвѣ исторически выработаннаго навыка къ коллективному обсужденію посадскихъ нуждъ представителями различныхъ посадскихъ общинъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще на одно любопытное явленіе посадской жизни, показывающее, что совмѣстная разработка важнѣйшихъ вопросовъ посадской жизни представителями различныхъ посадовъ опять-таки была для посадовъ Екатерининской эпохи не новостью, а старинной и всѣмъ привычной «пошлиной». Я разумѣю *междупосадскіе съѣзды*. Дѣлопроизводство магистратскихъ учрежденій прошлаго столѣтія открываетъ не мало данныхъ о такихъ съѣздахъ и о программахъ ихъ дѣятельности. Уже г. Латкинымъ были отмѣчены провинціальные съѣзды посадскихъ представителей, имѣвшіе мѣсто за шесть лѣтъ до Екатерининской коммиссіи для выборовъ депутатовъ въ Елизаветинскую законодательную коммиссію 1761 г. Сенатскимъ указомъ 29 сентября 1761 г. было постановлено выслать въ эту коммиссію для слушанія проекта новаго уложенія изъ каждой провинціи по 2 дворянина и по одному купцу. Для выбора дворянскихъ представителей указомъ прямо предписывалось созывать провинціальные избирательные дворянскіе съѣзды; относительно купеческихъ депутатовъ говорилось глухо: «купцевъ же выбирать всему тѣхъ городовъ купечеству *и высылать магистратамъ*» *). Какъ видно изъ данныхъ, опубликованныхъ г. Латкинымъ, для выбора купеческихъ депутатовъ тоже были организованы избирательные съѣзды: въ провинціальный городъ съѣзжались представители, выбранные посадскими общинами приписныхъ городовъ и снабженные отъ своихъ избирателей спеціальными полномочіями. На такомъ провинціальномъ съѣздѣ и избирался затѣмъ депутатъ отъ всей провинціи **). Съѣзды 1761 г. не были исключительнымъ явленіемъ. Магистратское дѣлопроизводство полно указаній на то, что междупосадскіе съѣзды практиковались постоянно въ теченіе прошлаго столѣтія по иниціативѣ самихъ магистратовъ. Мы встрѣчаемъ среди нихъ съѣзды погубернскіе, провинціальные и даже всероссійскіе. На этихъ-то съѣздахъ и вырабатывались нерѣдко тексты мірскихъ челобитій о нуждахъ посадскаго населенія. Приведу примѣры. Въ 1747 г. бѣлогородскій губернскій магистратъ разослалъ указы во всѣ провинціальные и городовые магистраты Бѣлогородской губерніи съ предписаніемъ, чтобы изъ всѣхъ тѣхъ магистра-

*) П. С. З. т. XV, № 11.335.

**) Латкинъ, стр. 103, 106—7, 109, 111. Ср. Приложенія стр. 550—595.

Digitized by Google

товъ и ратушъ были высланы въ Бѣлгородъ по одному члену «для сочиненія обще съ бѣлогородскимъ губернскимъ магистратомъ *къ пользѣ купеческой нѣкотораго мнѣнія*», т. е. для составленія мірского челобитія о посадскихъ нуждахъ *). На созывъ даннаго съѣзда не было издано какого либо спеціальнаго предписанія со стороны сената или даже главнаго магистрата; при наличности такого предписанія бѣлогородскій магистратъ по правиламъ тогдашняго дѣлопроизводства непремѣнно привелъ бы его in extenso въ началѣ своего указа. Ясно, что губернскій бѣлогородскій магистратъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ по собственной иниціативѣ, опираясь на установленный практикой обычай. Образцы тѣхъ вопросовъ, которые были обсуждаемы на подобныхъ съѣздахъ, довольно обстоятельно сгруппированы въ другомъ дѣлѣ. 23-го февраля 1754 г. псковскій бургомистръ Трубинскій подалъ въ псковскій провинціальный магистратъ любопытное предложеніе. «Довольно магистрату извѣстно есть—говорилось въ этомъ предложеніи—въ какое отъ непорядочнаго въ Псковѣ купечества произвожденія и отъ нераспредѣленія на гильдіи и отъ необученія гулякъ малолѣтнихъ мастерству и отъ прочихъ непорядковъ... псковское купечество пришло въ всекрайнее раззореніе и убожество, что едва нынѣ во всемъ Псковѣ можно ли обрѣсти до пяти домовъ, имѣющихъ свой хорошій капиталъ». Какъ видно изъ того же доношенія Трубинскаго, псковскій магистратъ уже ранѣе озабочивался всѣми этими нестроеніями и доносилъ о нихъ главному магистрату, не получая, однако, на свои доношенія никакого отвѣта. Теперь Трубинскій намѣчаетъ слѣдующій планъ дѣйствій: онъ предлагаетъ просить у главнаго магистрата командировать въ Псковъ авторитетное и особо уполномоченное лицо для проведенія необходимыхъ мѣропріятій, а, между тѣмъ, ко времени пріѣзда этого лица отобрать у купцовъ письменныя мнѣнія о «добрыхъ распорядкахъ», которые желательно было бы ввести. Эти письменныя мнѣнія должны быть выработаны на сотенныхъ сходахъ главныхъ и среднихъ купцовъ. Псковскій магистратъ составилъ и программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію посадскаго схода, программу, разработанную очень подробно и серьезно. Она касалась: 1) реорганизаціи магистратскаго дѣлопроизводства. Здѣсь предлагалось распредѣлить различныя категоріи дѣлъ между отдѣльными членами магистратскаго присутствія. Цѣль этого предложеія заключалась, какъ видно, въ желаніи дать толчекъ тѣмъ сторонамъ въ дѣятельности магистрата, которыя непосредственно соприкасались съ внутренними интересами посадскаго общества и которыя обыкновенно отступали на задній планъ передъ выполненіемъ различныхъ казенныхъ порученій. Теперь предлагалось, чтобы одинъ изъ магистратскихъ членовъ вѣдалъ спеціально «охраненіе купечества отъ обидъ и заботу объ улуч-

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла орловск. маг., вязка I, № 34.

Digitized by Google

шеніи коммерціи», другому надлежало имѣть спеціальное «попеченіе» о мастеровыхъ и цеховыхъ людяхъ, третьему предназначалась городская полиція, и т. д. То же стремленіе направить заботы магистрата на внутреннія нужды общества внушило и еще одно замѣчательное предложеніе: предлагалось озаботиться, чтобы 18, 19, 20 и 21 главы магистратскаго регламента, трактующія о заведеніи на городскія средства школъ, госпиталей, сиропитательныхъ домовъ и т. п., не оставались одной мертвой буквой, а переходили и въ жизнь, и съ этой цѣлью проектировалось возбудить ходатайство о возвращеніи отобранныхъ въ казну приборныхъ городскихъ сборовъ; 2) точнаго регулированія посадскаго обложенія: предполагалось установить для всѣхъ сборовъ государственныхъ и гражданскихъ непремѣнные оклады; 3) законодательнаго нормированія правъ и взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ посадскаго населенія: здѣсь предлагалось присвоить каждой гильдіи право на торговлю лишь опредѣленными товарами, предлагались мѣры къ поддержанію низшаго или «подлаго» купечества противъ непосильной для него конкурренціи какъ со стороны первостатейныхъ купцовъ, такъ и со стороны торгующаго крестьянства *).

Здѣсь не мѣсто входить въ анализъ этой любопытной программы, но и приведенныя указанія на ея содержаніе достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ широко и серьезно ставилось иногда на посадскихъ сходахъ обсужденіе желательныхъ преобразованій посадскаго быта. Небезынтересно отмѣтить, между прочимъ, что въ этой программѣ псковскаго магистрата, составленной за десять лѣтъ до созванія Екатерининской коммиссіи, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя идеи, повторяющіяся затѣмъ въ знаменитомъ наказѣ города Архангельска **). Упомянутый наказъ, какъ извѣстно, рѣзко выдѣляется среди прочихъ наказовъ систематичностью плана и литературностью изложенія, что объясняется тѣмъ, что его составителемъ былъ извѣстный своими литературными наклонностями Александръ Ѳоминъ. Однако, идеи, выраженныя въ наказѣ, не слѣдуетъ принимать исключительно за личное достояніе автора. Поручивъ редактированіе наказа мѣстному литератору, посадское общество Архангельска не устранилось отъ участія въ этой работѣ, и отмѣченное только что сближеніе лишь подкрѣпляетъ и безъ того авторитетное свидѣтельство Крестинина объ этомъ участіи. Идеи, выраженныя въ архангельскомъ наказѣ и отлитыя здѣсь въ болѣе искусную форму, чѣмъ это дѣлалось обычно, давно уже обращались въ сознаніи посадскаго населенія.

Теперь мы можемъ яснѣе представить себѣ, какой смыслъ могло имѣть выраженіе указа бѣлогородскаго магистрата: «сочиненіе къ

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла главн. маг. вязка XXXV, № 34.

**) Ср. г. Латкинъ, «Наказъ города Архангельска». «Юридич. Вѣстн.» 1886, № 11.

Digitized by Google

пользѣ купеческой нѣкотораго мнѣнія». Въ Псковѣ выработка мірского челобитья о нуждахъ общественныхъ вручается сходу псковскаго посада; бѣлогородскій магистратъ организуетъ для подобной же цѣли погубернскій съѣздъ представителей всѣхъ посадовъ данной губерніи. Наряду съ погубернскими съѣздами мы встрѣчаемъ документальныя свидѣтельства о съѣздахъ провинціальныхъ. Выбираемъ для примѣра на этотъ разъ такой случай, когда созывъ съѣзда былъ вызванъ спеціальнымъ предписаніемъ высшаго установленія. Въ 1739 г. возникъ вопросъ о порядкѣ содержанія пробирнаго мастера Авилова, назначеннаго въ Сѣвскую провинцію. Монетная канцелярія затребовала общаго мнѣнія воеводскихъ канцелярій и купечества Сѣвской провинціи о томъ, на какую сумму и на чей коштъ можно было бы содержать этого мастера. Въ силу этого распоряженія въ маѣ 1740 г. въ Сѣвскъ съѣхались купеческіе депутаты, выбранные на этотъ случай отъ всѣхъ городовъ Сѣвской провинціи. Постановленіе съѣзда сводилось къ тому, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ—1740 и 1741 гг. содержать Авилова коштомъ всего купечества провинціи, собирая на этотъ предметъ съ написанныхъ въ Сѣвскѣ и приписанныхъ къ Сѣвску въ городахъ въ посады и въ цехи по 1 коп., по ¾ и ½ доли коп. съ души; по прошествіи же двухъ лѣтъ выдавать Авилову жалованье изъ собираемыхъ имъ денегъ съ клейменія золотыхъ и серебряныхъ товаровъ или изъ другихъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ по разсмотрѣнію монетной канцеляріи, смотря по его искусству. Въ теченіе двухъ лѣтъ постановленіе съѣзда, получившее утвержденіе, было приводимо въ исполненіе, но затѣмъ, по указу сената, этотъ вопросъ вновь былъ подвергнутъ разсмотрѣнію такого же провинціальнаго съѣзда посадскихъ депутатовъ. О работахъ этого второго съѣзда въ нашемъ документѣ свѣдѣній не имѣется *). Наконецъ, въ прошломъ столѣтіи оказывались возможными и *всероссійскіе* съѣзды посадскихъ депутатовъ. Я могу указать на одинъ такой съѣздъ, относящійся къ первой четверти вѣка, собиравшійся въ Москвѣ въ связи съ выработкой инструкціи только что учрежденнымъ тогда городовымъ магистратамъ и, если не ошибаюсь, до сихъ поръ еще не отмѣченный въ литературѣ. Соловьевъ **) и Дитятинъ ***) подробно изложили намъ исторію введенія магистратскихъ учрежденій на основаніи указовъ самого Петра и протоколовъ сената. Получилась яркая картина энергичныхъ усилій правительства ускорить проведеніе реформы, разбивавшихся о неподатливый индиферентизмъ общества. Въ 1720 г. въ февралѣ учреждается главный магистратъ, на обязанность котораго возлагается «учинить форму правленія магистратскаго» и прежде всего составить инструкцію городовымъ магистратамъ. Эта работа затянулась настолько, что еще въ 1722 г. царь, въ исполненномъ негодованія указѣ, побуждаетъ главный магистратъ къ ея окончанію въ пятимѣсячный срокъ, грозя оберъ-президенту главнаго магистрата и его товарищу каторжной работой. И все-таки инструкція поспѣла не ранѣе, какъ къ концу 1724

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла Главн. маг. вязка XV, № 96.
**) Ист. Россіи, т. XVIII, столб. 789. Изд. тов. Общ. пользы.
***) Уст. и управл. городовъ въ Россіи, т. I, стр. 205—206

Digitized by Google

года!—Названные ученые имѣли въ своемъ распоряженіи, какъ уже замѣчено, лишь побудительные указы царя, рисующіе медлительность главнаго магистрата, но не объясняющіе причинъ этой медлительности. Документы главнаго магистрата даютъ намъ возможность выслушать и другую сторону, представляя въ иномъ свѣтѣ исторію выработки инструкціи городовымъ магистратамъ. Оказывается, что въ то самое время, когда изъ Петербурга въ Москву летѣли царскіе угрозы главному магистрату каторгой за его бездѣятельность, главный магистратъ не только не сидѣлъ, сложа руки, но по собственной иниціативѣ далъ всему дѣлу новую постановку, не предусмотрѣнную царемъ. Не въ «канцелярской тиши» вырабатывалъ главный магистратъ «регулы» для городовыхъ магистратовъ, какъ предположилъ Дитятинъ. Царь требовалъ быстраго изготовленія законопроекта обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ. А главный магистратъ созвалъ въ Москвѣ всероссійскій съѣздъ посадскихъ депутатовъ, на обсужденіе котораго и былъ предложенъ проектъ инструкціи, составленный въ главномъ магистратѣ. Съѣздъ былъ созванъ въ августѣ 1722 г., но занятія его затянулись ввиду того, что депутаты, приступивъ къ разсмотрѣнію проекта, къ различнымъ исправленіямъ и добавленіямъ, сочли недостаточными свои полномочія и отказались дать свои заключенія «безъ совѣту съ ратушами и прочими гражданами своихъ городовъ». По требованію депутатовъ проектъ былъ разосланъ по городамъ, и такъ какъ отвѣты посадскихъ обществъ получалась очень медленно, то главный магистратъ и не могъ своевременно внести инструкцію на апробацію сената *).

Итакъ, съѣзды посадскихъ депутатовъ собираются постоянно на пространствѣ всего столѣтія. Они созываются то по спеціальному предписанію высшихъ установленій, то по собственной иниціативѣ мѣстныхъ магистратовъ. Въ первомъ случаѣ они вырабатываютъ свои заключенія по запросамъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, во второмъ случаѣ предметомъ ихъ дѣятельности является совмѣстное составленіе челобитій о мірскихъ нуждахъ.

Резюмируемъ предшествующее изложеніе.—Текстуальное сходство многихъ городскихъ наказовъ 1767 г. объясняется въ значительной мѣрѣ текстуальнымъ сходствомъ ихъ источника: мірскихъ посадскихъ челобитій, которое въ свою очередь образовалось не на почвѣ плагіата, а на почвѣ совмѣстной разработки насущныхъ вопросовъ посадской жизни представителями различныхъ посадскихъ общинъ. Этотъ выводъ можетъ содѣйствовать поднятію въ нашихъ глазахъ цѣнности городскихъ наказовъ 1767 г., какъ историческаго источника. Близость ихъ текстовъ свидѣтельствуетъ лишь о тѣсной общности основныхъ нуждъ всѣхъ посадскихъ общинъ того времени. Отразивъ на себѣ нѣкоторыя индивидуальныя особенности отдѣльныхъ посадовъ, эти наказы въ еще большей мѣрѣ выразили общія нужды и стремленія всей тогдашней торгово-промышленной Россіи.

Ал. Кизеветтеръ.

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла Гл. маг., вязка IV, № 29.

Digitized by Google

Пятьсотъ миль по Англіи и Уэльсу на велосипедѣ.

(Изъ впечатлѣній поверхностнаго туриста).

VII. По дорогѣ въ Лондонъ; окрестности Лондона. Бѣглая сравнительная анатомія Лондона и Парижа: улица; рестораны; движеніе и полисмэны. Идеализація лондонскаго бобби на континентѣ. Артистическія и научныя коллекціи двухъ столицъ. Дарвинъ и дарвинизмъ въ публичномъ музеѣ. Культъ знаменитыхъ людей и вѣра въ гласность. Какъ функціонируютъ Британскій музей и Парижская національная библіотека? Экономическая мощь Лондона и обратная сторона медали. Живыя каріатиды современнаго строя.—VIII. Въ вагонѣ скораго поѣзда по пути въ Бирмингамъ. Словоохотливый фабрикантъ тромбоновъ. Еще англійскій нейзажъ и рекламы. Зрѣлище «черной страны». Продолженіе индустріальнаго ландшафта. Вольвергамптонъ: я на славной замочной фабрикѣ мистера Чёбба съ сыномъ. Побѣда зеленой страны надъ «черной». На родинѣ Дарвина.—IX. Шрусбери: въ поискахъ дома Дарвина подъ дождемъ; «Происхожденіе видовъ» и джентльмэнъ-дарвинистъ. Моё profession de foi. Такса-лисодавъ въ 200 фунтовъ стерлинговъ и подписка на статую великаго ученаго. Гдѣ именно родился Дарвинъ? Портретъ отца Дарвина въ мѣстной гостиницѣ. На границѣ Уэльса: характеръ страны и типы жителей. Панорама стараго Честера.—X. Честерскій соборъ и прогулка по городскимъ стѣнамъ. Я въ Уэльсѣ: паркъ «великаго старца»; замокъ Гладстона. Горный ландшафтъ. Морскія купанья въ Англіи и Франціи: особенности англійской купальной жизни. Дѣти, любовь къ клоунству и раздѣленіе половъ въ водѣ. По морскому «карнизу» до Бангора. Сѣверный берегъ Уэльса.—XI. Островъ Энглеси и два чуда инженернаго искусства. Вдоль Менайскаго пролива къ замку Карнарвона. На пути къ англійскому Монблану: картина горнаго Уэльса. Видъ Снодона. На западномъ прибрежьѣ Уэльса. Конская ярмарка. Фешіонэбельный берегъ Аберистуиса и соперничество пасторовъ съ циркомъ. Въ патріархальной гостиницѣ. Кардиганъ и живописная долина Тейви; первобытный челнокъ. У прибрежья и въ центрѣ южнаго Уэльса: изъ Кармарсэна въ Лландовери вдоль рѣки Тоуи. Окончаніе путешествія: Англія сквозь поливаемое дождемъ окно вагона. Прощай, островъ!

VII.

1—3 августа: дорога изъ Оксфорда въ Лондонъ и трехдневное пребываніе въ столицѣ. Часовъ въ восемь утра на слѣдующій день я выѣхалъ изъ Оксфорда, почти съ сожалѣніемъ разставаясь съ семьей X—са. Я нѣсколько разъ пожалъ руки всѣмъ моимъ новымъ знакомымъ и направился на востокъ, по большой лондонской дорогѣ, напутствуемый дружескими восклицаніями самого X—са, его жены и милыхъ дѣ-

Digitized by Google

вушекъ-дочерей... Меня продолжаютъ преслѣдовать «банковыя каникулы»: сегодня понедѣльникъ, 1-ое августа, третій день празднества. По дорогѣ, сначала очень красивой и разнообразной, особенно тамъ, гдѣ она подходила къ притокамъ Темзы, затѣмъ по мѣрѣ приближенія къ Лондону все болѣе и болѣе монотонной, мнѣ встрѣчаются многочисленныя экскурсіонныя повозки съ сопровождающей ихъ легкой кавалеріей велосипедистовъ... На повозкахъ масса почтенныхъ отцовъ семейства, женъ и дѣтей, отправляющихся на пикникъ. Громъ всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ и, конечно, добросовѣстно-оглушительное пѣніе My father's home, которое отъ времени до времени чередуется, впрочемъ, со звуками недавно вошедшей въ моду и уже порядочно затасканной, но все же очень граціозной пѣсни «Daisy bell». Начиная съ Эксбриджа (Uxbridge), находящагося на границѣ Бэкингамскаго и Миддльсекскаго графствъ, ландшафтъ по большой дорогѣ принимаетъ обычный, наводящій всегда на меня тоску характеръ непосредственныхъ окрестностей громаднаго центра: это еще и не городъ, но уже и не деревня; деревья покрыты густой пылью безпрестанно проѣзжающихъ экипажей; я замѣчаю, что возлѣ Лондона дорога щедро посыпана жирнымъ, блестящимъ и хрустящимъ порошкомъ чернаго цвѣта: очевидно, шоссе заравнивается шлаками многочисленныхъ заводовъ; не смотря на каникулы, въ воздухѣ дымъ и копоть, сквозь которые голубое небо кажется блѣдно-сѣрымъ. А вотъ и предмѣстья: на цѣлые километры тянутся ряды совершенно одинаковыхъ небольшихъ, почернѣвшихъ отъ вѣчнаго смрада кирпичныхъ домиковъ, съ крыльцомъ по срединѣ и тощимъ-претощимъ цвѣтникомъ впереди. То ульи «пчелъ Англіи», ихъ жалкія обиталища, въ которыя я не безъ ироніи приглашаю всмотрѣться защитниковъ современной культуры, грозящихъ намъ казармой кооперативнаго строя: есть чѣмъ пугать послѣ теперешняго ужаснаго по своей монотонности и грязи фабричнаго ада!..

За Эксбриджской желѣзнодорожной станціей рабочій Лондонъ постепенно превращается въ Лондонъ потребляющій и фешіонэбельный. Вотъ и «Кенсингтонскіе сады», вотъ и Гайдъ-паркъ: я ѣду все впередъ по Оксфордской улицѣ, «слѣдуя за своимъ носомъ» (following my nose), какъ картинно выражаются англичане, пока, послѣ нѣсколькихъ разспросовъ, не сворачиваю налѣво и не останавливаюсь въ одномъ изъ «отелей воздержанія» на довольно близкой къ Британскому музею Гилдфордской улицѣ. Генеральное омовеніе—и скорѣе за баранину съ мятнымъ соусомъ! Торопясь поскорѣе начать осмотръ Лондона, я принужденъ былъ проѣхать 54 мили=86 километровъ (отъ Оксфорда) въ какіе нибудь четыре часа, и, не смотря на

Digitized by Google

это, не могу сѣсть за столъ раньше 1 ч. пополудни... Слуга наскоро выбиваетъ мое платье и чиститъ велосипедъ—и я снова разъѣзжаю по улицамъ столицы, ища лицъ, къ которымъ у меня были рекомендательныя письма. Поиски эти по большей части безплодные: джентльмэны покинули Лондонъ, кто на «банковыя каникулы», кто совсѣмъ на лѣто. Но это позволяетъ мнѣ скорѣе оріентироваться въ Лондонѣ и впитать въ себя лондонскія впечатлѣнія (не совсѣмъ, впрочемъ, новыя для меня)...

Читатель, конечно, еще менѣе можетъ ждать отъ меня описанія Лондона, чѣмъ Оксфорда. Я безъ всякой претензіи дѣлюсь съ нимъ бѣглыми наблюденіями, оставляя даже имъ ту телеграфическую форму, въ которой они укладывались въ моей головѣ. Во первыхъ, общій видъ: уличнаго движенія несравненно больше, чѣмъ въ Парижѣ, но уличной жизни меньше. На главныхъ улицахъ омнибусы (широкіе кверху, съ небольшими скамейками,—каждая для двухъ пассажировъ,—повернутыми всѣ впередъ и раздѣленными центральнымъ проходомъ) слѣдуютъ такой вереницей одинъ за другимъ, какой бѣгутъ въ Парижѣ развѣ простые фіакры на большихъ бульварахъ. Но на троттуарахъ густая толпа пѣшеходовъ имѣетъ болѣе дѣловой, торопливый и разрозненный видъ: видно, что каждый спѣшитъ по своему business'у; не успѣваетъ образоваться тѣхъ живописныхъ группъ, которыя составляютъ собственно уличную парижскую жизнь: препирающихся между собою о политикѣ двухъ разносчиковъ газетъ, вокругъ которыхъ собирается моментально кучка любопытныхъ; семей фланирующихъ иностранцевъ; кружковъ пріятелей и случайныхъ знакомыхъ, сидящихъ и разговаривающихъ за ресторанными столиками, которые распространились почти во всю ширину панели. Этихъ наружныхъ столиковъ совсѣмъ нѣтъ въ лондонскихъ кафе; а внутри ихъ тоже меньше разговоровъ, смѣха и движенія: порою, словно въ конюшнѣ, слышишь лишь старательное стучаніе челюстей, дробящихъ пищу. Непріятно также дѣйствуютъ перегородки, обособляющія отдѣльныя группы, а узкое окошечко, чрезъ которое вамъ подаютъ, будто въ тюрьмѣ, спрашиваемые нацитки—деталь, которую столь часто встрѣчаешь по всей Англіи, точно нарочно устроена для того, чтобы разобщить ресторатора отъ потребителей, тогда какъ въ дешевыхъ французскихъ кафе и кабачкахъ хозяинъ зачастую является душою общества для своихъ посѣтителей, въ разговоры и интересы которыхъ онъ безпрестанно вмѣшивается. А потомъ это уже чисто лондонское обыкновеніе спрашивать съ васъ деньги впередъ,—ну развѣ это не обидное недовѣріе къ господамъ гостямъ?

Много широкихъ и длинныхъ улицъ, много монументаль-

Digitized by Google

ныхъ, по моему, черезчуръ рококо или же фальшиво-классическихъ зданій (я говорю про новые дома: старые же зачастую безобразно узки,—порою цѣлая улица словно «жметъ масло» изъ себя); но такихъ великолѣпныхъ панорамъ, какъ въ Парижѣ, напр., между Лувромъ и Тріумфальной Аркой черезъ площадь Согласія и Елисейскія поля, я не нашелъ. Площади—небольшія, и общій видъ неудачный: Трафальгарскій сквэръ, производящій извѣстное впечатлѣніе лишь своей южной перспективой, въ сторону парламента, рѣшительно, по моему мнѣнію, перехваленъ англичанами съ легкой руки сэра Роберта Пиля, находившаго, что это—самая красивая площадь въ Европѣ; а на львовъ нельсоновской колонны совѣтую лучше не смотрѣть: надъ ними сама Великобританія хохочетъ! За то очень цѣльное и не лишенное силы впечатлѣніе производитъ перспектива Вестминистерскаго дворца, съ противоположнаго берега Темзы...

Парки, съ точки зрѣнія монументовъ, статуй, цвѣтниковъ уступаютъ парижскимъ, но общимъ видомъ, по моему, рѣшительно выше: здѣсь снова я нахожу англійскую черту—умѣніе широко и въ то же время бережно и съ любовью обращаться съ непосредственной природой... Луга, развертывающіеся среди парковъ съ панорамой лѣса вдали, производятъ среди Лондона поэтическую иллюзію сельскаго ландшафта...

Средства сообщенія несравненно болѣе развиты, чѣмъ въ Парижѣ, и вообще движеніе быстрѣе и въ то же время безопаснѣе: подземная желѣзная дорога и омнибусы съ удобствомъ перемѣщаютъ васъ въ разные концы; кэбы ѣдутъ съ большей скоростью. Велосипедисты въ частности могутъ благословлять судьбу и мѣстную администрацію, которая не позволяетъ въ центральныхъ частяхъ проводить конки, рельсы которыхъ настоящая западня для колесъ машины. Очень умно также строгое соблюденіе правила: по одной сторонѣ улицы ѣхать въ одномъ направленіи, по другую въ другомъ, держась постоянно влѣво; на мало-мальски широкой и оживленной артеріи вамъ поминутно напоминаютъ объ этомъ разставленные посрединѣ дороги шагахъ въ пятидесяти одинъ отъ другого столбы съ надписью: keep to the left!..

А рядомъ съ этими неподвижными столбами живые столбы,—гигантскіе полисмэны, которыхъ въ особенности интересно наблюдать въ очень бойкихъ и опасныхъ мѣстахъ, гдѣ они при помощи умѣренныхъ, но краснорѣчивыхъ жестовъ то пріостанавливаютъ движеніе, то снова пускаютъ его, то направляютъ его по открывшемуся случайно боковому руслу. Кстати: я тщетно искалъ въ ихъ рукахъ тѣхъ бѣлыхъ палокъ, которыми парижская префектура снабдила въ послѣдніе годы своихъ полицейскихъ въ подражаніе будто бы лондонскимъ

Digitized by Google

собратамъ. Вѣроятно, у этихъ дѣло обходится по привычкѣ и безъ частаго пусканія въ ходъ этихъ нѣсколько комичныхъ указательныхъ жезловъ, регулирующихъ ѣзду экипажей... На лондонскаго столь популярнаго *bobby* плывешь съ довѣріемъ, какъ на спасительный маякъ, и онъ дѣйствительно выручаетъ васъ изъ бѣды. Много говорилось о вѣжливости лондонскихъ полисмэновъ; но, по моему, типична не эта черта—ее встрѣтишь и у особенно вышколенныхъ полицейскихъ на континентѣ,—а ихъ покровительственное, дружеское обращеніе съ публикой, не исключающее при случаѣ нѣкоторой, такъ сказать, родственной фамильярности и юмора. Бобби—больше человѣкъ въ мундирѣ, чѣмъ мундиръ на человѣкѣ: онъ исполняетъ свой долгъ не только оффиціально, но, повидимому, и принимая близко къ сердцу интересы публики, словно онъ былъ бы старымъ патріархальнымъ слугой ея... Посмотрите, какъ отечески - заботливо онъ охраняетъ своей чугунной монументальной фигурой переходящую даму и въ то же время высоко держитъ въ своихъ гигантскихъ рукахъ маленькаго розоваго сынишку дамы, лавируя съ нимъ среди этого водоворота омнибусовъ, кэбовъ, велосипедистовъ, прохожихъ... А юморъ? Можетъ быть, французъ найдетъ его даже неумѣстнымъ у полисмэна и потребуетъ отъ него лишь утонченной административной вѣжливости; мнѣ же больше по сердцу этотъ человѣческій тонъ. «Какъ пройти къ воротамъ королевы Анны»?—спросилъ я часовъ въ 9 вечера у стоявшаго возлѣ рѣшетки Сэнтъ-Джемскаго парка полисмэна. Бобби повернулся къ парку, подумалъ нѣсколько секундъ и потомъ вдругъ, указывая на восходившій изъ-за деревьевъ дискъ мѣсяца, серьезно промолвилъ: «ступайте на луну, вамъ по дорогѣ придется пройти чрезъ ворота королевы Анны»... И тутъ же разсмѣялся, очень довольный своей остротой... Разсмѣялся и я этому рецепту путешествія à la Гулливеръ, рецепту, который оказался, кромѣ того, необыкновенно удачнымъ...

Мои пріятели - англичане оттѣнка Х—са не совѣтуютъ, впрочемъ, особенно восхищаться добродушіемъ лондонскихъ блюстителей порядка: «наши полицейскіе, пожалуй, не такъ свирѣпы, какъ континентальные, особенно парижскіе, но вѣдь у насъ въ Лондонѣ было и меньше революцій, и меньше серьезныхъ уличныхъ возстаній. А при случаѣ бобби—настоящій звѣрь и колотитъ своей палкой безъ разбору и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей... Вспомните только стычку съ манифестантами на Трафальгарскомъ скверѣ въ 1887 г.».

Осмотръ нѣсколькихъ главнѣйшихъ общественныхъ зданій, музеевъ, церквей—и снова впечатлѣніе необыкновенной мощи и необыкновеннаго богатства Англіи. Посмотрите, какъ британцы обращаются со своими артистическими и научными со-

Digitized by Google

кровищами! Напримѣръ, во многихъ отдѣлахъ Луврскій музей не уступаетъ Британскому музею, Національной Галлереѣ и т. п., въ иныхъ же рѣшительно превосходитъ ихъ; а геологическія, зоологическія и ботаническія коллекціи Парижа сами по себѣ, по количеству и разнообразію предметовъ, развѣ немногимъ ниже соотвѣтствующихъ лондонскихъ. Но что за разница въ размѣщеніи, порядкѣ, внѣшней обстановкѣ, заботливости и энергіи, съ какой англичане выставляютъ на показъ образованному міру свои богатства! Въ несравненномъ по архитектурѣ Луврѣ картины, статуи, вазы, предметы этнологическихъ коллекцій зачастую задыхаются отъ недостатка мѣста и нерѣдко лишены объяснительныхъ ярлыковъ, кромѣ цифръ, по которымъ извольте справляться въ толстыхъ спеціальныхъ каталогахъ; особенно произведенія старинныхъ великихъ живописцевъ портятся отъ отсутствія рамокъ, отъ небрежности и тѣсноты установки... Въ безвкусномъ зданіи «Національной галлереи», которое сами англичане называютъ «великобританскимъ судкомъ» и «національной перечницей» за его комичные центральные куполки,— всѣ картины, если не ошибаюсь, въ великолѣпныхъ рамкахъ, всѣ подъ стекломъ и размѣщены такъ просторно, что не страдаютъ отъ черезчуръ близкаго сосѣдства; всѣ снабжены надписями, на которыхъ вы читаете названіе картины, годъ рожденія и смерти живописца,—замѣтьте, эти цифры повторяются на каждомъ произведеніи, хотя бы рядомъ была цѣлая коллекція картинъ одного и того же артиста: поневолѣ запоминаешь эти даты. Въ прилегающей, неменѣе посредственной по внѣшности, «портретной галлереѣ» собраны портреты, (а въ случаѣ ихъ отсутствія, гравюры, снимки съ старинныхъ медальоновъ) замѣчательныхъ людей Англіи на всѣхъ поприщахъ общественной жизни, и какъ собраны: всевозможныя изображенія одного и того же лица, съ подробной надписью, говорящей не только, когда оно родилось и умерло, но какова была его роль, его значеніе въ національной жизни и мысли. и тутъ же вблизи, въ витринахъ, за стекломъ, автографы— крайне любопытные порою—упомянутыхъ знаменитостей. Напр., видишь два портрета Байрона (кстати, одинъ очень интересный и мало извѣстный на континентѣ: поэтъ въ турецкомъ костюмѣ), а внизу автографъ,—бѣдный Байронъ, ему не везетъ по части автографовъ: въ числѣ этихъ реликвій—чекъ, выданный великимъ поэтомъ на своего банкира... Или, въ другой комнатѣ, портретъ Маколея, и тутъ же подлинная страница рукописи «Исторіи Англіи». Видно, что люди съ любовью и гордостью хранятъ воспоминанія о выдающихся соотечественникахъ.

Или вотъ по части науки: въ громадной зоологической

Digitized by Google

залѣ «Естественно-историческаго музея», цѣлыя витрины посвящены не простой выставкѣ предметовъ, различныхъ животныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ, но очень остроумной группировкѣ и наглядному объясненію сложныхъ зоологическихъ явленій. Подхожу къ одной изъ такихъ витринъ: явленія подражательности (mimicry) въ мірѣ животныхъ... Различные звѣри и птицы, приспособляющіе цвѣтъ своей шерсти и оперенія къ опредѣленной или измѣняющейся по временамъ года окраскѣ природной среды: вотъ и нашъ заяцъ, вотъ и полярная сова... Сбоку на витринѣ, крупными буквами, великолѣпный—и научно, и популярно—подробно написанный объяснительный текстъ... Рядомъ другая витрина: продолженіе явленій подражательности—различныя бабочки, постепенно вырабатывающія внѣшнюю форму и цвѣтъ бабочекъ совершенно другого рода, которыхъ не ѣдятъ птицы вслѣдствіе ихъ отвратительнаго запаха. И опять великолѣпный текстъ... Новая витрина: сильныя внѣшнія отличія между самцами и самками, совпадающія съ періодомъ зоологической любви и ухаживанія. Текстъ о повторныхъ половыхъ признакахъ... И я думаю: «да, вотъ какъ надо учить людей вмѣсто нашей схоластической манеры забивать имъ голову словами, которымъ не соотвѣтствуютъ реальные предметы»... На верху площадки, раздѣляющей два крыла массивной каменной лѣстницы, которая ведетъ на второй этажъ, статуя Дарвина, поражающая меня и своимъ мастерскимъ выполненіемъ, и особенно глубокимъ символизмомъ своего положенія: какъ и подобаетъ, гигантъ мысли царитъ, сидя въ своемъ креслѣ, спокойно и высоко надъ этимъ пестрымъ міромъ всевозможныхъ существъ, и его вдумчивый взоръ изъподъ нависшихъ надбровныхъ дугъ необыкновенно мощнаго черепа обнимаетъ сразу все это копошащееся у его ногъ разнообразіе животныхъ, и птицъ, и насѣкомыхъ, связанныхъ въ одно гармоничное цѣлое его проницательнымъ геніемъ и его грандіознымъ научнымъ воображеніемъ... Это—одна изъ немногихъ англійскихъ статуй, выполненныхъ просто, безъ претензій на классицизмъ, но согрѣтыхъ внутреннимъ энтузіазмомъ художника. Кстати, эта статуя впервые даетъ мнѣ понятіе о настоящей физіономіи Дарвина, какъ мнѣ подтвердили потомъ знающіе люди: общая мягкость и спокойное добродушіе лица сглаживаютъ черезчуръ сильную монументальность, я пожалуй сказалъ бы геніальную скалистость черепа, столь рѣзко выступающую на большинствѣ фотографій Дарвина и давшую поводъ разнымъ пошлякамъ остроумничать на ту тэму, что, молъ, этотъ ученый построилъ свою теорію происхожденія человѣка отъ обезьяны (!) на основаніи своего собственнаго сходства съ орангутангомъ...

Посѣщеніе Вестминстерскаго аббатства и собора св. Павла

Digitized by Google

лишній разъ утверждаетъ меня въ той мысли, что англичане съ громаднымъ почтеніемъ относятся къ людямъ, которые въ большей или меньшей мѣрѣ работали на пользу родной земли въ разныхъ сферахъ дѣятельности. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ этой странѣ традиціоннаго іерархическаго неравенства одинъ и тотъ же церковный сводъ прикрываетъ и «часовни королей» и «уголъ поэтовъ», и Ньютона, и Питта, и Ляйеля, и Дарвина, и лорда Лоренса, и генерала Уэда—уже одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о силѣ цементирующей идеи національнаго величія и общественной пользы: «мѣсто королямъ, какъ формальнымъ представителямъ націи», говоритъ часовня Генриха VII; «мѣсто царямъ мысли и героямъ жизни», громко отвѣчаютъ памятники безсмертныхъ мертвецовъ... И я спѣшу прибавить новую черту, которая поразила меня при посѣщеніи собора св. Павла: на одной изъ стѣнъ зданія виднѣются рядомъ двѣ бронзовыя доски, прибитыя въ память кораблекрушенія одного военнаго судна во время бури. На одной изъ досокъ выгравированы имена всѣхъ погибшихъ, начиная съ капитана и кончая мальчикомъ-юнгой; на другой— какъ бы вы думали, что? — подробный текстъ порицанія, выраженнаго парламентомъ строителямъ корабля и оффиціальнымъ надсмотрщикамъ надъ этимъ строительствомъ за то, что тѣ и другіе не соблюли обязательныхъ техническихъ условій при постройкѣ и такимъ образомъ явились виновниками крушенія судна при сравнительно слабомъ штормѣ. Гордая величіемъ своихъ сыновъ и издавна привыкшая къ гласности, Англія говоритъ: «смотрите, я настолько сильна, что не боюсь пригвождать на позорище всего міра мои недостатки и мои слабости!» Думаю, что на континентѣ вы не скоро найдете подобный же памятникъ спокойнаго самоосужденія...

А вотъ вамъ результаты сравненія порядковъ читальни британскаго музея и парижской національной библіотеки: я нарочно добылъ себѣ такъ называемый «билетъ на день», чтобы провести въ музеѣ нѣсколько часовъ для наблюденія за функціонированіемъ библіотеки. Зала для чтенія круглая, и администрація сидитъ въ центрѣ, наблюдая за расходящимися рядами читательскихъ мѣстъ. Благодаря такому расположенію, самыя отдаленныя мѣста находятся лишь на разстояніи радіуса, а не цѣлой длины залы, какъ въ Парижѣ; отсюда значительная экономія времени для читателей и служащихъ, разносящихъ книги. Мѣста для чтенія гораздо удобнѣе: шире разставлены и снабжены не только чернилами и перьями, но и разными приспособленіями для болѣе удобнаго чтенія, пюпитрами, ящиками для книгъ, и т. п. Спрашивать книгъ можете сколько угодно заразъ, а не по двѣ, какъ въ Парижѣ (подъ предлогомъ, что не надо, молъ, черезъ чуръ оттягивать

Digitized by Google

очередь другихъ читателей). Каталогъ обнимаетъ всѣ книги, поступившія въ библіотеку почти до самыхъ послѣднихъ дней, и составленъ толково и удобно, тогда какъ въ парижской библіотекѣ нѣтъ до сихъ поръ, кромѣ какъ для первыхъ буквъ, полнаго общаго каталога, а есть различныя спеціальныя библіографіи, пользованіе которыми предполагаетъ уже значительный навыкъ. Въ случаѣ, если вы не находите книги въ каталогѣ, вы обращаетесь къ администраціи, члены которой дѣлаютъ розысканія и справки съ бо́льшимъ умѣньемъ и быстротой, чѣмъ ихъ парижскіе собраты. Я для пробы спросилъ не находящуюся въ каталогѣ и вообще очень рѣдкую политическую брошюру, вышедшую въ Брюсселѣ въ послѣдніе годы. Черезъ 12 минутъ мнѣ былъ принесенъ отвѣтъ, что этой брошюры, къ сожалѣнію, не находится въ библіотекѣ, но что въ ней имѣется брошюра по тому же вопросу на датскомъ языкѣ, вышедшая приблизительно въ одно и то же время... Справедливость заставляетъ меня прибавить, что когда я спросилъ книгу, находящуюся въ каталогѣ, ее мнѣ принесли не ранѣе какъ черезъ 28 минутъ, т. е. почти черезъ столько же времени, что и въ Парижѣ, гдѣ обыкновенно вы получаете требуемое черезъ полчаса. Отсюда я заключаю, что выигрышъ времени въ британскомъ музеѣ падаетъ главнымъ образомъ на болѣе умѣлое и толковое розыскиваніе рѣдкихъ книгъ, чѣмъ на собственно процедуру доставанія книги съ полки и ея врученія читателю, вопреки увѣреніямъ парижской администраціи, которая обыкновенно отвѣчаетъ на критику ея порядковъ, что національная библіотека не располагаетъ достаточнымъ числомъ низшихъ служащихъ, находящихъ и приносящихъ книги, откуда, молъ, и вся проволочка...

Поверхностный взглядъ, брошенный на коммерческую часть города, подтверждаетъ впечатлѣніе мощи Англіи,—здѣсь уже въ чисто матеріальной сферѣ. Движеніе въ Сити, возлѣ биржи, англійскаго банка и безчисленныхъ торговыхъ домовъ, неимовѣрное: просто удивляешься, какъ разъѣзжаются всѣ эти омнибусы, кэбы, коляски, ломовые извозчики и т. п. Далѣе на востокъ, въ сторону гигантскимъ доковъ (о нихъ смотри въ одной изъ статей г. Діонео: я ограничиваюсь лишь простымъ упоминаніемъ), меня особенно поразилъ рядъ торговыхъ складовъ, закопченныхъ, однообразныхъ, гигантскихъ ящиковъ изъ кирпича; лѣсъ пароходныхъ трубъ и корабельныхъ мачтъ, конечно, еще внушительнѣе, чѣмъ въ Соутгамптонѣ: надо же пятнадцать милліоновъ тоннъ разгрузить и нагрузить въ году!.. По дорогѣ къ докамъ я остановился передъ башеннымъ мостомъ (Tower Bridge), этимъ, по моему мнѣнію, самымъ интереснымъ образчикомъ современнаго инженернаго искусства въ Лондонѣ: впечатлѣніе при видѣ двухъ громад-

Digitized by Google

ныхъ центральныхъ крыльевъ, поднимающихся, словно перышко, вверхъ при проходѣ большихъ пароходовъ, по истинѣ поразительное. Жаль, что строители моста не снабдили окнами верхнихъ галлерей-трубъ, соединяющихъ двѣ колоссальныя готическія (въ англійскомъ перпендикулярномъ стилѣ) башни: для того, чтобы посмотрѣть съ этой головокружительной высоты на Темзу и городъ, приходится продѣлывать цѣлую гимнастику, взбираясь къ отверстіямъ между стальными скрѣпами галлерей...

И обратная сторона этихъ силъ, порожденныхъ торговлею и промышленностью и въ свою очередь служащихъ имъ: видъ изможденныхъ, хронически изголодавшихся и въ то же время нерѣдко пьяныхъ существъ въ невозможныхъ лохмотьяхъ,— мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которыхъ такъ часто встрѣчаешь въ восточной части Лондона. На возвратномъ пути съ доковъ въ Сити я заѣхалъ въ первую попавшуюся таверну, если не ошибаюсь на пересѣченіи Коммерческой улицы (Commercial Road) съ Олдгэта. Посѣтителей было немного, но что за посѣтители: двое босяковъ, одинъ изъ нихъ, повидимому, бывшій матросъ, тянули изъ высокихъ стакановъ какую-то желтоватую бурду, долженствовавшую изображать пиво, и разсуждали съ жаромъ и при помощи живописныхъ жестовъ о физическихъ и моральныхъ преимуществахъ англійскаго честнаго бокса, при которомъ пускаются въ ходъ лишь кулаки, надъ вѣроломной французской дракой (foul play), гдѣ противники работаютъ руками и ногами. Тутъ же, на скамьѣ, сидѣло существо безъ пола и возраста — я сначала принялъ было его за безбородаго морщинистаго старика - монгола, напр., сіамца или китайца, но скоро убѣдился, что то была бѣлая женщина — и необыкновенно сладко и упорно плакала, всхлипывая и бормоча безсвязныя слова: oh, dear me!.. you sha'n't... get off!.. Изъ-подъ картуза съ надломленнымъ козырькомъ выбивались сѣрыя косички, прилипавшія къ потнымъ землистаго цвѣта щекамъ; бурые чулки спустились на невозможные опорки башмаковъ; у меня не достало духу продолжать осмотръ костюма: помню только, что женщина-монголъ безпрестанно вертѣла въ рукахъ небольшую черную шаль и въ наиболѣе чувствительныхъ мѣстахъ своихъ лаконическихъ причитаній сморкалась туда...

Я поскорѣе вышелъ изъ кабака, чтобы не видѣть этого ужаснаго тріо. Но такіе типы встрѣчаются въ большей или меньшей степени по всему Лондону: я видѣлъ оборванцевъ на троттуарахъ и у нельсоновской колонны Трафальгарскаго сквера; я видѣлъ ихъ на лужайкахъ Гайдъ-парка, и они же порою стояли ужасными каріатидами по сторонамъ знаменитой сосѣдней аллеи The Drive, играющей роль парижской avenue des Acacias, въ то время, какъ великолѣпныя коляски съ

Digitized by Google

гербами, но съ кучеромъ и грумомъ въ іератическихъ застывшихъ позахъ, или же элегантные кэбы и кабріолеты съ держащими возжи джентльмэнами прокатывали семьи лордовъ Англіи и королей всемірной биржи. Будь то въ Парижѣ, избирай и здѣсь босяки предметомъ своей безпокойно-голодной прогулки фешіонэбельныя мѣста, уже давно въ рукахъ оборванныхъ каріатидъ, поддерживающихъ современный строй, очутились бы камни, а окна каретъ съ гербами были бы безъ стеколъ... Но пора покидать Лондонъ!..

VIII.

Утро, 4 августа. Сажусь на скорый поѣздъ (express), отходящій въ Бирмингамъ... Кстати, почти на всѣхъ такихъ поѣздахъ есть и третій классъ, чего далеко нельзя сказать о французскихъ express'ахъ. Вагоны третьяго класса рѣшительно лучше французскихъ вагоновъ не только третьяго, но и второго класса: выше, помѣстительнѣе, и скамьи мягко обиты. Скорость такихъ англійскихъ поѣздовъ уступаетъ лишь скорости французскихъ курьерскихъ (rapides),—какъ извѣстно, однихъ изъ скорѣйшихъ въ мірѣ,—но сама по себѣ очень значительна: 113 миль—182 километра, отдѣляющіе Лондонъ отъ Бирмингама, пробѣгаются въ $2^1/_2$ часа, что составляетъ 72 километра въ часъ, со всѣми остановками...

Въ вагонѣ я знакомлюсь съ молодымъ, очень симпатичнымъ англичаниномъ, живымъ, маленькимъ и словоохотливымъ господиномъ, который только что возвращается изъ экскурсіи по Франціи чрезъ Лондонъ въ свой родной Бирмингамъ. Англичанинъ въ восторгѣ отъ веселыхъ, проворныхъ и общительныхъ французовъ; я думаю, отчасти потому, что онъ самъ своимъ исключительнымъ характеромъ походитъ на заламаншскихъ сосѣдей. Кажется, не говори онъ по англійски, его сейчасъ же можно было бы принять за французскаго интеллигентнаго ремесленника. Болтаетъ онъ, не переставая, и скоро посвящаетъ меня во всѣ свои дѣловые и семейные интересы. «Знаете ли вы, сэръ, главнаго капельмейстера республиканской гвардіи въ Парижѣ»? спрашиваетъ онъ меня, а когда я, ошеломленный этимъ неожиданнымъ вопросомъ, принужденъ сознаться, что не имѣю счастія быть знакомымъ съ такимъ важнымъ лицомъ, мой собесѣдникъ оповѣщаетъ меня, что фамилія его, собесѣдника, такая-то, что у него красивая жена и прелестная маленькая дочка, что онъ фабрикантъ духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ изъ мѣди, — и что онъ ѣздилъ во Францію, чтобы тамъ, при помощи знающихъ французскій языкъ друзей, устроить сбытъ своимъ трубамъ, тромбонамъ, и пр.

Digitized by Google

«Мы, англичане, — скажу вамъ по дружбѣ — не музыкальная нація: меня считаютъ за мѣстное чудо, потому что я не только фабрикую музыкальные инструменты, но и умѣю играть на кларнетѣ; а играю я такъ плохо, что собственно и стыдно говорить объ этомъ. Здѣшнія музыкальныя общества не могутъ путемъ оцѣнить мои инструменты; вотъ мнѣ и захотѣлось познакомиться съ капельмейстеромъ національной гвардіи въ Парижѣ, чтобы снабжать своими продуктами Францію»...

Поѣздъ несется, а мой словоохотливый новый пріятель ни на секунду не смолкаетъ. Теперь онъ вводитъ меня въ таинства простонароднаго англійскаго жаргона вообще, а бирмингамскаго въ особенности: «пенсъ по нашему называется *copper*, и также, кстати сказать, мы, бирмингамцы, зовемъ полисмэновъ; два пенса называется *deuce*, шиллингъ *bob*, гинея *quid*; бѣднаго и вообще не имѣющаго значенія человѣка мы зовемъ «тощей собакой» (thin dog)... И слова мистера Г—рна теряются въ грохотѣ поѣзда. Мимо оконъ вагона движется обычная англійская панорама: тучныя пастбища, зеленые мощные лѣса, широко раскинувшіяся хлѣбныя поля; башня массивнаго замка, шпицъ колокольни, ферма со стадомъ породистыхъ коровъ, и тутъ же, среди самаго идиллическаго пейзажа, громадная доска съ рекламой, восхваляющей удивительныя свойства какихъ-нибудь пилюль противъ катарра желудка. Обиліе рекламъ по сторонамъ желѣзной дороги значительно портитъ прелесть ландшафта, и мой собесѣдникъ, человѣкъ со вкусомъ, жалуется на недостатокъ чутья въ этомъ отношеніи у своихъ соотечественниковъ. «Коммерція... что жъ, ничего не подѣлаешь... сами вы дѣловой человѣкъ и понимаете значеніе рекламы», утѣшаю я эстетика тромбониста...

Вотъ мы проѣхали и Норгамптонъ съ его кожевнями, и Рёгби съ его школой, и Ковентри, едва ли не самый главный центръ велосипеднаго производства въ мірѣ... Мы въѣзжаемъ въ промышленный районъ Бирмингама и знаменитой «черной страны» (Black Country). Названіе вполнѣ заслуженное; впереди, позади, съ боковъ, въ долинахъ и холмахъ, уходящихъ на горизонтъ, лѣсъ гигантскихъ доменныхъ печей и фабричныхъ трубъ, каждая съ колоссальнымъ султаномъ дыма, развѣвающимся на вѣтрѣ; горы шлаковъ вмѣсто растительности, которая должна была быть нѣкогда здѣсь очень богатой, какъ свидѣтельствуютъ о томъ оставшіеся кой-гдѣ въ сторонѣ холмы, поросшіе зелеными лѣсами... День былъ облачный, но солнечный—и что же? глянулъ я на солнце: въ сѣро-желтомъ дымномъ небѣ висѣлъ красноватый шаръ безъ лучей, тепла и жизни...

Я спѣшу покинуть грандіозный Нью-Стритскій вокзалъ, чтобы отправиться на сѣверъ города въ одно изъ рабочихъ предмѣстій отыскивать пріятеля С., къ которому у меня было

Digitized by Google

рекомендательное письмо; но тромбонистъ ни за что не хочетъ отпустить меня, прежде чѣмъ я не побываю у него на фабрикѣ и не выпью съ нимъ стакана элю за здоровье его отсутствующей жены и дочки. Фабрика мистера Г—рна — сравнительно небольшая, — на ней работаютъ 25 человѣкъ, но съ технической точки зрѣнія не лишена интереса: меня особенно поразила точная, чисто математическая градація калибровъ сверлилъ для полученія духовыхъ отверстій опредѣленнаго діаметра и высоты. Этотъ осмотръ наводитъ меня на мысль попросить у Г—рна дать мнѣ рекомендацію къ какому-нибудь изъ крупныхъ мѣдныхъ фабрикантовъ Бирмингама. Но мой амфитріонъ, къ сожалѣнію, не знакомъ близко ни съ однимъ «металлическимъ королемъ», и я принужденъ ограничиться осмотромъ стекляннаго завода его зятя, надѣясь на возможность проникнуть на какую-нибудь крупную фабрику мѣдныхъ или желѣзныхъ издѣлій при помощи уже упомянутаго пріятеля С... Новое разочарованіе: этотъ джентльмэнъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ сосѣдній Уэльсъ, куда, по ироніи судьбы, лежитъ и моя дорога; но гдѣ же мнѣ отыскивать его тамъ?.. Возвращаюсь къ Г—рну и держу съ нимъ совѣтъ, что дѣлать. Онъ вспоминаетъ, что какъ разъ на моемъ пути, въ Вольвергамптонѣ, есть знаменитая фабрика замковъ Чебба, которая открыта публикѣ въ извѣстные часы дня. Что-жъ, посмотримъ мистера Чебба!..

И вотъ я снова на велосипедѣ, направляясь на сѣверо-западъ по дорогѣ къ Дэдлэ (Dudley), такъ какъ этотъ путь гораздо красивѣе, по словамъ моего бирмингамца, чѣмъ большая Вольвергамптонская дорога. Отсюда «черная страна» развертываетъ передо мной еще рѣзче свои типичныя черты: къ дымящимся трубамъ безчисленныхъ заводовъ присоединяются на каждомъ шагу постройки желѣзныхъ рудниковъ и каменноугольныхъ копей, которыя, благодаря своимъ глубокимъ внѣшнимъ траншеямъ, гигантскимъ валамъ то блестяще-чернаго, то матоваго угля, рельсамъ шахтовыхъ путей, кажутся бастіонами какого-то грандіознаго укрѣпленнаго лагеря, прорѣзаннаго стратегическими дорогами... И въ то же время сама по себѣ страна становится все живописнѣе и разнообразнѣе: чувствуется приближеніе къ горному Уэльсу; холмы взмываютъ за холмами, словно исполинскія волны застывшаго внезапно моря, и тамъ, гдѣ ихъ пощадила рука человѣка, жадно роющагося въ нѣдрахъ матери-земли, вашъ глазъ поражается картиною изумрудныхъ оазисовъ зелени. Этотъ контрастъ особенно эффектенъ въ Дэдлэ (на границѣ Стаффордскаго и Ворсестерскаго графствъ), гдѣ сквозь дымъ желѣзныхъ заводовъ предъ вами вырисовываются на высокомъ холмѣ, среди зеленаго-зеленаго лѣса, развалины средневѣковаго замка.

Digitized by Google

Но вотъ и Вольвергамптонъ. «Замочная фабрика Чебба»? спрашиваю я у перваго попавшагося обывателя. — «Направо, и въ первую же улицу налѣво», не задумываясь, отвѣчаетъ спрошенный, и черезъ минуту я останавливаюсь у воротъ одного изъ большихъ трехэтажныхъ корпусовъ, на которыхъ развертывается крупными буквами длинная надпись: Chubb & Son's Loke & Safe C-oy Limited, Makers to the Queen & Prince of Wales... Вхожу въ контору и обращаюсь за разрѣшеніемъ осмотрѣть фабрику къ сидящему за большой книгой джентельмэну въ очкахъ,—какъ оказывается вскорѣ, нѣмцу,—управляющему Вольвергамптонской фабрикой; ибо мистеръ Чеббъ съ сыномъ очень важная персона въ промышленномъ мірѣ, и его фабрики и склады находятся, кромѣ Вольвергамптона, и въ Лондонѣ, и въ Манчестерѣ, и въ Ливерпулѣ, и въ Мельбурнѣ, и въ Сиднеѣ... Недаромъ онъ поставляетъ замки королевѣ Викторіи, принцу Уэльскому, банку Англіи и прочимъ общественнымъ учрежденіямъ, равно какъ тѣмъ богатымъ лордамъ и капиталистамъ, которыхъ я видалъ проѣзжающими въ великолѣпныхъ коляскахъ и кэбахъ по гайдъ-парку скому Drive'у... Управляющій проситъ меня показать ему какую-нибудь бумагу, удостовѣряющую, что я добропорядочный джентльмэнъ, а не какой-нибудь проходимецъ съ вѣтру, желающій проникнуть съ злостными цѣлями въ капиталистическое святилище, куда, какъ извѣстно, «входъ воспрещается, кромѣ какъ по дѣлу» (no admittance except on business). Я показываю господину въ очкахъ именной билетъ, выданный мнѣ на день библіотечной администраціей Британскаго музея и присовокупляю, что я русскій и давно живу въ Парижѣ. «А, значитъ вы не любите нѣмцевъ и готовитесь вмѣстѣ съ французами къ войнѣ съ нами?.. Я, вѣдь, родомъ нѣмецъ», добродушно подшучиваетъ джентльмэнъ въ очкахъ (нѣмецкое происхожденіе котораго достаточно, впрочемъ, обнаруживается въ его манерѣ произносить мягкое *th* почти какъ *d*, а твердое *th* какъ *t*)...—О, сэръ, что касается до меня, я—мирный человѣкъ (man of peace), отвѣчаю я въ такомъ же тонѣ, и почтенный тевтонъ отдаетъ приказъ подошедшему къ намъ главному мастеру—высокому черному англичанину провести меня по двумъ-тремъ наиболѣе интереснымъ мастерскимъ...

Мнѣ очень жаль, что я профанъ по части техники и могу подѣлиться съ читателемъ лишь поверхностными наблюденіями. Но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе отъ фабрики мистера Чебба съ сыномъ получается сильное. Одного взгляда на всѣ эти замочки, замки и замчища, солидно и элегантно сработанные изъ мѣди, бронзы и стали, уже достаточно, чтобы понять, что тутъ имѣешь дѣло не съ простой фабрикой, а до извѣстной степени съ артистическимъ заведеніемъ. Этимъ, вѣроятно,

Digitized by Google

объясняется и поразившая меня очень значительная роль ручного труда въ мастерскихъ Чебба. Конечно, паръ движетъ всѣ эти станки, пилы, буравы, напилки, но руки рабочаго, можно сказать, ни на минуту не оставляютъ отдѣлываемой штуки металла, а зачастую для послѣдней отдѣлки пускается въ ходъ прямо отъ руки обыкновенной терпугъ или маленькая пилка. Мнѣ бросилось также въ глаза въ этихъ мастерскихъ преобладаніе мануфактурнаго раздѣленія труда надъ интегрирующимъ процессомъ современнаго крупнаго производства: одни изъ рабочихъ спеціально вырѣзывали языки и защелки въ замкахъ, другіе исключительно отдѣлывали наружную поверхность стѣнокъ, третьи выпиливали многочисленные надрѣзы въ ключахъ сложной системы. Особенно остановилъ на себѣ мое вниманіе одинъ очень большой и изящный дверной замокъ, предназначающійся для какого-нибудь общественнаго заведенія или палаццо милліонера. Въ замкѣ этомъ цѣлыхъ девять языковъ, запирающихся каждый особымъ поворотомъ замысловатаго ключа; сверхъ того, спеціальный маленькій ключикъ запираетъ замочную скважину, такъ что вы и не найдете, если вамъ не покажутъ, этого отверстія для большого ключа. Я спросилъ о цѣнѣ чеббовскихъ замковъ: «самый дешевый стоитъ не менѣе 6 шиллинговъ» (чуть не $7^1/_2$ франковъ), было отвѣчено мнѣ; за хорошій дверной замокъ надо заплатить около 40 шиллинговъ (50 франковъ). И я понялъ артистически-ремесленный характеръ этой громадной фабрики, которая состоитъ изъ ряда самостоятельныхъ, сравнительно не большихъ мастерскихъ и работаетъ исключительно для привилегированныхъ потребителей...

Отъ Вольвергамптона мнѣ все больше и больше приходится забирать на западъ, въ направленіи Шрусбери, черезъ Шифналь, Веллингтонъ и другіе небольшіе города и мѣстечки, жители которыхъ занимаются разными металлическими производствами, но которые уже начинаютъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ центрами для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. «Черная страна» мало-по-малу уступаетъ мѣсто зеленой: она еще выпускаетъ вдоль большихъ путей сообщенія рядъ заводовъ и копей, словно щупальцы гигантскаго, дышащаго огнемъ и дымомъ чудовища; дороги еще зачастую мощены шлаками, и даже мильные столбы отличаются нелѣпой особенностью этого металлическаго района: разстоянія вылиты на нихъ черными буквами на черномъ же чугунномъ фонѣ, такъ что нужно подойти къ самому столбу, чтобъ прочесть цифру. Но уже воздухъ сталъ чище и прозрачнѣе, солнце свѣтитъ и живитъ, луга и лѣса все больше и больше одѣваютъ своимъ зеленымъ покровомъ столь недавно еще черную и взворошенную поверхность земли; а на далекомъ западѣ начинаютъ вырисовываться очертанія

Digitized by Google

первыхъ грядъ уэльскихъ горъ. Недалеко отъ Шрусбери я натыкаюсь на мирный пейзажъ совсѣмъ во вкусѣ Бергема: довольно широкая рѣка течетъ въ невысокихъ, но обрывистыхъ берегахъ изъ глины, среди необыкновенно тучныхъ пастбищъ, обрамленныхъ шпалерами ивъ и тополей; въ густой травѣ бродитъ, едва выглядывая оттуда, стадо коровъ, «мирно жующихъ жвачку и преслѣдующихъ свои вѣчныя внутреннія грезы», по выраженію поэта; близъ устоевъ стариннаго каменнаго моста видно нѣсколько лодокъ съ рыбаками. То столь популярная въ Англіи рѣка Севернъ... Вотъ и Шрусбери (Shrewsbury), главный городъ Шропшира или Салонскаго графства и родина Дарвина. Солнце уже садится, и я не безъ удовольствія останавливаюсь въ одномъ изъ «отелей воздержанія» на главной, идущей круто въ гору улицѣ: съ двухъ часовъ пополудни я проѣхалъ 44 мили = 70 километровъ противъ западнаго вѣтра, дувшаго мнѣ прямо на встрѣчу, и по холмистой мѣстности; причемъ посѣщеніе фабрики Чебба заняло не менѣе часу. Бифштексъ, чай, постель, вотъ что всецѣло заполняетъ теперь мое безсмертное *я*, и я отлагаю на слѣдующій день удовлетвореніе высшихъ потребностей...

IX.

5 августа. Что за печальное пробужденіе! Спорый, мелкій, чисто осенній дождь, погоняемый порывистымъ вѣтромъ, стучитъ миріадами капель въ окно моей комнаты; сверху почтенные жители Шрусбери, проходящіе по улицѣ подъ зонтиками, кажутся мнѣ процессіей громадныхъ морскихъ черепахъ, разгуливающихъ по прибрежью родной мокрой стихіи. И—никакого горизонта: колеблющійся пологъ дождя скрылъ окрестные поля, лѣса и холмы. Но дѣлать нечего: я столько слышалъ объ интересныхъ средневѣковыхъ улицахъ и зданіяхъ этого города, да мнѣ, кромѣ того, такъ хочется осмотрѣть домъ, гдѣ родился Дарвинъ, что, наскоро позавтракавши и взявши, выражаясь фигурально, своего стального коня подъ уздцы—ѣхать не было никакой возможности по этимъ крутымъ, грязнымъ и скользкимъ улицамъ—я пускаюсь въ археологическое путешествіе. Вотъ, дѣйствительно, нѣсколько старыхъ большихъ домовъ съ пузатыми рѣзными фасадами изъ дерева; вотъ, на самомъ верху главной улицы, возлѣ музея, поставленная только что (въ 1897 г.) статуя Дарвина, которая еще болѣе поражаетъ меня спокойнымъ добродушіемъ и вдумчивостью физіономіи, чѣмъ статуя Кенсингтонскаго музея; вотъ и Севернъ, чрезъ который брошено нѣсколько старинныхъ мостовъ; вотъ и великолѣпный липовый паркъ, The Quarry, въ которомъ мо-

Digitized by Google

лодой еще Дарвинъ любилъ прогуливаться вечеромъ, послѣ дня, наполненнаго охотой или собираніемъ насѣкомыхъ; вотъ, наконецъ, и улица Frankwell Street, которая должна вести къ дому Дарвина...

Только что поставленное многоточіе фигурально выражаетъ мое недоумѣніе, блужданье взадъ и впередъ и неудачные поиски этого дома. Дѣйствительно, обращаюсь я къ проходящему торопливо почтальону съ вопросомъ, въ какомъ тутъ домѣ родился Дарвинъ.— А, вотъ это, должно быть, напротивъ: онъ и называется Darwin Cottage... Я стучусь—по обыкновенію англичанъ — небольшимъ привѣшаннымъ молоткомъ-пластинкой въ дверь «Дарвиновскаго коттэджа», но вышедшая служанка на мой вопросъ отвѣчаетъ, что господинъ, котораго я спрашиваю, родился не здѣсь, а, вѣроятно, въ одномъ изъ домовъ сосѣдней улицы, названной по его имени «Дарвиновской» (Darwin Street). Иду я въ эту небольшую уличку и спрашиваю въ первомъ же домѣ, но въ отвѣтъ получаю: «гдѣ-то тутъ возлѣ, а гдѣ именно, точно не знаемъ». И, надвинувъ на голову каучуковый капюшонъ плаща, я меланхолично бреду по улицѣ подъ этимъ осеннимъ дождемъ, рядомъ съ велосипедомъ, раздумывая о бренности человѣческой славы, — въ самомъ дѣлѣ, никто изъ согражданъ великаго Дарвина не можетъ до сихъ поръ указать мнѣ мѣста его рожденія, — какъ вдругъ, по пословицѣ «на ловца и звѣрь бѣжитъ», я встрѣчаюсь съ молодымъ, завернутымъ въ великолѣпный макинтошъ джентльмэномъ, къ которому я обращаюсь на всякій случай со своимъ вопросомъ.

Англичанинъ пріостанавливается и живо спрашиваетъ: «а васъ это интересуетъ»?—«Помилуйте, отвѣчаю я: какъ же не интересовать? Я иностранецъ, большой поклонникъ Дарвина, и мнѣ было бы очень обидно оставить Шрусбери, не видавъ колыбели одного изъ величайшихъ геніевъ XIX вѣка»... У англичанина въ рукахъ нѣсколько пакетовъ и писемъ: онъ, очевидно, спѣшитъ для отправки ихъ на почту; но, услыша мой отвѣтъ, онъ совсѣмъ останавливается, и я въ глазахъ его замѣчаю то выраженіе интереса и спокойнаго энтузіазма, которое меня уже нѣсколько разъ поражало въ англичанахъ, когда вы затрогиваете сильно занимающій ихъ вопросъ...

— Что касается до дома, гдѣ родился Дарвинъ, то вотъ онъ,—и джентльмэнъ показываетъ мнѣ изъ подъ зонтика своей нагруженной пакетами рукой на второй или третій—не помню хорошо—домъ улички:—но если вы нуждаетесь въ различныхъ свѣдѣніяхъ и подробностяхъ, касающихся жизни Дарвина, то я совѣтую вамъ обратиться къ моему отцу, который живетъ недалеко отсюда и которому принадлежитъ иниціатива національной подписки для постановки статуи Дарвину въ Шрусбери...

Digitized by Google

— Я только что видѣлъ эту статую... Но ловко ли будетъ мнѣ безпокоить вашего отца, котораго я не имѣю чести знать?

Англичанинъ задумывается на минуту, потомъ распихиваетъ свои пакеты и письма по карманамъ и начинаетъ рыться въ сюртукѣ.—Вотъ возьмите этотъ конвертъ, адресованный мнѣ, идите прямо по этой большой дорогѣ въ домъ, обозначенный на адресѣ,—видите, тамъ бѣлое зданіе—спросите мистера Эдвина Пауэля старшаго—я тоже Эдвинъ Пауэль, но младшій—и скажите ему, что только что видѣли меня, и что я послалъ васъ къ нему. — И, протягивая мнѣ конвертъ, англичанинъ дружески раскланивается и спѣшными шагами удаляется въ сторону Frankwell street. Растроганный такой любезностью, я спѣшу поскорѣе увидать отца джентльмэна и бросаю взглядъ на конвертъ (который я сохранилъ на память этого туристскаго приключенія):

E. Powell Esqu. Jun.
Rowton Lodge
Shrewsbury.

Я пускаюсь на велосипедѣ въ указанномъ направленіи по большой дорогѣ (ведущей въ Рэксгамъ), и черезъ нѣсколько минутъ останавливаюсь у воротъ невысокаго, но помѣстительнаго сельскаго дома: это и есть «Ротонъ Лоджъ». Прошу аудіенціи у мистера Эдвина Пауэля старшаго, показываю конвертъ сына, и меня, всего забрызганнаго грязью, въ плащѣ, съ котораго струится вода, вводятъ въ пріемный залъ, прося немного обождать, такъ какъ мистеръ занятъ въ кабинетѣ со своимъ секретаремъ... Готовясь ко встрѣчѣ съ знакомымъ мнѣ нѣсколько типомъ континентальнаго ученаго, живущаго среди книгъ и бумаги, я не безъ любопытства оглядываю помѣщеніе англійскаго дарвиниста, и скоро убѣждаюсь, что обстановка совсѣмъ не такая, какой я ожидалъ... Судите сами, читатель: обширная комната въ нѣсколько оконъ, выходящихъ на двѣ стороны съ великолѣпнымъ видомъ на паркъ и роскошные луга, которые поражали мощью и красотой даже подъ этимъ частымъ и скучнымъ дождемъ; нѣсколько прочныхъ кожаныхъ креселъ, два-три стола съ альбомами; въ сторонѣ громадный мраморный столъ, весь уставленный золотыми и серебряными вазами, кубками, блюдами, словно въ витринѣ богатаго ювелира; на стѣнахъ нѣсколько хорошихъ масляныхъ картинъ и акварелей, изображающихъ сцены охоты и скачекъ, и много фотографій лошадей и собакъ...

Пока я разглядывалъ эти предметы, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ высокій, весь сѣдой, но очень моложавый и прямо державшійся джентльмэнъ съ благообразно подстриженной бородой и бакенами. Я разсказываю ему встрѣчу съ его сыномъ и цѣль моего визита. Старый джентльмэнъ сначала

Digitized by Google

выслушиваетъ меня вѣжливо-холодно и ставитъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, которые, очевидно, нужны ему были для опредѣленія того, какого я поля ягода, и не принадлежу ли къ тѣмъ совершенно праздным туристамъ, которымъ, въ сущности, очень мало дѣла до Дарвина и до происхожденія видовъ, а важно лишь выполнить процедуру осмотра достопримѣчательностей города... Но вотъ, по мѣрѣ того, какъ я отвѣчаю, мною овладѣваетъ волненіе: я хочу убѣдить, я долженъ убѣдить стараго джентльмэна, что великое имя Дарвина дорого не только англичанамъ, но и всему мыслящему человѣчеству безъ различія національностей, и я пытаюсь нарисовать ему по возможности живо картину того идейнаго увлеченія Дарвиномъ, которое охватило русское общество при появленіи его первой знаменитой книги, посвященной общему вопросу, увлеченія, въ которомъ, помимо моды и подражанія, было много искренняго энтузіазма. Въ частности я хочу представить ему, какъ тамъ, далеко-далеко на востокѣ Европы, въ центральной Россіи, пятнадцатилѣтній мальчикъ-гимназистъ впервые прочиталъ эту великую «книгу жизни», и какъ онъ ослѣпленъ и опьяненъ грандіозностью развернувшихся передъ нимъ научныхъ горизонтовъ; и какъ, по мѣрѣ того, какъ мальчикъ превращался во взрослаго человѣка и крѣпла его мысль, онъ все съ большимъ и большимъ почтеніемъ склонялся передъ великимъ геніемъ Дарвина, и какъ теперь, даже замѣчая частныя несовершенства, недомолвки и ошибки дарвинизма, онъ все же считаетъ эту систему однимъ изъ грандіознѣйшихъ созданій ума человѣческаго; и какъ онъ былъ пріятно пораженъ признаніемъ научной истинности дарвинизма въ объяснительныхъ текстахъ лондонскаго естественно-историческаго музея, и какъ его взволновалъ высокій символизмъ статуи Дарвина, парящаго, какъ царь мысли, надъ міромъ объясненныхъ имъ фактовъ...

— Quite right... Well said,—перебилъ меня джентльмэнъ, и его лицо приняло дружеское выраженіе:—я вижу, что вы, дѣйствительно, читали и любите Дарвина... Чѣмъ я могу быть полезенъ вамъ? Спрашивайте меня, и я постараюсь отвѣтить вамъ, если въ состояніи.

Не буду пускаться въ подробности моихъ разспросовъ, которые скоро истощили кругъ свѣдѣній, касавшихся личной жизни ученаго въ Шрусбери: съ одной стороны, Дарвинъ уже въ сороковыхъ годахъ покинулъ этотъ городъ и позже бывалъ тамъ лишь наѣздомъ; съ другой, всѣ мы знаемъ большинство этихъ данныхъ изъ автобіографіи покойнаго. Тѣмъ съ большимъ интересомъ я послѣдовалъ за мистеромъ Эдвиномъ Пауэлемъ на почву оцѣнки дарвиновскаго ученія, причемъ меня поразило необыкновенно точное знаніе этимъ джентльмэномъ

Digitized by Google

конкретныхъ деталей и фактовъ, нагроможденныхъ въ книгахъ Дарвина, особенно изъ области скрещиванія различныхъ разновидностей животныхъ. Новый оборотъ, принятый нашей бесѣдой, скоро объяснилъ мнѣ это счастливое сочетаніе теоріи и практики въ хозяинѣ Ротонъ-Лоджа. Онъ принесъ мнѣ то, что англичане называютъ scrap-book, толстую бѣлую тетрадь, на страницы которой были наклеены всевозможныя вырѣзки изъ газетъ, гравюры и пр., касавшіяся смерти Дарвина, различныхъ чертъ его жизни, перипетій подписки для статуи въ Шрусбери (наиболѣе удачно, по мнѣнію Пауэля, воспроизводящей черты дѣйствительнаго Дарвина), враждебной агитаціи мѣстнаго англиканскаго духовенства, и т. д. И вотъ, между прочимъ, что прочиталъ я въ заключительныхъ строкахъ письма, адресованнаго къ моему джентльмэну П. Мартиномъ, редакторомъ вліятельной мѣстной газеты The Shrewsbury Chronicle, и напечатаннаго въ этомъ органѣ въ № отъ 5 января 1894 г.: «Васъ, дорогой сэръ, я считаю наиболѣе подходящимъ лицомъ для организаціи этой подписки, ибо развѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ вы не занимались на практикѣ тѣмъ, что Дарвинъ разъяснилъ въ теоріи,—подборомъ и выхаживаніемъ наиболѣе годныхъ особей (selecting and breeding from the fittest) между вашими собаками и вашими лошадьми, т. е. чистой эволюціей?»...

Я поднялъ глаза на мистера Пауэля, машинально перевелъ ихъ на стѣны пріемной, на эти фотографіи собакъ и лошадей, на волнующіеся передъ домомъ тучные луга, и сразу понялъ удивившій меня характеръ обстановки; какъ понялъ разницу между какимъ нибудь континентальнымъ теоретикомъ дарвинизма въ профессорскомъ сюртукѣ, съ очками на носу и горбомъ на спинѣ, и этимъ англійскимъ дарвинистомъ практикомъ, джентльмэномъ-заводчикомъ, высокимъ и бодрымъ старикомъ, который дѣлитъ свое время между изученіемъ Дарвина и экспериментаціей надъ животными.

— Вы, значитъ, и большой заводчикъ, мистеръ Пауэль?— спросилъ я.

— Большой, не скажу, но относительно качества моихъ живыхъ продуктовъ забочусь не мало. У меня есть въ настоящее время дюжины двѣ заводскихъ лошадей, не столько спеціальныхъ скакуновъ, которые годятся только на нѣсколько минутъ усилія, сколько хорошихъ верховыхъ и рысистыхъ лошадей, въ организмѣ которыхъ я стараюсь закрѣпить сочетаніе и быстроты, и силы, и красоты. Есть также псарня (kennel) въ сорокъ—пятьдесятъ собакъ, надъ которыми я особенно много работаю и которыми, признаться, очень доволенъ. Вы видѣли фотографіи? Между ними есть всякія породы, но я обращу вниманіе ваше особенно на таксу-лисодава (fox-terrier)... Цѣна каждой двѣсти фунтовъ стерлинговъ (5000

Digitized by Google

франковъ! думаю я про себя)... Вотъ на этомъ столѣ я сохраняю всѣ призы, полученные мною за моихъ животныхъ на различныхъ выставкахъ, земледѣльческихъ конкурсахъ и т. п...

Теперь для меня объяснялся смыслъ мраморнаго стола со всевозможной золотой и серебряной посудой.. Я хотѣлъ было попросить джентльмэна показать мнѣ его удивительныхъ собакъ, но, взглянувъ на часы, увидѣлъ, что наша бесѣда продолжалась уже полтора часа, и, не желая злоупотреблять далѣе визитомъ, сталъ прощаться съ мистеромъ Пауэлемъ. На прощанье онъ посовѣтовалъ мнѣ, если я хочу видѣть домъ Дарвина, не ограничиваться его внѣшнимъ осмотромъ, а спросить позволенія у его теперешняго владѣльца — мистера Филиппса — побывать въ той компатѣ, гдѣ родился Дарвинъ — «для точности», прибавилъ онъ, улыбаясь, и тутъ же, изъ оконъ зала, показалъ мнѣ выглядывавшую изъ-за деревьевъ крышу этого зданія.

— Могу я для большаго вѣса сказать мистеру Филиппсу, что эта просьба внушена мнѣ вами?

— Конечно, конечно... Вы можете располагать въ данномъ случаѣ моимъ именемъ, какъ хотите... даже для печати... если бы вамъ пришла въ голову мысль разсказать соотечественникамъ, что вы видѣли на родинѣ Дарвина...

И вотъ я возвращаюсь въ Шрусбери и останавливаюсь у воротъ большого помѣстья, которое называется The Mount: это и есть старый домъ Дарвиновъ, перешедшій въ чужія руки уже лѣтъ двадцать тому назадъ, если не ошибаюсь. Снова я объясняю цѣль своего визита, снова показываю конвертъ Эдвина Пауэля младшаго и прошу чрезъ слугу позволенія у мистера Филиппса побывать въ той комнатѣ, гдѣ родился Дарвинъ, ссылаясь на совѣтъ Эдвина Пауэля старшаго. Меня вводятъ въ пріемную и просятъ обождать; черезъ нѣсколько времени слуга возвращается и приноситъ отвѣтъ, что въ данный моментъ эта комната занята и, къ сожалѣнію, не можетъ быть осмотрѣна, но что, если я хочу, то слуга покажетъ мнѣ снаружи ея окна, проведетъ меня по парку, фруктовому саду и той аллеѣ надъ рѣкой Севернъ, по которой Дарвинъ любилъ гулять съ отцомъ... Очевидно, слуга уже не первый разъ водитъ посѣтителей и даже фамильярно называетъ Чарльза Дарвина просто-на-просто Чарльзомъ. «Вотъ гдѣ родился Чарльзъ», показываетъ онъ мнѣ на третье и четвертое окно (считая слѣва) второго этажа довольно большого трехэтажнаго красноватаго дома... Да, вотъ гдѣ увидѣлъ свѣтъ въ 1809 году, восемьдесятъ девять лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ величайшихъ геніевъ, и вдругъ это сопоставленіе идейнаго величія Дарвина и двухъ оконъ второго этажа въ домѣ мистера Филиппса вызываетъ невольное смущеніе въ моей душѣ. Мнѣ

Digitized by Google

кажется дѣтски-смѣшнымъ и грубо-матеріальнымъ мое желаніе видѣть ту точку въ пространствѣ, гдѣ впервые загорѣлась жизнь грандіознаго сознанія, которое освѣтило для человѣчества цѣлый міръ сложныхъ и темныхъ явленій. Въ домѣ, на который я смотрю, не осталось даже слѣдовъ той умственной атмосферы, той семейной среды, въ которой выросталъ и зрѣлъ Дарвинъ: два окна второго этажа принадлежатъ совершенно чужимъ людямъ, у которыхъ своя жизнь, свои интересы.. «Для точности, для точности», утѣшаю я свою скептически настроенную душу словами мистера Эдвина Пауэля старшаго, и для той же точности иду рядомъ съ болтающимъ все время слугой по аллеѣ сада, круто падающаго къ берегу Северна...

Осмотръ конченъ, шесть пенсовъ положены въ руку лакея, героически водившаго меня по парку подъ все усиливающимся и усиливающимся дождемъ, и на сей разъ я уже окончательно пускаюсь по дорогѣ въ Рэксгамъ и Честеръ... Но судьбѣ угодно было снова ввести меня въ кругъ воспоминаній, касающихся Дарвина. Миляхъ въ 8-ми отъ Шрусбери, въ отелѣ деревни Нэсклиффъ, гдѣ мнѣ пришлось просидѣть за обѣдомъ часа два въ хозяйскомъ платьѣ, дожидаясь, пока высушится мой костюмъ, я увидѣлъ на стѣнѣ старинную гравюру - портретъ, изображавшую—кого бы вы думали? Ни много ни мало какъ Роберта Уэринга Дарвина (отца Чарльза), мѣстнаго доктора и человѣка необыкновенной толщины и необыкновенно нѣжнаго сердца, который вѣсилъ около 10 пудовъ и чуть не падалъ въ обморокъ, когда ему надо было дѣлать паціентамъ малѣйшую операцію. Если не ошибаюсь, самъ Дарвинъ разсказываетъ, что отца его всѣ знавшіе очень любили, и что онъ былъ популяренъ во всемъ околодкѣ. Во всякомъ случаѣ быть увѣковѣченнымъ на гравюрахъ, которыя встрѣчаются въ сельскихъ гостиницахъ полвѣка спустя послѣ смерти, что нибудь да значитъ въ смыслѣ мѣстной популярности!..

Но скоро мысль объ археологическомъ открытіи вылетѣла у меня изъ головы подъ напоромъ новаго ливня, который, съ не большими промежутками, преслѣдовалъ меня по крайней мѣрѣ миль на двадцать. Мнѣ пришлось провести два несносныхъ часа: я былъ уже въ преддверіи сѣвернаго Уэльса, среди живописныхъ холмовъ и долинъ, усѣянныхъ знаменитыми молочными фермами, гдѣ фабрикуется честерскій сыръ, но за дождемъ ничего не видѣлъ изъ всего этого великолѣпія, полагающагося здѣсь по штату, если вѣрить картамъ и учебникамъ географіи. Вмѣсто всякаго пейзажа мнѣ пришлось любоваться изъ подъ своего капюшона довольно однообразнымъ зрѣлищемъ передняго колеса велосипеда, рѣжущаго желтую грязь дороги, и ближайшихъ деревьевъ, нещадно потрясаемыхъ вѣтромъ. Дождь пересталъ и горизонтъ нѣсколько раскрылся

Digitized by Google

всего за нѣсколько миль до Рэксгама, въ долинѣ одного изъ притоковъ рѣки Ди (Dee); но уже этого небольшого угла панорамы было достаточно, чтобы судить о гористомъ характерѣ страны, замѣтно измѣнившейся по сравненію съ видѣнными мною вчера пейзажами. Замѣтно измѣнилось и само населеніе. Услышалъ я и знакомый мнѣ изъ французской Бретани кельтскій гортанный говоръ, и безпрестанное употребленіе въ разговорѣ слово *я, я* (да!); при въѣздѣ въ Рэксгамъ мнѣ встрѣтилась цѣлая толпа уэльсцевъ въ повозкахъ, запряженныхъ маленькими, быстрыми пони, или же верхомъ на лошадяхъ съ хлыстомъ въ рукѣ и желтыми кожанными поножами; попалась даже старуха въ національномъ, выходящемъ изъ употребленія костюмѣ: тяжеломъ плащѣ и комично надѣтой на чепецъ полу-мужской шляпѣ. Англійскія названія рѣкъ, мѣстечекъ, холмовъ смѣнились словами уэльскаго діалекта, всѣми этими *aber, afon, caer, llyn*, и пр. Старые люди часто даже совсѣмъ не понимаютъ англійскаго и разговариваютъ съ вами при помощи молодого поколѣнія, кишащихъ вокругъ нихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Мнѣ кидается въ глаза, однако, что, не смотря на свое кельтское происхожденіе, жители Уэльса—вѣроятно, вслѣдствіе вліянія соціальной среды и англійской цивилизаціи — гораздо болѣе приближаются по росту и физіономіи къ англичанамъ, чѣмъ къ французскимъ бретонцамъ...

Но мнѣ, промокшему съ ногъ до пояса и забрызганному грязью до самаго затылка, не особенно улыбаются эти географическія и бытовыя наблюденія: уже пять часовъ, а до Честера 11 миль! И съ нетерпѣніемъ я качу по все болѣе и болѣе холмистой дорогѣ, то между лугами, усѣянными небольшими озерами, то между аллеями мощныхъ деревьевъ... Видъ Честера заставляетъ меня забыть про усталость: на первомъ планѣ старый, массивный и очень любопытный мостъ чрезъ рѣку Ди (впадающую недалеко въ море), и, переѣзжая его, я не безъ уваженія къ его древности всматриваюсь въ крупные камни парапета, на которыхъ все сокрушающій зубъ времени оставилъ свои явственные слѣды; къ западу, за рѣкой громадныя старинныя мельницы и башни замка; прямо передо мной, направо и налѣво, поясъ красноватыхъ средневѣковыхъ стѣнъ, ядро стариннаго города, за предѣлы котораго далеко перелилась къ востоку новѣйшая часть Честера, съ ея парками и тѣнистыми аллеями, выходящими къ рѣкѣ. Въѣзжая въ городъ черезъ Мостовыя ворота (Bridge Gate) и продолжая свой путь по Мостовой улицѣ (Bridge street), я какъ разъ попадаю въ центръ древняго Честера, который сохраняетъ свой средневѣковый характеръ, не смотря на нѣкоторые анахронизмы современности въ родѣ конокъ и электрическаго освѣщенія.

Digitized by Google

Въ поискахъ отеля мнѣ приходится спѣшиться и пройти взадъ и впередъ знаменитый крестъ, состоящій изъ четырехъ пересѣкающихся между собою старыхъ улицъ, которыя врѣзались мнѣ въ память особенно своими любопытными группами средневѣковыхъ домовъ, образующихъ своими нижними этажами сплошныя галлереи въ родѣ нашихъ русскихъ «рядовъ» и носящихъ и по англійски какъ разъ это названіе (*Rows*). Но уже смеркается, и я останавливаюсь въ одномъ изъ «семейныхъ и коммерческихъ отелей» на Foregate street, не безъ нѣкотораго удовольствія помышляя о томъ, что, не смотря на ужасную погоду и дождь, и вѣтеръ, и грязь, я успѣлъ осмотрѣть наиболѣе интересовавшія меня вещи на родинѣ Дарвина, познакомиться съ новымъ для меня типомъ дарвиниста - заводчика, проѣхать 45 миль = 73 километра и начать осмотръ Честера. Послѣ ужина я удаляюсь въ свою комнату и, сдавъ костюмъ для сушки слугѣ, засыпаю подъ нестройные, но убѣжденные звуки концерта, организованнаго внизу какимъ-то странствующимъ музыкальнымъ обществомъ.

X.

6 августа. Сыро и пасмурно, но дождь накрапываетъ лишь изрѣдка; временами даже солнце улыбается на минуту изъ за тучъ. Продолжаю осмотръ интереснаго города. Мой отель въ двухъ шагахъ отъ знаменитаго честерскаго собора, посѣщеніе котораго рекомендуется археологами съ цѣлью изученія монастырской средневѣковой архитектуры и любопытнаго сочетанія старо-норманскаго и ново-норманскаго стилей въ одной и той же части зданія. Не будучи спеціалистомъ по археологіи, я могу лишь съ чужого голоса говорить объ этомъ научномъ значеніи историческаго памятника; но мой глазъ профана пріятно поражается красивымъ цвѣтомъ внутренности собора, построеннаго изъ краснаго песчаника, и великолѣпной рѣзьбой скамеекъ хора. Возвращаясь на Foregate street, я по лѣстницѣ Восточныхъ воротъ (Eastgate) взбираюсь на старинную городскую стѣну, которая опоясываетъ своимъ четырехугольникомъ болѣе чѣмъ на три километра средневѣковый Честеръ и съ высоты которой развертывается восхитительная панорама города и окрестностей. Окруженная невысокими парапетами, которые оставляютъ проходъ для прогулки отъ 1 до 2 метровъ ширины, стѣна эта то совсѣмъ низко проходитъ надъ поверхностью земли, то поднимается на высоту 10—15 метровъ (напр., на сѣверѣ, гдѣ она нависаетъ какъ разъ надъ берегомъ Шропширскаго канала). По англійскому обыкновенію, и на этой стѣнѣ устроены мѣста для взиманія

Digitized by Google

дани съ любопытства путешественниковъ, и за посѣщеніе башни Феникса,—съ высоты которой, какъ гласитъ надпись, Карлъ I видѣлъ пораженіе своихъ войскъ Кромвелемъ, — съ васъ берутъ пенсъ, а за посѣщеніе другой башни, служащей музеемъ и носящей замысловатое имя, которое я забылъ, вы платитесь цѣлыми шестью пенсами. Меня особенно привлекъ видъ съ западной части стѣны на рѣку Ди и уже теперь ясно обрисовывавшіяся на горизонтѣ горы Уэльса, лѣсистыя вершины которыхъ казались синими. Эта панорама напоминала мнѣ, что я не могу терять очень много времени на осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей Честера, ибо мнѣ предстояло еще въ теченіе четырехъ-пяти дней обогнуть чуть не весь морской берегъ Уэльса. Я обошелъ поэтому городскую стѣну, побродилъ по наиболѣе интереснымъ старымъ улицамъ, полюбовался на нѣсколько великолѣпныхъ образчиковъ средневѣковыхъ домовъ и переѣхалъ обратно Ди по знакомому мнѣ уже старинному мосту, направляясь теперь на западъ, въ сторону настоящаго Уэльса.

Я ѣхалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: мнѣ поскорѣе хотѣлось видѣть знаменитое помѣстье Гладстона, о которомъ столько писано и названіе котораго Hawarden, вопреки принятому у насъ обыкновенію, произносится не какъ Гавардэнъ, а Хардэнъ. Хардэнъ, возлѣ города того же имени, находится километрахъ въ восьми отъ Честера, во Флинтѣ, самомъ сѣверо-восточномъ изъ уэльскихъ графствъ. Вдоль дороги потянулись нѣсколько напомнившіе мнѣ «черную страну» заводы, копи и рудники: въ нижнемъ бассейнѣ Ди распространена каменноугольная формація, а мѣдная, цинковая и въ особенности свинцовая руды вызвали здѣсь къ жизни дѣятельную металлургическую промышленность. Но характеръ страны несравненно живописнѣе окрестностей Бирмингама, Вольвергамптона, Шифналя. Еще нѣсколько миль, и мы будемъ въ настоящемъ горномъ Уэльсѣ. А пока имѣніе Гладстона развертываетъ на холмистой площади свой обширный, обнесенный рѣшеткой паркъ, который прорѣзываютъ проѣзжія дороги, извивающіяся между вязами, буками, липами и дубами. У воротъ дощечка съ надписью гласитъ, что Хардэнскій паркъ открытъ для всѣхъ посѣтителей, но проситъ гостей ходить исключительно по дорожкамъ. Я въѣзжаю на велосипедѣ вслѣдъ за двумя англичанами, повидимому, отцомъ и сыномъ, тоже на «машинахъ». Въ паркѣ, приблизительно въ верстѣ отъ рѣшетки, стоитъ такъ называемый «новый замокъ», построенный, однако, на средневѣковый ладъ съ башнями по бокамъ главнаго фасада. Передъ домомъ садъ и цвѣтникъ, отгороженный отъ парка. Когда мы подъѣзжали, на сосѣдней дорожкѣ стояло уже не мало посѣтителей и съ любопытствомъ разглядывало даму съ сѣдыми буклями и

Digitized by Google

всю въ черномъ, медленно расхаживавшую у внутреннихъ дверей дома. Англичане понеслись впередъ, я машинально за ними. «Бобъ, Бобъ, скорѣе, скорѣе», поощрялъ англичанинъ своего сына: «это сама она»... Но когда мы присоединились къ толпѣ, стоявшей у рѣшетки сада, сѣдая дама въ черномъ уже вошла въ домъ. Изъ разговоровъ любопытныхъ между собою я заключилъ, что то была г-жа Гладстонъ, вышедшая погулять по саду, но, вѣроятно, приведенная въ смущеніе двумя дюжинами паръ глазъ, устремленныхъ на нее. Я подошелъ къ внѣшнимъ воротамъ дома и прочиталъ объявленіе относительно того, что, по случаю траура, Хардэнское помѣстье не будетъ показываться публикѣ въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ. Объявленіе это касалось, впрочемъ, не новаго дома, въ которомъ жилъ самъ Гладстонъ съ семьей и который никогда не былъ открытъ для посѣтителей, но такъ называемаго «стараго замка», часовни и т. п... Намъ не оставалось ничего болѣе, какъ покататься по парку и уѣхать. Разспросивъ встрѣтившагося мнѣ садовника, я поѣхалъ по дорогѣ къ Хардэнской церкви, а оттуда черезъ другія ворота пустился по пути въ приморскій городъ Риль (Rhyl).

Скоро холмы начинаютъ переходить въ горы, то покрытыя лѣсомъ, то поросшія верескомъ и дрокомъ, то выставляющія наружу ребра голыхъ скалъ; сочныя пастбища выстилаютъ дно живописныхъ долинъ; кой-гдѣ стали показываться первые тонкіе ручейки горныхъ каскадовъ, а у подножія одного крутого и высокого холма, на поворотѣ дороги вправо, къ морю, я встрѣтилъ уже довольно значительный водопадъ, который срывался въ нѣсколько отдѣльныхъ скачковъ съ хаотически нагроможденныхъ скалъ, и дробился, и превращался въ серебряную пыль, и давалъ названіе «водопаднаго отеля» пріютившейся напротивъ него небольшой гостиницѣ. Я, очевидно, въѣзжалъ въ страну, которая усердно посѣщается иностранцами. И, дѣйствительно, Сѣверный Уэльсъ славится какъ рядомъ своихъ морскихъ купаній, такъ и обиліемъ красотъ природы, служащихъ предметомъ экскурсій. Часа черезъ два отвратительной дороги, которая то спускалась къ морю, то снова взбиралась на скаты предгорій, я въѣхалъ въ Риль и скоро очутился на людномъ берегу. Нечего говорить, съ какою жадностью я глоталъ новыя впечатлѣнія перваго видѣннаго мною англійскаго города съ морскими купаньями (я не считаю острова Джерси, на которомъ къ англійскимъ нравамъ примѣшивается и немало континентальныхъ, вслѣдствіе обилія французскихъ туристовъ). Я укажу, конечно, на главныя черты, поразившія меня по контрасту съ Франціей, и при этомъ изображеніи англійскихъ морскихъ купаній постараюсь обобщить впечатлѣнія, полученныя мною не только отъ Риля, но и отъ десятка другихъ ку-

Digitized by Google

пальныхъ городовъ и мѣстечекъ, которые я видѣлъ на сѣверномъ и западномъ берегу Уэльса.

Прежде всего вамъ бросается въ глаза обиліе отелей: въ Рилѣ, который представляетъ собою бойкое, но не первостепенное купальное мѣсто, вся улица, идущая по берегу моря, состоитъ тѣмъ не менѣе почти исключительно изъ отелей и прилегающихъ къ нимъ ресторановъ; дома и квартиры, отдающіеся въ наймы, составляютъ меньшинство по этой, такъ сказать, фасадной улицѣ. А это, пожалуй, указываетъ, съ одной стороны, на то, что англичане въ общемъ болѣе привыкли къ кочевой жизни, чѣмъ французы, а съ другой, что они менѣе французовъ стѣсняются въ деньгахъ, ибо жизнь въ гостиницѣ стоитъ, несомнѣнно, дороже жизни у себя на дому, хотя бы и временно. Затѣмъ, въ Англіи купальныя будочки (cabins по англійски, cabines по французски) употребляются, насколько я могъ замѣтить, исключительно для своего первоначальнаго назначенія; я не видалъ тамъ тѣхъ большихъ будокъ, изъ которыхъ французы сдѣлали нѣчто въ родѣ импровизированныхъ морскихъ салоновъ, гдѣ семья принимаетъ гостей и проводитъ время въ нескончаемой болтовнѣ, вязаньи ненужныхъ вещей (дамы) и игрѣ въ карты и шахматы (мужчины). Англичанинъ предпочитаетъ проводить время на морскомъ берегу въ болѣе непосредственномъ общеніи съ натурой: если онъ не за обѣдомъ въ отелѣ, или не въ водѣ, то онъ вѣчно движется по берегу или совершаетъ экскурсіи во внутрь страны, или предается какой-нибудь игрѣ, требующей сильнаго движенія, напр., golf'у или особаго рода лаптѣ, требующей очень большой площади и дѣятельной борьбы между игроками. Кстати сказать, я ни разу почти не видалъ тамъ столь популярной во Франціи игры въ крокетъ, при которой въ каждый данный моментъ играетъ лишь одинъ партнеръ, а прочіе дожидаются своей очереди, проводя время въ горячихъ спорахъ о положеніи шара или по просту въ разговорахъ.

Англійскій купальный берегъ кишитъ дѣтьми, которыя у моря болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, являются важнымъ, можно сказать, первостепеннымъ элементомъ каникулярной жизни. И не то, чтобы родители обращали особенное вниманіе на нихъ и старались создавать изъ нихъ привилегированныхъ существъ: о англійскія дѣти воспитываются далеко не въ хлопочкѣ, какъ французское молодое поколѣніе, они оставлены въ своихъ играхъ почти на полный произволъ, и нѣтъ за ними докучнаго присмотра няни или мамаши. Но они сами завоевали себѣ видное мѣсто въ обществѣ, и съ ихъ интересами и потребностями приходится считаться различнымъ вѣтвямъ промышленности, созданнымъ купальною и вообще каникулярною жизнью. На англійскомъ берегу вы часто найдете

Digitized by Google

столбы съ надписью: «здѣсь отдаются пони для верховой ѣзды», и на вашихъ глазахъ нерѣдко промчится кавалькада десяти-двѣнадцатилѣтнихъ джентльмэновъ и лэди, которые съ большой серьезностью и достоинствомъ оспариваютъ другъ у друга честь прибыть первому къ заранѣе условленному мѣсту, куда ихъ уноситъ соревнующій галопъ маленькихъ лошадокъ... И невольно, по закону ассоціаціи, эта мысль вызываетъ во мнѣ другую: если англійскія дѣти вносятъ въ свои игры серьезность и азартъ старшаго поколѣнія, то, наоборотъ, у взрослыхъ англичанъ въ ихъ развлеченіяхъ есть нѣчто простодушное и наивное, что сближаетъ ихъ съ дѣтьми. Такова ихъ любовь къ юмору, порою очень примитивному, къ комизму, часто переходящему въ грубый шаржъ и настоящее клоунство. Двѣ сцены особенно врѣзались мнѣ изъ моего проѣзда по морскимъ англійскимъ купаньямъ. Сцена первая: громадная толпа мужчинъ и женщинъ и дѣтей тѣснилась на берегу, не смотря на докучливый дождь, вокругъ хора комическихъ пѣвцовъ, загримированныхъ неграми и сопровождавшихъ свои куплеты неистовымъ смѣхомъ и взаимными звончайшими пощечинами,— и смѣю васъ увѣрить, что всѣ возрасты одинаково восхищались этимъ своеобразнымъ аккомпаниментомъ! Сцена вторая: не менѣе густая толпа заполнила высокій каменный молъ, вдававшійся въ море, жадно слѣдя за эволюціями отличнаго пловца - клоуна, который разыгрывалъ изъ себя то пьяницу, упавшаго нечаянно въ воду и неумѣющаго плавать, то собаку - водолаза, приносящую подачку, —опять таки при дружномъ смѣхѣ не только молодого, но и стараго поколѣнія!..

Темная точка на этомъ простодушномъ и въ общемъ дѣтски-оживленномъ фонѣ купальной англійской жизни: въ то время, какъ во Франціи мужчины и женщины купаются въ морѣ вмѣстѣ, но въ приличныхъ, закрывающихъ почти все тѣло костюмахъ, пуританизмъ Англіи требуетъ строжайшаго раздѣленія половъ. Джентльмэны и лэди купаются на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ другъ отъ друга, что не мѣшаетъ прекрасному полу идти въ море зачастую въ странныхъ полотняныхъ, чуть не кисейныхъ одѣяніяхъ, которыя при первомъ же погруженіи превращаютъ своихъ обладательницъ въ статуй Танагры изъ цвѣтной тѣлесной глины, а бородатой половинѣ рода человѣческаго предаваться морскимъ эволюціямъ въ поясѣ, удачно воспроизводящемъ фиговый листокъ... И сколько разъ мнѣ хотѣлось воскликнуть: милые англичане! ведите себя и на морѣ столь же просто, какъ вы ведете себя на сушѣ! Къ чему вводить это полярное раздѣленіе двухъ электричествъ въ мокрой стихіи? Предоставьте это любящимъ прерывающійся токъ «латинскимъ расамъ»!..

Часовъ съ трехъ пополудни, уже за Рилемъ, небо совер-

Digitized by Google

шенно освободилось отъ тучъ, и солнце, этотъ великій акварелистъ, сразу оживило и раскрасило великолѣпную, но досихъ поръ черезчуръ уныло и сѣро освѣщенную панораму приморскаго Уэльса. По лѣвую сторону дороги горы тянулись теперь во всемъ блескѣ своего лѣтняго наряда: темная зелень лѣсовъ чередовалась съ свѣтлой зеленью пастбищъ, и полосы горныхъ и приморскихъ колючихъ растеній привлекали издали взоръ своимъ радужнымъ покровомъ цвѣтовъ, въ которыхъ преобладали ярко-красные и желтые оттѣнки. Направо отъ дороги, въ сторону уже склонявшагося къ западу солнца, каждый поворотъ пути открывалъ новый живописный мысъ, новую граціозную бухту моря, которое подъ этой лазурью неба само принимало такой свѣтло-голубой оттѣнокъ, что бѣлые паруса отдаленныхъ рыбацкихъ лодокъ казались крыльями гигантскихъ чаекъ, повисшихъ въ воздухѣ. Сама дорога, то сбѣгавшая къ морю, когда оно катило свои волны на обширный песчаный берегъ, то лѣпившаяся по карнизу скалъ, когда горы вплотную подходили къ сверкавшей на солнцѣ поверхности водъ, живо напомнила мнѣ мѣстами очаровательное прибрежье Средиземнаго моря въ окрестностяхъ Болье, Вилафранки, мыса Св. Мартина. Порою путь шелъ подъ нависшими скалами, которыя, очевидно, приходилось взрывать и прорѣзывать, чтобы дать мѣсто дорогѣ, но дорога эта, хотя очень извилистая и состоявшая изъ ряда крутыхъ подъемовъ и спусковъ, была содержима гораздо лучше обыкновенныхъ второстепенныхъ дорогъ Англіи. Не приходится смотрѣть безпрестанно себѣ подъ колеса, чтобы не нарѣзаться на кучу дурно засыпаннаго щебня, и любуясь теперь развертывавшимися по сторонамъ видами, я благословлялъ иностранцевъ, которые, часто пользуясь этою красивою дорогою для своихъ экскурсій, заставили, очевидно, мѣстныхъ властей обратить вниманіе на удобства путешественниковъ.

Такъ, по этому живописному карнизу сѣвернаго прибрежья Уэльса, я и проѣхалъ черезъ рядъ морскихъ купальныхъ мѣстъ, направляясь въ Бангоръ. Я видѣлъ Абергеле, пріютъ небогатыхъ семей; становящійся модным Колвинъ съ его великолѣпной бухтой и поросшими лѣсомъ холмами и долинами; старинный Конуэ (Conway), съ его обширными и красивыми развалинами замка (XIII столѣтія), выставившаго свои массивныя башни надъ устьемъ рѣки Конуэ. Въ Бангорѣ, куда я пріѣхалъ часовъ въ 7 вечера, сдѣлавъ за день 61 милю или 98 километровъ, мнѣ приходилось заночевать. Проѣзжая чрезъ круто подымавшіяся и спускавшіяся улицы, я былъ пораженъ необыкновеннымъ оживленіемъ этого небольшого, но бойкаго города: мужчины, женщины и дѣти, порою въ національномъ костюмѣ, танцовали подъ звуки немилосердно мо-

Digitized by Google

ловшихъ разныя болѣе или менѣе веселыя аріи шарманокъ; густая толпа зрителей слѣдила за эволюціями танцоровъ, услаждая себя разными лакомствами; таверны были наполнены громко смѣявшимися и разговаривавшими на своемъ гортанномъ языкѣ уэльсцами. Я вспомнилъ, что то былъ вечеръ субботы, самое веселое время въ недѣлѣ, наканунѣ пуританскаго замиранія жизни въ воскресенье; а жители Уэльса, въ качествѣ потомковъ древнихъ общительныхъ кельтовъ, любятъ придираться къ малѣйшему случаю, чтобы собраться вмѣстѣ и повеселиться, причемъ порою эти собранія (Eisteddfod) принимаютъ характеръ настоящихъ состязаній въ поэзіи и музыкѣ...

Засыпая въ одномъ изъ «отелей воздержанія», патріархальная хозяйка котораго совсѣмъ не умѣетъ говорить по англійски и объясняется со мною при помощи своей дочери, молодой дѣвушки, я не безъ меланхоліи помышляю о завтрашнемъ, воскресномъ, днѣ, въ теченіе котораго всѣ достопримѣчательности и историческіе монументы англійскихъ городовъ заперты и туристу приходится довольствоваться внѣшнимъ осмотромъ. Я утѣшаю себя тѣмъ, что нахожусь въ центрѣ самыхъ живописныхъ мѣстностей Уэльса, и что могу посвятить день скуки и традиціоннаго зѣванія исключительно велосипедной экскурсіи и наслажденію видами природы.

XI.

Воскресенье, 7 августа. Рано утромъ я уже на ногахъ; въ окно моей комнаты, выходящей на востокъ, весело смотритъ солнце, выглядывая изъ-за сосѣдняго поросшаго густымъ лѣсомъ холма. День ясный и необыкновенно жаркій: чѣмъ раньше выѣду, тѣмъ лучше. Мой первый визитъ—въ городской паркъ, раскинувшійся въ нагорной части Бангора, откуда передъ вами развертывается живописная картина Менайскаго пролива (*Menai straits*), который, словно широкая рѣка, отдѣляетъ отъ прибрежья континентальнаго и гористаго Уэльса довольно плоскій, но зеленый островъ Энглеси (Anglesey). Километрахъ въ двухъ влѣво чрезъ-проливъ брошенъ знаменитый цѣпной мостъ, кажется, самый длинный изъ мостовъ этого рода въ Англіи (300 метровъ), а за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, обрисовываются еще болѣе смѣлые контуры трубчатаго желѣзнодорожнаго моста (*Britannia Tubular Bridge*), построеннаго Робертомъ Стивенсономъ, сыномъ славнаго изобрѣтателя локомотива. Хочу осмотрѣть оба шедевра инженернаго искусства и переѣзжаю на островъ по цѣпному мосту (конечно, переѣздъ платный: 1 пенсъ,—я уже привыкъ къ этой особенности путешествія

Digitized by Google

въ Англіи), дѣлаю километра два по острову въ сторону Стивенсоновскаго віадука, но желѣзнодорожный будочникъ объясняетъ мнѣ, что мостъ устроенъ исключительно для поѣздовъ. Подивившись поэтому на громадную галлерею-трубу, длиною, по крайней мѣрѣ, въ полверсты, я принужденъ возвратиться обратно въ Бангоръ, и разговорившись по дорогѣ съ мѣстнымъ жителемъ, узнаю, что одна изъ горъ, выростающихъ теперь передо мной на полуденной сторонѣ горизонта, и есть знаменитый Снодонъ, — высочайшая вершина Англіи. Мой путь какъ разъ лежитъ туда: отнынѣ я все время буду спускаться къ югу вдоль западнаго берега Уэльса.

До Снодона по прямой линіи миль двѣнадцать, но мнѣ хотѣлось бы продолжать экскурсію вдоль Менайскаго пролива до стараго города Карнарвона, слава о замкѣ котораго гремитъ по всей Англіи; а оттуда уже направиться по одной изъ горныхъ долинъ во внутрь страны, къ гиганту англійскихъ горъ. И вотъ, оставляя Бангоръ влѣво, я подымаюсь по крутой дорогѣ, идущей къ югу, и поворачивая вправо, попадаю на большой Карнарвонскій путь. Отъ Карнарвона, гдѣ я былъ менѣе, чѣмъ черезъ часъ по выѣздѣ изъ Бангора, у меня осталось воспоминаніе объ узкихъ извилистыхъ улицахъ, грандіозномъ замкѣ изъ крупныхъ тесаныхъ камней, омываемомъ волнами пролива и небольшой мѣстной рѣки, да о невыносимой жаждѣ, которую я насилу могъ утолить, благодаря строгости воскресныхъ нравовъ. Отели и таверны открыты по воскресеньямъ въ Англіи лишь лицемѣрнымъ способомъ съ задняго хода, да и то только въ часы, когда нѣтъ столь частыхъ въ этотъ день церковныхъ службъ. А я пріѣхалъ въ Карнарвонъ какъ разъ къ 10 часамъ, когда весь городъ оглашался гуломъ органовъ и пѣніемъ священныхъ гимновъ. Хозяйка гостиницы, куда я постучался, не хотѣла отворить мнѣ, но, наконецъ, впустила со всевозможными предосторожностями и боязливо оглядываясь по сторонамъ, такъ что, зная чисто-іудейскую строгость этихъ порядковъ, я сейчасъ же заявилъ хозяйкѣ, что я иностранецъ, ѣду издалека, хочу пить и надѣюсь на снисхожденіе ко мнѣ со стороны туземныхъ почитателей библіи: упоминаніе о путешествіи лучше всего смягчаетъ пуританскую жестоковыйность, какъ мнѣ было уже не разъ сказано пріятелями-англичанами...

Моя экскурсія продолжалась среди невыносимой жары, къ которой скоро присоединилась очень трудная дорога, когда отъ Карнарвона я повернулъ къ юго-западу, по направленію къ Снодону. Путь шелъ отъ морского берега къ внутренности горной страны, и шоссе подымалось такими террассами, словно ступенями гигантской лѣстницы, что порою, выбившись изъ силъ, я принужденъ былъ слѣзать съ велосипеда и отдыхать.

Digitized by Google

Дорога стала гораздо легче, когда я взобрался на горное плато, а вмѣстѣ съ тѣмъ Уэльсъ развернулся передо мною во всей своей красотѣ, и я скоро забылъ о непріятностяхъ пути. Дорога извивалась теперь посреди роскошной долины, по бокамъ которой горы подымались одна за другой, то покрытыя густымъ лѣсомъ до самаго низу, то разстилавшія по скатамъ затканный цвѣтами коверъ альпійскихъ пастбищъ съ необыкновенно ясно выдѣлявшимися на немъ далекими хижинами пастуховъ и словно выточенными маленькими фигурками коровъ и лошадей. Повсюду журчали ручьи, сливаясь на днѣ долины въ небольшія рѣчки, стремительно пробиравшіяся между сочными лугами, рядами деревьевъ и высокимъ тростникомъ, и отъ времени до времени терявшіяся въ очаровательныхъ горныхъ озерцахъ, носившихъ неудобопроизносимыя уэльскія названія Llyn-y-Cwellyn, Llyn-y-Gader, и т. п. Порою голые сланцы громоздили цѣлые бастіоны своихъ высоко приподнятыхъ слойчатыхъ скалъ, и тутъ же рядомъ, въ ущельи, поросшемъ вереском, ежевикой и папоротниками, шумѣлъ и пѣнился водопадъ, первые прыжки котораго вы могли различить тамъ высоко-высоко, на верху горной стѣны. Порою дорога пробиралась въ глубокой лощинѣ, подъ нависшими скалами, въ таинственномъ полумракѣ лѣса; порою выскакивала на самую середину долины, перебѣгала старинные, поросшіе мохомъ и плющемъ мосты, гдѣ-нибудь возлѣ громаднаго мельничнаго колеса, огибала небольшое селеніе или ограду древняго кладбища съ одиноко стоящей церковной башней... Читатель, бывавшій въ Швейцаріи, легко можетъ представить себѣ альпійскій пейзажъ Уэльса: срѣжьте съ швейцарскихъ исполинскихъ горъ снѣжныя вершины и двѣ трети ихъ высоты, сдвиньте края горной долины, уменьшите размѣры озеръ, рѣкъ, водопадовъ, приблизьте всѣ предметы въ нѣсколько разъ къ своимъ глазамъ—и вы получите картину уэльскихъ Альповъ... Уэльсъ, это—Швейцарія въ миніатюрѣ, но въ миніатюрѣ, которая не исключаетъ ни величія, ни въ особенности разнообразія: именно вслѣдствіе уменьшеннаго масштаба всѣхъ подробностей ландшафта, онѣ скорѣе возникаютъ и скорѣе изчезаютъ предъ вашимъ взоромъ, и нѣкоторыя части картины казались мнѣ съ быстро бѣгущаго велосипеда положительно фантасмагорической смѣной декорацій. Самъ Снодонъ, этотъ Монбланъ уэльскихъ горъ, не производитъ, впрочемъ, впечатлѣнія, соотвѣтствующаго его мѣстному рангу, и, говоря такъ, я разумѣю не его умѣренную абсолютную высоту (3560 англійскихъ футъ = 1094 метра), а скромность его контуровъ и его нѣсколько затертое положеніе между окружающими его собратами. Въ Гланрафонѣ я былъ всего въ какихъ-нибудь пяти километрахъ (по прямой, конечно, линіи) отъ его вершины; я видѣлъ его очер-

Digitized by Google

танія изъ болѣе отдаленнаго, но и болѣе удобнаго для наблюденія Безгелерта (Beddgelert): и тамъ, и здѣсь онъ не особенно выдается ни смѣлостью своей формы, ни своей кажущейся высотой изъ сосѣднихъ болѣе низкихъ, но лучше изолированныхъ горъ.

Я выбрался снова къ морю, прорѣзавъ насквозь горную долину, ведшую на разстояніи 20 миль = 32 километровъ отъ Карнарвона къ порту Мадоку, вдоль западнаго подножья Сноудона, и принимавшую дико-поэтическій характеръ въ ущельи Абергласлина, гдѣ возлѣ стариннаго моста чрезъ небольшую рѣчку Гласлинъ скалы надъ дорогой поднимались гигантской, поросшей дубами и елями стѣной чуть не въ 300 метровъ высоты. Переѣхавъ по невысокой, но очень длинной и извилистой дамбѣ черезъ болота и жесткія пастбища устья рѣки Мадока, я выбрался къ Гарлеху и снова очутился на очаровательномъ приморскомъ карнизѣ (на сей разъ уже западнаго берега) Уэльса. Снова потянулся рядъ морскихъ купальныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ общемъ еще болѣе посѣщаемыхъ, чѣмъ купанья сѣвернаго прибрежья. Панорама Гарлеха съ замкомъ на скалѣ; людный берегъ и старая церковь Товина; фешіонэбельное купанье Бармута съ длиннѣйшимъ мостомъ черезъ устье рѣки Мауддахъ, откуда раскрывается одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ на внутреннія горы Уэльса (переходъ черезъ мостъ, принадлежащій Сѣверо-западной желѣзной дорогѣ, конечно, платный: два пенса за пѣшехода да два пенса за велосипедъ), — вотъ что лучше всего запечатлѣлось въ моей памяти изъ второй части воскресной экскурсіи по Уэльсу, экскурсіи, которую я принужденъ былъ прервать, заночевавъ въ Абердевэ (Aberdovey). Въ этотъ день я сдѣлалъ 67 миль = 107 километровъ по живописной, но утомительной дорогѣ...

На слѣдующій день, 8 августа, совершивъ прогулку по оживленному прибрежью Абердевэ, я рѣшилъ продолжать свой путь по карнизу на югъ въ направленіи къ Аберистивсу. Въ этомъ мѣстѣ берегъ глубоко взрѣзанъ бухтой, образованной устьемъ рѣки Девэ, и съ одного берега залива на другой существуетъ пароходное сообщеніе. Но я предпочелъ удлинить свой путь на цѣлыхъ 25 миль, лишь бы не покидать прибрежной дороги, заманчиво уходившей въ долину рѣки и огибавшей ея устье... Дорога была, дѣйствительно, восхитительная, но мое восхищеніе было скоро охлаждено потоками ливня, нанесеннаго грозовыми тучами, которыя сорвались съ высотъ уэльскихъ горъ и скоро облегли весь горизонтъ. Я едва успѣлъ доѣхать до Махинхлеса (такъ приблизительно произносится уэльсцами названіе Machynlleth), живописнаго городка, расположеннаго на Девэ километрахъ въ 20 отъ входа

Digitized by Google

въ бухту. Приходилось выжидать, пока дождь прекратится или уменьшится, и въ теченіе двухъ-трехъ часовъ изъ оконъ ресторана я былъ свидѣтелемъ самой оживленной ярмарочной картины: привыкшіе къ ненастью уэльскіе фермеры, въ своихъ грубыхъ суконныхъ костюмахъ и съ кожаными желтыми поножнями, суетились и бѣгали взадъ и впередъ подъ дождемъ, по грязной улицѣ, бокъ-о-бокъ со своими лошадьми, продавая, покупая, обмѣнивая ихъ, и оглашая воздухъ безконечными повтореніями звука «я», «я». Я пріѣхалъ какъ разъ въ разгаръ конскаго торга: уэльсцы очень любятъ лошадей и съ успѣхомъ выхаживаютъ хорошихъ животныхъ.

Я въ довольно уныломъ настроеніи проѣхалъ 20 миль, отдѣляющихъ Махинхлесъ отъ Аберистwиса: грозовой ливень смѣнился мелкимъ дождемъ, и послѣ двухдневной жары въ воздухѣ стало необыкновенно холодно. Аберистwисъ, если не ошибаюсь, самое модное купанье на всемъ побережьѣ Уэльса: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно было взглянуть на рядъ отелей и магазиновъ, вызванныхъ къ жизни періодическимъ приливомъ сезонныхъ гостей, и уличной сутолокой толпы, сновавшей по берегу и главнымъ артеріямъ города. Въ этомъ фэшіонебельномъ приморскомъ пунктѣ меня поразило, между прочимъ, обиліе афишъ, возвѣщавшихъ о мѣстѣ и времени проповѣдей въ церквахъ: очевидно, духовное краснорѣчіе для этихъ изящныхъ джентльмэновъ и лэди было однимъ изъ сезонныхъ развлеченій, наравнѣ съ подвигами клоуновъ и укротителей звѣрей въ большомъ циркѣ, объявленія о которомъ мирно помѣщались на стѣнахъ, тутъ же рядомъ съ программой ораторскихъ упражненій пасторовъ. Изъ Аберистwиса я двинулся въ Аберайронъ по приморскому карнизу, общій характеръ котораго сталъ здѣсь гораздо суровѣе: колючіе кустарники и жесткая трава мѣстами совсѣмъ вытѣсняли лѣса и пастбища, и волны стального моря, погоняемыя холоднымъ западнымъ вѣтромъ, съ ревомъ разбивались о величавыя голыя скалы. Солнце выглянуло изъ-за тучъ совсѣмъ передъ закатомъ, когда я уже въѣзжалъ въ Аберайронъ, старинный, чисто уэльскій городокъ, въ которомъ пожилые люди едва знали два-три слова по англійски. Я остановился въ простой сельской гостиницѣ и былъ пораженъ великолѣпной столовой посудой, прекрасной кроватью и обиліемъ иллюстрированныхъ книгъ и альбомовъ на уэльскомъ языкѣ; но патріархальный строй жизни сказывался на одной очень существенной детали: вмѣсто англійскаго ватерклозета съ разными приспособленіями, гость находилъ полуразрушенную грязную лачугу въ саду...

На этотъ разъ я проѣхалъ за весь день всего 55 миль или 88 километровъ.

9 августа. Я все южнѣе и южнѣе спускаюсь по западному

Digitized by Google

берегу Уэльса. Мой путь лежитъ въ Кардиганъ, расположенный недалеко отъ моря, но большая дорога изъ Аберайрона удаляется отъ берега и лишь отъ времени до времени позволяетъ видѣть волнующееся, но голубое сегодня море: день вѣтреный, солистый и жаркій. Ландшафтъ уступаетъ далеко по красотѣ великолѣпнымъ картинамъ, видѣннымъ мною за послѣдніе три дня; страна продолжаетъ быть холмистой, однако растительность не такъ ярка и не такъ мощна, какъ возлѣ Бангора, Безгелерта или Махинхлеса. Пастбища носятъ скорѣе степной, чѣмъ горный характеръ... Но вблизи Кардигана природа словно стряхиваетъ съ себя свое равнодушіе, и снова пейзажъ блеститъ, и живетъ, и чаруетъ. Когда отъ Кардигана я круто поворачиваю на востокъ, внутрь страны, въ сторону Ньюкестля-Эмлина, по долинѣ рѣки Тейви (на которой стоитъ Кардиганъ), каждый поворотъ тѣнистой дороги открываетъ новый ландшафтъ, но во всѣхъ этихъ видахъ преобладающимъ элементомъ является не величіе и не сила, какъ въ сѣверномъ Уэльсѣ, а грація и мягкость. Мнѣ невольно вспоминаются луга и рощи истоковъ Темзы; но маленькая, быстро бѣгущая Тейви, которая ни на минуту не покидаетъ дороги, вноситъ больше разнообразія и шалости въ игру своихъ коричневозеленыхъ волнъ, и время отъ времени русло ея загромождается крупными скалами, съ которыхъ вода падаетъ живописными и шумными каскадами, чтобы на минуту успокоиться въ глубокомъ и тихомъ плесѣ. Въ одномъ изъ такихъ плесовъ я впервые увидалъ типичный челнокъ Уэльса, называемый англичанами «кораклемъ» (coracle), а мѣстными жителями «куруглемъ» (cwrwgl), родъ громаднаго эллиптическаго лукошка или, выражаясь болѣе возвышенно, щита, состоящаго изъ деревяннаго или сплетеннаго изъ тростника остова, который обтягивается просмоленными кожами. Нѣтъ, говорятъ, ничего легче и удобнѣе этого первобытнаго челна для рыбной ловли на горныхъ и порожистыхъ рѣкахъ, которыя кишатъ здѣсь форелями. Я самъ видѣлъ, какъ бравый рыбакъ Уэльса, посидѣвъ съ удочкой въ одномъ затонѣ рѣки, причалилъ къ берегу, взвалилъ къ себѣ на плечи кругль и отправился съ нимъ,—словно гомеровскій герой подъ щитомъ,—искать другого рыбнаго мѣста ниже живописнаго водопада, шумѣвшаго у стараго моста.

Изъ долины Тейви я черезъ крутой лѣсистый водораздѣлъ спустился въ долину небольшого притока рѣки Тоуи (Towy), а затѣмъ и къ нижнему теченію самой Тоуи, тамъ, гдѣ на холмѣ вьются крутыя улицы города Кармарсэна (Carmarthen) съ его старымъ замкомъ-тюрьмой и городскимъ гуляньемъ Parade Walk, откуда я могъ слѣдить за безчисленными извилинами рѣки, впадающей въ нѣсколькихъ километрахъ въ Кар-

Digitized by Google

марсенскую бухту: я былъ въ виду южнаго побережья Уэльса, обогнувъ его сѣверный и западный берегъ. Мнѣ оставалась теперь послѣдняя часть маршрута: прорѣзать въ восточномъ направленіи южный Уэльсъ, держа путь въ собственную Англію, къ обширному устью-заливу Севернъ. И я пустился по удобной и живописной дорогѣ, слегка подымающейся во внутрь страны по долинѣ Тоуи, теченіе которой къ верху все съуживалось и съуживалось, между тѣмъ какъ русло оставалось почти одинаково широкимъ, такъ что въ Лландовери, гдѣ я заночевалъ, рѣка имѣла комичный видъ ребенка, запутавшагося въ доспѣхахъ взрослаго: небольшой потокъ по срединѣ, и широкія полосы голышей и песку по обѣимъ сторонамъ, изъ чего я заключилъ, что въ половодье Тоуи должна быть очень неспокойной и широко разливающейся рѣкой...

Ночлегъ въ «отелѣ воздержанія». Я засыпаю, довольный массой видѣнныхъ мною граціозныхъ ландшафтовъ и самымъ удачнымъ въ смыслѣ спорта днемъ: сегодня я проѣхалъ 76 миль, или 122 километра... Лландовери находится въ самомъ центрѣ южнаго Уэльса, и мой путь приходитъ къ концу... Увы, этотъ этапъ былъ моимъ послѣднимъ велосипеднымъ подвигомъ въ Англіи: просыпаюсь на слѣдующій день, 10 августа, и съ ужасомъ вижу, что на дворѣ такая погода, которая не оставляетъ ни малѣйшей надежды на путешествіе... Дождь, вѣтеръ, невозможная слякоть на улицѣ. Жду, однако, часъ, другой, третій: тучи все ниже и ниже спускаются на осиротѣлые луга, и макушки деревьевъ неистово пляшутъ на вѣтрѣ и дождѣ. Больше ждать нечего: сегодня (среда) ровно четырнадцать дней, какъ я ступилъ на почву Англіи; сегодня же вечеромъ отходитъ пароходъ изъ Соутгамптона въ Сэнъ-Мало, и останься я дожидаться лучшей погоды, мнѣ не выбраться раньше пятничнаго парохода: пора убираться во свояси, во Францію... И вотъ я тороплюсь сѣсть на первый же поѣздъ, чтобы поспѣть къ пароходу въ Соутгамптонъ...

Какъ въ туманѣ возстаютъ предо мною воспоминанія этого послѣдняго скучнаго дня: вспотѣвшее, поливаемое безконечнымъ дождемъ окно вагона и разговоръ съ уэльскимъ фермеромъ, который учитъ меня труднымъ звукамъ уэльскаго, или, какъ говорится чаще въ научной филологіи, кимрскаго языка (*ch* какъ русское *х*, но съ сильнымъ придыханіемъ, *y* почти какъ русское *ы*, *ll*, какъ *хл* съ курьезнымъ выдыханіемъ воздуха сквозь надутыя щеки); знаменитый Сванси, чуть ли не первый центръ въ мірѣ по литью мѣди, весь утопающій въ дыму своихъ заводовъ, весь окопанный горами шлаковъ, съ которыхъ дождь скатывался чернильными потоками; безконечные ряды вагоновъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ, въ окрестностяхъ Кардиффа, портъ котораго выбрасываетъ ежегодно во

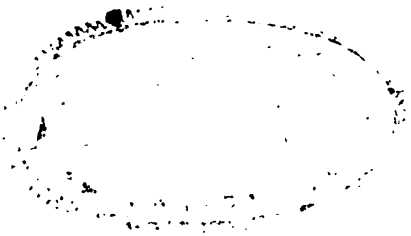
Digitized by Google

всѣ концы земли 16 милліоновъ тоннъ горючаго матеріала, этого «хлѣба современной машинной индустріи»; длинный Севернскій туннель, проходящій подъ волнами многоводной рѣки; коммерческій Бристоль; красивый амфитеатръ старинныхъ домовъ въ Басѣ (Bath), гдѣ мнѣ удается въ ожиданіи перемѣны поѣзда осмотрѣть римскія бани, древній мостъ и красиво расположенный по рѣкѣ Авону паркъ; уже знакомая мнѣ изъ велосипедной экскурсіи дорога между Сольсбёри и Соутгамптономъ, и, наконецъ, доки послѣдняго...

Въ 11 часовъ ночи я стоялъ на палубѣ отходившаго въ Сэнъ-Мало парохода и долго слѣдилъ, не смотря на холодный вѣтеръ и качку, за исчезавшими мало-по-малу въ отдаленіи электрическими огнями англійскихъ маяковъ... Прощай, мощный и любопытный островъ, прощай, гордая и свободная Англія!... А, можетъ, и до свиданія!...

Н. К.

Digitized by Google



Соціологическіе взгляды Дюркгейма.

Имя Дюркгейма, съ работами котораго читатели «Русскаго Богатства» могли познакомиться изъ статей Н. К. Михайловскаго, помѣщенныхъ въ №№ 4 и 5 этого журнала за 1897 годъ, вообще мало извѣстно русской читающей публикѣ. Это довольно понятно, такъ какъ въ нашей литературѣ имѣются о немъ сравнительно скудныя свѣдѣнія. Намъ извѣстны лишь слѣдующія указанія на этого писателя. В. Гольцевъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за 1893 г. (№ 190) далъ замѣтку о «Division du travial social» подъ заглавіемъ: «Раздѣленіе труда, какъ факторъ нравственности». Изложенію этой же книги посвящена обстоятельная статья Е. К—на: «Новыя ученія въ общественной наукѣ» (Научное Обозрѣніе, №№ 14, 15, 17, 18). Въ «Журналѣ Юридическаго Общества» (1895 г., № 8) появилась библіографическая замѣтка о позднѣйшемъ трудѣ Дюркгейма: «Les règles de la méthode sociologique». Въ обзорѣ журналовъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» (1896, № 3) мы находимъ изложеніе полемики Тарда съ Дюркгеймомъ по поводу тѣхъ же «Правилъ соціологическаго метода». Наконецъ, списокъ нашъ заканчивается статьями Н. К. Михайловскаго*).

Отрывочность и случайность этихъ указаній (кромѣ, разумѣется, статей Е. К—на и Н. К. Михайловскаго), помѣщенныхъ притомъ въ большинствѣ случаевъ въ спеціальныхъ журналахъ, достаточно объясняетъ малоизвѣстность у насъ Дюркгейма. Но чѣмъ бы она ни объяснялась, о ней нельзя не пожалѣть. Если мы и не можемъ согласиться съ г. К—нымъ, называющимъ книгу о «Раздѣленіи труда» замѣчательной, то мы всетаки должны признать, что она носитъ на себѣ печать сильнаго таланта и безспорно интересна.

*) О Дюркгеймѣ упоминается вскользь въ статьѣ В. Ивановскаго „Соціологія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія во Франціи“ (Русская Мысль, 1896, 12). Въ переведенной въ 1895 г. книжкѣ Гумпловича: „Соціологія и политика“ въ числѣ представителей новѣйшей соціологической литературы удѣлено мѣсто и Дюркгейму. Въ статьѣ г. Боборыкина о книгѣ Изуле: „La cité moderne“ (Р. Мысль, 1897, 4) также упоминается о Дюркгеймѣ. О послѣднемъ сочиненіи Дюркгейма „Du suicide“ см. статью Н. К. „Самоубійство и его причины“ (Письмо изъ Франціи) въ № 4 „Русскаго Богатства“ за текущій годъ.

Digitized by Google

Цѣль наша разобрать теорію Дюркгейма объ общественномъ раздѣленіи труда. Но въ этой первой, предварительной, статьѣ мы займемся совершенно, повидимому, постороннимъ вопросомъ объ отношеніи между теоріей и практикой. Къ этому побуждаютъ насъ два соображенія. Во первыхъ, особенное значеніе, придаваемое практическимъ вопросамъ самимъ Дюркгеймомъ, выражающимся слѣдующимъ образомъ: «мы сочли бы, что наши изысканія не заслуживаютъ и часу труда, если бы они имѣли только спекулятивный интересъ» (De la div.du tr. soc. III). Для правильнаго пониманія мысли Дюркгейма и его выводовъ понадобится знаніе его рѣшенія поставленнаго выше вопроса .—Во вторыхъ, къ этому насъ побуждаетъ интересъ самого вопроса, въ рѣшеніяхъ котораго, не смотря на его видимую простоту, далеко не замѣчается однородности. Не касаясь другихъ рѣшеній, мы укажемъ, что цѣлый рядъ ихъ вращался около двухъ полярныхъ, односторонніхъ формулъ: увѣруйте (=захотите, возлюбите и пр.)—и все остальное приложится вамъ, — и обратно: познайте — и все остальное приложится.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы установимъ, что сущность взглядовъ Дюркгейма по интересующему насъ вопросу резюмируется второй изъ приведенныхъ формулъ.

I.

«Книга эта прежде всего попытка изслѣдовать факты моральной жизни по методу положительныхъ наукъ»—такъ начинаетъ Дюркгеймъ свой трактатъ о раздѣленіи общественнаго труда. Указавши затѣмъ въ немногихъ словахъ, что онъ понимаетъ подъ терминомъ научный методъ, и отмѣтивши отношеніе такого способа изученія нравственности къ философскимъ теоріямъ, онъ переходитъ къ вопросу о практическомъ значеніи такого изслѣдованія. «Изъ того,—говоритъ намъ авторъ,—что мы задаемся прежде всего цѣлью изучить дѣйствительность, не слѣдуетъ, что мы отказываемся отъ улучшенія ея; мы сочли бы, что наши изысканія не стоютъ и часу труда, если бы они имѣли только спекулятивный интересъ». Но именно это соображеніе и побуждаетъ къ заботливому отдѣленію теоретическихъ проблемъ отъ практическихъ, такъ какъ только тогда мы окажемся въ состояніи рѣшить эти послѣднія лучшимъ образомъ. Этого обыкновенно не понимаютъ—и въ результатѣ получаются упреки людямъ, собирающимся научно изучать нравственность, въ ихъ безсиліи формулировать идеалъ: «Утверждаютъ, что ихъ уваженіе къ факту не дозволяетъ имъ перешагнуть его; что они могутъ хорошо наблюдать то, что есть, но не давать намъ правилъ поведенія для будущаго. Мы надѣемся, что эта книга, по крайней мѣрѣ, послужитъ къ тому, чтобъ пошатнуть этотъ предразсудокъ: ибо изъ нея увидятъ, что наука можетъ помочь намъ отыскать направленіе, по которому мы должны ориентировать наше поведеніе, опредѣлить идеалъ, къ которому мы

Digitized by Google

неясно стремимся. Но подымемся мы до этого идеала только послѣ того, какъ разсмотримъ дѣйствительность и выдѣлимъ его изъ нея; и можно ли поступать иначе? Даже самые необузданные идеалисты не могутъ слѣдовать иному методу, ибо идеалъ ни на чемъ не основывается, если не имѣетъ корней въ дѣйствительности. Вся разница только въ томъ, что они изслѣдуютъ дѣйствительность весьма суммарно, часто даже ограничиваются тѣмъ, что выставляютъ какое-нибудь движеніе своей чувствительности, нѣсколько живое стремленіе своего сердца, *которое однако же ни что иное, какъ фактъ*, въ видѣ какого-то императива, передъ которымъ они склоняютъ свой разумъ и приглашаютъ насъ склонить свой.

«Возражаютъ, что методу наблюденія не достаетъ правилъ для обсужденія собранныхъ фактовъ. Но это правило раскрывается изъ самихъ фактовъ, мы еще будемъ имѣть случай дать этому доказательство. Прежде всего существуетъ состояніе моральнаго здоровья, которое одна только наука можетъ опредѣлить съ знаніемъ дѣла, и такъ какъ оно нигдѣ не реализовано цѣликомъ, то идеалъ уже старается къ нему приблизиться. Кромѣ того, условія этого состоянія измѣняются, потому что общество измѣняется, и самыя серьезныя практическія проблемы, которыя предстоитъ намъ порѣшить, состоятъ именно въ томъ, чтобы снова опредѣлить это состояніе въ функціи измѣненій, совершившихся въ средѣ. Но наука, давая намъ законъ измѣненій, черезъ которыя она уже прошла, дозволяетъ намъ предвосхитить тѣ, которыя должны произойти и которыхъ требуетъ новый порядокъ вещей. Если мы знаемъ, въ какомъ направленіи развивается право собственности по мѣрѣ того, какъ общества становятся обширнѣе и плотнѣе; и если какое-нибудь приращеніе объема и плотности дѣлаетъ необходимыми новыя модификаціи,—то мы можемъ ихъ предвидѣть, а, предвидя, хотѣть ихъ напередъ. Наконецъ, сравнивая нормальный типъ съ самимъ собой—а это строго научная операція,—мы можемъ найти, что онъ не вполнѣ въ согласіи съ самимъ собой, что онъ содержитъ противорѣчія, т. е. несовершенства, и стараться удалить ихъ или загладить; вотъ новая цѣль, которую наука ставитъ волѣ. — Но, говорятъ, если наука предвидитъ, то она не повелѣваетъ. Это правда, она намъ говоритъ только, что необходимо для жизни. Но вѣдь ясно, *что при предположеніи, что человѣкъ хочетъ жить*, весьма простая операція превращаетъ немедленно выставляемые наукой законы въ повелительныя правила поведенія *). Несомнѣнно она превращается тогда въ искусство, но переходъ отъ одной къ

*) Эту мысль Дюркгеймъ выражаетъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: «Наша главная цѣль... распространить на человѣческое поведеніе научный раціонализмъ, показавши, что, разсматриваемое въ прошедшемъ, оно сводимо къ отношеніямъ между причиной и слѣдствіемъ, которыя не менѣе раціональная операція можетъ превратить затѣмъ въ правила дѣйствія для будущаго» (Les règles de la méth. sociol. VIII).

Digitized by Google

къ другому дѣлается безъ нарушенія непрерывности. Остается только знать, должны ли мы хотѣть жить, но даже на этотъ конечный вопросъ наука, думаемъ мы, не безгласна» (De la d. d. t. s. III—V).

Наука нравственности не дѣлаетъ изъ насъ равнодушныхъ зрителей дѣйствительности; но въ то же время она пріучаетъ насъ обращаться съ ней съ крайней осторожностью, она «сообщаетъ намъ мудро-консервативный духъ» (Ibid. V). Не безъ основанія упрекали нѣкоторыя, якобы научныя, теоріи въ разрушительныхъ, революціонныхъ тенденціяхъ. Но онѣ научны только по имени. «Дѣйствительно, онѣ строятъ, но не наблюдаютъ. Онѣ видятъ въ нравственности не совокупность пріобрѣтенныхъ фактовъ, которую слѣдуетъ изучать, но своего рода постоянно-измѣняемое законодательство, которое всякій можетъ установлять заново» (Ibid. V). Практикуемая въ дѣйствительности нравственность кажется имъ кучей привычекъ, предразсудковъ. Не таково будетъ отношеніе къ этому пункту теоріи, для которой нравственность есть «система реализированныхъ фактовъ, связанная со всей системой міра» (Ib. VII). А фактъ не измѣняется въ мгновенье ока, хотя бы это и было желательно. Надо замѣтить также — и это очень важно,— что всякій фактъ жизненнаго порядка, какимъ являются моральные факты, «не можетъ имѣть продолжительнаго существованія, если онъ не служитъ для чего нибудь, если онъ не удовлетворяетъ какой нибудь потребности; пока не приведено доказательство противнаго, онъ имѣетъ право на наше уваженіе» (VI). Конечно, случается, что въ дѣйствительности не все происходитъ такъ, какъ должно бы происходить, тогда есть мѣсто вмѣшательству, но оно ограниченно, такъ какъ задается цѣлью не создавать цѣлую новую систему нравственности, а исправить или частично улучшить существующую. «Такимъ образомъ исчезаетъ антитеза, которую часто пытались установить между наукой и нравственностью—опасный аргументъ, которымъ мистики всѣхъ временъ хотѣли омрачить человѣческую мысль. Чтобъ урегулировать наши отношенія къ людямъ, не необходимо прибѣгать къ другимъ средствамъ, кромѣ тѣхъ, которыя служатъ намъ для упорядоченія нашихъ отношеній къ вещамъ: методически употребленная рефлексія достаточна какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ. Науку и нравственность примиряетъ наука нравственности; ибо въ то время, какъ она насъ учитъ уважать моральную дѣйствительность, она даетъ намъ средства улучшить ее» (Ib. VII).

Вотъ важнѣйшее, что мы находимъ по интересующему насъ вопросу въ книгѣ «О раздѣленіи общественнаго труда». Вопросъ этотъ разрабатывается, какъ мы видимъ, не вплотную, а слегка; онъ только затронутъ, но въ достаточно ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, не дозволяющихъ ошибиться въ опредѣленіи занимаемой Дюркгеймомъ позиціи. Слова, которыми заканчивается изложеніе его взглядовъ, подтверждаютъ самымъ безспорнымъ обра-

Digitized by Google

зомъ данное нами выше опредѣленіе отношенія Дюркгейма къ разбираемому вопросу. Методически примѣняемая рефлексія, оказывающаяся достаточной для урегулированія нашихъ отношеній къ людямъ—развѣ это не то же самое, что мы выразили формулой: познайте—и все остальное приложится вамъ?

Попытаемся теперь разобраться въ разсужденіяхъ нашего автора.

Мы безусловно согласны съ Дюркгеймомъ, когда онъ требуетъ отдѣленія теоретическихъ задачъ отъ практическихъ въ интересахъ практики же; мы, какъ и онъ, не раздѣляемъ предразсудка, будто научное изслѣдованіе нравственности всегда и непремѣнно поражается безсиліемъ, какъ только ему приходится формулировать нормы поведенія. Но мы такъ же категорически расходимся съ нимъ въ рѣшеніи вопроса о значеніи науки для цѣлей практики. Съ помощью науки, говоритъ Дюркгеймъ, мы выдѣлимъ идеалъ изъ дѣйствительности. Врядъ ли указываемое здѣсь отношеніе науки и идеала вѣрно. Нѣтъ сомнѣнія, что, изучая дѣйствительность, мы вынуждены будемъ къ неоднократному сравненію нашихъ стремленій съ фактами, и такого рода провѣрка приведетъ насъ къ точному опредѣленію, формулированію того идеала, къ которому мы неясно стремимся. Неопредѣленное туманное стремленіе помочь ближнимъ, расширенное опытомъ, отольется въ такія-то и такія-то отчетливыя формы; разсѣянные лучи свѣта будутъ собраны въ одинъ фокусъ и бросятъ яркій свѣтъ на всю лежащую передъ личностью дорогу. Этотъ собранный свѣтъ, этотъ ясно сознанный идеалъ будетъ, безспорно, продуктомъ изученія дѣйствительности. И въ этомъ смыслѣ изученіе ея безусловно необходимо. Контъ утверждалъ, что для занятій соціологіей требуются «возвышенные характеры»; съ большимъ правомъ можно утверждать, что для практической дѣятельности требуются не только возвышенные характеръ и сердце, но и такой же умъ, предполагающій широкое изученіе дѣйствительности, включая въ нее и моральную. Широта нравственнаго горизонта предполагаетъ широкія умственныя перспективы: взаимодѣйствіе интеллектуальнаго и волевого элемента психики на этомъ пунктѣ находится внѣ сомнѣнія. Но вѣдь это взаимодѣйствіе, это изученіе дѣйствительности представляютъ только процессъ *раскрытія* идеала, а не *открытія* его; вѣдь, изучая дѣйствительность, мы только собираемъ въ одинъ фокусъ разсѣянный свѣтъ, увеличиваемъ эффективность его, но не создаемъ его. Откуда же взялся самъ этотъ свѣтъ, то или иное отношеніе къ дѣйствительности? По Дюркгейму, дѣло обстоитъ такъ, какъ будто мы и его пріобрѣтаемъ, или, вѣрнѣе, должны пріобрѣтать путемъ научнаго изслѣдованія: идеалъ, не имѣющій корней въ дѣйствительности, говоритъ онъ, не опирается ни на что. Это вѣрно, но касается вопроса о проведеніи идеаловъ въ жизнь, а не о ихъ происхожденіи. Изученіе дѣйствительности

Digitized by Google

необходимо, но только для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ своихъ стремленіяхъ и чтобы найти средства для осуществленія ихъ *), но не для того, чтобы отыскать въ ней или создать изъ нея самыя эти стремленія. Изученіе дѣйствительности даетъ намъ, выражаясь языкомъ математики, абсолютное значеніе ея, безъ отношенія къ тому знаку, съ которымъ она должна быть взята; тотъ или иной знакъ, плюсъ или минусъ, то или иное отношеніе къ дѣйствительности, даются самой личностью, привносятся ею. На вопросъ же, откуда личность привноситъ эти свои симпатіи или антипатіи, трудно отвѣтить категорически: извѣстное значеніе имѣютъ тутъ наслѣдственныя вліянія, несравненно большее—условія воспитанія (понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова). Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ касается психолога, а не моралиста, занятаго вопросомъ о практической дѣятельности личности. Этотъ послѣдній имѣетъ дѣло съ готовой личностью, у которой уже есть свои склонности и стремленія. Ему рѣшительно все равно, научнымъ или ненаучнымъ путемъ выработались эти стремленія, лежитъ ли въ ихъ основѣ поверхностный, суммарный опытъ, или обставленное всевозможными предосторожностями научное изслѣдованіе, такъ какъ когда моралистъ начинаетъ имѣть дѣло съ личностью, то эти ея стремленія являются для него даннымъ, а не искомымъ.

Если бы Дюркгеймовское сомнѣніе въ достаточности «суммарнаго» опыта «идеалистовъ» для построенія идеаловъ и его требованіе научнаго выдѣленія ихъ изъ дѣйствительности были истинны, то съ равнымъ правомъ можно было бы усомниться въ значеніи самаго мышленія, такъ какъ основные законы его образуются самымъ ненаучнымъ образомъ, путемъ самаго безпорядочнаго опыта. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть разнороднѣе и некоординированнѣе той массы впечатлѣній, которую получаетъ съ первыхъ дней своей жизни индивидъ и изъ которой мало по малу вырабатывается среднее человѣческое мышленіе? Но никому не придетъ въ голову жаловаться на это или пытаться какимъ-то особымъ научнымъ путемъ выработать принципы мышленія. Это, къ сожалѣнію невозможная работа, такъ какъ такая научная выработка будетъ происходить на основаніи все тѣхъ же принциповъ мышленія, которые принудительно навязываются взрослому сознанію, являясь данными его; такая работа была бы безнадежнымъ движеніемъ въ «порочномъ кругѣ».

Все сказанное нами сейчасъ о мышленіи мы можемъ съ полнымъ правомъ примѣнить къ занимающему насъ вопросу. Какой смыслъ имѣетъ говорить о научномъ опредѣленіи идеала? Утвержденіе: я хочу того-то,—а къ этому въ послѣднемъ счетѣ сводится всякій идеалъ—никоимъ образомъ не разложимо и не сводимо къ

*) Подробнѣе касаться взглядовъ Дюркгейма на этотъ пунктъ намъ придется въ слѣдующей главѣ.

Digitized by Google

утвержденію: я знаю то-то. Желаніе, стремленіе, идеалъ—словомъ вся волевая область—это не теоремы, добываемыя демонстраціей или инымъ какимъ научнымъ путемъ, а аксіомы, постулаты. Теоремами, т. е. объектомъ научной работы, является вся техническая надстройка, понимая подъ ней систему средствъ, служащую для осуществленія этихъ аксіомъ воли *). Этими аксіомами воли мы окружены повсюду; и онѣ необходимы намъ не только для урегулированія нашихъ отношеній къ людямъ, но и для систематизированія нашихъ отношеній къ любымъ вещамъ, разъ эти отношенія не ограничиваются одними только познавательными интересами. Дѣло только въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ лежащія въ основѣ поведенія волевыя аксіомы до того широки и элементарны, что онѣ при обыденномъ теченіи вещей и не замѣчаются, и только какой нибудь особенный случай обнаруживаетъ во всемъ свѣтѣ ихъ значеніе. Мы можемъ строжайшимъ научнымъ путемъ создавать рядъ теоремъ гигіены, но если мы встрѣтимъ человѣка, который почему либо рѣшилъ уморить себя голодомъ, то никакими аргументами мы не докажемъ ему нераціональности его поведенія; мы тутъ ясно увидимъ, что жизненнымъ нервомъ всего отношенія человѣка къ извѣстнымъ внѣшнимъ вещамъ, называемымъ пищею, является не методическая рефлексія, а интересъ къ жизни, забота о сохраненіи здоровья.

Словомъ, области познавательнаго и желательнаго не представляютъ простого продолженія другъ друга: это двѣ разнородныя области, или, вѣрнѣе, это различныя точки зрѣнія, съ которыхъ мы разсматриваемъ дѣйствительность. Пропасти, въ смыслѣ противорѣчія, между ними быть не можетъ, какъ нѣтъ, напримѣръ, противорѣчія между видимымъ движеніемъ небеснаго свода и реальнымъ движеніемъ земли. Такое противорѣчіе можетъ оказаться только внутри каждой изъ нихъ. Для избѣжанія такого противорѣчія внутри практической области и необходимо обширное изученіе дѣйствительности, но въ силу тѣхъ соображеній, о которыхъ мы выше говорили, а не въ виду выдѣленія идеала изъ дѣйствительности.—Что же касается Дюркгеймовскаго указанія, что идеалъ—это также фактъ, то оно имѣетъ значеніе для указанія про-

*) Называя идеалы аксіомами, мы не думаемъ, конечно, этимъ сказать, что они неизмѣнны. Мелкая работа повседневной жизни или какой нибудь исключительный случай могутъ совсѣмъ измѣнить ихъ: Савлъ становится Павломъ или, какъ это чаще бываетъ, Павелъ—Савломъ. Но и эти измѣненія коренятся въ тайникахъ души и не могутъ быть изложены въ силлогистической формѣ. Савлъ изъ гонителя извѣстныхъ истинъ становится ихъ поборникомъ не потому, что доказалъ себѣ ошибочность своихъ прежнихъ воззрѣній; наоборотъ, онъ находитъ ихъ ошибочными, потому что измѣнился самъ. Sic volo—первый и послѣдній отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи идеаловъ. Sic volo, non sic jubeo, ибо это послѣднее представляетъ именно то, что мы выше назвали технической надстройкой и что цѣликомъ связано съ областью знанія.

Digitized by Google

исхожденія идеаловъ противъ тѣхъ, кто выводитъ ихъ изъ заоблачныхъ высотъ; но этимъ вовсе не устраняется то соображеніе, что идеалъ—фактъ sui generis, отличный отъ другихъ, фактъ, котораго мы не можемъ найти на какомъ нибудь пунктѣ поля нашего внѣшняго наблюденія.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о состояніи нравственнаго здоровья, такъ какъ въ слѣдующей главѣ намъ придется имѣть дѣло съ Дюркгеймовской теоріей здоровья вообще, перейдемъ къ остальной части его аргументаціи. Обратимъ вниманіе на то, какъ формулируется превращеніе устанавливаемыхъ наукой законовъ въ правила поведенія. Практика здѣсь не цѣликомъ поглощена теоріей; между ними устанавливается промежуточный, имѣющій самостоятельное значеніе членъ—именно постулатъ, что человѣкъ хочетъ жить. Хотя Дюркгеймъ и этотъ постулатъ хочетъ отнести къ области науки, но, какъ мы вскорѣ увидимъ, попытка эта неудачна; поэтому, за устраненіемъ этой попытки, казалось бы, что въ этомъ постулатѣ мы имѣемъ дѣло не съ однимъ только познавательнымъ, но и со столь тщательно удаляемымъ волевымъ элементомъ. Человѣкъ *хочетъ* жить, вотъ, по Дюркгейму, основа искусства, имѣющаго цѣлью человѣческое поведеніе (конечно, нравственное, ибо все время дѣло идетъ о немъ).

Не трудно на основаніи разсужденій самого же Дюркгейма показать несостоятельность этого постулата. Теоріи нравственности, напримѣръ, Спенсеровскую, кладущія въ основу идеальный интересъ, онъ признаетъ неимѣющими никакого научнаго значенія. «Изъ ничего не получится ничего, говоритъ онъ; было бы логическимъ чудомъ, если бы можно было вывести альтруизмъ изъ эгоизма, любовь къ обществу изъ любви къ себѣ, цѣлое изъ части» (ib). Но это воззрѣніе еще болѣе примѣнимо въ нашемъ случаѣ къ самому Дюркгейму. Личный интересъ, эгоизмъ, все-таки чувство соціальнаго порядка, это чувство предполагаетъ довольно значительное развитіе психики, возможное только при соціальной жизни. И если эгоизмъ представляетъ собой по содержанію элементъ, асоціальный и весьма часто даже антисоціальный, то по формѣ—это элементъ соціальный, и съ тѣми или иными натяжками, но на немъ все-таки можно построить систему нравственнаго поведенія. А что же представляетъ собой желаніе жить? Вѣдь это ни что иное, какъ голый инстинктъ самосохраненія, факторъ біологическаго порядка. Инстинктъ самосохраненія—это тотъ же эгоизмъ, но безъ всего того соціальнаго, что есть въ послѣднемъ. Съ эгоизмомъ мы все-таки держимся на уровнѣ человѣка. А хотѣніе жить, такъ сказать, «волю къ жизни» въ чистѣйшемъ ея видѣ встрѣтимъ и у какихъ нибудь моллюсковъ. Человѣкъ не просто хочетъ жить; онъ хочетъ жить тѣмъ или инымъ способомъ, у него тотъ или иной идеалъ жизни: одного этого достаточно, чтобы опрокинуть всю постройку Дюркгейма.

Digitized by Google

Для чего же понадобилось Дюркгейму такое явно несостоятельное положеніе? Здѣсь мы подходимъ къ той сторонѣ разбираемаго постулата, которая весьма характеристична для метода нашего автора. Не безъ основанія остановился онъ на желаніи жить. Изъ всѣхъ потребностей это—если только есть такая особая потребность—наименѣе личная, наиболѣе всеобщая, объективная. Иванъ хочетъ жить, Петръ, Сидоръ и т. д.—всѣ хотятъ жить. Мало того: эта потребность встрѣчается во всемъ рѣшительно животномъ мірѣ; словомъ, это фактъ универсальный, на которомъ вполнѣ безопасно можетъ созидаться научная постройка. Мы уже говорили выше объ этихъ простыхъ, элементарныхъ аксіомахъ воли, которыя вслѣдствіе своей элементарности имѣютъ видъ чисто научныхъ истинъ. Дюркгеймовскій раціонализмъ находитъ здѣсь полное примѣненіе. Въ методологическомъ отношеніи—если бы методъ можно было отдѣлить отъ науки—этотъ постулатъ представляетъ безспорный выигрышъ по своей элементарности, всеобщности и простотѣ. Но онъ представляетъ не что иное, какъ искаженіе дѣйствительности въ угоду теоріи, ибо въ человѣческой, соціальной, дѣйствительности мы нигдѣ не встрѣчаемся съ голой потребностью жить. Погоня за научной внѣшностью наноситъ здѣсь рѣшительный ущербъ научному содержанію. Ненависть ко всему, что напоминаетъ телеологію, «субъективизмъ», не даетъ Дюркгейму замѣтить, что волевыя явленія фактъ въ ряду другихъ фактовъ, и что наука же требуетъ считаться съ ними точно такъ, какъ и съ другими фактами; и если онъ принимаетъ ихъ въ свое изслѣдованіе, то урѣзавъ и сокративъ до неузнаваемости.

Но какъ бы ни неудовлетворителенъ былъ этотъ постулатъ, онъ все-таки содержитъ въ себѣ волевой элементъ. Дюркгеймъ же, какъ мы видѣли, идетъ дальше. Признавъ его, онъ тотчасъ же хочетъ свести его на науку, собирается узнать у науки, «должны ли мы хотѣть жить». Обращаясь къ указываемому мѣсту, гдѣ разъясняется этотъ пунктъ, мы читаемъ слѣдующее: «Единственный опытный фактъ, доказывающій, что жизнь вообще хороша, это то, что громадное большинство людей предпочитаютъ ее смерти. Чтобъ оно было такъ, необходимо, чтобъ въ среднемъ добро превышало зло. Если бы отношеніе было обратное, не было бы понятно, ни откуда могла произойти привязанность людей къ жизни, ни особенно, какъ она могла удержаться, нарушаемая каждый разъ фактами» (Ib. 269). Словомъ, Дюркгеймъ хочетъ доказать, что въ среднемъ жизнь хороша. Но какое это имѣетъ отношеніе къ интересующему насъ вопросу? Изъ этого врядъ ли даже можно вывести полезное практическое правило, что *можно* хотѣть жить, что стоитъ жить; врядъ ли, потому что тѣ, которые рѣшаются добровольно прекратить свою жизнь, представляютъ исключеніе изъ этого правила о «цѣнности» жизни; тѣ же, которые подходятъ подъ это правило, рѣшительно не нуждаются въ немъ. Тѣмъ менѣе можно

Digitized by Google

выводить изъ этого факта заключеніе объ *обязанности* хотѣть жить, или, если можно, то при допущеніи, что мы должны стремиться къ счастью. Въ такомъ случаѣ послѣднимъ постулатомъ останется не Дюркгеймовское положеніе, а это послѣднее; и относительно его наука все-таки останется «безгласной». Если взять разсужденіе нашего автора въ упрощенномъ видѣ, то оно сводится къ тому странному утвержденію, что каждый отдѣльный индивидъ долженъ жить потому, что большинство живетъ. Здѣсь нравственное сливается съ общераспространеннымъ, съ обычнымъ. Невольно бросается въ глаза связь между рѣшеніемъ этого вопроса и общими формулировками нравственности, разсматриваемой, какъ «система реализованныхъ фактовъ», какъ «совокупность фактовъ, которую слѣдуетъ изучать». Если принять эти положенія, то вопросы должнаго немедленно переходятъ въ вопросы знанія; передъ личностью стоитъ не вопросъ, хороша или дурна находящаяся передъ нимъ осуществленная система фактовъ, а вопросъ, хорошо или дурно онъ понялъ эту систему; понявъ же ее, онъ долженъ принять ее къ руководству, и такимъ образомъ общепринятое, обычное, переходитъ въ обязательное. Мы, конечно, понимаемъ, что приведенныя опредѣленія нравственности употребляются Дюркгеймомъ въ примѣненіи къ теоретической нравственности, т. е. къ наукѣ, изслѣдующей моральные факты, существовавшіе въ разныя времена у разныхъ народовъ, изучающей ихъ взаимныя соотношенія и пр., а не къ практической нравственности, устанавливающей нормы поведенія. Но мы ужъ видѣли, въ какое подчиненное положеніе становится практика по отношенію къ теоріи; и вообще, не смотря на обѣщанное отдѣленіе практики отъ теоріи, должное и существующее такъ тѣсно переплетаются между собой у Дюркгейма, что мы считаемъ указанную нами связь не случайной; на ней лежитъ печать метода автора. Этотъ методъ, начиная съ отдѣленія теоріи отъ практики, переходитъ къ почти полному поглощенію второй первою, и имѣетъ тенденцію заканчиваться въ существенныхъ чертахъ подчиненіемъ личности передъ существующимъ, заканчиваться «выдѣленіемъ идеаловъ изъ дѣйствительности» въ смыслѣ руководствованія идеалами этой дѣйствительности. На подмогу являются соображенія о правѣ фактовъ, имѣющихъ за собой давность, на наше уваженіе, о томъ, что факты не измѣняются по мановенію руки и пр.—словомъ, въ концѣ концовъ, система становится «мудро-консервативной». Мы еще прослѣдимъ эти элементы системы въ дальнѣйшемъ, гдѣ они намъ явятся въ болѣе развитомъ, систематизированномъ видѣ.

II.

Мы выше оставили въ сторонѣ соображенія Дюркгейма о состояніи моральнаго здоровья. Теперь мы займемся вопросомъ о здо-

Digitized by Google

ровьи вообще. Для Дюркгейма это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, такъ какъ, по его мнѣнію, «главный предметъ всякой науки о жизни, какъ индивидуальный, такъ и соціальный—это опредѣлить нормальное состояніе, объяснить его и отличить отъ его обратнаго» (Les règles de la méth. sociol. 92). Поэтому онъ удѣляетъ не мало вниманія этому предмету. Помимо соображеній, развиваемыхъ въ «La division. du trav. soc.» по поводу частнаго случая—нравственности, ему посвящена цѣлая глава въ «Правилахъ соціологическаго метода».

Наблюдая соціальные факты, говоритъ Дюркгеймъ, мы наталкиваемся на два разряда фактовъ, весьма различныхъ съ извѣстныхъ сторонъ; мы наталкиваемся на факты, которые суть все, чѣмъ они должны быть, и на другіе, которые должны были бы быть иначе, чѣмъ они суть; иначе говоря, мы среди соціальныхъ фактовъ замѣчаемъ явленія нормальныя и явленія патологическія. Вопросъ о различеніи ихъ весьма важенъ, такъ какъ отъ разрѣшенія его зависитъ представленіе о значеніи науки, особенно науки о человѣкѣ. Существуетъ теорія, говоритъ Дюркгеймъ, сообразно которой наука ничему не можетъ научить насъ относительно того, что мы должны хотѣть. Наука, говоритъ эта теорія, только наблюдаетъ, описываетъ факты, имѣющіе для нея одинаковый интересъ и цѣнность, добро и зло не существуютъ для нея. «Она можетъ намъ сообщить, какъ причины производятъ свое дѣйствіе, но не то, какія цѣли должны быть преслѣдуемы. Чтобы знать не только то, что есть, но что желательно, надо обратиться къ внушеніямъ безсознательнаго, какое бы ни дать имъ имя: чувства, инстинкта, жизненнаго побужденія, и т. д.» (Les règles. 60). Но какое же тогда значеніе имѣетъ наука, спрашиваетъ Дюркгеймъ, къ чему работать для познанія дѣйствительности, разъ это познаніе не можетъ намъ пригодиться въ жизни? Скажутъ, что наука, раскрывая связь явленій, даетъ намъ возможность осуществлять свои желанія, добиваться своихъ цѣлей, которыя «воля преслѣдуетъ по супранаучнымъ основаніямъ» (Ib. 60), указывая намъ подходящія для этого средства? Но всякое средство представляетъ въ то же время и цѣль, ибо, чтобы воспользоваться имъ, надо хотѣть его, какъ и цѣль, для которой оно употребляется. «Къ данной цѣли постоянно ведутъ нѣсколько путей; между ними приходится выбирать. Но если наука не можетъ помочь намъ въ выборѣ наилучшей цѣли, то какъ сможетъ показать она намъ лучшій путь для достиженія ея? Почему она будетъ предпочтительно рекомендовать намъ самый быстрый путь передъ самымъ дешевымъ, самый безопасный передъ самымъ простымъ, или наоборотъ? Если она не можетъ руководить насъ въ опредѣленіи верховныхъ цѣлей, то она не менѣе безсильна, когда дѣло идетъ о тѣхъ вторичныхъ, подчиненныхъ цѣляхъ, которыя называются средствами» (Ib. 61).

Идеологическій методъ дозволяетъ, правда, выбраться изъ этого

Digitized by Google

мистицизма. Примѣнявшіе этотъ методъ «были слишкомъ раціоналистами, чтобъ допустить, что человѣческое поведеніе не нуждается въ руководствованіи рефлексіей; однако они не видѣли въ явленіяхъ, взятыхъ сами въ себѣ, независимо отъ всякой субъективной данной, ничего, что дозволило бы классифицировать ихъ по ихъ практическому значенію. Казалось, поэтому, что единственнымъ способомъ судить о нихъ было отнесеніе ихъ къ какому нибудь управляющему ими понятію; тогда употребленіе понятій, заправляющихъ собираніемъ фактовъ, вмѣсто того, чтобъ вытекать изъ нихъ, стало необходимымъ во всякой раціональной соціологіи» (Règles, 61). Если въ этомъ случаѣ практика становится раціональной (réflechie), то употребляемая такимъ образомъ рефлексія не научна. Словомъ, при такомъ пониманіи между наукой и искусствомъ разверзается пропасть, оказывается коренное противорѣчіе.

Но это противорѣчіе устраняется съ введеніемъ понятій нормальнаго и патологическаго. «Въ самомъ дѣлѣ, для обществъ, какъ и для индивидовъ, здоровье хорошо и желательно, болѣзнь, наоборотъ, зло, которое должно быть избѣгнуто. Поэтому, если мы найдемъ объективный, присущій самимъ фактамъ критерій, который дозволитъ намъ научно отличить здоровье отъ болѣзни въ различныхъ порядкахъ соціальныхъ явленій, то наука будетъ въ состояніи просвѣтить (éclairer) практику, оставаясь все же вѣрной своему собственному методу» (61). Каковъ же этотъ критерій?

Приведя нѣсколько существующихъ опредѣленій (напримѣръ, страданіе, разсматриваемое какъ признакъ болѣзни; или: здоровье, опредѣляемое, какъ полное приспособленіе организма къ средѣ и пр.), Дюркгеймъ отвергаетъ ихъ, какъ неудовлетворительныя. Недостатокъ всѣхъ этихъ опредѣленій онъ видитъ въ томъ, что они преждевременно ухватываются за сущность явленій, между тѣмъ какъ она можетъ раскрыться только въ дальнѣйшемъ ходѣ научной работы. Здѣсь, какъ и всегда (см. правило въ главѣ II) на первыхъ порахъ нужно ограничиться внѣшнимъ признакомъ. Такой признакъ не трудно найти и въ данномъ случаѣ.

Соціологическія явленія встрѣчаются намъ въ двухъ видахъ. Одни изъ нихъ встрѣчаются на всемъ протяженіи даннаго вида у большинства составляющихъ его особей; хотя они и не повторяются тождественно у каждаго индивида, но представляемыя ими измѣненія заключены въ весьма тѣсныя границы. Другія встрѣчаются лишь въ исключительныхъ, рѣдкихъ случаяхъ. Первыя Дюркгеймъ называетъ нормальными, вторыя патологическими. Напримѣръ, во всѣхъ обществахъ съ тотемами существуетъ правило, запрещающее убивать животное, служащее тотемомъ; это правило нормально для даннаго соціальнаго типа. Въ Италіи судьи относятся снисходительнѣе къ фактамъ разбоя, чѣмъ въ остальныхъ европейскихъ странахъ, къ типу которыхъ принадлежитъ Италія; эта снисходительность итальянскихъ судей—фактъ ненормальный.

Digitized by Google

«Если условиться назвать среднимъ типомъ схематическое существо, которое получимъ, собравши въ одно цѣлое, въ своего рода абстрактную индивидуальность, наиболѣе часто встрѣчающіяся въ видѣ черты съ ихъ самыми частыми формами, то можно будетъ сказать, что нормальный типъ сливается съ среднимъ типомъ и что всякое отклоненіе отъ этого образца здоровья есть болѣзненное явленіе» (Ib. 70).

Надо обратить вниманіе на то, что нормальнымъ фактъ считается не абсолютнымъ и абстрактнымъ образомъ, а по отношенію къ данному соціальному типу. То, что нормально для дикихъ обществъ, не представляется непремѣнно таковымъ для европейскихъ обществъ, точно такъ, какъ въ біологіи нормальное для моллюска отличается отъ нормальнаго для позвоночныхъ. Надо, кромѣ того, принимать въ разсчетъ и возрастъ: нормальное для взрослаго можетъ оказаться патологическимъ по отношенію къ ребенку или старику; такъ преждевременное пробужденіе половыхъ потребностей у перваго или слишкомъ позднее угасаніе у второго представляютъ ненормальные факты. Поэтому, разсуждая о состояніи здоровья въ примѣненіи къ обществамъ, надо сравнивать одни и тѣ же соціальные типы въ одной и той же фазѣ ихъ развитія.

Результаты этого метода можно провѣрить на основаніи слѣдующихъ соображеній. Общность какого нибудь явленія представляетъ собой фактъ, долженствующій имѣть свою причину. Она была бы необъяснима, если бы «наиболѣе распространенныя формы организаціи не были въ то же время, *по крайней мѣрѣ въ ихъ совокупности*—и наиболѣе полезными» (73). Поэтому, если какое нибудь всеобщее явленіе будетъ связано съ условіями существованія даннаго вида, то его нормальность будетъ объяснена; она будетъ нормальностью не только по факту, но и по праву.

Это доказательство полезно не только, какъ провѣрка, но и особенно въ виду практическихъ цѣлей. Чтобъ поступать съ знаніемъ дѣла, недостаточно знать, что мы должны хотѣть; надо еще знать, почему мы это должны хотѣть.

Есть случаи, когда эта провѣрка безусловно необходима, когда первый методъ самъ по себѣ могъ бы ввести въ заблужденіе. Это бываетъ въ переходныя эпохи, когда весь видъ находится въ состояніи эволюціи, не принявши окончательно новой формы. Въ этомъ случаѣ какой нибудь фактъ можетъ существовать на протяженіи всего вида, не отвѣчая болѣе нуждамъ положенія. «Онъ имѣетъ тогда только видимость нормальности, ибо представляемая имъ общность есть только лживая этикетка, такъ какъ, удерживаясь только слѣпой силой привычки, она не есть болѣе указаніе, что наблюдаемое явленіе тѣсно связано съ общими условіями коллективнаго существованія» (Ib. 76). Затрудненіе, представляемое для соціолога такими фактами, устраняется слѣдующимъ образомъ. Установивши наблюденіемъ общность факта, онъ разсмотритъ условія,

Digitized by Google

вызвавшія эту общность въ прошломъ, и опредѣлить, имѣются ли въ настоящемъ на лицо эти условія или нѣтъ. Если да—то онъ долженъ считать явленіе нормальнымъ; въ противномъ случаѣ—патологическимъ.

Во всякомъ случаѣ, доказываетъ Дюркгеймъ, этотъ методъ даже въ такихъ исключительныхъ случаяхъ долженъ занимать подчиненное положеніе по отношенію къ первому.

Итакъ, мы получили въ руки осязательный, почти математически точный методъ для отличенія нормальнаго состоянія отъ болѣзненнаго. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ было сказано, устраняется противорѣчіе между наукой и практикой.

Могутъ, правда, замѣтить, что осуществленіе нормальнаго типа не высшая цѣль, которую можно себѣ поставить, и что для того, чтобъ перейти ее, надо перейти также науку. Но, возражаетъ Дюркгеймъ, 1)вопросъ этотъ чисто теоретическій, ибо «состояніе здоровья довольно трудно осуществимо и довольно рѣдко достигается, чтобъ мы еще утруждали воображеніе поисками за чѣмъ-то лучшимъ; 2) эти улучшенія, объективно болѣе выгодныя, не представляются еще вслѣдствіе этого объективно желательными; ибо, если они не отвѣчаютъ какой нибудь явной или скрытой тенденціи, они ничего не прибавятъ къ счастію, а если отвѣчаютъ какой нибудь тенденціи, то это значитъ, что нормальный типъ не осуществленъ; 3) наконецъ, чтобъ улучшить нормальный типъ, надо его знать. Значитъ, во всякомъ случаѣ, перейти науку можно, только опираясь на нее» (Ib. 80, примѣчаніе).

Обыденному воззрѣнію, употребляющему съ величайшей свободой столь ясныя, повидимому, понятія здоровья и болѣзни, всѣ приведенныя разсужденія могутъ показаться чуть ли не схоластическими словопреніями. Но это далеко не такъ. Соціальные факты до того сложны и измѣнчивы, что примѣненіе къ нимъ ходячихъ понятій можетъ или ничего не дать, или привести къ противорѣчивымъ сужденіямъ относительно одного и того же историческаго факта, какъ это и бываетъ на дѣлѣ. Чтобы показать, къ какимъ ошибкамъ приводятъ ходячія воззрѣнія и въ какомъ новомъ видѣ являются факты при правильномъ и осторожномъ ихъ изслѣдованіи, Дюркгеймъ пытается приложить свою теорію къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, преимущественно къ преступленію.

Всѣ криминалисты, какъ бы ни расходились ихъ взгляды на сущность преступленія, согласны въ томъ, что оно болѣзненное явленіе. Но вѣрно ли это? спрашиваетъ себя Дюркгеймъ; тотъ ли отвѣтъ получится, если примѣнить всѣ установленныя по вопросу о нормальномъ и ненормальномъ правила?

Первое, что мы замѣчаемъ, это то, что преступленіе встрѣчается не въ такихъ-то и такихъ-то обществахъ, но во всѣхъ рѣшительно обществахъ всякихъ типовъ. Оно измѣняется по виду; въ разныя времена разныя дѣйствія считаются преступными; но нѣтъ обще-

Digitized by Google

ства, въ которомъ бы не было такихъ дѣйствій. Разсматривая преступленіе съ динамической стороны, мы не замѣчаемъ уменьшенія его, уменьшенія, которое могло бы подать намъ надежду, что, оставаясь нормальнымъ явленіемъ, преступленіе стремится потерять этотъ свой характеръ. Скорѣе можно было бы утверждать прогрессированіе преступленія. Очевидно, слѣдовательно, что оно связано съ условіями коллективнаго существованія и, значитъ, не болѣзненное явленіе—иначе приходилось бы допустить, что болѣзнь не есть случайное явленіе, а вытекаетъ изъ устройства живого существа. Преступленіе, слѣдовательно, явленіе нормальнаго порядка. Сказать же это — значитъ «не только утверждать, что оно неизбѣжное, хотя и горестное, явленіе, происходящее отъ неисправимой порочности людей; это значитъ утверждать, что оно есть факторъ общественнаго здоровья, интегрирующая часть всякаго здороваго общества» (83). Не трудно найти объясненіе этого кажущагося парадокса.

Во первыхъ, преступленіе нормально потому, что невозможно общество, въ которомъ бы его не было. Преступленіе, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ въ поступкѣ, оскорбляющемъ извѣстныя коллективныя чувства, имѣющія извѣстную энергію и опредѣленность *). Значитъ, для того, чтобъ какое-нибудь преступленіе могло исчезнуть, необходимо, чтобъ оскорбляемое имъ чувство находилось во *всѣхъ* сознаніяхъ съ силой, достаточной для удержанія противныхъ чувствъ. Но, если бы это условіе даже и осуществилось, то и тогда преступленіе не исчезло бы, а только приняло бы другую форму. Вѣдь для того, чтобы коллективныя чувства могли проникнуть въ тѣ сознанія, которыя для нихъ до сихъ поръ были закрыты (т. е. въ сознанія преступниковъ), необходимо, чтобъ они увеличились въ интенсивности на протяженіи всей группы. «Чтобы убійцы исчезли, необходимо, чтобы отвращеніе къ крови стало сильнѣе въ тѣхъ соціальныхъ слояхъ, гдѣ рекрутируются убійцы; но для этого необходимо, чтобы оно стало сильнѣе на всемъ протяженіи общества» (Les règles 84). Но разъ увеличится интенсивность этихъ коллективныхъ чувствъ, то соотвѣтственно съ этимъ увеличится и интенсивность болѣе слабыхъ, лежащихъ непосредственно подъ первыми, чувствъ, оскорбленіе которыхъ считалось до сихъ поръ просто безнравственнымъ поступкомъ; а если усилится интенсивность чувствъ, то соотвѣтственный поступокъ перейдетъ изъ разряда просто безнравственныхъ въ разрядъ преступныхъ. Такъ, съ усиленіемъ и распространеніемъ въ массѣ извѣстныхъ коллективныхъ чувствъ, насилія противъ личности уменьшились; но параллельно съ этимъ выдвинулся рядъ преступленій (напр., оскорбленіе, клевета, диффамація), прежде не бывшихъ таковыми, выдвинулся вслѣдствіе увеличившейся чуткости соотвѣтствующихъ имъ коллективныхъ чувствъ.

*) Подробное опредѣленіе преступленія см. Div. du tr. soc. p. 73—91.

Digitized by Google

Если бы кто-нибудь предположилъ, что это единодушіе распространилось бы на всѣ безъ исключенія коллективныя чувства, то достаточно отвѣтить, что такое абсолютное нивеллированіе психики людей невозможно: всегда найдутся индивидуальныя уклоненія, притомъ такой силы, что они вызовутъ противъ себя ту характеристическую реакцію общественнаго сознанія, которая называется наказаніемъ.

«Преступленіе, значитъ, необходимо; оно связано съ основными условіями существованія всякой соціальной жизни, но въ силу самого этого оно полезно; ибо эти условіи, съ которыми оно связано, сами необходимы для нормальной эволюціи нравственности и права» (Ib. 77). Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы могли происходить измѣненія въ нравственности и правѣ обществъ параллельно съ измѣненіями въ условіяхъ ихъ существованія, необходимо, чтобы коллективныя чувства, лежащія въ основѣ нравственности, были способны къ измѣненіямъ, чтобы они обладали умѣренной интенсивностью, этимъ условіемъ ихъ пластичности. Всякое сочетаніе есть препятствіе для пересочетанія. Не будь преступленій, общество было бы крайне туго на перемѣны, такъ какъ это предполагало бы безпримѣрную интенсивность коллективныхъ чувствъ.

Но помимо этой косвенной выгоды, преступленіе нерѣдко приноситъ и прямую. Оно не только предполагаетъ открытую для необходимыхъ перемѣнъ дорогу, но въ иныхъ случаяхъ и само пріуготовляетъ эти измѣненія. «По аѳинскому праву Сократъ былъ преступникомъ, и его осужденіе было вполнѣ справедливо. Однако, его преступленіе, именно независимость мысли, было полезно не только для человѣчества, но и для его отечества» (88). Случай съ Сократомъ не стоитъ одиноко: .свобода мысли, напримѣръ, которою мы теперь пользуемся, имѣетъ то же происхожденіе.

Эта точка зрѣнія совсѣмъ измѣняетъ наши взгляды на преступленіе и наказаніе. Вопреки обычнымъ теоріямъ, преступникъ не является болѣе несоціальнымъ элементомъ, своего рода паразитомъ: онъ регулярный факторъ соціальной жизни. Сообразно съ этимъ долженъ измѣниться и взглядъ на наказаніе, которое не можетъ быть ужъ разсматриваемо, какъ лѣкарство, разъ преступленіе не болѣзнь.

Примѣненіе разсматриваемаго метода и въ другихъ случаяхъ привело бы къ не менѣе коренному перевороту во взглядахъ, какъ и въ вопросѣ о преступленіи и наказаніи. Но существенное значеніе предлагаемаго критерія нормальности не въ правильномъ рѣшеніи этихъ частныхъ, хотя и важныхъ, проблемъ; устраненіе его дѣлаетъ невозможной самое науку, такъ какъ цѣль ея—изученіе нормальнаго типа. Разъ наиболѣе общіе факты могутъ быть болѣзненными, то возможно, что нормальный типъ никогда и не существовалъ въ дѣйствительности. Для чего же тогда ее изучать? «Если наказаніе, если отвѣтственность, какъ они существуютъ въ исторіи,

Digitized by Google

представляютъ только продуктъ невѣжества и варварства, то для чего приниматься за изученіе и опредѣленіе ихъ нормальныхъ формъ?» (92). Мысль по неволѣ отворачивается отъ безполезной для нея дѣйствительности и углубляется въ самое себя. Если нормальность дана не въ самихъ вещахъ, а приписывается имъ или отнимается у нихъ нами на основаніи какихъ-нибудь соображеній, то дѣйствительность теряетъ свое дисциплинирующее вліяніе на мысль, которою она отчасти даже опредѣляется. Слѣдовательно, «чтобы соціологія была дѣйствительно наукой о вещахъ, необходимо, чтобы общность явленій была принята, какъ критерій ихъ нормальности» (92).

III.

Вглядываясь въ разсужденія Дюркгейма, мы съ первыхъ же шаговъ наталкиваемся на недоразумѣніе. При изложеніи перваго разбираемаго имъ метода (который для краткости можно назвать «мистическимъ») Дюркгеймъ занимается вопросомъ, существуютъ ли для науки добро и зло, указываетъ ли она намъ, какія цѣли должно преслѣдовать и пр. Когда же дѣло касается такъ называемаго имъ идеологическаго метода, то на мѣсто этого вопроса подставляется совсѣмъ другой, именно вопросъ: нуждается ли практика въ руководящемъ размышленіи? Эти два разнородные вопроса разматриваются Дюркгеймомъ, какъ нѣчто однородное; и рѣшеніе идеологическаго метода, допускающаго необходимость размышленія, руководящаго практикой, противопоставляется, какъ правильное, отрицательному отвѣту «мистическаго» метода на вопросъ объ опредѣленіи наукой цѣлей нашего поведенія. Что это противопоставленіе ошибочно, видно изъ того, что «мистическій» методъ признаетъ необходимость знанія для постановки, если не цѣлей, то средствъ; можно находить эту теорію невѣрной, какъ это дѣлаетъ Дюркгеймъ, но во всякомъ случаѣ она не оставляетъ сомнѣнія, что и для сторонниковъ мистическаго метода не скрыто практическое значеніе науки и размышленія: вѣдь человѣческое поведеніе не состоитъ же въ одной постановкѣ цѣлей, а главной своей массой именно въ постановкѣ и проведеніи средствъ для осуществленія этихъ цѣлей.

Объяснить возникновеніе этого недоразумѣнія мы не беремся; во всякомъ случаѣ по устраненіи его для насъ исчезаетъ всякое различіе между мистическимъ методомъ и идеологическимъ, за исключеніемъ того, что сущность перваго метода изложена довольно ясно, а сущность второго въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ. А такъ какъ мы вполнѣ согласны съ Дюркгеймомъ въ громадномъ значеніи науки для человѣческаго поведенія, то мы остановимся на вопросѣ о томъ, существуютъ ли для науки добро и зло.

Главнымъ орудіемъ Дюркгейма является, какъ мы видѣли, указаніе на относительный характеръ понятій средства и цѣли. По-

Digitized by Google

чему, спрашиваетъ онъ своихъ противниковъ, наука будетъ предпочтительно рекомендовать самый дешевый путь или самый быстрый и пр., разъ ей отказано въ рекомендованіи цѣлей? Противорѣчіе получается рѣшительное. Но изъ него можно выйти не только такимъ путемъ, какъ нашъ авторъ, т. е. расширяя компетенцію науки и на область цѣлей, но и обратнымъ путемъ отнятія у нея этой компетенціи и въ области средствъ. По этому, защищаемому нами, взгляду отъ науки требуется только указать, какія дороги ведутъ къ такой-то постановленной себѣ цѣли. А по какой изъ нихъ станетъ двигаться человѣкъ—это ужъ не ея дѣло. Рѣшающее значеніе имѣютъ здѣсь, конечно, не «супра-научныя» основанія, какъ выражается Дюркгеймъ, а экстра-научныя. Если я хочу, напримѣръ, ѣхать изъ Петербурга въ Берлинъ, то знаніе можетъ мнѣ указать, что поѣхать туда можно по такимъ-то и такимъ-то желѣзнымъ дорогамъ или воднымъ путямъ; оно можетъ указать мнѣ сравнительную дешевизну, безопасность, быстроту, удобство и пр. этихъ путей. Если я остановлюсь на безопасной дорогѣ предпочтительно передъ быстрой, то не потому, что я *знаю*, что одна безопаснѣе, а другая быстрѣе ведетъ меня къ цѣли, а потому, что въ силу разныхъ обстоятельствъ, въ силу склада моего характера, меня болѣе интересуетъ безопасность движенія, чѣмъ быстрота его.

Какой бы поступокъ человѣка мы ни взяли, элементарнѣйшій анализъ его всегда покажетъ намъ двѣ стороны въ немъ (не говоря уже о другихъ), на которыя мы сейчасъ указали, т. е. знаніе и желаніе. Но все это вполнѣ ясно и точно замѣчается при отвлеченномъ анализѣ или въ какихъ-нибудь особенно рѣзкихъ случаяхъ, вродѣ положенія Гамлета, когда пружины человѣческаго поведенія становятся доступными непосредственному наблюденію. При обыденномъ же теченіи жизни механизмъ человѣческаго поведенія является почти герметически закрытымъ и нужно извѣстное усиліе отвлеченной мысли, чтобъ замѣтить секретъ этого механизма. Въ человѣкѣ нѣтъ двухъ особыхъ процессовъ, двухъ особыхъ органовъ, изъ которыхъ одинъ занятъ только, напримѣръ, доставленіемъ свѣдѣній, а другой только постояннымъ учетомъ этихъ свѣдѣній въ цѣляхъ практики; въ дѣйствительности мы имѣемъ только два разнородныхъ психическихъ элемента—волевой и познавательный, встрѣчающіеся въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ между собой. Вслѣдствіе привычки къ извѣстному ряду дѣйствій волевой элементъ можетъ до того сокращаться, что онъ какъ бы совсѣмъ элиминируется; дѣйствіе кажется тогда совершеннымъ исключительно подъ вліяніемъ интеллектуальнаго фактора. Такой-то человѣкъ, узнавши, что извѣстный путь быстрѣе другого ведетъ къ цѣли, не долго думая, не предаваясь никакимъ выборамъ, останавливается на первомъ. На первый взглядъ его поведеніе оказывается результатомъ его знанія, а не хотѣнія, которое, повидимому, заправляетъ только его стремленіемъ къ данной цѣли. Но это чистая иллюзія:

Digitized by Google

заправляющая воля не отсутствуетъ, а только скрыта изъ глазъ, сокращена до незамѣтности. Наша жизнь представляетъ необозримую массу такихъ дѣйствій, въ которыхъ до послѣдней степени сокращенъ волевой факторъ; и это вполнѣ естественно. Безъ этого каждый человѣкъ представлялъ бы собой Гамлета, при томъ Гамлета въ квадратѣ, такъ какъ безконечная борьба мотивовъ являлась бы у него не на одномъ только пунктѣ, какъ у датскаго принца, но при любомъ поступкѣ.

На почвѣ этого сокращенія волевого фактора выростаетъ вульгарный интеллектуалистическій взглядъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ воля скрыта, а такъ какъ значительнѣйшая доля психической жизни проходитъ въ словахъ и образахъ словъ, и такъ какъ слова и ихъ образы представляютъ важнѣйшее орудіе мысли, то само собой создается убѣжденіе въ преобладаніи и почти исключительномъ существованіи умственнаго фактора. Незначительные только уголки психической жизни оставляются и для другихъ душевныхъ факторовъ. Дюркгеймовская аргументація о цѣляхъ и средствахъ вполнѣ вѣрна относительно приверженцевъ этого вульгарнаго интеллектуализма, такъ какъ она ясно вскрываетъ ихъ непослѣдовательность. Къ своимъ разсужденіямъ Дюркгеймъ могъ бы прибавить еще и то соображеніе, что количество вообще цѣлей сравнительно не велико, а количество тѣхъ изъ нихъ, которыя не являются средствами для другихъ, высшихъ цѣлей, до того незначительно, что онѣ являются какъ бы отдѣльными островками въ безбрежномъ океанѣ всей остальной психической жизни; и является вполнѣ законное недоумѣніе, какъ объяснить себѣ ихъ существованіе?

Но Дюркгеймъ не правъ, когда своимъ доводамъ, имѣющимъ только частное примѣненіе, онъ придаетъ всеобщее значеніе. Если не устранять, подобно Дюркгейму, волевого элемента, если допустить затѣмъ, что выборомъ средствъ, какъ и выборомъ цѣлей, руководитъ воля, хотя и не съ такой помпой, а скрытая, то все его разсужденіе падаетъ. Мы можемъ тогда признать, что для науки не существуетъ ни добра, ни зла, не лишая ея практическаго значенія. Чтобы указать сжато на отношеніе между волей и знаніемъ, мы употребимъ старую формулу—которой, правда, не мало злоупотребляли—и скажемъ, что стремленіе, хотѣніе, выборъ и др. формы обнаруженія воли проявляются не изъ опыта, но по поводу его. Эта формула довольно точно показываетъ положеніе вещей; по ней опытъ (а, слѣдовательно, и знаніе, т. е. систематизированный опытъ) является для практики столь же необходимымъ, какъ и воля.

Если мы отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ къ той теоріи нормальнаго, которую Дюркгеймъ противоставляетъ мистическому и идеологическому методамъ и которою онъ думаетъ связать науку и практику, то увидимъ, что она ничѣмъ существеннымъ

Digitized by Google

не отличается отъ критикуемыхъ нашимъ авторомъ методовъ. *Такъ какъ здоровье для общества желательно и добро*, говоритъ Дюркгеймъ, то единственное, что остается для научнаго построенія практики, это—найти объективный, лежащій въ самихъ вещахъ, признакъ здоровья. Обратимъ вниманіе на подчеркнутыя нами слова, такъ какъ въ нихъ лежитъ центръ разногласія между раціоналистическимъ методомъ Дюркгейма и мистико-идеологическимъ методомъ. Установлена ли здѣсь желательность здоровья на основаніи какихъ нибудь научныхъ или «супра-научныхъ» соображеній? Сомнѣніе здѣсь врядъ ли возможно. Знаніе намъ рѣшительно ничего не говоритъ о томъ, должны ли мы хотѣть для общества здоровья, или нѣтъ. Единственное отношеніе, которое имѣетъ знаніе къ этой цѣли, какъ таковой, т. е. помимо вопроса о средствахъ, это то, что оно даетъ намъ знать о наличности извѣстныхъ стремленій у Ивана, Петра и пр., что и выражено сокращенно: здоровье желательно для обществъ. Но эта констатирующая фактъ, регистрирующая роль знанія совсѣмъ не тождественна съ той активной ролью, которую приписываетъ ему Дюркгеймъ, когда говоритъ, что оно показываетъ намъ, что хорошо и что дурно. Разсматривая Дюркгеймовскую теорію съ точки зрѣнія идеологическаго метода, мы также не замѣтимъ какого либо различія между ними. Можно ли утверждать, что желательность здоровья для обществъ есть нѣчто взятое «въ самихъ явленіяхъ, независимо отъ всякихъ субъективныхъ данныхъ»? Конечно, нѣтъ. Это фактъ субъективный, лежащій въ самой личности, подобно тому, какъ чувство голода находится въ голодающемъ субъектѣ, а не внѣ его, въ предметахъ потребленія. Въ томъ же, что нужно установить объективный, осязательный критерій здоровья, а не рѣшать этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по какому-то наитію, не усомнится никакой мистикъ или идеологъ. Надо только помнить, чтобы въ поискахъ за этимъ критеріемъ не вылить вмѣстѣ съ водой и ребенка, т. е. не проглядѣть того, что̀ искомый критерій долженъ опредѣлять собой. А къ этому, какъ мы увидимъ ниже, склоненъ нашъ авторъ.

Если чѣмъ и можетъ отличаться Дюркгеймовская посылка, такъ это своей большей широтой, универсальностью. Дюркгеймъ ставитъ ее рядомъ съ такой широкой аксіомой воли, какъ желательность здоровья для индивидовъ, и этимъ придается непоколебимый видъ и его собственному утвержденію. Но изъ универсальности какой нибудь аксіомы воли не слѣдуетъ ея особая научность; нельзя назвать потребность въ пищѣ научнѣе потребности въ чтеніи Ньютона на томъ основаніи, что первая неизмѣримо универсальнѣе второй. Положенія науки объективны, слѣдовательно, обязательны для всѣхъ, универсальны. Дюркгеймъ же, встрѣчаясь съ какимъ нибудь всеобщимъ волевымъ фактомъ, дѣлаетъ обратный выводъ къ его объективности и, слѣдовательно, научности. Волевые же факты не такой общности объявляются не научными, мистическими, субъектив-

Digitized by Google

ными и пр. Это смѣшеніе объективнаго и всеобщаго составляетъ одну изъ основъ Дюркгеймовскаго распространенія «на человѣческое поведеніе научнаго раціонализма». Въ наукѣ, какъ извѣстно, нѣсть эллинъ, ни іудей; положенія ея обязательны для всякаго; и разъ для практики найдется *объективное* основное положеніе, то представляемая ею картина приметъ совсѣмъ иной видъ. Съ добытаго штандпункта различныя существующія на счетъ цѣлей человѣческаго поведенія мнѣнія представляются не какъ равноправныя борющіяся между собою за преобладаніе точки зрѣнія, а какъ незаконныя порожденія мистицизма, субъективизма и т. д.; изъ внѣнаучныхъ они становятся не научными и должны, слѣдовательно, исчезнуть и уступить мѣсто грядущей истинѣ. Насколько «научно» такое смѣшеніе объективнаго и всеобщаго—это само собою понятно; въ практическомъ же отношеніи оно должно влечь за собой потерю личной инициативы въ области поведенія, подчиненіе окружающему большинству, и должно перейти въ «мудрый консерватизмъ». И эта тенденція должна себя особенно давать знать въ постановкѣ вопроса на почву теоріи нормальнаго съ тѣмъ опредѣленіемъ критерія здоровья, которое даетъ Дюркгеймъ *).

Прежде чѣмъ перейти къ этому критерію, мы остановимся на одномъ вопросѣ, могущемъ возникнуть у читателя по поводу теоріи Дюркгейма, именно на вопросѣ, представляетъ ли здоровье единственную цѣль, которую можно себѣ поставить относительно общества. Вопросъ этотъ предусмотрѣнъ самимъ Дюркгеймомъ, но онъ у него выраженъ въ неудачной формѣ, такъ какъ воображаемый

*) Въ текстѣ мы для удобства изложенія допускали преимущество Дюркгеймовской посылки, какъ крайне универсальной. Здѣсь мы можемъ коснуться и этого пункта. Утвержденіе, что здоровье желательно для обществъ, какъ и для индивидовъ, звучитъ почти аксіоматически. Но эта аксіоматичность—простая иллюзія, вытекающая изъ сопоставленія съ такимъ, почти кажущимся тавтологіей, фактомъ, какъ желательность здоровья для индивидовъ, и изъ смутно бродящихъ въ головѣ обыденныхъ метафоръ и выраженій, въ родѣ: общественная болѣзнь, здоровое общество и пр. Эта иллюзія легко разсѣивается. Во первыхъ, громадное большинство людей не думаетъ объ обществѣ и даже не знаетъ о существованіи такого объекта: общество существуетъ пока для небольшой сравнительно кучки лицъ. Это сразу срываетъ съ Дюркгеймовскаго положенія маску универсальности. Но и относительно той кучки, которая знаетъ о существованіи общества и интересуется имъ, утвержденіе Дюркгейма совсѣмъ не безусловно; конечно, почти всѣ члены этой кучки желаютъ для общества чего-то хорошаго; конечно, постоянно говорятъ о болѣзненномъ кризисѣ, переживаемомъ обществомъ, объ общественныхъ недугахъ и пр.—но рѣдко у кого все это соединяется въ опредѣленную, отчетливую идею о желательности для общества здоровья: рѣдко потому, что обыкновенно это понятіе примѣняется къ обществу метафорически, и немногіе развѣ придаютъ этому слову въ соціологіи такое же значеніе, какъ въ біологіи. Поэтому является вопросъ, примѣнимы ли къ обществу понятія здоровья и болѣзни въ ихъ біологическомъ значеніи? Для Дюркгейма, какъ мы видѣли, въ этомъ и сомнѣнья нѣтъ, и его занимаетъ только вопросъ о

Digitized by Google

собесѣдникъ его сомнѣвается въ томъ, чтобы достиженіе нормальнаго типа было высшей цѣлью, и утверждаетъ, что для этихъ высшихъ цѣлей нужно перейти науку.

Дѣло не въ томъ, чтобъ перейти науку, а въ томъ, есть ли столь же существенныя, какъ здоровье, цѣли поведенія и какъ къ нимъ отнестись. Мы знаемъ, что въ индивидуальной жизни забота о здоровьѣ не исчерпываетъ всей практической дѣятельности человѣка; то же возможно и по отношенію къ обществу, такъ что вопросъ этотъ совсѣмъ не теоретическій, какимъ его выставляетъ Дюркгеймъ.

Существенный пунктъ отвѣта Дюркгейма тотъ, что если какое нибудь улучшеніе не соотвѣтствуетъ явной или скрытой тенденціи, то оно ничего не прибавитъ къ счастью—и, слѣдовательно, доканчимъ мы, безполезно и не нужно. Но тутъ возникаетъ недоумѣніе. Если такъ, то основной посылкой практики, послѣдней инстанціей, признается не желаніе жить, какъ мы это видѣли въ I главѣ, и не здоровье, какъ до сихъ поръ въ настоящей главѣ, а такой неуловимый, измѣнчивый, словомъ, «мистическій» факторъ, какъ счастье. Но недоумѣніе это исчезаетъ при ближайшемъ ознакомленіи со взглядами нашего автора на счастье. «То, что выражаетъ

точномъ опредѣленіи ихъ. Но мы считаемъ себя въ правѣ усомниться въ пригодности такого догматическаго допущенія. Понятія эти возникли въ біологіи, и если распространять ихъ на другія области, то нужно указать на факты, оправдывающіе или даже вынуждающіе такое перенесеніе; нужно указать на тѣ общія черты между обществомъ и біологической особью, которыя дозволяютъ говорить объ общественномъ здоровьѣ и т. т. И для утвердительнаго рѣшенія мало доказать, что общество не есть простая сумма индивидовъ, а особая «форма существованія», индивидуальность sui generis (см. Règles, 151); нужно еще доказать, что эта индивидуальность тождественна съ біологическими индивидуальностями. Вѣдь и солнечная система не есть простая сумма составляющихъ ее небесныхъ тѣлъ, а своеобразная индивидуальность; и вообще любая система не представляетъ такой ариѳметической суммы составляющихъ ее элементовъ. Однако никому не придетъ въ голову примѣнять къ солнечной системѣ или къ часовому механизму понятія здоровья и болѣзни. Если же и употребляютъ эти термины по отношенію къ обществу, то или вслѣдствіе смутной аналогіи, видящей въ обществѣ какого-то Левіаѳана, или же относя ихъ къ благополучію или неблагополучію составляющихъ общество индивидовъ.—На Дюркгеймѣ лежала обязанность доказать возможность употребленія по отношенію къ обществу понятія здоровья Онъ этого не сдѣлалъ, ограничившись догматическимъ утвержденіемъ, которое, поэтому, представляется намъ игрой на ходячихъ метафорахъ, усугубленной безличной формой, въ которой оно выражено (*желательно*), формой, удобной тѣмъ, что она заглушаетъ вниманіе, вызывая цѣлый рядъ ассоціацій, ибо она дозволяетъ понимать мысль Дюркгейма и такъ, что общество желаетъ себѣ здоровья (какъ индивиды себѣ), и такъ, что люди желаютъ обществу здоровья, и такъ, наконецъ, что *нужно* желать обществу здоровья. Все это не дозволяетъ намъ отдавать особеннаго предпочтенія Дюркгеймовской посылкѣ передъ другими даже съ точки зрѣнія ея универсальности.

Digitized by Google

счастье—говоритъ онъ—есть не моментальное состояніе какой-нибудь отдѣльной функціи, но состояніе физическаго и моральнаго здоровья въ его совокупности» (De la divis. 267) и ниже: «счастье—это указатель состоянія здоровья». Подобно тому, какъ здоровье моллюска не больше и не меньше здоровья позвоночнаго, такъ и счастье вездѣ тождественно: «самое простое и самое сложное животное наслаждаются одинаковымъ счастьемъ, если они одинаково осуществляютъ свою природу» (Ib. 268). Словомъ, понятія счастья и здоровья совсѣмъ покрываютъ другъ друга; въ оглавленіи Дюркгеймъ такъ и пишетъ: «Счастье есть состояніе здоровья» (Ib. 466). Недоумѣніе должно теперь исчезнуть. Для метода Дюркгейма характерно здѣсь превращеніе столь капризнаго понятія, какъ счастье, въ гораздо болѣе устойчивое понятіе здоровья. Насколько законно такое превращеніе—это другой вопросъ *).

Столь же характерной является, въ свою очередь, судьба понятія здоровья. Дюркгеймъ, какъ мы видѣли, отождествляетъ здоровое съ нормальнымъ, а болѣзненное съ ненормальнымъ. Различіе же между нормальнымъ и ненормальнымъ сведено на чисто количественную разницу между правиломъ и исключеніемъ, между общимъ и частнымъ. Задача объективированія понятія здоровья, имѣющаго въ себѣ кое что «субъективное», проведена, такимъ образомъ, довольно искусно; ибо что можетъ быть объективнѣе чиселъ и числовыхъ отношеній? Но это объективированіе пріобрѣтается—не говоря ужъ о другомъ—на счетъ смѣшенія состоянія здоровья съ признаками здоровья. И смѣшеніе это заходитъ такъ далеко, что Дюркгеймъ послѣ установленія своего опредѣленія, говоритъ уже слѣдующимъ образомъ: «Правда, что въ обыденной рѣчи (courantment) подъ здоровьемъ понимаютъ также состояніе, вообще предпочтительное передъ болѣзнью; но это опредѣленіе содержится въ предыдущемъ» (Rgles, 73); говоритъ, забывши, что исходнымъ пунктомъ всѣхъ его разсужденій было именно «ходячее» допущеніе, что здоровье желательно для обществъ, болѣзнь же нѣтъ. Правда

*) Не смотря на столь широкое пониманіе слова „здоровья", для противниковъ Дюркгейма есть выходъ. Они могутъ желать какихъ нибудь измѣненій въ обществѣ не для увеличенія суммы его счастья, а для достиженія иного типа счастья. Ахиллесъ предпочитаетъ быть поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ Элизіумѣ. Не смотря ни на какія утвержденія Дюркгейма о равенствѣ всѣхъ видовъ счастья, никто не промѣнялъ бы одного человѣческаго счастья на трильоны моллюсковыхъ счастій или счастьицъ. Приступать къ вопросу о счастьи съ одними ариѳметическими дѣйствіями—это значитъ упускать изъ виду добрую половину вопроса. Въ Дюркгеймовскомъ рѣшеніи его ярко выступаетъ знакомая намъ черта—консервативность. Оно не допускаетъ никакихъ элементовъ прогрессированія: цѣль поведенія счастье, вездѣ одинаковое; отъ добра добра не ищутъ, особенно эквивалентнаго; чѣмъ бы ни быть: моллюскомъ или человѣкомъ — все равно; единственное, что остается — это мудрыя и умѣренныя починки прорѣхъ своего моллюсковаго счастья.

Digitized by Google

Дюркгеймъ различаетъ нормальность по факту (всеобщность какого нибудь явленія установлена) отъ нормальности по праву (эта всеобщность объяснена, т. е. указана его полезность или неизбѣжность для существованія организма); правда, онъ говоритъ, что надо знать не только, чего намъ желать, но и почему именно желать; онъ указываетъ также случаи, когда необходимо считаться не съ одной только всеобщностью явленія, а и съ значеніемъ его для организма. Но все это не ослабляетъ силы нашего замѣчанія. Достаточно указать, что всѣ эти соображенія служатъ для Дюркгейма только средствомъ контролировать результаты его метода. Иначе говоря, контролирующимъ средствомъ является то, для чего придуманъ методъ. Какъ бы мы ни опредѣляли здоровье, но въ это опредѣленіе обязательно должны входить элементы въ родѣ полезности, необходимости существованія и пр.; иначе мы не сможемъ утверждать, что здоровье желательно для обществъ. Не допустить же, въ самомъ дѣлѣ, серьезнымъ образомъ, что люди питаютъ какую-то таинственную склонность ко всеобщимъ явленіямъ и ненависть къ исключительнымъ. Устанавливая критерій здоровья, мы должны указать—индуктивно или дедуктивно—на связь этого критерія съ элементами полезности, необходимости. Предлагаемый Дюркгеймомъ критерій удовлетворяетъ этому условію, на томъ именно основаніи, что общія явленія въ среднемъ и наиболѣе выгодныя. Но эту связь нужно ставить въ главу угла, а не видѣть въ ней средство контроля, какъ это дѣлаетъ Дюркгеймъ. Притомъ у него отношеніе фактовъ перевернуто: основнымъ фактомъ онъ принимаетъ общность явленій, отъ котораго производнымъ является полезность этихъ общихъ явленій; и этимъ онъ оправдываетъ ходячее словоупотребленіе, видящее въ здоровьѣ что-то желательное.

Если мы обратимся теперь къ Дюркгеймовскому критерію, то не сможемъ признать удачнымъ отождествленіе здороваго съ нормальнымъ. Второе понятіе гораздо шире перваго. Нормальный отождествляется съ понятіями всеобщій, типичный, образцовый, желательный и пр. (напр., ненормальное вращеніе спутниковъ Нептуна, нормальный барометръ, нормальный рабочій день и т. д.). Эти различные элементы слова нормальный въ обыденной рѣчи тѣсно переплетаются между собой и часто приводятъ къ опредѣленію однимъ и тѣмъ же словомъ самыхъ разнородныхъ комбинацій. На такой многозначности разбираемаго термина и построены нѣкоторыя разсужденія Дюргейма. Правда, понятіе здороваго очень близко къ понятію біологически-нормальнаго, и именно потому—какъ это указываетъ Дюргеймъ—что наиболѣе общія формы должны въ среднемъ быть наиболѣе выгодными. Но, всетаки, оба понятія далеко не покрываютъ другъ друга. Есть не мало ненормальныхъ (въ смыслѣ исключительности) явленій, которыя не носятъ ни малѣйшаго слѣда болѣзненности. Сила какого нибудь Милона Кротонскаго, необычайно острое зрѣніе или слухъ, геній Ньютона,

Digitized by Google

словомъ все то, что можно назвать уклоненіями въ положительную сторону отъ средняго уровня—все это крайне рѣдкія, ненормальныя явленія, но мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ назвать ихъ болѣзненными. И обратно, есть немало нормальныхъ фактовъ, которые хотя и нельзя назвать болѣзненными, но нельзя и признать желательными,—а насъ вѣдь интересуетъ эта сторона вопроса. Что, напримѣръ, нормальнѣе смерти или существованія болѣзней—но въ какомъ смыслѣ можно ихъ назвать здоровыми?

Если нормальное—всеобщее такъ расходится съ нормальнымъ—желательнымъ, то понятно, какъ осторожнымъ должно быть, употребляя первое, какъ критерій второго *). Дюркгеймъ самъ указываетъ случаи—правда, исключительные, когда весь видъ въ переходномъ состояніи, въ состояніи эволюціи—когда его методъ, самъ по себѣ, неприменимъ. Онъ обставляетъ это ограниченіе массой оговорокъ, имѣющихъ цѣлью доказать, что и въ этихъ случаяхъ его методъ занимаетъ первое мѣсто; что въ началѣ изслѣдованія можно не считаться съ исключительными случаями и пр. Но эти замѣчанія мало помогаютъ дѣлу. Такіе эластичные организмы, какъ общественные, почти постоянно находятся въ переходномъ состояніи, не кристализуясь въ опредѣленныя формы. Поэтому весьма и весьма не мѣшало бы установить еще особый критерій для различенія исключеній отъ правилъ, чтобъ мы не смѣшивали псевдонормальныхъ фактовъ съ истинно нормальными, чтобъ мы не видѣли въ «лживой этикеткѣ» указанія на настоящее положеніе вещей.

Мы отказываемся признать истинность отождествленія нормальнаго—здороваго съ нормальнымъ—всеобщимъ, отказываемся, не смотря даже на угрозу Дюркгейма, что безъ этого соціологія перестанетъ быть наукой о вещахъ. Задача наукъ о жизни совсѣмъ не въ томъ, чтобъ опредѣлять нормальное (здоровое) состояніе и

---

*) Въ біологіи можно почти съ полною безопасностью отождествлять всеобщее съ полезнымъ для вида, такъ какъ въ животныхъ видахъ мы видимъ продукты приспособленія милліоновъ особей въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Мы говоримъ «почти» потому, что и здѣсь намъ приходится считаться не только съ приспособившимся видами, но и съ приспособляющимися еще и, наконецъ, съ неприспособившимися и вымирающими. Въ соціологіи же—если допустить перенесеніе въ нее біологическихъ понятій—мы теряемъ подъ собой всякую почву. Соціальные виды насчитываютъ сравнительно ничтожное время своего существованія, чтобъ можно было видѣть въ нихъ продукты полнаго приспособленія. Это врядъ ли уравновѣшивается громадной эластичностью соціальныхъ «организмовъ» по сравненію съ біологическими. Кромѣ того соціальные виды насчитываютъ крайне ничтожное количество особей, чтобъ можно было дѣлать съ ними такіе же выводы, какъ съ животными видами съ ихъ милліонами, милліардами индивидовъ. Дюркгеймъ указываетъ на возможность соціальнаго вида, осуществившагося всего въ одной особи, и склоненъ подвести подъ этотъ случай римскую имперію! (см. Règles, 107). Можно себѣ представить, какіе прочные результаты можно извлечь на счетъ общественнаго здоровья изъ такихъ «всеобщихъ» явленій.

Digitized by Google

пр., а въ томъ, чтобъ изучать явленія жизни въ ея общихъ проявленіяхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ бываютъ полезны для организмовъ, здоровы, но не обязательно таковы. Это кажущееся Дюркгейму столь неопровержимымъ разсужденіе о значеніи для соціологіи предлагаемаго имъ критерія—цѣликомъ построено на тѣхъ самыхъ «предвзятыхъ понятіяхъ» (prénotions), противъ которыхъ онъ такъ возстаетъ (см. гл. II). Такими prénotions являются и перенесеніе въ соціологію понятій жизни, организма, здоровья и пр. безъ всякаго доказательства правильности этого перенесенія, и утвержденіе, будто предметъ наукъ о жизни есть состояніе здоровья,—утвержденіе, возникшее изъ смѣшенія элементовъ слова нормальный. Ничуть не ужасной, поэтому, представляется намъ даже и гипотеза, что нормальный типъ никогда не существовалъ, такъ какъ на нашъ взглядъ она не влечетъ за собой тѣхъ слѣдствій, которыя для Дюркгейма уничтожаютъ всякое практическое значеніе науки. Изученіе прошлаго даетъ намъ не общественные идеалы, а, главнымъ образомъ, средства для проведенія въ жизнь этихъ идеаловъ; чтобъ имѣть возможность вліять на общество, нужно знать законы развитія обществъ, которые окажутся независимо отъ того, существовалъ ли когда либо нормальный типъ или нѣтъ. Неужели мы должны были бы бросить исторію науки на томъ только основаніи, что она представляетъ въ значительнѣйшей части исторію заблужденій? Между тѣмъ практическая польза такого изученія прошлаго науки далеко уступаетъ жизненному значенію изслѣдованія исторіи обществъ въ ихъ цѣломъ.

Мы покончили съ теоріей нормальнаго и могли бы уже подвести общіе итоги. Но приведенная Дюркгеймомъ для иллюстраціи его метода теорія преступленія до того ярко подчеркиваетъ все безсиліе и ненаучность этого метода, что мы не можемъ не остановиться на ней нѣсколько подробнѣе. Эта теорія показываетъ, какъ велика сила предвзятаго мнѣнія. Дюркгеймъ, такъ настойчиво предостерегавшій другихъ отъ употребленія различныхъ prénotions, оказался кивающимъ на Петра, такъ какъ трудно найти худшую аргументацію, чѣмъ пущенная имъ въ ходъ,—хотя, съ другой стороны, и трудно лучше защищать такую безнадежную теорію.

Дюркгеймовская аргументація построена по слѣдующей схемѣ: все, что нормально, есть факторъ общественнаго здоровья; все, что всеобще, нормально; преступленіе всеобще; слѣдовательно и т. д. Но такъ какъ получающійся выводъ непереваримъ для непредубѣжденнаго мышленія, то подыскиваются, именно подыскиваются, соображенія, оправдывающія его. Эти соображенія сводятся къ двумъ пунктамъ, изъ которыхъ въ первомъ доказывается, что невозможно общество безъ преступленія, что это послѣднее неизбѣжно связано съ природой общества. Къ этому выводу приводитъ Дюркгейма неточный взглядъ на преступленіе. Онъ выдвигаетъ исключительно субъективный моментъ преступленія, именно рас-

Digitized by Google

хожденіе чувствъ индивида съ коллективными чувствами, оставляя въ тѣни объективные моменты, вызывающіе къ жизни это расхожденіе или же дающіе ему проявиться въ дѣйствительности. А это имѣетъ большое значеніе при вопросѣ объ исчезаніи какого нибудь преступленія. Относящіяся сюда разсужденія Дюркгейма ничего не доказываютъ, такъ какъ доказываютъ слишкомъ много. Обращая вниманіе только на субъективный моментъ, онъ утверждаетъ, что для исчезновенія преступленія необходимо повышеніе интенсивности коллективныхъ чувствъ. Такъ ли это? Допустимъ, что интенсивность коллективныхъ чувствъ по извѣстному пункту = 1; допустимъ, что у преступника она = $^1/_2$. Теперь предположимъ съ Дюркгеймомъ, что какимъ нибудь образомъ (какимъ?) интесивность этихъ чувствъ возросла въ обществѣ вдвое. Тогда большинство общества будетъ обладать чувствами по данному пункту интенсивности = 2; группы же лицъ, у которыхъ они прежде равнялись $^1/_2$, будутъ обладать чувствами интенсивности 1. Нивеллированія, какъ мы видимъ, не получилось, если не допустить, что въ меньшинствѣ съ слабыми чувствами интенсивность ихъ возросла вчетверо, допущеніе, ничѣмъ не оправдываемое. Слѣдовательно, изучаемое преступленіе не исчезнетъ изъ общества, и, если путь изчезновенія преступленій, указываемый Дюркгеймомъ, единственный, то всякое преступленіе, разъ проникши въ общество, никогда изъ него не удалится. Это, конечно, противорѣчитъ фактамъ. Дѣло же объяснится просто, если привлечь и объективные элементы. Во первыхъ преступленія можетъ и не быть, хотя бы на лицо было рѣзкое индивидуальное уклоненіе отъ коллективныхъ чувствъ, разъ личность удерживается отъ проявленія этого уклоненія рядомъ мотивовъ; это воздержаніе можетъ, въ свою очередь, повлечь за собой атрофію уклоненія, т. е. антиобщественныхъ склонностей. Во вторыхъ, громадная масса преступленій совершается не въ силу уклоненій отъ коллективныхъ чувствъ, а при общности этихъ чувствъ въ силу другихъ причинъ. Можно быть величайшимъ поклонникомъ права частной собственности, но посягать на него, т. е. совершить преступленіе въ силу совсѣмъ другихъ обстоятельствъ, чѣмъ слабое развитіе чувства собственности. Для исчезновенія убійствъ далеко не важнѣйшую роль играетъ распространеніе отвращенія къ крови; не въ недостаткѣ этого чувства главная причина убійствъ, и можно, наоборотъ, утверждать, что не убійства вызываются недостаткомъ отвращенія къ кровопролитію, а что самъ этотъ недостатокъ вызывается практикой убійства, причина которой лежитъ совсѣмъ въ иномъ. А разъ такъ, то воздѣйствіемъ на эти соціальныя причины убійствъ можно разсчитывать на уничтоженіе ихъ.

Если не требуется обязательно усиленія интенсивности чувствъ для исчезновенія преступленія, то падаетъ само собой и заключеніе, что на мѣсто выведшихся преступленій становится то, что прежде считалось моральнымъ проступкомъ. Но это утвержденіе и безъ

Digitized by Google

того произвольно. Самопроизвольный механизмъ, какимъ на мѣсто усилившагося чувства становится чувство, лежащее непосредственно подъ нимъ, слишкомъ ужъ простъ, чтобы быть вѣрнымъ. Если бы была такая строгая іерархія чувствъ, то никогда то изъ нихъ, которое стояло гдѣ нибудь на верху этой лѣстницы, не могло бы опуститься ниже тѣхъ, которыя были сперва подъ нимъ, или даже совсѣмъ исчезнуть. А между тѣмъ это такъ и наблюдается. Чувства, охранявшія церемоніалъ и этикетъ, чувство кровной мести, во многихъ случаяхъ религіозныя чувства потерпѣли такія измѣненія. Мы, конечно, не сомнѣваемся въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ увеличеніе чувствительности по отношенію къ проступкамъ, считавшимся прежде незначительными. Но это увеличеніе не происходитъ такъ ужъ слѣпо, т. е. что вся масса чувствъ, стоявшихъ, положимъ, на второй ступенькѣ, становится на третью. Во вторыхъ, это уменьшеніе чувствъ не должно влечь за собой обязательно превращеніе нарушенія этихъ чувствъ въ преступленіе. Въ причины этого излишне было бы вдаваться. Но фактъ тотъ, что есть не мало чисто моральныхъ проступковъ, къ которымъ относятся съ большимъ порицаніемъ, чѣмъ къ инымъ преступленіямъ.

Резюмируемъ эти взгляды по этому пункту. Мы не думаемъ утверждать, что возможно абсолютное исчезновеніе преступленій въ обществѣ. Съ абсолютами человѣку невозможно управиться. Мы говоримъ только, что преступленіе не связано съ природой общества и что въ человѣческихъ силахъ сдѣлать его, говоря математически, меньше всякой данной величины. Не въ человѣческой природѣ то, что человѣкъ ломаетъ себѣ ноги. Однако это было, есть и будетъ. Это случайность, которая всегда имѣетъ мѣсто, оставаясь все-таки случайностью. Вполнѣ возможно, что и преступленіе сведется къ такой случайности.

Второй пунктъ Дюркгеймовскихъ разсужденій состоитъ въ доказательствѣ полезности преступленія. Съ нимъ дѣло обстоитъ значительно хуже, чѣмъ съ первымъ. Преступленіе полезно — косвенно — потому, что допущеніе отсутствія преступленій предполагаетъ отсутствіе условій, необходимыхъ для возможности эволюціи въ обществѣ. Странная аргументація! Вѣдь это все равно, что расширеніе ртути въ термометрѣ считать приносящимъ тепло, такъ какъ допущеніе отсутствія такого расширенія предполагало бы отсутствіе тепла. Такимъ путемъ можно было бы всякому симптому, всякому слѣдствію приписывать участіе въ дѣйствіи его причины. Можно было бы показать косвенное вліяніе ласточекъ на приходъ весны, радуги на наличность облаковъ и пр.

Что касается до прямой пользы, приносимой преступленіями, то, не отрицая фактовъ, на которые указываетъ Дюркгеймъ, мы замѣтимъ, что эти преступленія въ ряду другихъ занимаютъ такое количественно ничтожное мѣсто, что врядъ ли это дастъ многое теоріи нормальности преступленія. Кромѣ того, эти преступленія и

Digitized by Google

по характеру своему заслуживаютъ выдѣленія ихъ изъ другихъ. Дюркгеймъ на той же страницѣ, гдѣ находится его замѣчаніе о Сократѣ, говоритъ о преступникѣ, какъ о человѣкѣ, стоящемъ ниже своего вѣка. Но Сократъ и подобные ему преступники стояли выше своего вѣка. Важнѣе было именно рѣшить вопросъ, полезны ли преступники, стоящіе ниже своего вѣка—имя коимъ легіонъ—а не тѣ единицы, которыя переросли свое время.

Кромѣ этихъ теоретическихъ замѣчаній, подымается еще практическій вопросъ: какъ намъ относиться къ преступленію, если оно нормальный фактъ? Вопросъ этотъ предусмотрѣнъ самимъ Дюркгеймомъ, который говоритъ: «Изъ того, что преступленіе фактъ нормальной соціологіи, не слѣдуетъ, что его не должно ненавидѣть. Страданіе также не представляетъ ничего желательнаго, индивидъ ненавидитъ его, какъ общество ненавидитъ преступленіе, и однако оно относится къ нормальной физіологіи» (Règles, 90). Но сравненіе вѣдь не доказательство. Чувство боли дано намъ непосредственно. Наша же ненависть къ преступленію—фактъ посредственный. Настоящую, непосредственную ненависть къ преступленію могло бы испытывать общество—Левіаѳанъ, которое непосредственно же испытывало бы боль отъ преступленія. Возможно, что наша посредственная ненависть къ преступленію заблужденіе, какъ и общераспространеное мнѣніе, видящее въ преступленіи болѣзнь. Или, можетъ быть, здѣсь всеобщность отношенія къ преступленію считается достаточнымъ основаніемъ его нормальности? *) Но всеобщность мнѣнія, «гласъ народа» далеко не всегда удобная опора. Отвернулся же отъ него Дюркгеймъ по вопросу о нормальности преступленія. Кромѣ того, этотъ гласъ бываетъ иногда крайне разнорѣчивъ. Возьмемъ, напримѣръ, проституцію. Мы могли бы доказать, что она всегда существовала, существуетъ и все болѣе развивается; мы могли бы, съ тѣми или иными натяжками, но безупречнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ Дюркгеймъ съ своимъ тезисомъ, доказать, что она тѣсно связана съ природой обществъ (вспомнимъ теорію «клапана» и «общественнаго темперамента»), словомъ, мы бы доказали, что она необходима, нормальна, полезна и пр. Но по вопросу объ отношеніи къ ней мы были бы поставлены въ недоумѣніе: съ одной стороны, полицейскія стѣсненія, презрѣніе и т. д., а съ другой—извѣстные восторги аѳинскаго юношества при введеніи Солономъ публичныхъ домовъ. Неужели мы опять натолкнулись на исключеніе, и единоспасающій методъ всеобщности долженъ дѣлить свое господство съ другими, изгнанными, было, методами? Не беремся рѣшать этой задачи; но всего вышеизло-

*) Сравни замѣчаніе Дюркгейма: „Нѣтъ общества, гдѣ бы не существовало правило, что наказаніе должно быть пропорціонально преступленію; однако для итальянской школы этотъ принципъ—только выдумка юристовъ, лишенная всякаго основанія" (Règles, 91).

Digitized by Google

женнаго достаточно, чтобъ усомниться въ достоинствахъ какъ теоріи преступленія, такъ и теоріи нормальнаго, изъ которой она вытекаетъ.

Мы покончили съ теоріей нормальнаго. Насколько намъ кажется, она состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и отрывокъ изъ «Раздѣленія труда», разобранный въ предыдущей главѣ. Мы уже въ ней указывали на ходъ развитія мысли Дюркгейма отъ раздѣленія практики и теоріи (ради удобствъ практики же) черезъ подчиненіе и поглощеніе практики теоріей къ подчиненію первой дѣйствительности. Все это мы видимъ и теперь, только не въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній, а въ систематическомъ и доказательномъ видѣ. Правда, перваго члена нѣтъ на лицо, но не въ немъ дѣло. Второй достаточно выяснился въ противоположеніи раціоналистическаго метода «мистическому» и идеологическому, въ предлагаемомъ критеріи здоровья, въ защитѣ этого критерія. Этотъ же критерій вводитъ насъ въ третью стадію развитія мысли Дюркгейма. Мы уже видѣли негодованіе его на итальянскую школу криминалистовъ, которая, не смотря на всеобщность правила, устанавливающаго пропорціональность между преступленіемъ и наказаніемъ, считаетъ его лишеннымъ всякаго значенія; точно также негодуетъ Дюркгеймъ и на людей, для которыхъ капиталистическая организація—не смотря на свою всеобщность—составляетъ уклоненіе отъ нормальнаго типа (Règles, 91). Но помимо этихъ отдѣльныхъ замѣчаній, указывающихъ на тяготѣніе Дюркгейма къ существующему порядку вещей, эта его тенденція ясна сама по себѣ, такъ какъ она необходимо вытекаетъ изъ его метода. Разъ все желательное сводится къ здоровью, а это послѣднее къ наиболѣе общему факту, то единственнымъ почти источникомъ идеаловъ служитъ прошедшее, въ которомъ осуществилось состояніе здоровья и которое представляетъ неисчерпаемый кладезь разныхъ всеобщихъ фактовъ. Конечно, бываютъ случаи, по признанію Дюркгейма, когда приходится черпать свѣдѣнія о нормальномъ состояніи изъ другихъ источниковъ; но это, по его же теоріи, исключительные случаи, да и въ нихъ опять таки, главнымъ образомъ, приходится считаться съ прошлымъ, которое, такимъ образомъ, становится почти исключительнымъ и деспотическимъ учителемъ настоящаго. Le mort saisit le vif. Глаза изслѣдователя, помыслы котораго обращены впередъ, должны смотрѣть назадъ, ибо тамъ онъ найдетъ осуществленнымъ во всѣхъ важнѣйшихъ чертахъ свой идеалъ, состояніе здоровья,—и единственное, что ему остается, это мелкія поправки въ грандіозной работѣ прошедшаго, работѣ, не оставляющей въ общемъ желать ничего лучшаго.

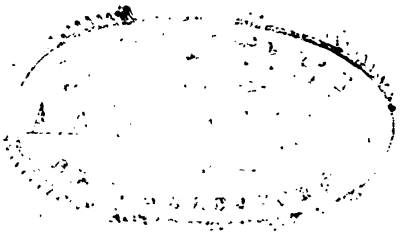
Такую теорію мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать консервативной, независимо отъ тѣхъ практическихъ взглядовъ, которыхъ можетъ придерживаться ея авторъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ практическими тенденціями Дюркгеймгскаго раціонализа, мы въ слѣдующей статьѣ можемъ перейти къ изложенію взглядовъ Дюркгейма на раздѣленіе труда.

П. Ю.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google



Въ мірѣ случайностей.

Романъ Виліама Д. Гоуэльса.

Перев. съ англійскаго М. Н. Тимофеевой.

XXXVI.

Редакторъ газеты «Каждый Вечеръ» возвратилъ Рэю его рукопись. Онъ, очевидно, надѣялся на то, что Рэй можетъ быть безпристрастнымъ судьей своего произведенія или посмотритъ на него съ точки зрѣнія интересовъ газеты. Онъ самъ былъ совершенно безпристрастенъ въ томъ, что касалось газеты, и считалъ Рэя также способнымъ отрѣшиться отъ субъективнаго взгляда и чувства.

— Мнѣ кажется, это для насъ не годится,—сказалъ онъ.— Это очень хорошій романъ и я прочиталъ его весь до конца, но я думаю, что въ фельетонѣ онъ потеряетъ. Какъ вы думаете объ этомъ сами?

— Я?—переспросилъ Рэй.—Могу ли я имѣть по этому предмету безпристрастное мнѣніе?

— Почему же нѣтъ? Вы знаете, что намъ нужно, мы достаточно говорили съ вами объ этомъ, и вы должны знать, годится это или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ это касается вашего отдѣла. Я лично думаю, что это не годится; но если вы другого мнѣнія, то я ничего не имѣю противъ. Вы должны взять на себя отвѣтственность. Предоставляю вамъ рѣшить это въ интересахъ дѣла.

Рэй подумалъ, какъ старикъ Кэйнъ посмѣялся бы, если бы узналъ, въ какомъ онъ находится положеніи, какъ бы онъ со всѣхъ сторонъ обсуждалъ и комментировалъ это положеніе и придумывалъ бы по этому поводу новые афоризмы. Онъ воображалъ себѣ, что ни одинъ писатель не былъ до сихъ поръ въ его положеніи; это было нѣчто романтичное, похожее на то, какъ если бы подсудимаго заставили самому себѣ произнести приговоръ. Редакторъ, повидимому, очень серьезно смотрѣлъ на это

Digitized by Google

дѣло; онъ сдержанно и нѣсколько строго ожидалъ рѣшенія Рэя.

— Боюсь, что вы правы,—сказалъ Рэй.—Я думаю, что это не годится для «Каждаго Вечера». Но даже если бы и годилось то мнѣ неловко было бы навязывать читателямъ свое сочиненіе съ самаго начала.

— Ну, это-то мнѣ было бы все равно,—замѣтилъ редакторъ,—если бы только мы дали имъ то, что нужно.

Рэя покоробило, но редакторъ этого не замѣтилъ. Теперь, какъ и всегда, главнымъ вопросомъ для него была газета. Онъ небрежно прибавилъ:

— Мнѣ кажется, что такой романъ долженъ бы имѣть успѣхъ отдѣльнымъ изданіемъ.

— Я бы желалъ, чтобы вы внушили это мнѣніе какому-нибудь издателю.

Редактору нечего было отвѣтить на это. Онъ открылъ свой пюпитръ и началъ писать.

Не смотря на то, что отвергнутая рукопись лежала передъ нимъ на столѣ, Рэй работалъ въ этотъ день очень успѣшно, а потомъ унесъ рукопись съ собой. Но онъ не вернулся тотчасъ же въ свой отель, а отправился къ Чапли, гдѣ надѣялся застать Пію до ея ухода домой, чтобы спросить ее объ отцѣ. Онъ не былъ у Хюзовъ уже нѣсколько недѣль, а потому и придумалъ для себя этотъ предлогъ. Въ сущности же, ему хотѣлось увидѣть молодую дѣвушку и постараться угадать, что она думаетъ о немъ. Онъ долженъ сдѣлать это теперь, хотя... если бы не было жестокостью совершенно покинуть старика, то лучше всего было бы никогда болѣе не видѣть никого изъ этой семьи.

Придя въ контору Чапли и узнавъ, что Пія ушла домой, онъ почувствовалъ облегченіе. Мистеръ Брандретъ былъ тамъ и привѣтствовалъ Рэя какъ-то еще сердечнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Послушайте-ка,—сказалъ онъ, затворяя дверь своей маленькой комнаты.—Можете ли вы мнѣ раздобыть вашъ романъ теперь же?

— Я могу достать его сію минуту,—сказалъ Рэй, дотрогиваясь до рукописи.

— О!—воскликнулъ нѣсколько смущенный Брандретъ.—Я не зналъ, что вы носите его съ собой!

— Обыкновенно не ношу, а только тогда, когда получаю его обратно отъ какого-нибудь издателя.

— Я думалъ, что онъ былъ уже у всѣхъ,—сказалъ, еще болѣе смущаясь, мистеръ Брандретъ.

— О, на этотъ разъ его отвергъ редакторъ газеты. Романъ

Digitized by Google

только что былъ предложенъ мнѣ для фельетона въ «Каждый Вечеръ», но я забраковалъ его.

— Что вы хотите сказать?—улыбаясь, спросилъ озадаченный мистеръ Брандретъ.

— Именно то, что я говорю. — Рэй объяснилъ, въ чемъ дѣло.—Я чувствую себя Брутомъ и сыномъ Брута одновременно и сейчасъ пойду къ старику Кэйну, чтобы разсказать ему эту исторію. Я увѣренъ, что это позабавитъ его.

— Нѣтъ, постойте! Что редакторъ сказалъ о романѣ?

— О, онъ понравился ему. Онъ всѣмъ нравится, но никто его не беретъ. Онъ сказалъ, что романъ можетъ имѣть успѣхъ въ отдѣльномъ изданіи. Издатели газетъ и журналовъ всѣ думаютъ такъ, а издатели книгъ увѣряютъ, что онъ очень хорошъ для фельетона.

Рэй высказалъ это съ большой горячностью и радъ былъ, что произвелъ впечатлѣніе на Брандрета.

— Послушайте,—сказалъ тотъ,—оставьте-ка мнѣ вашу рукопись.

— Опять?

— Да. Я никогда еще не читалъ ее самъ.

— Берите и будьте счастливы!—съ драматическимъ паѳосомъ произнесъ Рэй, вручая ему рукопись.

— Нѣтъ, серьезно! — сказалъ мистеръ Брандретъ. — Мнѣ надо поговорить съ вами. Сядьте, пожалуйста. Помните, когда вы пришли сюда въ первый разъ, я сказалъ вамъ, что желалъ бы снова поставить Чапли и К° на линію издательской фирмы. Мнѣ не нравилось, что мы все падаемъ въ этомъ отношеніи и превращаемся въ простыхъ книгопродавцевъ. Помните?

Рэй кивнулъ головой.

— Ну, такъ я никогда не упускалъ изъ виду этой мысли и все высматривалъ съ тѣхъ поръ хорошій романъ для начала. Я долженъ вамъ сознаться, что ничего не нашелъ. Всѣ авторы съ установившейся репутаціей находятся уже въ рукахъ другихъ издателей и ихъ нельзя переманить, не заплативъ сумасшедшихъ денегъ и не нарушивъ въ то же время правила торговой взаимности. Если мы возобновимъ свое издательство,— то мы должны начать съ новаго автора.

— Я, право, не знаю, новый я авторъ или нѣтъ,—сказалъ Рэй, — если рѣчь идетъ обо мнѣ. Иногда мнѣ кажется, что я ужъ порядочно устарѣлъ. Мнѣ представляется, что я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ чуть-ли не въ началѣ христіанской эры. Но «Современный Ромео» такъ же свѣжъ, какъ и прежде. На немъ все еще лежитъ утренняя роса,—мѣстами, впрочемъ, стертая носами профессіональныхъ экспертовъ-нюхателей.

— Ну что жъ, — сказалъ мистеръ Брандретъ,—онъ достаточно свѣжъ для практическихъ цѣлей. Дайте мнѣ его...

Digitized by Google

— Съ какимъ оркестромъ прикажете проводить васъ до вашихъ дверей?—спросилъ Рэй.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не ожидайте слишкомъ многаго,—сказалъ мистеръ Брандретъ.

— Я ничего не ожидаю,—протестовалъ Рэй.

— Ну вотъ, такъ и надо—это единственная основа всякаго дѣла. Но если только романъ годится, то я думаю, что даже вы сами не будете болѣе рады, чѣмъ я.

— О, благодарю васъ...

— Я не фаталистъ...

— Но это было бы очень похоже на фатализмъ.

— Да, правда. Можно было бы подумать, что романъ дѣйствительно предназначенъ вернуться назадъ, послѣ того, какъ обошелъ всѣхъ издателей.

— Но если онъ былъ предназначенъ къ тому съ самаго начала, то отчего вы не взяли его сразу? Къ чему же тогда была вся эта возня?

— Да, конечно, вы можете сказать это, — согласился мистеръ Брандретъ.

Рэй вышелъ, словно подхваченный уже волной богатства и могущества. Онъ пошелъ къ Кэйну и пригласилъ его пообѣдать вмѣстѣ. Они рѣшили идти къ Мартину, гдѣ обѣдъ стоилъ вдвое дороже, но за то имѣлъ видъ болѣе гастрономическій, чѣмъ въ отелѣ, гдѣ жилъ Рэй. Они заняли столъ въ уголкѣ, и Рэй заказалъ бутылку шампанскаго.

— Да,—сказалъ Кэйнъ,—это какъ разъ вино для такихъ людей, которые хотятъ истратить деньги прежде, чѣмъ ихъ получили. Это настоящій напитокъ игроковъ.

— Вы можете не пить его,—сказалъ Рэй.—Пейте vin ordinaire, которое включено въ цѣну обѣда.

— Нѣтъ, я ничего не имѣю противъ бокала шампанскаго время отъ времени, въ особенности, когда самъ же заставилъ моего амфитріона заказать его,—сказалъ Кэйнъ.

— А я хочу облегчить сегодня мое сердце, — отвѣчалъ Рэй.—Завтра можетъ быть это уже мнѣ не удастся. Впрочемъ, что касается моей книги, то не я ставлю ее на карту, а Брандретъ. Я все еще не понимаю, зачѣмъ ему это понадобилось. Конечно, онъ не особенно рискуетъ.

— Я думаю, что ему даже необходимо рискнуть кое-чѣмъ,— многозначительно сказалъ Кэйнъ и, понизивъ свой мягкій голосъ на цѣлую октаву, продолжалъ:

— Я боюсь, что бѣдный Генри, преслѣдуя свое личное усовершенствованіе, немного запустилъ свои дѣла. Я не осуждаю его,—вы знаете, я вообще никого не осуждаю, — потому что въ подобныхъ вопросахъ всегда остаешься въ сомнѣніи, гдѣ собственно причина и гдѣ слѣдствіе. Можетъ быть, мой милый

Digitized by Google

старый другъ запустилъ свое дѣло потому, что заботился о своей душѣ, а можетъ быть онъ именно обратился къ душѣ, потому что дѣла пошли худо. Во всякомъ случаѣ, очевидно, онъ, какъ и всѣ, увидѣлъ, что трудно служить одновременно Богу и Маммону. Только на этотъ разъ маммону пришлось хуже, и, я думаю, этому можно только порадоваться. Дѣло, въ сущности, въ томъ, что Генри потерялъ интересъ къ своей профессіи; онъ ее не уважаетъ, его мучаетъ совѣсть, и онъ хочетъ раздѣлаться съ нею. Я имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ передъ его отъѣздомъ въ деревню и не могъ не пожалѣть его. Не думаю, чтобы женѣ и дочери удалось заманить его опять въ Нью-Іоркъ. Онъ сознаетъ, что съ его стороны эгоистично обрекать ихъ на скуку деревенской жизни и что такъ же эгоистично предоставлять молодому Брандрету нести одному тяжесть дѣла. Но что же вы хотите въ такомъ мірѣ, гдѣ человѣкъ не можетъ избавиться отъ одного грѣха, не впадая въ другой?

И Кэйнъ, довольный своимъ парадоксомъ, позволилъ Рэю наполнить свой стаканъ во второй разъ. Но вдругъ лицо его омрачилось, и Рэй угадалъ причину его неудовольствія.

— Вы выразили вашу мысль не такъ, какъ бы вамъ хотѣлось?—спросилъ онъ.

— Да. Это слишкомъ расплывчато. Скажемъ лучше, что при существующихъ обстоятельствахъ ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣлать добро, не дѣлая въ то же время зла...

— Да, это будетъ опредѣленнѣе,—сказалъ Рэй.—Но развѣ вообще извѣстно, что они находятся въ затруднительномъ положеніи?

Кэйнъ, не отвѣчая на его вопросъ, продолжалъ:

— Я думаю, что Генри не правъ въ своемъ желаніи освободиться отъ узъ, связывающихъ всѣхъ насъ въ этой юдоли. Вотъ Давидъ въ этомъ отношеніи послѣдователенъ. Мы должны стоять или падать вмѣстѣ на той дорогѣ, до которой дошли, и не можемъ отдѣлаться отъ міра иначе, какъ оставаясь въ немъ.

Помолчавъ немного, онъ отвѣтилъ на вопросъ Рэя:

— Нѣтъ, никто не знаетъ, что они въ затруднительномъ положеніи, да и я этого не говорю. У нихъ только дѣла немножко запутались, а Генри предоставилъ ихъ одному Брандрету. Впрочемъ, Брандретъ на это не жалуется. Это даетъ ему свободу дѣйствій даже и въ томъ случаѣ, когда приходится хвататься за соломинку.

— За такую соломинку, какъ напримѣръ «Современный Ромео»? — спросилъ Рэй. — Я чувствую нѣкоторыя угрызенія совѣсти: хорошо ли, что я допускаю мистера Брандрета ри-

Digitized by Google

сковать своими деньгами изъ за моей книги, когда такъ много шансовъ за то, что онъ ихъ потеряетъ?

— Будемъ надѣяться, что онъ, въ концѣ концовъ, не рискнетъ,—сказалъ Кэйнъ и улыбнулся, подмѣтивъ мимолетный протестъ въ глазахъ Рэя.—Но если онъ рискнетъ, то предоставимъ конецъ на волю Божію. Прежде люди чаще, чѣмъ теперь, предоставляли конецъ на волю Божію. Мнѣ помнится, что и я дѣлалъ это когда-то. Такъ было легче, и, мнѣ кажется, я опять вернусь къ этому. Въ нашихъ отношеніяхъ къ божественному началу есть нѣчто весьма любопытное—Богъ тамъ, гдѣ мы предполагаемъ, что онъ есть, и онъ, по нашему желанію, становится нашимъ провидѣніемъ. Люди обыкновенно видѣли его руку въ томъ, что было благопріятно для нихъ и что вредно другимъ. Теперь имъ должно быть стыдно думать такъ. Но мы можемъ возвратиться къ вѣрѣ при болѣе широкомъ взглядѣ на вещи и находить Бога также и въ томъ, что неблагопріятно для насъ—находить его не только въ счастіи, но и въ несчастіи. Можетъ быть, случайность есть ни что иное, какъ самый широкій изъ всѣхъ законовъ, простирающійся далеко за предѣлы тѣхъ мелкихъ законовъ, которые намъ доступны и по которымъ огонь всегда горитъ, а вода всегда находитъ свой уровень.

— Этотъ вашъ афоризмъ лучше перваго,—насмѣшливо замѣтилъ Рэй. — Выпейте-ка еще шампанскаго. А теперь поговоримъ о «Современномъ Ромео».

— Мы лучше выпьемъ за него,—тономъ уваженія сказалъ Кэйнъ.

XXXVII.

— Знаете,—сказалъ мистеръ Брандретъ Рэю, ожидавшему его на слѣдующее утро въ его маленькой комнатѣ.—Я всю ночь не закрывалъ глазъ.

Рэй и самъ не спалъ ни минуты и не могъ утерпѣть, чтобы не пойти къ Чапли, мучимый страхомъ и надеждой за свою книгу. Онъ надѣялся, что мистеръ Брандретъ прочелъ ее, и боялся, что не прочелъ. Онъ уже начиналъ терять мужество, но снова оживился при видѣ улыбающагося лица Брандрета.

— Это ваша книжка виновата. Я думалъ: просмотрю ее немножечко послѣ обѣда и прочитаю двѣ-три главы миссисъ Брандретъ; но я зачитался до одиннадцати часовъ, она легла спать, а я продолжалъ читать часовъ до трехъ. Потомъ цѣлыхъ полчаса кричалъ ребенокъ,—и моего сна какъ не бывало.

Рэй не зналъ, что сказать.

— Я горжусь тѣмъ, что вмѣстѣ съ мистеромъ Брандретомъ младшимъ нарушилъ покой его отца.

Digitized by Google

Издатель не обратилъ вниманія на эту попытку небрежной шутки.

— Я оставилъ рукопись для миссисъ Брандретъ,—сказалъ онъ...—Она даже вернула меня назадъ, когда я собрался уходить, и еще разъ спросила, оставилъ ли я рукопись... Если романъ понравится ей такъ же, какъ и мнѣ, до конца... Да, я увѣренъ, что ей понравится... Вы сами ей нравитесь, Рэй.

— Правда?—слабо переспросилъ онъ.

— Да, она и о васъ очень хорошаго мнѣнія и говоритъ, что къ вамъ въ ичвѣстномъ отношеніи были несправедливы и что вы великолѣпно держали себя во всей этой исторіи съ Дэнтономъ.

Рэй былъ въ нѣмомъ изумленіи отъ похвалъ миссисъ Брандретъ; онъ ихъ совсѣмъ не ожидалъ. Между тѣмъ мужъ ея съ улыбкой продолжалъ:

— Она тотчасъ же узнала, кто оригиналъ вашего героя.

Рэй покраснѣлъ, но не пытался опровергать предположеніе, что его герой—портретъ автора.

— Вотъ относительно героини,—продолжалъ мистеръ Брандретъ,—мы ничего не знаемъ. Но миссисъ Брандретъ ею не особенно интересуется.

И онъ принялся разсуждать о характерахъ дѣйствующихъ лицъ и перебирать съ авторомъ всѣ перипетіи романа. Авторъ конечно, пламенѣлъ отъ восторга, глядя на своихъ героевъ со стороны, въ лестномъ освѣщеніи чужой оцѣнки.

— Ну, такъ вотъ,—сказалъ, наконецъ, мистеръ Брандретъ, когда Рэй нашелъ въ себѣ силу подняться подъ бременемъ всѣхъ этихъ похвалъ,—вы скоро услышите обо мнѣ, очень, очень скоро. Я-то съ своей стороны совсѣмъ рѣшилъ относительно романа... развѣ только онъ уже слишкомъ не понравится миссисъ Брандретъ... Странныя существа эти женщины, онѣ никогда не могутъ отрѣшиться отъ своихъ личныхъ взглядовъ... Мнѣ кажется, что моя жена оттого не любитъ вашу героиню, что смѣшиваетъ ее въ своемъ умѣ съ той дѣвушкой которая отняла у нея тогда роль Джульетты въ домашнемъ спектаклѣ. Я же говорю, что мы не только оба—Перси, но и оба Ромео. Ваша героиня кажется ей немного слабой, но вы, разумѣется, съ намѣреніемъ сдѣлали ее такой...

Рэй, конечно и не подозрѣвалъ въ себѣ такихъ намѣреній, но отвѣтилъ, что предположеніе миссисъ Брандретъ справедливо, даже сдѣлалъ видъ, что находитъ шутку о двухъ Ромео великолѣпной. Но тотчасъ ле получилъ за свою угодливость должное возмездіе.

— О!—сказалъ мистеръ Брандретъ,—я долженъ разсказать вамъ странную вещь Какъ разъ въ ту минуту какъ я дошелъ до того мѣста, гдѣ онъ застрѣливается, знаете, а она пробуж-

Digitized by Google

дается отъ гипнотическаго транса, нашъ мальчикъ страшно закричалъ, а миссисъ Брандретъ проснулась, воображая, что домъ горитъ. Я думаю, что ребенокъ видѣлъ дурной сонъ,— странно, право, какіе сны видятъ иногда маленькія дѣти! Но неправда ли, какъ удивительно, что это случилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я находился въ возбужденномъ состояніи? Это нѣчто вродѣ телепатіи? Правда, что ребенокъ всегда у меня на умѣ. Кстати, если романъ пойдетъ, вы должны попробовать написать телепатическую исторію. Этого еще никто не дѣлалъ.

— Великолѣпно!—воскликнулъ Рэй.—Я такъ и сдѣлаю.

Они разстались, и Рэй пошелъ работать въ редакцію «Каждаго Вечера». Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе вдвое больше противъ того, какое требовалось для работы въ состояніи мрачнаго и глубокаго отчаянія. Надежда прыгала у него передъ глазами, и пульсъ лихорадочнаго бился. Онъ старался внушить себѣ, что мистеръ Брандретъ не давалъ ему еще формальнаго обѣщанія. Онъ говорилъ себѣ также, что, если ребенокъ въ этотъ день будетъ очень безпокоенъ и испортитъ настроеніе миссисъ Брандретъ, то возможно, что издатель найдетъ весьма основательныя причины, чтобы отвергнуть его романъ. Онъ усиленно заставлялъ себя смотрѣть на дѣло именно съ этой точки зрѣнія: только этимъ онъ могъ привести свои нервы въ болѣе спокойное состояніе. Кромѣ того, у него была смутная мысль, что только при помощи этого усилія воли онъ какъ бы умилостивлялъ судьбу и содѣйствовалъ обратному исходу дѣла.

Нельзя утверждать съ достовѣрностію, что это усиліе имѣло дѣйствительное вліяніе, — однако, въ тотъ же вечеръ мистеръ Брандретъ пришелъ въ отель и сказалъ Рэю, что рѣшился издать его книгу.

— Мы говорили объ этомъ за обѣдомъ, а жена тотчасъ же послала меня сказать это вамъ. Она говоритъ, что вы и такъ уже достаточно измучены ожиданіемъ и она не желаетъ заставить васъ прождать еще цѣлую ночь. Это первая книга, за которую мы съ ней принимаемся, и мнѣ кажется, ее особенно интересуетъ это новое предпріятіе. Да, кстати, мы узнали, отчего ребенокъ кричалъ тогда. У него разстегнулась булавка и колола его сквозь простыню. На этихъ нянекъ никогда нельзя положиться. Но всетаки мнѣ кажется, что мысль о телепатическомъ романѣ недурна.

— Да, да, это правда,—сказалъ Рэй.

Теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что романъ принятъ, онъ почувствовалъ себя какъ бы отрезвленнымъ и не могъ открыто выражать свою радость, хотя и боялся, что этимъ разочаровываетъ мистера Брандрета. Онъ могъ только сказать:

Digitized by Google

— Чрезвычайно любезно со стороны миссисъ Брандретъ, что она подумала обо мнѣ.

— У нея ужъ такой характеръ,—сказалъ мистеръ Брандретъ и съ живостью продолжалъ:—Но перейдемъ теперь къ дѣлу. Какъ вы желаете печатать? Хотите заказать собственные стереотипы?

— Нѣтъ,—нерѣшительно отвѣчалъ Рэй,—я не въ состояніи взять этого на себя. Мнѣ одинъ разъ дѣлали такое предложеніе...

— Я такъ и думалъ, что вы не согласитесь, — прервалъ его мистеръ Брандретъ,—но я все-таки долженъ былъ спросить. Хорошо, доски мы сдѣлаемъ сами и заплатимъ вамъ десять процентовъ съ продажной цѣны книги. Это уже установившееся условіе съ авторами, и мнѣ кажется, что оно недурно.

При этомъ онъ какъ-то поперхнулся, словно что-то застряло у него въ горлѣ, и прибавилъ:

— До извѣстной степени... Такъ какъ мы принимаемъ на себя весь рискъ, то мнѣ кажется, мы должны имѣть...—видите ли: съ одной стороны, это чистая лотерея, а съ другой — вѣрный убытокъ. На публику разсчетъ еще проблематиченъ, а домовладѣлецъ, а приказчикъ, а бухгалтеръ, а типографъ и бумажный фабрикантъ уже тутъ. Мы несемъ всѣ расходы: аренда, жалованье клеркамъ, наборъ, печатанье, брошюровка, объявленія... авторъ не рискуетъ ничѣмъ...

Рэю пришло въ голову, что авторъ рискуетъ своимъ трудомъ, но вѣдь публика цѣнитъ время художника наравнѣ съ временемъ курицы, высиживающей цыплятъ, и художникъ безсознательно принимаетъ эту оцѣнку. Рэй подумалъ, что теперь не время высказывать это соображеніе, да если бы онъ и высказалъ его, то это ни къ чему бы не послужило. Ему страстно хотѣлось покончить съ Брандретомъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, и послѣ того, какъ они пришли къ соглашенію, онъ даже испугался, что выговорилъ себѣ все еще слишкомъ много.

Когда все было кончено, онъ вдругъ сдѣлался совершенно равнодушенъ. Онъ такъ долго и такъ упорно мечталъ объ этомъ, что вѣроятно истощилъ въ себѣ даже возможность волноваться по этому поводу. Во всякомъ случаѣ, онъ замѣтно охладѣлъ къ этому вопросу. Онъ написалъ объ этомъ отцу и Сандерсону. Послѣдній, по всей вѣроятности, напишетъ о немъ замѣтку и, если только братья Гэнксъ не вычеркнутъ ее, то вѣсть эта наэлектризуетъ весь Мидлэндъ. Рэй представилъ себѣ даже форму и содержаніе замѣтки, но и это не волновало его.

— Что со мной случилось?—спросилъ онъ у Кэйна, которому поспѣшилъ сообщить новость.—Я долженъ бы быть въ восторгѣ, а между тѣмъ я не чувствую ничего подобнаго.

Digitized by Google

— Ага, это очень интересно, но вы еще безъ сомнѣнія дойдете до этого. У меня былъ пріятель, который предложилъ руку и сердце предмету своей любви и получилъ согласіе. Первое время онъ чувствовалъ какую-то апатію, смѣшанную,— насколько я могъ судить, со страхомъ. Онъ началъ приходить въ восторгъ лишь нѣкоторое время спустя и потомъ уже жилъ въ полной увѣренности, что онъ самый счастливый человѣкъ въ мірѣ. Но мнѣ кажется, что по отношенію къ важнѣйшимъ событіямъ въ жизни мы бываемъ жертвами условныхъ мнѣній. Намъ сказали, что мы должны чувствовать то-то и то-то относительно такихъ-то и такихъ-то предметовъ: относительно успѣховъ въ любви или въ литературѣ; относительно рожденія нашего первенца, относительно смерти. Но по всей вѣроятности никто въ этихъ случаяхъ не испытываетъ ожидаемыхъ ощущеній. Онъ находитъ эти случаи совершенно такими же, какъ и всѣ другіе въ жизни; имъ только придается большее или меньшее значеніе, но существенной разницы между ними нѣтъ. Можетъ быть, когда мы будемъ умирать, то мы найдемъ, что это такъ же просто и натурально, какъ... какъ...

— Какъ добиться того, чтобъ издатель принялъ вашу книгу,— подсказалъ Рэй.

— Совершенно вѣрно!—воскликнулъ Кэйнъ и засмѣялся своимъ низкимъ мягкимъ хохотомъ.

— Ну, хорошо, вы можете не продолжать, я достаточно уяснилъ себѣ это.

Рэй всталъ, а Кэйнъ спросилъ его, почему онъ такъ торопится и куда идетъ.

— Я пойду сказать Хюзамъ.

— А! такъ я не предлагаю себя въ спутники,—сказалъ Кэйнъ.—Я одобряю ваше постоянство, но у меня на этотъ счетъ свои взгляды. Я думаю, Давиду лучше остаться тамъ, гдѣ онъ былъ; я не говорю, что онъ наказанъ за то, что пришелъ реформировать міръ, но я могъ заранѣе сказать ему, что онъ будетъ побѣжденъ. Онъ мыслитель и мечтатель и въ общинѣ былъ какъ разъ на мѣстѣ. Тамъ онъ могъ ставить міръ, какъ ему было угодно, и освѣщать его съ какой угодно стороны. Здѣсь же онъ видитъ одни исключенія изъ своихъ правилъ и, когда я бываю съ нимъ, то не могу удержаться отъ искушенія указывать ему эти исключенія, хотя и знаю, что это его огорчаетъ. Это ужъ такъ всегда у меня выходитъ, а потому и считаю болѣе гуманнымъ воздерживаться отъ посѣщеній. Да и сдѣлаю я это, правду сказать, очень охотно, такъ какъ терпѣть не могу бывать съ больными. Конечно, я буду ходить къ нему такъ часто, какъ того требуетъ приличіе. А приличіе, — заключилъ Кэйнъ тономъ, которымъ

Digitized by Google

онъ высказывалъ свои афоризмы,—превышаетъ гуманность. Многіе реформаторы забываютъ это,—добавилъ онъ.

Дни стали теперь такъ длинны, что въ комнатѣ Хюза только что зажгли лампу, когда Рэй пришелъ къ нему въ началѣ восьмого часа. Сначала онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Піей въ общей комнатѣ, и она сказала ему, что отецъ провелъ день очень плохо и что она не знаетъ, спитъ онъ или нѣтъ.

— Такъ я уйду,—сказалъ Рэй.

— Нѣтъ, нѣтъ, если онъ не спитъ, онъ радъ будетъ васъ видѣть. Онъ вамъ всегда радъ. А теперь ему уже скоро и совсѣмъ не придется васъ видѣть.

— О Піа! неужели вы думаете?..

— Докторъ говоритъ, что надежды нѣтъ.

Голосъ ея при этомъ не дрогнулъ, и ея твердость сообщилась Рэю, сознававшему, что въ эту минуту онъ такъ близокъ къ человѣку, который самъ такъ близокъ къ смерти.

— А онъ... вашъ отецъ... знаетъ?

— Не могу вамъ сказать. Онъ всегда такъ полонъ надежды... Дженни тоже и слышать не хочетъ о томъ, чтобы перестать надѣяться. Она больше меня бываетъ около него и говоритъ, что у него еще очень много силы. Онъ все еще можетъ понемногу работать надъ своей книгой. Каждая часть ея такъ ясна у него въ головѣ, что онъ можетъ высказать все, что предстоитъ сдѣлать, когда у него хватаетъ силы говорить. Хуже всего, когда у него не хватаетъ голоса... тогда онъ теряетъ терпѣніе. Это и было причиной кровохарканія сегодня.

— Піа! мнѣ стыдно сказать, зачѣмъ я приходилъ сегодня.— Я надѣялся, что ему будетъ интересно узнать...

— О вашей книгѣ?.. О да! Мистеръ Брандретъ сказалъ мнѣ объ этомъ. Я подумала, что вы сами захотите сказать ему.

— Благодарю васъ,—сказалъ Рэй.

Съ минуту онъ молчалъ. Она стояла противъ слабо освѣщеннаго окна, выдѣляясь на немъ темнымъ силуэтомъ, и онъ чувствовалъ себя такъ странно, какъ будто они были два духа, чуждые міру и всѣмъ его интересамъ. Онъ мысленно старался запечатлѣть это ощущеніе, чтобы когда нибудь имъ воспользоваться. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Я думалъ тоже, что мнѣ будетъ пріятно сообщить это ему. Но, впрочемъ, я въ этомъ не совсѣмъ увѣренъ. Я не такой, какъ вы, Піа, и должно быть я наказанъ за свой эгоизмъ въ самый моментъ тріумфа. Это вовсе не похоже на тріумфъ... это просто... ничто. Я такъ долго ждалъ этого, такъ долго на это разсчитывалъ, я думалъ, что буду чувствовать словно весь

Digitized by Google

міръ въ моей рукѣ. А между тѣмъ, я сжимаю руку, и въ ней ничего нѣтъ.

Онъ сознавалъ, что ищетъ ея сочувствія, и ожидалъ, что она отвѣтитъ именно такъ, какъ она ему отвѣтила:

— Это потому, что вы теперь не вполнѣ еще сознаете. Вотъ, когда вы придете къ полному сознанію факта, тогда онъ покажется вамъ крупнымъ событіемъ, какимъ и есть на самомъ дѣлѣ.

— А вы думаете, что это крупное событіе?

— Да, насколько имъ можетъ быть всякій успѣхъ.

— Вы думаете, что книга будетъ имѣть успѣхъ?

— Мистеръ Брандретъ думаетъ, что да. Онъ очень надѣется на успѣхъ.

— Иногда мнѣ хочется, чтобы мой романъ провалился. Я не считаю его достойнымъ успѣха. Мнѣ совѣстно за нѣкоторыя мѣста. Имѣю ли я право навязывать его публикѣ, если самъ не вполнѣ уважаю его? Вы бы этого не сдѣлали, если бы это было ваше сочиненіе!

Ему хотѣлось, чтобы она опровергла его слова, что романъ мѣстами не хорошъ; она сказала только:

— Я думаю, наша работа всегда кажется намъ такою, пока не кончена. Но приходитъ время, когда мы должны представлять ее на судъ другимъ; вѣдь она предназначена для нихъ, а не для насъ... почему же имъ не судить ее?

— Да, это правда! Какъ вы великодушны! Какъ можете вы говорить со мной о моей книгѣ... Но я думаю,—если уже я могу выносить этотъ разговоръ, то вы можете тѣмъ болѣе...

— Я пойду, — сказала Піа, не обращая вниманія на скрытое значеніе его словъ, — надо посмотрѣть, не проснулся ли отецъ.

Черезъ минуту она вернулась и тихо сказала:

— Войдите.

— Отецъ, мистеръ Рэй пришелъ,—сказала миссисъ Дэнтонъ.

Ей пришлось возвысить голосъ, чтобы больной услышалъ ее, такъ какъ окно было открыто, и отчаянный грохотъ улицы наполнялъ комнату. Хювъ лежалъ на постели, вытянувшись во всю длину своего исхудавшаго тѣла, словно онъ былъ уже мертвый.

Онъ встрепенулся немного, услышавъ голосъ дочери; затѣмъ, увидѣвъ Рэя, сдѣлалъ знакъ закрыть окно. Уличные запахи и горячій паръ поѣздовъ перестали проникать въ комнату; но тяжелый запахъ безполезныхъ лѣкарствъ наполнилъ воздухъ. При свѣтѣ лампы, загороженной отъ глазъ Хюза, Рэй увидѣлъ красныя пятна на его простынѣ и подушкахъ. Больной уже не могъ говорить; онъ только писалъ карандашомъ на отрывной книжкѣ, лежавшей на столикѣ передъ его кроватью.

Digitized by Google

Когда Піа сказала ему: «Отецъ, мистеръ Рэй пришелъ сказать вамъ, что книгу его будутъ печатать Чапли и Компан.»,—то лицо больного прояснилось.

Онъ махнулъ рукой въ сторону столика; миссисъ Дэнтонъ подала ему отрывную книжку съ карандашомъ и стала держать передъ нимъ лампу. Рэй взялъ книжку и прочиталъ то, что Хюзъ написалъ на ней слабой рукой:

— Хорошо. Вы должны уговорить ихъ взять мою «Критику мірозданія».

Больной улыбнулся, когда Рей перевелъ глаза отъ бумаги на него.

– Что это такое?—спросила черезъ минуту миссисъ Дэнтонъ. — Секретъ? Что это, отецъ? — продолжала она съ той веселостью, которая, очевидно, нравилась ему, такъ какъ онъ снова улыбнулся и какой-то внутренній свѣтъ блеснулъ въ его стеклянныхъ глазахъ.

— Скажите, мистеръ Рэй.

Хюзъ, все еще улыбаясь, покачалъ головой, а Рэй положилъ бумажку въ карманъ. Затѣмъ онъ взялъ длинную руку старика, неподвижно лежавшую на постели.

— Я постараюсь, мистеръ Хюзъ, я сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ.

XXXVIII.

Въ умѣ Рэя внезапно возникъ планъ, который онъ рѣшился тотчасъ же привести въ исполненіе. Онъ старался представить его себѣ чѣмъ-то героическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невыполнимымъ, но все-таки онъ чувствовалъ, что планъ этотъ тяготитъ его. И онъ принудилъ себя приступить къ его выполненію, частью съ энтузіазмомъ самопожертвованія, частью же съ неудовольствіемъ. Какъ ни дурно было осуждать просьбу умирающаго, онъ не могъ удержаться, чтобы не увидѣть въ ней отсутствіе такта и пониманія. Онъ не принималъ въ разсчетъ той надежды на улучшеніе міра, которую имѣлъ въ виду Хюзъ, прося его позаботиться объ его книгѣ; онъ смотрѣлъ на эту книгу лишь какъ на литературное произведеніе и судилъ о мотивахъ автора по своимъ собственнымъ, а эти послѣдніе,—онъ и самъ сознавалъ это,—были совершенно эгоистичны.

Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же отправился къ Брандрету и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Теперь я скажу вамъ нѣчто такое, — поспѣшно прибавилъ онъ,—что, можетъ быть, покажется вамъ смѣшнымъ, но я говорю это совершенно серьезно. Я читалъ книгу мистера

Digitized by Google

Хюза, всю отъ начала до конца. Она очень хорошо написана, въ этомъ я могу васъ увѣрить. Относительно изложенныхъ въ ней принциповъ, не могу вамъ сказать ничего, но она чрезвычайно оригинальна, и авторъ становится на совершенно новую точку зрѣнія. Поэтому я думаю, что она должна имѣть большой успѣхъ.

Мистеръ Брандретъ слушалъ, видимо заинтересованный.

— Я не могъ бы сдѣлать этого теперь, такъ какъ рѣшилъ уже издать вашу книгу.

— Вотъ по этому-то поводу я и пришелъ къ вамъ. Не начинайте дѣла съ моей книгой, попытайте счастье съ его сочиненіемъ! Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что съ его книгой вы рискуете меньше. Я думаю, что у него шансовъ вдвое противъ моего.

— Ну что-жъ, можно будетъ посмотрѣть потомъ.

— Это будетъ слишкомъ поздно по отношенію къ Хюзу. Для него вопросъ долженъ рѣшиться теперь или никогда! Вы хотите выступить съ книгой, которая обратила бы всеобщее вниманіе на вашу фирму, а вмѣстѣ съ тѣмъ и получить выгоду. Я же думаю, что книга Хюза должна имѣть громадный успѣхъ. Заглавіе у нея интересное, а содержаніе захватывающее и новое. О ней поднимутся толки безъ конца.

— Теперь слишкомъ поздно,—сказалъ мистеръ Брандретъ.— Я не могъ бы печатать такую книгу, не давъ ее прочитать поочередно всѣмъ нашимъ редакторамъ, а вы сами знаете, что это значитъ. Кромѣ того, я уже принялъ мѣры, чтобы издать вашу книгу какъ можно скорѣе. Времени терять нельзя. Я разослалъ массу замѣтокъ, которыя вы увидите завтра утромъ во всѣхъ руководящихъ газетахъ. Я хочу, чтобы книга мистера Хюза была тщательно разсмотрѣна и, если окажется возможно,— примусь за нее... Я увѣренъ, что изданіе «Современнаго Ромео» будетъ выгодно... Названіе нравится мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и мнѣ кажется, что вы будете довольны тѣмъ, какъ я подготовилъ прессу. Я постарался избѣгнуть всякой вульгарной рекламы и тѣмъ не менѣе затронулъ, какъ мнѣ кажется, любопытство публики.

Онъ передалъ Рэю содержаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ замѣтокъ, и Рэй слушалъ его съ тѣмъ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и стыда, которое испытываетъ каждый художникъ, когда передъ нимъ раскрывается чисто коммерческая сторона его труда.

— Я довольно долго задержалъ сегодня миссъ Хюзъ, чтобы привести въ надлежащій видъ всѣ эти замѣтки и тотчасъ же разослать ихъ по редакціямъ. Я даю ей только главныя указанія, а ужъ она прекрасно умѣетъ составить все это.

Рэй разстался съ издателемъ съ облегченнымъ сердцемъ

Digitized by Google

и съ чувствомъ благоговѣнія къ божественной благости; онъ принялъ на себя трудную обязанность и выполнилъ ее съ непоколебимымъ мужествомъ. Онъ сдержалъ свое слово Хюзу; онъ предлагалъ даже пожертвовать своей славой и своимъ счастьемъ. Жертва его не принята, и если онъ не могъ удержаться по этому поводу отъ радостнаго чувства,—кто можетъ осудить его? Онъ заслуживалъ похвалы и вознаграждалъ себя полнымъ признаніемъ своей добродѣтели. Онъ представилъ себѣ, какъ Піа, узнавъ объ его великодушіи, выразитъ ему свою признательность въ немногихъ, но краснорѣчивыхъ словахъ. Онъ надѣялся даже, что поступокъ, столь лестный для его характеристики, не ускользнетъ современемъ отъ вниманія его будущаго біографа. Онъ желалъ бы также, чтобы о его великодушной попыткѣ было сообщено Хюзу. Онъ представлялъ себѣ, какъ тронутый старикъ скажетъ, что поступокъ его молодого друга радуетъ его болѣе, нежели самое изданіе книги. Однако, не смотря на его восхищеніе самимъ собой, все время его мучилъ вопросъ о томъ, не думаетъ ли Піа, что онъ и самъ принимаетъ участіе въ этомъ рекламированіи его книги. Въ концѣ концовъ, это чувство всплыло на поверхность и завладѣло имъ окончательно. Оно не дало ему уснуть до самаго утра и отравило ему все удовольствіе, которое онъ испытывалъ по поводу благополучнаго исхода его самоотверженныхъ намѣреній. Наконецъ, ему удалось успокоиться на рѣшеніи — зайти въ контору издателя по дорогѣ въ редакцію «Каждаго Вечера», чтобы увѣрить молодую дѣвушку въ томъ, что онъ не принимаетъ никакого участія въ «подготовкѣ печати» и что онъ желалъ бы лучше ничего не знать объ этомъ.

Онъ пришелъ въ контору раньше мистера Брандрета и спросилъ миссъ Хюзъ. Клэркъ сообщилъ ему, что миссъ Хюзъ не будетъ; она прислала сказать, что отецъ ея очень боленъ и она не можетъ придти въ этотъ день.

— Кажется, что онъ очень плохъ,—замѣтилъ клэркъ.

— Я боюсь, что да,—отвѣчалъ Рэй.

Онъ попросилъ клэрка позвать посыльнаго и отправилъ съ нимъ записку въ свою редакцію. Послѣ этого онъ пошелъ къ Хюзамъ.

— Вы получили нашу записку? — прежде всего спросила Піа.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Рэй,—какую записку?

— Которую мы послали вамъ въ редакцію. Онъ все спрашиваетъ васъ сегодня съ тѣхъ поръ, какъ проснулся утромъ. Я знала, что вы придете.

— Конечно. Я пошелъ къ Чапли, чтобы справиться о немъ, и, когда узналъ, что ему хуже, пришелъ, разумѣется, сюда. Онъ очень плохъ?

Digitized by Google

— Да, онъ не будетъ жить... Докторъ сказалъ, что ничего больше нельзя уже сдѣлать. Онъ хочетъ видѣть васъ. Хотите, пойти къ нему?

— Піа! — нерѣшительно началъ Рэй, — скажите мнѣ: это насчетъ его книги?

— Да, что-то вродѣ этого. Онъ хочетъ говорить съ вами.

— О, Піа! Я сдѣлалъ все, что могъ. Я тотчасъ же отправился къ мистеру Брандрету и уговаривалъ его взять книгу; но я ничего не могъ сдѣлать. Что я скажу вашему отцу?

— Вы должны сказать правду,—печально отвѣчала молодая дѣвушка.

— Это мистеръ Рэй? — окликнула миссисъ Дэнтонъ изъ комнаты больного.—Войдите, мистеръ Рэй, отецъ васъ зоветъ.

— Сію минуту. Войдите сюда, миссисъ Дэнтонъ,—позвалъ въ свою очередь Рэй.

Она вышла, и Рэй повторилъ ей то, что сказалъ Піѣ. Она не сразу поняла все значеніе этого факта, но затѣмъ, сообразивъ и съ обычной своей экспансивностью выругавъ Брандрета за безсердечность, она съ какимъ-то отчаяніемъ сказала:

— Всэ равно, вы должны пойти къ нему теперь. Можетъ быть это и не насчетъ книги, а о чемъ нибудь другомъ... только онъ хочетъ васъ видѣть.

Ей пришлось будить отца. Онъ всталъ въ забытьи, словно мертвый. Когда она дала ему понять, кто пришелъ, онъ улыбнулся и умоляющими глазами посмотрѣлъ на Рея.

— Приложите ваше ухо къ его губамъ, — сказала миссъ Дэнтонъ,—онъ не можетъ больше писать, онъ хочетъ сказать вамъ что-то.

Рэй нагнулся и приложилъ ухо къ его подтянутымъ губамъ; но изъ нихъ съ усиліемъ вылетали только слабые безсвязные звуки, не смотря на стараніе умирающаго.

— Мнѣ очень жаль, но я не могу понять ни одного слова,— сказалъ Рэй.

Нѣмое отчаяніе выразилось въ глазахъ старика.

— Смотри на меня, отецъ,—сказала миссисъ Дэнтонъ,—ты хотѣлъ спросить о книгѣ?

Лицо его озарилось блѣдной улыбкой.

— Ты хотѣлъ спросить мистера Рэя, говорилъ ли онъ о ней съ мистеромъ Брандретомъ?

Улыбка появилась опять.

— Да, онъ говорилъ съ нимъ. Онъ ходилъ къ нему вчера вечеромъ и пришелъ сказать тебѣ...—Рэй вздрогнулъ и задержалъ дыханіе,—что мистеръ Брандретъ возьметъ твою книгу и сейчасъ же начнетъ печатать ее.

Невыразимая радость освѣтила все лицо Хюза, а Рэй глубоко вздохнулъ. Піа взглянула на сестру.

Digitized by Google

— Мнѣ все равно! — взволнованнымъ тономъ отвѣчала миссисъ Дэнтонъ, понижая голосъ.—У тебя свой свѣтъ въ глазахъ, а у меня свой!

XXXIX.

Рэй проводилъ Хюза до могилы, гдѣ уже лежали Дэнтонъ и его дѣти. Хотя и послѣ смерти старикъ не сталъ болѣе близокъ къ дочерямъ, чѣмъ былъ при жизни, но въ миссисъ Дэнтона проснулись при этомъ случаѣ запоздалыя чувства матери и супруги... Она не отказалась отъ первенствующей роли, которую играла въ семьѣ при жизни отца. Она рѣшила выѣхать изъ квартиры, какъ только окончится мѣсяцъ, и нашла маленькую квартирку въ три комнаты въ болѣе пріятной части города. Туда она и перебралась со своими скудными пожитками и своей кошкой.

Кэйнъ не былъ на похоронахъ, вслѣдствіе предубѣжденія, которое имѣлъ противъ подобныхъ церемоній. Давидъ Хюзъ, по его словамъ, первый одобрилъ бы его искренность въ этомъ отношеніи. Но онъ догадался, что въ этомъ случаѣ можно оказать другого рода помощь, и сдѣлалъ это щедро и деликатно. Онъ не допустилъ, чтобы мистеръ Брандретъ принялъ въ этомъ участіе, и настоялъ на томъ, что это было его исключительное право, какъ стараго друга Хюза. Теперь, когда Хюзъ умеръ, Кэйнъ сожалѣлъ объ его отсутствіи и сознался, что ему доставляетъ удовольствіе оплачивать похоронныя издержки друга.

Дочери Хюза приняли его помощь каждая по своему: миссисъ Дэнтонъ ввидѣ подарка, а Піа ввидѣ займа, который непремѣнно долженъ быть возвращенъ. Молодая дѣвушка вскорѣ возвратилась къ своей работѣ въ конторѣ и, когда Рэй зашелъ къ издателю, онъ увидѣлъ ее уже на обычномъ мѣстѣ за столомъ. Онъ не всегда заходилъ поговорить съ ней, потому что ощущалъ какую-то стыдливую боязнь узнать, что она все еще занята, по порученію Брандрета, составленіемъ рекламныхъ замѣтокъ по поводу «Современнаго Ромео». Онъ преувеличивалъ передъ самимъ собой старанія издателя въ этомъ направленіи и сначала стыдился этого искусственнаго возбужденія интереса публики къ новому роману. Затѣмъ онъ сталъ жадно искать этихъ замѣтокъ и даже обвинялъ про себя газеты, въ которыхъ онѣ не появлялись, въ зависти и въ личномъ недоброжелательствѣ. Ему было бы очень трудно объяснить,—откуда у нихъ взялась бы эта зависть; развѣ только потому, что эти литературныя замѣтки редактировались людьми, книги которыхъ были оставлены безъ вниманія или раскритикованы

Digitized by Google

«Каждымъ Вечеромъ». Но эта теорія не выдерживала строгой критики. Большинство же газетъ, наоборотъ, печатало замѣтки съ той готовностью, которую журнализмъ выказываетъ по отношенію къ литературѣ. Рэй находилъ эти инспирированныя заявленія всюду. Лишь изрѣдка они были слегка измѣнены, но въ большинствѣ случаевъ печатались совершенно въ той формѣ, которую давалъ имъ мистеръ Брандретъ. Какъ бы то ни было, они всегда доставляли Рэю безумную радость. Даже замѣтки торговыхъ газетъ, сухія и дѣловыя, казалось ему, звучали искренней похвалой; даже объявленія, помѣщавшіяся рядомъ съ замѣтками, производили на него впечатлѣніе благопріятнаго мнѣнія. Его жажда къ рекламѣ стала неутолима, и въ сердцѣ своемъ онъ обвинялъ мистера Брандрета въ слишкомъ большой сдержанности

Издатель торопился покончить съ книгой къ лѣтнему сезону и главнымъ образомъ предназначалъ ее для отправляющихся на дачи или уже живущихъ тамъ. Ему казалось, что до сихъ поръ еще слишкомъ мало пользовались лѣтнимъ сезономъ по отношенію къ легкой литературѣ, и ему хотѣлось попробовать, даже если бы это стоило ему нѣкоторыхъ жертвъ, воспользоваться для продажи книги новыми желѣзнодорожными обществами. Онъ предлагалъ имъ разорительныя для себя условія и уговаривалъ Рэя взять только пять процентовъ съ этой продажи, если только это можно будетъ устроить. Онъ торопилъ типографію, и авторъ получалъ огромные листы корректуры съ просьбой возвратить ихъ какъ можно скорѣе. То окончательное исправленіе сочиненія, которое онъ мечталъ сдѣлать въ печати, оказывалось невозможнымъ. Корректурные листы выходили изъ его рукъ съ такими ошибками, которыя горѣли въ его безпокойномъ умѣ, пока новый наборъ не изглаживалъ ихъ. Онъ взвѣшивалъ недостатки и достоинства и надѣялся, что достоинства отвлекутъ вниманіе читателя отъ недостатковъ. Онъ зналъ, что книга мѣстами очень слаба; онъ представлялъ себѣ, какъ на нее могутъ напасть съ этой стороны; онъ самъ нападалъ на нее съ безжалостной насмѣшкой, ставя себя на мѣсто различныхъ рецензентовъ и страдалъ отъ ударовъ, которые самъ наносилъ себѣ. Когда послѣдняя корректура вышла изъ его рукъ, послѣдняя связь его съ книгой оборвалась и разсыпалась, словно это была веревка, свитая изъ песка.

Одно время поднялся вопросъ о томъ, не напечатать ли книгу подъ какимъ нибудь псевдонимомъ, и Рэй подвергъ этотъ вопросъ сужденію редактора «Каждаго Вечера», такъ какъ это отчасти касалось его. Необходимо было рѣшить, можетъ ли критикъ выступить, какъ авторъ, и не повліяетъ ли возможный провалъ книги на критическій отдѣлъ газеты. Редакторъ объ-

Digitized by Google

явилъ, что для него это не имѣетъ никакого значенія, и самое худшее, что можетъ случиться, это — что Рэй станетъ на одну доску съ другими рецензентами, которые также потерпѣли фіаско, какъ авторы книгъ. По отношенію къ издателю дѣло было не такъ просто, и онъ много разсуждалъ о томъ, не слѣдуетъ ли книгу, какъ чисто-дѣловое предпріятіе, выпустить въ публику анонимно. Они были согласны относительно того, что имя автора П. Б. Ш. Рэй на обложкѣ представляетъ слишкомъ большое число начальныхъ буквъ и читателю будетъ не легко произносить ихъ, говоря объ авторѣ. Съ другой стороны, просто Шелли Рэй походило на сантиментальный псевдонимъ. Они рѣшили, что лучше всего—анонимъ.

— Но тогда страдаютъ ваши денежные интересы, — если книга пойдетъ хорошо,—разсуждалъ мистеръ Брандретъ.—Вы имѣете право воспользоваться извѣстностью, которую вамъ даетъ книга, такъ что, если вы напишете другую...

— О, этого бояться нечего!—воскликнулъ Рэй, сидѣвшій, съ головой, опущенной на руки. Вдругъ онъ поднялъ ее и сказалъ:

— Какъ вы думаете насчетъ спартанскаго лаконизма?

— Ш. Рэй—пожалуй, будетъ хорошо,—задумчиво отвѣчалъ мистеръ Брандретъ,—вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я спросилъ миссисъ Брандретъ, какъ ей это понравится?

— Разумѣется, ничего. Я буду очень радъ. Подпись коротка, непретенціозна и, кромѣ того, ни къ чему не обязываетъ. Я думаю, такъ будетъ хорошо.

Миссисъ Брандретъ была того же мнѣнія, и имя автора появилось на обложкѣ въ этой формѣ. Но и въ этомъ видѣ имя не избѣгло пересудовъ. Одинъ рецензентъ посвятилъ свою статью обсужденію значенія начальной буквы имени автора; другой видѣлъ въ немъ маску. Въ общемъ же простота и краткость имени возбудили любопытство и, по всей вѣроятности, способствовали до извѣстной степени успѣху книги.

Она не возбудила толковъ тотчасъ по выходѣ. Въ сущности, романъ былъ принятъ публикой и печатью такъ равнодушно, что авторъ сильно усомнился въ шансахъ успѣха, не смотря на тщательную «подготовку» умовъ читателей и рецензентовъ со стороны издателя. Правда, изъ темныхъ уголковъ газетнаго міра тотчасъ же получилось нѣсколько болѣе или менѣе благопріятныхъ отзывовъ о достоинствахъ романа, и эти отзывы были разосланы при каждомъ экземплярѣ изданія; однако, вліятельныя газеты сохраняли убійственное молчаніе относительно «Современнаго Ромэо». Въ мидлэндскомъ «Эхо» появилась большая хвалебная статья, въ которой Рэй узналъ выраженіе дружбы Сандерсона; но какъ онъ ни жаждалъ похвалъ, онъ не могъ всетаки принимать въ разсчетъ

Digitized by Google

эту статью. Къ тому же за статьей тотчасъ же слѣдовали весьма неблагопріятныя замѣтки, въ которыхъ онъ увидѣлъ желаніе братьевъ Гэнксъ вознаградить себя за то, что они такъ великодушно позволили Сандерсону напечатать свою статью. Онъ получилъ нѣсколько хвалебныхъ писемъ отъ лицъ, которымъ послалъ книгу; онъ читалъ ихъ съ жадностью, но всетаки не могъ убѣдить себя въ томъ, что эти отзывы заключали въ себѣ безпристрастное сужденіе. Онъ не могъ радоваться даже и письму молодой дѣвушки, которая узнала его самого въ героѣ романа. Она поздравляла его съ успѣхомъ, въ которомъ она какъ будто ни мало не сомнѣвалась. Одна изъ его сестеръ написала ему, по порученію отца и матери, что они всѣ вмѣстѣ читали романъ вслухъ и что отцу онъ нравится такъ же, какъ и всѣмъ имъ. Теперь они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, что скажутъ газеты; читалъ ли онъ длинную статью въ «Эхо» и не нашелъ ли онъ ее слишкомъ холодной и сдержанной для органа, съ которымъ онъ находился въ близкомъ соприкосновеніи? Онъ не могъ опредѣлить, что ему было непріятно: это проявленіе семейной гордости, или анонимное письмо, которое онъ получилъ изъ родной деревни и въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ перо мѣстнаго аптекаря.

Авторъ письма, который также торговалъ книгами и считался весьма свободомыслящимъ человѣкомъ, осыпалъ романъ насмѣшками и бранью. Онъ обѣщалъ автору, что тѣ, которыхъ онъ вывелъ въ романѣ въ карикатурномъ видѣ, обольютъ его смолой и вываляютъ въ перьяхъ, если онъ когда нибудь вернется на родину. Затѣмъ Рэй рискнулъ преподнести экземпляръ той дамѣ, которая была его покровительницей въ свѣтскомъ обществѣ Нью-Іорка, и надѣялся на разумную похвалу съ ея стороны. Она спросила его, откуда онъ набралъ такую толпу чудаковъ, какихъ можно было встрѣтить развѣ только въ старинныя времена, когда приходилось останавливаться въ деревенской гостиницѣ. Она смѣялась надъ стараніями его героя, о героинѣ же сказала, что она вульгарна. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, и хотѣлъ представить ихъ такими, и она признавала, что онъ очертилъ ихъ очень искусно. При этомъ она созналась, что никогда не читаетъ американскихъ романовъ, да и вообще, кромѣ французскихъ, никакихъ не читаетъ и даже не знаетъ, къ какому жанру отнести его произведеніе. Она, смѣясь, говорила, что должна чувствовать себя глубоко тронутой честью быть знакомой съ такимъ талантливымъ писателемъ.

— Вы насъ всѣхъ, пожалуй, выставите въ вашемъ будущемъ романѣ!.. Но только, пожалуйста, ужъ представьте меня съ золотистыми волосами, еще не подернутыми серебромъ.

Digitized by Google

За неимѣніемъ другихъ выраженій сочувствія публики, Рэй жадно слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ окнахъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ. Аншлаги съ объявленіями о другихъ романахъ кидались въ глаза при самомъ входѣ, но названія «Современный Ромео» между ними не было. Онъ тщетно искалъ свою книгу между тѣми новостями, которыя служатъ приманкой публики и, наконецъ, съ трудомъ отыскивалъ ее на прилавкахъ, гдѣ-то въ третьемъ или четвертомъ ряду книгъ, въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ. Всѣ точно сговорились прятать его романъ отъ публики. Его не было также ни на столахъ большихъ отелей, ни на станціяхъ городской желѣзной дороги. Рэй обошелъ всѣ главные вокзалы и нигдѣ не нашелъ ни одного экземпляра.

Онъ осуждалъ мистера Брандрета за недостатокъ дѣловой энергіи. Онъ желалъ бы, чтобы издатель прибѣгнулъ къ той самой хвастливой рекламѣ, которая прежде заставила бы его содрогнуться отъ стыда. Мистеръ Брандретъ еще вначалѣ предпріятія предложилъ ему устроить по городу процессію такъ называемыхъ Sandwich men, которые ходили бы одинъ за другимъ, съ досками на спинахъ и слѣдующими надписями на доскахъ:

I.
Читатели-ли вы
II.
«Современнаго Ромео»?
III.
Всѣ читаютъ
VI.
«Современнаго Ромео».
V.
Почему?
VI.
Потому что
VII.
«Современный Ромео»
VIII.
Замѣчательный американскій романъ.

Тогда Рэй безусловно запретилъ подобную процессію; теперь же онъ готовъ бы былъ снять шляпу и стоять передъ ней съ непокрытой головой, если бы встрѣтилъ ее на Юніонъ-Скверѣ или на Двадцать третьей улицѣ.

Digitized by Google

XL.

Въ теченіе этого періода ожиданія Рэй не видѣлся со старикомъ Кэйномъ, такъ какъ не могъ бы вынести его замѣчаній. Онъ отлично зналъ, какого рода были волновавшія его чувства, и ему не хотѣлось, чтобы ихъ анализировали. Но онъ не могъ не послать Кэйну экземпляра и нѣкоторое время боялся заявленій его благодарности, а потомъ ему стало досадно, что онъ этого заявленія не получалъ. При частыхъ посѣщеніяхъ издателя ему стало казаться, что привѣтствія мистера Брандрета звучатъ холоднѣе, и онъ сталъ ходить рѣже. Онъ упорно занимался своей работой въ «Каждомъ Вечерѣ»; но здѣсь абсолютное молчаніе редактора относительно его книги было для него такъ же тяжело, какъ и воображаемая холодность мистера Брандрета. Онъ не могъ объяснить себѣ, что это—жалость или неудовольствіе, и не понималъ, въ чемъ это можетъ касаться его отношеній къ газетѣ. Хуже всего было то, что его несчастіе или отсроченный успѣхъ—начинали портить его характеръ. Вслѣдствіе состраданія къ самому себѣ онъ сталъ такъ мягко отзываться о совершенно ничтожныхъ книжкахъ, что не могъ ничего сказать въ свое оправданіе, когда редакторъ указалъ ему на громадную разницу его отзывовъ съ отзывами другихъ критиковъ. Иногда же, наоборотъ, когда онъ чувствовалъ себя глубоко уязвленнымъ жестокой судьбой, онъ критиковалъ лежащія передъ нимъ книги съ рѣзкостью, которая была такъ же несправедлива, какъ и его похвалы изъ жалости. Онъ чувствовалъ, что, если это состояніе продолжится, его фіаско, какъ романиста, повлечетъ за собой и его неуспѣхъ, какъ критика.

Не одна только холодность Брандрета удерживала его отъ посѣщеній; онъ чувствовалъ себя въ присутствіи издателя какъ бы отвѣтственнымъ и даже какъ будто виноватымъ, такъ какъ онъ былъ авторомъ книги, напечатанной вопреки совѣтамъ всѣхъ литературныхъ помощниковъ издателя. Правда, что онъ не просилъ мистера Брандрета печатать ее, но онъ отдалъ ее ему съ большой готовностью. Онъ сохранялъ нелѣпую вѣру въ свое произведеніе, и его упорство по всей вѣроятности подѣйствовало на убѣжденіе мистера Брандрета; онъ зналъ, кромѣ того, что въ принятіи его книги участвовало также и личное расположеніе къ нему издателя. Брандретъ, хотя и былъ весьма вѣжливъ,—не смотря на всѣ свои слабости, онъ былъ всетаки джентльменъ,—въ душѣ навѣрное проклиналъ его за неудачу. Эта мысль сдѣлалась невыносимой и однажды въ субботу, спустя три недѣли послѣ выхода книги, онъ пришелъ въ

Digitized by Google

контору Чапли, чтобы объясниться съ Брандретомъ. Работа для субботняго номера газеты была всегда чрезвычайно тяжелая, и нервы Рэя къ тому же напряжены какъ личной заботой, такъ и умственными занятіями этого утра. Онъ собирался идти къ издателю, чтобы смиренно сознать свою неудачу и объявить ему, что беретъ всю вину на себя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рисковалъ жестоко поссориться съ Брандретомъ, если тотъ приметъ его заявленіе не такъ, какъ слѣдуетъ.

Онъ прошелъ прямо въ комнату мистера Брандрета, твердый въ своемъ намѣреніи, и молча стоялъ съ нахмуреннымъ лицомъ, когда увидѣлъ здѣсь также Кэйна.

Можетъ быть, старикъ угадалъ опасное настроеніе Рэя; можетъ быть, ему было жаль его; можетъ быть, его дѣйствительно интересовала книга, о которой они говорили съ издателемъ... Какъ бы то ни было, онъ тотчасъ же заговорилъ съ Рэемъ безъ всякаго предварительнаго подшучиванія.

— Мы говорили объ успѣхахъ книги вообще: какъ книга начинаетъ идти, почему и когда?

— Это по поводу «Современнаго Ромео»?—рѣзко спросилъ Рэй.

— Пожалуй, по поводу «Современнаго Ромео».

Рэй взялъ стулъ, который мистеръ Брандретъ приказалъ клэрку принести изъ другой комнаты. Кэйнъ продолжалъ:

— Очень любопытно бываетъ прослѣдить иногда исторію нѣкоторыхъ книгъ, и я это дѣлаю иногда. Обыкновенно судьба книги опредѣляется сразу: она или идетъ съ самаго начала, или вовсе не идетъ. Это можно сказать почти о всѣхъ романахъ, которые печатались въ фельетонахъ; но что касается романа, который прямо выходитъ въ формѣ книги, шансы успѣха бываютъ болѣе капризны. Первый большой успѣхъ имѣла у насъ «Хижина дяди Тома», и въ успѣхѣ этомъ не было уже сомнѣнія прежде еще, нежели романъ былъ оконченъ въ «Національной Эрѣ». Но онъ имѣлъ громадные шансы, потому что затрогивалъ жизненный вопросъ, касающійся всей націи.

— Я, должно быть, явился слишкомъ поздно для жизненныхъ вопросовъ,—сказалъ Рэй.

— О нѣтъ! О нѣтъ!.. ихъ остался еще непочатый уголъ. Есть, напримѣръ, промышленное рабство, которое гораздо болѣе распространено по всему міру, нежели простое невольничество. Это рабство все еще ожидаетъ своего романиста.

— Или своей компаніи романистовъ, — мрачно замѣтилъ Рэй.

— И очень хорошо, и прекрасно! Дѣйствительно, можетъ быть только цѣлый синдикатъ и былъ бы въ силахъ справиться съ задачей такихъ громадныхъ размѣровъ.

— Это возстановило бы противъ писателей большую часть

Digitized by Google

публики, — сказалъ мистеръ Брандретъ. Видно было, однако, что онъ въ умѣ отмѣчаетъ про себя намѣреніе не упускать изъ виду рукописей, относящихся къ промышленному рабству.

— Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше!—воскликнулъ Кэйнъ.—«Робертъ Эльсмеръ» возстановилъ противъ себя болѣе половины своихъ читателей, благодаря постановкѣ религіознаго вопроса. Но я не то собственно имѣлъ въ виду. Я думалъ о томъ, какъ нѣкоторыя книги, имѣвшія чудовищный успѣхъ, вначалѣ совсѣмъ не шли.

— Ага! вотъ это интересуетъ меня, какъ автора книги, которая пока все еще не идетъ,—вздохнулъ Рэй.

Кэйнъ одобрительно улыбнулся на его попытку пошутить надъ своимъ горемъ и продолжалъ:

— Вы знаете, что романъ «Ворота настежъ», который продавался сотнями тысячъ, въ первыя три недѣли разошелся только въ тысячѣ пятистахъ экземпляровъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Рэй.—Ну, а «Современный Ромео» въ первыя три недѣли разошелся еще только въ количествѣ пятнадцати экземпляровъ.

Онъ засмѣялся, мистеръ Брандретъ тоже; но этотъ фактъ придалъ храбрости Рэю, и онъ замѣтилъ, что издатель такъ же ободрился.

— Не будемъ говорить о «Мистерѣ Барисъ изъ Нью-Іорка»...

— О нѣтъ, ради Бога!—закричалъ Рэй.

— Ну, въ извѣстномъ отношеніи вы были бы очень рады, если бы написали его, мой милый юноша,—сказалъ Кэйнъ.

— Вы читали его?

— Да, но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. «Маленькаго Лорда Фаунтельроя» я и въ глаза не видалъ. Но я хотѣлъ поговорить о книгѣ Бэллами «Черезъ 100 лѣтъ». Четыре мѣсяца послѣ того, какъ она вышла въ свѣтъ, не разошлось еще и первое скромное изданіе.

Кэйнъ всталъ.

— Я зашелъ именно для того, чтобы сообщить эти факты вашему издателю, на случай, если бы вы оба начали терять терпѣніе въ ожиданіи торжества, которое, дѣйствительно, нѣсколько какъ будто запоздало. Вы, конечно, оба уже это замѣтили. Этихъ маленькихъ непріятностей не скроешь.

— Такъ вы хотите сказать, что черезъ три-четыре мѣсяца «Современный Ромео» будетъ продаваться по пятисотъ экземпляровъ въ день? Я очень буду радъ за Брандрета, но самъ я успѣю умереть до этого времени.

— О нѣтъ! о нѣтъ! — мягко возразилъ Кэйнъ, взявъ руку Рэя своими руками.—Отъ литературнаго разочарованія, такъ же какъ и отъ разочарованія въ любви, не умираютъ. Это одинъ

Digitized by Google

изъ многихъ сантиментальныхъ предразсудковъ... Въ сущности же, мы отлично поправляемся почти отъ всѣхъ такихъ ударовъ и доживаемъ до идіотской старости. Помяните мое слово, милый юноша, вы переживете вашу книгу, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ.

Кэйнъ пожалъ руку Рэя и быстро удалился.

— Въ его словахъ, пожалуй, много правды,—весело началъ мистеръ Брандретъ.

— Относительно того, что я переживу мою книгу?—спросилъ Рэй. — Покорно благодарю—это, дѣйствительно, кажется совершенно вѣрно.

— Я говорю совсѣмъ не о томъ. Я думаю, что мѣсяца черезъ три, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ книга можетъ быть пойдетъ...

— Вы разсчитываете на счастливую случайность?

— Да, разсчитываю. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы подвинуть продажу книги, а теперь мы должны надѣяться на счастье. Въ книжной торговлѣ, какъ и во всякой другой, все зависитъ отъ счастья. Человѣкъ покупаетъ, надѣясь на удачу, которая поможетъ ему продать съ выгодой. Экономисты толкуютъ о какихъ-то законахъ въ торговомъ дѣлѣ...—такихъ законовъ нѣтъ. Кромѣ счастья, удачи — нѣтъ ничего другого, и никакая премудрость не можетъ предсказать или управлять ими. Осторожность—дѣло очень хорошее; но если будете всегда только осторожны, то умрете бѣднякомъ. «Смѣлѣе! смѣлѣе! только безъ крайностей!»—вотъ все, что можно сказать по этому поводу. Ну, а теперь я опять развеселился и по прежнему готовъ держать пари за «Современнаго Ромео».

Молодой издатель наклонился и, ласково потрепавъ Рэя по плечу, продолжалъ:

— Слушайте! Хотите держать пари, что романъ двинется черезъ двѣ недѣли? Я не требую, чтобы вы держали пари на деньги, но хотите рискнуть вашимъ авторскимъ правомъ на первую тысячу?

— Нѣтъ, я не хочу держать пари!—отвѣчалъ Рэй тономъ уныніи, который, впрочемъ, не вполнѣ соотвѣтствовалъ его тайному чувству; это можно, по крайней мѣрѣ, заключить изъ его отказа рискнуть частью будущаго авторскаго гонорара. Однако, онъ счелъ благоразумнымъ не поддаваться надеждамъ. Ему казалось, что отъ этого судьба можетъ, пожалуй, обратиться противъ него. Своимъ стоицизмомъ онъ, случалась, уже покорялъ ее себѣ, а главное—онъ не располагалъ другими средствами для побѣды...

Digitized by Google

XLI.

Послѣ одинокаго и молчаливаго обѣда Рэй отправился посѣтить миссисъ Дэнтонъ и Пію на ихъ новой квартирѣ. Квартира эта находилась въ Гринвичъ-Виллэджъ, въ небольшомъ домикѣ, верхній этажъ котораго уступилъ имъ машинистъ, который самъ занималъ нижній. Въ лицѣ его Рэю съ перваго раза мелькнуло что-то знакомое, потомъ онъ узналъ въ немъ одного изъ посѣтителей воскресныхъ сходокъ у Хюза. Онъ предположилъ, что Рэй былъ единомышленникомъ Хюза и что онъ связанъ общими интересами съ его дочерьми. Послѣднія же не могли быть въ лучшихъ и болѣе заботливыхъ рукахъ, чѣмъ руки добродушной жены машиниста, которая, очевидно, вполнѣ раздѣляла мнѣніе мужа касательно отношеній Рэя къ нимъ. Она всегда встрѣчала его, какъ своего человѣка, съ признаками все возраставшей сердечности. Въ этотъ вечеръ, отворяя ему входную дверь, она сказала:

— Ступайте наверхъ,—вы вѣрно найдете ихъ тамъ...

Рэй послушно поднялся по лѣстницѣ, но на полпути встрѣтилъ миссисъ Дэнтонъ, спускавшуюся съ кошкой на рукахъ.

— Вотъ и хорошо, — сказала она,—вы найдете Пію наверху, а я вернусь сію минуту.

У него мелькнуло подозрѣніе, что миссисъ Дэнтонъ поддерживала мнѣніе машиниста и его жены относительно безмолвнаго соглашенія между нимъ и Піей, и подумалъ, что она навѣрное будетъ теперь говорить объ этомъ съ ними. Онъ поднялся въ маленькую квартирку на самомъ верху и постучалъ въ широко отворенную дверь. Дѣвушка сидѣла у окна, и ея бюстъ и голова рѣзко выдѣлялись на прозрачномъ фонѣ яснаго весенняго вечера. Лицо ея было повернуто къ улицѣ. Она такъ и осталась, словно не слыхала его прихода. Одну секунду у него промелькнула даже мысль—уйти незамѣченнымъ. Но дѣвушка обернулась и поздоровалась съ нимъ.

Онъ вошелъ совсѣмъ въ комнату и сѣлъ противъ нея по другую сторону окна. Внизу былъ маленькій неправильный сквэръ, надъ верхушками деревьевъ рѣяли и щебетали ласточки. Уличный шумъ слегка заглушался листвой, это былъ какъ будто крошечный уголокъ лѣса посреди городского ада. Они заговорили о деревнѣ: какъ прелестно должно быть тамъ теперь.

— Да,—сказалъ онъ,—и я удивляюсь, какъ это мы можемъ разстаться съ деревней. Это первая весна, во время которой я не могу слѣдить за каждымъ шагомъ обновляющейся природы. Это большая потеря въ моей жизни. Иногда я называю себя безумцемъ за то, что остаюсь здѣсь. Вѣдь этого не вер-

Digitized by Google

нешь. Я могъ поѣхать домой и обогатиться впечатлѣніями еще одной лишней весны. О, зачѣмъ я не сдѣлалъ этого!

— Можетъ быть, вы не могли бы тамъ заниматься вашей работой,—замѣтила она.

— О, моя работа! Люди обыкновенно жертвуютъ всѣмъ, что есть лучшаго въ жизни—своей работѣ. Стоитъ ли еще она такихъ жертвъ! Къ тому же, если бы я не могъ работать тамъ для газеты, то могъ бы дѣлать что нибудь другое. Я могъ бы написать другой неудачный романъ.

— Развѣ вашъ романъ неудаченъ?—спросила она.

— А вы этого не знаете? Уже три недѣли какъ онъ вышелъ изъ печати, и до сихъ поръ еще никто, повидимому, не обратилъ на него вниманія. Теперь это мое горе,—когда нибудь, можетъ быть, это будетъ мнѣ утѣшеніемъ. Я не жалуюсь. Мистеръ Брандретъ все еще сохраняетъ свою героическую вѣру въ романъ, и даже старикъ Кэйнъ старался воспарить на крыльяхъ благопріятныхъ предсказаній, когда мы видѣлись сегодня передъ обѣдомъ. Но у меня нѣтъ никакой надежды. Кажется, мнѣ было бы легче переносить это, если бы я самъ болѣе уважалъ мою книгу. Но потерпѣть неудачи съ плохой вещью—это очень горько.

Онъ остановился, чувствуя, что этими словами какъ бы выпрашиваетъ у нея ободренія и даже, если возможно—лести!

— Я снова прочитала книгу съ начала до конца, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ печати,—сказала она.

— Правда?—съ трепетомъ спросилъ онъ.

— И я давала ее нашимъ хозяевамъ, они тоже читали. Они неглупые люди въ своемъ родѣ...

— Да?

— И они высказывали мнѣ свое мнѣніе, обсуждали характеры дѣйствующихъ лицъ. Имъ нравится книга, потому что, какъ они говорятъ, они могутъ представить себѣ, что чувствуетъ каждое изъ этихъ лицъ. Имъ нравится герой, и миссисъ Симпсонъ плакала надъ заключительной сценой. Она говоритъ, что вы прекрасно очертили характеръ героини. Мистеръ Симпсонъ спрашивалъ, неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ гипнотизмъ? Оба они говорятъ, что имъ казалось, будто они переживали эту исторію.

Рэй слушалъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и боли. Онъ отлично зналъ, что такіе люди, какъ Симпсоны, не могли судить о романѣ съ такимъ художественнымъ пониманіемъ, какъ та свѣтская старуха, которая сказала, что онъ вѣроятно нарочно представилъ характеры дѣйствующихъ лицъ такими смѣшными и ничтожными; поэтому его коробило отъ похвалы этихъ людей. Но затѣмъ онъ подумалъ, что они, можетъ быть, лучшіе судьи жизненной правды романа.

Digitized by Google

Если онъ написалъ книгу, которая находила отголосокъ въ чувствахъ и мысляхъ простой, необразованной, но глубоко чувствующей громадной массы американцевъ, представителями которой были Симпсоны, то его удача обезпечена. Онъ отбросилъ въ сторону вопросъ, который время отъ времени встаетъ передъ всякимъ художникомъ: что лучше,—нравиться тому меньшинству, которое презираетъ мнѣніе толпы, или же толпѣ, не обладающей развитымъ вкусомъ, но владѣющей за то непосредственнымъ чувствомъ,—этимъ пробнымъ камнемъ, опредѣляющимъ степень жизненнаго интереса въ каждомъ произведеніи, разсчитанномъ не на одно лишь праздное любопытство.... Рэй не сдѣлалъ еще своего выбора и задумчиво сказалъ:

— Если бы только мистеръ Брандретъ могъ найдти средство сдѣлать книгу доступной всѣмъ Симпсонамъ. Мнѣ кажется, что этого можно бы было достигнуть дешевымъ изданіемъ въ 25 центовъ. Я желалъ бы, чтобы вы передали мнѣ все, что сказали Симпсоны о книгѣ, и, если можете припомнить, скажите мнѣ не только то, что имъ нравится, но и то, что имъ не нравится въ ней.—Піа засмѣялась.

— О, имъ не нравились всѣ дурные люди. Они думаютъ, что жестокій старый отецъ героини ужасенъ и что онъ по справедливости наказанъ смертью дочери. Но въ то же время имъ кажется, что вы должны бы были оживить ее во-время, чтобы схватить руку героя, когда онъ готовится застрѣлиться, и удержать его отъ смертельнаго удара. По ихъ мнѣнію, хорошо бы также спасти кузена или хоть заставить его передъ смертью сознаться, что онъ намѣревался сбросить героя съ обрыва, такъ что бы его убійство являлось какъ бы средствомъ самозащиты. Миссисъ Симпсонъ полагаетъ, что это могло бы вполнѣ удовлетворить присяжныхъ.

Рэй засмѣялся также.

— Да, сказалъ онъ, романъ былъ бы несравненно популярнѣе, если бы у него было счастливое окончаніе.

— А можетъ быть и нѣтъ, — замѣтила Піа,—развѣ главный вопросъ не состоитъ въ томъ, чтобы заставить людей толковать о книгѣ? Если бы все кончалось хорошо, они и на половину не говорили бы такъ много, какъ теперь.

— Можетъ быть,—покорно согласился Рэй.—Но, Піа, что же вы сами скажете о ней? Вы еще никогда не говорили мнѣ объ этомъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ до такой степени презираете ее?

— Я никогда не говорила, что презираю ее.

— Но вы и никогда не говорили противнаго, а въ вашихъ поступкахъ я видѣлъ осужденіе... Я знаю,—добавилъ молодой человѣкъ,—что я вызываю настроеніе и воспоминанія, которыя вамъ тяжелы. Для меня они еще тяжелѣе и, кромѣ того,

Digitized by Google

унизительны... Но мнѣ всетаки кажется, что вы обязаны это сдѣлать для меня.

— Я обязана вамъ гораздо большимъ,—сказала молодая дѣвушка.—Неужели вы думаете, что я могу когда нибудь забыть—чѣмъ вы были для насъ?

— О, не говорите объ этомъ! — воскликнулъ Рэй. — Я вовсе не объ этомъ думалъ. Вы можете не говорить теперь, что вы думаете о книгѣ. Но когда нибудь вы это скажете, да?

Онъ немного придвинулся къ ней. Свѣтъ въ окнѣ начиналъ угасать.

— Когда нибудь,—продолжалъ онъ,—когда нибудь... когда я попрошу васъ позволить мнѣ быть самымъ лучшимъ другомъ, какой у васъ можетъ быть на свѣтѣ... лучшимъ другомъ, какимъ я только могу быть для кого-нибудь?

Онъ остановился, какъ бы ожидая отъ нея отвѣта.

— Никто,—сказала она,—не могъ быть лучшимъ другомъ, чѣмъ вы были для насъ съ самаго начала. Мы такъ втянули васъ во всѣ наши заботы и печали!

— О, нѣтъ! Но я желалъ бы, чтобы это давало мнѣ право приходить къ вамъ и къ миссисъ Дэнтонъ совершенно такъ, какъ прежде.

— Почему же нѣтъ?—отвѣчала она.

XLII.

Рэй ушелъ, недовольный собой. Онъ дурно провелъ ночь, и ему казалось, что онъ только что начиналъ забываться, какъ стукъ въ дверь снова вернулъ его въ міръ тревогъ и заботъ. Онъ очнулся и спросилъ:—кто тамъ?

— Э! да вы еще не вставали?—послышался голосъ мистера Брандрета.—Можно мнѣ войдти?

— Разумѣется,—сказалъ Рэй и нагнулся впередъ, чтобы отодвинуть задвижку. Однимъ изъ преимуществъ его крошечной комнаты было то, что онъ могъ это дѣлать, не вставая съ постели.

Мистеръ Брандретъ казался окруженнымъ однимъ сплошнымъ сіяніемъ, исходившимъ изъ его шелковой шляпы, его воротничка, его сапогъ, его шарфа, его сіяющихъ глазъ и его чисто выбритаго привѣтливаго лица.

— Вы, конечно, не видали еще «Метрополь»?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что такое съ «Метрополемъ»?

Мистеръ Брандретъ въ безукоризненныхъ перчаткахъ и не выпуская изящной тросточки изъ рукъ, развернулъ листокъ

Digitized by Google

приложенія къ газетѣ и снова аккуратно сложилъ его такъ, чтобы сверху пришлись три первые столбца страницы. Затѣмъ онъ подалъ газету Рэю, деликатно отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно. Рэй взглянулъ на указанное мѣсто и увидѣлъ, что оно занято рецензіей о «Современномъ Ромео». Здѣсь были мѣста, набранныя крупнымъ шрифтомъ для вступленія, комментаріевъ и заключенія, а между ними болѣе мелкимъ и убористымъ шрифтомъ шли цитаты изъ романа, въ которыхъ Рэй увидѣлъ свои собственныя слова въ преображенномъ и какъ бы прославленномъ видѣ.

Рецензентъ съ самаго начала взялъ ноту, которая проходила по всей статьѣ; это былъ крикъ восторга и ликованія по поводу того, что онъ считалъ, очевидно, началомъ совершенно новаго направленія въ романѣ. Онъ привѣтствовалъ неизвѣстнаго автора «Современнаго Ромео», какъ борца за идеализацію и фантазію противъ фотографическаго и плоскаго изображенія жизни. Критикъ выражалъ живѣйшую радость по поводу романа, который онъ считалъ смѣлымъ шагомъ по пути, ведущемъ на настоящую дорогу изъ трясины реализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ статьи тономъ философа заявлялъ, что романъ, въ сущности, не представляетъ изъ себя абсолютно новаго начинанія, раскола или отпаденія отъ прежняго,—нѣтъ, это была лишь естественная эволюція, это было развитіе духовнаго изъ матеріальнаго. Въ немъ была существенная доля реализма, но освобожденная отъ той грубости и мрака, съ которыми реализмъ до сихъ поръ былъ неразлученъ. Это—доля реализма, одаренная новой жизнью. Рецензентъ обращалъ вниманіе читателя на то, съ какой твердостью и какъ тонко авторъ очертилъ положеніе и изучилъ характеры, прежде чѣмъ приняться за ихъ изображеніе. Затѣмъ онъ просилъ читателя замѣтить, что авторъ, положивъ эту основу, пользовался ею уже какъ наблюдательнымъ пунктомъ, съ котораго, какъ съ «вершины пирамиды», фантазія автора могла предпринять смѣлый полетъ въ области, еще не затронутыя фотографіей и низменнымъ полетомъ реализма. Онъ восхвалялъ слогъ сочиненія, соотвѣтствовавшій, какъ онъ говорилъ, двойственной природѣ концепціи, и сравнивалъ автора съ Тэкереемъ по отношенію къ описанію людей и предметовъ и съ Готорномъ по выраженію идей и чувствъ. Въ этомъ отношеніи авторъ романа выказалъ такъ много тонкости и гибкости, что, въ сущности, здѣсь можно бы было заподозрѣть женскую руку, если бы, съ другой стороны, свободный и мужественный размахъ въ изображеніи страсти и движенія не убѣждалъ въ противномъ. Рецензентъ приводилъ нѣсколько примѣровъ, и Рэй съ новымъ и усиленнымъ интересомъ перечитывалъ слова, которыя зналъ наизусть. Вся сцена, въ которой кузенъ свергается съ обрыва, была пе-

Digitized by Google

репечатана цѣликомъ; но сцены, которыя рецензентъ осыпалъ наибольшими похвалами и о которыхъ распространялся болѣе всего, были тѣ, въ которыхъ изображался гипнотическій трансъ и трагическій финалъ романа. Это, по его словамъ, было самой животрепещущей современностью, и онъ приводилъ эти страницы въ примѣръ того, какъ воображеніе должно представлять дѣйствительную жизнь.

Ничто въ области плоскаго, фотографическаго, реалистическаго романа никогда еще не производило такого поразительнаго эффекта, какъ это примѣненіе научнаго открытія въ области идеальнаго. Какъ бы ни были сильны сомнѣнія относительно пользы гипнотизма, какъ лѣчебнаго средства, но относительно удивительнаго искусства, съ которымъ авторъ воспользовался имъ для поэтической фикціи «высокаго достоинства»,—сомнѣнія быть не можетъ. Критикъ не говоритъ «высшаго достоинства», потому что книга не лишена также многихъ крупныхъ недостатковъ. Очевидно,—это еще первое произведеніе молодого писателя, жизненный опытъ котораго, повидимому, ограничивался сравнительно тѣснымъ и темнымъ полемъ наблюденія: своей провинціей—даже своимъ приходомъ. Но, можетъ быть, самая ограниченность горизонта и способствовала сосредоточенію мысли автора на непосредственно окружающей его сферѣ. Главное то, что онъ смотрѣлъ на жизнь глазами идеалиста, что онъ отыскалъ ея поэтическія стороны съ тонкимъ чутьемъ прирожденнаго художника и освѣтилъ ее «свѣтомъ, котораго никогда не было ни на морѣ, ни на сушѣ».

И многое еще въ этомъ родѣ говорилось въ рецензіи. Рецензентъ заканчивалъ статью обѣщаніемъ съ интересомъ слѣдить за появленіемъ будущаго произведенія писателя, который даетъ не однѣ только надежды, но и фактическое доказательство таланта. Его книга можетъ быть и не представляетъ еще того великаго американскаго романа, котораго мы такъ долго ожидаемъ, но она составляетъ замѣчательный шагъ впередъ въ желаемомъ направленіи. Авторъ романа предвѣстникъ лучшаго въ этой области, онъ тотъ Моисей, который, если мы послѣдуемъ за нимъ, поведетъ насъ отъ мясныхъ котловъ реализма къ обѣтованной землѣ Идеала.

Время отъ времени Рэй дѣлалъ изъ вѣжливости видъ, что только просматриваетъ рецензію; но мистеръ Брандретъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ не торопился и прочиталъ ее всю. Ему хотѣлось поговорить съ нимъ объ этомъ. Но онъ началъ говорить прежде, чѣмъ Рэй окончилъ чтеніе... Въ сущности, онъ все время приставалъ къ нему съ разными вопросами и замѣчаніями и, когда Рэй, наконецъ, положилъ газету, онъ подошелъ и сѣлъ къ нему на кровать.

— Теперь я вамъ скажу, что я сдѣлаю. Я вѣдь не вѣрю

Digitized by Google

въ то, что грѣхъ работать въ воскресенье и въ тому подобные пустяки; но въ данномъ случаѣ я вѣрю, что это было указаніе свыше. Моя жена думаетъ такъ же. Она говоритъ, что это награда за то, что мы такъ вѣрили въ книгу и что теперь было бы грѣшно терять хотя бы минуту времени. Если только надо что-нибудь сдѣлать, то надо дѣлать сейчасъ; мы не должны ждать, пока эффектъ этой рецензіи охладится: я стану ковать желѣзо, пока оно раскалено до красна.

Эти слова какъ будто воодушевили мистера Брандрета, и онъ съ подобающею случаю серьезностью прибавилъ:

— Просто на просто я выкрашу весь свѣтъ въ красную краску—вотъ увидите.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Рэй,—вы уже лучше не говорите мнѣ, какъ вы это сдѣлаете. Мнѣ кажется, я больше не въ состояніи этого вынести.

— Ну, если эта книжка не пойдетъ,—тономъ торжественнаго обѣщанія заявилъ мистеръ Брандретъ,—то ужъ не я буду виновать.

Онъ ушелъ, а Рэй впалъ въ тотъ трансъ, который уноситъ счастливаго любовника за предѣлы реальнаго міра. Но любовь была далеѣ всего другого отъ его мыслей. Овладѣвшая имъ страсть была эготизмъ, доведенный до тѣхъ предѣловъ, гдѣ человѣкъ уже не видитъ ничего, кромѣ себя. Нѣтъ ощущенія болѣе нездороваго. Къ счастію, такое напряженное состояніе не можетъ держаться долго. Первымъ движеніемъ Рэя было бѣжать отъ всякаго, кто могъ помѣшать его сладостному сознанію своего успѣха. Онъ отлично зналъ, что рецензія «Метрополя» преувеличивала достоинства его книги, но ему правилось это преувеличеніе. Онъ намѣренно возбуждалъ себя, читая и перечитывая статью за завтракомъ, затѣмъ въ вагонѣ, отправляясь въ паркъ, и, наконецъ, во всѣхъ уединенныхъ уголкахъ парка, гдѣ никто изъ знакомыхъ не могъ встрѣтиться съ нимъ и отвлечь его мысли отъ наслажденія самимъ собою. Сначала статья казалась ему невозможной, подъ конецъ она сдѣлалась совершенно непонятной. Онъ бросилъ газету въ кусты; но потомъ, уже отойдя значительное пространство, снова вернулся, поднялъ ее и снова перечиталъ статью отъ начала до конца. Смыслъ теперь вернулся, похвалы снова зажгли свои огни, и онъ погружался умомъ въ ихъ яркое сіяніе. Вѣдь это былъ онъ, онъ, все это говорилось о немъ! Онъ постарался ясно представить себѣ это. Кто же онъ въ самомъ дѣлѣ? Этотъ вопросъ мучилъ его... ужъ не сходитъ ли онъ съ ума? Во всякомъ случаѣ ему необходимо теперь уйти отъ самого себя—это было его единственнымъ спасеніемъ. Онъ подумалъ: у кого ему искать убѣжища? У него было много знакомыхъ среди лучшаго общества, и онъ могъ получить чашку

Digitized by Google

чаю изъ рукъ любой прелестной дѣвушки въ любомъ изъ этихъ знакомыхъ домовъ. Зналъ онъ также и многихъ молодыхъ людей, которые съ восторгомъ приняли бы его въ своихъ холостыхъ квартирахъ. Былъ также и старикъ Кэйнъ. Но всѣ они непремѣнно стали бы говорить съ нимъ объ этой рецензіи. Даже Піа сдѣлала бы то же самое. Онъ кончилъ тѣмъ, что пошелъ домой и началъ составлять какія-то замѣтки для слѣдующаго номера «Каждаго Вечера». Работа требовала отъ него большого усилія, чтобы сосредоточить вниманіе, и ему пришлось бороться противъ самого себя, какъ противъ враждебной личности. Но на слѣдующій день онъ нашелъ уже время, чтобы сходить къ мистеру Брандрету, не нанося ущерба своей работѣ, которая уже частью была исполнена. По дорогѣ онъ купилъ главныя утреннія газеты и увидѣлъ, что издатель перепечаталъ въ нихъ длинныя извлеченія изъ рецензіи «Метрополя» въ видѣ рекламы на страницѣ объявленій; въ самомъ же «Метрополѣ» онъ перепечаталъ всю статью отъ начала до конца.

— Эта статья будетъ въ главныхъ органахъ Филадельфіи, Бостона, Чикаго, Цинцинати и Сенъ-Луи, какъ только почта принесетъ туда мою перепечатку. Я думалъ сначала телеграфировать ее, но все это и такъ уже довольно дорого стоитъ,— сказалъ мистеръ Брандретъ.

— Вы увѣрены, что не выбрасываете вашихъ денегъ за окно?—спросилъ нѣсколько смущенный Рэй.

— Я увѣренъ въ томъ, что не выбрасываю за окно счастливаго случая,—съ веселымъ задоромъ возразилъ издатель.

Онъ изложилъ составленный имъ планъ кампаніи; Рэй слушалъ его съ напряженнымъ, жаднымъ вниманіемъ. Онъ взглянулъ въ сторону, гдѣ была комната мистера Чапли—и гдѣ, какъ онъ зналъ, усердно работала Піа,—въ надеждѣ, что она не знаетъ объ его присутствіи. Послѣдній разговоръ съ ней смѣшивался въ его умѣ съ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ испыталъ послѣ того и, казалось, оба слились въ одно въ высшей степени интенсивное и возбуждающее ощущеніе. Онъ пошелъ къ выходной двери въ сопровожденіи мистера Брандрета и даже не обернулся, чтобы взглянуть на Пію.

— Да, кстати, — сказалъ издатель, прощаясь съ нимъ,— если бы вы пришли чуть чуть пораньше, я познакомилъ бы васъ съ вашимъ рецензентомъ. Онъ только что забѣгалъ на минутку, спросить, кто такой Ш. Рэй, и мнѣ стоило много труда убѣдить его, что это ваше настоящее имя. Мнѣ даже кажется, что онъ всетаки не совсѣмъ повѣрилъ.

— Ну, а я не совсѣмъ-то вѣрю ему,—небрежно замѣтилъ Рэй, чтобы скрыть свою досаду.—Кто онъ такой?

— Видите ли, ихъ настоящій рецензентъ теперь въ отпу-

Digitized by Google

ску по болѣзни, а этотъ молодой парень:.. Уоррель его фамилія,—нѣчто въ родѣ его помощника. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ напалъ на вашу книгу... эти вещи всегда интересны. Онъ хотѣлъ взять домой совсѣмъ другую книгу, но по ошибкѣ ему попалась ваша, да еще нѣсколько книгъ о гипнотизмѣ. Онъ ихъ просмотрѣлъ и думалъ только заглянуть въ вашу, но открылъ ее какъ разъ на сценѣ гипнотическаго транса, именно въ ту минуту, когда умъ его былъ полонъ этимъ предметомъ... Ну, онъ и зачитался. Началъ читать сначала и прочиталъ до конца. Такимъ образомъ вы случайно воспользовались шансомъ другого писателя. Онъ очень хотѣлъ видѣть васъ... Удивительно, какъ все по большей части зависитъ отъ случайности!

— Да, удивительно,—разсѣянно отвѣчалъ Рэй.

— Я зналъ, что вы будете рады этому.

— О да!

XLIII.

Былъ ли шумъ, вызванный «Современнымъ Ромео», слѣдствіемъ рецензіи «Метрополя» или нѣтъ—этого никто изъ людей, знакомыхъ съ капризами книжной торговли, не могъ бы сказать. Въ «Метрополѣ» были восторженныя рецензіи о другихъ книгахъ, не надѣлавшихъ никакого шума, какъ насмѣшливо замѣтилъ Кэйнъ, убѣждая автора повѣрить, что книга обязана успѣхомъ—исключительно своимъ достоинствамъ.

— А чему же она обязана своимъ долгимъ неуспѣхомъ?—спросилъ Рэй, чувствуя колкость въ замѣчаніи Кэйна, но притворяясь, что не понимаетъ ея.

— Ея недостаткамъ.

Мистеръ Брандретъ сначала склоненъ былъ приписать успѣхъ—рецензіи; но затѣмъ рѣшилъ, что все это сдѣлала его собственная смѣлость и ловкость, съ которыми онъ воспользовался статьей для рекламы. Въ этомъ онъ видѣлъ настоящую счастливую случайность и въ минуты благодарности къ провидѣнію утверждалъ, что именно оно внушило ему эту мысль. Дѣйствительно, другія благопріятныя рецензіи начали появляться во вліятельныхъ журналахъ, какъ въ Нью-Іоркѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Теперь Рэй видѣлъ свою книгу на «столѣ новостей» въ книжныхъ магазинахъ, находилъ ее въ витринахъ; однажды онъ слышалъ, какъ о ней говорили въ вагонѣ воздушной желѣзной дороги. Однимъ словомъ, книга носилась въ воздухѣ; но какъ она туда попала,—этого никто не могъ хорошенько сказать, а онъ меньше, чѣмъ кто либо. Онъ могъ указать на нѣкоторыя осязательныя, грубыя при-

Digitized by Google

чины, въ родѣ рекламъ мистера Брандрета; но онѣ давно уже были пущены въ ходъ, не производя никакого дѣйствія. Онъ не могъ опредѣлить, въ чемъ собственно состоитъ обаяніе романа даже тогда, когда его откровенно спросила объ этомъ очень живая молодая дѣвица, писавшая корреспонденціи изъ Нью-Іорка для какой-то южной газеты и пришедшая интервьюировать его. Онъ могъ сказать только, что романъ затрогивалъ общее настроеніе. Дѣвица была очень благодарна ему за эту мысль и распространилась о ней въ своей корреспонденціи. Но сдѣлать анализъ этого настроенія ей не удалось. Она могла только представить его, какъ общее пристрастіе къ психологическому роману со стороны публики, которой до тошноты надоѣлъ реализмъ и плоскость школы, фотографировавшей жизнь.

За то она гораздо опредѣленнѣе и подробнѣе описала личность автора. Она представила молодого писателя, какъ типъ мужественной красоты по отношенію лица и головы; но, къ сожалѣнію, ростъ его слишкомъ малъ, что, однако, не замѣчается, пока онъ сидитъ. Спеціально для дамской читающей публики она замѣтила, что у него волнистые черные волосы, раздѣленные проборомъ надъ серединой лба, нѣжнаго и чистаго, какъ у молодой дѣвушки. Прилагаемое воспроизведеніе фотографическаго портрета Рэя не давало полнаго сходства; но было, однако, столько же похоже на него, какъ и ея описаніе. Портреты Рэя начали появляться въ различныхъ мѣстахъ съ вымышленными біографіями его, въ которыхъ много говорилось объ его темномъ происхожденіи и объ его тяжелой жизни въ раннемъ дѣтствѣ. Когда же гдѣ-то сказано было, что онъ вышелъ изъ низшихъ классовъ народа, то мать написала ему полное негодованія письмо, въ которомъ напоминала, что отецъ его—докторъ и что семья ихъ съ обѣихъ сторонъ состояла изъ самыхъ почтенныхъ и образованныхъ людей. Она говорила, что онъ долженъ опровергнуть эти оскорбительныя замѣтки, и онъ никакъ не могъ втолковать ей, что это невозможно, какъ не могъ объяснить и того, что съ этой внезапно нахлынувшей извѣстностью онъ пересталъ уже принадлежать самъ себѣ. Интервьюеры осаждали его на каждомъ шагу: въ его отелѣ, о прелестяхъ и живописности котораго они распространялись въ своихъ замѣткахъ, въ редакціи «Каждаго Вечера», гдѣ ихъ посѣщенія вызывали насмѣшки другихъ сотрудниковъ газеты. Его редакторъ былъ слишкомъ простой и серьезный человѣкъ, чтобы обратить вниманіе на комичную сторону извѣстности Рэя. Но когда онъ замѣтилъ, какъ часто приходятъ его интервьюировать, онъ тотчасъ же заявилъ ему:

— Мнѣ ваша работа нравится, и я желалъ бы оставить

Digitized by Google

васъ при редакціи. Такъ какъ вы, все равно, со временемъ потребуете прибавки гонорара, то я предпочитаю прибавить вамъ теперь же. Поэтому на слѣдующемъ вашемъ чекѣ будетъ выставлена та сумма, которую редакція въ состояніи платить вамъ.

Ничѣмъ другимъ онъ не выразилъ того, что признаетъ фактъ успѣха книги, и никогда не говорилъ о ней. Въ сравненіи съ его газетой произведеніе Рэя не имѣло для него ни малѣйшаго значенія.

Визиты интервьюеровъ всегда льстили самолюбію Рэя, однако его нѣсколько оскорбляло то, что большинство изъ нихъ не читали его книги: они всегда или только что получили ее, или сейчасъ купятъ и непремѣнно прочтутъ. Иногда они являлись къ нему, полные фантастическихъ представленій о немъ послѣ предварительныхъ свиданій съ мистеромъ Брандретомъ, и онъ ничѣмъ не могъ разубѣдить ихъ въ томъ, что даже его литературное прошлое полно эпизодовъ, гораздо болѣе удивительныхъ, чѣмъ это бываетъ въ романахъ.

— Мистеръ Брандретъ сказалъ, что, если бы можно было разсказать всю правду объ этой книжкѣ,—сказала ему молодая дѣвушка журналистка, устремляя на автора свои очаровательные голубые глаза,—то это составило бы одну изъ самыхъ драматическихъ страницъ во всей исторіи литературы. Не можете ли вы сказать мнѣ, въ чемъ дѣло, мистеръ Рэй?

— Право, я и самъ не знаю, въ чемъ тутъ дѣло,—отвѣчалъ Рэй.

— О, прелестно, восхитительно! — воскликнула молодая лэди.—*Это* я во всякомъ случаѣ помѣщу въ моей статьѣ!— И она продолжала очаровывать автора своими взглядами и своей необыкновенно умной лестью, пока не выпытала отъ него относительно мытарствъ его рукописи гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ считалъ себя способнымъ разсказать. Послѣ этого онъ пошелъ къ Брандрету съ непріятнымъ сознаніемъ, что сыгралъ дурака.

— Послушайте, Брандретъ,—сказалъ онъ ему,—что вы нашли такого драматичнаго въ исторіи романа, который шесть мѣсяцевъ безуспѣшно толкался на книжномъ рынкѣ?

Мистеръ Брандретъ уставился на него во всѣ глаза, потомъ словно вдругъ вспомнилъ что-то:

— Ахъ! это та дѣвица!—воскликнулъ онъ.—Она непремѣнно хотѣла узнать что нибудь *особенное* о книгѣ, и я вскользь бросилъ нѣсколько словъ. Я совсѣмъ не думалъ о васъ въ эту минуту. Рэй, вы добрый малый, и я не скрою отъ васъ, что, когда я рискнулъ съ вашей книгой, дѣла у насъ дошли до такого пункта, что необходимо было рискнуть на чемъ бы то ни было. Мистеръ Чапли сильно запустилъ издательское

Digitized by Google

дѣло фирмы, и намъ приходилось плохо. Когда же мы поѣхали весной въ деревню, онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить, чтобы мы предпринимали какое-либо новое изданіе. Но мы съ женой много обсуждали этотъ вопросъ, и она убѣдилась, такъ же, какъ и я, что мнѣ оставалось только или дѣйствовать самостоятельно, или выйдти изъ товарищества. При такомъ положеніи дѣло не могло кормить двѣ семьи. Вотъ я и рѣшился рискнуть съ вашей книгой. Если бы попытка не удалась, я очутился бы въ страшномъ затрудненіи. Я не говорю, что не могъ бы выпутаться изъ него; но это было бы очень трудно.

— Да это чрезвычайно интересно! — сказалъ Рэй.—Мнѣ кажется, я скоро стану считать себя вашимъ спасителемъ.

— Ну, до этого дѣло бы не дошло,—весело протестовалъ мистеръ Брандретъ. — Да наконецъ, въ послѣднюю минуту могъ явиться кто нибудь другой. Я не вижу причины, почему не разсказать вамъ, что въ тотъ самый вечеръ, когда вы пришли ко мнѣ и просили взять книгу старика Хюза,—мы съ женой очень серьезно обсуждали этотъ вопросъ, рѣшили просмотрѣть книгу утромъ и... можетъ быть... отложить вашъ романъ. Наши разговоры разбудили ребенка, а затѣмъ онъ не давалъ намъ спать цѣлую ночь, такъ что утромъ мы уже не въ состояніи были заняться этимъ вопросомъ. Я принялъ это за указаніе и не остановилъ изданія вашей книги. Должно быть, все это всплыло у меня въ памяти въ то время, какъ я разговаривалъ съ этой дѣвицей, и я сказалъ ей то, что она передала вамъ.

— Ну что жъ, это достаточно драматично, — задумчиво сказалъ Рэй,—даже, пожалуй, трагично.

— О, да!—вздыхая, отвѣчалъ Брандретъ.—Я все боялся спросить васъ, какъ вы уладили дѣло съ мистеромъ Хюзомъ?

— О, это уладила миссисъ Дэнтонъ,—усмѣхнулся Рэй.—Я сказалъ ей, что вы не согласились на мою просьбу, а она пошла къ нему и сказала, что вы взяли книгу и тотчасъ же будете издавать ее.

Мистеръ Брандретъ былъ видимо огорченъ.

— Право, я не знаю, что и сказать на это. Но я все-таки доволенъ, что удержалъ вашу книгу. А книгу мистера Хюза я тотчасъ же велю тщательно просмотрѣть, и мнѣ кажется, что съ ней можно будетъ сдѣлать новую попытку. Кстати,—весело сказалъ онъ,—вамъ навѣрное, пріятно будетъ узнать, что «Современный Ромео» достигъ весьма почтеннаго возраста. Мы только что напечатали двадцать первую тысячу.

— Неужели? — воскликнулъ Рэй съ хорошо разыграннымъ восторгомъ. При томъ шумѣ, который надѣлала книга,

Digitized by Google

онъ представлялъ себѣ, что она должна была разойдтись уже въ пятидесяти тысячахъ экземплярахъ.

На самомъ же дѣлѣ продажа не достигла этой цифры. Она дошла до 42 или 43 тысячъ, на этомъ остановилась и ничто уже не могло сдвинуть ее съ этой точки. Авторъ и издатель много толковали по этому поводу, но ни тотъ, ни другой не могли разрѣшить этой загадки. Невозможно было объяснить, почему книга, о которой столько писали и говорили, не продолжаетъ продаваться до безконечности; всѣ шансы были за это, а между тѣмъ этого не было. Можетъ быть, по какому нибудь закону естественнаго подбора она исчерпала какъ разъ то опредѣленное количество читателей, которымъ нравятся такого рода «психологическія» произведенія; они-то составили славу романа, но число ихъ не росло. Въ своихъ бесѣдахъ съ Кэйномъ и Брандретомъ, авторъ тщетно старался отыскать законъ, подъ который можно бы подвести этотъ фактъ. Наконецъ, Кэйнъ сказалъ:

— Зачѣмъ мы всегда ищемъ законовъ для разныхъ явленій? Развѣ есть законъ для насъ самихъ? Правда, намъ кажется, что есть, но вѣдь мы это постоянно упускаемъ изъ виду и дѣйствуемъ изъ чистаго каприза, по первому импульсу. Я прожилъ много лѣтъ на свѣтѣ, но я не могъ бы, положа руку на сердце, сказать, что видѣлъ болѣе двухъ-трехъ разъ случаи, когда слѣдствіе вытекало изъ причины. И это каждый разъ производило на меня впечатлѣніе театральнаго эффекта. Послѣдствій я видѣлъ много, но причинъ не видалъ. Можетъ быть, наша жизнь есть просто заключеніе невѣдомыхъ намъ посылокъ... Въ доброе старое время мы льстили себѣ, воображая себя ужасными грѣшниками; мы думали, что своими словами и поступками здѣсь — готовимъ страшныя послѣдствія гдѣ-то въ другомъ мірѣ. А что, если все, что здѣсь происходитъ, само является лишь послѣдствіемъ чего-то, что было въ какомъ нибудь не здѣшнемъ мірѣ?

— Это очень забавное предположеніе,—сказалъ Рэй,—но оно не имѣетъ прямого отношенія къ уменьшенію продажи «Современнаго Ромео».

— Все на свѣтѣ имѣетъ отношеніе къ этой книгѣ, если бы мы только могли понимать все, какъ слѣдуетъ. Продажа прекратилась, можетъ быть, потому, что вліяніе какой нибудь счастливой звѣзды, погасшей многія тысячелѣтія тому назадъ, перестало достигать до нашей планеты...

Кэйнъ, повидимому, отмѣтилъ сказанное въ своей памяти, а Рэй разсмѣялся.

— Вы, кажется, накопляете капиталы. Въ этихъ афоризмахъ—деньги,—сказалъ онъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, денегъ въ «Афоризмахъ» нѣтъ,—печально отвѣчалъ Кэйнъ,—въ нихъ есть только мудрость.

Рэй, впрочемъ, нисколько и не смущался тѣмъ, что не можетъ найдти причину остановки въ продажѣ книги. Въ душѣ онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ ея успѣхомъ и охотно оставлялъ публику въ убѣжденіи, что романъ продался въ ста пятидесяти тысячахъ экземплярахъ. Мистеръ Брандретъ также былъ очень доволенъ. Онъ думалъ, что продажа снова поднимется послѣ того, какъ дачники вернутся въ городъ. Онъ открылъ даже, что книга имѣетъ весьма солидныя достоинства. Но въ настоящее время возникалъ вопросъ: что Рэй напишетъ затѣмъ?

— Вамъ надо ковать желѣзо, пока оно горячо, знаете, — сказалъ издатель.

— Разумѣется; я уже думалъ объ этомъ,—согласился молодой человѣкъ,—и мнѣ кажется, что я нашелъ очень хорошую тему для романа.

— Вы не можете подѣлиться со мной?

— Нѣтъ, не могу: она еще не вполнѣ скристализовалась въ моемъ воображеніи, и мнѣ кажется даже, что она не можетъ опредѣлиться, пока я не найду настоящаго заглавія для романа.

— А вы уже придумали какое нибудь?

— Да, по крайней мѣрѣ съ полдюжины, но ни одно не подходитъ.

— Заглавіе это главное, — сказалъ издатель, — мнѣ кажется, оно-то и составило счастіе «Современнаго Ромео».

Рэй на минуту задумался.

— Какъ вамъ нравится: «Скрытая роза»?

— Что же, это, пожалуй, привлекательно,—сказалъ мистеръ Брандретъ.—Только помните, Рэй, что вы отдаете книгу намъ.

Рэй колебался.

— Да,—но только не на прежнихъ десятипроцентныхъ условіяхъ, Брандретъ.

— О, насчетъ условій мы сойдемся,—отвѣчалъ издатель.

— Потому что, знаете, я могъ бы получить гораздо больше.

— Ага! уже подъѣзжали издатели?—Рэй поднялъ кверху всѣ пальцы одной руки.

— Хорошо,—сказалъ Брандретъ,—ваша будущая книга принадлежитъ Чапли и К°. Вы должны держать ваши изданія въ одномъ мѣстѣ. Одна книга будетъ содѣйствовать продажѣ другой. «Скрытая роза», появившись на свѣтъ, разбудитъ «Современнаго Ромео»...

Digitized by Google

XLIV.

Для Піи Хювъ и для ея сестры лѣто проходило однообразно. Молодая дѣвушка усиленно занималась, чтобы нагнать потерянное раньше время, и исполняла двойную работу, вслѣдствіе расширенія дѣлъ издательской фирмы. Успѣхъ «Современнаго Ромео» также прибавилъ ей дѣла, и новыя предпріятія, которыя этотъ успѣхъ внушилъ мистеру Брандрету, вызвали усиленную переписку, причемъ молодой дѣвушкѣ приходилось самой вырабатывать форму для идей, которыя Брандретъ бросалъ ей на лету, въ безформенномъ видѣ. Онъ вполнѣ довѣрялся ея уму и искусству, и она сдѣлалась теперь однимъ изъ редакторовъ, читавшихъ рукописи для фирмы Чапли и К°. Рэй узналъ это по множеству рукописей, которыя видѣлъ у нея дома, на столѣ. Онъ зналъ и о другихъ обстоятельствахъ, благодаря своему близкому знакомству, даже интимности съ Брандретомъ. Издатель постоянно восхвалялъ Пію.

— Вотъ тутъ и говорите о мужчинахъ! — выпалилъ онъ однажды.—Да у этой дѣвушки голова лучше, чѣмъ у половины дѣловыхъ людей въ Нью-Іоркѣ. Если бы она не была женщиной, то мы безъ всякаго сомнѣнія предложили бы ей современемъ войти въ товарищество, чтобы не потерять ее. Бѣда въ томъ, что женщинѣ можно предложить товарищество лишь въ одной формѣ.

Рэй вспыхнулъ, но не сказалъ ни слова, а мистеръ Брандретъ, очевидно по ассоціаціи идей, спросилъ:

— Вы часто видитесь съ ними въ ихъ новой квартирѣ?

— Да, я бываю тамъ приблизительно каждую недѣлю.

— Ну, какъ они поживаютъ?

— Повидимому, очень хорошо.— Онъ помолчалъ немного, потомъ продолжалъ:

— Если бы это не противорѣчило всѣмъ предвзятымъ понятіямъ относительно людей, которые переживаютъ то, что онѣ пережили недавно, то я сказалъ бы, что онѣ теперь гораздо счастливѣе, чѣмъ были раньше. Я думаю, что миссисъ Дэнтонъ не особенно любила дѣтей и мужа; но отецъ въ послѣднее время никого, кромѣ нея, около себя не терпѣлъ. Очень возможно, что она выйдетъ замужъ.

Мистеръ Брандретъ слушалъ, стараясь сдѣлать видъ, что возмущенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ улыбался.

— Я ее не осуждаю,—продолжалъ Рэй.—Можетъ быть, обыкновеніе Кэйна—никого не осуждать заразительно. Она сама оправдывала себя однажды тѣмъ, что не она себя сотворила; но мнѣ кажется, это довольно опасная почва, если люди во-

Digitized by Google

обще станутъ пользоваться этимъ оправданіемъ. Но за то миссъ Хюзъ очень любила и двухъ бѣдныхъ малютокъ, и этого несчастнаго. Теперь заботы о нихъ не стало, и наступилъ покой. Объ онѣ скучаютъ объ отцѣ; но вѣдь онъ былъ уже осужденъ на смерть... Кромѣ того, мнѣ иногда казалось, что его отеческая любовь стала менѣе интенсивной, растворившись въ любви къ цѣлой общинѣ. Я не умѣю этого хорошенько выразить, но мнѣ всегда кажется, что дѣтямъ человѣка, который занятъ какими бы то ни было міровыми вопросами, приходится очень плохо. А между тѣмъ, я сознаю, что міровые вопросы необходимы.

— Вы сказали это совершенно такъ, какъ старикъ Кэйнъ,— замѣтилъ мистеръ Брандретъ.

— Неужели? Вѣдь я только что замѣтилъ, что Кэйнъ заразителенъ. Очевидно, усвоивъ себѣ образъ его мыслей, я перенялъ также и его тонъ, хотя я не особенный поклонникъ ни того, ни другого. Я хотѣлъ только сказать, что миссъ Хюзъ и ея сестра живутъ очень комфортабельно и мило. У нихъ одинъ изъ самыхъ уютныхъ уголковъ въ Нью-Іоркѣ.

— Какъ только мы снова войдемъ въ курсъ городской жизни,—сказалъ Брандретъ, — такъ миссисъ Брандретъ сдѣлаетъ имъ визитъ. Теперь, когда мистеръ Чапли и мистеръ Хюзъ не стоятъ поперекъ дороги, нѣтъ никакой причины не оказать имъ вниманія. Миссъ Хюзъ, по крайней мѣрѣ— настоящая лэди. Я позабочусь о томъ, чтобы она не работала черезъ силу. Успѣхъ «Современнаго Ромео» почти всѣхъ насъ сбилъ съ ногъ. Я дамъ ей отпускъ на три недѣли къ концу августа.

Рэй зашелъ однажды вечеромъ къ Шіѣ въ началѣ ея отпуска и засталъ ее за рукописью и за книгой, которыя лежали передъ ней. Миссисъ Дэнтонъ сидѣла съ Симпсонами на крыльцѣ и послала его къ Шіѣ, когда онъ отказался присоединиться къ нимъ.

— Я думалъ, что застану васъ за чтеніемъ путеводителей, чтобы рѣшить выборъ между Нью-Портомъ и Саратогой,—сказалъ онъ,—а между тѣмъ въ вашемъ образѣ жизни ничто не измѣнилось оттого, что вы не сидите въ конторѣ.

— Это книга, которую я принесла домой, потому что она интересовала меня,—оправдывалась молодая дѣвушка.—Мы никуда не уѣзжаемъ.

— Мнѣ кажется, я и самъ бы никуда не поѣхалъ,—сказалъ Рэй,—если бы мнѣ не хотѣлось повидаться со своими. Мой отпускъ начинается завтра.

— Завтра?

— Да, мнѣ хотѣлось бы провести свободное время въ экскурсіяхъ вокругъ Нью-Іорка. Но я уѣзжаю уже сегодня

Digitized by Google

вечеромъ и пришелъ проститься съ вами. Я надѣюсь, что вы замѣтите мое отсутствіе.

— Очень даже замѣтимъ,—сказала она и потомъ прибавила:—я думаю, большая часть вашихъ свѣтскихъ друзей уѣхали изъ города?

— Развѣ?

— Мнѣ кажется, вы это должны лучше знать. Вѣдь мы узнавали о нихъ черезъ васъ.

— Да, эти! — сказалъ Рэй. — Да, они уѣхали, и я тоже уѣзжаю. Мнѣ очень тяжело разставаться съ вами. Что передать отъ васъ деревнѣ?

— Только мою любовь.

Она смотрѣла на рукопись, лежавшую передъ ней, и тихо покачивалась на стулѣ.

— Я чувствую словно тоску по родинѣ, когда думаю о ней,—съ трогательной грустью сказала она затѣмъ.

Онъ почувствовалъ тоску одиночества въ ея тонѣ, и его охватило сочувствіе къ ней. Если миссисъ Дэнтонъ выйдетъ опять замужъ, Піа будетъ совсѣмъ одна на свѣтѣ. Онъ глядѣлъ на нее, и она казалась ему слишкомъ маленькой и хрупкой, чтобы прокладывать себѣ дорогу въ жизни безъ посторонней помощи.

— Піа,—сказалъ онъ, и тонъ его голоса удивилъ его самого.—Я хотѣлъ сказать вамъ нѣчто... спросить васъ...—Онъ видѣлъ, что она слушала всѣмъ своимъ существомъ, хотя по внѣшности этого нельзя было замѣтить. Если онъ вообще хотѣлъ продолжать, то онъ долженъ былъ взять болѣе мягкій тонъ.

— Вы, я думаю, знаете, какой я буду богатый человѣкъ, когда получу свое авторское право на книгу. Это просто невѣроятно, но у меня дѣйствительно будетъ пять или шесть тысячъ долларовъ—цѣлое состояніе. Ну, такъ вотъ—я когда то просилъ васъ позволить мнѣ быть вашимъ другомъ, потому что неудачный авторъ не имѣлъ права просить большаго. Или нѣтъ! Это все не то!—прервалъ онъ себя, пораженный фальшивымъ оборотомъ, который принимали его слова.

— Я не знаю, какъ это сказать. Когда-то я былъ влюбленъ, страстно влюбленъ—такой любовью, какую я описалъ въ моемъ романѣ. Но то... то поклоненіе, которое я чувствую къ вамъ... я дѣйствительно поклоняюсь вамъ, Піа,—это не то. Это глубочайшее уваженіе къ вамъ когда-то *было* тѣмъ чувствомъ,—но теперь я въ этомъ не увѣренъ. Я не могъ уѣхать, не предложивъ вамъ, чтобы вы приняли отъ меня это поклоненіе... на всю нашу жизнь, — или отвергли его, если вамъ этого мало. Понимаете вы меня?

Digitized by Google

— Я васъ понимаю,—отвѣчала молодая дѣвушка, нервно сжимая руку, которая схватила ея пальцы.

— Я не могъ оставить васъ,—продолжалъ онъ,—не сказавъ вамъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, котораго я уважалъ бы наравнѣ съ вами. Я уже давно стремился высказать вамъ это; но мнѣ казалось страннымъ остановиться на этомъ и не пойти дальше. Если бы я не считалъ васъ такой доброй и умной, то, мнѣ кажется, я не рискнулъ бы высказать вамъ это. Я увѣренъ, что все, что вы рѣшите, будетъ хорошо, будетъ самымъ лучшимъ для насъ обоихъ. Мнѣ тяжело было бы, если бы вы подумали, что я продолжалъ бы ходить къ вамъ, не высказавъ вамъ этого. Я давно бы сказалъ вамъ все; но все надѣялся, что въ состояніи буду предложить вамъ больше. Мнѣ двадцать шесть лѣтъ, и я уже никогда, можетъ быть, не буду любить такъ, какъ любилъ когда-то. Я убѣжденъ, что насъ соединяли бы высшіе интересы, и вы спасли бы меня отъ жизни исключительно для самого себя. Что вы скажете на это, Піа?

Онъ ждалъ, когда она прерветъ свое молчаніе, котораго онъ не умѣлъ себѣ объяснить. Наконецъ, она заговорила:

— Нѣтъ!—сказала она и, отодвинувшись, отняла у него руку. — Это было бы не хорошо. Я не боюсь довѣриться вамъ...

— Такъ почему же?..

— Я знаю, какой вы вѣрный другъ. Но мнѣ кажется— *я увѣрена*,—что не люблю васъ! А безъ любви это было бы святотатствомъ. Это само по себѣ ничто, но безъ этого все остальное было бы ничѣмъ.

Понявъ, что ея слова должны были уязвить его самолюбіе, она поспѣшила прибавить:

— Я любила васъ когда-то. Да! любила. И когда мистеръ Брандретъ просилъ меня прочитать вашу рукопись, я не согласилась потому, что боялась самой себя. Но потомъ... это прошло.

— По моей винѣ?—спросилъ Рэй.

— Ни по чьей винѣ,—отвѣчала Піа.—Если бы я не была тогда такъ несчастна, то все было бы иначе...

— О, Піа!

— Но у меня не хватило сердца на это... Я знаю, моя жизнь и впередъ должна идти именно такъ, какъ она идетъ теперь. Я все это обдумала. Я думала, что, можетъ быть, вы когда нибудь скажете мнѣ... то, что вы сказали, или иное... и старалась представить себѣ, какъ я должна поступить... Я никогда никого не полюблю и никогда не выйду замужъ. Не думайте, однако, что я буду несчастна. Я стою на ногахъ, умѣю работать, и мы съ Дженни никогда не будемъ чувство-

Digitized by Google

вать себя безпомощными. Даже если бы намъ пришлось съ нею разлучиться,—у меня всегда будетъ свой уголокъ. Я не боюсь остаться старой дѣвой. На свѣтѣ и для меня найдется дѣло, и я съумѣю его дѣлать. Вамъ не странно, что я такъ говорю?

— Нѣтъ, нѣтъ. Это такъ хорошо.

— Я думаю, большинство дѣвушекъ, которыхъ вы знаете, не поступили бы такъ; но я иначе воспитана. Въ общинѣ не считали, что замужество самая лучшая вещь, а когда я увидѣла, какъ Дженни и Ансель... я не говорю, что это всегда бываетъ такъ!.. Но вы не должны думать, что моя жизнь будетъ тяжела или несчастлива. А вы... вы, навѣрное, найдете кого нибудь, къ кому вы можете чувствовать то, что чувствовали къ той, первой дѣвушкѣ...

— Никогда! Я никогда не буду болѣе любить никого!— воскликнулъ онъ. Въ глубинѣ сердца онъ чувствовалъ облегченіе, въ которомъ не хотѣлъ бы признаться, и въ то же время онъ не могъ не подумать, какой глубокій литературный интересъ представляетъ настоящее положеніе. Однако чувство облегченія заставило его спросить:

— А что вы думаете обо мнѣ, Піа? Вы осуждаете меня?

— Осуждаю? за что? за то, что я измѣнилась къ вамъ?

— Я чувствую, что достоинъ осужденія,—сказалъ молодой человѣкъ. — Какъ же будетъ теперь? Могу я приходить къ вамъ послѣ моего возвращенія?

— Разумѣется.

— Вы скажете миссисъ Дэнтонъ?

— Разумѣется.

— Она осудитъ меня.

— Она осудитъ *меня*,—сказала Піа.—Но я не стану этимъ смущаться и вы также не должны, — сказала она, слегка дотрогиваясь до него. — Это случилось именно такъ, какъ я хотѣла. Я боялась, что если это когда нибудь случится, у меня не хватитъ храбрости сказать то, что я сказала. Но вы помогли мнѣ, и я этому очень рада. Я боялась, что вы скажете мнѣ что нибудь такое, что отуманитъ меня и помѣшаетъ дѣйствовать такъ, какъ слѣдуетъ, а теперь—прощайте!

— Прощайте, — повторилъ Рэй задумчиво. — Могу я... мечтать о васъ во снѣ, Піа?

— Да, но только—до наступленія дня...

— О, днемъ я стану думать о васъ...

XLV.

Да, они объяснились, и Рэй освободился отъ того неяснаго чувства виновности, которое такъ долго тяготѣло надъ нимъ.

Digitized by Google

Онъ зналъ, что, не будучи вполнѣ увѣренъ въ своей любви,— онъ не долженъ былъ поддерживать въ ней эту вѣру. Теперь же онъ высказался откровенно, онъ далъ и ей, и себѣ возможность оставаться друзьями, не боясь другъ за друга. Ея признаніе въ прежней любви къ нему льстило его самолюбію и смягчало сознаніе, что она перестала его любить. Это его утѣшало и какъ бы оправдывало въ собственныхъ глазахъ... Не онъ одинъ причиной того, что случилось... Какъ умно, какъ великодушно она поступила въ данномъ случаѣ!

Но теперь въ немъ поднимался вопросъ, не поступила ли она великодушнѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ? Можетъ быть, она только притворялась, что не любитъ его болѣе. Онъ читалъ о женщинахъ, которыя жертвовали своей любовью ради любимаго человѣка, всю жизнь хранили свою любовь въ тайнѣ или даже лгали всю жизнь для того, чтобы не выдать этой тайны. Въ жизни онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго; но въ книгахъ такіе случаи попадались на каждомъ шагу. Можетъ быть, это одинъ изъ нихъ. Но можетъ быть также, что она отвѣтила такимъ образомъ на его странное объясненіе только для того, чтобы не очень обидѣть его. Если это такъ, то теперь она уже, навѣрное, разсказала обо всемъ сестрѣ; миссисъ Дэнтонъ представила все положеніе въ глупѣйшемъ свѣтѣ, и теперь онѣ вмѣстѣ съ Піей хохочутъ надъ нимъ.

Холодный потъ выступилъ у него на лбу при этой мысли; но онъ тотчасъ же отбросилъ ее. Подобный поступокъ, очевидно, недостоинъ Піи. Имъ снова овладѣло чувство сострадательнаго восхищенія Піей въ то время, какъ онъ направлялся къ парому, чтобы пуститься въ обратный путь. Уже на паромѣ онъ оглянулся, и ему показалось, что это тотъ же самый паромъ, на которомъ онъ пріѣхалъ сюда почти годъ тому назадъ. Старый свистунъ негръ такъ же, какъ тогда, бродилъ по длинной общей каютѣ, оглядывая пассажировъ. Но онъ теперь не свистѣлъ, должно быть, ему казалось, что публики слишкомъ мало, или же онъ просто не расположенъ былъ увеселять ее своей музыкой. Рэю пришло въ голову, не свиститъ ли онъ только для пріѣзжающихъ въ Нью-Іоркъ? Онъ припомнилъ всѣ подробности своей первой встрѣчи съ Піей съ того момента, какъ она замѣтила его участіе, когда миссисъ Дэнтонъ вскрикнула по поводу выброшеннаго кошелька. Онъ вспомнилъ, какъ чувство участія стало понемногу переходить въ любовь къ ней и какъ эта любовь потомъ какъ-то вдругъ остановилась... Онъ не могъ объяснить себѣ, почему это случилось. Казалось, все способствовало ихъ сближенію, а между тѣмъ черезъ нѣкоторое время они опять отдалились другъ отъ друга. Ему не казалось страннымъ то, что онъ измѣнился самъ,—онъ мѣнялся уже не разъ,—но мы почему-то предполагаемъ въ дру-

Digitized by Google

гихъ постоянство чувства, котораго нѣтъ въ насъ самихъ. Рэй старался угадать, чѣмъ онъ могъ отвратить отъ себя любовь, которую она, по собственному признанію, чувствовала къ нему когда-то. Но онъ не въ состояніи былъ припомнить ничего, кромѣ развѣ того случая, когда онъ такъ жестко обошелся съ нею, узнавъ, что она была тотъ другъ, который отказался просмотрѣть его рукопись вторично. Она сказала, что простила его, но можетъ быть не простила? Можетъ быть она предположила въ немъ склонность къ деспотизму и побоялась довѣриться ему? Но послѣ этого жизнь сводила ихъ вмѣстѣ въ самыя тяжелыя и трудныя минуты, и она всегда выказывала полнѣйшее довѣріе къ нему. Онъ тщательно прослѣдилъ все свое поведеніе и нашелъ, что, кромѣ этого случая, ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Онъ могъ съ чистымъ сердцемъ сказать, что былъ вѣрнымъ другомъ для нея и для всей ея семьи, не смотря на свое предубѣжденіе противъ подобнаго типа людей. Констатируя этотъ фактъ, онъ на минуту почувствовалъ себя оскорбленнымъ. Это чувство еще усилилось, когда онъ вспомнилъ, что даже послѣ блестящаго литературнаго успѣха онъ готовъ былъ пожертвовать своею гордостію, предлагая руку дѣвушкѣ, работающей изъ за куска хлѣба. Его всегда коробило, что она занимаетъ мѣсто не многимъ выше дѣвицъ, пишущихъ на ремингтонѣ. Нѣтъ, проанализировавъ тщательно и многократно все свое поведеніе относительно нея, онъ пришелъ къ заключенію, что ему не въ чемъ упрекнуть себя. Тѣмъ не менѣе гдѣ-то въ глубинѣ души шевелилось нѣчто вродѣ угрызенія совѣсти, которое онъ старался объяснить себѣ и не могъ. Чувство это смѣшивалось также съ ощущеніемъ облегченія по поводу избѣгнутой опасности,—ощущеніемъ, котораго онъ стыдился. Большую часть ночи онъ пролежалъ безъ сна въ спальномъ вагонѣ, ворочаясь съ боку на бокъ и стараясь отыскать причину явленій, которыя никогда не имѣютъ опредѣленной причины, и стараясь найти аналогію между тѣмъ, что онъ представлялъ себѣ въ мечтахъ, и тѣмъ, что онъ испыталъ въ дѣйствительности. Въ головѣ его блеснула мысль, что на подобномъ взаимномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ можно бы основать романъ. Едва ли только читатель пойметъ его. Публика любитъ, чтобы любовь завязывалась таинственнымъ образомъ, но развязка должна быть ясна, хотя въ дѣйствительной жизни и начало, и конецъ одинаково таинственны. Онъ подумалъ, что все-таки не мѣшаетъ попробовать. Романъ, который начинается съ обрученія, долженъ быть такъ же интересенъ, какъ и тотъ, который кончается свадьбой. Онъ долженъ хорошенько разобраться въ своемъ личномъ романѣ, когда время отдалитъ его отъ событій. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что, если легко было выдѣ-

Digitized by Google

лить и выяснить тѣ обстоятельства, которыя способствовали возникновенію любви, то можно было также узнать и тѣ, которыя уничтожили ее. Это была чистая случайность, и такой ее слѣдовало показать.

Онъ сталъ спрашивать себя, не была ли вся его жизнь случайностью? Ничто (даже успѣхъ его книги—въ томъ освѣщеніи, въ которомъ онъ теперь смотрѣлъ на вещи) не было слѣдствіемъ разумной причины. Успѣхъ явился случайно и такъ же случайно исчезъ. Онъ самъ не заслуживалъ никакой похвалы за то, что было просто дѣломъ случая. Если бы этотъ родъ фатума распространялся лишь на матеріальную, экономическую сторону жизни, онъ охотно бы свалилъ вину на цивилизацію и, подобно другимъ, смѣло и тупо покорился бы своей судьбѣ. Но теперь онъ находилъ, что даже въ мірѣ мысли и чувства, въ мірѣ, который, по его мнѣнію, долженъ бы преимущественно управляться разумными законами,—царитъ тотъ же капризъ, та же случайность! Кто знаетъ, почему и какъ приходитъ такая-то мысль, возникаетъ такое-то чувство?

Мы должны сознаться, что часто видѣли добрыхъ несчастными, а злыхъ—окруженными всѣми благами жизни. Это, конечно, несправедливо, но это не мѣшало намъ чувствовать, признавать, что какая-то высшая справедливость управляетъ міромъ. То, что казалось случайностью, не всегда случайно. Это дѣйствіе какого-то закона, столь широкаго, что намъ лишь одинъ или два раза въ жизни удавалось схватить глазомъ его очертанія въ той или другой точкѣ. Это и было провидѣніе...

Вагонъ мчался среди ночи, безпрестанно и мягко покачиваясь. Мысль о старыхъ друзьяхъ, которыхъ онъ скоро увидитъ, начала мало по малу изгонять изъ его ума овладѣвшіе имъ вопросы и сомнѣнія. Воспоминаніе о нѣкоторыхъ мидлэндскихъ дѣвушкахъ тепло и сладостно всплыло въ его душѣ. Онъ представилъ себѣ, какъ разскажетъ той, которая прочла его романъ прежде другихъ, о Піѣ Хюзъ, и она скажетъ ему, что то была вовсе не любовь, потому что любовь вѣчна. Потомъ онъ задремалъ и услышалъ, какъ она говоритъ, что онъ получилъ понятія о «болѣе широкомъ законѣ» отъ старика Кэйна. Затѣмъ это были уже не онъ и не она...—все расплылось въ ничто.

КОНЕЦЪ

Digitized by Google

„НЕОБХОДИМОСТЬ“.

(Восточная сказка).

Однажды, когда три добрыхъ старца — Улайя, Дарну и Пурана, сидѣли у порога общаго жилища,—къ нимъ подошелъ юный Кассана, сынъ раджи Ликави, и сѣлъ на заваленкѣ, не говоря ни одного слова. Щеки этого юноши были блѣдны, глаза потеряли блескъ молодости, и въ нихъ сквозило уныніе.

Старцы переглянулись между собою, и добрый Улайя сказалъ:

— Послушай, Кассана, открой намъ, тремъ старцамъ, желающимъ тебѣ добра, что угнетаетъ съ нѣкоторыхъ поръ твою душу. Судьба съ колыбели окружила тебя своими дарами, а ты смотришь такъ же уныло, какъ послѣдній изъ рабовъ твоего отца, бѣдный Джевака, который еще вчера испыталъ на себѣ тяжесть руки вашего домоправителя...

— Бѣдный Джевака показывалъ намъ рубцы на своей спинѣ, — сказалъ суровый Дарну, а благодушный Пурана прибавилъ:

— И мы еще хотѣли обратить твое вниманіе, добрый Кассана...

Но юноша не далъ ему договорить. Онъ вскочилъ со своего мѣста и сказалъ съ нетерпѣніемъ, какого прежде въ немъ не замѣчали:

— Замолчите, благодушные старцы, съ вашими лукавыми упреками! Вы полагаете, очевидно, что я обязанъ отвѣтить вамъ за каждый рубецъ на спинѣ раба Джеваки, нанесенный домоправителемъ. А я сильно сомнѣваюсь, обязанъ ли я отвѣчать даже за свои собственные поступки.

Старцы опять переглянулись, и Улайя сказалъ:

— Продолжай, сынъ мой, если тебѣ угодно.

— Угодно?—перебилъ юноша съ горькимъ смѣхомъ.—Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю, угодно ли мнѣ что нибудь или нѣтъ.

Онъ замолчалъ. Было совсѣмъ тихо, только вѣтеръ шевельнулъ верхушку дерева, и одинъ листокъ упалъ къ ногамъ Пу-

Digitized by Google

раны. Пока Кассана слѣдилъ за нимъ унылымъ взоромъ, отъ разогрѣтой солнцемъ скалы оторвался камень и скатился внизъ, къ берегу ручья, гдѣ въ это время отдыхала большая ящерица... Каждый день въ этотъ часъ она выползала сюда и, приподнявшись на переднія лапы, закрывъ вѣками выпуклые глаза,—казалось, слушала мудрую бесѣду старцевъ. Можно было подумать, что въ зеленомъ тѣлѣ была заключена душа какого нибудь мудраго брамина. На этотъ разъ камень освободилъ эту душу изъ ея зеленой оболочки для новыхъ превращеній...

Горькая усмѣшка прошла по лицу Кассаны.

— Ну вотъ, благодушные старцы,—сказалъ онъ,—спросите у этого листка, угодно ли было ему сорваться съ вѣтки, или у камня—по своей ли волѣ онъ отдѣлился отъ скалы, или у ящерицы—угодно ли ей было очутиться подъ камнемъ? Время назрѣло, листокъ упалъ, ящерица не услышитъ больше вашихъ бесѣдъ. Вотъ все, что мы знаемъ, и иначе быть не могло. Или вы скажете, что это должно и могло быть иначе, чѣмъ было?

— Не могло,—отвѣтили старцы.—Что было, то должно было быть въ общей связи событій.

— Вы сказали. Ну вотъ, и рубцы на спинѣ Джеваки должны были быть въ общей связи событій, и каждый изъ нихъ начертанъ отъ вѣка въ книгѣ необходимости. А вы хотите, чтобы я—такой же камень, такая же ящерица, такой же листокъ на общемъ стволѣ жизни, такая же вотъ ничтожная струйка въ этомъ ручьѣ, увлекаемомъ невѣдомою силою отъ истока къ устью... Вы хотите, чтобы я боролся съ силой потока, который несетъ и меня самого...

Онъ толкнулъ ногою окровавленный камень, который упалъ въ воду, и опять опустился на заваленку, рядомъ съ добрыми старцами. И глаза Кассаны опять стали тусклы и печальны.

Старецъ Дарну молчалъ, старецъ Пурана покачалъ головою; только веселый Улайя засмѣялся и сказалъ:

— Въ книгѣ необходимости, очевидно, начертано также, чтобы я разсказалъ тебѣ, Кассана, что случилось нѣкогда съ двумя старцами Дарну и Пураной, которыхъ ты видишь передъ собою... И въ той же книгѣ начертано, чтобы ты выслушалъ эту исторію.

И онъ разсказалъ о своихъ товарищахъ нижеизлагаемую странную исторію, которую тѣ слушали съ улыбкой, ничего не подтверждая и не отрицая.

II.

Въ странѣ, говорилъ онъ, гдѣ цвѣтетъ лотосъ и священная рѣка катитъ свои воды,—не было браминовъ, болѣе мудрыхъ,

Digitized by Google

чѣмъ Дарну и Пурана. Никто не изучилъ шастры лучше, и никто не погружался глубже въ древнюю мудрость. Но, когда оба достигли предѣловъ жизненнаго лѣта и вьюга близкой зимы коснулась ихъ волосъ своими снѣжинками,—оба все еще были недовольны собою. Годы уходили, могила становилась все ближе, а истина, казалось, уходила все дальше...

Тогда оба, зная, что отдалить могилу невозможно, рѣшили приблизить къ себѣ истину. Дарну первый надѣлъ одежды странника, привѣсилъ къ поясу тыкву съ водой, взялъ въ руки посохъ и отправился въ путь. Послѣ двухъ лѣтъ трудныхъ скитаній онъ пришелъ къ подножію высокой горы и на одномъ изъ ея уступовъ, на высотѣ, гдѣ свободно ночуютъ облака, увидѣлъ развалины храма. Невдалекѣ отъ дороги, на лугу, пастухи сторожили стада, и Дарну обратился къ нимъ съ вопросомъ: что это былъ за храмъ, какіе люди и какому богу приносили здѣсь жертвы.

Но пастухи только глядѣли на гору и на спрашивавшаго Дарну, не зная, что отвѣтить страннику. Наконецъ, они сказали:

— Мы, жители долинъ, не знаемъ, что отвѣтить тебѣ. Но у насъ есть старый пастухъ Ануруджа, который когда-то пасъ свои стада на этихъ возвышенностяхъ. Можетъ быть онъ знаетъ. И они позвали этого старика.

— Я тоже не могу объяснить тебѣ,—сказалъ онъ,—какіе именно люди, и въ какое время, и какому богу приносили тамъ свои жертвы. Но мой отецъ слышалъ отъ моего дѣда и передавалъ мнѣ, будто прадѣдъ мой разсказывалъ, что по склонамъ этихъ горъ жило когда-то племя мудрецовъ, которые всѣ погибли съ тѣхъ поръ, какъ воздвигли этотъ храмъ. А звали этого бога—«Необходимость»...

— Необходимость?—съ живостію воскликнулъ Дарну.—А не знаешь ли ты, добрый отецъ, какой видъ имѣло это божество и не живетъ ли оно еще въ этомъ храмѣ?

— Мы люди простые,—отвѣтилъ опять старикъ,—и намъ трудно отвѣтить на твои мудрые вопросы. Въ молодости, а это было очень давно,—я пасъ стада на этихъ склонахъ. Въ то время тамъ стоялъ еще идолъ изъ чернаго блестящаго камня. Изрѣдка, когда по близости меня застигала гроза,—а грозы очень страшны въ этихъ ущельяхъ,—я загонялъ свое стадо подъ защиту стараго храма. Случалось нерѣдко, что туда-же, дрожащая и испуганная, вбѣгала Ангапали, пастушка сосѣдняго горнаго склона. Я согрѣвалъ ее въ своихъ объятіяхъ, а старый богъ глядѣлъ на насъ, странно улыбаясь. Но онъ никогда не дѣлалъ намъ никакого зла, можетъ быть потому, что Ангапали убирала его всякій разъ цвѣтами. Говорятъ, однако...

Digitized by Google

И пастухъ остановился, глядя съ сомнѣніемъ на Дарну и какъ будто стыдясь продолжать разсказъ при немъ.

— Что же говорятъ? Доскажи, добрый человѣкъ, до конца,—попросилъ мудрецъ.

— Говорятъ, будто не всѣ поклонники стараго бога погибли, иные изъ нихъ разбрелись по свѣту... И вотъ иногда, правда рѣдко, они приходятъ сюда, спрашиваютъ, какъ и ты, дорогу ко храму и идутъ туда вопрошать стараго бога. Такихъ онъ обращаетъ въ камень. Въ храмѣ старикамъ случалось видѣть какіе-то столбы или изваянія, имѣвшіе подобіе сидящаго человѣка, обильно повитыя повеликой и другими вьющимися растеніями. На нѣкоторыхъ птицы вили свои гнѣзда. Потомъ они постепенно превращались въ прахъ.

Дарну глубоко задумался надъ разсказомъ. Не теперь ли, думалось ему, я близокъ къ цѣли? Ибо извѣстно, что «кто, подобно слѣпому, не видитъ, подобно глухому, не слышитъ, подобно древу, безчувственъ и недвижимъ, о томъ знай, что достигъ покоя и познанія». И онъ обратился къ пастуху:

— Другъ мой, будь добръ и укажи мнѣ дорогу къ храму.

Пастухъ исполнилъ его просьбу и, когда Дарну сталъ бодро подниматься по заросшей тропѣ,—онъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ мудрецу и сказалъ, наконецъ, обращаясь къ своимъ молодымъ товарищамъ:

— Назовите меня не старѣйшимъ изъ пастуховъ, а самымъ юнымъ изъ сосущихъ еще барановъ, если старый богъ не получитъ скоро новой жертвы. Надѣньте на меня ярмо, какъ на быка, или навьючьте меня, какъ осла, разными тяжестями, если въ старомъ храмѣ не прибавится новаго каменнаго болвана!...

Пастухи съ почтеніемъ выслушали старца и разбрелись по пастбищамъ. И опять въ долинѣ мирно паслись стада, пахарь ходилъ за своимъ плугомъ, свѣтило солнце, спускались ночи и люди предавались своимъ заботамъ, не думая больше о мудромъ Дарну. Но черезъ малое время, — нѣсколько дней или больше,—новый странникъ стоялъ у подножія горы и опять спрашивалъ о храмѣ. Когда же и онъ, воспользовавшись указаніемъ пастуха, сталъ весело подыматься на гору, то старикъ покачалъ головой и сказалъ;

— Вотъ и другой.

Это былъ Пурана, который шелъ по слѣдамъ мудраго Дарну, думая про себя:

— Пусть не скажутъ, что Дарну нашелъ истину, которой не могъ отыскать Пурана.

Digitized by Google

III.

Дарну между тѣмъ поднялся на гору, полный гордыхъ намѣреній.

Путь былъ труденъ. Видно было, что нога человѣка рѣдко ступала по заросшимъ тропамъ, но Дарну бодро преодолѣвалъ всѣ препятствія и, наконецъ, подошелъ къ полуразвалившимся воротамъ, надъ которыми виднѣлась древняя надпись: «Я Необходимость, владычица всѣхъ движеній»... На стѣнахъ не было другихъ изваяній или украшеній, кромѣ обломковъ какихъ-то цифръ и таинственныхъ вычисленій...

Дарну вошелъ въ святилище. Отъ старыхъ стѣнъ вѣяло покоемъ давняго разрушенія и смерти. Но и самое разрушеніе, казалось, уже застыло, оставивъ въ покоѣ самые изломы стѣнъ, насчитывавшихъ многія столѣтія. Въ одной стѣнѣ была обширная ниша; нѣсколько ступеней вели къ алтарю, на которомъ стоялъ идолъ изъ чернаго блестящаго камня и странно улыбался, глядя на картину запустѣнія. А внизу пробивался ручей, наполнявшій чуткую тишину шопотомъ своихъ струекъ; нѣсколько пальмъ питали свои корни его влагой и тянулись къ синему небу, свободно глядѣвшему черезъ разрушенную крышу...

Дарну невольно поддался странному очарованію этого мѣста и рѣшилъ вопросить таинственное божество, вѣяніемъ котораго, казалось, былъ еще полонъ разрушенный храмъ. Зачерпнувъ воды изъ холоднаго ручья и поднявъ нѣсколько плодовъ, которые обильно роняла съ своей вершины старая смоковница, мудрецъ началъ свои приготовленія по всѣмъ правиламъ, начертаннымъ въ книгахъ созерцанія. Прежде всего онъ сѣлъ противъ идола, поджавши ноги, и долго глядѣлъ на него, стараясь запечатлѣть въ умѣ его образъ. Потомъ, обнаживъ свой животъ, устремилъ взоры на то мѣсто, гдѣ некогда его, еще не рожденнаго, пуповина связывала съ утробой матери. Ибо извѣстно, что между бытіемъ и небытіемъ вмѣщается все познаваемое, и отсюда должны возникать откровенія созерцаній...

Въ такомъ положеніи засталъ его закатъ перваго дня и восходъ втораго. Потомъ знойный полдень еще нѣсколько разъ смѣнялся прохладой вечера, и тѣни ночи уступали свое мѣсто солнечному свѣту,—а Дарну все сидѣлъ въ томъ же положеніи, лишь изрѣдка протягивая тыкву за водой или безсознательно поднимая плодъ. Глаза мудреца потускли и остолбенѣли, члены отекли. Сначала онъ чувствовалъ неудобства неподвижности и боль. Потомъ эти ощущенія ушли куда-то въ глубину безсознательнаго, а передъ застывшимъ взоромъ мудреца иной

Digitized by Google

міръ, міръ созерцанія сталъ развертывать свои странные видѣнія и образы. Они уже не имѣли никакого отношенія къ тому, что испытывалъ созерцающій мудрецъ. Они были безкорыстны, безотносительны, довлѣли только себѣ и, значитъ, — думалъ Дарну—въ нихъ открывается истина...

Трудно сказать, сколько времени прошло такимъ образомъ. Вода въ тыквѣ уже высохла, пальма тихо шевелила листвой, рдѣющіе плоды срывались и падали у самыхъ ногъ мудреца, но онъ оставлялъ лежать ихъ на землѣ. Онъ уже почти освободился отъ жажды и голода. Его уже не грѣло полуденное солнце и не охлаждала свѣжесть ночи. Наконецъ, онъ пересталъ отличать дневной свѣтъ отъ ночного мрака.

Тогда передъ внутреннимъ взоромъ Дарну явилось давно ожидаемое откровеніе. Изъ его живота сталъ расти зеленый стволъ бамбука и завершился узломъ, какъ обыкновенный тростникъ. Изъ узла выросло слѣдующее колѣно и такъ, поднимаясь кверху, стволъ выросталъ до пятидесятаго колѣна, что соотвѣтствовало числу лѣтъ мудреца. На самой верхушкѣ, вмѣсто листа и соцвѣтія, возсѣло нѣчто, имѣвшее образъ идола, стоявшаго въ храмѣ. И это нѣчто смотрѣло на Дарну съ злою насмѣшкой.

— Бѣдный Дарну, — сказало оно, наконецъ.—Зачѣмъ, съ такимъ трудомъ, пришелъ ты сюда? Что тебѣ нужно, бѣдный Дарну?

— Я ищу истину,—отвѣтилъ мудрецъ.

— Такъ смотри на меня, я то—что ты искалъ. Но я вижу, что взору твоему я непріятно и противно.

— Ты непонятно,—сказалъ опять Дарну.

— Слушай, Дарну. Ты видишь пятьдесятъ колѣнъ тростника.

— Пятьдесятъ колѣнъ тростника—мои годы,—сказалъ мудрецъ.

— А я возсѣдаю на ихъ вершинѣ, потому что я «Необходимость», владычица всякихъ движеній. Всѣ творенія, всѣ дыханія, все существующее, все живущее—немощно, безсильно, безвластно; подъ вліяніемъ необходимости достигаетъ оно цѣли своего бытія, которое есть смерть. Это я управляла всѣми 50 колѣнами твоей жизни отъ колыбели до настоящаго мгновенія. Ты не сдѣлалъ ничего во всю твою жизнь: ни одного добраго и ни одного злого дѣла... Ты не подалъ ни одной лепты нищему въ порывѣ сожалѣнія, не нанесъ ни одного удара въ злобѣ своего сердца... ты не выростилъ ни одной розы въ монастырскомъ саду и не срубилъ ни одного дерева въ рощѣ... ты не вскормилъ ни одного животнаго и не убилъ ни одного комара, сосущаго твою кровь... Ты не сдѣлалъ ни одного движенія во всю твою жизнь, которое не было бы впередъ разсчитано мною... Потому что я—Необходимость... Ты

Digitized by Google

гордился своими поступками или погружался въ глубокое раскаяніе о своемъ грѣхѣ. Твое сердце трепетало отъ любви или отъ злобы, а я—я смѣялась надъ тобою, потому что я—Необходимость и все было разсчитано мною. Когда ты выходилъ на площадь, чтобы учить такихъ же глупцовъ, что они должны дѣлать и чего избѣгать,—я смѣялась и говорила себѣ: вотъ сейчасъ мудрецъ Дарну провозгласитъ свою мудрость наивнымъ глупцамъ и подѣлится своею святостію съ грѣшниками. И это не потому, что Дарну мудръ и святъ, а потому что я, «Необходимость», подобна потоку, а Дарну подобенъ листу, который увлекается потокомъ. Бѣдный Дарну, ты думалъ, что тебя привело сюда исканіе истины... А между тѣмъ, на этихъ стѣнахъ среди моихъ вычисленій записанъ день и часъ, когда ты долженъ былъ переступить этотъ порогъ. Потому что я—Необходимость... Бѣдный мудрецъ!

— Ты мнѣ противна,—сказалъ мудрецъ съ отвращеніемъ.

— Знаю. Потому что ты считалъ себя свободнымъ, а я—Необходимость, владычица твоихъ движеній.

Тогда Дарну разсердился, схватилъ всѣ 50 колѣнъ тростника, изломалъ ихъ и отбросилъ далеко отъ себя.—Такъ,—сказалъ онъ,—поступаю я со всѣми 50 колѣнами своей жизни, потому что всѣ 50 лѣтъ я былъ лишь игралищемъ Необходимости. Теперь я освобождаюсь, потому что я узналъ ее, и хочу скинуть ея ярмо.

Но Необходимость, невидимая во мракѣ, окружавшемъ тусклые взоры мудреца, засмѣялась и сказала опять:

— Нѣтъ, бѣдный Дарну, ты все таки мой, потому что я—Необходимость.

Тогда Дарну съ трудомъ открылъ глаза и сразу почувствовалъ, что ноги у него отекли и болятъ. Онъ хотѣлъ подняться, но тотчасъ же опять опустился. Потому что теперь смыслъ всѣхъ надписей въ храмѣ сталъ для него ясенъ и стали ясны всѣ вычисленія. И какъ только онъ захотѣлъ расправить свои члены, онъ увидѣлъ, что это уже записано на стѣнѣ.

И ему послышался, какъ бы изъ другого міра, голосъ Необходимости:

— Ну, что же, подымись, бѣдный Дарну, вѣдь у тебя отекли члены. Ты видишь: 999998 изъ тьмы твоихъ братьевъ дѣлаютъ это. Это—*необходимо*.

Дарну съ досадой остался въ прежнемъ положеніи, которое теперь причиняло ему еще болѣе страданія. Но онъ сказалъ себѣ: я буду тѣмъ однимъ изъ тьмы, который не подчинится необходимости, потому что я—свободенъ.

Между тѣмъ солнце поднялось на средину неба и, загля-

Digitized by Google

нувъ въ отверстіе кровли, стало сильно жарить его плохо защищенное тѣло. Дарну протянулъ руку къ своей тыквѣ.

Но тотчасъ же онъ увидѣлъ, что и это записано на стѣнѣ въ числѣ 999998, а Необходимость опять сказала:

— Бѣдный мудрецъ, тебѣ *необходимо* напиться.

И Дарну оставилъ тыкву на мѣстѣ, сказавъ:

— Не стану пить, потому что я свободенъ.

Кто-то опять засмѣялся въ отдаленномъ углу храма, а въ это время одинъ изъ плодовъ на смоковницѣ отяжелѣлъ и упалъ у самой руки мудреца. И тотчасъ же на стѣнѣ измѣнилась одна цифра... Дарну понялъ, что это — новое покушеніе Необходимости на его внутреннюю свободу.

— Не стану ѣсть,—сказалъ онъ,—потому что я свободенъ. И опять кто-то засмѣялся въ глубинѣ храма, а въ журчаніи ручья ему послышалось:

— Бѣдный Дарну!

Мудрецъ окончательно разсердился. Онъ оставался недвижимъ, не глядя на плоды, отъ времени до времени срывавшіеся съ вѣтокъ, не слушая соблазнительнаго журчанія воды и все только твердилъ про себя одно слово: я свободенъ, свободенъ, свободенъ! И чтобы плодъ какъ нибудь, вопреки его свободѣ, не попалъ ему въ ротъ, онъ сжалъ его и крѣпко стиснулъ зубы.

Такъ онъ сидѣлъ долго, освободившись отъ голода и жажды и стараясь распространить на всѣ четыре страны свѣта увѣренность въ своей внутренней свободѣ. Онъ исхудалъ, онъ высохъ, онъ одеревенѣлъ, онъ потерялъ мѣру времени и пространства, онъ не различалъ дня и ночи и все твердилъ про себя, что теперь онъ внутренно свободенъ. По истеченіи нѣкотораго времени птицы, свыкшіяся съ его неподвижностію, прилетали и садились на него, а потомъ пара дикихъ горлицъ устроили себѣ гнѣздо на головѣ мудреца и беззаботно вывели дѣтей въ складкахъ его тюрбана.

— «О, глупыя птицы!—думалъ мудрый Дарну, когда сначала воркованіе супруговъ, а потомъ писк птенцовъ достигали до его сознанія сквозь завѣсу внутренней свободы...—Все это онѣ дѣлаютъ потому, что не свободны и подчиняются законамъ необходимости». И даже, когда плечи его стали покрываться налетомъ птичьяго кала,—онъ опять говорилъ себѣ:

— Глупыя! И *это* тоже онѣ дѣлаютъ потому, что не свободны.

Себя же онъ почиталъ свободнымъ въ высочайшей степени и даже близкимъ къ богамъ.

Снизу, изъ почвы, потянулись тонкіе стебельки ползучихъ растеній и стали обвивать его неподвижные члены...

Digitized by Google

IV.

Разъ только мудрый Дарну былъ отчасти выведенъ изъ полной безсознательности и даже ощутилъ гдѣ-то въ отдаленномъ уголкѣ души чувство легкаго изумленія.

Это было вызвано появленіемъ мудреца Пураны.

Мудрецъ Пурана, точь въ точь какъ и Дарну, подошелъ къ храму, прочиталъ надпись надъ входомъ и, войдя внутрь, сталъ разсматривать начертанія на стѣнахъ. Мудрецъ Пурана мало походилъ на своего суроваго товарища. Онъ былъ благодушенъ и круглолицъ. Средина его туловища представляла округленности, пріятныя для взгляда, глаза свѣтились, а губы улыбались. Въ своей мудрости онъ никогда не былъ строптивъ, какъ Дарну, и искалъ скорѣе блаженнаго покоя, чѣмъ свободы.

Обойдя храмъ, онъ подошелъ къ нишѣ, поклонился божеству, и, увидѣвъ ручей и смоковницу, сказалъ:

— Вотъ божество съ пріятной улыбкой, а вотъ ручей сладкой воды и смоковница. Что еще нужно человѣку для пріятнаго созерцанія? А вотъ и Дарну. Онъ уже блаженъ до такой степени, что птицы вьютъ на немъ свои гнѣзда...

Видъ мудраго товарища былъ не особенно радостенъ, но Пурана, съ благоговѣніемъ поглядѣвъ на него, сказалъ себѣ:

— Безъ сомнѣнія, онъ блаженъ; но онъ всегда прибѣгалъ къ слишкомъ суровымъ способамъ созерцанія. Я же воздержусь отъ высшихъ степеней блаженства и надѣюсь разсказать землякамъ то, что увижу на ступеняхъ низшихъ.

И затѣмъ, обильно насладившись питьемъ и самыми сочными плодами, онъ усѣлся поудобнѣе, невдалекѣ отъ Дарну, и тоже приступилъ къ пріемамъ созерцанія, согласно правиламъ: то есть обнаживъ животъ и устремивъ взглядъ на то же мѣсто, какъ и первый мудрецъ.

Такъ проходило время, медленнѣе чѣмъ у Дарну, потому что благодушный Пурана нерѣдко прерывалъ созерцаніе, чтобы освѣжиться водой и сочными плодами. Но, наконецъ, изъ чрева второго мудреца тоже поднялся стволъ бамбука и тоже завершился 50 колѣнами, соотвѣтствовавшими годамъ его жизни. На вершинѣ опять возсѣла «Необходимость», но ему, въ туманѣ полубытія, казалось, что она пріятно улыбается, и онъ отвѣчалъ ей не менѣе пріятными улыбками.

— Кто ты, о, пріятное божество?—спросилъ онъ.

— Я—Необходимость, управлявшая всѣми 50 колѣнами твоей жизни... Все, что ты дѣлалъ, дѣлалъ не ты, а я, ибо ты не болѣе, какъ листокъ, уносимый потокомъ, а я владычица всѣхъ движеній.

— Будь же благословенна,—сказалъ Пурана, — я вижу,

Digitized by Google

что не даромъ пришелъ къ тебѣ. Продолжай и на будущее время исполнять свое дѣло за себя и за меня, а я въ пріятномъ созерцаніи буду наблюдать за тобою.

И онъ погрузился въ дремоту, съ блаженною улыбкою на устахъ. Такъ продолжалъ онъ свое пріятное созерцаніе, отъ времени до времени протягивая тыкву къ водѣ или подымая плодъ, упадавшій къ ногамъ. Но каждый разъ онъ дѣлалъ это съ меньшимъ удовольствіемъ, такъ какъ созерцательная дремота одолѣвала его все сильнѣе, а ближайшіе плоды были уже съѣдены, и чтобы достать ихъ съ дерева, нужно было дѣлать усилія.

Наконецъ, однажды, онъ сказалъ себѣ:

— Я глупый мудрецъ, слишкомъ удалившійся отъ истины, и потому предаюсь суетнымъ заботамъ. Не оттого ли доброе божество не торопится со своими откровеніями? Вотъ передо мною на деревѣ зрѣлый плодъ, а мой желудокъ пустъ. Долженъ ли я, чтобы получить плодъ, напрягать сначала мою волю, потомъ утруждать мышцы и дѣлать усилія? Но развѣ законъ необходимости не гласитъ ясно: гдѣ есть голодный желудокъ и гдѣ есть плодъ,—послѣдній необходимо влечется къ желудку... Итакъ, о добрая необходимость, я отдаюсь твоей власти... Не въ этомъ ли высшее блаженство?

И вотъ, онъ погрузился уже въ полное созерцаніе, какъ и Дарну, и сталъ ждать, пока необходимость осуществитъ себя сама. А чтобы нѣсколько облегчить ей задачу, онъ раскрылъ свой ротъ по направленію къ смоковницѣ...

Онъ ждалъ день, другой и третій... Постепенно улыбка застывала на его лицѣ, тѣло исхудало, исчезла пріятная округлость стана, жиръ подъ его кожей истощился и изъ подъ нея выступили сухожилія. Когда, наконецъ, время плода приспѣло и онъ упалъ, ударивъ Пурану по носу, — то мудрецъ уже не слышалъ паденія и не ощутилъ удара... Другая пара горлицъ свила гнѣздо въ складкахъ его тюрбана, въ гнѣздѣ скоро защебетали птенцы, и плечи Пураны обильно покрылись птичьимъ каломъ. Когда же буйная поросль перекинулась также на него, то вскорѣ нельзя уже было отличить Пурану отъ его товарища, строптиваго мудреца, боровшагося съ Необходимостію, отъ мудреца благодушнаго, который ей всецѣло покорился.

И въ храмѣ водворилась полная тишина, среди которой блестящій идолъ смотрѣлъ на обоихъ мудрецовъ со своей загадочной и странной улыбкой.

Срывались и падали плоды съ деревьевъ, журчалъ ручей, бѣлыя облака проносились по синему небу, заглядывая во внутренность храма, а мудрецы все сидѣли безъ признаковъ жизни—одинъ въ блаженствѣ внутренней свободы, другой въ блаженствѣ подчиненія Необходимости...

Digitized by Google

V.

Вѣчная ночь уже распростерла надъ обоими свои черныя крылья, и никто изъ живущихъ никогда не узналъ бы, какая истина являлась двумъ мудрецамъ на вершинѣ 50 колѣнъ тростника.... Но прежде, чѣмъ угасъ послѣдній лучъ, свѣтившійся въ сумеркахъ сознанія мудраго Дарну,—ему всетаки опять послышался прежній голосъ: «Необходимость» смѣялась въ наступающемъ мракѣ, и этотъ хохотъ, молчаливый и беззвучный, пронизалъ Дарну предчувствіемъ смерти...

— Бѣдный Дарну, — говорило неумолимое божество,— жалкій мудрецъ! Ты думалъ уйти отъ меня, ты надѣялся скинуть мое ярмо и, превратившись въ неподвижный чурбанъ, купить этимъ сознаніе внутренней свободы...

— Да, я свободенъ,—мысленно отвѣтилъ упрямый мудрецъ. Я одинъ изъ тьмы твоихъ слугъ не исполняю завѣтовъ необходимости...

— Смотри-же сюда, бѣдный Дарну...

И внезапно передъ внутреннимъ взоромъ его открылся смыслъ всѣхъ надписей и всѣхъ вычисленій на стѣнахъ храма. Цифры тихо измѣнялись, росли или убывали сами собою, и одна изъ нихъ особенно привлекла его взоры. Это была цифра 999998... И пока онъ смотрѣлъ на нее, внезапно еще двѣ единицы пали на стѣну, и длинный итогъ сталъ тихо превращаться. Дарну внутренно содрогнулся, а Необходимость опять засмѣялась.

— Понялъ ли ты, бѣдный мудрецъ? На сто тысячъ слѣпыхъ моихъ слугъ, мнѣ нуженъ одинъ упрямецъ, какъ ты, и одинъ лѣнивецъ, какъ Пурана... И вы пришли сюда оба, покорные зову... Вы—лучшіе изъ моихъ слугъ, избраннѣйшіе изъ тьмы. Привѣтъ вамъ, мудрецы, завершающіе мои вычисленія...

Тогда изъ потускнѣвшихъ глазъ мудреца выкатились двѣ слезинки, тихо покатились по изсохшимъ щекамъ, и упали на землю, какъ два зрѣлыхъ плода на деревѣ его долголѣтней мудрости.

А за стѣнами храма все шло по старому. Свѣтило солнце, вѣяли вѣтры, люди въ долинѣ предавались заботамъ, въ небѣ набирались тучи... Проходя надъ горами, онѣ отяжелѣли и обезсилили. Въ горахъ разразилась гроза..

И опять, какъ это бывало въ старыя времена—глупый пастухъ сосѣдняго склона пригналъ свое стадо, а съ другой стороны пригнала свое стадо юная и глупая пастушка. Они встрѣтились у ручья и ниши, изъ которой на нихъ глядѣло божество съ странной улыбкой, и пока шумѣла гроза, они обнимались и

Digitized by Google

ворковали совершенно такъ, какъ это дѣлали 999999 паръ въ такомъ же положеніи. И если бы мудрый Дарну могъ ихъ видѣть и слышать, онъ навѣрное сказалъ бы въ высокомѣріи своей мудрости:

— Глупые,—они дѣлаютъ это не для себя, а въ угоду Необходимости.

Между тѣмъ, гроза прошла, солнечный свѣтъ опять заигралъ въ зелени, еще покрытой блестящими каплями дождя, и освѣтилъ потемнѣвшую было внутренность храма.

— Посмотри,—сказала пастушка,—вотъ два новыхъ изваянія, которыхъ здѣсь прежде не было.

— Молчи,—отвѣтилъ пастухъ.—Старики говорятъ, что это поклонники стараго божества. Впрочемъ, они не могутъ сдѣлать вреда... Останься съ ними, а я пойду отыщу твоихъ пропавшихъ овецъ.

И онъ ушелъ, а она осталась съ идоломъ и двумя мудрецами. А такъ какъ ей было немного страшно и, кромѣ того, она была еще полна молодой любви и восторга, то она не могла оставаться на мѣстѣ, а ходила по храму и громко пѣла пѣсни любви и радости. Когда же гроза совсѣмъ прошла и края темной тучи скрылись за дальними вершинами горной цѣпи, она нарвала еще влажныхъ цвѣтовъ и убрала ими идола. А чтобы скрыть его непріятную улыбку, она воткнула ему въ ротъ плодъ горнаго орѣха, съ вѣткой и листьями. Послѣ этого она взглянула на него и громко засмѣялась.

Но и этого ей было мало. Она захотѣла убрать цвѣтами также и старцевъ. Но такъ какъ на добромъ Пуранѣ было еще гнѣздо съ птенцами, то она обратила вниманіе на суроваго Дарну, гнѣздо котораго уже опустѣло. Она сняла его, очистила тюрбанъ, волосы и плечи старца отъ птичьяго кала, потомъ обмыла его лицо ключевой водой. Она думала, что этимъ она платитъ богамъ за ихъ покровительство ея счастью. А такъ какъ и этого ей показалось мало, то, все еще переполненная восторгомъ, она наклонилась и вдругъ блаженный Дарну, стоявшій на самомъ порогѣ Нирваны, ощутилъ на своихъ сухихъ губахъ крѣпкій поцѣлуй глупой женщины...

Вскорѣ послѣ этого вернулся пастухъ съ найденной овечкой, и оба ушли, распѣвая веселую пѣсню.

VI.

Между тѣмъ, искра, едва не угасшая въ сознаніи мудраго Дарну, — отъ глупаго поцѣлуя затлѣлась опять и стала разгораться все сильнѣе. Прежде всего въ немъ, какъ въ домѣ, гдѣ всѣ спятъ, проснулась мысль и стала безпокойно метаться

Digitized by Google

въ темнотѣ. Мудрый Дарну думалъ цѣлый часъ и надумалъ одну только фразу:

— Они подчинялись Необходимости...

Еще черезъ часъ:

— Но, въ концѣ концовъ, и я тоже ей подчинился...

Третій часъ принесъ новую посылку:

— Срывая плодъ—я исполнялъ законъ необходимости.

Четвертый:

— Но и отказываясь—я служу ей не хуже.

Пятый:

— Они, глупые, живутъ и любятъ, а мы съ мудрымъ Пураной умираемъ.

Шестой:

— Въ этомъ есть, можетъ быть, необходимость, но очень мало смысла.

Послѣ этого, проснувшаяся мысль окончательно поднялась и стала будить другія спавшія способности:

— Если мы съ Пураной умремъ,—сказалъ себѣ мудрецъ Дарну, — это будетъ неизбѣжно, но глупо. Если я спасу себя и товарища,—это будетъ тоже необходимо, но умно. Итакъ, будемъ спасаться. Для этого нужна воля и усиліе.

Онъ отыскалъ въ себѣ маленькую искорку воли, которая еще не угасла. Онъ заставилъ ее поднять свои отяжелѣвшія вѣки.

Дневной свѣтъ ворвался въ его сознаніе, какъ врывается онъ въ помѣщеніе по открытіи ставень. И прежде всего ему представилась безжизненная фигура товарища, съ застывшимъ лицомъ и тоже съ предсмертной слезой на щекѣ. Тогда въ сердцѣ Дарну шевельнулась такая жалость къ злополучному товарищу его мудрости, что воля забѣгала въ немъ еще шибче. Она кинулась въ его руки и они стали двигаться, потомъ уже руки помогли ногамъ... На все это понадобилось времени гораздо больше, чѣмъ ушло его на размышленія. Однако уже слѣдующее утро застало тыкву Дарну, полную свѣжей воды, у самыхъ устъ Пураны, а кусокъ сочнаго плода попалъ наконецъ въ раскрытый ротъ благодушнаго мудреца.

Тогда челюсти Пураны пришли сами собой въ движеніе, и онъ подумалъ: «о, благодѣтельная Необходимость. Я вижу, ты уже начинаешь исполнять свое обѣщаніе». Но затѣмъ, убѣдясь, что около него хлопочетъ не божество, а его товарищъ Дарну, онъ нѣсколько обидѣлся и сказалъ:

— Восемь горныхъ хребтовъ и семь морей, солнце, и святыхъ боговъ, тебя, меня, вселенную—всѣхъ движетъ необходимость... Зачѣмъ ты разбудилъ меня, Дарну? Я стоялъ уже на порогѣ блаженнаго покоя.

— Но ты былъ подобенъ мертвецу, другъ Пурана.

Digitized by Google

— Кто, подобно слѣпому не видитъ, подобно глухому не слышитъ, подобно древу безчувственъ и недвижимъ,— о томъ знай, что онъ достигъ покоя... Дай мнѣ еще напиться, другъ Дарну...

— Пей, Пурана. Я вижу еще слезу на твоей щекѣ. Не блаженство-ли покоя выжало ее изъ твоихъ глазъ?

Послѣ этого мудрые старцы еще три дня пріучали свои уста къ питью и пищѣ, а члены къ движенію, и три ночи спали въ храмѣ, согрѣваясь взаимно теплотой своихъ тѣлъ, пока къ нимъ вернулись силы.

На четвертый день они стояли у порога разрушеннаго храма. Внизу, у ихъ ногъ, зеленѣли склоны горъ, сбѣгавшіе уступами въ долину... Далеко, въ долинѣ виднѣлись изгибы рѣки, бѣлѣли домики деревень и городовъ, гдѣ люди жили обычной жизнію, предаваясь заботамъ, страстямъ, любви, гнѣву и ненависти, гдѣ радость смѣняется горемъ, и горе залѣчивается новой радостію, и гдѣ среди гремящаго потока жизни люди подымаютъ глаза къ небу, отыскивая тамъ путеводныя звѣзды... Мудрецы стояли и глядѣли на картину жизни съ порога стараго храма.

— Куда намъ идти, другъ Дарну? — спросилъ ослѣпленный Пурана.—Нѣтъ ли указаній на стѣнахъ храма?

— Оставь въ покоѣ и храмъ, и его божество,—отвѣтилъ Дарну. — Пойдемъ ли мы направо, это будетъ согласно съ необходимостію. Пойдемъ ли мы налѣво, это тоже съ нею согласно. Развѣ ты не понялъ, другъ Пурана, что это божество признаетъ своими законами все то, что рѣшитъ нашъ выборъ. Необходимость—не хозяинъ, а только бездушный счетчикъ нашихъ движеній. Счетчикъ отмѣчаетъ лишь то, что было. А то, что должно быть -нуждается въ нашей волѣ для своего осуществленія...

— Значитъ...

— Значитъ, — предоставимъ Необходимости заботиться о себѣ, какъ она знаетъ. А сами выберемъ путь, который ведетъ насъ туда, гдѣ живутъ наши братья.

И оба мудреца веселыми ногами стали спускаться съ горныхъ высей въ долину, туда, гдѣ жизнь людей протекаетъ среди заботъ, любви и горя, гдѣ раздается смѣхъ и льются слезы...

...И гдѣ вашъ домоправитель, о Кассана, покрываетъ рубцами спину раба Джеваки.

Такъ разсказывалъ веселый старецъ Улайя о старцахъ Дарну и Пуранѣ... Кассана выслушалъ разсказъ и удалился въ раздумiи по направленію къ дому отца своего, могучаго раджи Ликави.

Вл. Короленко.

Digitized by Google

АВДОТЬИНЫ ДОЧКИ.

Разсказъ.

I

Въ корридорѣ трещалъ электрическій звонокъ.

Въ кухнѣ Авдотья только, было, раскрыла духовой шкафъ, собираясь перевернуть начинавшую румяниться телятину; сизыя волны ѣдкаго горячаго дыма охватили ея красное лицо съ сплывшимися чертами. Услыхавъ звонъ, она сердито захлопнула раскаленную дверку и поднялась на ноги.

— Арина!— крикнула она у закрытой двери въ людскую:— тебя звонятъ! оглохли вы тамъ, что ли?..

За дверью слышенъ былъ говоръ, смѣхъ и звонъ посуды.

— Иду сейчасъ!—откликнулся досадный молодой голосъ.

Въ людской давно идетъ чаепитіе. Маленькій столъ передъ окномъ, задвинутый вплотную между комодомъ и высокой кроватью, сплошь заставленъ чайнымъ приборомъ и тарелками съ угощеніемъ: ветчиной, масломъ, домашнимъ сладкимъ хлѣбомъ; въ серединѣ красуется бутылка пива.

Гость — видный мужчина лѣтъ около сорока, въ крахмаленной рубашкѣ и новенькой пиджачной парѣ — сидѣлъ такъ тѣсно рядомъ съ Аришей у передняго края, что при всякомъ движеніи они касались другъ друга локтями и плечами. Дѣвушка отклонялась на кровать и примяла большое углубленіе въ высокой перинѣ, постланной свѣтлымъ пикейнымъ покрываломъ и простыней, съ кружевной деревенской прошивкой по рубцу; на наволкахъ цѣлой груды подушекъ красуются крупныя красныя мѣтки русскимъ швомъ.

Уголъ за кроватью сплошь занятъ двумя вѣшалками, задернутыми ситцевой драпировкой; изъ подъ драпировки выглядываютъ пестрые подолы платьевъ и топорщатся крахмаленныя оборки юбокъ.

У другой стѣны одинъ на другомъ составлено нѣсколько сундуковъ разной величины, прикрытыхъ старенькой скатертью. На комодѣ до самой божницы карабкаются другъ на дружку

Digitized by Google

шкатулки и картонки, по обѣимъ сторонамъ крохотнаго туалетца.

Второму гостю здѣсь положительно негдѣ было бы примоститься, если бъ то не былъ свой человѣкъ — младшая сестра, Саша.

Саша забралась на подоконникъ и сидѣла, упираясь спиною въ косякъ, а колѣни протянула вбокъ, въ уровень со столомъ. Ея крупная фигура, туго стянутая высокимъ корсетомъ, вырисовывалась отчетливо въ яркомъ боковомъ освѣщеніи, скользившемъ по складкамъ синяго платья. На упругой щекѣ замѣтенъ пушокъ поверхъ красиваго румянца, пробивающагося черезъ гладкую плотную кожу; но на шеѣ кожа рѣзко переходитъ въ нечистые смуглые тона, что составляетъ для Саши предметъ постояннаго огорченія: она щеголяетъ своей чистоплотностью, а тутъ всякій можетъ подумать, что она моетъ шею только по праздникамъ.

Саша какъ забралась на подоконникъ, такъ уже и не могла шевельнуться безъ того, чтобы не поднялся звонъ посуды на подносѣ. Это каждый разъ вызывало взрывъ веселаго смѣха сестеръ и какое нибудь язвительное замѣчаніе со стороны гостя.

— Не комната — а какъ есть каюта пароходная!

Афанасій Ивановичъ предлагаетъ барышнямъ устроить висячія койки, какія бываютъ въ каютахъ. А то гдѣ же онѣ тутъ улягутся втроемъ по праздникамъ?..

Этого барышни ни за что не хотѣли ему объяснить, а онъ все возвращался къ игривой темѣ, заставлявшей ихъ покатываться со смѣху.

...И то, поглядѣлъ бы женихъ, какъ онѣ примащиваются на составленныхъ сундукахъ съ гладильной доской на подмогу! Рѣдкую ночь которая нибудь не летѣла на полъ, неосторожно метнувшись во снѣ. Мать уже и просыпаться перестала на привычный стукъ.

Дѣвушки переглядывались, хохотали и становились еще красивѣе отъ смѣха и отъ духоты крошечной комнаты послѣ вышитаго самовара.

Афанасій Ивановичъ всегда предпочиталъ блондинокъ; но сегодня черноволосая Саша такъ вызывающе красовалась передъ самыми его глазами на подоконникѣ — точно курочка-цыцарка на нашестѣ.

Сравненіе напрашивалось не даромъ: Афанасій Ивановичъ страстный любитель куръ и всякой другой птицы. Въ его казенной квартирѣ при одномъ изъ большихъ столичныхъ вокзаловъ всегда стоитъ оглушительная трескотня нѣсколькихъ канареекъ, чижей, зябликовъ, и только ночью смолкаетъ назойливый, жесткій звукъ ихъ быстрыхъ прыжковъ въ перебой.

Digitized by Google

А изъ чулана по всей лѣстницѣ разносится хвастливое кудахтанье молодокъ и побѣдоносное пѣніе красавца-пѣтуха. Пѣтухи у него неиначе какъ красавцы, да только ни одинъ не царитъ въ чуланѣ дольше года: Афанасій Ивановичъ непремѣнно разыщетъ гдѣ нибудь еще болѣе великолѣпнаго; откуда нибудь по линіи хоть какую даль привезти, такъ не полѣнится.

Давно уже Афанасій Ивановичъ порывался презентовать Аринѣ Петровнѣ первостотейную канареечку — да Ариша наотрѣзъ объявила, что она терпѣть не можетъ птицъ. И безъ птицъ голова трещитъ въ такой тѣснотѣ, да кухонномъ угарѣ.

Аришу третій разъ во время чаепитія требуютъ въ горницы; какъ точно на грѣхъ барышня сегодня въ мигрени лежитъ.

— Господи, угомонилась бы что ли хоть на часъ!—не удержалась дѣвушка, вся красная отъ досады, пробираясь мимо гостя.

Онъ долженъ былъ тоже подняться на ноги, для того чтобы она могла выбраться изъ за стола. Досадно мочи нѣтъ! И такъ проходу нѣтъ отъ его насмѣшекъ.

...Слава только одна, что Ариша портнихой числится — также точно помыкаютъ, какъ и простой горничной! И чего съ дуру всѣ набросились дѣвочекъ шитью обучать? барыни одни оттого въ барышахъ оказались, а съ дѣвушекъ двойная работа за то же жалованье требуется...

— Конечно, которая такимъ житьемъ довольна!— отвѣчала ему на это Ариша какимъ-то волнующимъ тономъ загадочныхъ намековъ...

...Господи! да онъ то изъ за чего же добивается?! неужели же хозяйкой зажить въ казенной квартирѣ съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, на шестьдесятъ рублей жалованья не лестно??

— Очень лестно, если только дѣвушка замужъ идти желаетъ,— отвѣчала, не задумываясь, невѣста.

Тутъ, казалось бы, жениху оставалось освѣдомиться о состояніи ея чувствъ — и конецъ, всему дѣлу вѣнецъ. Но передъ рискомъ категорическаго вопроса блистательный женихъ смущался въ приливѣ невольной робости...

Изъ кухни донесся обмѣнъ сердитыхъ восклицаній и хлопнула дверь.

— Житье, ужъ можно сказать!— произнесъ саркастически Афанасій Ивановичъ, усаживаясь на прежнемъ мѣстѣ напротивъ Саши.

— Мать у плиты всегда сердитая,—пояснила недовольно дѣвушка.

— Что мудренаго, коли изо дня въ день покою не видѣть! тоже и года не молоденькіе. Ужъ на что у насъ служба

Digitized by Google

строгая и отвѣтственность, прямо сказать, страшная—а и то каждый свое отдежурилъ и больше знать ничего не знаешь.

— Да ужъ вамъ-то чѣмъ еще не житье!—усмѣхнулась Саша и почему-то поглядѣла на него насмѣшливыми глазками.

— Эхъ, Александра Петровна! молодость ваша — неопытность!— протянулъ лирически гость и выпуклые глаза его сильнѣе подернулись влагой:— Я къ жизни своей довольно привыкъ... А только я одиночествомъ своимъ удрученъ...

И вздохнулъ. Саша схватилась за пустую чашку, чтобы скрыть улыбку; голову совсѣмъ назадъ запрокинула, давая стечь себѣ на языкъ послѣднимъ сладкимъ капелькамъ — ну, вотъ совсѣмъ какъ точно птичка: воды носикомъ набрала и горлышко вытягиваетъ, чтобы проглотить...

Гость такъ возбужденно двинулъ своимъ стуломъ, что тотъ затрещалъ подъ нимъ.

— Александра Петровна!.. Сашенька... хоть бы вы сколько нибудь пожалѣли меня! Я окончательно измаялся... Нарочно сегодня собрался—думалъ вы меня поддержите сколько нибудь...

Внезапный натискъ смутилъ дѣвушку. Отъ невозможности проявить свое волненіе какимъ нибудь свободнымъ движеніемъ, она еще больше разрумянилась.

— Что же я тутъ могу, Афанасій Ивановичъ?! Сестра сама старше меня, знаетъ безъ меня, какъ для нея лучше.

Гость пріосанился.

— Стало быть, въ прислугахъ мыкаться лучше, нежели за мной, какъ у Христа за пазухой, жить? Такъ, значитъ, и записать прикажете?

— Да зачѣмъ вамъ мои-то слова записывать—вы вѣдь не ко мнѣ свататесь!—точно поддразнила она его.

И тутъ случилось совершенно непонятное: гость весь вытянулся надъ столомъ и залепеталъ, зажмуривъ глаза отъ испуга:

— А что коли... что ежели я къ вамъ??. то есть... къ вамъ самимъ посвататься вздумаю??. Сашенька... извольте дослушать!.. Учиться желаете—это не помѣха... Я даже съ моимъ удовольствіемъ на курсы отпустилъ бы... развѣ мы не понимаемъ?.. Са-шенька!..

Онъ открылъ глаза, самъ совершенно ошеломленный, точно все это непроизвольно сорвалось съ его языка.

...Два часа глядитъ на нее въ этой стекляной клѣткѣ, до того даже, что въ душѣ все перепуталось... Не хочетъ Ариша—такъ эта ничѣмъ не хуже, еще моложе! Вотъ сейчасъ спросите, какъ на духу, которую онъ изъ двухъ сестеръ выбираетъ—не знаетъ, какъ и отвѣтить: хороши обѣ, не найти нигдѣ лучше! Которая захочетъ, пусть такъ оно и будетъ..

Digitized by Google

Про Сашу Афанасій Ивановичъ до сихъ поръ еще и не задумался ни разу; дѣло видимое, что тутъ надежды быть не можетъ—ишь она подъ ученую барышню подлаживается! одного ученья кончить не успѣла, какъ уже объ другомъ загововорила.

Но въ эту минуту всѣ трезвыя соображенія шатались подъ напоромъ страстнаго желанія. Афанасій Ивановичъ въ такой мѣрѣ всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ себя женихомъ—что, прямо сказать, силъ нѣтъ уйти опять ни съ чѣмъ изъ этой предательской каморки, увѣшанной женскими тряпками и точно пропитанной насквозь дѣвичьимъ задоромъ...

И одной-то бутылки пива женихъ еще не допилъ, а въ головѣ такая возня пошла, какъ послѣ самаго отчаяннаго кутежа.

Его умоляющій голосъ замеръ. По каморкѣ звонко разсыпался хохотъ:

— Вотъ такъ сюрпризъ!.. ха-ха-ха... ай да женихъ! къ собственной свахѣ съ горя присватался... охъ!.. уморили!!. вотъ уже не слыхивалъ-то никто... ха-ха-ха!..—заливалась пуще Саша, не обращая вниманія на прыгающую посуду.

Сквозь смѣхъ она смутно почувствовала, какъ, наконецъ, треснуло стекло за ея плечомъ.

— Батюшки, стекло то, стекло! поберегитесь!..—завопилъ женихъ, весь красный, весь мокрый, точно на него стаканъ воды выплеснули.

Охъ, и бѣдовая эта Саша... всегда онъ зналъ! Аришу оттого и выбралъ, что та степенная, не такъ безпощадно на смѣхъ подниметъ, какъ эта егоза; но сейчасъ егоза все нутро въ немъ перевернула.

— Ну, что жъ... скажите спасибо, хоть развеселилъ васъ по крайности!—выговорилъ онъ перехваченнымъ обидой голосомъ.

— Еще бы! какъ не спасибо... Вонъ—въ убытокъ только ввели!

Саша совсѣмъ непостижимо вся извернулась на подоконникѣ какимъ-то вопросительнымъ знакомъ и провела пальчикомъ по лучистымъ трещинамъ, разбѣжавшимся огромной звѣздой по стеклу.

— За мной убытокъ никакой не пропадетъ.

Его смѣряли высокомѣрнымъ взглядомъ черезъ плечо.

— Непремѣнно! съ вами, видно, и пошутить-то нельзя—не понимаете...

Въ эту минуту въ кухнѣ раздался голосъ вернувшейся Ариши; она объ чемъ-то спорила съ матерью.

Саша сейчасъ же приняла прежнюю позу. Розовое лицо ея смѣялось каждой черточкой, хоть она степенно сжимала свои малиновыя губы.

Digitized by Google

...А ну-ка соколикъ, какъ ты теперь выкарабкаешься?.. И правда, распотѣшилъ таки подъ конецъ несносный сладенькій вздыхатель!

— Александра Петровна... Сашенька!..—зашепталъ женихъ растерянно:—я на ваше великодушное сердце надѣюсь... помилуйте, чѣмъ же я виноватъ?! сами же вы сегодня довели... тутъ вовсе разсудка лишишься!..

— А вамъ кто сказалъ, что у меня сердце великодушное?—кокетничала Саша:—я думаю, Ариша-то сестра мнѣ.

— Тш... тш!.. ради Господа!—дайте по крайности съ мыслями собраться...

Саша засмѣялась, а Ариша съ маху распахнула дверь и сразу увидала все: разбитое стекло, прыгающіе глазки Саши и смущенный видъ краснаго какъ ракъ гостя.

— Какъ это тебя угораздило?—спросила она рѣзко сестру.

— Да ужъ такъ!—засмѣялась та загадочно:—вотъ кабы ты смирно на мѣстѣ сидѣла, такъ и стекло цѣло осталось бы... ха-ха-ха!..

— Что же вы подрались тутъ безъ меня, что ли?

— Афанасія Иваныча спроси, коли тебѣ очень любопытно.

Ариша покосилась на гостя.

— Ничуть даже не любопытно... съ какой стати!

Она не садилась. Саша тоже стала осторожно отодвигать столъ отъ окна, чтобы можно было выбраться; но для этого гостю нужно было выйти въ кухню.

Афанасій Ивановичъ сталъ благодарить молодыхъ хозяекъ за угощеніе. На его разгоряченномъ лицѣ смущеніе смѣнялось теперь сдержаннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

...Понятное дѣло, молодымъ дѣвицамъ больше и дѣлать нечего, какъ только на смѣхъ поднимать. Кто въ нихъ влюбился, тотъ и угодилъ на зубокъ! Но Афанасій Ивановичъ Картышевъ недаромъ промыкался на свѣтѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ; зналъ онъ преотлично, что человѣкъ, обладающій казенной квартирой съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, при солидномъ жалованьи, пользующійся благоволеніемъ начальства, и къ тому же обладающій видной наружностью—такой человѣкъ вполнѣ можетъ не брать во вниманіе различныхъ обстоятельствъ, даже весьма губительныхъ для какой нибудь мелкой сошки. Хоть въ состояніи души его и случилось сегодня смятеніе, но такъ какъ на столѣ не было другого угощенія, кромѣ скромной бутылки пива, то онъ могъ разсудить собственное положеніе совершенно трезво.

...Пожалуй, оно и къ лучшему вышло, что онъ малость увлекся. Дѣлать серьезное предложеніе на двѣ стороны самому какъ то не складно, а черезъ третье лицо съ такими занозами, какъ Дунины дочки, и вовсе дѣла вести не приходится... Ни-

Digitized by Google

чего, пусть же Сашенька про себя знаетъ! Сестрицы промежду себя подѣлятъ его, какъ сами захотятъ. Судьба, значитъ, рѣшитъ—веселой ли черноволосой Сашѣ или степенной Аришѣ хозяйничать въ казенной квартирѣ.

Со смерти жены, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Картышевъ разомъ почувствовалъ себя центромъ женскаго вниманія: что называется, отъ невѣстъ отбою не было. Его осаждали приглашеніями, знакомствами, непрошенными услугами. Матушки, тетушки, сестрицы и профессіональныя свахи ловили его, гдѣ только могли. Барышни, одѣтыя по модѣ, молодыя и хорошенькія, неудостаивавшія его прежде никакого вниманія, теперь улыбались благосклонно и старались завязать знакомство.

Помимо всякихъ стараній съ его стороны, завидный женихъ узналъ всю подноготную: сколько приданаго числится за какой невѣстой и какихъ надо опасаться физическихъ изъянцевъ или жизненныхъ приключеній, вродѣ семейныхъ ссоръ, разошедшихся свадебъ и т. д. Узналъ онъ, что богатое наслѣдство некрасивой дочки машиниста Иванова—одинъ обманъ; всѣмъ извѣстная бездѣтная тетка недавно перевѣнчалась въ третій разъ съ какимъ-то пропащимъ мальчишкой... У Сонички Краевой падучая болѣзнь, оттого ее и отсылаютъ то и дѣло гостить къ крестной матери на Охту... Красавица Варвара бѣгаетъ на свиданія къ молодому инженеру... У Маши Сапожковой такой злющій характеръ, что родная мать глазъ отъ нея не осушаетъ.—И такъ безъ конца, во всю прыть досужихъ фантазій и неутомимыхъ бабьихъ языковъ.

Однако жъ все это было напрасно. Афанасій Ивановичъ сразу почувствовалъ, что судьба его кроется не иначе какъ только здѣсь: въ тѣсной каморкѣ простой кухарки, его землячки и пріятельницы покойной жены. На ихъ глазахъ и росли Авдотьины дѣвочки, поступали въ ученіе къ портнихѣ, и стали выравниваться, а онъ сталъ отличать бѣлолицынькую Аришу...

Авдотья отдернула въ сторону сковородку съ шипящимъ масломъ и бросилась провожать дорогого гостя. Сестры сейчасъ же спрятались назадъ въ людскую.

— Куда же вы такъ торопитесь, Афанасій Ивановичъ,— посидѣли бы еще немножко—право-ну!—пѣла вкрадчиво Авдотья, заглядывая въ глаза.

Афанасій Ивановичъ стѣсняется; небось, и такъ успѣлъ уже наскучить барышнямъ... При этомъ онъ крутилъ усы и незамѣтно обдернулъ полы новаго пиджака.

Авдотья всполошилась. Какія такія барышни, чтобы съ ними столько церемониться?! Послѣдняя развѣ дура, которой можетъ наскучить благородный разговоръ!

Digitized by Google

— Н-ну! дурамъ до твоихъ дочекъ далеко, Авдотья Кузьминишна!—произнесъ женихъ съ чувствомъ.

— Ахъ, и набалованы же, изъ рукъ вонъ!—вырвалось у матери искренно:—Вы хоть не вбивайте имъ въ голову, Христомъ Богомъ прошу... Далеко ли на гордости нашей ускачешь?!.

Они вышли изъ кухни на площадку и остановились передъ узкой полутемной лѣстницей.

Картышевъ медлилъ, соображая, какъ бы ему половчѣе предупредить свою вѣрную союзницу насчетъ послѣдней диверсіи. А Дуня безпокойно поглядывала на него...

...Ну, чего человѣкъ дожидается? Что дальше тянуть,—то больше мѣста дѣвчонкѣ куражиться. Въ матери крѣпко было было традиціонное убѣжденіе, что такія дѣла вершатся всего вѣрнѣе однимъ натискомъ родительской воли, чтобы и опомниться было некогда.

— Ужъ коли онѣ двѣ вмѣстѣ сойдутся, такъ хошь кого такъ заговорятъ,—сказала Авдотья неопредѣленно—такъ, чтобы можно повернуть и въ похвалу, и въ осужденіе, глядя по надобности.

Гость усмѣхнулся про себя, потомъ какъ-то нерѣшительно скосилъ глаза въ ея сторону.

— Н-да!.. Стоютъ одна другой, что и говорить... П-парочка!

— Ну, Саша-то еще Богъ вѣсть до чего добьется,—вздохнула мать,—смѣла ужъ черезчуръ! Не нарваться бы гдѣ нибудь.

Картышевъ безпокойно поправилъ на головѣ новенькій котелокъ.

— Ариша хошь и упрямая, да какъ то смысла въ ней больше, что ли, — договорила не совсѣмъ уже увѣренно Авдотья.

Ей вдругъ показалось неловко, что она хвалитъ ему Аришу. Для того и про упрямство ввернула.

— Чтожъ, смѣлость не порокъ—а ты, Авдотья Кузьминишна, сомнѣваешься совсѣмъ напрасно...

И Афанасій Ивановичъ вдругъ рѣшился:

— Я тебѣ признаюсь вотъ какъ: любую беру съ охотой, которая согласна—мнѣ все единственно! Одного гнѣзда! Пока чего, ты не болтай барышнямъ ничего... не тревожь ихъ... пусть! Только про себя должна знать.

Послѣ этого, какъ бы уклоняясь отъ возможныхъ возраженій, степенный Афанасій Ивановичъ шумно ринулся внизъ по лѣстницѣ, не взглянувъ даже на свою растерянную собесѣдницу.

Красное отъ плиты лицо Авдотьи совсѣмъ побагровѣло.

Digitized by Google

Вотъ тебѣ и здравствуйте! Разъ-два-три—какъ пулю отлилъ молодецъ, да и былъ таковъ!

...Саша... да это вовсе слѣпому надо быть, чтобы такое вздумать! Охъ, и дураки жъ эти мужчины!—ужъ коли которому приспичитъ жениться, такъ самый почтенный точно послѣдній мальчишка себя поведетъ...

Авдотья всегда считала Картышева образцомъ всѣхъ мужскихъ качествъ и такая съ его стороны несостоятельность уязвила ее въ самое сердце.

...Дуракъ и есть! Сунься-ка сказать это дѣвчонкамъ, такъ съ ними одного стыда не оберешься! До какихъ лѣтъ дожилъ, а того человѣкъ не понимаетъ, какое надо съ дѣвками обращеніе имѣть.

Авдотья изъ кожи лѣзла, внушая Аринѣ, какъ Афанасій Ивановичъ безъ памяти влюбленъ въ нее: на вокзалѣ всѣ невѣсты за него передрались, а онъ всѣхъ на нее промѣнялъ, хошь знаетъ, что имъ самаго пустого приданишка справить не изъ чего. Мать-то старается, а онъ тѣмъ временемъ—накось куда вывернулся!

— Мама! да съ ума ты сошла, что ли?! въ печкѣ жаркое горитъ, дымъ такъ и валитъ, а она на лѣстницѣ разговоры завела! разстаться не могутъ!..

Ариша, сердитая, кричала во все горло, остановившись въ раскрытыхъ дверяхъ.

Мать сконфуженно ринулась мимо нея въ кухню, полную горькаго чада.

— Друзья неразливные!—послала ей вслѣдъ язвительно дочка.

II.

— У васъ тутъ, того гляди, чахотку схватишь! что за безобразіе такое!—негодовала Саша, стоя подъ открытой форточкой въ людской.

Саша теперь приходитъ домой по праздникамъ, да и то не всегда. За годъ слишкомъ своего пребыванія на акушерскихъ курсахъ, она успѣла привыкнуть къ простору и чистотѣ казенныхъ зданій, къ строгому порядку больничныхъ палатъ. Безпорядочная кухня съ тѣсной людской каморкой, пропитанной тѣмъ же чадомъ, пронизываемой тѣми же сквозняками—каждый разъ точно еще ярче выдѣляетъ ея новую жизнь. Точно толчокъ какой-то напомнитъ каждый разъ Сашѣ, что до цѣли еще далеко... Надо много усилій, много труда, чтобы завоевать себѣ свободное и благообразное существованіе.

Ариша вернулась съ лѣстницы и сердито опустилась на стулъ.

Digitized by Google

— Запри! Непремѣнно нужно насморкъ схватить изъ за тебя!

— Не могу я такой вонью дышать!—И Саша еще ближе подставила голову подъ форточку.

— Еще бы! у васъ въ палатахъ вони мало!

— Ну, ужъ объ этомъ ты, пожалуйста, не разсуждай, коли не понимаешь! У насъ день и ночь за воздухомъ наблюдаютъ.

— То-то ты у насъ на кухнѣ все морщишься... Скоро отвыкла—безъ году недѣля.

Саша захлопнула форточку, повернулась спиной къ столу и взглянула въ лицо сестрѣ:

— Чего ты шипишь сегодня, понять нельзя! Чѣмъ я-то тебѣ не угодила?

Ариша сумрачно уставилась глазами въ край синей юбки. Непремѣнно давеча Сашка съ Картышевымъ пересмѣивались на ея счетъ. Недаромъ же Саша стекло разсадила, а тотъ, точно какъ ошпаренный, выскочилъ, какъ только она изъ горницы вернулась.

Сестры всегда жили очень дружно,—но съ тѣхъ поръ какъ младшая поступила на курсы, между ними словно черная кошка перебѣжала.

Ариша сейчасъ же почувствовала, что ей не угоняться: какъ она была портниха, такъ и останется; да, пожалуй, еще, служа за горничную, и вовсе потеряешь привычку тянуться. Въ черной работѣ иной разъ и причесаться-то какъ слѣдуетъ до самаго обѣда не урвешься! А Сашку все больше отъ барышни не отличить. Сегодня у нея самая модная прическа сдѣлана; даже барышня ея, генеральша, такъ еще не причесывается, все только собирается попробовать.

И держать себя стала Саша совсѣмъ по другому. На каждомъ словѣ не фыркаетъ зря, какъ прежде; только улыбочка порхаетъ по лицу, ямки на щекахъ смѣются и большіе темно-сѣрые глаза сіяютъ. Пополнѣла она, похорошѣла, подросла даже немножко... одно слово—расцвѣла! А ужъ довольна своимъ житьемъ такъ, что даже говорить спокойно не можетъ: вся розовая сдѣлается, глазами блещетъ.

Въ сердцѣ Ариши поднимается что-то горькое, горькое, какъ полынь... Въ одной мастерской учились—она старшая—да вдругъ такъ отстала отъ сестры, что и схватиться не за что!

На второй курсъ Саша первой ученицей перешла; съ весны отъ платы за ученье освободили. Директоръ велѣлъ впередъ прямо къ нему обращаться и обѣщалъ дать казенное мѣсто, если будетъ до конца такъ же стараться. Съ того дня, какъ Саша прибѣжала домой, точно угорѣлая, съ этимъ извѣстіемъ и тутъ же на кухнѣ разрыдалась отъ радости—съ самаго того дня Ариша возненавидѣла собственное подневольное житье...

Digitized by Google

Все лѣто на дачѣ были съ господами непріятности. Подъ конецъ генеральша изъ терпѣнья вышла, объявила матери, что коли Ариша служить не желаетъ—пусть такъ и скажетъ. Портнихъ, слава Богу, за десять рублей сколько угодно.

Скверная вышла исторія. Ариша толвко еще пуще озлилась, оттого что не чувствовала себя правой. Другого мѣста искать она вовсе не собиралась, даже и подумать не можетъ, какъ бы это она въ чужой домъ наниматься явилась. Знаетъ, слава Богу, какъ ихъ мать командовала чужими горничными. Извѣстное дѣло, на кухнѣ кухарка хозяйка, ладь съ нею всякій какъ знаешь.

Выросли въ домѣ при матери. Дѣвчонками щеголяли въ барышниныхъ старыхъ платьяхъ, подарочки къ праздникамъ получали. Бывало, пріятельницы матери только удивляются на ихъ счастье: поди-ка, поищи, гдѣ это нынче позволятъ кухаркѣ двухъ дочекъ около себя выростить! Дѣтей-то, какъ огня, вездѣ боятся.

Немудрено и самой разсудить, что все это сущая правда, да только Аришѣ оттого нелегче. Сватовство Картышева сильно польстило ея больному самолюбію. Оттого Ариша и отвѣта рѣшительнаго не даетъ, тянетъ... Жениху и объясниться-то съ нею какъ надо не удавалось, а и отказа настоящаго онъ какъ будто не получалъ.

Саша подождала напрасно отвѣта на свою жалобу и вздохнула.

— Ну, Богъ съ тобой, коли такъ! Я могу вѣдь и порѣжекъ вамъ въ гости приходить, коли вы мнѣ такой любезный пріемъ дѣлаете. Найду, авось, какъ мнѣ праздничный день провести.

Задорныя слова такъ и перевернули Аришѣ все сердце.

...Еще бы! какъ Сашѣ не найти—за ней студенты ухаживаютъ! Сама же она разсказывала.

Сначала, сгоряча, Саша каждымъ новымъ впечатлѣніемъ дѣлилась съ сестрой. Весною она въ одного медика влюбилась; какъ теперь у ней съ нимъ дѣла обстоятъ, Ариша не знаетъ: Саша стала скрываться.

— И то, что тебѣ за неволя въ нашей каморкѣ, забившись, сидѣть, чадъ кухонный глотать! Найдется небось съ кѣмъ погулять!..

Хмурые голубые глаза такъ и впивались, въ надеждѣ подмѣтить смущеніе на лицѣ Саши. Саша только покачала головой.

— Экъ ты стараешься... точно тебѣ деньги за это заплатятъ!— разсмѣялась она добродушно.

Сашу теперь ужасно какъ трудно разсердить — сама да-

Digitized by Google

же иной разъ удивляется. Прежде такая же вспыльчивая была. Она придвинулась и тронула Аришу за плечо.

— Да будетъ ужъ тебѣ, право! прогнала старикашку и дѣлу конецъ... кто же тебя принудить можетъ? послушала бы лучше, какая у меня забота завелась...

Саша стала совсѣмъ серьезная. Сѣрые глаза пронзительно смотрѣли куда-то, сквозь закопченную стѣну, увѣшаную тряпками.

Забота Саши, по обыкновенію, заключалось въ новой «затѣѣ»: массажу учиться нужно необходимо! Докторъ сказалъ, что теперь каждая хорошая акушерка должна массажъ знать. Да только денегъ на это откуда достать? Ломаешь голову попусту — даже заболѣла... Изъ пальца денегъ не высосешь, коли ихъ нѣтъ!

Ариша, какъ водится, сейчасъ же вскипѣла:

— Это еще когда ты надумала? вотъ ужъ жадность ненасытная — всего-то ей мало!

Саша разсердилась.

— Да ты слыхала или нѣтъ?— докторъ сказалъ! какже другія будутъ знать массажъ, а я нѣтъ; какже я тогда съ ними равняться могу? Да еще и мѣста, пожалуй, изъ за этого не получишь.

— Такъ то массажъ, а то акушерка!—твердила безсмысленно Ариша.

— А коли вмѣстѣ надо, тогда какъ?! впрочемъ, что съ тобой и толковать — тебѣ бы только спорить!

Саша вздохнула съ горечью и задумалась.

— Акушерка! массажъ!— потомъ еще чего нибудь не придумаешь ли?!

— Само собой! Еще курсы есть — фельдшерицей буду. Два года ученья.

На этотъ разъ Ариша даже на мѣстѣ не усидѣла.

— Ну, тогда ужъ, стало быть, прямо въ докторши попадешь?!

Саша точно нарочно не замѣчала ея волненія.

— Нѣтъ, докторшей никакъ нельзя — тѣмъ надо гимназію кончить, да еще изъ латыни экзаменъ сдавать — безъ этого никого не допускаютъ.

Точно въ пику ей эти спокойные, серьезные отвѣты. Ариша искала достаточно грозныхъ словъ, — но въ эту минуту мать ее крикнула изъ кухни: барышня звонитъ.

Авдотья подозрительно глянула съ порога въ задумчивое лицо Саши, продолжавшей стоять у стола, схватившись руками за доску.

— А ты бы лучше сестру-то образумила: какого ей еще жениха надо? Да за него тамъ всѣ невѣсты передрались, а

Digitized by Google

эта дура носъ воротитъ! И ты ученая туда же... многу проку отъ ученья вашего!

Авдотья прислонилась къ косяку и начала вытирать глаза краемъ грязнаго передника.

— Нѣтъ чтобы мать успокоить... Квартира-то у него какая— всѣмъ намъ мѣсто нашлось бы! И не чужой намъ, слава Богу, съ молоду знакомство ведемъ... Жена покойница крестная мать ваша — чего ужъ лучше надо, кажется?!

Послѣдній доводъ разсмѣшилъ Сашу. Она нагнула голову, чтобы мать не замѣтила. Впрочемъ, огорченіе матери Саша понимала. Но вдругъ ей вспомнилось то, что сегодня такъ неожиданно произошло у нея съ женихомъ.

— Ахъ, да отвяжись онъ отъ насъ совсѣмъ, весь и Афанасій Ивановичъ вашъ!— насильно милъ не будетъ!— крикнула дѣвушка рѣзко.

— Гдѣ они, милые-то? Мальчишка, небось, какой нибудь голый, чтобы женѣ потомъ на него же весь вѣкъ работать, на пьянство ихнее?? Эти милые по вашему?

Отвѣта никакого не послѣдовало. Посуда на столѣ стояла немытая, какъ сестры давеча угощали гостя; ни одна изъ нихъ и не подумала убрать ее. Авдотья подошла и взялась за самоваръ.

— Ладно... не вѣкъ вамъ мать за слугу будетъ! надоѣстъ хоть бы и Аришкѣ съ ея характеромъ по прислугамъ мыкаться... Опомнится еще, что хозяйкой жить въ своемъ дому сама не захотѣла!

Мать унесла самоваръ и вернулась за подносомъ. Саша задвинулась къ самой кровати. Въ тѣсной каморкѣ точно еще душнѣе стало дышать.

Въ кухнѣ Авдотья гремѣла посудой и громко сморкалась. Плачетъ. Ариша не возвращается.

Саша сняла со стѣны свою старенькую шубку и съ трудомъ натянула ее на модные широкіе рукава. Выросла она изъ этой шубки, а объ новой и думать нечего. Передъ туалетцемъ она надѣла шляпку съ сѣрымъ крылышкомъ въ высокомъ бантѣ изъ лентъ. Надѣла — и полюбовалась; недавно у нея эта шляпка. Веселѣе стало по улицамъ ходить, когда отъ прежней старомодной избавилась.

— Ты куда это? а обѣдать какъ же?! — всполошилась Авдотья, отшвырнувъ куда попало полотенце.

— Наѣлась, не хочу.

— Чего ты наѣлась, что пустяки-то говорить?! Охъ, Сашка! тебѣ нынче мать слова не скажи поперекъ—сейчасъ вильнула юбками да пошла. Не больно ли скоро въ барышни попала?

Розовыя щеки Саши закраснѣлись сильнѣе.

— Ну, чего ты, право, мама, ругаешься ни съ того ни

Digitized by Google

съ сего? Дѣло есть — не цѣльный же день сидѣть, сложа руки! Прощайте.

— Съ сестрой не попрощалась... Или поругались опять?

— Вы тутъ только и знаете, что ругаться. Хоть глазъ не показывай!— выговорила Саша на ходу, дрогнувшимъ отъ обиды голосомъ.

И ушла.

Откуда у нея шляпка новая? Видно опять акушерка свою подарила. Авдотьѣ страшно досадно, что она не успѣла разспросить. И жалко, что Саша ушла сердитая, обѣдать не захотѣла.

Авдотья опять заплакала. Тревога у нея всегда выражается слезами.

III.

Въ прихожей позвонили.

Ариша въ столовой накрывала столъ къ обѣду. Барыня приказала.

Когда давеча горничная явилась на звонокъ въ комнату барышни, Екатерина Николаевна велѣла ей приметать свѣжее кружево къ сѣрому лифу.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не уноси къ себѣ, — сейчасъ сдѣлай.

Барышня сказала это слабымъ отъ мигрени голосомъ, однако съ ударенiемъ, которое должно напомнить Аришѣ, что объ этомъ кружевѣ ей вчера уже было сказано — опять изъ ума вылетѣло!

Барышня не крикнула, потому что голова болитъ; горничная всетаки вспыхнула, и руки у нея вздрагивали отъ досады, когда пришлось тутъ же, стоя у окна, приняться за работу.

Блуждающiй усталый взглядъ остановился на бѣлокурой косѣ, закрученной тугимъ узломъ на затылкѣ горничной; на ея склоненномъ бѣломъ лицѣ, съ насупленными бровями и сурово поджатыми губами.

...А Саша — та еще красивѣе! Еще бы!. Линiи твердыя, плечи круглыя, зубы бѣлые, косы густыя, брови пушистыя. У этихъ нѣтъ ни малокровiя, ни мигреней! вотъ вамъ и кубическiе футы воздуха, бифштексъ, молоко, купанья, воды, доктора...

Катя нервно передвинула на подушкѣ голову и сейчасъ же почувствовала острую боль въ лѣвомъ вискѣ.

— Ариша! что же ты столъ не накрываешь — пятый часъ! — окликнулъ изъ будуара голосъ генеральши, когда горничная проходила обратно по смежной гостиной.

Digitized by Google

— Сію минуту накрываю,—отвѣтила Ариша твердымъ голосомъ, какимъ обыкновенно прислуга успокаиваетъ господъ.

На самомъ дѣлѣ Ариша и не подозрѣвала, что время подошло къ обѣду. Господи, когда это день прошелъ, и не замѣтила! Сейчасъ же она принялась накрывать на столъ и думала о взволновавшихъ ее Сашиныхъ планахъ.

Теперь Аришѣ обидно, что она не удержалась, показала сестрѣ свою досаду... И всегда оно такъ! ей трудно совладать съ собой въ первую минуту. Въ сущности, планы Саши всегда восхищаютъ ее своей дѣльностью — шага человѣкъ мимо не сдѣлаетъ!

Мастерскую кончили, Саша года мастерицей не прожила— глаза у нея разболѣлись. Докторъ приказалъ очки, строго сказалъ, что съ ея глазами плохо портнихой быть. Саша ходила темнѣе ночи, очки швыряла, видѣть себя въ нихъ не могла.

И вѣдь повезло же — во всемъ она счастливая! Въ мастерской шили для богатой акушерки приданое дочери. Увидала, что у дѣвушки глаза болятъ и посовѣтовала лучше на акушерскіе курсы поступить, чѣмъ надъ шитьемъ слѣпнуть. Объяснила все какъ и что... да, Сашѣ стоитъ одно словечко кинуть, она уже уцѣпится!

Слава Богу, что отъ платы освободили; акушерка такъ и пообѣщала... Ужъ и старалась же Саша, — изъ кожи лѣзла! Теперь еще массажъ выдумала... Гдѣ денегъ взять? Ну, что нибудь она да думаетъ же!..

Аришѣ, мочи нѣтъ, на себя досадно: чѣмъ бы толкомъ сестру разспросить, а она раскипятилась, точно какъ отъ зависти... стыдно, однако это не значитъ, что ощущенія ея совершенно измѣнились. Каждый новый успѣхъ Саши, каждый смѣлый шагъ впередъ ее наполняетъ мучительной тревогой. Страхъ какой-то охватываетъ... Точно она все больше отстаетъ, одна позади остается и съ мѣста двинуться некуда...

Есть тоже и у Ариши свои думы на душѣ, да только безъ денегъ тутъ и говорить не объ чемъ... А гдѣ такихъ денегъ взять?

Ариша накрывала столъ точно во снѣ. Собственныя мечтанія, которыхъ она никогда никому не повѣряла—даже Сашѣ не говорила — несмѣло закопошились въ умѣ сквозь всѣ эти мысли.

... Давно объ этомъ и не думала... удерживается—какой прокъ думать? только еще тошнѣе горничное житье покажется! Лѣтнія непріятности свѣжи въ памяти . . . . . .

Два прибора на столѣ уныло теряются въ большой темноватой столовой, съ ея монументальнымъ буфетомъ, высокими рѣзными спинками тяжелыхъ стульевъ и мраморными досками столовъ различныхъ фасоновъ. Немногимъ свѣтлѣе и въ квад-

Digitized by Google

ратной гостиной отъ тяжело задрапированныхъ оконъ; тускло отсвѣчиваютъ рамы картинъ и матовая бронза лампъ на бархатистомъ фонѣ дорогихъ обоевъ. Мебель, мягкими шолковыми коробками разной величины, сгруппирована уютными уголками для веселыхъ собраній. Огромный темный кабинетъ, небольшой свѣтленькій будуаръ и просторная комната дочери расходятся крыльями въ двѣ стороны. А изъ столовой въ широкомъ корридорѣ прячутся спальня, комната молодого барина, уборная, ванная.

Удобно и просторно раскинулась барская квартира стариннаго дома. Свободно въ ней могли бы помѣститься еще двѣ такія семьи. Тихія глубокія комнаты точно дремлютъ въ ожиданіи чего-то...

Все въ нихъ разставлено, разложено, приготовлено для жизни—прежней жизни, когда звенѣли дѣтскіе голоса, топали проворныя маленькія ноги; когда появлялись и исчезали, смѣняя другъ друга, разнообразныя фигуры нянь, боннъ, гувернантокъ, учителей, докторовъ... проносился переполохъ дѣтскихъ болѣзней и звонъ дѣтскаго веселья; когда красивая генеральша рядилась, устраивала вечера и принимала визиты; хорошенькій пажикъ приводилъ веселыхъ товарищей; маленькая Катя не страдала мигренями...

Тогда жизнь рвалась куда-то впередъ. Теперь безжизненныя комнаты точно ждутъ—не вернется ли прежнее? Не начнется ли что-нибудь новое?.. И люди какъ будто ждутъ чего-то... Или имъ жаль, или имъ лѣнь разорить старое затихшее гнѣздо...

Рядомъ съ этимъ пустующимъ просторомъ ютилась другая жизнь—и она тоже измѣнилась съ годами. Ей становилось все тѣснѣе, все душнѣе въ крошечной людской каморкѣ.

Въ прихожей сильно дернули звонокъ. Горничная бросила на столъ салфетки и пошла отворять.

...Батюшки, темно совсѣмъ въ передней... давнымъ давно лампу пора зажечь!—И тутъ же вспомнилось, что у барышни въ комнатѣ лампа и вовсе незаправленая осталась. Барышня встала поздно, а тамъ гостя этого къ нимъ принесло... Неминовать опять выговора!

Ариша сердито толкнула дверь.

— Ба!.. темнота какая!.. Ага, госпожа неисправная горничная... Что это съ нами случилось сегодня?.. а?..

Молодой офицеръ входилъ, гремя саблей и снисходительно посмѣиваясь.

Свѣтъ лампы съ лѣстничной площадки упалъ прямо въ лицо горничной, разстроенное и хмурое. Почему-то Ариша подумала, что звонитъ баринъ... совсѣмъ изъ ума вонъ, что воскресенье сегодня! На столъ накрывала и не вспомнила, что

Digitized by Google

Викторъ Николаевичъ къ обѣду придетъ. Ну, и выдастся же такой денекъ проклятый!..

Она пропустила гостя и поскорѣе захлопнула дверь, инстинктивно прячась отъ свѣта.

— Та, та, та!.. ты ужъ хоть дверь-то не запирай,—ничего не вижу!..

Но Ариша точно будто не слыхала этихъ словъ и хотѣла проскользнуть мимо него.

— У-у! упрямица! куда?.. а пальто кто же съ меня сниметъ?

Онъ говорилъ теперь фамильярнымъ шопотомъ, съ ласковымъ смѣхомъ. Въ маленькой прихожей онъ заполнялъ собою все пространство, касался ея жосткими складками драповаго пальто.

— Опять туча черная?.. удивительно! ты хоть къ зеркалу въ залѣ подойти да полюбуйся на себя. Лобъ, точно у старухи, въ морщинахъ, губы надутыя...

— Вамъ-то что?!.—сорвалось непроизвольно съ этихъ губъ.

— Вотъ какъ нынче!

Онъ засмѣялся короткимъ, сухимъ смѣхомъ, отъ котораго Аришѣ всегда дѣлается больно. Она подхватила тяжелое пальто и потянулась зацѣпить его на вѣшалку,—но въ ту же минуту почувствовала вокругъ себя его руки; мягкіе усы защекотали ей шею, горячее дыханіе скользнуло по щекѣ.

Дѣвушка выпустила на полъ пальто и, какъ кошка, выскользнула у него подъ рукой. Отъ неожиданности, офицеръ качнулся впередъ, лицомъ въ мягкія складки висѣвшей передъ нимъ плюшевой ротонды.

— Пхе!.. волчонокъ этакій!..—выбранился онъ и сталъ поднимать съ пола тяжелое пальто.

Ариша, какъ ураганъ, ворвалась въ кухню.

— Барыня... обѣдъ... поскорѣе...—выговорила она съ усиліемъ.

Можно было бы видѣть, какъ содрагаются отъ ударовъ сердца крѣпкія стѣнки корсета. Щеки горѣли пятнами.

— А Саша-то вѣдь ушла!—сказала съ огорченіемъ Авдотья.—Поругались вы, что ли, давеча? Не сказывала она, что обѣдать не останется?

— Ушла?..—повторила машинально Ариша. Нѣсколько минутъ назадъ это извѣстіе совсѣмъ иначе подѣйствовало бы на нее; теперь она забыла, что тутъ должна быть Саша.

... И лучше коли ушла...

. . . . . .

— Витя, милый—ты??

Генеральша выплыла изъ своей комнаты какъ разъ въ ту минуту, когда сынъ остановился передъ зеркаломъ, чтобы привести въ порядокъ сбитую прическу.

Digitized by Google

Викторъ похожъ лицомъ на мать, на что онъ отнюдь не въ претензіи: maman была хорошенькая и теперь еще хоть куда, когда принарядится. Полная фигура, стянутая прекраснымъ корсетомъ, величественно колышется на ходу подъ пріятно переливающимся шолкомъ новаго платья.

Она поцѣловала сына въ голову, когда онъ нагнулся къ ея рукѣ, а потомъ притянула къ себѣ и еще разъ поцѣловала въ губы.

— Я ужъ думала, что и ты нынче не будешь... разсердиться собиралась! Николай Викторовичъ, какъ водится, закатился на цѣлый день, Катя валяется съ утра.

Викторъ поморщился.

— Мигрень?

Мать звучно вздохнула. Читала долго вечеромъ, или за чаемъ съѣла лишнее...

Они рядомъ двигались къ комнатѣ Кати. Братъ не подошелъ къ кушеткѣ; издали иронически щелкнулъ шпорами и опустился на стулъ около окошка.

— «Курить нельзя»—пришло на умъ прежде всего.

Викторъ терпѣть не можетъ, когда Катя больна. Сѣрая, растрепанная, кислая... Вообще больныя женщины—порядочная гадость! Нѣкоторыя дамочки умѣютъ, по крайней мѣрѣ, какъ-то жантильно раздѣлывать, а Катя всегда чортъ знаетъ на что похожа дѣлается!

Дѣвушка закинула голову и поглядѣла на брата черезъ лобъ; но въ високъ такъ сильно кольнуло, что она тихонько охнула.

— Лежи, лежи!—крикнула сострадательно мать.

— Извини, я не зналъ, что къ тебѣ нельзя. Покурить пойти!

И юноша выскользнулъ въ дверь, прежде чѣмъ ему успѣли возразить.

Мать нагнулась надъ кушеткой, скрипнувъ тугимъ корсетомъ.

— Какъ же съ обѣдомъ, котикъ? Сюда прислать или ты встать попробуешь?

— Не хочу...

— Нѣтъ, Бога ради, только ты не капризничай! Сама знаешь, тебѣ всегда лучше, если ты покушаешь...

— Я не могу...

— Это такъ только кажется. Сегодня телятина... Чудесная, я сама видѣла—бѣлая, какъ сливки!

По тому, какимъ вкуснымъ голоскомъ генеральша повторила выраженіе бойкаго разносчика и при этомъ слегка облизнула свои полныя губы, видно, что она, отъ скуки, не разъ уже вспомнила про эту многообѣщающую телятину.

Digitized by Google

Больная дѣвушка тоскливо передвинула на подушкѣ голову и ничего не отвѣтила. Ея худенькое лицо съ мелкими чертами дѣйствительно казалось совсѣмъ сѣрымъ въ полусвѣтѣ. Волосы отброшены со лба и развились отъ примочки; глаза въ темныхъ кольцахъ кажутся больше, но они совсѣмъ тусклые...

Въ такіе дни Катѣ можно дать всѣ тридцать лѣтъ.

Она закрыла глаза. Мать молча сидѣла рядомъ и изрѣдка вздыхала съ томительнымъ чувствомъ безсилія передъ зломъ, котораго нельзя избѣжать. Мигрени Кати съ годами все усиливаются, становятся однимъ изъ главныхъ элементовъ ихъ существованія и служатъ поводомъ для постоянныхъ столкновеній...

Какъ всѣ больные, Катя старается забыть о ней въ здоровые промежутки. Какъ всѣ близкіе, имѣющіе больного на своемъ попеченіи—мать всегда хочетъ *предупреждать*, и заставляетъ думать объ этомъ постоянно. И каждый разъ повторяются одни и тѣ же слова, раздражающія уже потому, что ихъ впередъ ждешь...

. . . . . .

— Ариша, подай мнѣ спичку!

Викторъ Николаевичъ откинулъ полу сюртука на свѣтлой подкладкѣ, вынулъ изъ кармана небольшой изящный портсигаръ и, вытянувъ улыбающіяся губы, нѣжно захватилъ зубами папироску. Зубами своими онъ любилъ щеголять.

Ариша продолжала раскладывать ножи у приборовъ; ножи стали задѣвать за тарелки.

— Н-ну?.. Что же??

— Вонъ спички... Возлѣ васъ на каминѣ лежатъ.

— Подай мнѣ, если я говорю.

Онъ долженъ былъ посторониться, чтобы она могла взять спички за его плечомъ.

— Развѣ это все? а прощенья просить?!.

Онъ схватилъ ея руку у кисти и началъ больно вертѣть пальцами.

— Во первыхъ, я по твоей милости ткнулся носомъ въ мамашину ротонду. Во вторыхъ, у пальто лопнула вѣшалка. Это что еще за обычай?

Ариша краснѣла, сжимая отъ боли челюсти.

— Пустите...

— Пустить? Ха! Ладно, справляй пока свои дѣла—послѣ съ тобой сочтемся!

Онъ отпустилъ ея руку и принялся чиркать спичкой. Горничная опрометью бросилась въ кухню.

Цѣлый годъ Ариша дичится и бѣгаетъ. И на игру не похоже—чуть что, сейчасъ слезы... Гордая—ни одной жалобы. Впрочемъ, на что жаловаться? Грѣха на его совѣсти никакого.

Digitized by Google

Положимъ... можетъ быть и не по его заслугамъ... но, въ концѣ-то концовъ, развѣ это мѣняетъ дѣло?.. . . . . .

. . . . . .

За столъ мать и сынъ усѣлись вдвоемъ. Генеральша сейчасъ же стала жаловаться на скуку.

Если бъ сегодня Викторъ почему нибудь не могъ пріѣхать, ей пришлось бы одной засѣдать за этимъ унылымъ столомъ. Николай Викторовичъ, слава Богу, если раза два въ недѣлю пообѣдаетъ дома—по воскресеньямъ никогда! Въ Петербургѣ мудрено поддерживать знакомства, если хозяина никогда нельзя застать... Хотя бы въ оперу абонироваться опять—просто вѣдь нелѣпо жить затворницей, имѣя взрослую дочь...

...Господи, до чего Виктору надоѣли всѣ подобные разговоры!.. Того впечатлѣнія, какого мать добивается—впечатлѣнія ихъ обдѣленности—они почему-то никогда не вызываютъ въ немъ. И онъ находитъ, что онѣ сами же всѣмъ тяготятся, и нельзя хорошенько понять, чего собственно имъ нужно? Кресла въ оперѣ были нѣсколько сезоновъ къ ряду; надоѣло ѣздить далеко—точно повинность отбывали; да и музыки никто не понимаетъ...

Скука всѣхъ сезоновъ: скука осенняя, зимняя, весенняя и лѣтняя. Лѣтомъ—деревня, тамъ скука, по крайней мѣрѣ, по законному положенію. Впрочемъ, они ухитрялись скучать даже и въ курортахъ, куда Катю возили лѣчиться.

— Всѣ эти ея мигрени, малокровія, нервы—все это отъ скуки, отъ одной только скуки! Я въ этомъ сотни разъ убѣждалась—меня никто не разувѣритъ... Помилуй, можно же наконецъ и вылѣчиться въ столько лѣтъ! У нея нѣтъ никакой болѣзни.

Генеральша восклицала все запальчивѣе, хоть ее никто не опровергалъ. Ей надоѣло цѣлый день молчать, она торопилась отвести душу, не заботясь о томъ, что ему нечего сказать ей. Она съ увлеченіемъ развиваетъ цѣлыя здравыя теоріи... Казалось бы, остается только принять ихъ къ руководству и въ одинъ прекрасный день перевернуть собственную жизнь съ самаго основанія.

Но сыну давно извѣстно, что изъ пламенныхъ разговоровъ ровно ничего не выходитъ. Въ слѣдующій разъ онъ найдетъ все точь въ точь попрежнему: услышитъ тѣ же жалобы—тѣ же «вѣрнѣйшія средства»—то же неуловимое зло, разъѣдающее ихъ жизнь. Почему? Кто виноватъ? Что мѣшаетъ, чтобы было иначе?..

Двадцати двухлѣтній поручикъ, конечно, не отвѣтилъ бы на эти вопросы, но Викторъ даже и не ставилъ ихъ себѣ. Онъ слушалъ въ полъ уха, вставляя случайныя замѣчанія, и въ то же время развлекался наблюденіями за Аришей, сумрачно

Digitized by Google

прислуживавшей имъ; обратить на себя ея вниманіе ему никакъ не удавалось.

Дѣвушка держала передъ нимъ блюдо съ рыбой. Викторъ Николаевичъ накладывалъ себѣ на тарелку, и вдругъ, будто нечаянно, мазнулъ мокрой ложкой по рукѣ горничной. Блюдо качнулось—что-то полетѣло на полъ.

— Что это съ вами, Ариша?—спрашивалъ молодой баринъ съ участіемъ.

А генеральша тѣмъ временемъ съ прежнимъ жаромъ громила уже на новую тему: *о несправедливости*. Это вторая семейная тема.

...Она всегда говоритъ, что молодежь въ Петербургѣ катается какъ сыръ въ маслѣ, а бѣдныя барышни должны погибать со скуки, если онѣ не бѣгаютъ на какіе нибудь курсы, не готовятся въ пѣвицы или актрисы. Ухаживать нынче принято только за артистками, или за замужними дамами — а жениться на комъ попало въ двадцать лѣтъ. На благовоспитанныхъ барышень никто вниманія не обращаетъ, ихъ боятся! Какимъ же образомъ при этомъ выходить замужъ?

Въ этомъ сквозитъ страхъ, что Катя замужъ не выйдетъ. Все будетъ всегда идти такъ же, какъ идетъ теперь... Онѣ будутъ болтаться, точно въ пустой склянкѣ, въ этой прекрасной огромной квартирѣ, которая прежде была нужна...

...Раздраженный подобными жалобами, минутами Викторъ чувствуетъ во всемъ этомъ какую-то нелѣпость; нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ, чтобы ничего нельзя было придумать! Надо дать себѣ трудъ поломать серьезно голову... Но въ томъ-то и бѣда, что голова всегда переполнена чѣмъ нибудь своимъ, и мгновенное желаніе потухаетъ въ приливѣ досады на ихъ безпомощность и упорство.

А скучному воскресному обѣду суждено было закончиться еще болѣе плачевнымъ образомъ. Совершенно напрасно генеральша уговаривала свою больную скушать хоть кусочекъ соблазнительной телятины: случилось такъ, что ей и самой не пришлось ея попробовать.

Въ кухнѣ Авдотья, багровая отъ ужаса, переложила жаркое съ противня прямо на столъ и ножомъ поспѣшно снимала губительные слѣды своей бесѣды на лѣстницѣ съ Афанасіемъ Ивановичемъ. Разумѣется, обрѣзать вѣдь можно что угодно! Только жаркое, лишонное своего естественнаго румянаго покрова, выглядѣло страшно не аппетитно и даже комично.

Аришѣ противно видѣть, какъ мать возится, раскладывая на всѣ лады жирными пальцами нарѣзанные ломти, въ нелѣпой надеждѣ что-то скрыть.

— Ахъ, да давайте сюда, ради Господа! вѣдь ужъ застыло все—еще того лучше сдѣлали!

Digitized by Google

Дѣвушка схватила жаркое и мужественно понесла въ столовую съ такимъ видомъ, какъ будто ей совершенно неизвѣстно—все ли у нея благополучно на блюдѣ.

Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу драматическаго настроенія генеральши. Разъ десять Викторъ выслушалъ, что, заплативши тридцать пять копѣекъ за фунтъ мяса, еще нельзя быть увѣренной, что его можно будетъ ѣсть... Но телятина въ тридцать пять копѣекъ не можетъ не быть хороша, это всякому ясно! Съ ней можно сдѣлать только *одну* непростительную оплошность: пережарить, пережарить, пережарить—ничего больше! Если ее чуть-чуть не додержать—она отъ этого только будетъ сочнѣе и можетъ «дойти» потомъ; и будетъ особенно сочна холодная. Нужно всего полчаса вниманія—но этому народу развѣ жаль чужого?.. Сжечь, перепортить, расколотить—все ни почемъ! Эту чудную, бѣлую какъ сливки, телятину сожгли въ уголь...

Кухарка, и безъ того сожженая стыдомъ, должна была предстать въ столовую, чтобы объяснить барынѣ, что могла она сдѣлать съ телятиной?! Но она предпочла ничего не объяснять. Она глядѣла отчаянными глазами, не сморгнувъ, прямо въ разгнѣванное лицо съ видомъ человѣка, который не шевельнется, если сейчасъ ему отрубятъ голову.

Викторъ давалъ себѣ слово цѣлый годъ не спрашивать нигдѣ телятины, такъ ему набило слухъ это гнусное слово. Онъ пробовалъ на всѣ лады уговаривать, старался зашутить, припоминая и присочиняя кулинарные анекдоты... Но получилъ въ отвѣтъ, что ему отчего же и не балаганить: вѣдь не онъ заплатилъ совершенно напрасно четыре рубля за жаркое! Каждый день такой роскоши они не могутъ себѣ позволить.

Сынъ предложилъ, наконецъ, поѣхать сейчасъ дообѣдывать во французскій ресторанъ: это будетъ оригинально—avec sa noble mère!

Въ концѣ концовъ, Викторъ добился того, что мать разсмѣялась, назвала его шалопаемъ и отослала къ сестрѣ, а сама ушла къ себѣ полежать полчаса.

IV.

Катя встрѣтила брата унылымъ взглядомъ. Викторъ потянулъ носомъ.

— Какой противный запахъ! Ну кто нынче употребляетъ допотопныя примочки? У насъ дома отъ всего точно затхолью несетъ.

— Вовсе запахъ не противный. Просто тебѣ съ нами скучно... Ты, конечно, сейчасъ исчезнешь?

Digitized by Google

Катя проговорила это покорно и закинула худенькую руку, чтобы поправить подушку. Братъ хотѣлъ ей помочь, но зацѣпилъ шпорой за коверъ и толкнулъ столъ. Флаконъ упалъ, а изъ подъ кушетки выкатилась маленькая лохматая собаченка и запрыгала на него съ комическимъ хриплымъ лаемъ.

— Дружокъ, Дружокъ, какой стыдъ! ты барина не узналъ? Дружокъ!..

Катя старалась успокоить собаченку, приподнявшись на локтѣ безъ всякой предосторожности; на худыхъ щекахъ показалась краска.

— Ты испугалъ его,—сказала она съ упрекомъ Виктору.

Онъ злобно разглядывалъ уродливое созданіе съ вытертой тусклой шерстью, мутными глазами и мокрой беззубой мордой.

— Скажи на милость, когда съ этимъ красавцемъ будетъ покончено?! Я распоряжусь, чтобъ за нимъ прислали изъ лѣчебницы. Я подарю тебѣ какую хочешь молодую собачку, чтобы только не видѣть больше этого безобразія!

Катя, ничего не возражая, помогла собаченкѣ взобраться на кушетку и укладывала ее около себя, удерживаясь, чтобы не поцѣловать передъ Викторомъ; а самой ей пришлось при этомъ задвинуться совсѣмъ въ уголъ. На лицѣ было виновато-упрямое выраженіе человѣка, которому приходится постоянно отстаивать что-то свое, дорогое, противъ общихъ и справедливыхъ нападокъ; она шептала едва внятно какія-то нѣжныя слова. Дружокъ ворчалъ и вертѣлся, не находя сразу положенія для своихъ старыхъ костей.

— Неужели тебѣ это не противно?—донималъ Викторъ:— оттого у тебя и голова болитъ—онъ отравляетъ здѣсь воздухъ. Нѣтъ, матушка, сколько ни изводи на него духовъ, все равно не поможетъ! Старая гниль!..

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы. Весь день, лежа съ головной болью, она вспоминала радостно: «сегодня Витя придетъ!..» Такъ каждое воскресенье; съ утра они съ мамой ждутъ его, ни за что ни одна не выйдетъ изъ дому; вѣдь Викторъ можетъ собраться къ нимъ и пораньше! Этого никогда не случается, но каждый разъ почему-то кажется, что можетъ случиться именно сегодня.

...И что за охота Виктору такъ мучить ее изъ за Дружка? Знаетъ, какъ она любитъ, и точно на это злится... Вѣчно эти отвратительные разговоры про собачью лѣчебницу, точно она можетъ позволить уморить бѣднаго вѣрнаго Дружка... такая низость!

Правда, Дружокъ сталъ гадокъ и безтолковъ отъ старости, сталъ злой... Но Катя безропотно терпитъ всѣ неудобства; любовь ея точно ростетъ съ ними вмѣстѣ. Ссорится изъ за него съ матерью и Викторомъ, прислугу преслѣдуетъ. Обѣщанная

Digitized by Google

молодая и красивая собачка ничуть не кажется ей привлекательнѣе ея стараго уродца.

Катя лежала, неудобно согнувшись, и смотрѣла какъ мѣрно вздымается у нея подъ бокомъ комокъ желто-сѣрой тусклой шерсти, и боялась шевельнуться, чтобы не потревожить. Теперь хорошо бѣдному старому Дружку!

Генеральша пришла къ дѣтямъ хмурая, кислая. Одну щеку она отлежала—совсѣмъ стала розовая. Она куталась, ее поводила томительная зѣвота соннаго человѣка, которому не удалось выспаться.

...Только заведешь глаза—точно толкнетъ кто-то: «нельзя, нельзя спать...» А въ сущности, для чего нужно тянуться въ корсетъ, бояться растолстѣть, беречь фигуру? для кого?

Иной разъ, мысленно махнешь рукой въ отвѣтъ и уже безпрепятственно погрузишься въ набѣгающія бархатныя волны дремоты. Но гораздо чаще инстинктивный внутренній отпоръ поднимаетъ ее на ноги, хмурую и капризную...

— Темно какъ у тебя со свѣчами! Викторъ, вели, пожалуйста, лампу зажечь. Ариша ни о чемъ во время не думаетъ; это рѣшительно несносно!

Она долго и шумно усаживалась въ креслѣ. Катя сейчасъ же поддержала ее: просто невыносимо до чего Ариша становится небрежна. Все забываетъ.

— Совершенно непонятно, о чемъ она думаетъ! Авдотья сегодня отличилась: мою чудную телятину сожгла, такъ что никто и не попробовалъ. Это только съ нами возможно! Чѣмъ имъ лучше живется, тѣмъ они дѣлаются безсовѣстнѣе... Только и можно чего нибудь добиться строгостью.

— Ариша стала такая обидчивая, что ей слова нельзя сказать, каждую минуту вспыхиваетъ...

Катерина Николаевна не могла кончить,—въ комнату входила горничная.

— Скажи, пожалуйста, милая, ты вѣрно когда нибудь слыхала, что въ порядочныхъ домахъ лампы заправляются съ утра, а не въ ту минуту, когда ихъ надо зажигать?

Точно барыня съ нетерпѣніемъ ждала минуты, чтобы уничтожить ее этимъ вопросомъ.

— Я сто разъ говорила, но это ни къ чему не ведетъ, прибавила безстрастно барышня.

— Ну, такъ почему же такая неисправность? Отвѣть же, наконецъ, что нибудь!

Ариша съ недоумѣніемъ подняла глаза: чего отъ нея теперь добиваются?

— Слушаю-съ,—сказала она неожиданно.

— До чего это несносно—имѣть вѣчно передъ глазами на-

Digitized by Google

дутую физіономію!—услыхала дѣвушка за своей спиной раздосадованный возгласъ.

«И до этого дѣло — улыбаться заставьте!»—думала она. Горло сжималось все сильнѣе.

...Нельзя миновать столовой. Господи, воля твоя, чего онъ опять привязался къ ней сегодня?! Съ самаго лѣта дулся, показывалъ, что ему дѣла нѣтъ до нея. Ей только того и хотѣлось.

Ариша въ волненіи сдѣлала всего нѣсколько шаговъ. Сильныя руки захватили ея обѣ руки—въ одинъ мигъ она очутилась притиснутой къ стѣнѣ, въ углу около буфета. Офицеръ цѣловалъ ее, куда случится, приговаривая:

— Вотъ, вотъ... это тебѣ за ложку! разозлилась? у-у-у какая злюка! Люблю тебя злить, знаешь... Злишься и не смѣешь—ну, что?.. что?.. Крикнуть небось хочется, а нельзя?

И правда, онъ любилъ, когда она злится. Вся сдѣлается бѣлая, губы бѣлыя, а глаза выпрыгнуть хотятъ. Движенія красивыя, рѣзкія; ничего подобнаго нельзя увидѣть въ гостиныхъ. Онъ называлъ это genre femme de chambres...

Ариша безъ звука отбивалась отъ него въ углу.

— Глупая... зачѣмъ ты такая глупая?.. Говори скорѣе—когда придешь ко мнѣ?.. Будетъ, надоѣло!!. Слушай: нарочно забуду здѣсь свой портсигаръ, ну ты завтра принеси его ко мнѣ... Довольно ты меня за носъ водишь. Придешь?

— Стыда въ васъ нѣтъ!.. Знаете сами—во вѣкъ этого не будетъ, во вѣкъ!.. Викторъ Николаевичъ, я крикну сейчасъ—не боюсь...

— Кричи...

Онъ зажалъ ей ротъ рукой и сталъ шептать прямо въ ухо, пока почувствовалъ, какъ что-то теплое смочило ему руку.

— Ну, заревѣла! Всегда была глупая. Сама вѣдь любишь, точно я не знаю! Трусиха! Успокойся—и смотрѣть-то больше на тебя не хочу!...

Онъ оставилъ ее и сердито зашагалъ изъ столовой.

Она безсознательно закружилась по комнатѣ.

...Куда? куда теперь спрятаться?.. угла своего нѣтъ нигдѣ! Крикнуть бы громко, закричать во весь голосъ отъ обиды... Ноги подкашиваются.

Ариша вдругъ бросилась по корридору, распахнула маленькую дверку и скользнула въ темноту. Въ темнотѣ она пошарила рукой, не нашла стула и опустилась на край цинковой ванны.

Выплакаться на волѣ хоть первую минуту—не справиться съ собой... Она забрала въ комокъ бѣлый передникъ и сунула въ него лицо, захвативъ зубами складки. Плечи судорожно дергались, стянутый станъ мѣрно раскачивался круговымъ движеніемъ.

Digitized by Google

«Сама любишь—точно я не знаю... трусиха»... Неправда, вретъ онъ! Пятнадцать лѣтъ было... Что она понимала?.. Баринъ красивый—въ пажахъ учился... Ухаживать началъ не какъ теперь, грубостей не позволялъ себѣ. Ждешь, бывало, субботы, точно рая небеснаго! Лѣтомъ въ деревнѣ пораньше утречкомъ сойдутся въ рощѣ—шалятъ, болтаютъ... Вотъ тогда... любила его, правда! Цѣловались... такъ развѣ могла она помѣшать?.. Ну, что жъ изъ того—не обѣщалась вѣдь она ему никогда—нѣтъ его власти надъ ней... Кто ей повѣритъ?! Вотъ онъ и знаетъ, да не вѣритъ! Все еще въ головѣ держитъ, добивается...

Теперь Аришѣ кажется, что она ненавидитъ Виктора Николаевича. Нахальный сталъ—облапитъ насильно, гдѣ только можетъ, будто своего требуетъ! Знаетъ, что ей податься некуда... Не начнешь вѣдь кричать и въ самомъ дѣлѣ!

«Уйти... уйти отъ нихъ!»—думала она, затихая отъ усталости.

Вдругъ Ариша услыхала шаги; вся похолодѣла и перестала дышать. Шаги прошлись по корридору мимо ванной и вернулись назадъ въ столовую.

— Ариша!

Вотъ! Что хочетъ онъ, можетъ сдѣлать съ ней,—а позвалъ, и она должна идти къ нему. Она не двигалась.

— Ариша!..

...«Увидитъ, что не иду—уймется можетъ быть».

Но шаги опять завернули въ корридоръ, и дѣвушка испуганно кинулась въ дверь. Было ужъ поздно: Викторъ загородилъ ей дорогу и оттѣснилъ ее назадъ, въ темноту.

— А-а-а!.. Мы вотъ гдѣ прячемся?..—зашепталъ онъ ласково, какъ будто ничего не произошло между ними.

— Пустите меня Бога ради, Викторъ Николаевичъ! У меня еще и со стола не убрано!—взмолилась покорно Ариша.

— Не бойся, я не съѣмъ тебя.

— Вамъ говорятъ же—посуда не мытая стоитъ! И чего вамъ надо отъ меня? Мнѣ и безъ васъ тошно—на свѣтъ Божій не глядѣла бы...

Они стояли близко другъ подлѣ друга въ совершенной темнотѣ. Викторъ осторожно обнялъ ее за плечи, но цѣловать не сталъ; и Ариша, забывшись, не вырывалась отъ него.

— Оттого и тошно, что ты глупая! Ужъ если любишь меня, значитъ такая твоя судьба, — выговорилъ офицеръ резоннымъ тономъ: — Чего ты боишься?.. Никто не будетъ знать. Теперь гораздо хуже, потому что ты... ты выводишь меня изъ терпѣнья!..

Онъ стиснулъ ей талію. Сейчасъ же Ариша метнулась отъ него и ударилась ногой о ванну; металлическій гулъ заставилъ ихъ замереть отъ испуга.

Digitized by Google

— Вотъ видишь, какъ ты глупишь!—хихикнулъ Викторъ и внезапно поцѣловалъ ее въ шею.

Тогда Ариша сильно схватила его за обѣ руки.

— Я вамъ скажу... скажу! Викторъ Николаичъ... я... я замужъ иду! Меня отличный женихъ сватаетъ, своимъ домомъ жить буду... Оставите вы меня теперь?..

Викторъ тихонько протяжно свистнулъ.

— Вотъ тебѣ на! Такъ бы и говорила, глупенькая... Замужъ?.. Чтожъ!.. это весьма не дурно придумано—это даже превосходно устраиваетъ наши дѣла!.. хорошо, хорошо, орудуй, мой другъ, какъ знаешь! Васъ, бабъ, учить не надо...

Ариша плохо понимала, что онъ говоритъ. Она ждала совершенно другого пріема своимъ словамъ. Какъ и отвѣтить ему не нашлась.

— А ты боялась, что я стану мѣшать тебѣ судьбу устроить? глупая! развѣ я такой эгоистъ?

Ариша вспыхнула.

— Ничему вы не можете помѣшать—съ какой стати?! Не по васъ же плакать весь вѣкъ!

Онъ опять разсмѣялся своимъ дразнящимъ смѣхомъ.

— Я развѣ прошу тебя плакать? любовь не для слезъ нужна. Сдѣлай милость, выходи замужъ, да только поскорѣе! Будешь, стало быть, свободная д-д-дама?!

Онъ засмѣялся и вдругъ схватилъ ее въ охабку,—началъ такъ обнимать, цѣловать такъ...

Не помня себя, дрожа съ головы до ногъ, Ариша едва выскочила въ столовую. Бросилась къ столу, плеснула въ стаканъ воды, разливая по скатерти, и съ трудомъ проглотила стиснутымъ горломъ. Тяжелая волна медленно откатывалась отъ сердца...

Викторъ Николаевичъ мѣрными шагами прошелъ черезъ столовую. У камина онъ остановился; вынулъ изъ кармана портсигаръ—положилъ, пристукнувъ имъ по мраморной доскѣ.

— До свиданья!—выговорилъ онъ раздѣльно.

V.

Всю ночь до зари Ариша не смыкала глазъ. Съ вечера мать крикнула на нее нѣсколько разъ:

— Чего ты все ворочаешься, да пыхтишь? Животъ, что ли, болитъ?

Дѣвушка примолкла.

— Экій характеръ подлый! матери слово отвѣтить и то трудно!

Авдотья натянула на голову ватное одѣяло и задышала тяжело.

Digitized by Google

Теперь дочь могла свободно вздыхать и метаться на сундукахъ, постланныхъ тонкимъ тюфячкомъ. Сегодня она чувствуетъ, какъ жестко лежать, и сундукъ одинъ чуточку выше другого... а то, заснешь коли сразу—и хоть бы что!

...Душно!.. какъ это мать можетъ ватнымъ одѣяломъ накрывшись спать.

...«Я вотъ что сдѣлаю—я ванну накрою досками, да и стану тамъ себѣ на ночь стелить. Одна тамъ буду».

Не можетъ Ариша оторвать своихъ мыслей отъ ванной...

Встала вся разбитая; голова точно свинцомъ налита. Барышня позвонила ее раньше вчерашняго.

Глаза у Катерины Николаевны и сегодня тусклые, лицо желтое, но она стала одѣваться. Ходить—еле-еле двигается... Руки подниметь и опять опуститъ... Сидить, сидить... Часъ цѣлый прическу дѣлала. Ариша подаетъ то то, то другое.

«Небось, съ моей-то головой и не выползла бы...» — думаетъ она, съ какимъ-то злорадствомъ вслушиваясь въ собственную боль.

Глазами ворочать больно, во рту горечь; черезъ силу чашку чаю проглотила.

— Дружка кормили?—спросила барышня.

— Кормила.

— Хорошо онъ ѣлъ?

— Ѣлъ.

— Вы всегда ему кое какъ приготовляете. Онъ сейчасъ ѣсть броситъ, если не довольно тепло согрѣть, какъ онъ любитъ...

Ариша не помнитъ ничего, что съ утра дѣлала. Какъ всегда, такъ и дѣлаешь—ужъ развѣ думать вовсе не объ чемъ, тогда можно замѣчать пустяки всякіе.

— Какая погода сегодня?

Въ семь часовъ утра горничная въ одномъ платкѣ бѣгала, по обыкновенію, въ булочную, но какая погода,—она не знаетъ. Послали въ столовую посмотрѣть на градусникъ.

— Потеплѣло, значитъ,—вчера было четырнадцать! Хорошо бы прокатиться послѣ завтрака отъ головы... Можетъ быть Леля зайдетъ, такъ я съ нею поѣду. А не вѣтряно? Сходи, взгляни, какой дымъ сегодня. Съ крышъ не мятетъ ли?

Катерина Николаевна любитъ такъ болтать все, что на умъ приходитъ. Прежде, бывало, Ариша гордилась такими интимными разговорми и принимала живое участіе; но за послѣдніе два года ея отношеніе къ Катеринѣ Николаевнѣ совершенно измѣнилось.

Теперь это была уже не «наша барышня», дружески шутившая съ дѣвочками, подроставшими на кухнѣ, когда онѣ попадались ей на глаза; дарившая имъ свои старыя платья и за-

Digitized by Google

ступавшаяся за нихъ, когда Авдотья принималась трепать дочекъ за косички, отучая отъ баловства.

Все измѣнилось. Теперь Ариша—прислуга, получающая десять рублей жалованья, которыхъ ей не хватаетъ на ея нужды. Теперь Екатерина Николаевна—барышня, какъ и всѣ; одна изъ *господъ*. Изъ тѣхъ, кто наполняетъ ея существованіе отъ утра до ночи своими приказаніями, фантазіями, придирками... Господское все важно! тряпочку какую нибудь, и ту не смѣй забыть. Живи и держи каждую минуту въ умѣ чужое. Пустяки послѣдніе—и тѣ важнѣе, чѣмъ Богъ знаетъ что свое!

...Цѣлый день все только пустяки разные,—а для тебя оно важное, чтобы и не было ничего важнѣй... Что ни будь на душѣ! все равно, коли голова кругомъ идетъ, сердце болитъ... Бѣда ли у тебя, обида, никому не видная... Если рѣшается твоя судьба... Все равно!.. Каждая вещь въ домѣ ждетъ тебя. Дружокъ любитъ сливки съ кипяткомъ, чтобы ни слаще, ни холоднѣе. Коли не угодить собаченкѣ—раскричится и пойдетъ исторія на сколько дней...

...За то, коли у господъ веселье—гости какіе нибудь желанные—ну, ужъ тутъ всякая провинность съ рукъ сойдетъ ни по чемъ, и не замѣчаютъ даже ничего! Деньги летятъ, ничего не жалко... Прислуга сбивается съ ногъ ласковыми просьбами... Иной разъ ноги не держатъ отъ ихъ веселья—а всетаки пріятнѣе такъ...

...Только это у другихъ кого нибудь; у нихъ въ домѣ веселье—все равно что солнышко зимнее. Все непріятности, яйца выѣденнаго не стоютъ.

Съ грѣхомъ пополамъ шло какъ нибудь, пока Саша не поступала въ акушерки. Съ тѣхъ поръ Ариша заняла воинственную позицію; съ тѣхъ поръ «горничное житье» гложетъ ее, словно хворь какая—и выѣдаетъ послѣдніе слѣды невольной привязанности къ дому, гдѣ она выросла.

Барышня одѣлась и перебралась въ столовую; а горничная открыла форточку и принялась быстро убирать комнату. Все такъ и летаетъ—и попадаетъ какъ разъ на свое мѣсто отъ ея энергичныхъ движеній. За то Ариша, погруженная въ свои думы, не слыхала, что барышня кличетъ ее изъ столовой.

...Катерина Николаевна точно какъ предчувствовала! И что всего хуже—ничего не стоитъ солгать! Вонъ—чашка и сейчасъ полнехонька. Разумѣется, Дружокъ не станетъ ѣсть вчерашняго холоднаго молока! Неужели это такой трудъ, что она добиться не можетъ, чтобы ея собаку накормили какъ слѣдуетъ?

Голосъ патетически шелъ все вверхъ.

Ариша, красная, съ недоумѣніемъ смотрѣла на плоскую чашку съ молокомъ. Неужели она не кормила Дружка?! Она

Digitized by Google

была совершенно увѣрена, что кормила, какъ всегда. Съ утра все такъ ужъ и идетъ колесомъ, одно за другимъ. Сама не замѣчаешь половины, какъ дѣлаешь...

Но улика на лицо, и Ариша не пытается оправдываться. Что забыла—не велика бы бѣда, а только ей тошно, что она какъ будто солгала. Сказала, что кормила, а сама не кормила. И не солгала! вотъ мученье-то...

Барышня докричалась до слезъ. Дружокъ взиралъ довольно флегматично на то, какъ она собственноручно, дрожащими руками, начала приготовлять для него завтракъ.

Горничная вернулась убирать спальню.

Ненавидитъ она паршивую собаченку—ругаетъ, толчками награждаетъ гдѣ можно—но не покормить эту гадину во время, только себя же самое наказать.

...Господи воля твоя... не до собакъ ей вчера и сегодня! Всѣ волненія вчерашняго дня бродили въ ея душѣ. Когда свое, важное, горитъ на сердцѣ—этотъ безсмысленный міръ вещей и пустяшныхъ обязанностей тянетъ тебя, точно камень на шеѣ. Нѣтъ угла въ огромной квартирѣ, куда бы горничная не должна была заглянуть каждый день. Вещей вездѣ понапихано — зачѣмъ нужно столько?! Половины не нужно! а все только накупаютъ, нашиваютъ новаго. Накупятъ отъ нечего дѣлать, а сами потомъ и въ руки не возьмутъ... А ты потомъ помни, береги, чисти, да переставляй съ мѣста на мѣсто!

...Тупое однообразіе мелочныхъ обязанностей придаетъ имъ унылую безнадежность. Сегодня старайся сколько хочешь, чтобы завтра точь въ точь сначала начинать... Для нетерпѣливаго характера Ариши въ этомъ было что-то невыразимо несносное.

Поднимется генеральша и поползла для моціона передъ завтракомъ владѣнья свои оглядывать. Во всякую щелку носъ сунетъ: убрано ли? Только затѣмъ вѣдь и нужно, чтобы уличить, если горничная забыла или не поспѣла, кое какъ сдѣлала... А не погляди хоть недѣлю—все также будетъ стоять на своемъ мѣстѣ, безсмысленное, ненужное.

Энергичные пальцы Ариши часто дрожатъ отъ злораднаго желанія раздавить, пихнуть, швырнуть какую нибудь хрупкую игрушку, къ которой не знаешь какъ и притронуться. Точно какъ у маленькой дѣвочки барышнина комната всякимъ хламомъ заставлена.

Передохнуть хоть бы сколько нибудь! безъ помѣхи въ своихъ мысляхъ разобраться... Надо рѣшить, скорѣе, сейчасъ рѣшить, какъ жить дальше?..

Отсюда уходить надо. Съ Викторомъ Николаичемъ не встрѣчаться послѣ вчерашняго—теперь съ нимъ все наново завязалось помимо воли! чего же дожидаться еще?

Digitized by Google

До воскресенья—недѣля. Только онъ раньше придетъ! Нарочно придетъ посмотрѣть, какъ она поведетъ себя съ нимъ. Никакой въ немъ жалости нѣтъ, никогда не было...

«Уйти! уйти!» твердила Ариша въ смятеніи. Однако про Афанасія Ивановича она при этомъ даже и не вспомнила ни разу. Вчера барину неожиданно сказала, чтобы отвязаться какъ нибудь. Онъ еще хуже того напугалъ ее.

. . . . . .

Въ тотъ же день вечеромъ Ариша поджидала сестру на площадкѣ черной лѣстницы огромнаго казеннаго зданія. Пошла за булками къ чаю и сама прямехонько на Надеждинскую побѣжала.

Служанка въ полосатомъ платьѣ обѣщалась вызвать Сашу; Ариша не захотѣла въ корридорѣ у нихъ ждать. Ей страстно хотѣлось повидаться съ Сашей. Ну, какъ и вправду она вчера обидѣлась на нее? Саша знаетъ про Виктора Николаевича и очень хвалила за то, что Ариша отвадила барина. Обидно теперь признаваться во вчерашнемъ... ну, да только чтобы поняла Саша, что ей невозможно дольше оставаться съ матерью! Главное-то объ другомъ потолковать хочется...

Саша выскочила на лѣстницу, розовая и веселая, какъ всегда. На ней надѣтъ былъ длинный бѣлый фартукъ съ рукавами, закрывающій всю фигуру отъ горла до ногъ. Вокругъ плечъ пришита широкая вышитая оборка, а по подолу большой кусокъ зашитъ меленькими складочками, Ариша на машинкѣ складки строчила; недавно Саша справила себѣ этотъ щегольской собственный фартукъ. Ея цвѣтущая, улыбающаяся головка необыкновенно миловидно выдѣлялась изъ всей этой бѣлизны.

Сестры поцѣловались.

— Ты зачѣмъ это прибѣжала? Да для чего ты тутъ-то стоишь—холодно вѣдь!

Ариша отказалась войти. Она на одну только минуточку:— за булками бѣжать надо. Поговорить надо бы... ночевать домой нельзя ли Сашѣ отпроситься сегодня?

— А ты, никакъ, вчера обидѣлась на меня? Чего убѣжала-то вдругъ?—спросила Ариша, перемогая себя.

Она не смотрѣла въ глаза Сашѣ и вертѣла въ рукахъ кончикъ вышитой оборки на ея груди. Лицо даже потемнѣло отъ напряженія.

Саша пододвинулась къ ней ближе и вдругъ звонко чмокнула ее въ щеку.

— Вотъ глупости, стану я обижаться! Ушла—такъ у меня работа есть: хочу юбку зеленую передѣлывать. Не носятъ больше такихъ складокъ.

Digitized by Google

— Н-ну-у? когда тебѣ шить-то —давай я на машинкѣ сдѣлаю!—предложила съ облегченіемъ Ариша.

— Ну, вотъ! Довольно у тебя и безъ меня шитья всякаго. Сама сдѣлаю помаленьку.

— А ночевать-то ждать тебя или нѣтъ? Ты не дежурная сегодня?

— Скажешь тоже! кабы была дежурная, такъ не растабарывала бы тутъ съ тобой. Наврядъ отпустятъ—скажутъ, вчера воскресенье было.

— Мало бы что!. Мать зоветъ...—учила Ариша.

Саша зорко поглядѣла ей въ лицо.

— Развѣ случилось что-нибудь, что тебѣ не терпится?

Ариша на секунду подняла хмурые глаза.

— Коли и случилось, такъ не въ томъ дѣло... Давно бы сказать надо, о чемъ я думала... Думала да бросила—куда ужъ мнѣ такія дѣла затѣвать!..

— Ну? ну?—поощряла ее любопытно Саша, поеживаясь отъ холода въ своемъ бѣленькомъ балахонѣ.

— Ну, а теперь хочешь не хочешь станешь думать, коли жить дольше нельзя. Вотъ приди—узнаешь...

— Приду!—сказала Саша рѣшительно.

Сестры опять поцѣловались. Ариша побѣжала было по лѣстницѣ—да что-то вспомнила и бѣгомъ поднялась назадъ наверхъ.

— Знаешь, Сашка, мы съ тобой спать-то какъ будемъ сегодня—чудо! Я намъ спальню собственную приготовлю. Ха-ха-ха!..

Рѣдко Ариша смѣется такъ весело.

— Это у васъ-то!? въ мышкиной норкѣ, должно быть? засмѣялась и Саша съ презрительной гримаской.

— Я ужъ придумала! вотъ увидишь!—повторяла весело Ариша.

— Чудачка! да что ты придумать могла?

— А на ванной постелю, на доскахъ... поняла? тамъ хоть до утра болтай себѣ, никто не услышитъ.

Саша фыркнула.

— Ну, тамъ ужъ и вовсе просторно—хоть на потолокъ карабкаться! одну руку въ стѣнку, другую въ другую—и поѣхала!..

Ариша нетерпѣливо дернула ее за рукавъ.

— Вотъ дура-то! да за то вѣдь одни мы тамъ будемъ! Развѣ можно у насъ какой нибудь серьезный разговоръ вести? Мать нарочно представится будто спитъ, а на завтра и начнетъ выкладывать.

— Хорошо, хорошо!.. Погляжу, какъ ты смастеришь...

Дѣвушки въ послѣдній разъ расцѣловались, и Ариша по-

Digitized by Google

бѣжала внизъ. Саша скользнула въ дверь, пріотворивъ ее сначала чуточку, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли кого въ корридорѣ.

У-у-у—просторъ какой! хоть въ горѣлки бѣгать!

Саша за годъ слишкомъ все еще не можетъ привыкнуть къ этому простору. Онъ какъ-то странно возбуждаетъ ее, точно она всю и жизнь видѣть стала изъ этого простора...

Ариша съ облегченнымъ сердцемъ, чуть не бѣгомъ понеслась въ булочную. На сердцѣ у нея совсѣмъ перемѣнилось... И всегда такъ! Съ Сашей спокойной нельзя быть: либо всю тебя досада охватитъ на ея безстрашность—самой точно боязно станетъ прозѣвать что-то, прогадать,—а не то такъ и сама вдругъ такая же смѣлая сдѣлаешься. Чѣмъ она хуже Саши? Еще старше ея, степеннѣе. Можно же, стало быть, изъ ихняго житья выбиться—рукъ только не вѣшать!..

Викторъ Николаевичъ сразу на свое мѣсто станетъ: баринъ какъ баринъ—ей то съ какой стати думать объ немъ? Глупая была, дѣвчонка, справиться съ нимъ сразу не умѣла... Всѣ они такіе безсовѣстные! Пробуютъ... Теперь Аришѣ самой досадно, что вчера она могла до такой степени растеряться отъ его приставаній.

Крѣпчавшій морозъ пощипывалъ ей руки, засунутыя въ карманы короткаго ватнаго пальто, и ноги въ старенькихъ сапожонкахъ безъ калошъ; но она бѣжала все веселѣе. Ничего ей Саша не можетъ сказать, потому что тутъ деньги нужны, а не разговоры—но вѣра въ Сашину изобрѣтательность, удачу, всетаки безотчетно бодрила ее...

Дома Авдотья выскочила на площадку, какъ только заслышала Аришу на лѣстницѣ.

— Да ты, что ли, вправду рехнувши сегодня? Куда тебя носило часъ битый?!.—заорала она пронзительно.

Ариша остановилась передъ ней, запыхавшаяся, красная...

— Саша ночевать прибѣжитъ—обѣщалась!—выговорила она, улыбаясь.

— Ну-у? не врешь? это ты туда полоумная бѣгала... Ахъ ты, Господи Боже мой!.. Давай булки-то скорѣе. Два раза уже самоваръ спрашивали, точно какъ на зло все сегодня!

Авдотья выхватила мѣшокъ съ булками. Гнѣвъ ея сразу упалъ.

Ариша сорвала съ себя пальто, кинула куда попало, и стала подвязыватъ бѣлый передникъ.

— Столъ-то накрытъ у васъ, что ли?—спросила она не улегшимся еще голосомъ.

— Накрытъ, накрытъ давно. На вотъ, неси! а я самоваръ подаю.

Авдотья сунула ей въ руки корзинку съ высыпанными изъ мѣшка, еще совсѣмъ холодными булками,—и Ариша влетѣла

Digitized by Google

въ столовую, не соразмѣривъ стремительныхъ движеній, вся розовая, съ блестящими глазами и красными руками.

И первое что она увидѣла—Викторъ Николаевичъ, прохаживавшійся съ папироской вдоль накрытаго стола...

VI.

Ариша покрыла ванну досками отъ обѣденнаго стола и устроила отличную постель. Ровно-то какъ—не то что на сундукахъ! На угольной полочкѣ она зажгла крошечную лампочку; корзину въ углу прикрыла коврикомъ и приставила къ ней стулъ. Вотъ ужъ столика такъ никуда не примостишь!..

Ариша увлечена своими веселыми приготовленіями. Только мать ругается: увидитъ барыня—задастъ ей хорошо!

— Не за что задавать-то!

— Да что ли это твоя комната?!

— Такъ гдѣ же моя комната? Дайте мнѣ тогда свою комнату, какъ въ другихъ домахъ! Ничья это комната. Дрянь всякую суютъ.

— А ты всетаки не смѣешь безъ спроса. Поди, спросись у барыни, тогда и хозяйничай.

— Вотъ еще, очень нужно! Стану я у нихъ спрашиваться,—озорничала Ариша, перетаскивая въ ванную что только могла найти мягкаго въ подстилку.

Саша пришла въ одиннадцать часовъ. Авдотья собрала ужинать и сразу смягчилась.

Нѣтъ для нея лучше радости, когда Саша прибѣжитъ со своими нескончаемыми разсказами про школу, акушерокъ, фельдшеровъ, больныхъ, докторовъ. Глядитъ, не сводя глазъ, старая кухарка на свою красивую, веселую дочку-барышню—и чувствуетъ себя при этомъ точно какъ не совсѣмъ по настоящему... Вотъ-вотъ разлетится все, случится что нибудь.

Саша разсказывала, какъ ей завидуютъ, сплетки всякія про нее распускаютъ. «Рожа, молъ, у тебя смазливая—вотъ и позвалъ директоръ къ себѣ въ кабинетъ»... Другія когда еще прошенія подали о стипендіи, есть и сироты круглыя,—а она и попросить не успѣла, какъ ей награда вышла.

— Погоди... загрызутъ еще тебя!—пророчитъ мрачно Авдотья.

— Не загрызутъ, я сама съ зубами!—смѣется Саша.

— Ты одна, а ихъ много. Какъ накинутся всѣ на одну, такъ немного подѣлаешь.

— За что на меня накидываться? Всякій за себя старается. Я даже и не знала, что всѣхъ лучше экзаменъ выдержала. Чѣмъ же я виновата передъ ними?

Digitized by Google

Но старая Авдотья знаетъ, что не всегда нужна дѣйствительная вина для того, чтобы оказаться виноватой. Дочки молодыя не хотятъ этого знать. Она вздыхаетъ своими унылыми, покорными вздохами...

Дѣвушки не обращаютъ на нее вниманія и трещатъ съ такимъ азартомъ, что матери никакъ и не угоняться за ними. Того не дослышитъ, другого не пойметъ; переспрашиваетъ, споритъ... а имъ досадно! Минуточки каждой жалко—долго ли въ кухнѣ насидишь спокойно? Сейчасъ эта проклятая трещетка надъ головой зальется.

Ариша нѣсколько разъ уходила въ комнаты и запрещала разсказывать безъ нея. Бѣгала проворно взадъ и впередъ съ кувшинами; Дружка гулять водила на дворъ; а только вернулась—барыня опять погнала, письмо опустить въ почтовую кружку.

Только въ первомъ часу сестры заперлись въ ванной.

Колодецъ, какъ есть колодецъ!

Саша въ мигъ одинъ раздѣлась и къ стѣнкѣ забралась; двоимъ заразъ и повернуться нельзя. Саша увѣряла, что къ утру въ колодцѣ печѣмъ будетъ дышать, но Ариша такъ раздражалась, что она перестала; только вентиляторъ открыла сейчасъ же.

Право, можно подумать, что ея легкія стали дышать иначе, съ тѣхъ поръ какъ въ умѣ укоренились извѣстныя понятія. Бывало, также ни о какой духотѣ не думала, высиживая до поздней ночи въ мастерской, биткомъ набитой людьми, заваленной тряпками, скверно освѣщенной дрянными лампами. А теперь второе слово у Саши—«это вредно»; и пойдетъ объяснять отчего и почему. Аришѣ смертельная скука слушать эти объясненія.

Ариша, полураздѣтая, присѣла на стулѣ.

— Ну! теперь выкладывай, зачѣмъ ты меня въ колодецъ затащила? Какой такой секретъ у тебя?—сказала шутливо Саша.

Да нѣтъ! пришлось таки самой каждое слово вытягивать, сколько ни собиралась Ариша безъ утайки открыть сестрѣ свою душу... Хорошо еще, что съ Сашей говорить легко. При этомъ всегда оказывается, что секреты Ариши она наполовину впередъ уже отгадала.

— Да знаю я, слава Богу... Гдѣ ужъ тебѣ съ твоимъ характеромъ въ горничныхъ ужиться!—замѣтила она серьезно, устремивъ глаза въ высокій, высокій потолокъ.

А Ариша только всего еще рѣшилась объявить, что съ матерью ей нельзя оставаться, какъ ей угодно! Хорошо вмѣстѣ служить, да не все же станешь изъ-за этого терпѣть.

Послѣдними словами Ариша точно подавилась, а Саша лукаво покосилась на нее уголками глазъ.

Digitized by Google

— А ты скажи матери, что Викторъ Николаичъ тебѣ въ потемкахъ руки ломаетъ—вотъ она и осѣклась сразу.

Еще и имени Виктора Николаевича не поминали!

— Никогда я матери этого не скажу — умру лучше!— вспыхнула Ариша.

Саша серьезно поглядѣла на нее.

— Что жъ, мѣсто другое не хитро найти. Дальше-то что? Можетъ быть еще въ десять разъ хуже теперешняго попадется.

— Или десять мѣстъ за одну зиму перепробуешь—и такъ, говорятъ, бываетъ!—подхватила съ горечью Ариша.

— Вотъ и выходитъ, что надо объ дѣлѣ говорить, а не объ мѣстахъ!—рѣшила Саша.

Она поднялась съ подушки; неловко говорить лежа. Поджала ноги, колѣни руками обхватила и уперлась спиной въ стѣну.

— Отгадала, небось? не то вѣдь у тебя на умѣ?—спросила она ласково.

Ариша вытянула передъ собой стиснутыя руки.

— Ахъ, Сашенька... какой толкъ что думаешь?! Это вѣдь ты счастливица, у тебя все точно какъ по маслу такъ и поѣхало!

— Счастливица, счастливица... заладила ты одно!—Ну, не догадалась бы въ школу поступить, такъ другое что нибудь было бы... не весь же свѣтъ непремѣнно въ акушерки пойдетъ!—засмѣялась Саша.

— Ну-ка, ну-ка—что бы ты другое придумала?—насторожилась Ариша.

— Это, милая, долго выйдетъ, коли я теперь къ примѣру начну придумывать. У тебя-то, поди, давно уже придумано?

Дальше податься некуда—пришлось Аринѣ Петровнѣ раскошеливаться.

... Саша школу кончитъ, мѣсто получитъ—заживетъ человѣкомъ. А она такъ и скачи весь вѣкъ по барскому звонку? А въ мастерскихъ и того хуже!

Саша подхватила съ жаромъ. Для нея нѣтъ разговора любезнѣе, какъ мастерскія разносить.

...До чахотки достукаться или ослѣпнуть — вотъ онѣ, мастерскія, что такое! Глаза и у Ариши слабые... Вѣчно дѣвчонками заставляли въ потемкахъ иголкой ковырять—такъ вотъ и губятъ дѣтей отъ непониманія. За экзамены она намучилась: рѣзь такая при огнѣ дѣлается, хоть плачь! Спасибо Андрей Михайлычъ примочку славную принесъ...

Ариша мрачно слушала ее.

...Дѣло извѣстное: на мерзости всякія глядѣть, да воровать учиться—больше то что? Нѣтъ ужъ, этой лямки довольно и въ ученицахъ... Спасибо!

Digitized by Google

Разговоръ дошелъ до рѣшительнаго пункта. Но Саша знаетъ, какъ легко Аришу спугнуть. Заспорь-ка съ ней прямо—сейчасъ поругаешься и всему конецъ: замолчитъ опять на цѣлый мѣсяцъ. Она осторожно начала возражать будто не Аришѣ, а себѣ самой.

— А главная-то подлость въ томъ, что не учатъ до конца. Это они нарочно дѣлаютъ! Ну, мы съ тобой—развѣ портнихи настоящія? Попробуй-ка на домъ чужую работу взять, такъ и увидишь.

Въ глазахъ Ариши засвѣтилась тревога.

— Самой ужъ надо доходить... по выкройкамъ...

Точно Саша того только и дожидалась. Она презрительно разсмѣялась.

— Нѣтъ, милая! Плохихъ портнишекъ, которыя кое-какъ по выкройкамъ стряпаютъ, да по десяти разъ передѣлываютъ—такъ это на каждомъ дворѣ по десятку живетъ!

— Живутъ же, стало быть!

...Живутъ? а она небось не знаетъ, какъ живутъ? Либо голодомъ сидятъ, либо очень ужъ весело живутъ—одно изъ двухъ.

— Лучше голодать, да по звонку не скакать.

Ариша кидала короткія, рѣзкія фразы. Она уже сердилась. Ей нужно было, напротивъ, чтобы ей придали увѣренности—опасеній и своихъ довольно въ ея разсудительной душѣ. Для этого и разговора заводить не стоило.

А Саша, точно ничего не замѣтила, расписываетъ самыми черными красками. И, разумѣется, прежде всего на сцену появились всевозможныя болѣзни; Саша съ двухъ словъ всѣхъ въ калѣкъ превращаетъ.

...Вотъ съ такого-то сладкаго житья, побьется честная дѣвушка, побьется—да и заведетъ себѣ утѣшителя... Человѣкъ вѣдь не машина! Всякому какую-нибудь радость въ жизни хочется. А ужъ тогда...

Она махнула рукой и совсѣмъ припала щекой къ колѣнямъ.

— Насмотришься всего довольно у насъ въ палатахъ! Все больше прислуга да мастерицы...

Ариша выпрямилась и побѣлѣла.

— Мнѣ-то ты это зачѣмъ говоришь?—спросила она сурово.

Саша усмѣхнулась.

— А ты думаешь, мы съ тобой особенныя какія-нибудь, не такія какъ другія? Думаешь, съ нами и бѣды случиться не можетъ, коли во время о себѣ не подумаешь?.. Нѣтъ, милая, всякая для себя-то особенная! Никто напередъ не собирается въ надеждинскомъ ребятъ рожать да въ воспитательный таскать. Судьбу свою дѣлать во время надо—вотъ объ чемъ я говорю.

Digitized by Google

Саша устала сидѣть, свернувшись калачикомъ. Опять легла—вытянулась во весь ростъ на доскахъ и обѣ руки подъ голову закинула. Толстая черная коса съ размаху глухо ударилась въ стѣну.

Заговорила она съ сдержаннымъ удовольствіемъ человѣка, который хорошо знаетъ, что онъ сейчасъ скажетъ.

...Все счастье да счастье—терпѣть она не можетъ такихъ разговоровъ! На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Не счастье, а умѣнье нужно... Небось, и въ мастерской за хорошей-то мастерицей ухаживаютъ. Перво на перво надо свое дѣло такъ знать, какъ ужъ нельзя лучше,—чтобы во всемъ первый сортъ быть! Вотъ тогда ничего не страшно, тогда всего добиться можно—всего!!

Глаза ея стали совсѣмъ черные и круглые. Ариша безпокойно шевельнулась на своемъ мѣстѣ; Саша живо повернула къ ней голову и крикнула:

— Надо самой закройщицей сдѣлаться—вотъ что! мало ли дѣвчонокъ по мастерскимъ бѣгаютъ—такъ все это портнихи называются? Безъ того, коли хоть одинъ годъ не поучиться въ какой-нибудь хорошей школѣ, лучше и не затѣвать на квартиру уходить. Стоитъ того—голода да холода добиваться!

Вотъ ужъ чего Ариша немогла ждать! Точно ей въ спину горячей водой плеснули. Она безсознательно вскочила на ноги, но сейчасъ же опять должна была сѣсть.

...Смѣется Саша, что ли?!. Какъ ей учиться можно—гдѣ? чему? Кто это ее кормить, поить да еще учить станетъ?

Съ каждымъ собственнымъ словомъ росла обида.

— Самой живется какъ у Христа за пазухой—вотъ она и тычетъ всѣмъ въ глаза ученьемъ своимъ, прости Господи!..

Изъ глазъ выкатились маленькія злыя слезинки. Она [illegible] нула ихъ рукой.

— Зачѣмъ же ты, умная, съ дурой совѣтоваться [illegible] спросила Саша невозмутимо.

Сестры замолчали. Гдѣ-то глубоко подъ [illegible] вочно лилась вода. Тѣсно охватывали узкія [illegible] вытягиваясь вверхъ.

А вокругъ этой странной коробки, [illegible] почкой, гдѣ металась лихорадочно [illegible] бились два сердца—со всѣхъ сторонъ [illegible] жизненныя комнаты барской квартиры [illegible] комъ и несовершенной тишиной [illegible] уличныхъ фонарей дрожитъ [illegible] высокихъ потолкахъ... Бѣглый [illegible] экипажемъ, скользитъ по стѣнамъ [illegible] чужой квартирѣ, и загорается [illegible] Глухой гулъ бѣжитъ откуда-то.

Digitized by Google

уже занимается общій переполохъ: какъ будто весь этотъ нѣмой міръ вещей вдругъ получилъ способность выраженія. Точно въ пароксизмѣ лихорадки, трепещетъ съ низу до верху легкая стройная этажерка, вся заставленная фарфоромъ и хрусталемъ; цѣлая гамма музыкальныхъ трелей сливается въ безпокойный разсыпчатый звукъ. Рѣзче, назойливѣе бьется, словно взываетъ о помощи, узорчатый тюльпанъ высокой лампы. Глухо и сухо стучитъ дерево. Пароксизмъ лихорадки медленно стихаетъ—но вдали уже зарождается новый глухой рокотъ...

Таковъ сонъ петербургскихъ квартиръ. Въ ванной слышенъ былъ только звукъ льющейся воды, да напряженное дыханіе.

Ариша угрюмо поднялась на ноги и начала раздѣваться. Лечь... Ничего изъ разговора не вышло! Бранятъ ее, что она скрытная, характеръ дурной—а какой толкъ совѣтовъ спрашивать?

Она думала, Саша-то за ея планъ ухватится, хвалить будетъ, смѣлости придастъ... Нѣтъ, что-то она за себя только смѣла больно!

Но странно... Послѣ того какъ Аришѣ пришлось выслушать отъ сестры прямо и безпощадно все то, чего сама она смутно боялась—ея желаніе отъ того ничуть не поколебалось. Напротивъ, еще крѣпче стало. Только радостное волненіе, съ какимъ она ждала этого разговора, превращалось въ упрямую и озлобленную рѣшимость.

...До Рождества какъ-нибудь дотянуть здѣсь, чтобы за два мѣсяца жалованье зажить,—а тамъ и снять комнату. Живутъ по двое да по трое, чтобы дешевле было...

Никогда еще Ариша не принимала такихъ быстрыхъ рѣшеній. Точно ее ножомъ отрѣзало отъ ея настоящей жизни. Хоть голодать, да только по звонку не скакать!

VII.

Утромъ Авдотья пришла разбудить дочекъ и свѣчку принесла. Въ ванной немудрено и до завтрака заспаться.

Саша первая перелѣзла черезъ сестру и начала проворно одѣваться.

— Я твоего жениха во снѣ видѣла!—сказала она неожиданно, застегивая, согнувшись, пуговицы на сапогахъ.

— Объ тебѣ значитъ думаетъ,—отвѣтила Ариша.

...«Хочетъ насмѣшку сказать — а того не знаетъ, что это правда!» — усмѣхнулась про себя Саша.

Она знаетъ, отчего ей Афанасій Ивановичъ приснился. Пока вчера Ариша дулась и укладывалась спать, не разговаривая (онѣ даже и не попрощались на ночь), въ головѣ Саши зара-

Digitized by Google

ботали ея собственныя мысли на мѣстѣ, расчищенномъ отъ нехитрыхъ плановъ Ариши. Подъ «судьбой» Саша понимаетъ нѣчто несравненно болѣе сложное, чѣмъ возможность голодать на свободѣ (безъ звонковъ).

— Отказъ-то ты объявила ему или нѣтъ еще?—спросила она черезъ нѣсколько минутъ.

Знаетъ и сама отлично, что этого не могло быть, но только ей надо разговоръ навести.

— При тебѣ, кажется, онъ уходилъ!—буркнула нехотя старшая.

— Ну, такъ вотъ что, Ариша: ты погоди... не давай Картышеву никакого отвѣта... Поняла?..

— Говори такъ, чтобы понятно было!

Саша засмѣялась.

— Сама, матушка, виновата! Ты зачѣмъ вчера надулась, разговоръ оборвала? Теперь я бѣжать должна, и такъ опоздала.

Она была одѣта. Причесаться надо въ комнатѣ, передъ зеркаломъ.

...Однимъ словечкомъ такъ и перевернула всѣ мысли вверхъ дномъ!

— Да съ чего это тебѣ вдругъ Картышевъ вспомнился?!—взмолилась Ариша, видя, что она уходитъ.

Саша остановилась въ дверяхъ и опять засмѣялась.

— Нѣтъ, скажи лучше—отчего тебѣ то онъ не вспомнился? Гадаетъ дѣвушка на всѣ лады, а только объ женихѣ не вспомнила!

Съ этимъ и ушла. Когда Ариша пришла въ кухню, Саша стояла уже въ шубкѣ и шляпкѣ и, стоя, пила изъ стакана кофе, набивъ полный ротъ булкой.

Авдотья сердилась:

...Еще бы! такъ непремѣнно сейчасъ ея и хватятся — объ ней тамъ только и думаютъ!

Ей хотѣлось безъ спѣха напоить Сашу домашнимъ кофейкомъ, но дѣвушка отказалась отъ второго стакана; поцѣловалась съ матерью и съ Аришей и ушла своей стремительной походкой счастливаго человѣка. «Точно у нея земля подъ ногами горитъ»—говоритъ про нее Авдотья.

. . . . . .

Теперь Ариша потеряла послѣднее спокойствіе. Непонятные намеки Саши на даютъ ей обдумывать какъ слѣдуетъ собственныхъ плановъ. Вчера, засыпая, она рѣшила, что теперь первая забота — найти себѣ подходящую подругу. Чтобы была порядочная дѣвушка, работница, никакими глупостями не занималась. Для этого она собиралась, какъ только удосужится, сбѣгать къ себѣ въ мастерскую.

Все это было, по крайней мѣрѣ, извѣстное и ставило ее сразу

Digitized by Google

на знакомую дорогу. Чтожъ теперь значитъ, чтобы погодить съ отказомъ Картышеву? Что нибудь да думала же при этомъ Саша!..

Вся ея безсознательная вѣра въ сестру сказалась въ этой тревогѣ. Одного слова Саши было довольно, чтобы парализовать всю ея рѣшимость.

...Погодить надо, что Саша скажетъ!..

Дня черезъ два Ариша не выдержала и опять сбѣгала въ Надеждинскую, но сестры не видала; ей сказали, что она дежурная. Тогда Ариша придумала написать письмо, потому что Саша не любитъ, чтобы къ ней безпрестанно въ школу бѣгали.

Письмо она писала долго, сражаясь съ недававшимся ей раздѣленіемъ словъ и совершенно лишними по ея мнѣнію двойниками буквъ. Сашка, та почти безъ ошибокъ пишетъ... стыдно своихъ каракуль самолюбивой Аришѣ.

Она спрашивала въ письмѣ—пошутила Саша или нѣтъ? Чего ждать? Картышевъ не сегодня, завтра приступитъ съ ножомъ къ горлу, чтобы ему послѣдній отвѣтъ дать.

Отвѣтъ пришелъ по почтѣ черезъ два дня. Саша писала:

«Подожди, Ариша, не спѣши ни съ чѣмъ. Я теперь твоимъ дѣломъ занята, оттого и не приду можетъ быть домой въ это воскресенье. Приду, тогда и поговоримъ. Твоя Саша».

На грѣхъ письмо это приняла у почтальона сама Авдотья и до тѣхъ поръ приставала къ Аришѣ, пока та должна была сказать, что письмо отъ Саши. Но тогда мать потребовала, чтобы она прочитала ей его.

Воображеніе Авдотьи заработало на всѣхъ парахъ. Объ какихъ такихъ дѣлахъ онѣ совѣщаются? Какая надобность на марки тратиться, когда отъ Надеждинской два шага добѣжать?! Что дѣвчонки скрываютъ опять отъ матери? зачѣмъ имъ въ ванную отъ нея прятаться понадобилось?

...Ну, что могла ей объяснить Ариша, когда она и сама Сашиныхъ словъ не понимаетъ? Некуда ей дѣваться отъ этихъ приставаній, а мать что дальше, то пуще обижается... Бываютъ упрямыя—а ужъ этой и не проймешь ничѣмъ!..

На кухнѣ не унимаются ежеминутныя стычки перессорившейся прислуги—а въ комнатахъ тѣмъ временемъ свои непріятности заварились. Барыня нѣсколько дней не можетъ доискаться какого-то шарфика настоящаго кружева. Ариша весь домъ перевернула искавши—точно вотъ сквозь землю провалился! Кому и быть въ отвѣтѣ, какъ не горничной! У нея голова «Богъ знаетъ чѣмъ набита»... Одно разсѣянное выраженіе ея лица передъ подобной катастрофой не могло не раздражать.

Digitized by Google

...Вѣдь весь домъ у нея на рукахъ... Чужой и не входитъ никто!.. Недостаетъ, чтобы теперь вещи начали пропадать. Настоящее кружево—не тряпка, etc, etc, etc.

Домашнія дрязги, если нѣтъ для нихъ никакого противовѣса, имѣютъ удивительное свойство затягивать женщинъ въ бездонную пучину. Какой-то, никому, въ сущности, не нужный клочекъ кружева фактически можетъ наполнять собою дни и приводить въ броженіе чувства и мысли... Относительное значеніе случившагося и истинная цѣнность вещей—все это понемногу спутывается; какъ міазмы изъ потревоженной ямы, изъ этой пучины сами собой поднимаются сомнѣнія, подозрѣнія, опасенія...

Психологія этихъ существъ другой породы навсегда остается смутной и потому доступной всякому произволу. Внутреннія стѣнки квартиры раздѣляютъ два міра, гдѣ царятъ совершенно различные законы. Почему же психологія должна имѣть какое нибудь преимущество передъ гигіеной, физіологіей и даже физикой? То, что невозможно или опасно по одну сторону стѣны—дѣлается возможнымъ и безопаснымъ по другую. То, что здѣсь составляетъ основныя условія существованія—тамъ исчезаетъ безъ всякихъ видимыхъ послѣдствій. Голая логика рѣдко можетъ устоять передъ увлекательнымъ натискомъ фактовъ.

На этотъ разъ рѣшительно ничто живое не отвлекало двухъ скучающихъ барынь отъ характерной фигуры горничной, такъ очевидно «глядящей въ лѣсъ». Жизнь вокругъ нихъ какъ-то неправдоподобно пустѣла съ каждымъ днемъ... Только въ милліонныхъ городахъ возможны подобныя фиктивныя существованія, безъ всякихъ живыхъ корней, которые связывали бы ихъ съ общимъ потокомъ. Единственнымъ связующимъ звѣномъ былъ Викторъ; но съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ зажилъ самостоятельно на отдѣльной квартирѣ, а младшая дочь вышла замужъ и уѣхала жить въ имѣніе—мать и сестра точно погружаются въ оцѣпененіе съ каждымъ днемъ немножко больше...

Широкими волнами разливается по затихшей квартирѣ безпросвѣтная скука. Такая скука, на какую могутъ быть обречены только однѣ женщины! обезпеченныя и скромныя «порядочныя» женщины. Онѣ слишкомъ безцвѣтны, чтобы выдѣлиться чѣмъ нибудь на общемъ пестромъ фонѣ. Онѣ черезчуръ робки и совѣстливы, чтобы съумѣть навязать себя насильно. Онѣ ни въ комъ не нуждаются и сами никому не нужны. Жизнь катится мимо, понемногу обходя ихъ, какъ потокъ обходитъ попавшійся на пути камень.

Никакое обязательное дѣло не подниметъ ихъ утромъ съ постели; никакая насущная забота не тревожитъ долгаго сна. Онѣ обладаютъ завѣтной мечтой столькихъ живыхъ существъ: онѣ вполнѣ обезпечены.

Digitized by Google

Катя читаетъ. Ничего больше нельзя сказать объ ея жизни. На всѣхъ столахъ лежатъ книги; она читаетъ всегда нѣсколько книгъ заразъ, чтобы этимъ способомъ поддерживать устающее вниманіе. Цѣлые годы прожиты въ мірѣ готовыхъ идей, чужихъ мыслей, останавливаясь съ удовольствіемъ на тѣхъ, которыя нравятся, и отворачиваясь равнодушно отъ другихъ. Это не важно... Завтра будутъ другія книги—новыя мысли. Она не замѣчаетъ, что въ ея умѣ не родилось еще ни одной самостоятельной мысли... Могло ли бы это случиться, какъ знать!

Въ вѣчно напряженномъ воображеніи смѣшиваются пестрымъ калейдоскопомъ всѣ отраженія жизни, населяющія волшебный міръ искусства. Толпы женщинъ, мужчинъ, молодыхъ, старыхъ; злыхъ и добрыхъ, трогательныхъ и возмутительныхъ; палачи и жертвы; потоки красоты, потоки грязи; любовь, любовь, любовь... Вся необъятность жизни нагромождается какъ случится въ маленькой головкѣ зачитавшейся дѣвушки. Жизнь разсказана во всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ—вывернута на изнанку и въ то же время разцвѣчена сгущенными, слишкомъ яркими красками...

Постоянное пассивное напряженіе притупляетъ впечатлительность и охватываетъ какимъ-то безпредметнымъ разочарованіемъ. Воображеніе устало... Бѣдная Катя начинаетъ чувствовать, что ея единственный неизмѣнный рессурсъ, казавшійся вѣчнымъ и неистощимымъ, минутами какъ будто измѣняетъ ей... Иногда ей кажется, что она перечитала уже всѣ интересныя книги.

Она не спрашивала себя, что было бы съ нею, если бы на свѣтѣ не существовало книгъ? Надъ этимъ вопросомъ ей, пожалуй, стоило бы подумать.

Мать жаловалась на Катю. Что нынче за дѣвушки?—Развѣ онѣ въ свое время знали, что такое скука?! Молодыя дѣвушки оживляли домъ, привлекали молодежь,—веселились, влюблялись, волновали, радовали или убивали своихъ родителей.

Катя никого не убивала, не волновала. Ей нечего было скрывать; ее не въ чемъ упрекнуть. Она только не умѣла создать жизни. На мѣстѣ, куда ее бросила судьба, она покорно ждала, чтобы жизнь дала ей ея долю счастія... Чтобы невидимыя волны этого, гдѣ-то близко бушующаго океана, внезапно выбросили кладъ къ ея ногамъ... Она ждала.

Отъ времени до времени мать теряла терпѣнье и поднимала мучительный разговоръ о томъ, что «такъ жить нельзя». Тогда генералъ раздражительно обрушивался на своихъ дамъ: не можетъ же онъ, наконецъ, насильно тащить людей въ домъ! Онѣ сами не умѣютъ поддерживать знакомства. Кому нужны женщины, которыя всюду носятъ за собой собственную скуку?! Нынче женихи бѣгаютъ за богатыми невѣстами или за барышнями, которыя умѣютъ кружить головы.

Digitized by Google

Не подлежитъ сомнѣнію, что умѣнье кружить головы принадлежитъ къ разряду талантовъ, которымъ нельзя научить другого. Que voulez vous, elle est trop vertueuse, ma pauvre fille! говорилъ генералъ въ минуту откровенности, съ нескрываемымъ сожалѣніемъ.

Да, благонравная Катя никогда не мечтала кружить головы (чего ей никто не ставилъ въ заслугу)! Она и сама не знала хорошенько, къ какому типу готовыхъ героевъ долженъ принадлежать тотъ, кого она полюбитъ. Она пассивно ждала, когда пробьетъ часъ, съ котораго начнется настоящая жизнь. О, тогда!..

...Тогда, какъ отъ удара волшебнаго жезла, въ душѣ откроется родникъ новыхъ, небывалыхъ силъ!.. Тогда сразу она будетъ всего желать, всѣмъ наслаждаться, все умѣть. Явится энергія. Найдется способность скрашивать жизнь себѣ и другимъ. Жизнь получитъ смыслъ. Она какъ будто боялась растратить силы своей души на теперешнюю, ненастоящую жизнь—жизнь ожиданія и неизвѣстности.

Годъ назадъ Катѣ минуло двадцать восемь лѣтъ. Въ этотъ день онѣ съ матерью горько всплакнули каждая въ своей комнатѣ.

Катя сосчитала, что она такъ ждетъ ровно двѣнадцать лѣтъ. Ея жизнь еще не начиналась — возможно ли, чтобы тѣмъ не менѣе молодость исчезала, испарялась?! Долго она этого не ощущала; напротивъ, ощущала впереди нетронутую жизнь, дремлющія силы...

Но теперь впервые она замѣтила, что тревога, эта вѣчная спутница ожиданія, какъ будто начинаетъ замирать въ ней... Охватываетъ все сильнѣе что-то похожее на усталость. Не живое и преходящее утомленіе дѣятельности, послѣ котораго пробуждаются съ обновленными, окрѣпшими силами: гнетъ не растраченной, безплодно скопляющейся энергіи... Что-то тяжелое, глушащее...

Но это такъ похоже на усталость! Едва поднявшись съ постели часамъ къ одиннадцати, Катя зѣваетъ и потягивается. Если бъ не смѣшно, если бъ не стыдно—сейчасъ она юркнула бы назадъ въ теплую, мягкую постель... Какъ будто нельзя читать романы, лежа въ постели! Но это «ни на что не похоже», и дѣвушка добросовѣстно продѣлываетъ длинную процедуру изящной прически и моднаго туалета. Зашнурованный корсетъ заставляетъ держаться бодро и прямо... Затѣмъ, занявшись со всевозможной тщательностью благосостояніемъ Дружка, Катерина Николаевна покончила со своими заботами: она усаживается въ любимое, низенькое кресло—и рука сама собой протягивается къ очередной книжкѣ.

. . . . . .

Digitized by Google

Въ воскресенье Викторъ Николаевичъ показалъ, наконецъ, свои ясныя очи. Ему такъ обрадовались, что никто и не пробовалъ упрекать его за долгое исчезновеніе.

Викторъ былъ очень оживленъ и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ долженъ явиться съ визитомъ его товарищъ, поручикъ Звѣздочкинъ.

...Онѣ не помнятъ Звѣздочкина? бывалъ у нихъ кадетомъ, танцовалъ на дѣтскихъ вечеринкахъ. Звѣздочкинъ? Дамы напрасно усиливались что нибудь вызвать изъ своей памяти.

Катя—хотя она одѣлась всего часъ тому назадъ — ушла сейчасъ же къ себѣ въ комнату, поправить прическу. Конечно, это только такъ говорится! Дверь въ ея комнату закрылась — Ариша пробѣжала на звонокъ—и Екатерина Николаевна появилась вновь только черезъ четверть часа послѣ того, какъ гость пріѣхалъ. Она перечесалась и перемѣнила платье... для Звѣздочкина.

Разумѣется, дамы сдѣлали видъ, что онѣ прекрасно помнятъ и сейчасъ же узнали своего гостя. Катя сѣла на диванъ рядомъ съ матерью и съ оживленіемъ вмѣшалась въ разговоръ о бѣгахъ, которымъ поручикъ занималъ генеральшу.

Онъ сидѣлъ передъ ними, юный и цвѣтущій, съ нѣсколько тупымъ самодовольствомъ на жизнерадостномъ лицѣ, и съ одинаковымъ увлеченіемъ переходилъ отъ одной темы къ другой: отъ бѣговъ къ театрамъ, отъ театровъ къ скачкамъ, отъ скачекъ къ дежурствамъ и маневрамъ.

Ровесникъ Виктора... Тотъ самый мальчуганъ, на котораго взрослая Катя не обращала никакого вниманія, такъ что не запомнила его лица, забыла фамилію... Теперь онъ разсказывалъ о вещахъ, ей неинтересныхъ, тономъ человѣка, который вездѣ бываетъ, во всемъ принимаетъ участіе и потому имѣетъ надъ ней несомнѣнное преимущество. Онъ успѣлъ превратиться изъ мальчика во взрослаго человѣка,—а она осталась на прежнемъ мѣстѣ. Она успѣла такъ соскучиться, что слушаетъ его съ оживленной улыбкой...

Генеральша выходила два раза въ столовую, откуда скоро послышался стукъ посуды. Звѣдочкину предложили позавтракать.

Онъ отстегнулъ саблю и побѣдоносно перешелъ къ столу, гдѣ красная отъ мороза Ариша еще разставляла только что вскрытые консервы и откупоренныя бутылки. Поручики опустошили столъ и исчезли ровно въ три часа, не досказавъ начатаго разсказа... Pas possible!.. Ихъ ждутъ... Rendez-vous съ цѣлой блестящей компаніей...

Они исчезли, оставивъ послѣ себя груды папиросныхъ окурковъ и клубы табачнаго дыма, живой безпорядокъ сдвинутой мебели; переливы молодыхъ голосовъ и дрожь веселаго

Digitized by Google

смѣха, всколыхнувшаго застоявшійся воздухъ пустыхъ комнатъ, гдѣ лѣниво звучатъ рѣдкія, вялыя фразы двухъ скучающихъ женщинъ...

Прощаясь, Звѣдочкина такъ усердно приглашали пріѣзжать запросто, прямо къ обѣду, что онъ долженъ былъ вынести впечатлѣніе неожиданнаго пріятнаго открытія: а онъ-то и не подозрѣвалъ, что у него есть такіе радушные, симпатичные друзья, къ которымъ можно во всякое время явиться, какъ къ себѣ домой!

У Катерины Николаевны всегда болитъ голова отъ табачнаго дыма. Она не замѣчала этого ровно до той минуты, когда за гостями закрылась дверь. Хозяйка дома въ гостиной приводила въ порядокъ разбитые альбомы.

— Онъ очень милъ... n'est ce pas?—замѣтила она полувопросительно и взглянула на Катю.

— Да... Простой и веселый,—отвѣтила дѣвушка задумчиво.

— Еще бы имъ не быть веселыми! Катаются какъ сыръ въ маслѣ. Я всегда говорю, что молодежъ въ Петербургѣ черезчуръ избалована! Вотъ увидишь, этотъ господинъ вѣроятно явится теперь съ визитомъ въ новый годъ! Всѣ на расхватъ.

Катя промолчала. Она уже спрашивала себя—чему онѣ такъ обрадовались? Зачѣмъ было нужно столько предупредительности передъ какимъ-то мальчикомъ? Вѣдь это было бы ужасно, если бъ Звѣздочкинъ и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ являться къ нимъ запросто и оглушать ихъ своими шумными разговорами о лошадяхъ, скачкахъ, службѣ...

Катя ушла въ свою комнату. Она смочила себѣ виски примочкой и розыскала то мѣсто, гдѣ она остановилась вчера въ новомъ романѣ Бурже.

...Нѣтъ, сегодня не читалось... Круглое лицо съ маленькими усиками и веселыми глазами застилаетъ то и дѣло меланхолическій образъ интереснаго титулованнаго героя, съ изысканными фразами на устахъ и непостижимыми ощущеніями въ нервахъ.

Катѣ стало еще скучнѣе.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ольга Шапиръ.

Digitized by Google

Сосна.

Въ разсѣлинѣ черной,
Въ гранитѣ отвѣсной скалы,—
Гдѣ вѣтеръ лишь горный
Шумитъ, да гнѣздятся орлы,—
Высоко—высоко
Подъ сѣнью зубчатыхъ вершинъ
Ростетъ одиноко
И гордо сосна-исполинъ.
Какъ знамя свободы,
Она на просторѣ стоитъ;
И вихрь непогоды,
И зной ея вѣтви щадитъ.
И громъ ей клянется,
Подъ дикую музыку горъ,
Что къ ней не коснется
Губительной сталью топоръ...

А. Колтоновскій.

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА
А. А. БАЛАНДИНА
въ г. Пинскѣ

По счетному участку.

(Наблюденія и впечатлѣнія счетчицы).

Мнѣ достался не тотъ переписной участокъ, о которомъ я мечтала, не тѣ трущобы, гдѣ мнѣ хотѣлось близко приглядѣться къ голытьбѣ столицы нефтяного царства. Я получила большой участокъ, расположенный недалеко отъ центра города, изрѣзанный широкими мощеными улицами съ правильными асфальтовыми тротуарами. Рядомъ съ великолѣпными каменными домами, съ громадными зеркальными окнами, обращенными къ синѣющей бухтѣ, ютятся покривившіяся лачужки туземцевъ и пришлыхъ русскихъ. Восемь кварталовъ составляли мой переписной участокъ, разнообразный по общественному положенію, по матеріальному благосостоянію и національности его обитателей. Перепись давно окончена; итоги ея подведены, а въ головѣ еще носятся разные картины, образы, фигуры, и я пытаюсь разобраться въ массѣ впечатлѣній.

Я вхожу въ крошечный дворъ, грязный, съ одуряющимъ запахомъ помойной ямы и мусорнаго ящика, стоящаго подъ крутой деревянной лѣстницей, ведущей во 2-ой и 3-ій этажи. Въ комнаты нижняго этажа никогда не проникаютъ лучи солнца, и тамъ круглые сутки чадятъ лампы-молніи—неизбѣжная роскошь нашей бѣдноты, потому что онѣ даютъ яркій свѣтъ и тепло. Бакинскій свирѣпый вѣтеръ врывается во дворъ, всю меня обсыпаетъ пылью, засыпаетъ глаза. Кругомъ ни души.

— Дворникъ!—взываю я, стоя передъ грязной конурой съ крохотной дверью, на которой прибита дощечка съ надписью «дворникъ». Никто не откликается.

— Дворникъ, выйди сюда!—снова прошу я. Послѣ нѣкоторой паузы въ нижнемъ этажѣ отворяется черная дверь, показывается чья-то черная кудлатая голова и вопрошаетъ въ мою сторону:

— Што тебѣ нада?

— Дворника я хочу, гдѣ онъ?

— Дворникъ здэсъ нэту, пошелъ на базаръ.

Digitized by Google

— А вы не можете помочь мнѣ? Я должна сосчитать, сколько жильцовъ въ этомъ дворѣ.

Неизвѣстный человѣкъ съ ногъ до головы окидываетъ меня подозрительнымъ взглядомъ и исчезаетъ въ комнату, прихлопнувъ дверь.

Стучусь къ другимъ. Опять на порогѣ показывается чья-то высокая фигура и снова вопросъ, обращенный ко мнѣ:

— Што нада?

Я подхожу ближе и объясняю армянину цѣль своего посѣщенія. Онъ молча разглядываетъ мои калоши, потомъ поднимаетъ огромные черные глаза подъ густыми сросшимися бровями, криво улыбается въ черную густую бороду и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ ломаннымъ языкомъ:

— Не магу тебэ сказать, сколко здэсь квартира естъ.

— Отчего? Не знаешь?

— Знаю, но не могу.

— Такъ почему не можешь сказать, если знаешь?

— Атаво што я самсамъ бѣдній чалвѣкъ.

— Это ничего: я вѣдь съ тебя денегъ не требую.

— Какъ нѣтъ?

— Увѣрю тебя.

Въ отвѣтъ онъ щелкаетъ языкомъ, а его лукавый взглядъ говоритъ мнѣ: «Знаю, голубушка, какъ ты денегъ не потребуешь съ меня».

Между тѣмъ на дворъ высыпали другіе жильцы и, увидя ихъ, онъ понижаетъ голосъ до шопота:

— Я такъ слишилъ, што для городовыхъ царь приказалъ собиратъ деньги, по 1 р. 60 коп. съ кажьни чалвэка, а намъ дадутъ листы... У меня очень болшое семейство...

Я убѣждаю его въ нелѣпости такихъ слуховъ, объясняю, въ чемъ состоитъ народная перепись; онъ перебиваетъ меня и, грустно поникнувъ головой, говоритъ:

— Меня естъ восемъ дэти, жена, я—десятъ чаловэкъ, значитъ 16 руб. нада отдатъ, я два мэсца безъ мѣста.

— Можно войти въ твою квартиру? Я тебѣ прочту книжку, и ты самъ увидишь, что никто съ тебя никакихъ денегъ не требуетъ.

— Пажалтэ!

Я вхожу. Въ небольшой комнатѣ, освѣщенной лампой-молніей, привѣшанной къ низкому грязному потолку, тѣсно, душно и стоитъ специфическій запахъ. Поставивъ мнѣ стулъ, хозяинъ дома, Айрапэтъ, рукавомъ своего выцвѣтшаго чернаго пиджака, видно съ чужихъ плечъ, чиститъ столъ, залитый чаемъ, гдѣ дѣти только что пускали лодки, слаженныя изъ картъ, очень старыхъ и засаленныхъ. Хозяйская жена, высокая, худая женщина, со впалыми блѣдными щеками и большими сѣрыми глазами, сложивъ руки на груди, скорбными глазами смотритъ на меня.

Digitized by Google

— Ну, что, теперь вѣришь мнѣ, что я съ тебя, да и ни съ кого денегъ не требую?—окончивъ комментаріи нѣкоторыхъ параграфовъ «Наставленія счетчикамъ», спрашиваю я Айрапета.

— Да!—не то радостно, не то сконфуженно произноситъ онъ и, успокоившись, предлагаетъ мнѣ свои услуги. При его содѣйствіи я обошла всѣ квартиры.

Если городской житель, сравнительно толковый и грамотный на своемъ языкѣ, введенъ былъ въ такое заблужденіе относительно мнимыхъ поборовъ въ пользу городовыхъ,—то представляю себѣ, что дѣлалось во время переписи въ медвѣжьихъ углахъ нашего Кавказа?!

Приблизительное число жителей моего участка я занесла въ памятную книжку и поздно вечеромъ вернулась домой.

19 января рано утромъ въ сопровожденіи городового я приступила къ раздачѣ переписныхъ листовъ, причемъ въ семьяхъ безграмотныхъ, а такихъ, противъ моего ожиданія, оказалось много, данныя заносила сама. Проводникъ мой Прохоръ Кузьмичъ оказался словоохотливымъ; онъ былъ когда-то нижнимъ чиномъ Ш—ского полка, въ 70-хъ годахъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, жилъ среди нихъ, хорошо зналъ восточный Кавказъ, а потому собесѣдникъ онъ былъ очень занимательный.

Синія зимнія сумерки сгущались. Мы порядкомъ устали, но все-таки рѣшили войти еще въ одинъ дворъ. Втискиваемся въ темный узкій проулокъ, пролѣзаемъ черезъ какія-то рамы, прыгаемъ черезъ баррикады, попадаемъ въ лужу, и Кузьмичъ энергично стучится въ дверь, крошечную и некрашеную.

— Кто тамъ?—вопрошаетъ женскій голосъ.

— Переписная комиссія!—не безъ важности отвѣчаетъ Кузьмичъ,—отворяй!

Слышны голоса, возня, наконецъ, отворяется дверь, и мужчина небольшого роста, въ засаленномъ пиджакѣ, курчавый, сѣдой, съ маленькими черными усами, безъ бороды, отвѣшиваетъ намъ низкій поклонъ. Въ комнатушкѣ, съ лубочными картинами безъ рамокъ и приложеніями дешевыхъ изданій по стѣнамъ, стоитъ широкая, крашеная деревянная кровать съ подушками до низенькаго потолка; тутъ же—красный сундукъ, двѣ протертыя табуретки, столикъ, на краю котораго дымится нефтянка и чадитъ въ мѣдный чайникъ. Видно, кто-то до нашего прихода сражался въ дураки: засаленныя игральныя карты тутъ же.

— Можетъ быть, сами запишете?—обращаюсь я къ хозяину квартиры.

— Нѣтъ, сударыня! Сами пишите. Читать еще разумѣю, а писать не могимъ,—вѣжливо говоритъ онъ.

Приступаю къ записи.

— Имя, отчество, фамилія ваша?

— Емельянъ Ивановичъ Ворошихинъ.

Digitized by Google

— Женаты вы или нѣтъ?

— И женатъ, и нѣтъ! пишите такъ.

— Это неопредѣленно. Вѣнчались вы когда-нибудь?

— Да! имѣлъ случай, но у супруги нашей собачій карахтеръ. Затѣмъ она и не живетъ съ нами.

— А вы какъ приходитесь Емельяну Ивановичу?—заполнивъ графы противъ Ворошихина, спрашиваю женщину, сидящую въ углу на табуретѣ.

Та мнется и молчитъ. Емельянъ, вытянувшись подобострастно передо мною, выручаетъ ее:

— Ихняя имя отчество будетъ Арина Павловна Сивобрюхова.

— А какъ она приходится вамъ?

— Сударыня! пишите такъ: подруга жизни!

— Нельзя такъ записать ее; можно назвать жиличкой, призрѣваемой, сожительницей, квартиранткой.

Онъ горячо перебиваетъ меня:

— «Подруга жизни» весьма прилично и обстоятельно, а эти слова, что вы сказали «сожительница»—мы на себя взять не можемъ, потому оскорбительно.

Послѣ продолжительнаго разговора мы уладили вопросъ о томъ, какъ записать Арину Павловну. Продолжаю опрашивать Ворошихина:

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— У меня, сударыня, три свойства: лакей, оффиціантъ и буфетчикъ. Нынѣ состоимъ безъ должности, были на пароходѣ... Съ поваромъ и вахтеннымъ вышло недоразумѣніе...

— Въ харю ему съѣздили!—ядовито замѣчаетъ «подруга жизни», грызя и отплевывая сѣмячки.

— Да къ чему эти подробности, Арина Павловна!—вознегодовалъ онъ.—Смилуйтесь,—обращается онъ ко мнѣ,—не записывайте этого... А у нашей подруги жизни два свойства: онѣ горничныя и куфарки, но въ настоящее время тоже безъ должности.

Заполнивши листъ данными, я ухожу, не соблазняясь приглашеніемъ «откушать чайку». Во все время моего пребыванія у Ворошихина отъ «подруги жизни» несло водкой и, когда мы выходили изъ проулка, она споткнулась, выронила лампу; огонь погасъ. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ до нашего слуха долетѣли слова:

— Ахъ, ты харя!

Затѣмъ послышались взвизгиванія женщины.

— «Подругу жизни» дуетъ!—спокойно заявилъ Кузьмичъ.

Рано утромъ и на другой день продолжаемъ перепись.

— Вотъ сюда пожалуйте!—приглашаетъ меня Кузьмичъ. Входимъ въ крохотный дворикъ, уютный, чистенькій. Здѣсь три квартиры, жильцы неграмотны, листы заполняю сама.

Мы съ Кузьмичомъ протискиваемся въ какой-то тунель. Тамъ

Digitized by Google

полумракъ, мокрыя стѣны, запахъ курдючнаго сала, жаренаго съ лукомъ, и грязной постели.

Въ этой конурѣ, примыкавшей къ «отхожимъ мѣстамъ», жилъ татаринъ, человѣкъ лѣтъ 45, по его словамъ, разслабленный, а потому ни къ какому труду неспособный. Русскія женщины, его сосѣдки, аттестовали его такъ:

— Чаво тамъ «разслабленный»?! Жретъ за пятерыхъ, да деньденьской все спитъ; неохота ему работать; ежели Аза выйдетъ за ворота, онъ запримѣтитъ ее, побѣжетъ за нею, да за вихры и приволочетъ дѣвчонку. Вотъ все его дѣло. Мать у него старенькая старуха, поденно работаетъ,—шерсть щиплетъ, а жена въ куфаркахъ близъ собора въ крѣпости живетъ.

А онъ съ маленькой красной бородой, въ черной папахѣ, съ желтымъ подвальнаго цвѣта лицомъ, прислонившись къ косяку двери, робко возражалъ:

— Петревна, мальчи! не знаишь моя-дѣлъ!

— Знать нечего! глаза есть, вижу!—возражала «Петревна.» Всѣ данныя татарина совпадали съ отзывами объ немъ его сосѣдокъ, разногласіе было только въ вопросѣ объ его здоровьи.

Пока я застегиваю пальто и завязываю на шею теплый шарфъ, татаринъ шепчется съ городовымъ.

— Дуракъ онъ!—восклицаетъ Кузьмичъ, поровнявшись со мною: проситъ, чтобы вы описали про его жизнь, разжалобили бы царя и выхлопотали ему пенсію; говоритъ, хоть бы эдакъ рублей 25 въ мѣсяцъ.

И мой чичероне залился пискливымъ смѣхомъ.

Идемъ дальше; входимъ въ рѣзныя ворота, въ небольшой грязный, съ отвратительнымъ запахомъ дворъ, покрытый асфальтомъ. На широкое крыльцо спускается навстрѣчу къ намъ хозяйка дома, молодая шемахинская армянка съ красивыми восточными глазами и прекраснымъ цвѣтомъ лица, съ кисеей на головѣ. За нею тянутся ребятишки. Цѣпляясь за платье матери, какой-то карапузъ мокрымъ пальчикомъ пытается ткнуть мнѣ въ нагрудный знакъ счетчика и лепечетъ: «Д-да-й, да-й!» Съ хозяйкой, не знающей русской рѣчи, пришлось говорить долго. Кое-какъ понявъ цѣль моего визита, она приглашаетъ меня войти въ домъ. Мы поднимаемся по лѣстницѣ, входимъ въ крытую широкую и свѣтлую галлерею. Черезъ растворенныя двери я вижу просторную столовую, раздвижной столъ по срединѣ, надъ нимъ четыре электрическихъ рожка въ формѣ ландышей, подъ нимъ блестящую ручку тоже электрическаго звонка. По стѣнамъ дорогія картины въ золоченыхъ багетахъ, ниже коричневые вѣнскіе стулья съ высокими рѣзными спинками, въ углу большой рѣзной орѣховый буфетъ. По приглашенію хозяйки, я вхожу въ «зало». Это большая комната, съ высокимъ фигурнымъ потолкомъ, блещущимъ позолотой, оклеенная дорогими позолоченными темными обоями, съ гигантскими зеркальными окнами,

Digitized by Google

обращенными на шумную улицу. Обстановка комнаты—во вкусѣ мѣстной буржуазіи: тяжелая рѣзная мебель, обитая малиновымъ плюшемъ, такія же портьеры на окнахъ и дверяхъ, круглый столъ, покрытый дорогой суконной скатертью, передъ диваномъ, на которомъ лежатъ атласныя подушки. Высокая аляповатая лампа на столѣ, массивная бронзовая лодка-пепельница, серебряный альбомъ, на половину пустой, на половину-же заполненный какими-то бывшими поварами, лакеями, приказчиками, а нынѣ нефтяными королями.

Между стульями—жардиньерки, полныя искусственныхъ цвѣтовъ. Куда ни посмотришь—ни изящества, ни уюта. Словно въ магазинѣ дорогихъ вещей. Непріятно поразило меня отсутствіе книжки и бумаги.

Только что я обмакнула перо въ переписную чернильницу, какъ вдругъ вокругъ меня потемнѣло. Поднимаю голову и вижу: пятнадцать стриженныхъ, бритыхъ, длинноволосыхъ черныхъ головокъ склонились надо мною; дѣти сопятъ, пыхтятъ, шепчутся, толкаются. Надо было вписать въ листъ два семейства двухъ братьевъ нефтепромышленниковъ. Мнѣ стало жарко и душно.

— Читать и писать умѣете?—спрашиваю хозяйку.

— Нэтъ.

— По армянски, на своемъ языкѣ тоже не умѣете?

— Нэтъ!

Вспоминаю число *неграмотныхъ* среди *богатыхъ женщинъ*, и оказывается, что ихъ уже 41, а мнѣ надо переписать въ этомъ домѣ еще 10 женщинъ, да надо обѣгать дворовъ 20, гдѣ такихъ «барынь» тоже много.

Вписываю маленькую компанію, но... обрываюсь: чья-то слюна потянулась на перо и калачикомъ упала на переписной листъ. Увидя это, малыши крикнули:

— Вай! вай!

Толпа раздвинулась, маленькіе съ укоризной смотрѣли на виновника, поникшаго головой и волченкомъ выглядывавшаго исподлобья. Преступника схватили и тутъ же въ присутствіи переписной коммиссіи высѣкли; сѣкли по очереди: сперва нянька, толстая калужская крестьянка, потомъ маменька. Малютка ревѣлъ на весь домъ. Пострадавшему было около 7 лѣтъ. Если у него хорошая память, и онъ не лишенъ впечатлительности, то, вѣроятно, въ будущемъ не вспомнитъ добромъ первой всеобщей переписи въ Россіи.

Кончили перепись въ этомъ домѣ; къ *неграмотнымъ* прибавилось еще семь, и того *сорокъ восемь* неграмотныхъ «барынь»! Если въ домахъ, гдѣ повара и лакеи снуютъ взадъ и впередъ, а ночью всѣ комнаты погружаются въ море электрическаго свѣта, *столько* женщинъ, лишенныхъ даже первоначальной грамотности, то легко себѣ представить, что дѣлается въ трущобахъ Баку!! Въ

Digitized by Google

настоящее время въ столицѣ нефтяного царства функціонируютъ съ успѣхомъ двѣ воскресныя школы: мужская и женская, куда эти позолоченныя слѣпыя «барыни» не попадаютъ. А въ то же время сколько въ Баку интеллигентныхъ туземокъ, скучающихъ, не знающихъ, куда дѣвать свои силы? Взгляните въ эти позолоченныя трущобы, въ это безпросвѣтное «темное царство» и, если вы дѣйствительно жаждете дѣятельнаго добра, то вѣрьте мнѣ, что здѣсь найдете непочатый уголъ дѣла.

— Теперь въ этотъ дворъ!—говоритъ мнѣ Кузьмичъ, остановившись у покривившагося забора и тесовыхъ воротъ.

Между двумя громадными 2-хъ этажными домами протискался крошечный убогій дворъ, словно войлочная заплатка на бѣломъ плюшѣ. Къ стѣнамъ чужихъ домовъ прилипли деревянные домишки съ низенькими окнами; между ними валяются бочки, кадки, чурбаны. Груды камней и прогнившіе столбы окружали колодезъ. Соотвѣтственно строеніямъ здѣсь живутъ: поденщицы, прачки, городовой и какой-то писецъ. «Городовиха» приняла меня очень любезно. Кузьмичъ, сослуживецъ ея мужа, оказался ея хорошимъ знакомымъ, отчего она еще болѣе расцвѣла.

— Пожалуйте сюда, супротивъ зеркала! Здѣсь теплѣе!—приглашала меня хозяйка.

Синія сумерки спѣшили; пока она металась по двору, въ комнатѣ мало-по-малу всѣ предметы тонули въ темнотѣ. Я перестала видѣть себя въ кривомъ татарскомъ зеркалѣ.

— Кума, а кума!—черезъ полуотворенную дверь крикнулъ Кузьмичъ хозяйкѣ,—посвѣти!—Она не слышала и продолжала возиться около колодца.

— Не скоро она отпуститъ насъ!—замѣчаетъ Кузьмичъ. Дѣйствительно я слышу ея голосъ уже въ дверяхъ:

— Проша, а Проша! Сбѣгай за колбасой, возьми у Мамедки сѣмячекъ каленыхъ да еще сбѣгай въ кабакъ! Сегодня тамъ получили хорошее вино. Скажи, молъ, городовиха переписную коммиссію угощаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротествовала я,—пожалуйста, не посылайте за виномъ. Мы только запишемъ и уйдемъ, да и чаю пить не станемъ, поздно уже, а намъ надо еще обойти нѣсколько квартиръ.

Проша за виномъ не пошелъ, но хозяйка такъ настойчиво просила «покушать чайку», что я не могла отказать. Не допивъ стакана, я приступаю къ переписи.

— Гдѣ вы родились?

— Вотъ ужъ этого не упомню: въ селѣ Большіе Коты али Васильево. Да гдѣ-нибудь припишите!—А то погодите! мужъ придетъ, онъ все знаетъ.

— А онъ у васъ грамотный?

Digitized by Google

— Очень даже.

— Такъ я вамъ оставлю новый листъ, пусть онъ заполнитъ. Прощайте!

Мы вышли и направились къ прачкѣ.

Лампа-молнія своимъ ослѣпительно-яркимъ свѣтомъ заливала выбѣленныя стѣны, два маленькихъ окна, низенькій потолокъ, длинный некрашенный столъ и груды бѣлья, надъ которымъ склонились три головы: сѣдая и двѣ русыя. Увидя насъ, женщины оставили работу и низко поклонились мнѣ. Старуха съ привѣтливымъ лицомъ засуетилась, чтобы найдти свободный табуретъ. И здѣсь пріемъ былъ ласковый, сердечный—этимъ отличалось громадное большинство бѣдняковъ всѣхъ національностей.

— Родная, не прогнѣвайся!—и старуха какъ-то съежилась—не моя вина...

— Что такое?

— Служивый!—обратилась она къ городовому,—не выдай, батюшка!

— Успокойся, милая! мы вамъ ничего дурного не сдѣлаемъ. Какъ имя, отчество и фамилія ваша?

— Чубарина, Настасья Ивановна... У меня,—старуха понизила тонъ до шопота,—дочь безъ пачпорта.

— На этотъ счетъ, баушка,—сказалъ Кузьмичъ,—не сумнѣвайся! Мы пачпорта требовать не станемъ.

— Дочь ваша дѣвица или замужняя?

— Замужняя, да мужъ ее бросилъ!

И словоохотливая старуха повѣствуетъ далѣе:—Отдали мы за слесаря; хорошо зарабатывалъ, мы, значитъ, на это и прельстились. А онъ, сердешная ты моя, негоднымъ человѣкомъ оказался. Тутъ потерялъ работу, на промыслы въ Баханы поѣхалъ. Работу достать-то досталъ, да пить больно зачалъ. Наработаетъ за недѣльку эдакъ рубликовъ 20, въ субботу вечеромъ какъ пойдетъ въ кабакъ,—а тамъ на промыслѣ много ихъ, кабаковъ-то,—такъ всѣ деньги и спустить, да еще шапку пропьетъ. Такъ и пьетъ вплоть до вторника. Да съ бабами татарками связался. А какъ зачнетъ жена его укорять, онъ—драться. Ну, знаете, миленькая, какое материнское сердце?! Взяла я ее къ себѣ, а пачпорта, значитъ, онъ ей не далъ. Самъ бродитъ-бродитъ, скандалитъ, да въ Закаспійскій край и убѣгъ. А энта, Глашей зовутъ, тоже съ мужемъ не живетъ, моя племянница. Вотъ всѣ трое вмѣстѣ работаемъ, бѣлье чужое стираемъ, тѣмъ и кормимся. Все бы ничаво, кабы дочкѣ пачпортъ выправить. Тутъ недалеко армяне ее зовутъ, мѣсто хорошее, да безъ пачпорта никто держать не станетъ. Опять, какъ добыть пачпортъ—не знаю. А здѣсь, въ Бакѣ, плохое житье наше: какъ всѣ сусѣди знаютъ, что дочка моя безъ пачпорта, такъ всякій норовитъ обидѣть насъ. Намедни городовиха напилась вдребезги, скандалить зачала и оретъ на насъ: «Я васъ, безпачпортныхъ,

Digitized by Google

въ участокъ заберу, никого, говоритъ, не боюсь, я сама полиція! Вишь, какая, она.

Кузьмичъ дополнилъ характеристику «городовихи»:

— Она баба бѣдовая. На прошлой недѣлѣ мужнины сапоги продала на солдатскомъ базарѣ и всѣ деньги въ трактирѣ пропила. А мужъ взялъ у товарища сапоги, пошелъ на постъ. Зашумѣли въ трактирѣ: «Го-ро-до-вой-й»! Приходитъ онъ туда и видитъ: его Акулина Семеновна повалила пьянаго мужика и тузитъ его. Онъ бы долженъ тутъ дѣйствовать, а не можетъ, потому, какъ онъ родную жену въ участокъ возьметъ? Ушелъ изъ трактира.

На другой день мы приступили къ переписи новаго квартала. Постучались въ зеленыя двери. На улицу выглянула молоденькая татарка съ монистами на лбу, улыбнулась мнѣ, но, при видѣ городового, нахмурилась, хлопнула дверью и заперлась.

— Это она меня испугалась: онѣ мужчинъ, особливо русскихъ, очень стѣсняются, — поясняетъ мой чичероне.—Я отойду, а вы войдите однѣ.

Снова стучусь. Отворяютъ дверь, вхожу въ сѣни, комнаты, устланныя коврами и паласами. Кузьмичу позволили тоже войти, только остаться въ сѣняхъ. При помощи маленькаго реалиста, хозяйскаго сына, я приступаю къ записи.

— А какъ имя вашей мамаши?

Мальчикъ не успѣлъ отвѣтить, какъ мать сердито закричала на него.

— За что она сердится?—спрашиваю я.

Онъ мнется и опускаетъ глаза.

— Ну, скажи мнѣ.

— Она говоритъ: стыдно.

— Ты объясни ей, что ничего нѣтъ стыднаго въ томъ, что я ее запишу. Скажи, какъ ее зовутъ?

Онъ только успѣлъ произнести: Каджаръ хан.... какъ она ладонью зажала ему ротъ и вытолкала вонъ изъ комнаты.

— Ханума, ты по-русски понимаешь?

— Понымаешь!—взволнованно отвѣчаетъ она мнѣ.

Я ее опрашиваю.

— Ради Бога не пиши! Паджалыста не пиши!—и татарка залилась громкимъ плачемъ.

Я ее уговариваю, объясняю, успокаиваю, но всѣ мои старанія добиться отъ нея данныхъ оказались тщетными.

Потерявши терпѣнье, я говорю ей:

— Хорошо. Завтра приду къ тебѣ, ты мнѣ отвѣтишь на вопросы, и я запишу.

Такъ уходитъ врачъ отъ больной, которой предстоитъ операція,

Digitized by Google

и снисходя къ ея понятному страху, пріучаетъ ее къ мысли о неизбѣжныхъ страданіяхъ.

Выходя отъ татарки, я была поражена необыкновеннымъ обиліемъ лампъ, стоявшихъ на подоконникахъ и шкапахъ.

— Нашъ домъ свадва билъ, татаръ много лампа лубитъ,—объяснила мнѣ хозяйка.

Прихожу къ ней на другой день—опять волненіе, слезы и непонятный мнѣ глупый страхъ.

На четвертый день я пришла къ ней съ твердымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало переписать эту семью.

Услышавъ опять ея рыданія, Кузьмичъ не выдержалъ и крикнулъ изъ сѣней:

— Баджи! (сестра) поддавайся, а не то въ участокъ заберу.

При словѣ «участокъ» она зарыдала громче.

— Слушай, баджи! Не хорошо ты дѣлаешь это,—говорю я.— Завтра я приду къ тебѣ рано утромъ и, если не дашь записать, начальника пришлю, пусть онъ записываетъ тебя.

— Паджалыста, кушъ чай и хрухти (фрукты),—сквозь слезы проситъ она меня въ то время, какъ дѣвушка лѣтъ 15 осторожно внесла въ комнату подносъ со стаканомъ чаю и тарелками, полными сушеныхъ фруктъ и татарскихъ сладкихъ лепешекъ.

— Нѣтъ! твоихъ угощеній мнѣ не надо. Когда перестанешь капризничать и спокойно отвѣтишь на мои вопросы—тогда выпью у тебя стаканъ чаю. Ну, до завтра!

— Говори, ханума, имя твое, какъ звали твоего отца?—приступаю на слѣдующій день.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

Она грустно отвѣчаетъ:

— Минэ соркъ лэтъ.

— Сколько у тебя дѣтей?

— Пэтъ малчышка и одинъ дывчинка.

Старшаго изъ нихъ она называетъ по имени.

— Сколько ему лѣтъ?

— Старшій малчышка будетъ соркъ пэтъ годъ (45 л.).

— Твой родной сынъ?

— Канышно!

— Да какъ это возможно, чтобы мать была моложе сына? Ему, вѣрно, гораздо меньше 45 л.

— И Похъ нэтъ! (Ей Богу, нѣтъ!)

Мы заспорили.

— Позови сосѣдей!—говорю я.

Пошли звать, пришли женщины, начали говорить всѣ разомъ.

— Ну, сколько лѣтъ Алекперу?

— Сколько хочешь пши!—говоритъ голубоглазая татарка съ маленькимъ шрамомъ на переносьѣ.

— Такъ нельзя.

Digitized by Google

— Ана не помнитъ, сколко лэта ему.

— Пастой, пастой! мая тотка есть, я его позову!—сказала хозяйка,—ана пco (все) знаетъ.

Послали за теткой. Татарки разшумѣлись, старыя спорили, молодыя глазѣли на мой значекъ, щелкали зубами, улыбались до ушей. Ввалилась толстая татарка съ тремя подбородками, вся въ шелку, шурша, гремя монистами и отплевываясь.

— Тотка говоритъ,—переводитъ мнѣ молодая дѣвушка,—ему, энта Каджаръ Кадиваръ-ханумъ будетъ али трисетъ, али соркъ, хорошо не знаишь.—Видя на моемъ лицѣ недоумѣніе, она говоритъ:

— Хочишь патажди—діадіа придетъ, онъ пco знаетъ.

Пришелъ и «діадіа»—высокій съ добродушнымъ лицомъ татаринъ въ длиннополомъ кафтанѣ мусульманскаго покроя.

— Зачымъ нада сколько лэтъ?—спрашиваетъ онъ.

Я объясняю.

— Эму астяршій малчишка будитъ трисъ лэтъ (30 л.).

— Значитъ, ей больше сорока?

— Бохъ знаитъ, я не знаитъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Ханума, вспомни, сколько лѣтъ было тебѣ, когда родился твой первый сынъ.

— Не знаишь!—спокойно отвѣчаетъ она мнѣ:—можетъ двасатъ, али дванасатъ.

Опять всѣ загалдѣли. Кого-то услали на другую улицу. Жду. Пришла татарка, высокая, сухопарая, со злыми черными глазами, въ шолковой пестрой чадрѣ.

Она, какъ оказалось, была ключомъ метрическихъ свидѣтельствъ всей семьи. Говорили долго, перебивали другъ друга и, наконецъ, получилось слѣдующее: Каджаръ было 43 года, сыну 30, т. е. на *тринадцатомъ году* она родила перваго ребенка!

Послѣ 3-хъ часового пребыванія, усталая и измученная, я собралась уходить.

Видя, что перепись прошла благополучно, моя ханума повеселѣла и, такъ какъ я, за неимѣніемъ времени, отказалась отъ угощенія, она въ одинъ карманъ положила мнѣ апельсинъ, а въ другой всыпала горсть фисташекъ.

Мы дружелюбно разстались.

Я и Кузьмичъ останавливаемся противъ дверей, гдѣ прибита вывѣска съ изображеніемъ рыжей коровы и подъ нею написано: Адріана Акрединосъ.

— Что же здѣсь такое?

— А это молочная, гречанка ее содержитъ.

Почернѣвшая калитка при первомъ прикосновеніи готова соскочить съ петлей. Входимъ бочкомъ. Какая-то женщина въ три

Digitized by Google

обхвата, закутанная въ теплой шали, сидитъ на скамейкѣ и мечтательно вяжетъ красный чулокъ. Увидя насъ, она моментально исчезаетъ. Переписали всѣхъ ея сосѣдей, направились къ ней. Миловидная дѣвочка, ученица городской школы, ласково принимаетъ меня у порога.

— А гдѣ твои?

— Папа въ пекарнѣ, мама на базаръ ушла, а бабушка спитъ.

— Можешь мнѣ отвѣтить на эти вопросы?—я ей показываю переписной листъ.

— Да, могу.

— А въ комнату къ вамъ зайти можно? Здѣсь негдѣ сидѣть, да и темнѣетъ уже.

Она мнется и нехотя отвѣчаетъ:

— Что же! можно! заходите!

Входимъ въ большую просторную комнату.

Лампа-молнія стоитъ на столѣ, покрытомъ клеенкой. На стѣнахъ лубочныя картины: наслѣдный принцъ греческій Константинъ съ супругой своей принцессой Софьей, Аѳонскій монастырь и видъ Іерусалима. Въ одномъ углу кушетка, въ другомъ широкая деревянная кровать съ громадной спящей фигурой, покрытой цвѣтнымъ стеганнымъ одѣяломъ. Передъ столомъ сидитъ мальчикъ 3-хъ лѣтъ, что-то мастеритъ изъ табачныхъ коробокъ и въ увлеченіи. Спящая фигура шевелится, зоветъ къ себѣ дѣвочку, шепчется, поворачивается на бокъ и снова храпитъ.

— Ну, Константина, давай писать! Какъ фамилія, имя, отчество твоего отца?

— Я всего не знаю.

— Кто это тамъ храпитъ?

— Бабушка.

— Разбуди ее, она навѣрно знаетъ все, что мнѣ надо вписать.

— Нельзя, она больна и сердится, ни за что не проснется.

— Какъ же она «ни за что не проснется», когда она недавно говорила съ тобою? Я сама разбужу ее!

Подхожу къ кровати, дотрогиваюсь до плеча и тихо взываю:

— Бабушка, а бабушка!

Въ отвѣтъ комнату оглашаетъ далеко не женскій храпъ.

— Бабушка, проснитесь на минуту!

— Хр-хр-хр-хр-хррр!..

Ухожу въ сѣни, чтобы переговорить съ Кузьмичемъ, и слышу, какъ женщина накидывается на дѣвочку и кричитъ. Возвращаюсь въ комнату—она валится на кровать и опять храпитъ.

— Что, Константина, не просыпается твоя бабушка?

— Не хочетъ проснуться!—лукаво глядя на нее, отвѣчаетъ мнѣ дѣвочка.

— Бабушка, а бабушка! вставайте, пожалуйста, дѣло есть!—надрываюсь я изо всѣхъ силъ.

Digitized by Google

Наконецъ, она заколыхалась, отбрасываетъ съ себя одѣяло, поднимаетъ сѣдую голову, злобно вскидываетъ на меня черные глаза, шевелитъ тонкими губами и бормочетъ; греческаго языка я не знаю, но выраженіе лица и интонація ея словъ говорятъ ясно:

«Ну тебя къ чорту! убирайся вонъ!»

— Константина!—нервно зоветъ она внучку.

Я отхожу въ сторону, онѣ шепчутся.

— Бабушка проситъ передать вамъ, что она не пойдетъ на войну,—заявляетъ мнѣ дѣвочка.

— Что съ нею? На какую войну? Кто ее проситъ?

— Она говоритъ, что турки убили ея мужа, двухъ сыновей, а все-таки она на войну не пойдетъ. Говоритъ бабушка, что собираютъ женщинъ на войну, она не можетъ.

Я пораженная стою и думаю: откуда идетъ этотъ вздоръ? Видя, что здѣсь безъ хозяина ничего не подѣлаешь, свой визитъ къ грекамъ я откладываю на другой разъ.

Среди затишья глухой улицы городскіе часы ударили два. Мы вошли къ портному Ованесу. Вся семья сидѣла за обѣдомъ.

Увидя насъ, хозяинъ выскочилъ на галлерею и такъ горячо просилъ откушать его обѣдъ, что я не могла отказаться. Женщины—его жена, сестра и мать, всѣ съ подвязанными лицами, въ пестрыхъ своеобразныхъ костюмахъ шушинскихъ армянокъ—поклонились мнѣ и какъ-то съежились. Рядомъ со мною сидѣлъ маленькій Мангасаръ съ перевязанными пальцами на правой рукѣ.

— Что это съ нимъ?—обратилась я къ Ованесу.

— Пальцы себѣ порѣзалъ,—мягко началъ онъ.—Знаете, читалъ я вслухъ о турецкихъ звѣрствахъ, дѣти были здѣсь и все слышали. Потомъ смотрю, побѣжали куда-то. Черезъ нѣкоторое время Мангасаръ прибѣгаетъ съ окровавленными пальцами. Оказывается, они играли въ турокъ и армянъ. Просто бѣда съ мальчишками! Второй сынъ, ему всего 9 лѣтъ, только и думаетъ о томъ, чтобы скорѣе вырости и рѣзать турокъ, отмстить имъ за армянъ. Удивительное дѣло! Я по ремеслу портной, отецъ мой былъ маклеромъ, мои братья—приказчики—народъ все мирный; признаться, я даже пистолета никогда въ руки не бралъ, а дѣти только и думаютъ, какъ стрѣлять да убивать.

— Вотъ что дѣлаютъ времена!—со вздохомъ заключилъ онъ свою рѣчь.

— Учатся они у васъ?—обратилась я къ нему.

Сперва онъ замялся, потомъ не безъ грусти началъ:

— Учились они, да я ихъ взялъ, теперь дома занимаются. Прежде въ армянскую школу они ходили, но вѣдь ее закрыли недавно. Отдалъ я ихъ въ N—ское учебное заведеніе. Съ перваго дня учителя стали придираться къ нимъ за то, что они армяне, и постоянно ставили имъ двойки. Особенно возненавидѣли ихъ учителя русскаго языка.

Digitized by Google

Послѣдняя фраза вызвала между нами оживленную бесѣду, которая скоро перешла въ споръ.

— Увѣряю васъ, что вы заблуждаетесь. Никакой ненависти къ вашимъ дѣтямъ учителя не могутъ питать, ставятъ же они двойки должно быть потому, что мальчики ваши, учившіеся въ армянской школѣ, гдѣ говорили главнымъ образомъ по армянски, плохо владѣютъ русской рѣчью, что не можетъ не вліять на успѣхи дѣтей вашихъ; слабыя знанія всегда оцѣниваются двойками,—убѣждаю я его, но онъ стоялъ на своемъ.

— Мы все хорошо знаемъ. Конечно, вы защищаете своихъ, а всѣмъ извѣстно, что газетѣ «Кавказъ» приказано непремѣнно ругать армянъ. Я каждый день покупаю номеръ и вижу, какъ тамъ чистятъ насъ. Ну, конечно, учителя не знаютъ нашъ народъ и думаютъ, что въ «Кавказѣ» всегда правда пишется. Очень можетъ быть, что имъ тоже приказано армянскимъ дѣтямъ ставить двойки,—стоялъ онъ на своемъ.

«Вотъ, подумала я, плоды того, что съ неослабной энергіей сѣютъ въ кавказской печати армянофобствующіе литераторы!»

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что простой ремесленникъ, едва читающій по русски, находитъ связь между вредною для края дѣятельностью узко-національныхъ писателей и дѣятельностію педагоговъ, за слабыя знанія ставящихъ армянскимъ дѣтямъ должную отмѣтку... Бѣдные педагоги! Это называется: «въ чужомъ пиру по хмѣлье!»

Слѣдующій визитъ мы сдѣлали татарской семьѣ. Она состояла изъ стариковъ родителей, замужней дочери и шести внучатъ.

— А дочь ваша замужемъ?—спрашиваю я старика, бывшаго переводчика, а потому хорошо говорящаго по русски.

— Да, замужемъ, но живетъ у меня. Онъ ее бросилъ и, знаете, за что? Вотъ такого случая у русскихъ не можетъ быть. Всякій разъ, когда рождалась у него дочь, онъ злился. Послѣ пятой дочери онъ даже бить сталъ жену, а тутъ, какъ на зло, появляется шестая дочка. Аджи приходитъ къ женѣ и говоритъ: «слушай, весь базаръ надо мною смѣется за то, что у меня опять дочка родилась. Я не могу вынести такого позора, я тебя оставлю. А если жаловаться на меня будешь—убью тебя». Вотъ всѣ они живутъ у меня уже второй мѣсяцъ,—сказалъ Али, рукою показавъ на свою дочь, молодую и красивую женщину, окруженную злополучными дѣвочками.

Рядомъ съ нею жила другая татарская семья. Самого хозяина не было дома.

Маленькіе сѣрые глазки, короткій, словно отрѣзанный носъ, красиво очерченныя, немного чувственныя губы, широкій бѣлый лобъ, а главное—безъ малѣйшаго татарскаго акцента чисто-русская рѣчь, пересыпанная народными изреченіями, признаться, сильно

Digitized by Google

меня смутили, когда передо мною явилась женщина въ татарскомъ костюмѣ съ крашеными «хиною» пальцами.

— Да вы не русская ли?—воскликнула я, вслушавшись въ ея рѣчь.

— Русская и есть!—съ пріятной улыбкой отвѣтила она.

— Какъ васъ записать?

— Позвольте я сама запишу себя и *его*.

Она сѣла къ столу и приступила къ дѣлу.

Пока хозяйка писала, я не безъ любопытства разсматривала комнату и обстановку. На стульяхъ и подоконникахъ валялись засаленные номера «Родины» и мѣстной газеты «Каспія», на этажеркѣ евангеліе въ малиновомъ переплетѣ и рукодѣліе—вышиванье крестиками. Изъ смежной комнаты выглядывали винныя и водочныя бутылки.

— Извольте!—сказала она, подавая мнѣ переписной листъ, заполненный старательнымъ, не твердымъ почеркомъ,—просмотрите, пожалуйста—нѣтъ ли ошибокъ?

Въ листѣ значилось:

«Мустафа Керимъ оглы, холостой, 45 лѣтъ, уроженецъ Баку, магометанинъ; неграмотный, занимается мелкой торговлей».

Въ слѣдующей графѣ:

«Анна Иванова Чернова *), дѣвушка, сожительница, 26 лѣтъ, дворянка, родилась въ Т., православная, русская, грамотна, образованіе получила въ гимназіи».

— Вижу, вы удивлены!—читая на моемъ лицѣ, замѣтила она и, не дожидаясь моего отвѣта, сказала:—судьба и люди сгубили меня.

— Садитесь, пожалуйста, кофе, будемъ пить.

Она отворила дверь, ведущую въ кухню, и кликнула:

— Мамеръ, поскорѣе кофе свари.

Я торопилась, она усадила меня, говоря:

— Посидите, пожалуйста! Я болѣе года не говорила по-русски, да и русскихъ людей близко не видала. Мой вѣдь ревнивъ, какъ чортъ, даже въ церковь меня не пускаетъ.

Мы разговорились, и она повѣдала мнѣ печальную исторію своей жизни.

— И знаете, откуда начинается моя гибель? — начала она — Съ гимназіи. Прогнали меня оттуда, потому что осталась въ классѣ на второй годъ и на экзаменахъ провалилась, да еще, къ моему несчастію, у насъ была такая начальница, которая была помѣшана на томъ, чтобы «подчищать» классы. Вотъ меня, значитъ, и выкинули вонъ. Круглая сирота, куда пойдешь? Родственники тоже держать не стали: «кабы ты была хорошая, говорили они, изъ гимназіи не прогнали-бы». Бросилась я искать работу, ничего не нашла. Да и какую работу дадутъ дѣвченкѣ, которая изъ 4 кл. ушла.

*) Имя и фамилія измѣнены.

Digitized by Google

Была у насъ сосѣдка нѣмка изъ Риги, добрая такая, сердечная: учись, говоритъ, по нѣмецки, хоть въ бонны можешь итти. Стала я заниматься, и представьте, съ успѣхомъ. Учила она меня эдакъ годика два, болтать по нѣмецки стала. Поѣхала я въ Москву — искать мѣсто; тамъ-то ничего я не нашла, а нѣмкины знакомые рекомендовали меня какимъ-то здѣшнимъ кущамъ. Ну, пріѣхала сюда въ семью N. Ничего было мнѣ у нихъ, да вотъ горе, привязался ко мнѣ старшій сынъ, сталъ въ любви объясняться. Ну... случилось несчастье, обѣщалъ жениться, но оказался мерзавцемъ»... женился на другой. Эхъ! все у меня погибло. Терять, думаю себѣ, уже нечего — бросилась въ вертепъ, встрѣтилась съ Мустафой, пошла къ нему... Иной разъ такая тоска возьметъ, что жизни не рада, такъ бы руки на себя наложила! Выпьешь вина, усыпишь мозгъ, отъ сердца отойдетъ.

— Такъ-то, милая моя!—сказала она и какъ-то вся съежилась. Я сидѣла, подавленная безхитростнымъ ея повѣствованіемъ. Анна Ивановна нарушила тяжелое молчаніе:

— И знаете, сколько нашихъ здѣсь гибнетъ! Много, много. Я знаю человѣкъ двадцать, а сколько такихъ, которыхъ я не знаю!

Сосѣдній дворъ тоже былъ татарскій.

Три инжирныхъ дерева огорожены были зеленой рѣшеткой, надъ колодцемъ протянута была веревка, а на ней перекинуто мокрое цвѣтное бѣлье; приподнимаю его и вхожу въ первую комнату. Во всѣхъ 3-хъ комнатахъ обстановка чисто-мусульманская. Средняя комната вся устлана войлоками, коврами, паласами. Громадная ниша до потолка заполнена пестрой цвѣтной постелью. Въ стѣнномъ шкафу, за стеклянной дверью стоитъ пестрая посуда, мѣдные круглые подносы съ сахарными лепешками. На стѣнахъ длинныя кривыя зеркала, лампы, разныя цвѣтныя афиши и объявленія. Такова же обстановка и второй комнаты, среди которой стоитъ *кюрси* *). Въ моментъ, когда я вошла, пожилая женщина и двѣ дѣвочки сидѣли вокругъ него, имѣя за спинами пестрые пуховики. Мать читала коранъ, старшая вышивала по канвѣ, а младшая барабанила пальцами по *кюрси*. Увидя меня, всѣ трое встали и привѣтливо протянули руки. Что-то на своемъ языкѣ сказала мать дочери; Лейля подоломъ стерла пыль съ табурета и поставила мнѣ. Мы разговорились. Оказалось, что дѣвочки не только понимаютъ, но и говорятъ по русски. Скоро пришелъ и самъ «папашъ»; оставивъ *коши* **) на балконѣ, онъ въ носкахъ вошелъ

---

*) Въ азіатской печи разводятъ огонь и ее ставятъ подъ низенькій столикъ, покрытый громаднымъ стеганнымъ одѣяломъ, которымъ до пояса покрываются татары. Это и называется «кюрси».

**) Обувь на высокихъ каблукахъ.

Digitized by Google

въ комнату, вѣжливо привѣтствовалъ меня, нырнулъ подъ кюрси, а Чимпазка — старшая дѣвочка, поспѣшно встала и положила громадный пуховикъ за спину отца. Кузьмичъ мнѣ принесъ «походную канцелярію», я приступила къ опросамъ. Благодаря знанію русскаго языка, Чимпазка живо мнѣ переводила, и перепись шла быстро.

— Паджалыста, пей чай!—проситъ меня Лейля. Я отказываюсь, она повторяетъ просьбу:

— Папашъ проситъ, оставайся, миленькая! Садись.

Чимпазка засуетилась, подала грязный самоваръ и поставила его на низенькій подоконникъ; мать занялась чаемъ; Лейля подала отцу трубку, и скоро клубы дыма взвились къ потолку. Вошли гостьи—двѣ татарки, большая и маленькая, обѣ въ клѣтчатыхъ розовыхъ чадрахъ; послѣ привѣтствій онѣ нырнули подъ кюрси, до пояса закутавшись одѣяломъ; Чимпазка обложила ихъ пуховиками, а Лейля весело защебетала. Слушая ихъ трескотню, я невольно остановила вниманіе на маленькой гостьѣ.

— Отчего у нея такія черныя брови? выкрашенныя?

— Да, у насъ любятъ все красить, ногти, брови, — весело отвѣчала мнѣ Лейля, — мой мамашъ, папашъ и всѣ родственники ругаютъ меня, когда я не выкрашу брови, а я не люблю. Она, вотъ энта, теперь невѣста и надо красить брови.

— Кто невѣста? Эта дѣвочка? Да сколько ей лѣтъ? — удивилась я.

— Ей скоро 11 лѣтъ будетъ, а черезъ два мѣсяца ея свадьба, потомъ, — смѣясь добавила она,—и моя свадьба...

Къ намъ подошла Чимпазка, и, смотря, на сестру, начала многозначительно улыбаться.

— Знаешь, зачѣмъ Чимпазка смѣется? Она мнѣ жениха подарила.

— Какъ подарила?

— Пойдемъ другой комната. Здѣсь имя жениха сказать не могу, мамашъ, папашъ разсердится.

Мы вышли въ смежную комнату.

— Прежде Али-Баба сестру сваталъ и кольцо ей далъ, теперь она не хочетъ, я пайду за него,—сказала Лейля.

— А тебя возьметъ онъ? — спрашиваю я.

— Конешно, ему все равно, я пайду.

— Ты хорошо его знаешь?

— Я? Нѣтъ. Моя мамашъ, папашъ хорошо его знаютъ.

— Видала его?

— Нѣтъ, никогда не видала. Когда обрученіе было, его мамашъ пришла, а онъ нѣтъ, у насъ такой законъ.

— Старый твой женихъ?

— Говорятъ, молодой.

— Ну, а брови когда станешь красить?

— Пока еще не буду. Я слыхала, что мой женихъ не любитъ красить брови и руки; вотъ теперь, смотри, какія красныя!

Digitized by Google

И она показала мнѣ свои пальцы, выкрашенныя хной,—а когда замужъ пойду—не буду красить. Эхъ, ты счастливая!—восклицаетъ Лейля,—читать и писать знаешь!

— И ты можешь быть такой счастливой: учись, учиться никогда не поздно, — говорю ей.

— Я хотѣла, да папашъ не позволяетъ, сердится. У насъ квартирантка была, меня выучила пять буквъ: *о, е, а, у, я*, потомъ она уѣхала, папашъ увидалъ азбуку, разсердился, въ *тангиръ* **) бросилъ. Знаешь, што? — сказала Лейля, понизивъ тонъ до шопота и обѣ руки положивъ на мои плечи,—когда я замужъ пайду, приходи ко мнѣ, выучи азбуку, я читать, писать очень хочу. Али-Баба самъ ходилъ въ русско-татарскую школу, навѣрно не разсердится, ежели я буду учиться. Паджалыста, ходи ко мнѣ.

— Хорошо, ты только дай знать, гдѣ будешь жить.

— Чай пей!—кликнула намъ показавшаяся въ дверяхъ Чимпазка, великодушно уступившая сестрѣ своего жениха.

Улучивъ удобный моментъ, я спросила ее:

— Почему ты сама не идешь за Али-Баба?

— Мнѣ еще 12 лѣтъ, а Лейлѣ уже 15, и она до сихъ поръ не замужемъ, это поздно, она старая уже! Сколько было жениховъ у ней, она не пошла, ну, мамашъ, папашъ постоянно серчаютъ на нее, она плачетъ, мнѣ ее жалко! Пущай идетъ за Али-Баба.

Послѣ того, какъ городская управа раздала жителямъ объявленія, въ коихъ объяснена была цѣль переписи — дѣло пошло успѣшнѣе. Во многихъ домишкахъ пошла такая уборка и чистка, что можно было думать, будто люди готовятся къ празднику: дворы подметены, самовары стоятъ только что вычищенные, на столахъ чистыя скатерти, дѣти умыты, одѣты по праздничному, взрослые тоже принаряжены.

Зайдешь къ одн[illegible] присылаютъ сосѣди:

— А къ намъ когда? Мы ждемъ!

Ласковый и теплый пріемъ оказывалъ мнѣ простой, «низшій классъ»: прачки, ремесленники, рабочіе, мелкіе торговцы. За то «средній» классъ, образовавшійся въ столицѣ нефтяного царства изъ бывшихъ нѣкогда поваровъ, лакеевъ, приказчиковъ, аробщиковъ, возившихъ мазутъ, успѣвшихъ, какъ липу, обчистить своихъ господъ—нынѣшніе крезы—встрѣчалъ меня не безъ чванства и того высокомѣрія, которое такъ грубо проявляется у полуграмотнаго буржуа.

Въ массѣ тягостныхъ впечатлѣній среди сытыхъ, упитанныхъ, обсыпанныхъ зототою пылью, я особенно охотно вспоминаю прекрасный образъ вдовы Данасьянцъ.

---

*) Тангиръ—громадная тахта изъ кирпича съ ямообразной печкой.

Digitized by Google

Она вяжетъ чулки, братъ ея приказчикомъ въ лавкѣ и получаетъ въ мѣсяцъ 35 руб.—это ихъ рессурсы, деньги ничтожныя для Баку, гдѣ стонъ страшная дороговизна на квартиры и предметы первой необходимости. У вдовы квартируетъ ученикъ IV класса Асафъ; онъ бѣднякъ, и потому за комнатку и столъ расплачивается своимъ трудомъ—учитъ маленькихъ Наргизу и Николая, бывшихъ учениковъ закрытой армянской школы. Съ Асафомъ живетъ его молочный братъ Алекперъ, вывезенный изъ аула; его готовятъ въ городское училище. Алекперъ довольно свободно говоритъ по русски и, за неимѣніемъ денегъ, за столъ помогаетъ вдовѣ по домашности. Рядомъ съ Данасьянцами живетъ разбитая параличомъ одинокая старуха, почти нищая; вдова ухитряется со своего скуднаго стола посылать пищу больной. Вся семья Данасьянцъ живетъ дружно, сама вдова всегда бодра, весела, энергична. Каждый разъ я уходила отъ нея съ просвѣтленной душой.

Тихая мягкая ночь съ звѣзднаго купола спустилась на землю. Тамъ, далеко, въ синевѣ потонули и мысъ Баиловъ, и дома, и море, вздрагивая всѣмъ своимъ громаднымъ тѣломъ и встряхивая съ чешуйчатой спины цѣлый лѣсъ мачтъ пароходовъ.

Глухой улицей я шла домой.

Д. Ведребисели.

Отвѣтъ «Русской Мысли».

Въ сентябрьской книжкѣ «Русской Мысли» появилась статья подъ заглавіемъ «Г. Южаковъ и русскій языкъ въ средней школѣ». Статья подписана инициалами *И. К.* Г-нъ И. К. откликнулся на мою статью, появившуюся, однако, два съ половиною года тому назадъ. Нѣсколько долго собирался въ походъ почтенный авторъ, но тѣмъ основательнѣе, конечно, къ походу можно было изготовиться и тѣмъ вѣрнѣе одержать побѣду. А въ данномъ случаѣ вопросъ идетъ о столь важныхъ культурныхъ интересахъ, что можно только радоваться такому основательному, такому не поспѣшному изученію важнаго вопроса. Съ живымъ интересомъ поэтому развернулъ я вышеназванную статью и вскорѣ увидѣлъ, что мнѣ приуготовленъ полный и всесторонній разгромъ и ждетъ меня совершенное посрамленіе... Что же, умѣлъ заслужить, умѣй и получить! Все-таки, однако, небезынтересно было узнать, чѣмъ это я заслужилъ и что такое я долженъ получить, а такъ какъ вопросъ объ учебникахъ русскаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ, конечно, не интересовать и всего образованнаго общества, то да

Digitized by Google

позволено мнѣ будетъ занять нѣкоторое время читателя этимъ моимъ разгромомъ и посрамленіемъ. Самъ мой критикъ замѣчаетъ, что ему «было очень досадно читать рядъ ошибокъ, выраженныхъ съ апломбомъ, первоначально въ такомъ журналѣ, какъ *Русское Богатство*, и притомъ такимъ писателемъ, какъ г. Южаковъ, которому многіе вѣрятъ безусловно». Хотя я не думаю, что бы мнѣ кто нибудь вѣрилъ безусловно, но все же *рядомъ своихъ ошибокъ* и *своимъ апломбомъ я*, пожалуй, и могъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе. Моя обязанность доложить читателямъ *Русскаго Богатства* исправленіе этого ряда ошибокъ и посрамленіе этого апломба, нынѣ предпринятое на страницахъ *Русской Мысли*.

Рядъ ошибокъ,—конечно, это не хорошо. Апломбъ при этомъ уже совсѣмъ плохъ. Однако, мое дѣло обстоитъ еще гораздо хуже. Посудите сами: «Какъ извѣстно (читаемъ въ упомянутой статьѣ), если хочешь обнаружить какія бы то ни было свойства какого-либо предмета, надо знать этотъ предметъ, а иначе людей понимающихъ ни въ чемъ не убѣдишь, а не понимающихъ введешь въ заблужденіе. Г. Южаковъ не хорошо знаетъ грамматику, о которой взялся писать» (стр. 55). Это уже, разумѣется, больше, нежели ошибки (errare humanum est). Это недобросовѣстность: писать о томъ, чего не знаешь, и не понимающихъ людей вводить въ заблужденіе! Слава Богу, что есть еще на свѣтѣ люди понимающіе, которыхъ ни въ чемъ не убѣдишь... «Это во первыхъ», продолжаетъ мой благосклонный критикъ: «Кромѣ того, мнѣ кажется, что, взявъ подъ свою опеку (*ого!*) русскій языкъ въ средней школѣ, г. Южаковъ оказываетъ ему плохую услугу, когда настаиваетъ (!) на изученіи его по какимъ бы то ни было грамматикамъ» (55). И нѣсколько далѣе: «положительно обидно за русскій языкъ въ средней школѣ: г. Южаковъ настойчиво (*опять*?) требуетъ той самой русской грамматики въ средней школѣ, отъ которой русскій языкъ и сейчасъ страдаетъ здѣсь въ значительной степени» (*ibidem*). Я настойчиво требую «той самой» русской грамматики, «отъ которой русскій языкъ и сейчасъ страдаетъ» и которую я самъ признанъ никуда не годною! Это вѣдь уже просто хуже компрачикоса какого-то... Таковы мои преступленія и критикъ *Русской Мысли* просто непростительно снисходителенъ ко мнѣ, когда, любезно сообщая читателямъ планъ своей статьи, говоритъ только слѣдующее: «въ своемъ отвѣтѣ (*отвѣтъ*, замѣтимъ) я постараюсь показать, во первыхъ, что г. Южаковъ, замѣчая многія ошибки составителей учебниковъ русской грамматики, дѣлаетъ не меньше своихъ собственныхъ, и, во вторыхъ, что онъ подходитъ къ вопросу объ изученіи русскаго языка въ средней школѣ совсѣмъ не съ той стороны, съ какой было бы желательно».

Однако, что же это такое? Я подхожу къ вопросу объ изученіи русскаго языка въ средней школѣ не съ той стороны... Но вѣдь я *ни съ какой стороны* къ этому вопросу не подхожу! Я просто объ

Digitized by Google

этомъ вопросѣ, т. е. о планѣ и методѣ изученія русскаго языка въ средней школѣ, никогда не писалъ, не пишу теперь и не собираюсь писать. Нѣсколько разъ я коснулся вскользь того обстоятельства, что преподаваніе русскаго языка ограничено тремя низшими классами, и не выразилъ этому сочувствія. Изъ этого можно, пожалуй, заключить, что я одобрилъ бы распространеніе этого изученія на старшіе классы, но и этотъ вопросъ, вскользь задѣтый, не составляетъ предмета моей статьи. Я писалъ только объ учебникахъ, составленныхъ (поневолѣ составленныхъ) въ предѣлахъ плановъ и инструкцій, преподанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. «Чему долженъ научить учебникъ, предрѣшено гимназическою программою (писалъ я въ статьѣ, нынѣ разбираемой *Русскою Мыслью*) и въ этомъ отношеніи съ автора взыскивать затруднительно. Другое дѣло, какъ учитъ учебникъ. Ясенъ ли? И правиленъ ли? Преимущественно этимъ мы и займемся на нижеслѣдующихъ страницахъ» (*Вопр. Просв.*, стр. 96). Такъ я опредѣлилъ задачу своего разбора и, по общепринятымъ литературнымъ обычаямъ, только въ этихъ предѣлахъ я и подлежу суду критики. Я не спорю, что вопросъ о планѣ и методѣ преподаванія русскаго языка—вопросъ очень интересный и вполнѣ заслуживающій обсужденія, какъ и многіе другіе общественные, научные и философскіе вопросы. Это, однако, къ моей статьѣ отношенія имѣетъ не больше, нежели вопросъ о безсмертіи души или о владѣніи Фашодой. Интересная есть птица въ Африкѣ—страусъ, очень интересная; отчего, однако, г. И. К. не помѣстилъ диссертаціи объ ней въ своемъ «отвѣтѣ»? И я рѣшительно съ такимъ же правомъ могу ему ставить въ упрекъ отсутствіе въ его отвѣтѣ диссертаціи о страусѣ, съ какимъ онъ меня упрекаетъ за отсутствіе въ моей статьѣ вопроса о методахъ преподаванія русскаго языка. Мой критикъ находитъ, слѣдуя нѣкоторымъ мыслямъ Потебни, что грамматика должна быть совершенно упразднена, и не стѣсняется въ выраженіяхъ, обвиняя меня за то, что я не доказываю въ своей статьѣ необходимости этого упраздненія. Я не хотѣлъ, однако, ни доказывать, ни опровергать этого мнѣнія. Моя задача была другая: нынѣ грамматика не упразднена и громадное большинство педагоговъ и не собирается ее упразднять; она преподается въ гимназіяхъ и, судя по состоянію мнѣнія въ педагогической средѣ, будетъ долго преподаваться; для ея преподаванія необходамы ясные и правильные учебники; *разобранные учебники не ясны и неправильны*... Вотъ моя скромная задача. Такимъ образомъ, все «во вторыхъ» г. И. К. (больше половины статьи) вовсе не обо мнѣ писано, хотя и уснащено, по моему адресу, выраженіями, еще посильнѣе цитированныхъ. Что касается того, будто я *настаиваю* и *настойчиво требую* преподаванія русской грамматики (да еще «той самой» и пр.), то это просто не совсѣмъ правильный и не всегда допускаемый оборотъ полемической рѣчи. Я не отвергаю этого препо-

Digitized by Google

даванія (но, конечно, не «той самой»): я просто не касаюсь этого вопроса по существу дѣла. Это не предметъ моей статьи.

Перейдемъ теперь къ «во первыхъ» разбираемаго «отвѣта». Читатель помнитъ, что рѣчь идетъ о моихъ многочисленныхъ ошибкахъ, источникомъ которыхъ является мое незнаніе русскаго языка, сопровождаемое апломбомъ. Всѣхъ моихъ ошибокъ, которыхъ я, по вышепитированному утвержденію г. И. К., дѣлаю не меньше, чѣмъ указываю въ учебникахъ, всѣхъ такихъ ошибокъ указывается имъ *восемь*, послѣ чего, правда, прибавлено: «Но довольно. Всѣхъ промаховъ и ошибокъ г. Южакова все равно не перечислишь и потому пора кончить съ выясненіемъ тѣхъ свойствъ его (*т. е. даже моей личности?*), которыя, не подозрѣвая въ себѣ, онъ съ такой развязностью находитъ у различныхъ составителей русской грамматики» (стр. 63). Строго нынче пишутъ въ *Русской Мысли*, но вѣдь это выводъ изъ восьми ошибокъ, конечно, безспорныхъ, вполнѣ доказанныхъ и вполнѣ доказательныхъ... И опять таки: умѣлъ заслужить, умѣй и получить! Нечего дѣлать, доложу моимъ читателямъ эти восемь грѣховъ моихъ.

№ 1. Въ своей работѣ объ учебникахъ, господствующихъ въ нашихъ гимназіяхъ, въ главахъ, посвященныхъ учебникамъ русскаго языка, я не однажды останавливался на смѣшеніи въ учебникахъ производства черезъ приставку (префиксъ) глаголовъ совершеннаго вида (т. е. глаголовъ того же значенія, лишь предназначенныхъ дать болѣе разностороннее развитіе формамъ глагола), съ производствомъ тѣмъ же способомъ глаголовъ самостоятельныхъ (т. е. глаголовъ иного значенія). Чтобы не выходить изъ круга тѣхъ данныхъ, которыя приведены въ самой работѣ моей, я укажу на глаголъ *тѣшить*, отъ котораго *потѣшить* будетъ однозначущимъ, а *утѣшить* — самостоятельный глаголъ иного значенія, (стр. 105). Или (*тамъ же*): *казать*, *указать* (montrer)—однозначущіе, *наказать* (punir)—другого значенія. Однозначущіе глаголы только и можно (хотя и не всегда должно) признавать видами одного глагола и въ изложеніи образованія видовъ должно это твердо помнить, не путая образованія видовъ съ образованіемъ новыхъ глаголовъ. Однимъ изъ удобныхъ внѣшнихъ признаковъ (хотя и не всегда) для различенія этихъ двухъ образованій можетъ служить образованіе во второмъ случаѣ новыхъ глаголовъ несов. вида. Важно или не важно это замѣчаніе мое, не въ этомъ теперь дѣло и не это обсуждаетъ и критикъ *Русской Мысли*. Я однако это считалъ очень важнымъ и послѣдовательно отмѣтилъ это смѣшеніе въ разныхъ учебникахъ. Отмѣтилъ я это и относительно учебника г. Преображенскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, цитируемыхъ г. И. К.: «ни *затянуть*, ни *протянуть* вовсе не являются совершеннымъ видомъ отъ несовершеннаго вида *тянуть* (совершенный видъ въ этомъ случаѣ *потянуть*) и представляютъ самостоятельные глаголы, образованные чрезъ приставку. Такъ же,

Digitized by Google

какъ *подтянуть*, *растянуть*, *утянуть*, *стянуть*, *перетянуть*, *дотянуть*. Они сами отъ себя образуютъ новые глаголы несовершеннаго вида: *затягивать*, *протягивать*, *подтягивать* и т. д.». Г-ну И. К. не нравится это замѣчаніе и онъ дѣлаетъ слѣдующее возраженіе (не предупредивъ читателя о всемъ вышеизложенномъ): «категоричность г. Южакова въ приведеной цитатѣ вполнѣ неумѣстна, потому что совершенно неизвѣстно, откуда слѣдуетъ все то, что сказалъ въ ней г. Южаковъ» (стр. 59). Для пробѣжавшаго вышеприведенныя замѣчанія извѣстно, *откуда* слѣдуетъ: 1) потому что *потянуть* не образуетъ новаго глагола несовершеннаго вида, тогда какъ *затянуть*, *протянуть* образуютъ такіе глаголы: *затягивать*, *протягивать* (это признакъ внѣшній, не всегда вѣрный, см. мою книгу, 105) и 2) потому что *потянуть* одного значенія съ *тянуть*, а *затянуть* и *протянуть*—значенія отличнаго (признакъ внутренній, неизмѣнный). Г-ну И. К. кажется, что *затянуть* и *протянуть* не очень отличаются значеніемъ отъ *потянуть*. Важно, однако, не степень отличія, а то обстоятельство, что они отличаются отъ *потянуть* столько же и такимъ же образомъ, какъ и отъ *тянуть*. Далѣе г-ну И. К. кажется, что и *потянуть* могъ бы быть самостоятельнымъ глаголомъ: «Если отъ глагола *затянуть* (окончательно меня уничтожаетъ г. И. К.) образуется форма *затягивать*, отъ *протянуть*—*протягивать*, такъ вѣдь и отъ *потянуть* существуетъ форма *потягивать*» (—60). Дѣло, однако, въ томъ, что *потягивать*—форма вида многократнаго и, если г. И. К. ее не отличаетъ отъ формы вида несовершеннаго, то я только поздравляю его съ несомнительною побѣдой, послѣ которой непосредственно онъ и восклицаетъ: «Такимъ образомъ, г. Южаковъ, очевидно, достаточно таки напуталъ въ данномъ случаѣ» (60). *Кто-то* напуталъ, это въ самомъ дѣлѣ очевидно. И хоть бы подумалъ г. И К. (или редакція Р. М.) о слѣдующемъ: если *втянуть*, *вытянуть*, *дотянуть*, *затянуть*, *потянуть*, *обтянуть*, *оттянуть*, *перетянуть*, *подтянуть*, *натянуть*, *притянуть*, *протянуть*, *растянуть*, *стянуть*, *утянуть* все совершенный видъ отъ глагола *тянуть*, то 1) надо говорить не о совершенномъ видѣ (какъ говорятъ всѣ грамматики и самъ г. И. К.), а о совершенныхъ видахъ (для глаголовъ средняго залога это и въ самомъ дѣлѣ бываетъ нерѣдко, для другихъ—рѣже), а 2) куда дѣнемъ: *втягивать* *вытягивать* и т. д., или и ихъ всѣхъ въ одно спряженіе вгонимъ? Да, очевидно, кто-то выше напуталъ и очень напуталъ.

Таковъ мой первый грѣхъ.

№ 2. Указавъ на рядъ неудачныхъ опредѣленій, даваемыхъ совершенному виду въ учебникахъ, я замѣчаю (стр. 102): «между тѣмъ Буслаевъ давно сказалъ просто и ясно, что глаголы совершеннаго вида означаютъ *совершеніе* дѣйствія. Просто *совершеніе*, совершеніе въ прошедшемъ, совершеніе въ будущемъ, совершеніе въ возможности. *Онъ уснулъ*—состояніе совершилось, но окончи-

Digitized by Google

лось ли, или продолжается, неизвѣстно. Есть совершеніе, нѣтъ оконченности (именно *оконченность* вводили въ опредѣленіе учебники). *Онъ успетъ*—будетъ совершеніе, но нѣтъ не только оконченности, но даже начала. И т. д. Опредѣленіе Буслаева, конечно, не для первыхъ двухъ классовъ гимназій, гдѣ только и преподается русская этимологія. Оно для этого слишкомъ сжато и отвлеченно. Но однажды оно понято, его не трудно развить, дать ему болѣе доступную формулу. Не вводя отвлеченнаго понятія *совершеніе*, довольно было бы сказать, напр., что глаголы совершеннаго вида означаютъ дѣйствіе (или состояніе), совершившееся или имѣющее совершиться; осуществившееся или имѣющее осуществиться; такое, которое уже сдѣлано, или такое, которое будетъ сдѣлано и т. д. Изъ трехъ намѣченныхъ редакцій послѣдняя—самая элементарная, но за то и невполнѣ передаетъ опредѣленіе Буслаева. Первыя двѣ редакціи довольно точно его воспроизводятъ». Г-нъ И. К. такъ критикуетъ это мѣсто: «Не знаю, что это такое, если не неясность, употребляя терминологію г. Южакова, а то и сбивчивость. Въ самомъ дѣлѣ, неужели ученику I или II класса покажутся ясными и несбивчивыми такія опредѣленія имени существительнаго и имени прилагательнаго: *имя существительное означаетъ все существующее, а имя прилагательное означаетъ нѣчто прилагаемое*? Вѣдь подобными опредѣленіями руководствовался Митрофанушка у Фонвизина, когда былъ склоненъ думать, что слово *дуракъ* прилагательное, потому что прилагается къ глупому человѣку. Между тѣмъ г. Южаковъ предлагаетъ опредѣлить совершенный видъ глагола совсѣмъ въ этомъ же родѣ...» (стр. 60). И нѣсколько дальше: «Кто же и когда можетъ назвать опредѣленіе яснымъ и несбивчивымъ, если въ немъ понятія опредѣляемое и опредѣляющее повторяютъ другъ друга, а это именно и встрѣчается въ опредѣленіи г. Южакова» (*ibid.*). Прежде всего, не въ моемъ опредѣленіи, а въ опредѣленіи Буслаева. Я нимало не желаю себѣ присваивать чести этого яснаго опредѣленія, хотя въ немъ и заключается этотъ ужасный грѣхъ, что опредѣляемому соотвѣтствуетъ опредѣляющее. Въ учебникахъ русской грамматики они обыкновенно — совершенные незнакомцы. Глупыхъ опредѣленій, и съ повтореніемъ, и безъ повторенія въ опредѣленіи словъ одного корня съ именемъ опредѣляемымъ,— можно измыслить, сколько угодно, но только они, эти измышленныя опредѣленія, и будутъ сами неясны и негодны, своею неясностью и негодностью нимало не доказывая неясности и негодности другихъ опредѣленій. Такъ и теперь: опредѣленіе Митрофанушки — само собой, а опредѣленіе Буслаева—само собой и покойный академикъ отъ этого никакъ не станетъ болѣе похожъ на Митрофанушку. Возьмемъ примѣръ такого опредѣленія: *деревянною* называется вещь, когда она сдѣлана *изъ дерева*—опредѣленіе совершенно точное и ясное. Тоже и въ нашемъ случаѣ. Опредѣленіе должно заключать въ себѣ указаніе на существенные *отличительные признаки* опре-

Digitized by Google

дѣляемаго. «Совершеніе дѣйствія» и есть такой отличительный признакъ совершеннаго вида. Г-нъ И. К. съ этимъ несогласенъ и говоритъ, что я (читай: Буслаевъ) дѣлаю ошибку, «признавая только за совершеннымъ видомъ глагола значенія *совершенія* дѣйствія, какъ будто *спать* не означаетъ чего-то совершившагося (*совершавшагося, т. И. К., а это не одно и то же*), и *буду спать*, видъ, какъ извѣстно, не совершенный,—чего то, что имѣетъ совершаться» (стр. 61). И опять таки «чего-то, что имѣетъ совершаться». Эта маленькая замѣна глагола *совершиться* глаголомъ *совершаться* и достаточна для возраженія на приведенную цитату. Что касается того, будто Буслаевъ (и я за нимъ) признаетъ *только* за сов. вид. значеніе совершенія дѣйствія, то это несправедливо. Однократный видъ тоже означаетъ совершеніе дѣйствія.

Я самъ не въ восторгѣ отъ опредѣленія Буслаева, но покуда оно лучшее и, если такимъ образомъ мой второй грѣхъ заключается въ томъ, что я это опредѣленіе усвоилъ отъ Буслаева, то, быть можетъ, этотъ грѣхъ и отпустить мнѣ можно: Буслаевъ вѣдь академикъ по отдѣленію русскаго языка. Быть можетъ, мой грѣхъ, и не доказываетъ, что я не хорошо знаю русскую грамматику (о которой писалъ): Буслаевъ вѣдь извѣстный знатокъ русской грамматики!

№ 3. На стр. 112 моей книги я мимоходомъ указываю на неудачность примѣровъ, приводимыхъ учебниками; между прочимъ, у г. Преображенскаго приведенъ примѣръ *мобливать*, слово, несуществующее, какъ отдѣльно употребляемое живое реченіе, хотя и находящее себѣ мѣсто въ составномъ словѣ *недомобливать* (единственномъ). Г-нъ И. К. возражаетъ на это, съ торжествомъ указывая, что и мною приведенъ подобный примѣръ, именно *ставать*—тоже форма въ видѣ отдѣльнаго реченія не существующая и лишь входящая въ составъ другихъ новыхъ словъ (вставать, возставать, доставать, заставать, переставать, приставать, уставать, отставать, оставаться, разставаться и нѣк. др.)... Дѣло, однако, въ томъ, что существуетъ разница между учебниками, предназначенными для десяти—двѣнадцатилѣтнихъ ребятъ, только усвоивающихъ предметъ, и журнальными статьями для взрослыхъ и образованныхъ читателей. Для послѣднихъ можно приводить въ примѣръ всякія реально существующія формы рѣчи, даже отвлекая ихъ отъ живыхъ словъ; для первыхъ же необходимо держаться примѣровъ конкретныхъ. Въ наилучшихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ можно встрѣтить аналогичныя отвлеченія; въ учебникахъ имъ не должно быть мѣста... Неужели этого не понимаетъ г. И. К., сообщающій о себѣ, что онъ однако самъ преподаватель русскаго языка въ гимназіяхъ!? Можно было бы очень и очень пожалѣть объ его ученикахъ, если бы не простое соображеніе, что и это мѣсто критики г-на И. К. не больше, какъ полемическій пріемъ, имѣющій доказать мое грамматическое невѣжество. Что въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ доказалъ остроумный критикъ, предоставляю судить читателямъ.

№ 4. Приведя мои замѣчанія объ образованіи видовъ, мой критикъ замѣчаетъ: «Итакъ, г. Южаковъ признаетъ образованіе вида совершеннаго изъ несовершеннаго и наоборотъ, и изъ перечисленія имъ способовъ этого образованія видно, что оба вида непремѣнно должны различаться по внѣшности» (стр. 61) и затѣмъ приводитъ (изъ Потебни) доказательство, что бываютъ случаи, когда глаголы совершеннаго и несовершеннаго вида имѣютъ одинаковую или одну и ту же форму, т. е. по внѣшности не отличаются. Мнѣ достаточно было бы возразить, что я нигдѣ не утверждалъ (какъ то говоритъ г. И. К.), что оба вида *должны* отличаться по внѣшности, и что, пишучи не систематическое обозрѣніе образованія глагола, но лишь критикуя учебники, я вовсе не обязанъ *все* изложить, относящееся къ образованію. Этого возраженія было бы вполнѣ достаточно, а слово «непремѣнно», любезно вставленное г-номъ И. К. въ выше приведенную цитату, само по себѣ достаточно характеризовало бы безпристрастіе строгаго критика. Къ сожалѣнію, для этой характеристики приходится указать болѣе богатый матеріалъ. Именно: на стр. 106—107 я подробно останавливаюсь на случаяхъ, когда, не отличаясь по внѣшности, глаголы могутъ быть и совершеннаго и несовершеннаго видовъ одновременно. Привожу въ примѣръ: *попадать*, *забѣгать*. Къ этому явленію я снова возвращаюсь на стр. 109 и, кромѣ только что указанныхъ, привожу еще примѣры: *поносить*, *походить*. Правда, эти совпаденія я привожу не съ той цѣлью, съ которой Потебня, но, очевидно, совпаденіе мнѣ небезызвѣстно, а г-ну И. К. не безъизвѣстно это обстоятельство! Кто же осмѣлится послѣ этого заподозрѣть г-на И. К. въ пристрастіи или недобросовѣстности?

№ 5. На стр. 62 *Рус. Мысли* читаемъ: «г. Южакову кажется, что отъ глагола *ѣхать* возможна форма *ѣдя*». Ссылка на стр. 117 моей книги. Развернемъ и прочтемъ: «Съ причастными формами тоже не совсѣмъ ладно. Не всѣ учебники знаютъ дѣепричастіе настоящаго времени на—*учи*, —*ючи*. Напримѣръ, *ѣдучи*, *крадучись*, *ищучи* употребительнѣе даже, чѣмъ *ѣдя*, *крадясь*, *ища*». Оказывается, что это учебникирекоме ндовали форму *ѣдя*, а я возражалъ. По смыслу вышеприводимой цитаты изъ *Рус. Мысли* выходитъ, однако, будто я ее рекомендую (форма же, хотя и не употребительная, конечно, возможна). Это тоже очень добросовѣстно, разумѣется...

№ 6. Продолжаю цитату со стр. 62. «Такъ, его (*меня т. е.*) удивляетъ, что составители учебниковъ не признаютъ въ литературномъ языкѣ формы дѣепричастій на *учи*, *ючи*». Г-нъ И. К. тоже не признаетъ, а мое признаніе почитаетъ доказательствомъ незнанія русскаго языка. Я выше привелъ примѣры, широко

Digitized by Google

употребительные въ литературномъ языкѣ (*ѣдучи, крадучись, ищучи*). Можно бы привести и другіе, но вопросъ не въ числѣ, а въ томъ, существуютъ ли такія формы, хотя бы и въ незначительномъ количествѣ? Просто и коротко не признать этихъ формъ, не вдаваясь въ разборъ приводимыхъ примѣровъ—это, конечно, никто не назоветъ *апломбомъ*. Другое дѣло стараться о какихъ-то доказательствахъ, приводить примѣры, цитировать ихъ изъ русскихъ образцовыхъ писателей, какъ это зачѣмъ-то я дѣлалъ. Это уже несомнѣнный «апломбъ».

№ 7. Продолженіе той же цитаты на стр. 62: «такъ, онъ (*все я же*) называетъ «дерзкой небрежностью или круглымъ невѣжествомъ» со стороны гг. Преображенскаго и Богданова, что они въ своихъ учебникахъ вовсе не приводятъ самой употребительной, по словамъ критика (*т. е. моимъ же*), формы: *я хваленъ*». Ссылка на стр. 119. На стр. 118—119, двѣ полныхъ страницы заняты анализомъ спряженія страдательнаго залога, какъ оно излагается нашими учебниками, причемъ доказывается, что они не знаютъ даже числа формъ этого спряженія. Послѣдними въ этомъ разборѣ приведены примѣры изъ гг. Преображенскаго и Богданова. Въ заключеніе разбора я и дѣлаю вопросъ: «Что это такое, однако, дерзкая небрежность или круглое невѣжество?» Критикъ *Русской Мысли* сообщаетъ своимъ читателямъ, будто я отношу этотъ вопросъ *только* къ пропуску г. Преображенскимъ формы *я хваленъ*. Это очень остроумно, и еще болѣе того это очень добросовѣстно... Тѣмъ не менѣе, неужели форма *я хваленъ*—самая употребительная? Привожу мои слова: «Г. Преображенскій знаетъ больше (*большее число формъ страд. залога*). Онъ приводитъ: *быть хвалиму, быши хвалену; я хвалимъ; я былъ хвалимъ; я былъ хваленъ; я буду хвалимъ, я буду хваленъ; будь хвалимъ*, и т. д. Тѣмъ не менѣе самой употребительной формы *я хваленъ* не знаетъ и не приводитъ и г. Преображенскій» (—119). Примѣръ, выбранный г. Преображенскимъ, очень неудаченъ. Говорятъ, *книга была прочитана*, но не говорятъ, что она *была при этомъ хвалима или хвалена*. Глаголъ *хвалить*, хотя и можетъ образовать вышеприведенное спряженіе страдательнаго залога, но это спряженіе почти вовсе не употребляется, замѣняемое другими формами. Но это относится только къ данному конкретному случаю, такъ какъ есть глаголы, у которыхъ *тѣ же формы* того же спряженія и теперь свободно звучатъ въ живой русской рѣчи. Не я выбралъ неудачный примѣръ, а г. Преображенскій; я указалъ на пропускъ самой употребительной *формы*, самой употребительной, конечно, въ спряженіяхъ, вообще употребительныхъ. Возьмемъ примѣръ спряженія стр. залога:

Книга читаема (не употребляется).
Книга была читаема (мало употребл.).
Книга читана (наиболѣе употребл.).
Книга была читана (употребл., но менѣе).

Digitized by Google

Книга будетъ читаема, читана (не употр.).
Книга была бы читаема (мало употр.).
Книга была бы читана (мало употр.).
Будь читаема, книга! (совсѣмъ не употр.).
Быть читаему, быть читану (мало употр.).
Читаемая, читанная (наиболѣе употр.).
Будучи, бывъ читаема (не употр.).
Будучи, бывъ читана (мало употр.).

Дѣло въ томъ, что наиболѣе употребляются тѣ формы, которыя трудно или совсѣмъ нельзя замѣнить другими. Вотъ напримѣръ такая замѣна: *книга читается* (вмѣсто: книга читаема), *книга читалась* (была читаема), *будетъ читаться* (будетъ читаема), между тѣмъ формы *книга читана, была читана*, этой замѣнѣ не подлежатъ. Такимъ образомъ, форма *книга читана* (въ примѣрѣ г. Преображенскаго, котораго я разбиралъ, ей соотвѣтствуетъ форма *я хвалент*) есть дѣйствительно самая употребительная. *Форма*, а не конкретный примѣръ г. Преображенскаго, очень неудачный. Я о «формѣ» и говорю въ цитированномъ мѣстѣ. Ее то, однако, и пропускаютъ наши учебники. Одобряетъ ли этотъ пропускъ г. И. К? Если не одобряетъ, то какой смыслъ имѣетъ все его возраженіе мнѣ, да еще съ такими милыми перетасовками?

№ 8 и послѣдній: Окончаніе той же цитаты со стр. 62: «такъ, по его мнѣнію (*моему, конечно*) слово *страсть*, вопреки мнѣнію г. Преображенскаго, должно быть произведено отъ *страд*, а не отъ *страхъ* и т. д. Но довольно. Всѣхъ промаховъ и ошибокъ г. Южакова все равно не перечислишь». Такъ какъ г. И. К. человѣкъ безъ апломба, то одного его заявленія, что *страсть* должно производить отъ *страхъ*, а не отъ *страд*, разумѣется, вполнѣ достаточно. И зачѣмъ тутъ входить въ разборъ приведенныхъ мною доводовъ (стр. 122—123): вѣдь доказывать—это значило бы послѣдовать моему примѣру и позаимствоваться у меня апломбомъ. Вотъ что я писалъ тогда: «*Страсть* онъ (г. Преображенскій) производитъ отъ *страхъ*. Слѣдуетъ же отъ *страд*.—«Страсти Господни» значитъ «страданія Господни». *Д* передъ *т* обыкновенно смягчается въ *с*. Форма *страсть* есть неопредѣленное наклоненіе полупотеряннаго первообразнаго глагола, отъ котораго сохранились формы *стражду, страждущій*. Остальныя формы потеряны. Неопредѣленное наклоненіе нерѣдко превращается въ существительное имя: *вѣсть, печь, течь, честь*, и т. д. Производить *страсть* отъ *страхъ* представляется элементарною ошибкою, за которую ученику поставили бы единицу». Я остаюсь при томъ же мнѣніи и теперь, не смотря на заявленіе г-на И. К. въ вышеприведенной его скромной цитатѣ. Какъ человѣкъ съ апломбомъ, попробую дополнить вышеприведенныя соображенія ничуть даже не тронутыя г. критикомъ нѣкоторыми новыми: 1) *х* передъ *т* не имѣетъ привычки смягчаться *бражаться, пыхтѣть, кряхтѣть*; 2) если допустить, что суф-

Digitized by Google

фиксомъ будетъ не *ть*, а *сть* (тогда *х* могло бы ассимилироваться съ *с*), то этотъ суффиксъ имѣетъ всегда передъ собою соединительныя буквы *о* или *е* и наше слово звучало бы *страхость* или *страстесть*; 3) *д* передъ *х* нерѣдко выпадаетъ, а передъ именнымъ суффиксомъ—*хъ*,—*ха* даже всегда: *пахъ* (отъ корня *пад*—), *вѣха* (отъ корня *вѣд*—), *пряха* (отъ корня *пряд*—) и т. д., такъ что почитая —*х*— въ словѣ *страхъ* не частью корня, а суффиксомъ, сдѣлаемъ возможнымъ его производство отъ того же *страд*—: стра(д)-хъ, но не наоборотъ; 4) послѣднее производство допустимо, но возможно и другое, если предположить евфонизмъ въ корнѣ и принять во вниманіе физіологическое вліяніе страха (такіе евфонизмы нерѣдки: встрѣча, сестра); и 5) какое бы мы ни приняли изъ этихъ производствъ слова *страхъ*, оно (то и другое) абсолютно не допускаетъ производства *страсти* отъ *страха*. Къ тому же и значеніе слова *страхъ* не вяжется съ значеніемъ слова *страсть*. Само по себѣ это не доводъ, но въ связи съ другими и это соображеніе имѣетъ цѣну.

Таковы тѣ ошибки, въ коихъ я уличаюсь критикомъ *Русской Мысли*... Правда, это только примѣры, а всѣхъ моихъ промаховъ и ошибокъ «все равно не перечислить», но если и остальные не старше чиномъ, то я могу не тревожиться сею тайною уважаемой редакціи и буду терпѣливо ждать, когда годика черезъ три она опять соберется оною тайною подѣлиться съ читающею публикою *).

С. Южаковъ.

---

*) Кромѣ уличенія въ ошибкахъ, г. И. К. еще подвергаетъ меня допросу: почему я не ссылаюсь на Востокова и не сравниваю его грамматики съ Буслаевыхъ? Почему я цитирую Буслаева? Почему не цитирую Потебни и другихъ русскихъ филологовъ? Зачѣмъ, однако, я назвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ изслѣдователей, переработавшихъ нѣкоторыя части ученія Буслаева? Почему и зачѣмъ «не сдѣлалъ» авторъ того или другого, это вообще вопросы праздные, которыхъ можно измыслить томы. Надо брать то, что онъ «сдѣлалъ» и судить не возможное лучшее, а дѣйствительное (хорошее или дурное). Не полагаю ничуть, чтобы нельзя было сдѣлать разборъ учебниковъ лучше, нежели я сдѣлалъ. Кто умѣетъ лучше сдѣлать, пусть сдѣлаетъ, я же отвѣчаю не за несдѣланное мною, а только за сдѣланное. Къ тому же въ мою задачу и не входило и не могло входить ученое обозрѣніе современнаго состоянія ученія о русскомъ языкѣ. Допросъ, чинимый г-номъ И. К., поэтому совершенно праздный, если бы и ограничился только вопросами. Однако, онъ идетъ дальше. Онъ хочетъ вывести заключеніе, что я ничего и не знаю, кромѣ Буслаева... Задавая всяческіе вопросы, возможно строить и всяческія гипотезы, но, это уже выходитъ изъ рамокъ литературной полемики и никакого отношенія къ справедливости высказанныхъ мнѣній не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Digitized by Google

Литература и жизнь.

О шутахъ.

Читатель ошибется, если поймет слово «шуты» въ переносномъ смыслѣ и разсчитываетъ найти подъ этимъ заголовкомъ бесѣду о тѣхъ многочисленныхъ и несомнѣнныхъ шутахъ, которые, однако, и не подозрѣваютъ, что играютъ шутовскую роль, да и другихъ иной разъ вводятъ въ заблужденіе. Въ высокой степени интересно было бы перелистать съ этой точки зрѣнія кое-какія страницы нашей литературы и жизни, всмотрѣться въ нѣкоторыя серьезнѣйшія физіономіи, классическія позы, благороднѣйшіе или граціозные жесты, вслушаться въ патріотическія или иныя, патетическія, строго-научныя и т. п. рѣчи... У Тургенева въ разсказѣ «Лебедянь» мимоходомъ является «господинъ высокаго роста съ благороднѣйшей осанкой,—по всѣмъ признакамъ шулеръ», который «произноситъ въ галстухъ: че-о-экъ, э, трубку!» Если надменная рѣчь и благороднѣйшая осанка отлично уживаются съ шулерствомъ, то тѣмъ паче совмѣстимы онѣ съ шутовствомъ. Шулеръ всетаки знаетъ, что онъ шулеръ, а шутъ и не подозрѣваетъ, до какой степени пошлъ его благороднѣйшій паѳосъ, до какой степени нелѣпы его граціозные жесты, до какой степени глупы его ученыя рѣчи, и изъ какого сквернаго картона сдѣланъ мечъ, которымъ онъ размахиваетъ. Онъ, напротивъ, увѣренъ, что его устами говоритъ сама наука, житейская мудрость или политическая проницательность, что онъ—само изящество; онъ даже вѣритъ въ свое благородство, когда, бія себя въ грудь, дрожащимъ голосомъ «о честности высокой говоритъ» и «самъ плачетъ, и мы всѣ»... да, бываетъ, что и мы, хоть и не «всѣ, рыдаемъ», тогда какъ должны бы были заливаться смѣхомъ...

Какъ ни интересны эти носители картонныхъ мечей, бутафорскаго благородства и верблюжьей граціозности, не они насъ будутъ занимать, а настоящіе шуты, презираемые, но иногда и могучіе люди, сознательно бравшіе на себя шутовскую роль; тѣ самые, которымъ посвящена книжка Газо, недавно вышедшая въ русскомъ переводѣ г-жи Федоровой подъ заглавіемъ «Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ».

Книжка Газо въ оригиналѣ появилась слишкомъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ и уже эксплоатировалась въ русской литературѣ, а именно въ статьѣ г. П. П. «Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ, въ которой были приняты въ соображеніе и нѣкоторые другіе источники. Что же касается перевода г-жи Федоровой,

Digitized by Google

то я не сличалъ его съ французскимъ подлинникомъ страницу за страницей, но онъ, повидимому, можетъ служить образчикомъ нашего безцеремоннаго отношенія къ иностраннымъ писателямъ. Я ужъ не говорю объ томъ, что г-жа Федорова превращаетъ Аполлинарія Сидонія въ «Сидонія Аполлинарскаго» (стр. 36), юрисконсульта въ «юриста-консула» (65) и т. п. Но въ переводѣ встрѣчаются ни чѣмъ не объяснимые пропуски. Напримѣръ, на стр. 39 читаемъ: «Шуты встрѣчались и при Карлѣ Великомъ, потому что еще въ то время была извѣстна шахматная игра, въ которой два шута сопровождаютъ короля. Подобный выводъ, конечно, очень остроуменъ, но кажется нѣсколько натянутымъ». Кого же собственно упрекаетъ Газо въ остроумномъ, но натянутомъ выводѣ? Самого себя? Дѣло въ томъ, что г-жа Федорова почему-то пропустила указаніе Газо на французскаго писателя прошлаго столѣтія, которому принадлежитъ «остроумный, но нѣсколько натянутый выводъ». Попадались мнѣ, при бѣгломъ пересмотрѣ, и другіе пропуски, въ которыхъ однако, можетъ быть, и нельзя винить переводчицу. Но она не только сокращаетъ, а и распространяетъ подлинникъ. Распространено уже самое заглавіе книги, которое въ оригиналѣ состоитъ всего изъ одного слова: «Les bouffons». Это бы еще не бѣда, но переводчица распространяетъ и «предисловіе» и «заключеніе» автора, увеличивая и то, и другое примѣрно вдвое и даже абзацами не отдѣляя своихъ словъ отъ словъ Газо, такъ что неизвѣстно даже кому принадлежатъ эти предисловіе и заключеніе: французскому автору или русской переводчицѣ. Это ужъ совсѣмъ не хорошо. Газо не классическій какой-нибудь писатель, но все-таки нѣтъ резона ни навязывать ему мысли г-жи Федоровой, ни г-жѣ Федоровой присваивать его мысли себѣ. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ въ книжкѣ Газо шутамъ въ Россіи, переводчица замѣнила особымъ дополненіемъ собственной работы. Это было бы очень хорошо, если бы г-жа Федорова отнеслась къ своему дѣлу съ большимъ вниманіемъ и съ большою критикою. А то, напримѣръ, значительная часть ея «дополненія» занята извѣстными и переизвѣстными, но несомнѣнно выдуманными, подложными анекдотами о Балакиревѣ.

Сама по себѣ книжка Газо представляетъ собраніе фактовъ (главнымъ образомъ изъ французской жизни), освѣщенныхъ, однако, довольно скудною идеею. Для Газо шуты—веселые и другихъ веселящіе люди, и только. По его мнѣнію, «всѣ шуты, домашніе, придворные, юродивые, поняли, какъ и безсмертный авторъ «Пантагрюэля», что веселье необходимо нашему бѣдному человѣчеству, и старались распространять это веселье вокругъ себя. Это ихъ большая заслуга. Благодаря имъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ (depuis que le monde existe), смѣхъ, который Бюффонъ считалъ отличительнымъ признакомъ человѣческаго рода, не переставалъ раздаваться на нашей планетѣ. Упрекнутъ ли насъ въ томъ,

Digitized by Google

что мы видимъ въ этихъ людяхъ главнымъ образомъ весельчаковъ? Правда, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь своимъ положеніемъ и расположеніемъ къ нимъ государей, заставляли иногда послѣднихъ выслушивать истину, но надо признать, что въ роли реформаторовъ, искоренителей злоупотребленій, покровителей слабыхъ и притѣсняемыхъ шуты являлись чрезвычайно рѣдко». Существуетъ потребность въ смѣхѣ, весельи, и шуты удовлетворяютъ этой потребности. Они—весельчаки, rieurs, и въ этомъ заключается какъ причина, такъ и цѣль существованія шутовъ. Газо до такой степени увѣренъ въ этомъ исключительномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всемірномъ (depuis que le monde existe) значеніи шутовъ, что, отмѣтивъ фактъ упраздненія революціей 1789 г. придворныхъ и домашнихъ шутовъ наравнѣ съ другими учрежденіями стараго порядка,—продолжаетъ: «Но революція не могла истребить въ человѣческомъ сердцѣ потребность смѣха, жажду развлеченія отъ печалей жизни, составляющія какъ бы основаніе человѣческой природы и въ особенности французскаго характера. Поэтому у шутовъ были свои преемники»,—увеселявшіе ужины разныхъ muscadins, incroyables и прочей «золотой молодежи» временъ директоріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщая кое-какія свѣдѣнія о шутахъ кавказскихъ князей и африканскихъ царьковъ, Газо пишетъ: «Уровень современной цивилизаціи не мирится съ тѣми часто грубыми развлеченіями, которыхъ искали нѣкогда въ общеніи съ шутами и существами, обиженными природой, короли и знатные люди даже въ эпохи, признаваемыя наиболѣе утонченными. Кавказскіе и африканскіе шуты, представляющіе собою лишь тѣнь нашихъ придворныхъ шутовъ, исчезнутъ, какъ только нравственный уровень этихъ странъ поднимется».

Изъ этого видно, что идеи Газо, то освѣщеніе, которое онъ бросаетъ на длинный рядъ историческихъ шутовъ,—не дорогого стоятъ. Факты, имъ самимъ приводимые, свидѣтельствуютъ объ томъ, что видѣть въ шутахъ только веселыхъ и веселящихъ людей—по малой мѣрѣ односторонне. Односторонность эта ни мало не пополняется намекомъ на роль «реформаторовъ, искоренителей злоупотребленій, покровителей слабыхъ и угнетенныхъ», роль, которой, вообще говоря, шуты были чужды. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ

Характеризуя французскаго короля Генриха III, одинъ изъ его современниковъ говоритъ: «Что такое былъ Генрихъ, можно судить по этому нечистому животному, по этому ужасному чудовищу Сибило (шутъ Генриха). Нѣтъ ничего презрѣннѣе этого пьяницы, развратника и ругателя, однако король шумно веселился, глядя, какъ онъ, вооруженный палкой, съ пѣной у рта, на подобіе бѣшеной собаки, рыча какъ волкъ, нападалъ на встрѣчныхъ, какъ во дворцѣ, такъ и въ общественныхъ мѣстахъ». Газо заподозрѣваетъ вѣрность этого показанія, собственно потому, что авторъ его былъ враждебенъ Генриху. Это, конечно, не резонное соображеніе, да и въ картинѣ, нарисованной Жаномъ Буше (такъ звали упомянутаго

Digitized by Google

современника Генриха III), нѣтъ ничего невѣроятнаго. Подобную же картину увеселеній нашихъ бояръ рисуетъ, напримѣръ, устами Артамона Матвѣева Островскій въ пьесѣ «Комикъ XVII столѣтія»:

Не стыдъ ли намъ, не грѣхъ ли потѣшаться
Калѣчествомъ, убожествомъ людскимъ?
На дураковъ смѣемся; эко диво,
Что глупъ дуракъ! А развѣ то умнѣе:
Сберемъ шутовъ, сведемъ ихъ въ кучу, дразнимъ,
Какъ дикихъ псовъ, пока не раздерутся,
И тѣшимся руганьемъ срамословнымъ
И дракою крававой. То-ль забавы
Бояръ, думцовъ, правителей земли!

Извѣстно, что и гораздо позже бояре, думцы и правители земли увеселяли себя подобными зрѣлищами, и еще въ «Горѣ отъ ума» старуха Хлестова хвастаетъ своей шутихой:

Курчавая! Горбомъ лопатки!
Сердитая! Всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ-же Господь такое племя!
Чортъ сущій!..

Факты этого рода общеизвѣстны, и незачѣмъ прибавлять ихъ здѣсь (ниже они намъ, можетъ быть, еще понадобятся), чтобы устранить скептицизмъ Газо: Генрихъ III могъ веселиться, глядя на неистовства Сибило, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы самъ Сибило былъ веселый человѣкъ...

Газо очень съузилъ свою задачу, не касаясь художественныхъ изображеній шутовъ. Онъ ограничивается бѣглымъ замѣчаніемъ, что Трибуле подлинный, историческій совсѣмъ не похожъ на Трибуле—героя драмы В. Гюго «Le roi s'amuse». Каждый писатель въ правѣ намѣчать предѣлы своей задачи и не выходить изъ этихъ предѣловъ. Но въ данномъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что Газо оставилъ въ сторонѣ поэтическія воспроизведенія шутовъ. О жизни историческихъ шутовъ мы знаемъ и очень много, и очень мало. Мы имѣемъ, напримѣръ, точное описаніе «Ледяного дома» и вѣнчанія шута Голицына и шутихи Буженниновой, имѣемъ подробное описаніе свадьбы Петровскаго шута Тургенева, знаемъ о шутахъ множество анекдотовъ (не всегда, впрочемъ, достовѣрныхъ), какими полна книжка Газо. Въ цѣломъ, какъ историческій матеріалъ, это даже слишкомъ большой грузъ, но за этой анекдотической пестротой легко проглядѣть психологію шута, вслѣдствіе чего и возможенъ, напримѣръ, такой итогъ, какой мы видимъ у Газо: шуты суть веселящіе весельчаки. Художникъ возсоздаетъ изъ этой разсыпанной храмины цѣльный образъ. Это можетъ быть историкъ-художникъ, ни на шагъ не отступающій отъ фактическихъ данныхъ, но пополняющій ихъ пробѣлы своей творческой фантазіей, комбинирующей результаты

Digitized by Google

его житейскихъ наблюденій вообще. Это можетъ быть и художникъ, не гоняющійся за историческою точностью, лишь бы онъ въ такомъ случаѣ не выдавалъ своихъ измышленій за фактически достовѣрныя, какъ выдаются за таковыя небывалые анекдоты о Балакиревѣ. Такія поэтическія созданія могутъ помочь уясненію извѣстныхъ явленій лучше, чѣмъ даже вполнѣ достовѣрные анекдоты, не говоря уже о недостовѣрныхъ.

Въ «Le roi s'amuse» Трибуле сравниваетъ себя съ наемнымъ убійцей Сальтабадилемъ:

Nous sommes tous les deux à la même hauteur:
Une langue acérée, une lame pointue;
Je suis l'homme qui rit, il est l'homme qui tue.

То есть: «мы съ нимъ стоимъ другъ друга: язвительный языкъ, острый клинокъ; я—человѣкъ, который смѣется, онъ—человѣкъ, который убиваетъ». Пусть историческій шутъ Людовика XII и Франциска I никогда ничего подобнаго не говорилъ, но одна эта фраза возстановляетъ передъ нами цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что смѣхъ и веселье совсѣмъ не одно и то же, что есть и смѣхъ язвительный, убивающій, слѣдовательно не веселье возбуждающій, притомъ не изъ веселаго сердца истекающій, а изъ мести, негодованія, злобы. Надо замѣтить, что Гюго имѣлъ тѣмъ болѣе права свободно трактовать фигуру Трибуле, что историческія свѣдѣнія объ немъ крайне разнорѣчивы: одни рисуютъ его настоящимъ идіотомъ, другіе—въ высшей степени остроумнымъ и проницательнымъ человѣкомъ. Но что онъ жилъ въ какой-то атмосферѣ горя и мученій, объ этомъ говоритъ уже его прозвище. Звали его собственно Февріаль или Феріаль, а прозвище Трибуле происходитъ отъ исчезнувшаго глагола, отъ котораго въ современномъ французскомъ языкѣ осталось только существительное tribulation, что значитъ—скорбь, бѣда. И Газо думаетъ, что прозвище Трибуле по нынѣшнему надо переводить «souffre-douleur», горемыка.

Подчеркнутыя выше слова Трибуле: «l'homme qui rit» Гюго впослѣдствіи сдѣлалъ заглавіемъ одного изъ своихъ удивительнѣйшихъ произведеній, въ которомъ, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣ нибудь, отразились всѣ достоинства и всѣ слабости великаго французскаго поэта. Это, какъ извѣстно, исторія нѣкоего лорда Кленчарли, изуродованнаго въ дѣтствѣ, по приказанію короля, такъ, что его лицо имѣетъ видъ смѣющагося человѣка, каково бы ни было его настроеніе и какія бы трагическія положенія онъ ни переживалъ. Подъ именемъ Гвинплена онъ входитъ въ составъ бродячей труппы и увеселяетъ простонародную публику на площадяхъ и ярмаркахъ своей страшной гримасой какъ бы неудержимаго смѣха. Веселье вызываетъ онъ и въ палатѣ лордовъ, куда попадаетъ, когда открывается его происхожденіе, и гдѣ говоритъ пламенную рѣчь въ защиту униженныхъ и угнетенныхъ. Этотъ хохотъ палаты лордовъ при видѣ «человѣка, который смѣется» по неволѣ и по на-

Digitized by Google

ружности, когда въ душѣ его кипитъ негодованіе и месть, принадлежитъ, не смотря на свойственную Гюго вычурность, къ числу поразительнѣйшихъ художественныхъ эффектовъ во всемірной литературѣ.

Я вспомнилъ Гвинплена по слѣдующему поводу. Газо оговаривается въ одномъ мѣстѣ, что онъ не касается исторіи театра. Однако самый ходъ работы наводитъ его на нѣкоторыхъ актеровъ (преимущественно народныхъ театровъ), которые были «гораздо болѣе шутами, чѣмъ актерами». Въ числѣ такихъ славился въ свое время нѣкій Gros-Guillaume, называвшійся также Le Fleur. Этотъ «Толстый Гильомъ» страдалъ какою-то болѣзнью, причинявшею ему страшныя мученія, но «каждое его появленіе на сцену вызывало веселость публики, принимавшей его вызванныя болью гримасы за шутовскія кривлянья». *) Вотъ подлинная житейская черта, которую Гюго могъ сознательно или безсознательно положить въ основаніе своего Гвинплена, поднявъ ее, силою своей творческой фантазіи, до высшаго пафоса и обставивъ ее сложной коллизіей историческихъ и вымышленныхъ фактовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ эта подлинная житейская черта,—въ особенности въ связи со многимъ и многимъ другимъ, что мы еще увидимъ,—хорошо оттѣняетъ заключительныя слова книжки Газо (почему-то опущенныя въ русскомъ переводѣ): «черезъ нихъ (шутовъ) посредствомъ смѣняющіяся поколѣнія людей передавали одно другому факелъ веселья; въ этомъ ихъ слава, и ея довольно съ нихъ».

Факелъ веселья!.. Можетъ быть... Но что руки, державшія этотъ факелъ, часто дрожали отъ физической боли или нравственной муки, отъ злобы или ужаса,—это уже не можетъ быть, а навѣрное...

Въ моей памяти сохранился изъ дѣтской жизни образъ одного шута, настоящаго, форменнаго, въ пестрой одеждѣ и съ бубенчиками (быть можетъ это былъ послѣдній форменный шутъ). Онъ былъ крѣпостной. Былъ ли онъ остроуменъ или забавенъ, я не могу судить. Помню только одинъ его отвѣтъ на вопросъ, который ему, кажется, часто задавался: «Сколько верстъ отъ Костромы до Нерехты?»—Шутъ говорилъ цифру.—«Ну, а отъ Нерехты до Костромы?»—Шутъ говорилъ совсѣмъ другую цифру и на новый вопросъ о причинѣ такой разницы съ ужимкой отвѣчалъ: «потому,—тутъ проселкомъ». Надъ шутомъ смѣялись, дразнили его, но я его боялся, онъ казался мнѣ хитрымъ и злымъ. Думаю, что таковъ онъ и былъ, но и злостью своею онъ долженъ былъ смѣшить. Другое воспоминаніе, гораздо болѣе позднее,—деревенская «дура», Любка,

*) Здѣсь будетъ кстати привести случай, разсказанный у Гримма. Къ знаменитому въ свое время врачу Шираку пришелъ больной. Выслушавъ его, врачъ, вмѣсто всякаго лѣкарства, далъ совѣтъ сходить въ итальянскую комедію и посмотрѣть на Арлекина, который, дескать, своей веселой игрой разгонитъ болѣзнь. „Господинъ докторъ,—отвѣчалъ больной,—я этотъ самый Арлекинъ и есть".

Digitized by Google

какъ ее называли въ селѣ, по просту сумасшедшая, какія и теперь часто по деревнямъ бродятъ. Есть мнѣніе, что простой народъ относится къ сумасшедшимъ, по крайней мѣрѣ, смирнымъ, свободно разгуливающимъ подъ именемъ «дурачковъ», «дуръ», «юродивыхъ», съ особеннымъ уваженіемъ. Я не помню особенныхъ знаковъ уваженія къ Любкѣ, но не помню также, чтобы кто нибудь изъ старыхъ мужиковъ ее обижалъ или дразнилъ. Но для молодежи, и особенно для ребятишекъ, она была настоящей шутихой; они доводили ее до бѣшенства, выражавшагося тѣмъ, что она ругалась, бросалась камнями, дѣлала безсмысленно неприличные жесты, и все это еще болѣе веселило публику, пока кто нибудь изъ старшихъ не заступался за несчастную. И эта несчастная, безобразная, грязная Любка стала матерью. Нашелся негодяй, совершившій надъ ней то же издѣвательство, какое Ѳедоръ Карамазовъ совершилъ надъ Лизаветой Смердящей...

Эти два образа всплыли въ моей памяти при чтеніи заключительныхъ строкъ книжки Газо о преемственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемомъ шутами факелѣ веселья. Но въ самой книжкѣ содержится не мало фактовъ въ родѣ того, что такого-то шута такой-то властный человѣкъ обѣщался избить палкой, а такого-то и дѣйствительно прибилъ; и прибилъ иной разъ, по понятіямъ своего времени, вполнѣ заслуженно, за слишкомъ «язвительный языкъ», за ту langue acérée, которую Трибуле драмы Гюго сравниваетъ съ lame pointue. Слѣдовательно, исторія шутовъ представляетъ собою не идиллію какую-то, въ которой одни веселятъ, а другіе веселятся. Шуты навѣрное гораздо рѣже веселились сами, чѣмъ веселили другихъ, но и другихъ они не только веселили: ихъ боялись, ихъ ненавидѣли, ихъ въ особенности презирали. За что презирали?

На этотъ послѣдній вопросъ Гюго, говоря о положеніи Гвинплена, отвѣчаетъ, съ свойственною ему трудно переводимою вычурною лапидарностью и парадоксальностью, такъ:

«Человѣкомъ владѣетъ мысль отомстить за доставленное ему удовольствіе. Отсюда презрѣніе къ комедьянту.—Это существо очаровываетъ меня, развлекаетъ, поучаетъ, восхищаетъ, внушаетъ мнѣ идеалъ, доставляетъ мнѣ удовольствіе и пользу,—какимъ зломъ я могу ему отплатить? Униженіемъ. Презрѣніе, это пощечина на разстояніи. Дадимъ ему пощечину. Оно мнѣ нравится, значитъ оно низко. Оно мнѣ служитъ, поэтому я его ненавижу. Гдѣ взять камень, чтобы бросить въ него? Жрецъ, дай свой. Философъ, дай свой. Боссюэтъ, отлучи его отъ церкви. Руссо, оскорби его. Ораторъ, плюнь въ него камнями, которыми набитъ твой ротъ. Медвѣдь, брось въ него свой булыжникъ. Забросаемъ каменьями дерево, собьемъ плодъ и съѣдимъ его. Браво! и—долой! Декламировать стихи,

Digitized by Google

это значитъ быть зачумленнымъ. Скуемъ скомороху цѣпи изъ его успѣха. Закончимъ его торжество свистками. Пусть онъ собираетъ толпу и остается одинокимъ. И такимъ-то образомъ богатые, такъ называемые высшіе классы изобрѣли для комедьянта аплодисментъ, какъ форму отчужденія.—Чернь не такъ жестока. Она не ненавидѣла Гвинплена. Она и не презирала его. Но послѣдній конопатчикъ послѣдняго экипажа на послѣднемъ суднѣ, стоящемъ въ послѣднемъ англійскомъ портѣ, считалъ себя неизмѣримо выше этого забавника «сволочи» и думалъ, что конопатчикъ настолько же выше паяца, насколько лордъ выше конопатчика».

Этотъ наборъ антитезъ и эффектныхъ словъ ничего, разумѣется, не объясняетъ. Онъ даже не развиваетъ, а только на разные лады повторяетъ и словесно распространяетъ въ приложеніи къ актеру—основное положеніе: человѣкъ мститъ за доставленное ему удовольствіе. Это положеніе, можетъ быть, и защитимо до извѣстной степени: есть низкія души, для которыхъ чувство благодарности настолько непереносно тяжело, что онѣ злобно реагируютъ противъ его возникновенія; имъ кажется, что онѣ унижены сдѣланнымъ имъ добромъ (можетъ быть потому, что отплатить тѣмъ же онѣ не въ силахъ), и онѣ, при случаѣ, отплачиваютъ за это именно униженіе, а не за сдѣланное имъ добро. Отсюда многочисленныя житейскія драмы на тему о змѣѣ, отогрѣтой на груди. Едва ли, однако, эта черта годится для объясненія явленій, объ которыхъ говоритъ Гюго. Змѣя, отогрѣтая на груди, выжидаетъ удобнаго случая, до времени затаивая въ себѣ злобу, и уже поэтому не можетъ смотрѣть на отогрѣвшаго ее такъ искренно и просто сверху внизъ, какъ смотритъ «конопатчикъ» на «скомороха» или «паяца». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы имѣемъ нѣчто массовое, непосредственное и вмѣстѣ съ тѣмъ длящееся исторически, въ теченіе вѣковъ и поколѣній длящееся. Поэтому и корней его надо искать не въ случайныхъ комбинаціяхъ элементовъ индивидуальной души, а въ какомъ-то опредѣленномъ и, вѣроятно, очень далекомъ историческомъ прошломъ, которое уже утратило свой смыслъ, но, по пословицѣ le mort saisit le vif, держитъ въ своей власти людей помимо ихъ сознанія, какъ безсознательное «переживаніе», какъ нѣчто себя пережившее.

Приведенная шумиха словъ Гюго ничего не объясняетъ, но въ ней вѣрно указанъ фактъ какого-то двойственнаго отношенія къ шутамъ и актерамъ. Да простятъ мнѣ господа актеры это сопоставленіе, но я слѣдую за Гюго, который, трактуя о шутахъ, скоморохахъ, паяцахъ (histrion, saltimbanque), имѣетъ въ виду и тѣхъ, кто «очаровываетъ, поучаетъ, внушаетъ идеалъ». И онъ совершенно правъ. Мудрено говорить объ исторіи шутовъ, не касаясь исторіи театра (это и Газо не вполнѣ удалось). Во всякомъ случаѣ двойственное отношеніе публики знакомо и актерамъ. Не удивительно, если тетка комика Счастливцева, уѣздная лавочница, счи-

Digitized by Google

таетъ племянника «душѣ своей погубителемъ»,—она никогда не бывала въ театрѣ и никогда не пойдетъ туда, потому что знаетъ, что театръ есть вмѣстилище грѣха и зла. Но и трагикъ Несчастливцевъ (мимоходомъ сказать, свысока смотрящій на комиковъ, какъ на «шутовъ») испытываетъ на себѣ презрѣніе Гурмыжской, которая въ театрѣ бывала, и Милонова, который чтитъ «все высокое и прекрасное» и, конечно, не хуже Несчастливцева знаетъ, что «за одну слезу актера платятъ тысячи слезъ зрителей». Это уже гораздо болѣе удивительно. А между тѣмъ чуть не сквозь всю исторію театра проходитъ эта смѣсь восторга, очарованія, съ одной стороны, и презрѣнія—съ другой, вѣнковъ лавровыхъ и терновыхъ. Въ новой исторіи это особенно сильно сказалось во Франціи.

Въ 1730 г. умерла, какъ говорили, отъ отравы, знаменитая актриса Адріенна Лекувреръ. Передъ смертью къ ней явился католическій священникъ съ предложеніемъ отречься отъ профессіи, ее прославившей. Она не согласилась и слѣдствіемъ этого былъ отказъ хоронить ее по христіанскому обряду, хотя она была христіанка и даже завѣщала своей приходской церкви извѣстную сумму; ея трупъ не позволили похоронить даже въ томъ особенномъ мѣстѣ кладбища, гдѣ погребали младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Этотъ случай произвелъ много шуму, главнымъ образомъ, однако, въ виду слишкомъ ужъ большой популярности Адріенны Лекувреръ, а также въ виду того, что въ дѣло вступился Вольтеръ. Но «царю мысли XVIII вѣка» еще не разъ и потомъ пришлось выступать на защиту элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ актеровъ со всею свойственною ему въ такихъ случаяхъ энергіею. И «царь мысли» такъ и не дожилъ до эмансипаціи дѣятелей театральной сцены. Актеры были лишены не только христіанскаго погребенія, но считались недостойными и таинствъ покаянія, причащенія, брака. Такъ какъ гражданскій бракъ тогда не существовалъ, то актеры были осуждены, если они не хотѣли отречься отъ своей профессіи, на безбрачіе или внѣ-брачное сожительство со всѣми его послѣдствіями, въ числѣ которыхъ особенно тягостно была незаконность дѣтей. Любопытно, что не всѣ актеры находились въ такомъ положеніи: итальянская труппа и оперные пѣвцы почему-то не были отягощены этими ограниченіями. За то les comédiens du roi, съ которыхъ именно требовалось отреченіе, съ другой стороны—по гражданскому закону, не смѣли оставлять свою профессію; администрація держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и отрекшагося могла силою заставить вернуться на сцену и, слѣдовательно, вновь подвергнуться церковному отлученію. Актеръ не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ, не могъ быть, напримѣръ, свидѣтелемъ въ судѣ. Нѣкоторыя корпораціи, какъ корпорація адвокатовъ, извергали изъ своей среды даже тѣхъ, кто женился на актрисѣ или на дочери актрисы. За провинности актеры наказывались строго, а для актрисъ было назначено особенно унизительное тюремное за-

Digitized by Google

ключеніе: въ Сальпетріерѣ, въ просторѣчіи называвшейся l'Hôpital. Здѣсь содержались проститутки, женщины и дѣвушки, арестованныя по жалобѣ родителей или мужей и т. п., арестанткамъ брили головы, спали онѣ на соломѣ и т. д. Правда, эта мѣра наказанія примѣнялась къ актрисамъ рѣдко; но всетаки примѣнялась. Ужасно было уже то, что, напримѣръ, такой звѣздѣ какъ Клеронъ, пользовавшейся особымъ покровительствомъ и дружбой Вольтера, случалось слышать вопли театральной публики: «à l'hôpital la Clairon!» Философскимъ выразителемъ этого презрительнаго отношенія къ актерамъ явился Руссо въ своей извѣстной Lettre sur les spectacles. Революція торжественно ввела актеровъ въ число полноправныхъ гражданъ; но, не говоря уже о томъ, что это далось не безъ борьбы, извѣстно, что формальное признаніе полноправности еще не ведетъ за собой, по крайней мѣрѣ немедленно, соотвѣтственнаго измѣненія въ понятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ. И актеры испытали это на себѣ.

Приведенную маленькую горсточку фактовъ я взялъ изъ книги Могра «Les comédiens hors la loi», въ которой читатель найдетъ ихъ гораздо больше. У него же найдемъ и оборотную, свѣтлую, пожалуй даже черезчуръ свѣтлую сторону медали. Могра съ недоумѣніемъ отмѣчаетъ, что время вящшаго притѣсненія театральныхъ артистовъ и презрѣнія къ нимъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ вящшаго увлеченія театромъ, восторговъ передъ его дѣятелями, избалованности актеровъ и актрисъ. Представители высшаго свѣта и воспитанницы женскихъ монастырей, офицеры и аббаты и сами устраивали спектакли, и посѣщали настоящіе театры, и находились въ постоянномъ общеніи съ актерами и актрисами. Каждое маленькое событіе въ театральномъ мірѣ волновало весь Парижъ. Та самая Адріенна Лекувреръ, тѣлу которой было отказано въ христіанскомъ погребеніи, была при жизни предметомъ всеобщихъ восторговъ и поклоненія. Клеронъ, сидя въ тюрьмѣ (не въ Сальпетріерѣ, впрочемъ), была посѣщаема разными дюками и дюшессами въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству современника, улица, на которую выходила тюрьма, была цѣлый день запружена каретами. Ей посвящено множество стихотворныхъ посланій, одъ, стансовъ; въ честь ея выбивались медали; ей была предоставлена честь вѣнчать лаврами Вольтера въ день его апоѳеоза въ 1772 г. Когда актеръ Моле заболѣлъ, публика въ театрѣ требовала извѣстій о его здоровьѣ, самъ король посылалъ справляться о ходѣ болѣзни, и когда узнали, что врачъ предписалъ больному хорошее вино, то въ нѣсколько дней было прислано двѣ тысячи бутылокъ; а когда тутъ же стало извѣстно, что у Моле 20.000 ливровъ долгу, то въ пользу его былъ данъ спектакль, и подписка на этотъ спектакль,—въ которой, между прочимъ, участвовали четыре епископа,—дала 24.000 ливровъ. Какъ разъ во время болѣзни Моле заболѣла ученая обезьяна нѣкоего Николе, балаганнаго артиста,

Digitized by Google

дававшаго свои представленія, конечно, не для дюковъ и дюшессъ. И посѣтители театра Николе точно также волновались, требовали свѣдѣній о болѣзни обезьяны и составляли въ пользу ея или ея хозяина подписку.

Все это кружило головы актерамъ. Они позволяли себѣ по отношенію и къ публикѣ въ цѣломъ, и къ отдѣльнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ драматическимъ писателямъ, неслыханныя дерзости. Но, въ свою очередь, они, даже на верху своей славы и популярности, должны были быть всегда готовы, — не говоря уже о тюрьмѣ,—выслушать тоже крайнюю дерзость или даже подвергнуться физическому насилію. Вотъ два случая. Чиновнику, явившемуся арестовать Клеронъ, она сказала: «Я подчиняюсь велѣніямъ короля, мое имущество, моя личность, моя жизнь — въ его распоряженіи, но моя честь остается незапятнанною, надъ нею и король не властенъ». «Вы правы, сударыня, — отвѣчалъ чиновникъ, — гдѣ ничего нѣтъ, тамъ король теряетъ свои права». Другой случай. Актеръ Клервалъ, вообще пользовавшійся расположеніемъ дамъ, находился, между прочимъ, въ связи съ графиней Стенвилль. Связь эта получила огласку, и Клервалъ обратился за совѣтамъ къ своему товарищу Каллю: «Стенвилль грозитъ дать мнѣ сто палокъ, если я буду продолжать ходить къ его женѣ, а она обѣщаетъ двѣсти, если я перестану ходить; какъ быть?» «Слушайся жены,—посовѣтовалъ другъ, — все-таки у тебя сто палокъ въ выигрышѣ будетъ».

Это возвращаетъ насъ къ презрительному или вообще отрицательному отношенію къ театру и его дѣятелямъ.

Существуетъ мнѣніе, что отношеніе это представляетъ собою остатокъ или переживаніе той борьбы, которую когда-то вынуждено было вести христіанство съ язычествомъ. До извѣстной степени это вѣрно, и не удивительно, если на этомъ мнѣніи сходятся и тотъ французскій вольнодумецъ XVIII вѣка, который писалъ Клеронъ: Soit toujours païenne et sublime, и тотъ московскій безъименный изувѣръ, который въ концѣ XIX вѣка пишетъ: «Оправдываютъ игру въ театрѣ и называютъ ее полезною и нравоучительною или безвредною или, по меньшой мѣрѣ, меньшимъ зломъ въ сравненіи съ пьянствомъ и распутствомъ и съ этою цѣлью стараются заводить повсюду театральныя зрѣлища. Не обольщайтесь: театръ усыпляетъ христіанскую жизнь, сообщая жизни христіанъ характеръ жизни языческой... Театръ — школа міра сего и князя міра сего — діавола». («Уроки благодатной жизни. О свѣтской жизни». Москва 1896, изданіе 2-е, стр. 17). Если подобные взгляды могутъ высказываться въ странѣ, гдѣ давно уже существуютъ Императорскіе театры, содержимые на государственный счетъ; гдѣ и церковныя власти ничего противъ театра не имѣютъ; гдѣ есть такіе драматурги, какъ Гоголь, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Островскій; гдѣ успѣли сложиться славныя театральныя традиціи; — если, говорю, во всеуслышаніе высказываются, при такихъ условіяхъ, взгляды въ

Digitized by Google

родѣ вышеприведеннаго, то это свидѣтельствуетъ о крайней живучести предразсудка. А предразсудокъ есть, по превосходному выраженію Баратынскаго, «обломокъ древней правды», и нѣчто фактически вѣрное должно лежать въ его основаніи.

Потребность зрѣлищъ, какъ воспроизведенія интересныхъ почему-нибудь моментовъ жизни дѣйствительной, возможной или фантастической, есть исконная человѣческая потребность. Объ этомъ свидѣтельствуютъ военныя, свадебныя или любовныя, религіозныя игры, церемоніи и представленія, существующія и у низко стоящихъ народовъ. Этотъ первобытный театръ или, вѣрнѣе, эти элементы театра существовали и у языческихъ предковъ современнаго цивилизованнаго человѣчества, и естественно, что они враждебно столкнулись съ христіанствомъ. Не говоря уже объ тѣхъ случаяхъ, когда христіанство распространялось силою меча, даже когда язычники вполнѣ искренно и добровольно отрекались отъ старыхъ вѣрованій, послѣднія, тѣсно переплетаясь со всѣми сторонами жизни, надолго оставляли свои слѣды въ нравахъ и обычаяхъ. Отсюда чрезвычайно сложная исторія взаимодѣйствія языческихъ и христіанскихъ началъ, ихъ взаимной борьбы и взаимныхъ уступокъ.

При столкновеніи двухъ религіозныхъ системъ возможны на первыхъ порахъ разные исходы. Кромѣ открытой борьбы, такъ сказать, по всему фронту или вражды скрытой, затаенной, возможно, во первыхъ, «двоевѣріе». Такъ нѣкоторые наши язычники инородцы, наравнѣ съ своими богами, чтутъ Николая Чудотворца; такъ ирландцы, уже крещенные, еще долго поклонялись священнымъ деревьямъ; такъ одинъ датскій король, отправляясь въ походъ, далъ обѣты единовременно Іисусу Христу и богу Брагафуллу, и т. п. Возможно простое слитіе, амальгамація элементовъ. Такъ славянскій языческій «скотій богъ» Волосъ или Велесъ пріурочился въ народномъ сознаніи къ св. Власію, которому молятся о сбереженіи домашняго скота; такъ Илью пророка народъ надѣляетъ атрибутами Перуна; такъ церковный ладонъ или святая вода употребляются при суевѣрныхъ обрядахъ несомнѣнно языческаго происхожденія и т. д. Я привожу первые попавшіеся примѣры, и читатель найдетъ ихъ гораздо больше и систематически подобранными у Сахарова, Афанасьева, Тихонравова и др. Тамъ же найдутся яркіе примѣры еще одного исхода: враждебные боги не отрицаются, какъ не существующіе, а признаются мощными, сверхъестественными, но злыми силами. Такъ арійскіе девы, первоначально добрыя божества, становятся у иранцевъ злыми; такъ Вельзевулъ въ Ветхомъ Завѣтѣ есть языческій богъ, а затѣмъ онъ сталъ дьяволомъ; то же случилось съ германскимъ Одиномъ или Вуотаномъ и т. д. При этомъ и служители этого злого начала признаются не какими-нибудь лжецами или просто безумными людьми или невѣжественными, или больными,—какъ мы теперь признаемъ шамановъ и т. п., — а людьми, дѣйствительно

Digitized by Google

сильными своимъ общеніемъ съ сверхъестественнымъ злымъ нѣчаломъ, кудесниками, колдунами, вѣдьмами и вѣдунами, «вѣщими» людьми.

Наши масляничные и рождественскіе ряженые, наши березки въ Троицынъ день и т. п. суть прямые отголоски языческой старины, хотя связь ихъ съ ней давнымъ давно забыта. Современная церковь не борется съ ними въ виду ихъ безвредности. Но наши проповѣдники XI и слѣд. столѣтій жестоко преслѣдовали хотя бы то же святочное и масляничное ряженье, справедливо видя въ немъ остатокъ язычества, съ которымъ связь этого остатка чувствовалось тогда, конечно, несравненно живѣе теперешняго. Это было языческое и потому «бѣсовское дѣйство», «сатанинскія игры»: «бѣсовское и кумирское личать, косматые и иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные образы надѣвающе». Такъ же преслѣдовались и другіе первобытные элементы театра, въ виду ихъ несомнѣнно языческаго происхожденія, а также въ виду того, что сопровождавшіе ихъ шумное веселье и разгулъ противорѣчили аскетическому идеалу. Это теченіе мысли приводило, слѣдовательно, къ уравненію: языческое=бѣсовскому=веселому=разгульному, развратному. Соотвѣтственно этому и дѣйствующія лица зародышей народной драмы или первобытнаго театра должны были быть людьми веселыми, разгульными, и имѣть сношенія съ нечистою силой былыхъ языческихъ божествъ. Такъ оно и было: эти люди и назывались «веселыми», «скоморохами», а вмѣстѣ съ тѣмъ считались и сами себя часто объявляли колдунами. Не даромъ Островскій въ пьесѣ «Не такъ живи, какъ хочется» дѣлаетъ изъ Еремки «скомороха» и колдуна. Еще шагъ,—и скоморохъ отождествился прямо съ дьяволомъ. У насъ, впрочемъ, это отразилось, кажется, только въ равнозначительности поговорокъ «чортъ съ нимъ», «иди къ чорту» и «шутъ съ нимъ» и «иди къ шуту». Въ западной Европѣ это отождествленіе получило, какъ увидимъ, гораздо болѣе яркое выраженіе.

Западное духовенство боролось съ языческими зрѣлищами и другимъ путемъ. Оно пыталось противопоставить имъ зрѣлища христіанскаго характера въ самыхъ храмахъ, сдѣлавъ при этомъ значительныя уступки язычеству. У насъ духовная драма появилась лишь въ XVII столѣтіи. Разницу между ею и западными мистеріями и послѣдствія этой разницы хорошо указываетъ Тихонравовъ («Начало русскаго театра»): «Мистерія, особенно позднѣйшаго времени, не могла похвалиться единствомъ и выдержанностью идеи; она не производила въ зрителяхъ цѣльнаго, опредѣленнаго настроенія: рядомъ съ событіями евангельской исторіи разыгрывались шутовскіе эпизоды изъ обыденной дѣйствительности, или же просто только что съыгранная сцена изъ жизни святого пародировалась самымъ циническимъ образомъ. Русская духовная драма XVII вѣка уклонялась отъ подобныхъ вставокъ. Она, можетъ быть, выигры-

Digitized by Google

вала черезъ это въ единствѣ и выдержанности идеи, но, сохраняя свой сурово-архаическій стиль, она стояла внѣ всякаго соприкосновенія съ животворными элементами народной жизни и поэзіи».

Достойно вниманія, какъ поступала наша духовная драма въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходилось прибѣгать къ инороднымъ элементамъ. Въ такъ называемомъ «пещномъ дѣйствѣ» изображалось ввержение въ печь трехъ вавилонскихъ отроковъ (Ананіи, Азаріи и Мисаила) и спасеніе ихъ ангеломъ. Представленіе давалось въ храмѣ. Роль слугъ Навуходоносора, то есть язычниковъ, ввергающихъ отроковъ въ печь, исполняли особые скоморохи, называвшіеся «халдеями». Это были «веселые» и разгульные люди, получавшіе отъ патріарха за недѣлю до Рождества разрѣшеніе давать въ Москвѣ шутовскія представленія. Пользуясь этимъ, они производили всякія безчинства, и по окончаніи своей миссіи подвергались обряду очищенія. Веселое, безчинное и языческое и здѣсь, значитъ, сливались какъ бы въ одно понятіе. Въ Малороссіи, гдѣ были сильнѣе западныя вліянія, существовала и народная духовная драма, такъ называемая «вертепная». Здѣсь допускались уклоненія и вставки, невозможныя въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ, изображавшей поклоненіе волхвовъ, передъ появленіемъ на сценѣ Ирода исполнялись малороссійскіе танцы, выходилъ цыганъ съ медвѣдемъ и т. п.

На западѣ народное веселье со всѣмъ своимъ языческимъ отпечаткомъ прорывалось въ духовную драму съ гораздо большею силою и вторженіе это принимало иногда даже маловѣроятныя въ наше время формы. Ко времени распространенія христіанства западная Европа была уже знакома не съ зачатками театра, а съ разнообразными публичными зрѣлищами, вошедшими въ привычку, объ чемъ свидѣтельствуетъ уже знаменитый крикъ: «хлѣба и зрѣлищъ!» Зрѣлища эти, часто кровавыя и безстыдныя, притомъ же посвященныя языческимъ божествамъ, естественно вызывали протесты со стороны представителей христіанской церкви, которые, однако, тщетно боролись на этомъ полѣ съ язычествомъ. Впослѣдствіи духовенство измѣнило тактику. Оно стало само устраивать въ храмахъ и около храмовъ зрѣлища на библейскія и евангельскія темы, но потомъ должно было отказаться отъ этой инициативы. Дѣло въ томъ, что въ средѣ самого католическаго духовенства, преимущественно низшаго, были люди, которымъ строгій и аскетическій идеалъ былъ не по плечу и въ которыхъ вдобавокъ еще не вымерли языческія преданія. Вслѣдствіе этого къ христіанскимъ праздникамъ пріурочивалось переживанія языческихъ — сатурналій, луперкалій. Извѣстнѣе другихъ французскій праздникъ шутовъ, дураковъ, называвшійся также праздникомъ осла, праздникомъ невинныхъ и т. д. (fête des fous, de l'ane, des innocents). На этихъ дикихъ празднествахъ, длившихся нѣсколько дней подрядъ и окончательно уничтоженныхъ лишь въ 1547 году, совершались въ храмахъ невѣроят-

Digitized by Google

ныя безобразія и кощунства: плясали, пѣли вакхическія пѣсни, играли въ карты и кости, жгли въ кадильницахъ изрѣзанныя старыя подошвы и проч. «Въ нашемъ вѣкѣ, часто упрекаемомъ въ непочтительности къ церкви,—говоритъ Роскофъ (Geschichte des Teufels),—то, что совершалось на этихъ увеселеніяхъ, возмутило бы всѣ слои общества». Своимъ чередомъ на улицахъ и площадяхъ забавляли народъ странствующіе фигляры, паяцы, шуты.

Въ Германіи не было ничего подобнаго праздникамъ шутовъ, но въ ея духовную драму разнузданно веселый элементъ проникалъ съ другой стороны. Такъ, напримѣръ, при изображеніи Страстей Господнихъ фигурировалъ площадной шарлатанъ лѣкарь (опять таки скоморохъ и «вѣдунъ»), продававшій мазь для бальзамированія тѣла Христова и разсыпавшій при этомъ площадныя шутки и прибаутки. Все это, по справедливому замѣчанію Тихонравова, не могло, конечно, способствовать выдержанности духовной драмы, но давало выходъ народному наивному юмору.

Но самое интересное для насъ,—это появленіе на сценѣ чорта. Въ нашей русской, собственно духовной драмѣ дьяволъ и его мѣсто жительства—адъ никогда не являлись (см. объ этомъ у Тихонравова). Въ Европѣ же онъ долженъ былъ представлять собою злое начало, въ концѣ концовъ побѣждаемое и посрамляемое; но вмѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ съ языческимъ еще отпечаткомъ нашелъ себѣ въ его лицѣ лазейку на театральную сцену. Дьяволу разрѣшалось всякое издѣвательство, шутовство, насмѣшки, площадныя выраженія, рѣзко чуждою нотою врывавшіяся въ общій строгій тонъ драмы, но въ зрителяхъ того времени возбуждавшія не негодованіе, а веселый смѣхъ. Дьяволъ исполнялъ роль шута. Если же, въ концѣ концовъ, онъ посрамлялся и всѣ его хитрости и злобности обрушивались на его же дьявольскую голову, то это лишь способствовало окончательной выработкѣ фигуры шута,—онъ же вѣдь и «дуракъ». Въ результатѣ шутъ и дьяволъ слились въ одно лицо. «Дьяволъ и шутъ были въ западной драмѣ однимъ и тѣмъ же лицомъ,—говоритъ Тихонравовъ.—Нѣмецкій Hanswurst не иное что, какъ перерожденный дьяволъ старой мистеріи». «Изъ фигуры дьявола смѣхотворнаго—говоритъ въ вышеупомянутой книгѣ Роскофъ (см. вообще главу «Der Teufel auf der Bühne»)—развился «дуракъ», шутъ, а изъ него нѣмецкій Гансвуротъ, такъ долго владѣвшій сценой».

Читатель видитъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ можно говорить о языческомъ характерѣ театра и о томъ, что театръ есть «школа міра сего и князя міра сего—дьявола». Вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняются для насъ причины двойственнаго отношенія, если не къ театру и театральнымъ дѣятелямъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, къ шутамъ, скоморохамъ и къ театру постольку, поскольку онъ изъ скоморошества развился. Въ массѣ обращенныхъ христіанство не могло сразу уничтожить языческаго человѣка, тѣмъ болѣе, когда

Digitized by Google

суровые представители высокаго ученія преслѣдовали всякое веселье, со включеніемъ музыки и міркой пѣсни: это было не по плечу массѣ. И въ душѣ средняго человѣка естественно получилось раздвоеніе. Природныя склонности ума и сердца, унаслѣдованныя отъ длиннаго ряда предковъ, всосанныя съ молокомъ матери, воспитанныя всѣмъ строемъ жизни, тянули его къ землѣ и къ земнымъ наслажденіямъ въ той грубой формѣ, какая въ тѣ времена была доступна; а новое ученіе властно предписывало презирать эти наслажденія и бѣжать ихъ, какъ зла, какъ грѣха, какъ остатка язычества и исчадія ада. Шутъ, скоморохъ съ своими шутовскими «дѣйствами» сталъ поэтому какимъ-то желаннымъ отверженцемъ, презрѣннымъ или даже ненавистнымъ любимцемъ. Zwei Seelen wohnen in der Brust не одного Фауста. Это явленіе гораздо болѣе обыкновенное, чѣмъ мы привыкли думать, и дѣло не такъ стояло, что вообще одна часть населенія привѣчала скомороховъ, а другая гнала и презирала. Это справедливо лишь до извѣстный степени. Конечно, были и эти рѣзко противоположныя крайности, но средній человѣкъ, разгульно веселясь со скоморохами одною стороною своей души,—другою ихъ презиралъ, какъ отраженіе своихъ собственныхъ страстей, признанныхъ порочными; просвѣтленный новымъ ученіемъ, онъ презиралъ въ нихъ самого себя, но разстаться съ ними не могъ. Иванъ Грозный, какъ иниціаторъ Стоглаваго собора,—если онъ дѣйствительно былъ его иниціаторомъ,—громилъ всякое «глумотворство» и «еллинское бѣсованіе», но это не мѣшало ему проводить время съ глумотворами, что временами перебивалось рѣзкими взрывами покаянія. Къ характеристикѣ скомороховъ, какъ людей презрѣнныхъ, отверженцевъ общества, надо еще прибавить особенности ихъ нравовъ и образа жизни. Шуты боярскіе, великокняжескіе, царскіе, вообще придворные, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, были собственно слуги, главная обязанность которыхъ было увеселять, но которыя исполняли и другія служебныя обязанности и иногда пользовались особеннымъ довѣріемъ. Объ нихъ у насъ еще будетъ рѣчь. Что же касается бродячихъ скомороховъ, то, будучи, пожалуй, служителями «князя міра сего», они въ извѣстномъ смыслѣ были люди именно не отъ міра сего. Они ни сѣютъ, ни жнутъ, они люди бездомные или оставившіе свою осѣдлость и не брегущіе ею, люди случайнаго заработка и беззаботные: сегодня здѣсь, завтра тамъ, сегодня море разливанное, завтра ѣсть нечего, сегодня почетъ, завтра позоръ. Отсюда безпорядочность нравовъ и заслуженно недобрая слава. Но они же не суть съ собой веселье, смѣхъ...

Поскольку Гансвурстъ съ братіей участвовали въ созданіи драмы, можно и на актеровъ вообще перенести вышеприведенное объясненіе двойственнаго отношенія публики. Но если *только* борь-

Digitized by Google

бою христіанства съ язычествомъ объяснить отрицательную сторону отношенія къ театру и его дѣятелямъ, то надо ожидать, что въ языческомъ мірѣ актеры пользовались полнымъ почетомъ. Мы однако этого не видимъ. То двойственное отношеніе къ театру и актерамъ, образцы котораго мы приводили изъ исторіи Франціи XVII, XVIII столѣтія, является точнымъ сколкомъ съ положенія дѣлъ въ языческомъ Римѣ. Начатковъ римскаго театра слѣдуетъ искать въ религіозныхъ торжествахъ, которыя были настоящими сценическими представленіями. Участіе въ этихъ представленіяхъ не клало ни малѣйшаго пятна на участниковъ; напротивъ, они пользовались всеобщимъ почетомъ, но это и были не актеры по профессіи, а жрецы и вѣрующіе. Но съ теченіемъ времени зрѣлища утратили постепенно свое исключительно религіозное значеніе, продолжая однако, конечно, отражать въ себѣ языческій характеръ эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились настоящіе актеры съ тѣмъ двойственнымъ къ нимъ отношеніемъ общества, которое мы видѣли и во Франціи и которое Франція, очевидно, просто получила въ наслѣдство отъ Рима. Римскіе актеры стояли въ гражданскомъ отношеніи на одной линіи съ выгнанными со службы солдатами, уличными ворами и уличенными клеветниками. Они не могли занимать какую нибудь почетную должность и подлежали тѣлесному наказанію; не только сыновья и дочери сенаторовъ, но и ихъ внуки и правнуки не могли вступать въ бракъ съ дочерьми и сыновьями актеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ актеры разнаго рода, равно какъ и гладіаторы, и возницы въ конскихъ ристалищахъ, были предметомъ восторговъ, нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго общественнаго положенія, имѣли огромный успѣхъ у женщинъ, были воспѣваемы поклонниками, вызывали въ обществѣ страстныя распри и занимали весь Римъ отъ верхняго края до нижняго своими успѣхами или неуспѣхами. Не только высшіе сановники, но сами императоры выступали на сцену, соперничая съ презрѣнными «гистріонами».

Все это слишкомъ извѣстно, и я приведу для иллюстраціи лишь одинъ характерный эпизодъ изъ Лѣтописи Тацита. По поводу какихъ-то безпорядковъ въ театрѣ — разсказываетъ суровый лѣтописецъ — «была рѣчь въ сенатѣ и высказывались мнѣнія, что преторамъ должно быть предоставлено право сѣчь розгами актеровъ. Народный трибунъ, Гатерій Агриппа, протестовалъ противъ этого, но встрѣтилъ порицаніе въ рѣчи Азинія Галла. Тиберій, который предоставилъ сенату эти призраки свободы, хранилъ при этомъ молчаніе. Однако протестъ трибуна одержалъ верхъ на томъ основаніи, что божественный Августъ однажды высказалъ, что актеры не подлежатъ сѣченію розгами, и ему, Тиберію, не подобаетъ преступать его заявленіе. Было сдѣлано много постановленій относительно мѣры ихъ вознагражденія и противъ распутства ихъ поклонниковъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія: сенаторъ не долженъ входить въ дома пантомимовъ; когда они появляются въ

Digitized by Google

публичномъ мѣстѣ, всадники не должны окружать ихъ или ухаживать за ними въ другомъ мѣстѣ, кромѣ театра; преторамъ предоставляется право наказывать ссылкой нескромное поведеніе зрителей».

Этотъ эпизодъ хорошо характеризуетъ обѣ стороны дѣла, и его одного достаточно, чтобы спросить себя: почему же и въ языческомъ Римѣ актеры были желанными отверженцами или презрѣнными любимцами? Лишь очень немногое изъ сказаннаго выше можетъ намъ помочь въ разрѣшеніи этой загадки. И въ Римѣ, какъ во всякомъ сложномъ и много жизненныхъ ступеней перешагнувшемъ обществѣ, были люди двойной совѣсти и двойной морали, горѣли страсти, которыхъ—по существу, по формѣ или по степени напряженности—стыдились сами ихъ носители. И если актеръ изображалъ именно эти страсти, то естественно, что на него переносилась та доля презрѣнія и стыда, которую зритель питалъ къ самому себѣ. Это мы уже видѣли, говоря о скоморохахъ, и понятна эпитафія, сочиненная самому себѣ однимъ знаменитымъ римскимъ мимомъ: «Я приводилъ въ трепетъ того, кого представлялъ; онъ видѣлъ во мнѣ своего двойника и нерѣдко женщины, которыхъ я изображалъ въ моей игрѣ (въ Римѣ женскія роли исполняли мужчины), краснѣли и приходили въ замѣшательство». Но этого, очевидно, мало для полнаго объясненія занимающаго насъ явленія; мало и того факта, что и въ Римѣ существовали бродячія труппы, своимъ образомъ жизни вызывавшія отрицательное къ себѣ отношеніе.

Дѣло объясняется очень просто, если вспомнить, что римскіе актеры разныхъ наименованій, также какъ и гладіаторы, и возницы конскихъ ристалищъ, были въ большинствѣ или рабы, или военноплѣнные, или греки, азіаты, африканцы, вообще инородцы, пользовавшіеся презрѣніемъ римлянъ. Это фактъ общеизвѣстный, но обыкновенно говорятъ, что презираемую профессію римляне предоставляли презираемымъ общественнымъ элементамъ. Но такимъ образомъ презрѣнность самой профессіи остается безъ всякаго объясненія. Она, эта презрѣнность, какъ мы видѣли, совершенно понятна у христіанскихъ народовъ на тѣхъ ступеняхъ развитія, когда театръ былъ остаткомъ язычества и его дѣятели слугами дьявола. Но почему бы могла стать презрѣнною сама по себѣ профессія актера въ Римѣ? Въ Греціи актеры рекрутировались не изъ рабовъ, и профессія актеровъ пользовалась почетомъ. Такъ было и въ древнѣйшій періодъ римскаго театра, но затѣмъ эстетически бѣдный, но жадный до зрѣлищъ Римъ свалилъ актерскую профессію на рабовъ, военноплѣнныхъ и инородцевъ, и какъ только это произошло, такъ и профессія стала презрѣнною, а актеры—тѣми презрѣнными любимцами и желанными отверженцами, какими мы ихъ знаемъ. Такимъ образомъ, рабство, право принужденія и обязанность повиновенія, и національная надменность были тѣми источ-

Digitized by Google

никами, изъ которыхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, изливалась волна презрѣнія на актеровъ. Само собою разумѣется, что и въ христіанскихъ странахъ эти моменты могли вливать свою каплю яду въ существованіе сценическихъ дѣятелей, на-ряду съ воспоминаніями о языческомъ происхожденіи театра. Такъ, иностранное происхожденіе организаторовъ «комидійнаго дѣйства» и «шпильманской хитрости» въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и затѣмъ при Петрѣ, конечно, не способствовало развитію въ московскихъ людяхъ уваженія къ актерамъ, равно какъ и знаменитые въ прошломъ столѣтіи помѣщичьи театры, труппы которыхъ составлялись изъ крѣпостныхъ.

На этомъ мы покончимъ съ актерами, объ которыхъ заговорили лишь, такъ сказать, по дорогѣ, и сосредоточимся на шутахъ.

Заглянувъ въ давно оставленную нами книжку Газо, читатель найдетъ тамъ относительно римскихъ придворныхъ шутовъ очень скудныя и бѣглыя указанія. Мы не погонимся за пополненіемъ ихъ и остановимся только на одномъ эпизодѣ, въ высшей степени характерномъ и много освѣщающемъ.

Въ первое сицилійское возстаніе рабовъ (138 до Р. Х.) во главѣ возставшихъ былъ сиріецъ Эвнъ, принявшій титулъ царя и имя Антіоха. Малый продувной, онъ разными нехитрыми фокусами убѣдилъ своихъ товарищей по рабству, что имѣетъ сношенія съ богами и обладаетъ даромъ пророчества. Между прочимъ, онъ предсказывалъ, что будетъ царемъ. Не скрывалъ онъ этого пророчества и отъ своего господина, который обратилъ его въ шута: заставлялъ его при гостяхъ повторять свое пророчество, и гости забавлялись, задабривая его, какъ будущаго царя, угощеніями. Пророчество исполнилось. Эвнъ сталъ царемъ, хотя и самозваннымъ. Въ 132 г. его войско было разбито, самъ онъ укрылся въ пещерѣ, гдѣ его и взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ его поваромъ, баньщикомъ и—шутомъ... Случай этотъ интересенъ не только какъ свидѣтельство распространенности въ Римѣ обычая держать шутовъ, — въ этомъ отношеніи шуты, окружавшіе цѣлыми толпами какого-нибудь Суллу или Антонія, были бы пожалуй интереснѣе. Но художникъ могъ бы сдѣлать изъ судьбы Эвна канву для произведенія необычайной глубины и силы. Этотъ сирійскій рабъ, подготовляющій среди разноплеменныхъ товарищей возстаніе пророчествомъ о своемъ царствѣ, не отказывающійся отъ роли шута и усыпляющій при ея помощи бдительность господина; этотъ рабъ-шутъ, мечтающій о царствѣ и подавляющій въ себѣ бурю мстительныхъ чувствъ; наконецъ, этотъ рабъ-шутъ-царь, самъ заводящій себѣ шута, — какая это роскошная тема...

Но и вообще, если смотрѣть на шута не исключительно какъ на веселаго человѣка, увеселяющаго другихъ, то онъ становится

Digitized by Google

высоко интереснымъ художественнымъ сюжетомъ. И художники не отказывались отъ этой темы. Пересмотримъ нѣкоторыя изъ произведеній, посвященныхъ ей цѣликомъ или отчасти, заранѣе, однако, разрѣшая себѣ и экскурсіи въ область дѣйствительности, если таковыя понадобятся.

Изъ міровыхъ писателей едва ли не больше всего шутовъ у Шекспира. Но это одна изъ условностей тогдашней сцены и въ большинствѣ случаевъ Шекспировскіе шуты мало интересны. Исключеніе составляютъ Іорикъ и шутъ короля Лира. «Бѣдный Іорикъ» не является на сценѣ; есть только его черепъ, дающій поводъ для злобнаго воспоминанія могильщика объ томъ, какъ шутъ вылилъ ему однажды на голову бутылку вина, и благодарныхъ воспоминаній Гамлета. «Это былъ человѣкъ съ безконечнымъ юморомъ и дивной фантазіей... Тысячу разъ носилъ онъ меня на плечахъ... Тутъ были уста, я цѣловалъ ихъ такъ часто, — вспоминаетъ Гамлетъ, разсматривая черепъ:—Гдѣ теперь твои шутки, твои ужимки? Гдѣ пѣсни, молніи остротъ, отъ которыхъ всѣ пирующіе хохотали до упаду? Кто съострить теперь надъ твоей же костяной улыбкой?» Изъ этихъ немногихъ чертъ довольно ясно воспроизводится образъ Іорика: шутъ, можетъ быть, не всегда и не для всѣхъ пріятный своими грубыми выходками, но преданный своимъ господамъ, заразительно веселый и богатый тѣмъ безстрашіемъ юмора, которое дозволило бы ему даже надъ собственною «костяною улыбкою» посмѣяться, если бы это было возможно; при этомъ онъ не столько слуга, сколько другъ дома, который носитъ дѣтей на рукахъ и котораго дѣти цѣлуютъ. Эту преданность Шекспиръ доводитъ въ шутѣ короля Лира до высшей степени, подводя подъ комическую рѣчь шута, пеструю, какъ его костюмъ, однообразно трагическую подкладку горя и сочувствія.

Совсѣмъ иного рода шутомъ могъ бы быть великолѣпный Фальстафъ, но будетъ натяжкой, хотя и соблазнительной, освѣщать его съ этой точки зрѣнія. Гораздо меньшей натяжкой было бы притянуть къ сонму шутовъ всѣхъ Маскарилей, Сганарелей, Скапеновъ Мольера, Фигаро Бомарше и, осмѣлюсь прибавить, — Гетевскаго Мефистофеля. Но я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями. Въ числѣ всемірно извѣстныхъ шутовъ народныхъ театровъ видное мѣсто занимаетъ Арлекинъ. Онъ—итальянскаго происхожденія, онъ назывался также Zannio и былъ прямымъ продолженіемъ римскаго народнаго шута Zannio. Это былъ ловкій и хитрый рабъ, гораздо умнѣе своего господина, котораго онъ постоянно надувалъ. Въ этой наивной формѣ народъ находилъ удовлетвореніе своей демократической гордости и мстительному чувству. Ту же демократическую миссію воспринялъ отъ своего предка и Арлекинъ, болѣе или менѣе остроумно, болѣе или менѣе грубо высмѣивая, къ вящшему удовольствію нетребовательныхъ зрителей, представителей разныхъ классовъ общества. Арлекинъ, утвердившійся послѣ Италіи въ особенности

Digitized by Google

во Франціи, не разъ мѣнялъ свой обликъ, но, конечно, не былъ уже подобно римскому Санніо рабомъ. Онъ былъ слугой и не разъ посрамлялъ своего барина своимъ умственнымъ превосходствомъ, но—замѣчательная черта—не во вредъ ему лично: напротивъ онъ именно своимъ изворотливымъ умомъ постоянно выручалъ его, отличался вообще преданностью и находилъ удовлетвореніе въ своемъ превосходствѣ, хотя и прикидывался простоватымъ дурачкомъ. Таковы же и слуги въ пьесахъ Мольера. Въ Фигаро этотъ типъ достигъ высшаго развитія. Безкорыстно преданный своимъ господамъ, графу, а потомъ и графинѣ Альмавива, Фигаро, оказываетъ имъ множество неоцѣненныхъ услугъ своимъ бойкимъ умомъ и острымъ языкомъ, но умѣетъ сочетать эту личную преданность съ враждой ко всему приближающемуся къ концу старому порядку, во имя демократическихъ принциповъ. Что касается Мефистофеля, то вѣдь и онъ слуга, почти рабъ при жизни Фауста, и онъ умѣе своего господина, и онъ шутъ, разсыпающійся въ злобныхъ остротахъ и парадоксахъ. И когда Фаустъ (пушкинскій) говоритъ: «мнѣ скучно, бѣсъ»,—Мефистофель обязанъ пріискивать ему развлеченія. Быть можетъ, въ Мефистофелѣ слились тѣ два теченія,—христіанское и языческое,—изъ которыхъ одно связало шута съ дьяволомъ, а другое съ рабомъ...

Обратимся къ Виктору Гюго, создавшему наиболѣе яркія фигуры шутовъ и наиболѣе интересныя для нихъ положенія. Ланжели изъ драмы «Маріонъ де Лормъ» отмѣтимъ только ради той характеристики его жизни, которую дѣлаетъ Людовикъ XIII:

Скажи, ну стоитъ ли на свѣтѣ жить
Лишь для того, чтобъ развлеченьемъ
Больному королю служить,
По приказанію то плакать, то смѣяться,
И словно куклою давать собой вертѣть,
Да именемъ шута позорнымъ называться
На старости-то лѣтъ? Не лучше-ль умереть?
(Переводъ Каншина).

Ланжели играетъ въ драмѣ лишь пассивную роль тайнаго и робкаго врага Ришелье. Не таковъ герой драмы Le roi s'amuse. Объ историческомъ Трибуле разсказываютъ, между прочимъ, что когда однажды, въ отвѣтъ на его дерзость, какой-то вельможа пообѣщалъ побить его палкой, онъ пожаловался королю. Францискъ его успокоилъ: «не бойся ничего; если кто-нибудь посмѣетъ такъ поступить съ тобой, то будетъ повѣшенъ спустя четверть часа». Шутъ возразилъ: «ахъ, кузенъ (такъ Трибуле называлъ Франциска), лучше бы его повѣсить четвертью часа раньше». Достовѣренъ этотъ анекдотъ или нѣтъ, но онъ хорошо рисуетъ одну сторону положенія придворнаго шута. Подъ покровомъ милости своего господина шутъ могъ безнаказанно разсыпать своей langue acérée оскорбленія направо и налѣво, сѣя вмѣстѣ съ тѣмъ сѣмена ненависти къ себѣ, ненависти

Digitized by Google

тѣмъ болѣе напряженной, что она была безсильна и должна была выжидать благопріятнаго случая для мести или даже только для обнаруженія. Трибуле драмы Гюго пользуется этой безнаказанностью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Онъ дерзко издѣвается надъ вельможами двора Франциска I, не останавливаясь передъ ядовитой и грубой насмѣшкой и надъ величавымъ горемъ де Сенъ-Валлье, и надъ ожидаемымъ позоромъ де Коссе. Спрашивается, изъ какого источника льется эта неутолимая злоба и ненависть?

Трибуле называетъ себя «un homme de peuple, un serf, un rustre. Это черта типическая. За немногими исключеніями, когда въ шуты попадали люди болѣе или менѣе высокаго происхожденія, они выходили изъ низшихъ слоевъ общества. Кромѣ того, Трибуле физическій уродъ. И это опять типическая черта, объ чемъ подробнѣе будемъ говорить ниже. Затѣмъ шутъ могъ быть или человѣкомъ большого остроумія, тонкаго и проницательнаго ума, или же, напротивъ того, человѣкомъ прямо слабоумнымъ, глупыя выходки котораго забавляли именно своею глупостью. Гюго сдѣлалъ своего Трибуле умницей. Въ великолѣпномъ—слишкомъ, какъ это часто бываетъ у Гюго, великолѣпномъ—монологѣ второго акта Трибуле раскрываетъ передъ зрителями мрачныя глубины своей души. Въ первомъ актѣ онъ велъ себя, какъ «собака, спущенная на умирающаго льва», и оскорбленный отецъ Діаны Пуатье проклялъ его и его господина, Франциска. Это проклятіе не даетъ покою Трибуле. Онъ раздумывается о своей судьбѣ. «Природа и люди—говоритъ онъ—сдѣлали меня очень злымъ, очень жестокимъ и по истинѣ очень подлымъ». У него нѣтъ права, которое имѣетъ всякій нищій, рабъ, каторжникъ, — права не смѣяться, когда хочется плакать. «Полный отвращенія къ своему уродству, ревнивый ко всякой силѣ и всякой красотѣ, окруженный блескомъ, въ которомъ онъ становится еще темнѣе», онъ иногда, свирѣпый и одинокій (farouche et seul), хотѣлъ бы выплакать душу, но является его господинъ, молодой красавецъ, могущественный и жизнерадостный, и говоритъ, зѣвая: «шутъ, посмѣши меня!» Шутъ долженъ многое, возникающее въ его душѣ, подавлять въ зародышѣ и «заглушать звономъ бубенчиковъ умъ, который хочетъ мыслить». Никто не считаетъ его за человѣка, а женщины и за мужчину. Но за то какою же ненавистью онъ всѣмъ имъ платитъ! Онъ—«черный демонъ совѣтникъ господина», злой духъ, внушающій ему злыя мысли, оскорбительныя слова, жестокіе поступки. Его душа полна мести и оскорбленной гордости. Той преданности своему господину, которую мы видѣли въ Іорикѣ, шутѣ короля Лира, въ Арлекинѣ, затѣмъ въ мольеровскихъ слугахъ и Фигаро,—въ Трибуле нѣтъ и слѣда, онъ ненавидитъ и Франциска. Но и у этого несчастнаго чудовища есть свѣтлый и чистый уголокъ въ душѣ и въ жизни. Это—его дочь, дочь и воспоминаніе о ея матери, полюбившей его, всѣми презираемаго урода. И когда эта единственная свѣтлая точка его существованія

Digitized by Google

оказывается оскверненною,—месть и гнѣвъ яростнымъ потокомъ прорываются наружу. На одну минуту онъ повѣрилъ было въ возможность размягчить сердца столь часто оскорбленныхъ имъ вельможъ двора Франциска, но, убѣдившись въ тщетности этой надежды, «шутъ становится палачомъ», какъ говоритъ самъ Трибуле.

Трибуле—уродъ. Гвинпленъ, l'homme qui rit, человѣкъ, который смѣется,—еще болѣе уродъ, притомъ уродъ искусственный. У Атиллы былъ шутъ, описаніе наружности котораго сохранилось: это былъ кривоногій, безносый карликъ, заика и идіотъ; сохранилось и описаніе того веселья, которое возбуждалъ на пирахъ Атиллы этотъ жестокій капризъ природы. Но не только дикіе гунны забавлялись подобными ходячими нагроможденіями несчастія,—эта забава знакома и гораздо болѣе позднимъ временамъ, и гораздо болѣе цивилизованнымъ народомъ. И когда не хватало естественныхъ, прирожденныхъ уродовъ, ихъ фабриковали искусственно. Любопытно слѣдующее сопоставленіе греческаго писателя III вѣка, Лонгина: «Подобно тѣмъ ящикамъ, въ которые замыкаютъ пигмеевъ, въ просторѣчіи называемыхъ карликами, и которые не только задерживаютъ ихъ ростъ, но еще и уменьшаютъ ихъ, рабство есть родъ тюрьмы, въ которой душа уменьшается». (Заимствую эту цитату изъ книжки Эд. Гарнье «Les nains et les géants»). Но дѣло не въ остроумномъ сопоставленіи фабрикаціи уродовъ съ одной стороны и рабства съ другой, а въ дѣйствительной связи этихъ двухъ явленій. И Гюго правъ, когда, начиная разсказъ о компрачикосахъ—фабрикантахъ уродовъ XVII вѣка, замѣчаетъ: «Для всеобъемлющаго взгляда исторіи компрачикосы связаны съ огромнымъ фактомъ рабства». Компрачикосы покупали и похищали дѣтей и дѣлали изъ нихъ людей, «законъ существованія которыхъ былъ чудовищно простъ: позволеніе страдать, приказаніе забавлять». Для производства этихъ существъ была выработана цѣлая наука, и Гюго приводитъ подлинный рецептъ, по которому былъ изуродованъ Гвинпленъ: «Bucca fissa usque ad aures, genzivis denudatis, nasoque murdridato, masca eris, et ridebis semper».

Et ridebis semper... Нужна была вся необузданная роскошь фантазіи Гюго, чтобы создать этотъ своего рода апсеевозъ шута,—этого лорда по рожденію, проданнаго и изуродованнаго въ дѣтствѣ; этого великодушнаго и даровитаго человѣка, потѣшающаго толпу своимъ вѣчнымъ видимымъ смѣхомъ, когда въ душѣ его невидимо волнуются высокія и грозныя чувства; этого балаганнаго шута по неволѣ, вновь становящагося лордомъ и вызывающаго въ палатѣ лордовъ неистовый смѣхъ не содержаніемъ своей громовой рѣчи, а все тою же печатью отверженія на своемъ лицѣ: et semper ridebis...

Нѣтъ, не факелъ веселья передавали шуты изъ поколѣнія въ поколѣніе. Веселье, отъ нихъ исходящее, тонетъ въ морѣ необузданной жестокости съ одной стороны, сдержанной мести съ другой....

Digitized by Google

Въ нашей художественной литературѣ нѣтъ яркихъ изображеній шутовъ. Есть шуты во многихъ историческихъ драмахъ и романахъ, но это фигуры, такъ сказать, аксессуарныя и блѣдныя по самому замыслу авторовъ. Я припоминаю лишь очень немного произведеній, въ которыхъ дѣло стоитъ или могло бы стоять иначе. Это, во первыхъ, «Ледяной домъ» Лажечникова, гдѣ есть и извѣстныя родины козы шута Педрилло и еще болѣе извѣстная свадьба шута Кульковскаго-Голицына. Но занятый борьбою Волынскаго съ Бирономъ и любовной исторіей княжны Маріорицы, Лажечниковъ отодвинулъ шутовъ далеко отъ центра романа и касается ихъ лишь внѣшнимъ образомъ. Въ драмѣ г. Аверкіева «Слобода Неволя» скоморохъ Угаръ, по прозванью Бѣсъ, стоитъ, пожалуй, въ центрѣ, рядомъ и даже въ соперничествѣ съ самимъ Иваномъ Грознымъ, но все это произведеніе слишкомъ слабо, чтобы на немъ останавливаться.

Интересны «Плодомасовскіе карлики» покойнаго Лѣскова, представляющіе собою нѣчто рѣзко отличное отъ всего, что мы до сихъ поръ видѣли. Напомню одинъ изъ разсказовъ карлика Николая Афанасьевича. Его барыня, Марѳа Андреевна Плодомасова, познакомилась съ генеральшей Вихіоровой, у которой была карлица, «чухоночка» Метта Ивановна, еще меньше его, плодомасовскаго карлика. Говорили, что она карлица «не натуральная, а свинцомъ будто опоенная». Какъ бы то ни было, но госпожа Плодомасова захотѣла купить у генеральши Вихіоровой Метту Ивановну, а та въ свою очередь хотѣла пріобрѣсти Николая Афанасьевича, и обѣ съ одинаковою цѣлью: женить уродцевъ и получить отъ нихъ такихъ же дѣтей. Но ни та, ни другая не хотѣла уступить, ссорились, расходились, опять сходялись и забавлялись уродцами вмѣстѣ. Вотъ одна изъ забавъ. «Были у насъ—разсказываетъ Николай Афанасьевичъ—медвѣжьи платьица, изъ коричневой фланели, вродѣ чехловъ, сшиты. Всунутъ насъ, бывало, въ нихъ, будто руку въ перчатку, ничего, кромѣ глазъ, и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, треплются. Но въ этихъ платьицахъ насъ на улицу не посылали, потому тамъ собаки—разорвать могли, а велятъ, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофей кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна прекильныя были, даромъ что женщина, но я, бывало, если имъ хорошенько подножку дамъ, онѣ сейчасъ и слетятъ, но только, впрочемъ, я это рѣдко дѣлалъ; я всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что мнѣ ихъ жаль было по ихъ женскому полу, да и генеральша сейчасъ, бывало, въ ихъ защиту, собачку болонку кличутъ, а та меня за голеняшки, а Марѳа Андреевна этого не снесутъ и разсердятся».

Все это и многое другое въ томъ же родѣ Николай Афанасьевичъ разсказываетъ съ умиленіемъ, какъ свѣтлое воспоминаніе.

Digitized by Google

Въ немъ нѣтъ и тѣни того мстительнаго чувства, которое мы видѣли въ Трибуле и Гвинпленѣ; но и преданность его очень отличается отъ преданности шута короля Лира, не говоря уже о мольеровскихъ слугахъ или тѣмъ паче Фигаро. Тѣ умѣли постоять за себя своей langue acérée и своимъ изворотливымъ умомъ. Николай же Аѳанасьевичъ рабъ насквозь, рабъ непринужденный. Безспорно такіе типы были возможны въ доброе старое время. Но подозрительно, что ни у одного изъ слушателей воспоминаній плодомасовскаго карлика не прорывается ни у одного скорбнаго или негодующаго замѣчанія, хотя бы въ томъ скромномъ родѣ, что хорошо, дескать, что это быльемъ поросло. Нѣтъ, умиленіе разсказчика передается слушателямъ и по поводу женитьбы уродца для приплода такихъ же уродцевъ, и по поводу того, что собака хватала его «за голеняшки» и т. д. Они радуются тому, какъ это тепло, «напотеплѣйше» выходитъ у него разсказъ о претерпѣнныхъ имъ издѣвательствахъ, совершенно какъ бы то были добрыя дѣла, достойныя благодарной памяти. И авторъ, очевидно, стоитъ на той же идиллической точкѣ зрѣнія...

Есть у Лѣскова еще разсказъ «Скоморохъ Памфалонъ». Но это не самостоятельное произведеніе, а передѣлка старинной легенды, не художественное отраженіе жизни, а облеченная въ беллетристическую форму мораль: лучше быть скоморохомъ и забавлять гетеръ и пьяницъ шутовствомъ, но при этомъ имѣть доброе, отзывчивое сердце, чѣмъ удаляться въ пустыню отъ міра, хотя бы и съ возвышеннѣйшими цѣлями самосовершенствованія.

Скоморохъ Памфалонъ всегда веселъ, добръ и великодушенъ. Такой скоморохъ теоретически возможенъ, какъ возможенъ и уродецъ-шутъ, съ умиленіемъ вспоминающій объ томъ, что его хотѣли женить для приплода и натравляли на его «голеняшки» собаку. Но Памфалонъ настолько все-таки рѣдкость, что на него одного во всемъ мірѣ было указано пустыннику Ермію, когда тотъ пожелалъ видѣть людей, «иже добре Богу угожаютъ и въ книгу жизни вѣчной вписаны». А что касается благодарности за искусанныя голеняшки, такъ, я думаю, никто не усомнится признать ее рѣдкимъ явленіемъ. Вообще говоря, атмосфера около шута и въ его собственной душѣ должна быть много сложнѣе и, по крайней мѣрѣ, не безъ мрачныхъ чертъ. А у насъ есть писатель, къ которому всегда слѣдуетъ обращаться, когда идетъ рѣчь о сложныхъ и мрачныхъ явленіяхъ душевной жизни. Это—Достоевскій. Вотъ кто нашелъ бы широкое поприще для своего жестокаго таланта въ вышеупомянутой исторіи шута-колдуна-раба Эвна, становящагося царемъ Антіохомъ и заводящаго своего собственнаго шута. Вотъ кто и плодомасовскихъ карликовъ изобразилъ бы, можетъ быть, (однако, именно только можетъ быть, потому что тутъ могли замѣшаться сторонніе мотивы) не по лѣсковски. Но у Достоевскаго нѣтъ шутовъ... Да, форменныхъ, настоящихъ шутовъ, какъ Іорикъ,

Digitized by Google

Трибуле, плодомасовскіе карлики и проч., у Достоевскаго нѣтъ. Но у него есть, напримѣръ, Ѳома Опискинъ («Село Степанчиково и его обитатели»).

Ѳома Ѳомичъ Опискинъ гдѣ-то служилъ, пробовалъ себя въ литературѣ, но ему ничто не удавалось и наконецъ онъ поступилъ къ нѣкоему генералу Крахоткину «въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ за куска генеральскаго хлѣба. Правда, впослѣдствіи, по смерти генерала, когда Ѳома сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ... что если онъ, Ѳома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и иныя живыя картины, то единственно, чтобы развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Ѳомы Ѳомича, въ этомъ случаѣ, подвергаются большому сомнѣнію». Во всякомъ случаѣ, съ перемѣною обстоятельствъ по смерти генерала Крахоткина, Ѳома Опискинъ «тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута и что на безлюдьи и Ѳома можетъ быть дворяниномъ». «Наверсталъ таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ подъ гнета, сама гнететъ. Ѳому угнетали — и онъ тотчасъ же ощутилъ потребность самъ угнетать; надъ нимъ ломались—и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться, онъ былъ шутомъ и тотчасъ же ощутилъ потребность завести и своихъ шутовъ».

По поводу Ѳомы Опискина Достоевскій предается нѣкоторымъ общимъ размышленіямъ и спрашиваетъ: «Увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и счастіе быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями,— увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ? Кто знаетъ, можетъ быть въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе раскаляется именно отъ этого же самаго униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно выростающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ, въ дѣтствѣ, гнетомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ?»

Въ томъ же «Селѣ Степанчиковѣ» фигурируетъ старикъ Ежевикинъ, играющій роль шута, по мнѣнію его дочери, ради нея; въ дѣйствительности же, «корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобы дать выходъ накопившейся злости.

Digitized by Google

Потребность насмѣшки и *язычка* была у него въ крови. Онъ карикатурилъ, напримѣръ, изъ себя самаго подлаго, самаго низкопоклоннаго льстеца; но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унизительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала его насмѣшка»...

Но не пора ли кончить? Читатель можетъ быть уже давно думаетъ, что книжка Газо совсѣмъ не такова, чтобы стоила по поводу ея вести столь пространную бесѣду. Это вѣрно, но я льщу себя надеждой, что читатель пробѣжалъ не безъинтересную страницу изъ исторіи смѣха...

Ник. Михайловскій.

Памяти Я. П. Полонскаго.

Въ 8-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1867 г. появилась статья Полонскаго «Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ». Статья посвящена полемикѣ съ Писаревымъ, по поводу вышедшихъ тогда I, III и V томовъ сочиненій послѣдняго. Тогдашняя редакція «Отечественныхъ Записокъ» (Краевскаго) сочла нужнымъ сопроводить статью Полонскаго слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Редакція помѣщаетъ предлагаемую статью изъ уваженія къ желанію ея автора объясниться со своимъ критикомъ. Что же касается собственныхъ отношеній журнала къ тому же критику, то они должны быть хорошо извѣстны читателямъ изъ прежнихъ статей Отеч. Записокъ». Редакціи понадобилось это примѣчаніе въ виду не только снисходительнаго, а мѣстами даже прямо почтительнаго отношенія поэта къ критику. Общій характеръ этого отношенія хорошо рисуется уже эпиграфомъ, который Полонскій взялъ для своей статьи изъ Бокля: «Честь и слава тѣмъ, кто, возражая противъ истины, предохраняютъ ее отъ усыпленья». Писаревъ «возражалъ противъ истины», то есть противъ того, что считалъ истиной Полонскій, но возражалъ, по мнѣнію поэта, такъ, что «предохранялъ истину отъ усыпленья». Поэтъ видѣлъ въ критикѣ умнаго, остроумнаго, даровитаго, искренняго, но чрезмѣрно увлекающагося юношу, самыми увлеченіями своими, однако, полезнаго,—потому что, писалъ Полонскій, «жизни еще много въ немъ, жаръ еще не простылъ и можетъ благотворно дѣйствовать на вялыхъ, сонныхъ моихъ соотечественниковъ». Съ другой стороны Полонскій отмѣчаетъ и то отсутствіе критики и то слѣпое преклоненіе передъ авторитетомъ, которыя такъ громилъ самъ Писаревъ, но которыми такъ страдали его поклонники. Къ этимъ слѣпымъ поклонникамъ Полонскій относятся

Digitized by Google

чрезвычайно презрительно. «Потерять ваше уваженіе для меня ничего не стоитъ,—писалъ онъ, обращаясь къ нимъ,—но я вовсе не желаю, прикинувшись существомъ безгласнымъ или пришибленнымъ, потерять уваженіе учителя», то есть Писарева. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что въ статьѣ Полонскаго есть только любезности по адресу Писарева. Напротивъ, воздавая должное его уму, таланту и искренности, Полонскій горячо и рѣзко возстаетъ противъ его эстетическихъ воззрѣній. Онъ говоритъ при этомъ много вѣрнаго, но много и наивнаго. Мы не будемъ разбираться въ этомъ спорѣ. Для насъ важно, во первыхъ, отмѣтить высокое безпристрастіе Полонскаго. Теперь не трудно отнестись къ Писареву безпристрастно, но въ 1867 г. онъ былъ для огромнаго большинства читающаго люда или идолъ, которому можно только молиться, или не то извергъ естества, не то задорный мальчишка. Полонскій не подался ни въ ту, ни въ другую сторону. Затѣмъ насъ интересуетъ та сторона статьи Полонскаго, которою оправдывается заглавіе: «Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ». Полонскій старается не только доказать ошибочность взглядовъ Писарева на искусство вообще и на поэзію въ частности. Въ своемъ желаніи защитить отъ нападокъ Писарева поэзію и возвеличить ее, онъ утверждаетъ, что самъ Писаревъ—«*во многомъ* не что иное, какъ прозаическій расцвѣтъ поэтическихъ сѣмянъ, разбросанныхъ въ лирическихъ произведеніяхъ» разныхъ поэтовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыхъ критикъ называлъ «микроскопическими поэтиками». Я подчеркнулъ слова «во многомъ», дабы обратить вниманіе читателя на ограниченіе, которое самъ Полонскій кладетъ своему тезису. Тезисъ этотъ въ общемъ, теоретическомъ видѣ, конечно, защитимъ, даже безъ приводимаго Полонскимъ показанія самого Писарева, «что, читая Гейне, онъ дошелъ до желанія изучать естественныя науки». Нужны особливо уродливыя условія воспитанія (въ широкомъ смыслѣ этого слова), чтобы въ числѣ ихъ не оказалось большаго или меньшаго вліянія лирической поэзіи. Но отсюда еще очень далеко до вполнѣ опредѣленныхъ «прозаическихъ цвѣтовъ поэтическихъ сѣмянъ». Между тѣмъ Полонскій съ удивительною наивностью беретъ какое нибудь положеніе Писарева и пріискиваетъ ему «поэтическое сѣмя» въ своихъ собственныхъ стихотвореніяхъ. Писаревъ—говоритъ онъ—врагъ всякихъ авторитетовъ и кумировъ, а я вотъ что писалъ уже давно, и, приведя свое стихотвореніе «Кумиръ», заключаетъ: «Эти шестнадцать строкъ—экстрактъ или краткая формула всего, что по этому поводу говоритъ или думаетъ г. Писаревъ». Напомнивъ свое стихотвореніе: «И я сынъ времени», оканчивающееся словами:

И разбивай одни преданья,
Остатки формъ безъ содержанья,

Полонскій прибавляетъ: «Такимъ образомъ, если г. Писаревъ разбилъ перомъ своимъ хоть одну форму безъ содержанія, я не

Digitized by Google

могу ему не сочувствовать и въ этомъ случаѣ: онъ какъ бы только исполнитель того, что ему завѣщено моимъ юношескимъ поэтическимъ вдохновеніемъ». Или вотъ такое ироническое замѣчаніе: «Совѣтуетъ ли посвященный въ тайны всѣхъ наукъ г. Писаревъ намъ, бѣднымъ поэтамъ (и мнѣ въ ихъ числѣ) *подумать да поучиться*, я потому только и принимаю съ низкимъ поклономъ совѣтъ его, что раньше, чѣмъ что нибудь слышалъ о г. Писаревѣ, разумѣлъ справедливость этого наставленія и писалъ:

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки—и *только при немъ*
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ».

Нѣкоторыя изъ этихъ сопоставленій особенно наивны. Такъ, по поводу статьи Писарева «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова», Полонскій пишетъ: «Г. Писаревъ не любитъ вялыхъ, *лишенныхъ крови*, не любитъ резонеровъ, предпочитающихъ самой жизни свои любимыя идейки и теоріи, но теперешніе молодые люди, занятые естественными науками, еще могутъ имѣть кой какое право не замѣтить или пренебречь чувствомъ дѣвушки. Въ мое время эти передовые молодые люди (прости Господи имъ великое прегрѣшеніе!) читали Гегеля, Канта и даже Шеллинга, и вотъ что подъ моимъ перомъ говоритъ влюбленная дѣвушка про одного такого жильца, поселившагося у нихъ въ домѣ:

А онъ сидитъ, да книги все читаетъ,
Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!»

Къ сожалѣнію, Полонскій не указываетъ стихотворенія, изъ котораго взяты эти двѣ строки, а я его не помню. Но и двухъ строкъ достаточно, чтобы видѣть, какъ наивно понималъ вещи поэтъ, думая, что характеризующаяся этими двумя строками дѣвушка соотвѣтствуетъ Писаревскому идеалу женщины...

Я потому такъ долго остановился на этомъ забытомъ эпизодѣ изъ исторіи нашей литературы, что въ немъ хорошо отражаются двѣ выдающіяся черты не только поэтической, но и вообще духовной личности только что скончавшагося поэта. Некрологи его были напечатаны во всѣхъ газетахъ, и я не вижу надобности воспроизводить ихъ на этихъ страницахъ. Не вижу надобности и знакомить читателей съ поэзіей Полонскаго во всѣхъ подробностяхъ. Въ 1896 г. вышло въ пяти томахъ собраніе его стихотвореній, изъ которыхъ первыя относятся къ 1845 году. Полвѣка пѣлъ Полонскій, и за эти полвѣка характеръ его музы, мечтательной и нѣсколько блѣдной, не подвергался значительнымъ колебаніямъ, не подвергался и большимъ разногласіямъ въ оцѣнкѣ критики. Талантъ не ровный и не первоклассный, но настоящій, истинно поэтическій,—съ этимъ всякій согласится. Некрологи прибавляютъ къ этому, что покойный былъ прекрасный, добрый человѣкъ. Я слишкомъ мало зналъ по-

Digitized by Google

эта лично, чтобы имѣть право непосредственно отъ себя присоединить похвальное слово къ этому общему мнѣнію. Но въ вышеприведенномъ эпизодѣ сказывается и для людей, никогда не видѣвшихъ Полонскаго, прекрасная черта его души, отразившаяся и въ его поэзіи.

Полонскій не былъ рожденъ вождемъ, человѣкомъ воздѣйствія на толпу, но онъ не былъ и человѣкомъ толпы. Слишкомъ пассивный и недостаточно оригинальный, чтобы вести за собой людей, онъ не былъ и настолько самостоятеленъ мыслью, чтобы не поддаваться преходящимъ вѣяніямъ. Тѣмъ ярче выступаетъ его рыцарски благородный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ противопоставлялъ свое личное чувство чувствамъ толпы, изъ кого бы она ни состояла—изъ враговъ или изъ друзей. Это мы и видимъ въ его полемикѣ съ Писаревымъ (Повторяю, чтобы правильно судить объ этой полемикѣ, надо перенестись мыслью въ 1867 годъ, а не съ теперешней точки зрѣнія смотрѣть). И это не единичный случай. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «О Н. А. Некрасовѣ»:

Я помню, былъ я съ нимъ знакомъ
Въ тѣ дни, когда, больной, онъ говорилъ съ трудомъ,
Когда, гражданству насъ уча,
Онъ словно вспыхивалъ и таялъ, какъ свѣча,
Когда любить его могли
Мы всѣ, лишенные даровъ и благъ земли...
Передъ дверями гроба онъ
Былъ бодръ, невозмутимъ,—былъ тѣмъ, чѣмъ сотворенъ:
Съ своимъ поникнувшимъ челомъ
Надъ ріемой—онъ глядѣлъ бойцомъ, а не рабомъ.
И вѣрилъ я ему тогда.
Какъ вѣщему пѣвцу страданій и труда.
Теперь пускай кричитъ молва,
Что это были все слова,—слова,—слова,
Что онъ лишь тѣшился порой
Литературною игрою козырной,
Что съ юныхъ лѣтъ его грызетъ
То зависть жгучая, то ледяной расчетъ.
Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой;
Ей нипочемъ сказать уму:
За то, что ты свѣтилъ, иди скорѣй во тьму...
Молва и слава—два врага;
Молва мнѣ не судья, и я ей не слуга.

Чтобы оцѣнить это не совсѣмъ удачное по формѣ, но дышащее гордой силой стихотвореніе, надо опять-таки принять въ соображеніе обстоятельства: тотъ литературный лагерь, изъ котораго даже доселѣ извергаются при случаѣ потоки грязи на Некрасова, всегда считалъ Полонскаго своимъ...

Еще ярче рыцарски благородный характеръ Полонскаго сказывается въ стихотвореніи «Литературный врагъ»:

Господа! я нынче все бранить готовъ.
Я не въ духѣ,—и не въ духѣ потому,

Digitized by Google

Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
Изъ за фразы осужденъ идти въ тюрьму.

Признаюсь вамъ, не изъ нѣжности пустой
Чуть не плачу я,—а просто потому,
Что поцавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.

Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ;
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
Нѣтъ!—мы были безкорыстные враги!

Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я сбирался безпощаднымъ быть врагомъ,
Поражая безпощаднаго врага;
Но—тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.

Передъ этою защитой я—пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы.

Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
А не сила неподкупнаго пера.

Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ;
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не нахалъ.

Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Если бъ узника, да вздумалъ уличать!
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной,
И я долженъ поневолѣ замолчать.

Онъ страдаетъ оттого, что есть семья,
Я страдаю оттого, что слышу смѣхъ...
Но что значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ!

Нѣтъ борьбы, и—ничего не разберешь,
Мысли спутаны случайностью слѣпой,
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.

Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра,
Не за счастье буду пить я,—буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера!

Стихотвореніе это интересно и по формѣ. Рядомъ съ такими прекрасными, сильными стихами, какъ, напримѣръ, два послѣдніе куплета, мы встрѣчаемъ здѣсь странно неуклюжія и не поэтическія строки, въ родѣ «не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ» или

Digitized by Google

«потому что я боецъ, а не нахалъ» или эти даже непонятныя — «онъ страдаетъ, оттого что есть семья, я страдаю оттого, что слышу смѣхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ этихъ некрасивыхъ оборотовъ отдаетъ какою-то дѣтскою наивностью, которая и составляетъ вторую отличительную черту поэтической физіономіи Полонскаго.

И не только поэтической,—мы видѣли ее и въ его полемикѣ съ Писаревымъ. Но если въ данномъ случаѣ, въ стихотвореніи «Литературный врагъ», наивность совпадаетъ съ неуклюжестью и непоэтичностью, а наивность составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ духовной личности покойнаго поэта, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ его стихотвореніяхъ вообще не было поэзіи и красоты. Дѣло въ томъ, что есть наивность и наивность. Сама по себѣ наивность, конечно, не исключаетъ поэзіи, но есть наивность умѣстная и не умѣстная, точнѣе — наивность, подходящая къ данному лицу и не подходящая. Наивность, проникающая «Кузнечика музыканта», не мѣшаетъ быть этой поэмѣ граціознымъ поэтическимъ созданіемъ, какъ не мѣшаетъ она красотѣ многочисленныхъ стихотвореній фантастическихъ или одушевляющихъ природу или, наконецъ, тѣхъ маленькихъ житейскихъ картинокъ, которыя пользуются по истинѣ всероссійскою извѣстностью («Въ одной знакомой улицѣ», «Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ», «За окномъ въ тѣни мелькаетъ» «Подойди ко мнѣ старушка», «На устахъ ея улыбка»). Совсѣмъ другое видимъ мы въ стихотвореніи «Литературный врагъ». Полонскій, конечно, не былъ «нахаломъ», но не былъ онъ и «бойцомъ». Онъ и самъ это понималъ и выразилъ, напримѣръ, въ прекрасномъ стихотвореніи «И. С. Аксакову». И когда онъ беретъ на себя совершенно несвойственную его благодушной и мечтательной натурѣ роль «бойца» и «безпощаднаго врага»,—наивность пробивается наружу некрасивыми, непоэтическими штрихами, портящими впечатлѣніе стихотворенія, навѣяннаго благороднымъ порывомъ. Мало того, благодаря этой наивности, изъ-подъ основной темы стихотворенія, темы, естественно вызывающей уваженіе къ поэту, выглядываютъ какъ будто какіе-то мелкіе счеты; совершенно также, какъ и въ полемикѣ съ Писаревымъ, проникнутой тономъ высокаго безпристрастія, благодаря наивности, проскальзываютъ ноты, напоминающія споръ о томъ, кто раньше сказалъ «э!»

У Полонскаго есть другое стихотвореніе, посвященное узнику, собственно узницѣ. Здѣсь Полонскій не принимаетъ позы «бойца» или мыслителя и вообще является только со стороны своего благороднаго, любящаго сердца. И стихотвореніе это безупречно и по формѣ, въ особенности, если сопоставить его съ «Литературнымъ врагомъ»:

Что мнѣ она?—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

Digitized by Google

Спать не даетъ, оттого что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
Вижу я—своды, окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди.
Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!..

Какъ уже сказано, я не претендую на полную и подробную оцѣнку литературнаго наслѣдства Полонскаго. Но думаю, что если читатель пересмотритъ это наслѣдство съ точки зрѣнія указанныхъ двухъ чертъ,—рыцарскаго благородства и наивности,—то для него значительно выяснится образъ поэта, бездыханное тѣло котораго недавно провожали по петербургскимъ улицамъ и мы, писатели самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, и представители высшей администраціи, и свѣтскія дамы, и учащаяся молодежь.

Н. М.

Новыя книги.

Марко Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій въ восьми томахъ. Цѣна 10 р. Саратовъ. 1894—1898.

Сочиненія Марка-Вовчка (г-жи Марковичъ) въ свое время пользовались не только извѣстностью, но и значительной долей популярности. Ея малороссійскіе разсказы (Народні оповідання) переводились на русскій языкъ Тургеневымъ; ея произведеніями восторгался Писаревъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ Добролюбовъ написалъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ статей; критика крѣпостническаго лагеря предавала ихъ анаѳемѣ—словомъ дѣло обстояло такъ, какъ оно обстояло всегда при появленіи вещей талантливыхъ и въ большей или меньшей степени глубоко захватывающихъ важнѣйшіе интересы своего времени. Каждымъ своимъ очеркомъ Марко Вовчокъ поднимала тревожившій всѣхъ вопросъ о томъ, что представляетъ изъ себя народъ русскій и достоинъ ли онъ свободы?

Digitized by Google

Да, достоинъ, отвѣчала писательница и продолжала свою работу въ духѣ «Сороки воровки», «Антона Горемыки», «Записокъ охотника» и т. д. О степени художественности ея произведеній спорили, вообще говоря, очень мало, а если такой споръ и возникалъ, то опять таки какъ добавленіе къ важнѣйшему—о «достоинствѣ» народа, такъ какъ представлялось очевиднымъ; что нехудожественность обусловливаетъ собою и неправду.

Напомнимъ читателю кое что изъ статьи Добролюбова. «Новая книжка «Народныхъ разсказовъ» проникнута тѣмъ же характеромъ и тенденціями, какъ и прежнія «Народні оповиданія». *Великія силы*, таящіяся въ народѣ и разные способы ихъ проявленія подъ вліяніемъ крѣпостного права—вотъ что видимъ мы въ этихъ разсказахъ. Тонъ автора обрывисто пѣвучій, характеръ разсказа задумчивый и грустный, второстепенныя подробности, *полныя чистой и сильной поэзіи* въ описаніяхъ и бѣглыхъ замѣткахъ—все это осталось таково же, какъ и въ прежнихъ разсказахъ». Конечно, это очень большая похвала и сама по себѣ взятая, и несомнѣнно еще большая, разъ она принадлежитъ такому суровому критику, какъ Добролюбовъ, который вообще не долюбливалъ комплиментовъ. Онъ, впрочемъ, нисколько не увлекается и превосходно видитъ съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣетъ дѣло. Характерно, съ этой точки зрѣнія, самое заглавіе его статьи: «*Черты для характеристики* русскаго простонародья». Замѣтьте: только «черты», и этого Добролюбовъ не забываетъ ни на минуту. Онъ пишетъ: «мы беремъ книжку Марка Вовчка и напомнимъ вамъ нѣсколько разсказовъ, въ ней изображенныхъ... Надо замѣтить прежде всего, что характеры эти не воспроизведены со всей художественной полнотою, а только лишь *намѣчены* въ коротенькихъ разсказцахъ Марка Вовчка. Мы не можемъ искать у него эпопеи нашей народной жизни,—это было бы уже слишкомъ много. Такой эпопеи мы можемъ ожидать въ будущемъ, а теперь покамѣстъ нечего еще и думать о ней. Сознаніе великой роли народныхъ массъ въ экономіи человѣческихъ обществъ едва начинается у насъ и, рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ, появляются серьезныя, искренне и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ М. Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, разсказывается безъ поясненія его внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ со всѣмъ строемъ жизни. Но... для насъ довольно и того, что въ разсказахъ Марка Вовчка мы видимъ желанье и умѣнье прислушиваться къ еще отдаленному для

Digitized by Google

насъ, но сильному въ самомъ себѣ гулу народной жизни; мы чуемъ въ нихъ присутствіе русскаго духа, встрѣчаемъ знакомые образы, узнаемъ ту логику, тѣ требованія и наклонности, которыя мы и сами когда-то замѣчали, но пропускали безъ вниманія. Вотъ почему и дороги для насъ эти разсказы, вотъ почему и цѣнимъ мы такъ высоко ихъ автора. Въ немъ видимъ мы живое вниманіе и сочувствіе, въ немъ находимъ мы *широкое пониманіе* той жизни, на которую смотрятъ такъ узко и убого многіе ихъ образованнѣйшихъ нашихъ экономистовъ, славянистовъ, юристовъ, либераловъ, нувеллистовъ и пр., и пр.»...

Что Добролюбовъ подразумѣвалъ подъ „широкимъ пониманіемъ" народной жизни извѣстно всѣмъ и каждому. Больше всего возмущалъ его взглядъ на народъ, какъ на безличную массу, живущую лишь стихійными инстинктами и коллективно физіологическими процессами. Оттого-то онъ съ особенной любовью отмѣчалъ проявленія личнаго начала, прощая даже его заблужденія, какъ, напр., при разборѣ характера Ефима изъ разсказа М. Вовчка „Купеческая дочка". Онъ вѣритъ, что это „личное начало" существуетъ, что оно только притаилось, запуганное внѣшними обстоятельствами крѣпостного права и гнетущей мыслью о невозможности для человѣка сдѣлать хоть что нибудь и хоть чѣмъ нибудь да заявить о самостоятельности своей мысли и чувства. Въ то же время онъ старается доказать, (хотя бы чисто апріорнымъ путемъ), что отсутствіе подобнаго „начала" было бы вещью совершенно необъяснимой и даже противоестественной, что оно есть, что его не можетъ не быть, что оно должно быть, наконецъ. Онъ предсказываетъ ему полное и разумное развитіе въ будущемъ, когда исчезнетъ не только внѣшній гнетъ крѣпостного права, но и всевозможныхъ его остатковъ и переживаній. Поэтому главная задача его замѣчательной статьи сводится къ тому, чтобы избавить разсказъ М. Вовчка отъ нареканій въ идеализаціи, прикрашиваніи, жоржъ-зандизмѣ и пр., доказать, что они не „фантазія", не «идиллія въ соціальномъ вкусѣ», не «мечты будущаго золотого вѣка», а—плоть отъ плоти настоящей дѣйствительной жизни, той жизни, которой не хотятъ видѣть практическіе люди съ судачьими глазами, «гуманными взглядами и тайными симпатіями къ крѣпостнымъ отношеніямъ». Въ концѣ концовъ, резюмируя свой разборъ разсказовъ Вовчка, онъ говоритъ: «Мы можемъ еще разъ обратить вниманіе читателей на мысль, развитіе которой составляетъ главную задачу этой статьи,—мысль о томъ, что народъ способенъ ко всевозможнымъ возвышеннымъ чувствамъ и поступкамъ наравнѣ съ людьми всякаго другого сословія, если еще не больше, и что слѣдуетъ строго различать въ немъ по-

Digitized by Google

слѣдствія внѣшняго гнета отъ его внутреннихъ и естественныхъ стремленій, которыя совсѣмъ не заглохли, какъ многіе думаютъ. Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и съ надеждою на его добрыя расположенія, можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія, свѣжія силы и предохранить ихъ отъ того искаженія, какому они такъ часто подвергаются при настоящемъ порядкѣ вещей».

Добролюбовъ писалъ свою статью въ 1859 г. Кромѣ «Народні оповиданя», на которыя онъ, впрочемъ, не ссылается, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего шесть разсказовъ М. Вовчка, среди которыхъ находился дѣйствительный перлъ ея творчества—разсказъ «Игрушечка». Но характеристика ея дарованія, данная Добролюбовымъ, и теперь остается во всей своей силѣ. Все же, кажется намъ, можно кое что добавить къ ней на основаніи хотя бы только позднѣйшаго матеріала.

Конечно, упрекъ Добролюбова, что «характеры» въ разсказахъ М. Вовчка не закончены и не додѣланы, что писательница только намѣчаетъ, а не изображаетъ съ художественной полнотой, долженъ быть примѣненъ и къ дальнѣйшей ея дѣятельности,—но уже возведенный въ квадратъ. Часто она начинаетъ просто скользить по поверхности описываемыхъ ею явленій, очень и очень мало вдумываясь во внутренній смыслъ того, что выходитъ изъ подъ ея талантливаго пера. Попалась ей какъ-то въ высшей степени интересная тема о «тоскѣ», одолѣвающей русскаго человѣка,—тоскѣ странной, «какъ будто» безпричинной, толкающей, однако, свою жертву на самыя ужасныя преступленія, жгущей ее на медленномъ огнѣ, заставляющей радоваться своему паденію и просящей лишь объ одномъ—гибели;—и что же? г-жа Марковичъ написала рядъ очень живыхъ и талантливыхъ сценокъ («Лихой человѣкъ») во вкусѣ Слѣпцова, связала ихъ, какъ водится, любовной интригой, взявши для того «двухъ мужчинъ и одну женщину» и оставила своего лихого, тоскующаго человѣка совершенно въ тѣни.

«Пріѣхалъ судъ, привели Петра къ допросу.—Ты убилъ жену?—Убилъ.—За что ты убилъ ее?—Тяжко было.—Или вы жили несогласно? Не любилъ ты ее?—Я ее любилъ.—Она тебя не любила?—Любила.—Что же, вы поспорили?—Нѣтъ, не спорили.—За что же ты ее убилъ?—Тяжко стало, не вынесъ (Люди уже заявили, что на Петра иногда «находитъ». Баринъ хлопоталъ, дарилъ и просилъ за него).—Ты боленъ?—Я здоровъ.—Отчего же ты въ бѣгахъ бывалъ?—Тяжко было.—Не подозрѣваешь ли ты человѣка, который тебя испортилъ?—Нѣтъ такого человѣка».

Digitized by Google

Петра сослали на поселеніе и по дорогѣ отъ тоски онъ умеръ. Да откуда же эта тягость въ человѣкѣ? Что это—болѣзнь, навожденіе или что нибудь болѣе широкое, общее, привольно разлившееся по лицу земли родной? Изъ разсказа мы ни словомъ не узнаемъ ни о дѣтствѣ Петра, ни о его прежней жизни; онъ является передъ нами совсѣмъ готовымъ съ своей безысходной тоскою. Правда, г-жа Марковичъ подчеркиваетъ его ревность къ женѣ, но вѣдь на Петра «находитъ», и раньше въ такія минуты всѣ его сторонились.

Еще болѣе поверхностно намѣчены въ высшей степени интересныя, по замыслу, фигуры трехъ провинціальныхъ барышень эпохи перелома—въ сравнительно большой повѣсти: «Жили да были три сестры». Изображеніе старой дореформенной «подоплеки» несомнѣнно удалось автору, но по новымъ наслоеніямъ онъ только скользнулъ. Изъ трехъ героинь въ большей или меньшей степени рельефно вырисована лишь одна, самая элементарная—женщина-куколка, вѣчный ребенокъ, которому нужна постоянная нянька, чтобы держаться за ея подолъ и прятаться за него всякій разъ, какъ приближается или опасность, или просто что нибудь новое. А внутренней жизни серьезной умной Сони и третьей сестры мы не видимъ совсѣмъ. Объ этомъ приходится только жалѣть, потому что замыселъ былъ, дѣйствительно, прекрасенъ, полонъ значенія и смысла. Въ самомъ дѣлѣ: это пробужденіе самосознанія въ человѣкѣ, эта тоскливая неудовлетворенность спокойнымъ довольствомъ, эти безотчетные порывы куда-то,—вставленные въ рамку дореформенной обстановки, ея дикихъ баши-бузукскихъ нравовъ и янычарскаго міросозерцанія, давали матеріалъ для широкой захватывающей картины. Г-жа Марковичъ ограничилась эскизомъ, хотя, повторяемъ, эскизомъ очень талантливымъ, въ которомъ превосходно выступаютъ основныя черты ея дарованія: образный языкъ, яркость картины и положеній, легкій, смѣющійся, зачастую переходящій въ шаржъ юморъ, только сильнѣе оттѣняющій трагическую сторону разсказа, и, быть можетъ, кажущаяся, поразительная легкость творчества. Все это на лицо; но та серьезность отношенія къ жизни, которая прежде такъ подкупала Добролюбова, проскальзываетъ лишь мѣстами, да и то скорѣе въ замыслѣ, чѣмъ въ исполненіи.

Въ заключеніе скажемъ, что, вообще, совершенно согласные съ оцѣнкой дарованія М. Вовчка, сдѣланной нашимъ знаменитымъ критикомъ, мы расходимся съ нимъ лишь въ одномъ пунктѣ: мы не стали бы такъ рѣшительно, какъ онъ, отрицать *всякую* идеализацію въ «разсказахъ изъ русскаго народнаго быта». Добролюбовъ, конечно, превосходно зналъ, что онъ дѣлаетъ, и видѣлъ, что признать хоть нѣкоторую

Digitized by Google

идеализацію значило прямо сыграть въ руку разныхъ гуманистовъ съ крѣпостническими влеченіями души. Поэтому-то онъ такъ и настойчивъ въ своемъ отрицаніи. Надо было признать за несомнѣнный и притомъ совсѣмъ не исключительный фактъ порывъ къ свободѣ и самостоятельности въ забитой крѣпостной душѣ и, даже болѣе того, возможность проявленія этого порыва среди самой невозможной обстановки. Насчетъ этого мы находимся въ условіяхъ болѣе льготныхъ. Но что г-жа Вовчокъ идеализируетъ и торопится воплотить въ живыя формы свои эмансипаторскія стремленія—это несомнѣнно. Мы не упрекаемъ ее за это—напротивъ, такъ какъ мы твердо помнимъ, что идеализація идеализаціи рознь. Ничего невѣроятнаго въ разсказахъ Марка Вовчка нѣтъ, но *возможность* часто превращается въ нихъ въ *дѣйствительность*. Она прибѣгаетъ къ извѣстному пріему Жоржъ Занда и расчищаетъ путь своимъ героинямъ, говоря столько же каковы онѣ, сколько и то, какими онѣ должны быть. Когда ея Маша, напр., въ теченіе чуть ли не десяти лѣтъ упорствовала въ своемъ нежеланіи идти на барскій дворъ въ число дворни, и это упорство совершенно счастливо сходитъ ей съ рукъ, мы не можемъ видѣть въ этомъ подлинной фактической правды жизни, имѣвшей вполнѣ опредѣленные взгляды на непокорство, но что такое нежеланіе возможно, искренне и глубоко, и вполнѣ естественно—въ этомъ мы не сомнѣваемся. Посмотрите далѣе, какое огромное значеніе придаетъ г-жа Марковичъ любви (какъ высшему проявленію личной самостоятельности) въ жизни своихъ героевъ и героинь изъ крѣпостного простонародья. По этому поводу приходится сказать то же самое, что и по поводу непокорства Маши: слишкомъ много цвѣтовъ. Тотъ, кто не любилъ и не любитъ индивидуально, тотъ, разумѣется, не человѣкъ—это святая истина, и чѣмъ напряженнѣе такая любовь, тѣмъ ярче выступаетъ на сцену человѣчность; но, опять таки, крѣпостное право и коннозаводческая точка зрѣнія бурмистровъ давали слишкомъ мало простора для прививки такихъ взглядовъ и чувствъ, и большая часть трагедій разыгрывалась на другой почвѣ. Самыя героини г-жи Марковичъ слишкомъ «воздушны» (Надежда, Катя, сестра, купеческая дочь, Таня и пр. и пр.) и, такъ сказать, прямолинейны въ своей бѣлоснѣжной чистотѣ, чтобы производить впечатлѣніе вполнѣ живыхъ лицъ: не мѣшало бы прибавить немного земли и песку къ создавшимъ ихъ мечтамъ—«возможности». Но такой идеализмъ симпатиченъ и, даже болѣе того, важенъ, потому что въ немъ какъ нельзя лучше отразилось свѣтлое настроеніе создавшей его эпохи. Вернется ли оно когда или нѣтъ, доподлинно неизвѣстно, но тому, кто или ему сочувствуетъ, или, по крайней мѣрѣ, не

Digitized by Google

смотритъ на него букой, или кому слишкомъ уже надоѣла современная въ большинствѣ случаевъ безполезная беллетристика, совѣтуемъ возобновить въ своей памяти произведенія Марка Вовчка: въ нихъ много интереснаго, талантливаго и имѣющаго на себѣ подлинную печать своей эпохи.

Ѳ. Е. Ромеръ. Сказки и правда. Повѣсти, разсказы и статьи. Москва. 1898 г.

Какую собственно цѣль преслѣдовалъ г. Ромеръ, сброшюровавъ воедину три разсказа, одинъ клочекъ своихъ университетскихъ воспоминаній и статейку о задачахъ (въ сущности, о „заблужденіяхъ") литературной критики—мы не знаемъ. Просто, должно быть, „такъ", или ровно съ такимъ же достаточнымъ основаніемъ, съ какимъ являются на свѣтъ Божій сотни подобныхъ же отдѣльныхъ изданій, въ достаточной степени торопливыхъ, въ значительной—неряшливыхъ и въ огромной степени ненужныхъ.

Кромѣ перваго небольшого разсказа („Послѣдній этапъ"), написаннаго тепло и просто, другія беллетристическія экзерциціи г. Ромера не заслуживаютъ ни особеннаго, ни не особеннаго вниманія со стороны читателя. Они холодны, растянуты и невыносимо скучны, особенно послѣдній („Жизнь или сонъ"), самый языкъ коего какой-то странный, „подпрыгивающій", а стиль съ его потугами на юморъ, остроуміе и даже сарказмъ... Беллетристика не для г. Ромера и онъ не для беллетристики, и мы посовѣтовали бы имъ попросту разойтись отнынѣ и навсегда, если бы не вспомнили того обстоятельства, что г. Ромеръ пишетъ уже 36 лѣтъ, и, слѣдовательно, всякіе совѣты для него безполезны.

Но, по крайней мѣрѣ, желательно, чтобы человѣкъ почтеннаго возраста и умудренный опытомъ жизни высказывалъ сужденія, если и не основательныя (что уже свыше дается), то все же осторожныя и не гонялся бы за хлесткими фразами и эпитетами, по поводу которыхъ онъ и самъ неоднократно завѣряетъ, что они для него „невозможны". Къ сожалѣнію, г. Ромеръ и здѣсь не на высотѣ своего положенія, и ироническая мудрость десятилѣтій прошла для него, очевидно, совершенно безслѣдно. Его разсужденія о задачахъ литературной критики производятъ смѣшанное впечатлѣніе недодуманности, раздражительности и, главное, полной бездоказательности, точно онъ торопится свести съ кѣмъ-то старые счеты и наговорить по адресу своего противника какъ можно больше непріятныхъ словъ. Можетъ ли, напр., человѣкъ, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти и хотя бы самымъ только по-

Digitized by Google

верхностнымъ способомъ знакомый съ ходомъ нашего литературнаго развитія, утверждать слѣдующее: „Подвиги свои публицистическая школа въ нашей критикѣ начала съ того, что, сразу похеривъ всю стихотворную поэзію (!) и пренебрегая даже такими ея представителями, какъ Майковъ, Фетъ, Полонскій, Мей и пр., она создала въ замѣнъ литературу обличительную (грозу становыхъ и городничихъ), этнографически-тенденціозную (Рѣшетниковъ и народники), да еще „Свистокъ".

Разсуждать такъ—значитъ писать столъ черезъ „ять" и дѣлать четыре ошибки въ трехъ-буквенномъ словѣ. Тутъ что ни слово, то или недоразумѣніе, или злоумышленное преувеличеніе. *Вся* стихотворная поэзія никогда «похерена» не была, особенно тѣми „главами публицистической школы", которыхъ имѣетъ въ виду г. Ромеръ, т. е. Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ. На Пушкина возсталъ одинъ Писаревъ (и то совсѣмъ не за стихотворную форму), статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ—восторженны, рецензія Добролюбова о его сочиненіяхъ почтительна. Далѣе, при всемъ нашемъ уваженіи къ публицистической критикѣ, мы думаемъ, что совсѣмъ не она создала обличительную литературу, существовавшую за сто лѣтъ до нея и опять-таки до нея достигнувшую своего апогея въ лицѣ Гоголя. И не наивно ли думать, что какая нибудь критика можетъ создать Некрасова или Щедрина. Талантъ можетъ кой чему научиться у критики, но отъ чести создавать таланты она рѣшительно отказывается. Еще: неужели наша обличительная литература была грозой только становыхъ и городничихъ? Будто бы? Значитъ „Ревизоръ", „Записки Крупова", «Губернскіе очерки» были написаны для того, чтобы испугать градоправителей и становыхъ?

Какъ угодно, а тутъ что-то неладно. И неладно именно то, что г. Ромеръ злоумышляетъ, что въ его словахъ не простота, которая, впрочемъ, по пословицѣ можетъ быть и хуже воровства, а нѣкоторое раздраженное ехидничество. Не сталъ бы онъ утверждать въ противномъ случаѣ, что „художественное чутье новыхъ критиковъ выразилось въ озлобленномъ отрицаніи „Войны и Мира" Л. Н. Толстого, „Отцовъ и дѣтей" Тургенева, *всего* Достоевскаго и *всего* Писемскаго огуломъ",—такъ какъ вспомнилъ бы, что писалъ Добролюбовъ объ „Униженныхъ и оскорбленныхъ", а Писаревъ о Базаровѣ и „Тысячѣ душахъ". Только публицистическая критика и оцѣнила по достоинству Островскаго, Тургенева, Гончарова, Писемскаго, только она и заставила смотрѣть на ихъ произведенія, какъ на „чудеса литературнаго творчества", и во всякомъ случаѣ до сей поры мы никогда не нуждались въ ука

Digitized by Google

заніяхъ со стороны Европы на счетъ того, кого считать геніемъ и кого пустышкой.

Вотъ, если бы г. Ромеръ гонялся не за непріятными словами и хлесткими фразами, а дѣйствительно тщился бы познать истину, то съ нимъ можно было бы поговорить серьезно (тема очень интересная, хотя и захватанная) и мы сказали бы ему, что его точка зрѣнія на дѣло совершенно невѣрна. Трудно въ самомъ дѣлѣ и едва ли даже возможно установить понятіе „истинной критики". Критика претерпѣваетъ такія же измѣненія, какъ и само искусство (она, впрочемъ, и сама *искусство*, одиннадцатая муза, по словамъ Брандеса) въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и потребностей общественной среды. Всякая дѣйствительно критическая статья заключаетъ въ себѣ и эстетическій, и публицистическій, и научно-историческій элементы, но въ зависимости отъ анализируемаго матеріала и настроенія эпохи одинъ изъ этихъ элементовъ выступаетъ на первый планъ и загораживаетъ, но совсѣмъ не уничтожаетъ собою другіе. Мы сказали бы дальше г. Ромеру, что русская художественная литература, и именно въ высшихъ своихъ проявленіяхъ—у Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, сама, внутреннимъ своимъ содержаніемъ предопредѣлила публицистическій элементъ въ нашей критической литературѣ. Наши великіе художники всегда были моралистами и преслѣдовали нѣкоторыя цѣли,—даже Тургеневъ прямо завѣряетъ это: своими „Записками Охотника" онъ боролся противъ врага, имя которому было крѣпостное право. А «Переписка съ друзьями», а «Дневникъ писателя», а философія въ «Войнѣ и мирѣ» и другихъ произведеніяхъ Толстого? Что это, какъ не публицистика, и можно ли поэтому ограничиваться однимъ эстетическимъ разборомъ, когда сами писатели требуютъ другого и требуютъ его настойчиво и постоянно?

Это и многое другое сказали бы мы г. Ромеру, если бы онъ разсуждалъ серьезно, а такъ какъ онъ только ехидствуетъ, то разговаривать съ нимъ больше нечего.

И. С. Бѣляевъ. Искушеніе. Историческій романъ XVIII вѣка. Спб. 1898.

XVIII вѣкъ привлекъ вниманіе г. Бѣляева и вдохновилъ его творчество со стороны своей амурной репутаціи. Изобразить плотскую любовь монаха—недурно? Хуже чѣмъ тайны мадридскаго двора или лучше? Но о современныхъ монахахъ писать неудобно—запротестуютъ, пожалуй. Была, не была! Г. Бѣляевъ взялъ бѣлый листъ бумаги и изобразилъ: «историческій романъ XVIII вѣка». Теперь—position oblige. Взялся

Digitized by Google

быть историческимъ романистомъ—тяни лямку, сообрази насчетъ обстановочки. И соображать, впрочемъ, нечего: покойный М. И. Семевскій оставилъ послѣ себя не на одинъ, а на милліонъ романовъ. Да и что соображать? Сначала надо устроить интригу, что очень просто: боярышня влюбляется въ монаха, монахъ въ боярышню; встрѣча, поцѣлуи, паденіе. Сойдетъ. Но вотъ бѣда—все это не исторія и неизвѣстно къ какому вѣку относится. Михайло Ивановичъ, помогите! Ничего не можетъ быть легче: передать оное дѣло на разсмотрѣніе тайной канцеляріи временъ Шувалова, Александра Ивановича, графа и кавалера. Великолѣпно—это уже подлинная исторія. Слѣдуютъ главы: «Взятіе монаховъ въ тайную канцелярію»; «Слово и дѣло»; «Первый допросъ»; «Разстриженія»; «Пытка»; «Вторая пытка»; «Пытка Агафьи»; «Пытка Натальи съ пристрастіемъ»; «Вторая пытка Несторія и Натальи»; «Третья пытка». Ну, довольно: самъ Сила Силычъ усталъ. Теперь—приговоръ, ссылка, вырѣзаніе языка и конецъ. Попробуй-ка теперь сказать кто нибудь, что это не историческій романъ, да еще не изъ XVIII вѣка? А Шуваловъ, Александръ Ивановичъ, графъ и кавалеръ? А дыба? А Сила Силычъ въ красной рубахѣ? А пытка Агафьи? пытка Натальи?

Г. Бѣляевъ наклеилъ на свою стряпню эпиграфъ изъ Карамзина: «должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворительная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье». Вотъ тебѣ и на! Оказывается у автора какіе-то политическіе замыслы были! Отчего бы не взять другой эпиграфъ: «за присвоеніе себѣ званія историческаго романиста и написаніе хотя бы сотни романовъ изъ всѣхъ временъ и жизни всѣхъ народовъ, какъ существовавшихъ, такъ и несуществовавшихъ, виновный, къ сожалѣнію, никакой отвѣтственности не подвергается».

Такъ-то оно такъ, а все же жаль, что историческая наша беллетристика дальше макулатуры идти не хочетъ.

Р. Е. Леляковъ. Стихотворенія. Спб. 1898 г.

Ал. Ленцевичъ. Стихотворенія. Вятка. 1898 г.

Нужна ли вообще въ настоящее время стихотворная поэзія? Имѣетъ ли какой нибудь смыслъ эта устарѣлая, наивно-ребяческая форма въ наши менѣе всего наивные дни?—Такіе вопросы часто приходится слышать въ послѣднее время, когда легіоны бездарныхъ стихоплетовъ, ищущихъ славы, пріучили общество думать, что скорѣе солнце остановится и рѣки потекутъ вспять, нежели какое нибудь произведеніе современной

Digitized by Google

поэзіи „ударитъ по сердцамъ". И дѣйствительно, въ нынѣшней молодежи замѣчается почти поголовное охлажденіе къ стихамъ, и весьма вѣроятно, что даже сочиненія Пушкина, Лермонтова, Некрасова и недавно еще столь популярнаго Надсона, уже значительно рѣже прежняго берутся съ библіотечныхъ полокъ... Чаще, чѣмъ кто либо изъ журнальныхъ рецензентовъ, высмѣивая дурные стихи, причиняющіе столько вреда интересамъ истинной поэзіи, мы не раздѣляемъ, однако, мнѣнія объ устарѣлости и ненужности стихотворной формы; напротивъ, мы считаемъ ее высшимъ родомъ художественнаго слога, наиболѣе способнымъ вліять на человѣческое чувство (а задача всякаго стиля такова), и думаемъ, что именно въ настоящее время пора бы явиться на Руси настоящему поэту-стихотворцу, который, обладая талантомъ такихъ же размѣровъ, какъ великіе мастера прежней эпохи, былъ бы ближе и роднѣе намъ по духу, по идеямъ, радостямъ и страданіямъ.

Такого крупнаго поэта, къ сожалѣнію, не является, такъ что поневолѣ приходится умѣрять требованія и мечты. Мы съ радостью привѣтствовали бы даже и средній, лишь бы несомнѣнный, поэтическій талантъ. Бѣда наша въ томъ, что и такихъ что-то невидно, а микроскопическія крупицы поэзіи, время отъ времени мелькающія тамъ и сямъ, съ трудомъ даже чувствуются нашимъ отупѣлымъ, набившимъ оскомину вкусомъ. Для примѣра укажемъ на стихотворенія одного изъ современныхъ поэтовъ, часто появляющагося на страницахъ нашихъ лучшихъ журналовъ,—г. Ѳедорова. Въ нѣкоторыхъ изъ его картинокъ природы (особенно степной), при строго внимательномъ чтеніи, нельзя не увидѣть поэзіи. Но почему же необходима для этого „строгая внимательность"? Почему стихи г. Ѳедорова не поражаютъ и не увлекаютъ сразу? Да почему и послѣ того, какъ удостоятся одобренія читателя, такъ быстро ускользаютъ изъ его памяти, не оставляя въ душѣ никакого слѣда, „какъ паръ вечернихъ облаковъ"? Стихъ, повидимому, такъ звонокъ и гармониченъ, столько блеска и красокъ затрачиваетъ молодой поэтъ на свои описанія... Нельзя отрицать въ немъ, кромѣ того, и свѣжести чувства, искренности... Чего же недостаетъ поэту? Что нужно еще для того, чтобы стихи зажгли современнаго читателя? Очевидно, нужна еще какая-то черточка, которой не обладаютъ нынѣшніе поэты, именно нужна *поэтическая индивидуальность* при руководящей поэтомъ общей идеѣ, которая показывала бы, для чего онъ пишетъ этимъ звучнымъ стихомъ, во имя чего расточаетъ и этотъ блескъ, и эти краски.

Передъ нами два только что вышедшихъ стихотворныхъ сборника, авторы которыхъ несомнѣнно обладаютъ поэтиче-

Digitized by Google

ской искоркой. Это такая по нынѣшнимъ временамъ рѣдкость, что мы позволимъ себѣ подольше на нихъ остановиться. Одинъ изъ поэтовъ, г. Леляковъ, надо думать, очень еще молодъ,—по крайней мѣрѣ, имя его впервые встрѣчается намъ въ печати; другой, г. Ленцевичъ, если не ошибаемся, давно уже печатается въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ. Первый изъ нихъ привлекаетъ къ себѣ юной свѣжестью и непосредственностью чувства, второй—большей зрѣлостью мысли, болѣе замѣтнымъ присутствіемъ той руководящей идеи, о которой мы говорили выше. Такимъ образомъ дѣло новыхъ поэтовъ обстоитъ для начала недурно, и мы готовы радоваться ихъ появленію, какъ своего рода празднику на захудалой нивѣ русской поэзіи. Не станемъ, однако, и преувеличивать размѣры этого праздника и скажемъ напрямикъ, что нужна опять таки строгая внимательность, чтобы не смѣшать этихъ поэтовъ съ десятками другихъ, чтобы живо заинтересоваться ихъ скромными музами.

Въ прошломъ году мы разбирали одного стихотворца, почти буквально перефразировавшаго стихи Надсона; оказалось при этомъ, что маленькій Надсонъ усиливался лишь чисто внѣшнимъ образомъ походить на настоящаго, большого Надсона, на дѣлѣ же не только не обладалъ его кристальной душевной чистотой, но весь проникнутъ былъ пошленькими и даже дрянненькими чувствами. Г. Леляковъ видимо также безъ мѣры увлеченъ надсоновской поэзіей, хотя—спѣшимъ оговориться—чувствуется въ то же время, что онъ и по духу родственъ покойному поэту, что онъ не менѣе его искренень и чистъ сердцемъ. Это, конечно, служитъ къ большой чести г. Лелякова, какъ человѣка, но, какъ въ поэтѣ, мы видимъ въ немъ, пока что, не какую либо самостоятельную поэтическую единицу, а лишь маленькаго Надсона № 101.

Мы положительно утомили бы и себя и читателя, если бы въ доказательство своихъ словъ вздумали перечислить хоть десятую часть отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ стихотвореній г. Лелякова, форма или тонъ которыхъ, часто почти раболѣпно, повторяютъ Надсона.

Милый другъ мой, не падай душою:
Пусть бездушье, какъ камень, намъ сердце гнететъ,
Но любовь никогда, никогда не умретъ
Надъ больной и несчастной землею.

Что это? Откуда это?

Терпи, сестра, пускай порою
Горитъ слезой твой скорбный взоръ...

Не вспоминаете ли вы тотчасъ же: „Терпи!.. Пусть взоръ горитъ слезой“? Или, вотъ, изъ „*Дневника*“:

Digitized by Google

Какъ долго длился день! Какъ много онъ принесъ
Раздумья и борьбы, тревоги и страданій!

Порой положительно совѣстно становится за молодого поэта, такъ беззастѣнчиво подражающаго давно всѣмъ извѣстнымъ образцамъ... Впрочемъ, возьмемъ назадъ слово беззастѣнчивость, такъ какъ насъ подкупаетъ несомнѣнная искренность, звучащая въ его стихахъ... Очевидно, онъ до такой степени увлеченъ поэзіей Надсона и до такой степени чувствуетъ ее въ своей душѣ, что ему кажется, будто это онъ самъ творитъ, вполнѣ самостоятельно. Г. Леляковъ, несомнѣнно, очень еще молодъ, и съ теченіемъ времени онъ, быть можетъ, самъ пойметъ рабскую подражательность всѣхъ этихъ „Милый, бѣдный мой другъ, не скажу я: не плачь“, „Я отворилъ окно, я лампу погасилъ“, „Тихо звѣзда сорвалась“, „Какъ свѣжъ и тихъ, какъ ясенъ нынче день“, „Дочь короля“, „Мой милый, ты честенъ и чутокъ душою“, „На зарѣ“, „Вся природа вокругъ, какъ невѣста въ цвѣтахъ“ и т. д., и т. д. Въ иныхъ изъ этихъ пьесъ проблеснетъ порой и кое что, какъ будто оригинальное, новое, но одинъ заимствованный стихъ, одно какое нибудь чисто надсоновское сравненіе (напримѣръ, самого себя съ «мальчикомъ») сразу придадутъ всему стихотворенію подражательный тонъ. И это очень жаль, потому что въ душѣ нашего поэта бьется, повторяемъ, живая поэтическая струйка. Прочтите, напр., хоть эти два стихотворенія:

1.

Грезы.

Ночь тиха, ночь свѣтла... Звѣзды ярко горятъ;
Въ сладкой нѣгѣ заснулъ орошенный нашъ садъ;
Бѣлый мѣсяцъ надъ рощами тихо встаетъ,
Соловей на черемухѣ пѣсню поетъ.
— Улетимъ, улетимъ изъ затворовъ глухихъ,
Выше башенъ и горъ, дальше звѣздъ золотыхъ!
Улетимъ, улетимъ поскорѣе вдвоемъ,—
Мирно бѣлая ночь міръ окутала сномъ.
. . . . . .
Наши кони летятъ, колесница скользитъ;
Море травъ и цвѣтовъ ароматомъ пьянитъ,
Брызжутъ капли росы отъ деревьевъ густыхъ,
Звѣзды ярче горятъ, вѣтеръ въ полѣ затихъ.
Кони вихремъ взвились... На просторъ, на просторъ!
Выше темныхъ лѣсовъ, выше башенъ и горъ...
Дай мнѣ руку, дитя, крѣпче къ сердцу прижмись.
Полетимъ, полетимъ въ эту чудную высь!

2.

Пой, какъ лебедь, бѣлый лебедь,
Надъ серебряной волной,
А не можешь—пой, какъ зябликъ,

Digitized by Google

Только пой, до смерти пой!
Лучше заблекомъ чирикать,
Лучше иволгой кричать,
Чѣмъ булыжникомъ бездушнымъ
Вѣкъ безъ слова пролежать!
Отвори окошко въ сердцѣ,
Шире, шире отвори,—
Пусть вольется въ это сердце
Отблескъ розовой зари.
Отвори окошко въ сердцѣ
Для лучей и вешнихъ грезъ,
Для любви и для отваги,
Для горячихъ, страстныхъ слезъ...
И, какъ лебедь, бѣлый лебедь,
По зарѣ, на лонѣ водъ,
Дрогнетъ сердце молодое
И въ восторгѣ запоетъ!

Такихъ поэтическихъ вещицъ въ книжкѣ г. Лелякова наберется еще пять-шесть («Если бъ мнѣ голосъ касатокъ», «Че грусти о томъ, что весна прошла», «Городъ шумный, городъ пыльный», «Гнѣздо въ кустарникѣ качалось»).

Подражательность большинства остальныхъ стихотвореній г. Лелякова была бы еще съ полбѣды. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, поэтъ сумѣлъ бы со временемъ отъ нея отрѣшиться и выработать свою собственную индивидуальность. Главная бѣда его, по нашему мнѣнію, въ характерѣ усвоеннаго имъ міровоззрѣнія, симпатичнаго по своей гуманности, но вмѣстѣ съ тѣмъ узкаго и квіетическаго. Любовь—вещь, конечно, прекрасная, какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи, но только тогда, когда поэтъ знаетъ въ ней мѣру. Г. Леляковъ этой мѣры не знаетъ, и слова любовь, терпѣніе и примиреніе положительно не сходятъ у него съ языка, такъ что читателю становится подъ конецъ черезчуръ ужъ сладко и,—выражаясь словами одного нечестиваго остроумца,—скучно, какъ въ раю. Г. Лелякову самому, разумѣется, отлично извѣстно, что на свѣтѣ есть много горя, мрака и всякаго зла, но онъ, повидимому, думаетъ, что наиболѣе дѣйствительное средство борьбы съ этимъ зломъ—не терять жизнерадостности, быть бодрымъ, работать и, главное, любить, любить безъ конца.

Не слушай тѣхъ хмурыхъ, сердитыхъ людей,
Что вѣчно и всѣмъ недовольны.
Учися у ясныхъ весеннихъ лучей
Быть добрымъ, счастливымъ и вольнымъ.
Пой пѣсни, какъ птичка въ зеленыхъ лугахъ,
Работай, какъ мирныя пчелы,
Какъ алая роза въ душистыхъ цвѣтахъ,
Будь милымъ, живымъ и веселымъ.
. . . . . .

Digitized by Google

Будемъ дружно работать, любить, вдохновляться (?).
Міръ—не склепъ; жизнь не цѣпь лишь страданій и слезъ.
Слава Богу, въ ней есть и веселое царство
Теплыхъ зорь, ясныхъ дней, звонкихъ пѣсенъ и розъ.

Жизнерадостность, какъ и любовь къ людямъ, вещь, конечно, прекрасная, особенно въ наши дни, когда лжепоэты такъ прожужжали намъ уши своимъ горестнымъ воемъ, но не слишкомъ ли ужъ уходитъ г. Лелянковъ въ область иного рода фразы? Преувеличенная вѣра въ спасительность «любви», примиренія и терпѣнія уже и теперь даетъ ему сомнительно цѣнные плоды: въ стих. „Люби, люби людей“ онъ проповѣдуетъ нѣчто вродѣ презрѣнія къ наукѣ, къ стремленію «гордаго», а въ сущности «нищаго» человѣка стать, при помощи знанія, властелиномъ міра и приглашаетъ его, бросивъ всю эту «суету», смиренно пасть ницъ съ мольбой «любви и примиренья»...

Г. Ленцевичъ, какъ мы уже замѣтили выше, авторъ далеко не начинающій, и отъ книжки его вѣетъ несравненно большей зрѣлостью мысли. Въ этомъ и преимущество, и сравнительный недостатокъ его поэзіи. Отъ нея трудно уже ожидать значительнаго развитія и роста въ будущемъ; тутъ приходится имѣть дѣло не съ надеждами, а съ тѣмъ, что уже есть. И нельзя не сознаться, что поэтическій кругозоръ г. Ленцевича, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ у г. Лелякова, тоже не отличается особенной широтою. Передъ нами гуманный, честный, убѣжденный, словомъ, такой поэтъ, какой—скажутъ, быть можетъ, мудрецы изъ «Недѣли»—непремѣнно долженъ бы привести насъ въ неистовый восторгъ, заставить провозгласить себя необыкновеннымъ, чуть не великимъ поэтомъ; и вотъ, однако, отдавая г. Ленцевичу полную дань справедливости, въ особенный восторгъ отъ его стиховъ мы не приходимъ, съ полной ясностью различая всѣ ихъ недочеты. Если Некрасовъ, преувеличивая изъ скромности, говорилъ про себя:

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ,
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства,—

то относительно такого эпигона некрасовской школы, какъ г. Ленцевичъ, лишенный собственной поэтической физіономіи, можно сказать это съ полнымъ правомъ. Да, мало въ этихъ стихахъ «свободной» поэзіи, нѣтъ въ нихъ «творящаго» искусства! Самый стихъ,—этотъ легкій и звучный русскій стихъ,—далеко не въ совершенствѣ повинуется нашему поэту. Обращаясь, наприм., къ портретамъ лучшихъ русскихъ людей, висящимъ на стѣнѣ его кабинета, онъ говоритъ:

Digitized by Google

Совѣсть померкшая, честь позабытая,
Правда заглохшихъ рѣчей—
Все ими вложено съ силою скрытою
Въ сердце отчизны твоей.

Что это значитъ? Какимъ образомъ великіе дѣятели родины могли вложить въ ея сердце (да еще съ силою *скрытою!*) совѣсть померкшую, честь позабытую?! Сомнительна была бы подобная заслуга... Не очевидно ли, что нашъ поэтъ просто не сумѣлъ справиться со стихомъ, выразить ясно свою мысль. Въ другомъ мѣстѣ у него «столѣтній лѣсъ *раскинулся* на диво, какъ *витязь*, полный торжества». Извольте представить себѣ картину раскинувшагося витязя и найти въ ней сходство съ столѣтнимъ лѣсомъ! «*Думы о грезахъ* погибшаго счастья» звучатъ немногимъ лучше. Въ лирической пьесѣ, отличающейся весьма повышеннымъ тономъ, оказывается возможнымъ такое прозаическое выраженіе, какъ «одинъ изъ немногихъ замѣчательныхъ русскихъ умовъ». Не говоримъ уже о массѣ неточныхъ или слабыхъ, притянутыхъ единственно ради риѳмы, эпитетовъ вродѣ «вѣнца *тернистаго*», «подвига *честнаго*», «возрожденія *скрытаго*» и т. д.

Намъ лично въ сборникѣ г. Ленцевича больше всего понравились стихотворенія, посвященныя южно-русской,—повидимому, родной для нашего поэта,—природѣ и крѣпостнымъ преданіямъ малорусской жизни: «Въ усадьбѣ», «Въ паркѣ», «На солнцѣ» и т. д. Рѣже, но все же удается иногда г. Ленцевичу и въ другихъ пьесахъ возвышаться до истинной поэзіи и даже до истиннаго паѳоса, какъ въ слѣдующемъ, напр., четверостишіи:

Ты, колоколъ оставленнаго храма,
Звони призывъ и паству собери!
Потухшіе—зажгитесь алтари,
Струитесь къ небу, волны фиміама!

Какъ бы, однако, ни велики были недостатки обоихъ поэтовъ, мы не можемъ не повторить въ заключеніе, что считаемъ ихъ сборники отраднымъ явленіемъ въ области современной русской поэзіи. Не первыя ли это ласточки новой весны, которая должна же когда нибудь наступить?..

Относительно сборника г. Ленцевича нужно прибавить, что онъ изданъ редакціей «Вятскаго Края» въ пользу общественной библіотеки имени покойнаго А. П. Батуева въ г. Вяткѣ.

Д. Боханъ. Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ.

Г. Боханомъ руководили хорошія намѣренія—„желаніе

Digitized by Google

ознакомить возможно большій кругъ читателей съ такимъ произведеніемъ нашей древней литературы, которое смѣло можетъ стать наряду съ лучшими произведеніями литературы всемірной"; но онъ напрасно думалъ, что для этого нуженъ новый переводъ „Слова" на русскій языкъ. Эти переводы и вообще не такъ нужны; лучшее, что есть въ старой поэзіи—это нерушимое единство крѣпкаго, самобытнаго языка съ цѣльнымъ, опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ—совершенно не переходитъ въ искусственные переводы и перепѣвы современныхъ поэтовъ. „Слово о полку Игоревѣ" хорошо только въ оригиналѣ и для того, чтобы познакомиться съ оригиналомъ, русскій читатель нуждается не въ болѣе или менѣе неудачныхъ переложеніяхъ, а въ хорошемъ, общедоступномъ изданіи съ комментаріями и словаремъ, въ какомъ нѣмцы читаютъ «Нибелунговъ» и французы—«Роланда». При желаніи познакомиться съ «Словомъ», это окажется совсѣмъ не труднымъ; надо только возбудить это желаніе, осмыслить его и дать средства для его удовлетворенія. Печальная истина: меньше всего дѣлаютъ въ этомъ направленіи тѣ, кому это всего легче—преподаватели русской словесности въ средней школѣ. Лишь немногіе изъ нихъ умѣютъ внушить ученику неподдѣльный интересъ къ богатствамъ древней отечественной литературы; ученикъ по необходимости симулируетъ патріотическіе восторги; древнее произведеніе, полное неподражаемой прелести старины, обращается для него въ сухую матерію для зубренія и въ ненавистный объектъ обязательнаго преклоненія. И лишь много позже, когда ему случайно подвернется подъ руку какое нибудь «Поученіе» Мономаха или «Слово Даніила Заточника», онъ чуть не съ изумленіемъ видитъ, что эти произведенія древней мысли заслуживали иного отношенія: не казеннаго панегирика, а свободнаго пониманія ихъ историческаго смысла. Но для этого нужно дать себѣ трудъ познакомиться съ подлинникомъ, а не съ модернизованнымъ переводомъ.

По существу противъ такихъ переводовъ сказать нечего, если они являются плодомъ настоящаго творческаго настроенія и не имѣютъ безомысленныхъ притязаній занять мѣсто оригинала. Это будутъ свободныя подражанія вродѣ Пушкинскихъ сценъ изъ „Фауста" или „Божественной комедіи". Но они будутъ лишены всякаго—и художественнаго, и педагогическаго значенія, если будутъ выполнены такъ, какъ лежащій предъ нами переводъ г. Бохана. Сказать правду,—трудно опошлить выдающееся произведеніе больше, чѣмъ это сдѣлалъ переводчикъ. Глубокой и проникновенной искренности, столь характерной для древняго поэтическаго произведенія, здѣсь нѣтъ ни слѣда: отъ каждаго слова такъ и

Digitized by Google

несетъ поддѣлкой, и это понятно: не обладающій поэтическимъ дарованіемъ авторъ не вдохновился подлинникомъ и не сохранилъ даже внѣшней близости къ нему, а, наоборотъ, вообразилъ, что, назвавъ свой трудъ «переложеніемъ», можетъ позволить себѣ сплошь и рядомъ такія распространенія и вставки, на которыя нѣтъ ни намека въ сурово сдержанномъ и сжатомъ языкѣ «Слова». Но хуже всего въ работѣ г. Бохана—какой-то колоритъ развязности, разлитый по всему произведенію.

„Долго такъ, не скрывая страданья,
Ярославна младая поетъ—
И томится, полна ожиданья,
И далекаго друга зоветъ".

Совсѣмъ куплетъ изъ цыганскаго романса. Но тутъ хоть стихи, а то есть и такія строки:

„...яръ-туръ Всеволодъ!..
Ты забылъ ужъ о пораненьяхъ...
И какая, братцы, дорога
Рана будетъ храбрецу тому,
Что забылъ и жизнь, и почести,
И златой престолъ Черниговскій,
А прекрасной, милой Глѣбовны
И привѣты, и обычаи".

Г. Боханъ грозитъ еще цѣлымъ рядомъ разнообразнѣйшихъ произведеній. Здѣсь и „Очерки и разсказы", и „Первыя пѣсни", и критическій этюдъ о Надсонѣ, и „Русское духовенство и его роль въ дѣлѣ образованія народнаго міросозерцанія", и „Польскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ" и т. д. Судя по первому опыту, русскаго читателя поздравить не приходится.

Э. Кошвицъ. Руководство къ изученію французской филологіи. Пер. Н. Б. Струве подъ редакціей и съ предисловіемъ Ѳ. Д. Батюшкова. Спб. 1898 г.

Эта книжка предназначена для «студентовъ, учителей и учительницъ»—для тѣхъ, кто, изучая французскій языкъ, имѣетъ въ виду посвятить себя его научной обработкѣ или его преподаванію. Здѣсь указаны методы работы на родинѣ учащагося и среди французовъ, перечислены въ связномъ изложеніи важнѣйшія пособія, даны совѣты, какъ совершать поѣздки заграницу съ цѣлью изученія языка, какъ устроиться, какъ использовать наилучшимъ образомъ время, проведенное заграницей и т. д. Едва ли кто либо, спеціально занявшійся французской филологіей, обойдется безъ помощи этой книжки марбургскаго профессора. Но и не спеціалистъ найдетъ

Digitized by Google

въ ней кое что интересное и новое. Вся она проникнута духомъ реформы, испытанной въ послѣдніе годы основами преподаванія новыхъ языковъ. Ни чисто теоретическій, формальный способъ изученія языковъ, при которомъ центръ тяжести лежалъ въ грамматикѣ, ни практическій, при которомъ идеаломъ было бѣглое «parler français», по возможности съ картавостью на парижскій ладъ,—не признаются въ наше время пригодными; эти виды изученія новыхъ языковъ отошли — по крайней мѣрѣ, въ теоріи—въ область преданія. Ученикъ долженъ овладѣть всей совокупностью грамматическихъ формъ чужого языка, но не для того, чтобы эти мертвыя схемы служили лишь цѣлямъ умственной гимнастики; онъ долженъ свободно владѣть чужою рѣчью, но это долженъ быть настоящій языкъ чужого народа во всей его шири и правдивости, а не тотъ «парикмахерскій, мертвый, нищій, краденый, болѣзненный» языкъ, которымъ у насъ замѣняли родной и о которомъ съ такимъ справедливымъ остервенѣненіемъ говорилъ Достоевскій. Ученикъ долженъ овладѣть живымъ иностраннымъ языкомъ, но это не цѣль, а средство—средство сблизиться съ складомъ иной культуры, проникнуть въ строй иной мысли, понять духъ иного народа. «Языкъ и его литература есть только наилучшее и необходимое средство, чтобы всего ближе подойти къ цѣли—познанію жизни другого народа... Учитель французскаго и англійскаго языковъ устанавливаетъ связь учащагося съ культурой современности, какъ она проявилась внѣ отечества; онъ дополняетъ національное образованіе до образованія мірового; онъ воспитываетъ въ учащемся сознательнаго сотрудника въ великихъ общихъ задачахъ человѣчества, стараясь посредствомъ чужого языка и произведеній на этомъ языкѣ дать ему свободное пониманіе особенностей духовной и матеріальной культуры, отечества, жизни и нравовъ обоихъ вели чайшихъ современныхъ ему народовъ». Вотъ современная точка зрѣнія; какъ далеко ушли мы отъ тургеневскаго Паншина, при воспитаніи котораго считалось признакомъ хорошаго тона говорить превосходно по французски, хорошо по англійски и *дурно* по нѣмецки. Старый анекдотическій педагогъ, вывезенный изъ заграницы и служившій неисчерпаемымъ источникомъ насмѣшекъ для своихъ учениковъ, съ изумленіемъ услышалъ бы такія разсужденія о своемъ назначеніи и обязанностяхъ: «Культурная задача человѣчества не можетъ быть рѣшена однимъ народомъ, хотя бы онъ былъ самый благословенный Богомъ; матеріально и духовно мы столь же мало можемъ жить безъ Англіи и Франціи, какъ и онѣ безъ насъ. Только тотъ, кто это понялъ, чья ежедневная задача облагораживается этой высшей идеальной задачей, тотъ будетъ настоящимъ учителемъ новыхъ языковъ». Дѣятельность

Digitized by Google

такого преподавателя получаетъ совершенно новый характеръ: «по существу это не остроумный лингвистъ, не ученый историкъ литературы, не фонетикъ, не методикъ и не педагогъ, а знатокъ и истолкователь чужой народности, другой, идущей по тому же пути прогресса, національности, ея страны, ея исторіи и ея духа». И нѣмецкій профессоръ напоминаетъ о старой истинѣ, которая звучала бы въ его устахъ болѣе неожиданно, если бы онъ не былъ эльзасцемъ: «Въ противовѣсъ ходульному тевтонству мы обязаны будить и укрѣплять мысль, что для достиженія культурной цѣли необходимы многіе языки и народы, что на ряду съ старой политической и промышленной наслѣдственной враждой существуетъ и столѣтіями продолжающееся наслѣдственное братство идей и интересовъ, которымъ мы связаны съ Англіей и Франціей» (Вецольдъ, Die Aufgabe des neusprachlichen Unterichts). Эти широкіе запросы, очевидно, не могутъ быть удовлетворены изученіемъ одного языка—ученикъ долженъ быть по возможности введенъ во всю совокупность духовныхъ интересовъ другого народа; онъ долженъ получить понятіе о его культурной и политической исторіи, искусствѣ, литературѣ и т. д.

Въ какой степени наша средняя школа удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, извѣстно въ достаточной мѣрѣ. Довольно напомнить, что человѣкъ съ аттестатомъ зрѣлости имѣетъ полное право не знать и не имѣть на школьной скамьѣ случая узнать имена Шекспира, Вольтера, Данта—любого великаго дѣятеля европейской литературы.

Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Томъ I-й. Спб. 1898.

Недостатки этой книги слишкомъ очевидны, чтобы не броситься въ глаза прежде всего самимъ ея редакторамъ. «Во многихъ, наиболѣе затруднительныхъ случаяхъ—читаемъ мы въ предисловіи—Левассеръ не сдѣлалъ попытки подвергнуть имѣющійся статистическій матеріалъ научной обработкѣ и онъ оставленъ въ почти сыромъ видѣ. Во вторыхъ, въ книгѣ почти отсутствуютъ данныя по такимъ странамъ, какъ, напр., Болгарія, Сербія и нѣкоторыя другія, которыя представляютъ несомнѣнный интересъ съ точки зрѣнія постановки въ нихъ народнаго образованія. Въ третьихъ, въ приводимыхъ статистическихъ данныхъ отчетныя цифры не отдѣлены отъ цифръ, полученныхъ путемъ спеціальныхъ статистическихъ изслѣдованій народнаго образованія. Вообще на результаты этихъ изслѣдованій обращено далеко не такое серьезное вниманіе, какого они заслуживаютъ и по своей научной цѣнности, и по

Digitized by Google

своему интересу. Наконецъ, въ книгѣ не сдѣлана даже попытка дать общую классификацію начальныхъ школъ. Кромѣ того, въ изложеніе вовсе не введены данныя о пространствѣ отдѣльныхъ странъ, а данныя о населеніи введены только въ общій сравнительный очеркъ положенія народнаго образованія въ разныхъ странахъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что невозможно согласиться съ нѣкоторыми теоретическими взглядами автора на общіе вопросы по народному образованію (Э. Левассеръ, напр., не сторонникъ полной безплатности обученія, недостаточно опредѣленно смотритъ на конфессіональныя школы и т. д.)».

Нечего и говорить, что всѣ эти «во первыхъ», «во вторыхъ», «кромѣ того», «наконецъ», «слѣдуетъ замѣтить» и т. д. въ значительной степени портятъ книгу, у которой, впрочемъ, все же остается то неотъемлемое достоинство, что она единственная въ своемъ родѣ. На нее положена масса труда, знанія и вся она дышетъ несомнѣнной преданностью своему дѣлу. Уже одно то хорошо, что кое какія народности она способна пристыдить, и не какими нибудь жалкими словами, а подлинными цифрами, взятыми изъ оффиціальныхъ документовъ, въ которыхъ нѣкоторыя націи съ похвальной откровенностью расписываются въ собственномъ своемъ неблагополучіи. Съ другой стороны, примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, особенно же «неожиданной» Японіи можетъ вселить значительную бодрость, показывая, что дѣло народнаго образованія, какъ ни велико и ни трудно оно, все же осуществимо и даже въ небольшой сравнительно промежутокъ времени, особенно если взяться за него толково и съ искреннимъ желаніемъ сдѣлать изъ народа - невѣжды — осмысленный и самосознающій народъ.

Вся первая часть книги (стр. 1—370) завалена цифровыми данными и требуетъ исключительнаго вниманія со стороны читателя. Мы говоримъ «завалена», потому что не можемъ подобрать другого, болѣе подходящаго термина. Съ величайшимъ сожалѣніемъ приходится сказать, что Левассеръ не обладаетъ рѣшительно никакимъ литературнымъ талантомъ, совершенно не умѣетъ говорить цифрами и настолько статистикъ, что избѣгаетъ какихъ бы то ни было общихъ разсужденій и только скользитъ по общимъ вопросамъ, такъ тѣсно, такъ необходимо связаннымъ съ народнымъ образованіемъ. Даже къ сравненію и сопоставленію онъ прибѣгаетъ очень рѣдко; цифры, повидимому, интересуютъ его сами по себѣ,—хотя какое же значеніе могутъ имѣть онѣ сами по себѣ? Поэтому его книга, мало пригодная для чтенія, оказывается преимущественно пригодной для справокъ. Въ этомъ смыслѣ,

Digitized by Google

она, повторяемъ, единственная въ своемъ родѣ и пока ничѣмъ не замѣнима.

«Во второй, общей части книги—говоритъ Левассеръ въ своемъ собственномъ предисловіи—я попытался сопоставить исторію, организацію и результаты начальнаго образованія въ различныхъ странахъ, разсматривая ихъ послѣдовательно съ разныхъ точекъ зрѣнія—политической, соціальной, нравственной и педагогической».

Намъ кажется, что Левассеръ нѣсколько увлекается: никакого такого сопоставленія съ четырехъ различныхъ точекъ зрѣнія (это было бы дѣйствительно интересно) у него нѣтъ. Все дѣло ограничивается замѣчаніями, иногда, впрочемъ, очень дѣльными, напр., что «народное образованіе въ сознаніи современныхъ націй является уже неизбѣжной необходимостью», «что невозможно смотрѣть на него, какъ на панацею всѣхъ золъ», «что статистика не рѣшаетъ его соціальной роли» и т. д. Отъ статистика по профессіи и притомъ человѣка, старательно обѣгающаго дедукцію, пріятно услышать послѣднюю мысль, такъ какъ и теперь еще не мало людей, клянущихся цифрами. Вообще роль народнаго образованія въ экономіи общественной жизни Левассеръ опредѣляетъ очень осторожно и слишкомъ отвлеченно, ни на минуту въ то же время не сомнѣваясь въ его полезности, необходимости и неизбѣжности.

«Распространеніе начальнаго образованія — пишетъ онъ (стр. 373), явившееся послѣдствіемъ (?) приведенныхъ законовъ, измѣнило нравственное равновѣсіе міра. На ряду съ успѣхами науки... наряду съ паромъ и электричествомъ... наряду съ политическими переворотами, обезпечившими за демократіей если не первенствующую, то во всякомъ случаѣ видную роль въ управленіи большинства цивилизованныхъ государствъ,—начальное образованіе было безспорно однимъ изъ величайшихъ и однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ пріобрѣтеній XIX-го вѣка... Конечно, опытъ не оправдалъ всѣхъ надеждъ, какія возлагали на народное образованіе въ своемъ энтузіазмѣ наиболѣе ревностные изъ его апостоловъ: открытіе школъ еще не закрыло и не закроетъ тюремъ. Преступность является слѣдствіемъ многихъ причинъ какъ индивидуальныхъ, такъ и соціальныхъ—причинъ, которыхъ не устранишь тѣмъ, что научишь дѣтей читать и писать. Тѣмъ не менѣе наибольшій % преступленій противъ личности и собственности въ цивилизованныхъ странахъ падаетъ на неграмотную часть населенія, и это вполнѣ логично... Конечно, нельзя сказать и того, чтобы развитіе матеріальнаго благосостоянія было неразрывно связано и являлось совершенно пропорціональнымъ успѣхамъ

Digitized by Google

образованія, тѣмъ не менѣе успѣхи образованія несомнѣнно способствовали повышенію заработной платы, сдѣлавъ работника болѣе умѣлымъ въ исполненіи нѣкоторыхъ работъ и въ отстаиваніи своихъ интересовъ»..

Все это очень неопредѣленныя фразы—очень, кстати замѣтимъ, характерныя для «философіи» Левассера—и въ нихъ хорошо лишь отсутствіе идолопоклонства. Какъ ни цѣнно народное образованіе, какой прямо грозной необходимостью ни является оно для нѣкоторыхъ «цивилизованныхъ» государствъ—прямо смѣшно видѣть въ немъ панацею. Къ тому же очевидно, что цѣлесообразная постановка его зависитъ отъ многихъ и многихъ причинъ.

Во второмъ томѣ разсматриваемой книги редакція обѣщаетъ дать три интересныхъ прибавленія: о народномъ образованіи въ Швейцаріи, Финляндіи и Россіи. Очень было бы желательно, чтобы этотъ второй томъ болѣе подходилъ обыкновенному читателю. Хочетъ ли того читатель или нѣтъ, а дѣломъ народнаго образованія его надо заинтересовать.

М. И. Демковъ. Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педагогической хрестоматіи. Москва. 1898 г.

Повидимому, наша педагогическая литература хочетъ воспрянуть духомъ и вернуть себѣ благосклонное вниманіе читателя, ею по всей справедливости утерянное въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ. Что за плачевное и достойное состраданія зрѣлище представляла она еще такъ недавно, то влачась за циркулярами, то идя съ ними рука объ руку, то даже предупреждая ихъ; — доискиваясь во что бы то ни стало рекомендаціи и одобренія, одобренія и рекомендаціи и устремляя всѣ усилія своего обюрократившагося духа на составленіе ходкихъ учебниковъ! Но обиліе выходящихъ теперь педагогическихъ сочиненій, главнымъ образомъ переводныхъ, и прямо таки неожиданное появленіе нѣсколькихъ приличныхъ учебниковъ позволяютъ думать, что маразмъ постепенно исчезаетъ и мы, быть можетъ, вернемся ко временамъ Ушинскаго, Водовозова, Стоюнина, Корфа и т. д., и т. д., всѣхъ этихъ, хотя и не особенно крупныхъ, но, во всякомъ случаѣ, искреннихъ и человѣчныхъ дѣятелей на своемъ поприщѣ.

Какое высокое значеніе придавалъ Ушинскій педагогической литературѣ — извѣстно. Быть можетъ онъ увлекался, считая ее способной замѣнить «педагогическій университетъ» и даже «вѣковой историческій опытъ школьнаго дѣла», но несомнѣнно, что увлекался онъ въ хорошую сторону. «Педагогическая литература—говоритъ онъ — *одна только* (?) можетъ оживить

Digitized by Google

воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на уроки. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература установляетъ въ обществѣ, съ одной стороны, правильныя требованія въ отношеніи воспитанія,—а, съ другой, открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій... Педагогическая литература, *живая, современная и обширная*, вызываетъ воспитателя изъ его замкнутой, усыпительной среды, вводитъ его въ благородный кругъ мыслителей, посвятившихъ всю свою жизнь дѣлу воспитанія. Воспитатель, стоящій въ уровень съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ дѣятельнымъ членомъ великаго организма, борющагося съ невѣжествомъ и пороками человѣчества, посредникомъ между всѣмъ, что было благороднаго и высокаго въ прошедшей исторіи людей, и поколѣніемъ новымъ, хранителемъ святыхъ завѣтовъ людей, боровшихся за истину и славу»...

Конечно, такія слова могли быть написаны только въ 60-е годы, но нѣтъ безусловно разумнаго основанія считать ихъ совершенно уже неумѣстными въ наши дни; ихъ во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ помнить тѣмъ, кто еще не окончательно забѣгался по урокамъ и можетъ хоть минутами прокашляться отъ пыли учебниковъ: для того и „живая, современная, обширная" педагогическая литература можетъ сыграть, хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ, роль, указанную Ушинскимъ.

Книга г. Демкова представляется намъ очень удобной для того, чтобы заинтересовать человѣка педагогической литературой. Вся она состоитъ изъ небольшихъ статеекъ и, слѣдовательно, для чтенія не обременительна. Эти небольшія статейки, являясь извлеченіемъ изъ большихъ статей и книгъ авторовъ, писавшихъ по педагогическимъ вопросамъ, подобраны очень удачно, безъ длинноты и повтореній: какъ разъ въ мѣру. Изъ каждаго сочиненія взято дѣйствительно что въ немъ есть своего, новаго и по сравненію съ предыдущимъ оригинальнаго. Взгляды Ушинскаго охарактеризованы, напр., такими открывками, какъ: 1) О народности въ общественномъ воспитаніи; 2) Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи; 3) О педагогической подготовкѣ; 4) О пользѣ педагогической литературы; 5) Родное слово; взгляды Стоюнина—1) Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги; 2) Идеальная школа; 3) Задачи общаго образованія; изъ статей В. И. Водовозова приведенъ любопытный отры-

Digitized by Google

вокъ: „Идеалъ народнаго учителя“ и т. д. Хрестоматія начинается съ поученія Владиміра Мономаха и благополучно доведена до г. Каптерева.

Насъ поразило только одно обстоятельство, что г. Демковъ подъ словами педагогическая литература понимаетъ не вообще литературу, трактующую педагогическіе вопросы, но прежде всего такую, которая явилась изъ нѣдръ духа оффиціальныхъ педагоговъ. Очень неохотно отступаетъ онъ отъ этой точки зрѣнія, хотя, разумѣется, отступаетъ. Приводитъ же онъ отрывки изъ поученія Мономаха, статьи Новикова, поученія св. Дмитрія Ростовскаго и т. д. хотя, какъ извѣстно, ни Мономахъ, ни Новиковъ, ни св. Дмитрій Ростовскій не числились по министерству народнаго просвѣщенія. Но XIX-й вѣкъ все же охарактеризованъ исключительно произведеніями оффиціальныхъ педагоговъ. Такая разборчивость представляется намъ не только излишней, но прямо вредной. Была въ нашей жизни такая эпоха, когда педагогическіе вопросы живо интересовали все наше общество и никоимъ образомъ не считались достояніемъ вицмундирнаго фрака съ синебархатнымъ воротникомъ. И это было совсѣмъ не дурное, тѣмъ менѣе—легкомысленное время. Педагогическіе вопросы обсуждались, и притомъ очень горячо и совсѣмъ не поверхностно, нашими журналами и нашими журналистами. Никому не въ обиду будь сказано, что журналистика очень часто шла впереди собственно педагогической литературы доподлинныхъ гг. педагоговъ и, указывая имъ путь истинный, снабжала ихъ тѣмъ, въ чемъ они, по неисповѣдимымъ судьбамъ, всегда чувствовали недостатокъ—именно общими принципами. Больше того: напр., вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи почти исключительно разработанъ журналистикой. И какъ же послѣ этого можно забывать статьи Добролюбова, М. Михайлова, Писарева и т. д..? Это уже неудобно, хотя бы съ точки зрѣнія полноты.

Мы не будемъ, впрочемъ, особенно винить за это автора, такъ какъ онъ самъ, по похвальной скромности, назвалъ свою книгу лишь опытомъ. Опытомъ она и остается и, повторяемъ, очень удачнымъ опытомъ.

Мысли о школьномъ и домашнемъ образованіи Л. Келльнера. Москва. 1898. 2-е изданіе.

Въ первыхъ же строкахъ русскаго предисловія къ этой книгѣ—знаменитому педагогу Лоренцу Келльнеру дана невѣрная характеристика. „Вмѣстѣ съ тѣмъ—читаемъ мы въ одномъ неуклюже-построенномъ мѣстѣ—Келльнеръ былъ строго церковнымъ человѣкомъ и такого же направленія держался и въ

Digitized by Google

педагогической своей дѣятельности". Слово строго-церковный, имѣющее совершенно опредѣленное значеніе, совершенно не подходитъ къ дѣлу. Келльнеръ никогда не былъ клерикаломъ, что было бы, впрочемъ, и немыслимо для прусскаго чиновника, но несомнѣнно, что среди нѣмецкихъ педагоговъ, систематиковъ и педантовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, онъ выгодно отличается своей *сравнительной* широтой взглядовъ, кроткимъ нравомъ и искренними христіанскими убѣжденіями, которыя онъ стремился распространить на всю педагогическую дѣятельность. Его мысли никогда не имѣютъ характера проповѣди, тѣмъ болѣе требованія; это скорѣе всего совѣты, очень добродушные, очень осторожные, часто дѣйствительно прекрасные. Келльнеръ старается одушевить своихъ читателей-педагоговъ, для которыхъ прежде всего и написана книга, той-же страстью къ „великому дѣлу преподаванія", тѣмъ же сознаніемъ огромной отвѣтственности за него, тою же кротостью и терпѣніемъ, которыя несомнѣнно были въ немъ самомъ. Онъ смотритъ на работу прежде всего, какъ на исполненіе нравственнаго долга, онъ хочетъ, чтобы это исполненіе не было формальнымъ; какъ англійскіе пуритане, онъ готовъ повторять каждую минуту: «Working is prayer» (трудъ—это молитва). Но въ то же время онъ совсѣмъ не реформаторъ: для этого онъ слишкомъ робокъ и консервативенъ. Онъ боится всякой рѣшительной ломки, всякихъ общихъ принциповъ и то и дѣло преподаетъ нравоучительные совѣты: „безъ спѣха, но и безъ остановки", „спѣши медленно", „улучшай непрерывно, но не уничтожай ничего" и т. д. Характерны его разсужденія о розгѣ — безъ которой, какъ извѣстно, нѣмецкая школа не живетъ; тутъ весь Келльнеръ:

„Очень много спорятъ о томъ—говоритъ онъ — можно ли обойтись въ школѣ безъ розги, написаны даже цѣлыя сочиненія, которыя доказываютъ ея необходимость. Я не буду спорить, но спрошу всякаго учителя, не считаетъ ли онъ за лучшую школу такую, гдѣ тѣлесныя наказанія рѣдки или даже совсѣмъ не примѣняются, и желаетъ ли онъ, чтобы на него смотрѣли какъ онъ сѣчетъ дѣтей, или чтобы его въ это время засталъ инспекторъ? Я спрошу его, съ свѣтлымъ ли чувствомъ кончаетъ онъ свои уроки въ тѣ дни, когда ему приходилось часто прибѣгать къ розгѣ, и не испытываетъ ли онъ несравненно больше отрады, когда можетъ сказать: сегодня, наконецъ, я не ударилъ ни одного ученика!—Можетъ ли быть разсужденіе болѣе опасное, чѣмъ это: такъ какъ родители сѣкутъ дома своихъ дѣтей, то дѣти и въ школѣ должны чувствовать на себѣ розги.—Почему одному учителю приходится чаще другого прибѣгать къ розгѣ? Неужели потому, что онъ обучаетъ другихъ дѣтей?—И если его ученики не похожи на

Digitized by Google

другихъ, то прежде всего надо спросить, не потому ли это, что онъ самъ воспиталъ ихъ иначе?.. Въ такихъ случаяхъ надо уже обращаться къ самолюбію учителя и спросить его: „неужели для тебя не возможно то, что возможно для другого? Попробуй, улучшай самого себя и ты улучшишь дѣтей". Въ концѣ концовъ: *не всякому и не всегда* (курсивъ нашъ) *возможно обходиться безъ розги. Но это возможно, по истинѣ возможно*, несомнѣнно лучшій учитель тотъ, кто эту возможность превращаетъ въ дѣйствительность. Но то, по крайней мѣрѣ, достигнуто было искусствомъ учителей, что они оставляютъ розги въ покоѣ во время уроковъ Закона Божія. А я желалъ бы, чтобы на каждый урокъ смотрѣли, какъ на урокъ Закона Божія, который соединяетъ насъ съ Богомъ".

Для нѣмца педагога—это, конечно, очень много; для европейца одной изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ это, конечно, очень мало, и несомнѣнно, что наша *теоретическая* педагогика ушла гораздо дальше Келльнера. Ни Ушинскій, ни Водовозовъ, ни Стоюнинъ не написали бы подчеркнутой нами фразы, да эти „не всякій" и „не всегда" просто и не пришли бы имъ въ голову. Но то—теорія, на практикѣ же и только что приведенные совѣты Келльнера могутъ имѣть значеніе и для нашихъ талантливыхъ педагоговъ. Надо только отрѣшиться на минуту отъ конкретнаго представленія о розгѣ, какъ сучкѣ березы или липы. Надо посмотрѣть на нее, какъ на одно изъ самыхъ энергичныхъ средствъ многолѣтней системы устрашенія. Но есть и менѣе энергичныя, по существу же одинаково скверныя, хотя бы вродѣ внезапныхъ единицъ, нулей и особаго инквизиторскаго отношенія къ дѣтямъ, отъ котораго ихъ, бѣдныхъ, пробираетъ дрожь. Ужъ если мы отрѣшились отъ розги, то не мѣшало бы отрѣшиться и отъ ея многочисленной свиты и Келльнеръ превосходно понимаетъ это, когда въ основу педагогики кладетъ „знаніе", „сознаніе долга и отвѣтственности" и „*любовь*".

Переводъ книги сдѣланъ мѣстами неуклюже, но въ общемъ прилично.

Альберъ Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Переводъ съ французскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898.

Книга озаглавлена «Соціализмъ въ Англіи», между тѣмъ авторъ много трактуетъ о Карлейлѣ, Рескинѣ, старыхъ трэдъюніонахъ, соціалъ-католикахъ, анархизмѣ. Съ внѣшней сторосѣ не понятно, почему Метенъ всѣхъ ихъ относитъ къ соціалистамъ. Но это недоразумѣніе отчасти разрѣшается тѣмъ опредѣленіемъ, какое авторъ даетъ соціализму. «Условимся—говоритъ онъ—называть соціализмомъ всякое ученіе, выска-

Digitized by Google

зывающееся противъ laisser faire манчестерцевъ и предоставляющее государству, отлившемуся въ какую бы ни было форму, право вмѣшательства въ производство и, въ особенности, въ распредѣленіе. Такимъ образомъ, не насилуя значенія слова соціализмъ, мы будемъ принимать его въ самомъ широкомъ значеніи». Опредѣленіе Метена настолько широко, что подъ нимъ могутъ подписаться и германскіе аграріи, и русскіе фабриканты, и авторы проектовъ о наймѣ на сельскія работы. Вѣдь всѣ они требуютъ государственнаго вмѣшательства въ производство, однако ихъ никто не причислитъ къ соціалистамъ за исключеніемъ щедринскаго Пети Износкова, увѣрявшаго, что «мы, русскіе, всѣ болѣе или менѣе соціалисты».

Но согласимся на время съ Метеномъ, что существеннымъ признакомъ соціализма является государственное вмѣшательство. Почему же Метенъ зарегистровалъ анархистовъ въ ряды соціалистовъ? Они отвергаютъ всякое государство и тѣмъ самымъ государственное вмѣшательство—ergo они не подходятъ подъ его собственное опредѣленіе.

Все это заставляетъ смотрѣть на трудъ Метена, какъ на исторію развитія англійской мысли въ XIX ст., исторію, правда, не полную и написанную весьма не равномѣрно; это не исторія соціализма, а исторія разныхъ умственныхъ теченій, окрашивавшихъ и окрашивающихъ жизнь Англіи въ нашъ вѣкъ. Въ ней вы найдете и собственно соціализмъ, и анархизмъ, и этическую школу Рескина, враждебную современному индустріальному строю по эстетическимъ мотивамъ.

Все сказанное не умаляетъ интереса, возбуждаемаго трудомъ Метена. Мы не можемъ въ бѣглой рецензіи коснуться программъ всѣхъ соціалистическихъ фракцій и ихъ взаимныхъ отношеній, какъ и той эволюціи мысли, которая привела къ современному положенію. По этому пункту мы отсылаемъ читателя къ самому Метену, который даетъ много интересныхъ фактовъ.

Финляндія. Подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1898 г. Изд. О. Н. Поповой.

Нельзя не рекомендовать особенному вниманію читателей эту книгу. Составлена она въ высшей степени основательно, съ большимъ толкомъ и знаніемъ дѣла. Цѣлая группа въ большей или меньшей степени извѣстныхъ лицъ принимала участіе въ огромной работѣ всесторонняго обозрѣнія цѣлаго края и его любопытной, очень своеобразной жизни, и въ результатѣ получилось изслѣдованіе, составленное отчасти по личнымъ наблюденіямъ авторовъ отдѣльныхъ статей, преимущественно же по новѣйшихъ статистическимъ даннымъ. Ка-

Digitized by Google

жется, не упущено не только ничего существеннаго, но даже сколько нибудь замѣчательнаго, начиная съ географическихъ условій и кончая вопросомъ о призрѣніи бѣдныхъ. Было бы, конечно, весьма желательно, чтобы и всѣ остальныя части нашего отечества дождались такого же внимательнаго и любовнаго обозрѣнія, какъ Финляндія,—особенно же наши многочисленныя окраины. Мы говоримъ особенно не потому, конечно, что съ нашей точки зрѣнія окраины важнѣе центра, но вѣдь ни для кого не тайна, какая масса самыхъ дикихъ и плачевныхъ предразсудковъ загрязнила представленіе большинства о финнахъ, полякахъ, прибалтійскихъ нѣмцахъ и даже грузинахъ и армянахъ. Извѣстная часть нашей печати относится къ нимъ не только подозрительно, но и прямо враждебно. И это было бы, разумѣется, очень смѣшно, когда бы не было такъ глупо и назойливо и если бы къ психологіи большинства не подходила такъ великолѣпно извѣстная формула: «calomniez, calomniez: il en restera toujours quelque chose». А у довѣрчиваго читателя остается на душѣ, разумѣется, не quelque chose, а нѣчто гораздо большее, вродѣ легкомысленнаго: «да всѣхъ этихъ подлецовъ повѣсить мало».

Несомнѣнно, что такая книга, какъ «Финляндія», способна разрушить много и много предразсудковъ и дать каждому безпристрастному человѣку полную возможность составить себѣ самостоятельное представленіе объ одной изъ интереснѣйшихъ нашихъ окраинъ.

Поль де Рузье въ сотрудничествѣ съ Карбонелемъ, Фести, Флери и Вильмомъ. **Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи.** Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Струве. Спб. 1898.

Въ 1895 г. нѣсколько лицъ, по иниціативѣ учрежденія, извѣстнаго подъ названіемъ Musée Sociale, отправились въ Англію для изученія на мѣстѣ рабочихъ союзовъ или такъ называемыхъ трэдъ-юніоновъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій и явился рядъ монографій, собранныхъ въ изданіи, появившемся теперь въ русскомъ переводѣ. Къ монографіямъ, въ которыхъ дается описаніе организаціи рабочихъ союзовъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, присоединены три главы общаго содержанія. Въ первыхъ двухъ, которыми открывается книга, выясняется связь между эволюціей промышленности и образованіемъ рабочихъ союзовъ, а также намѣчаются общія причины успѣха трэдъ-юніонизма въ Англіи, а въ заключительной главѣ разсматривается его будущее.

Не смотря на то, что общая точка зрѣнія французскихъ авторовъ, по справедливому замѣчанію редактора русскаго

Digitized by Google

перевода, буржуазно-либеральная, книга, составившаяся ихъ трудомъ, представляетъ безспорно значительный интересъ. Читатель найдетъ въ ней много любопытнаго матеріала, по которому у него составится довольно полное представленіе объ организаціи и значеніи рабочихъ союзовъ въ Англіи. Безпристрастіе и дѣловой тонъ изложенія даютъ возможность извлечь изъ сборника, изданнаго „Соціальнымъ Музеемъ", массу фактовъ и составить себѣ самостоятельное сужденіе о нихъ независимо отъ воззрѣній авторовъ. При всемъ томъ монографіи даютъ только описаніе союзовъ, не раскрывая ихъ внутренней жизни и тѣхъ силъ, подъ вліяніемъ которыхъ направляется развитіе англійскаго трэдъ-юніонизма. Въ этомъ отношеніи французскія статьи не выдерживаютъ никакого сравненія съ изслѣдованіями Веббовъ: „Исторія трэдъ-юніонизма" и „Промышленная демократія". Въ изданіи „Соціальнаго музея" мы не встрѣчаемъ ни того детальнаго, исчерпывающаго знакомства съ предметомъ, ни того мастерского анализа и критики, которыми отличаются труды англійскихъ авторовъ.

Редакторъ русскаго перевода замѣчаетъ, что „французскіе авторы очень умѣло прослѣживаютъ соотвѣтствіе между формами и условіями производства, съ одной стороны, защиты профессіонально-классовыхъ интересовъ, съ другой стороны". Съ этимъ взглядомъ мы не можемъ согласиться, такъ какъ вопросъ, намѣченный въ приведенныхъ словахъ, — вопросъ первостепенной важности,—по нашему мнѣнію, изслѣдованъ французскими авторами весьма неудовлетворительно. Они констатируютъ безспорный фактъ, именно, что въ Англіи вмѣстѣ съ ростомъ крупной промышленности развились и рабочіе союзы, что эволюція промышленности содѣйствовала этому развитію и что трэдъ-юніоны составляютъ въ настоящее время необходимый аттрибутъ англійскаго промышленнаго строя. Но вопросъ, возбуждаемый въ предисловіи къ русскому переводу, гораздо шире этого положенія. Соотвѣтствіе, о которомъ тамъ говорится, предполагаетъ не только констатированіе факта развитія въ Англіи тредъ-юніонизма на почвѣ крупной промышленности, но и необходимости такого развитія, какъ слѣдствія эволюціи формъ народнаго хозяйства. Ростъ капитализма долженъ привести къ возникновенію и развитію рабочихъ союзовъ—вотъ положеніе, которое будто бы такъ удачно выяснено французскими изслѣдователями. Они дѣйствительно высказываютъ нѣкоторыя мысли въ этомъ направленіи, но не доказываютъ ихъ. Указавъ на то, что промышленная эволюція отразилась въ Англіи съ особенной интенсивностью, Рузье говоритъ: «Повсюду, гдѣ происходитъ названная эволюція, и въ той мѣрѣ, въ какой происходитъ, она влечетъ за собой

Digitized by Google

одинаковыя послѣдствія: машинное производство скучиваетъ рабочихъ на большихъ фабрикахъ, оно рѣзко разграничиваетъ ихъ интересъ отъ интересовъ предпринимателей, дѣлаетъ тщетной всякую единичную защиту этихъ интересовъ, требуетъ коллективнаго договора о наймѣ и вызываетъ необходимость постоянныхъ рабочихъ союзовъ». Что такъ было въ Англіи, это фактъ, что система коллективнаго договора необходима для защиты интересовъ рабочаго класса, это несомнѣнно. Но чѣмъ доказано, что всюду, гдѣ разовьется машинное производство, неизбѣжно система коллективнаго договора замѣнитъ собою единичный договоръ? На такую замѣну можно было бы разсчитывать, если бы она была одинаково выгодна какъ для рабочихъ, такъ и для предпринимателей; но исторія англійскаго трэдъ-юніонизма показываетъ обратное.

Рабочимъ въ Англіи пришлось вести продолжительную и очень упорную борьбу за рабочіе союзы и коллективный договоръ, такъ что существующая организація англійскаго рабочаго класса явилась и окрѣпла совсѣмъ не потому, чтобы крупное производство не могло существовать безъ нея, а только потому, что эволюція промышленности создала среди рабочихъ потребность въ такой организаціи и они имѣли средства добиться ея. Что эти средства не ограничивались сферой экономическихъ отношеній, въ этомъ убѣждаетъ исторія англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Здѣсь не мѣсто входить въ детальное разсмотрѣніе этого предмета, но умѣстно поставить вопросъ: доказано ли въ книгѣ французскихъ авторовъ, что во всѣхъ странахъ, гдѣ развивается крупное производство, имѣются въ наличности условія, благодаря которымъ англійскіе рабочіе могли ввести въ практику систему коллективнаго договора, предполагающую сильную организацію рабочаго класса? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Мысль, высказанная въ приведенной выше выдержкѣ, не новая: она была развита въ очень опредѣленной и яркой формѣ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ. Но это нисколько не избавляетъ тѣхъ, которые ее высказываютъ теперь, отъ необходимости также и доказывать ее.

Въ заключеніе замѣтимъ, что глава о будущемъ англійскаго трэдъ-юніонизма самая слабая въ книгѣ. Здѣсь болѣе всего обнаруживается та общая точка зрѣнія авторовъ, о которой говоритъ редакторъ русскаго перевода.

Digitized by Google

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Изданіе Б. П. Вейнберга. Т. III. Спб. 98. Ц. 1 р. 75 к.

М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Т. I. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Переводъ Н. Южина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 2 р.

Собраніе сочиненій **А. Д. Градовскаго.** Т. I. Спб. 99. Ц. 2 р. 50 к.

Сибирскій сборникъ. Приложеніе къ газетѣ «Восточное Обозрѣніе» на 1898 годъ. Подъ редакціей И. И. Попова. Иркутскъ 98.

Дантъ Алигіери. Божественной комедіи часть вторая. Чистилище. Переводъ съ итальянск. М. А. Горбова, съ объясненіями и примѣчаніями. М. 98.

Поэты Финляндіи и Эстляндіи (Маленькая антологія). Изданы подъ редакціей Н. Новича. Спб. 99. Ц. 50 к.

К. Бальмонтъ. Тишина. Лирическія поэмы. Спб. 98. Ц. 1 р.

В. Ѳ. Саводникъ. Стихотворенія. М. 98. Ц. 1 р.

М. Б. Полиновскій. Искорки. Юмористич. и сатирическія стихотворенія. 2-е изданіе кн. магазина Я. Х. Шермана. Одесса 98. Ц. 80 к.

И. Высоцкій. На югѣ. Разсказы и стихотворенія. Рига 98. Ц. 80 к.

На пути къ счастью. Романъ въ двухъ частяхъ. **Вас. Ив. Немировича-Данченко.** Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

В. Микуличъ. Мимочка. I. Мимочка невѣста. II. Мимочка на водахъ. III. Мимочка отравилась. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 1 р.

В. Микуличъ. Черемуха. Новенькая. Студентъ. Спб. 98. Ц. 1 р.

В. Микуличъ. Зарницы. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 1 р.

Ивана Тобилевича (Карпенка-Карого). Сто тысячъ. Комедія въ 4-хъ д-яхъ. Черкасы 98. Ц. 8 к.

Розумный и дурень. Комедія въ 5 діяхъ. **Ивана Тобилевича** (Карпенка-Карого). Черкасы 98. Ц. 8 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. №№ 81—96. Сказки **Перро, Асбьернсона, Уйда,** братьевъ **Гриммъ,** въ переводахъ Б. Д. Порозовской и М. А. Шишмаревой. Спб. 97—98. Ц. №№ 81, 82, 84—86. по 15 к., №№ 83, 87—96 по 10 к.

За правду и честь женщины. Cis-moll-соната. **Г. фонъ-Аминтора.** Противъ «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого. Переводъ съ нѣм. М. Калмыкова. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 50 к.

В. Г. Вальтеръ. Въ защиту искусства. Мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого. «Что такое искусство?». Спб. 99. Ц. 40 к.

Р. Гаймъ. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и характеристика. Переводъ съ нѣм. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 3 р.

И. Тэнъ. Б. Шекспиръ. Переводъ съ франц. Изданіе 2-е. І. Юровскаго. Одесса 98. Ц. 15 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1897 г. по 1 окт. 1898 г. Подъ редакціей директора коллегіи А. І. Степовича. Кіевъ 98.

Иллюстрированная исторія религій, составленная **Д. П. Шантепи-**

Digitized by Google

де-ля-Соссей. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей В. Н. Линдъ. Вып. 6-й. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 98.

Языческій культъ вотяковъ. Свящ. **Николай Блиновъ**. Вятка 98. Ц. 30 к.

Исторія религіи. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. А. **Мензиса**. Переводъ съ англ. М. Чепинской. Изданіе 2-е Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 1 р.

Артуръ Шопенгауеръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Переводъ А. Фета. Съ портретомъ Шопенгауера. Изданіе 4-е А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Т. **Рибо**. Философія Шопенгауера. Переводъ съ франц. М. Супернанскаго. Спб. 98. Ц. 80 к.

Эволюція общихъ идей. Т. **Рибо**. Переводъ съ франц. М. Гольдсмитъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 60 к.

Д. С. **Милль**. Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англ. подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Вып. V. М. 98.

Положительная философія Огюста Конта въ изложеніи д-ра **Робине**. Перевелъ съ франц. Е. А. Предтеченскій. Изданіе Ф. Павленкова. Спб 98. Ц. 50 к.

Проф. Г. **Данвиль**. Любовь съ психологической точки зрѣнія. Переводъ съ франц. Л. Гольдмерштейна. Изданіе Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 99. Ц. 60 к.

Очерки психологіи Э. Б. **Тичинера**. Переводъ съ англ. М. Чепинской. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 1 р.

Проф. К. **Гильти**. Популярные очерки по нравственной философіи. Переводъ Л. Гольдмерштейна. Спб. 98. Ц. 50 к.

Гербертъ Спенсеръ. Хорошее и дурное поведеніе. Переводъ съ англ. Спб. 99. Ц. 50 к.

Основные вопросы воспитанія по сочиненіямъ Пирогова. Л. С. Съ портретомъ Пирогова. Спб. 99. Ц. 25 к.

Жизнь и смерть. Публичныя лекціи А. **Сабатье**. Переводъ съ франц. В. Обреимова. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 75 к.

В. **Шимкевичъ**. Популярные біологическіе очерки. Съ 65 рис. въ текстѣ и 4 портретами. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

А. **Фаминцынъ**. Современное естествознаніе и психологія. Изданіе журнала «Міръ Божій». Спб. 98. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи, съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. А. **Эспинаса**. Перевелъ съ франц. Ф. Павленковъ. Изданіе 2-е Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 1 р.

Нервность нашего времени, причины ея и средства къ устраненію. Соціально-гигіеническій этюдъ д-ра **Цигельрота**. Переводъ Н. У. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 25 к.

A. **Proust** и G. **Ballet**. Гигіеническое лѣченіе неврастеніи. Перевелъ съ франц. М. И. Петрункевичъ. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 99. Ц. 1 р.

Проф. **Гаррисонъ**. Развитіе силы и нарощеніе мышцъ гирями. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 98. Ц. 35 к.

Д-ръ Е. **Дюковъ**. За и противъ гомеопатіи. Харьковъ 98. Ц. 50 к.

Digitized by Google

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. IV (Съ 5 портретами и 73 чертежами). М. 98. Ц. 1 р. 20 к.

Очеркъ дѣятельности Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи за первое десятилѣтіе. Нижній Новгородъ 98.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей П. Г. Виноградова. Вып. I. Изданіе 2-е. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Политическая исторія современной Европы (1814—1896). **Ш. Сеньобоса.** Переводъ съ франц. подъ редакціей А. Трачевскаго, съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русской публики. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія первобытныхъ людей. **Э. Клодда.** Съ 88 рис. Переводъ съ англ. М. А. Энгельгардта. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 40 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб. 98. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь, ихъ жизнь и военная дѣятельность. Очеркъ Е. **Орлова.** Съ портретами. Ц. 25 к.— Демосѳенъ и Цицеронъ, ихъ жизнь и дѣятельность. Очерки Е. **Орлова.** Съ портретами. Ц. 25 к.—Мартинъ Лютеръ, его жизнь и реформаторская дѣятельность. Очеркъ Б. Д. **Порозовской.** Съ портретомъ. Ц. 25 к.— Г. Вашингтонъ, его жизнь, военная и общественная дѣятельность. Очеркъ **В. Чепинскаго.** Съ портретомъ. Ц. 25 к.—А. И. Герценъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ **В. Д. Смирнова.** Ц. 25 к.

Сергѣй Шумаковъ. Матеріалы для исторіи Нижегородскаго края. Вып. I-й. Обзоръ арзамасскихъ (1561—1761 гг.) и балахнинскихъ (1538—1755 гг.) актовъ. Нижній-Новгородъ 98.

М. Ѳ. Суперанскій. Симбирскъ и его прошлое (1643 . 1898 гг). Историческій очеркъ. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ 98. Ц. 15 к.

А. Штылько. Астраханская лѣтопись. 1554 . 1897 гг). Астрахань 98. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи соціологіи. **Л. Гумпловича,** Переводъ съ польск. подъ редакціей Е. Леонтьевой. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 99. Ц. 40 к.

П. Г. Виноградовъ. О прогрессѣ. М. 98. Ц. 30 к.

А. Сорель. Монтескье. Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Г. Виноградова. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 98. Ц. 40 к.

Антоніо Лабріола. Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію. Переводъ съ франц. Изданіе Н. И. Березина и М. Н. Семенова. Спб. 98. Ц. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. **Томаса Карлейля.** Переводъ съ англ. В. И. Яковенко. Съ портретомъ автора и статьей переводчика о Карлейлѣ. Изданіе 2-е. Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 1 р.

Психологія французскаго народа. **А. Фуллье.** Переводъ съ франц. Н. Кончевской. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 1 р.

Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. 2-й. Подъ редакціей В. В. Иванова. Изданіе харьковскаго губернскаго статистич. комитета. Харьковъ 98. Ц. 75 к.

Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. Очерки по этно-

Digitized by Google

графіи края. Подъ редакціей В. В. Иванова. Изданіе Харьковскаго губернскаго статистич. комитета. Томъ I. Харьковъ 98. Ц. 2 р.

К. Бюхеръ. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Переводъ подъ редакціей В. Э. Дена. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб. 98. Ц. 60 к.

В. Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Коммерческій словарь. Составилъ **І. П. Сениговъ.** Изданіе П. П. Сойкина. Спб. Ц. 2 р.

А. Цуриновъ. Природныя богатства Тифлиса (Проектъ переустройства горячихъ сѣрно-щелочныхъ источниковъ въ видахъ ихъ правильной эксплоатаціи). Тифлисъ 98.

Катихизисъ химическихъ производствъ. I. Сѣрнокислое производство. Составилъ **Е. И. Орловъ.** Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 30 к.

Краткій обзоръ дѣятельности Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества за первый періодъ его существованія и отчетъ за 1897 годъ. М. 98.

Протоколъ обыкновеннаго общаго собранія Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. № 5. М. 98.

Путешествіе къ лѣснымъ людямъ. **П. П. Инфантьева.** М. 98.

Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельскохозяйственной и лѣсной части. Первое дополненіе. Составилъ **И. И. Мамонтовъ.** Спб. 98.

Отчетъ по лѣсному управленію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за 1897 годъ. Спб. 98.

Программы чтенія для самообразованія. 3-е, вновь переработанное и дополненное изданіе Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Спб. 99. Ц. 40 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ съ распредѣленіемъ задачъ по типамъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Составленъ кружкомъ учителей московскихъ городскихъ школъ. Вып. I. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 15 к.

Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Составилъ **А. Плестереръ.** Курсъ второго класса. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 35 к.

С. Зенченко. О подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній къ педагогической дѣятельности. М. 98. Ц. 25 к.

Перепись учащихся въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Александрійскаго уѣзда въ 1898 г. Александрія 98.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній за 1897 г. М. 98.

Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1897 г. Спб. 98.

Краткія статистич. свѣдѣнія о начальныхъ школахъ Псковскаго уѣзда за 1896—7 г. Псковъ 98.

Изданія М. Н. Слѣпцовой. Книжка за книжкой. Чтеніе для кончающихъ и окончившихъ начальную школу. Кн. 61—80: 61. **Мольеръ.** Скупой въ приспособленіи для народнаго театра. 20 к.—62. **Ауербахъ.** Сирота. 15 к.—63. **Оржешко.** Романиха. 10 к.—64. **Оржешко.** Тяжкій грѣхъ. 10 к.—65. Раздумье. Стихотворенія съ поясненіями. 5 к.—66. **Александровъ.** Что за сила въ грозѣ? 15 к.—67. **М. Слѣпцова.** Змѣи. 25 к.—68.

Digitized by Google

М. Слѣпцова. Какъ воюютъ между собою растенія. 8 к.—69. **М. Слѣпцова.** Соль. 25 к.—71. Д-ръ **Зененко.** Кровь. 15 к.—72. Картофель. 10 к.—73. Откуда взялись камни на поляхъ. 15 к.—74. **Смирновъ.** Въ глуши. Очерки Карелiи. 15 к.—75. Колдуны и вѣдьмы. 15 к.—76—80. Изъ исторiи и народныхъ сказаній: Киръ-царь персидскій. 10 к. Египетъ. 35 к. Неистовый Камбизъ. 10 к. Розовыя щечки. 5 к. Сокровища царя Рамзеса. 7 к.

Изданія К. И. Тихомирова. М. 98. **А. П. Валуева (Мунтъ)** Разсказы о великихъ и хорошихъ людяхъ: Авраамъ Линкольнъ. 4-е изданіе. Ц. 20 к. Христоферъ Колумбъ. 2-е изданіе. Ц. 25 к. Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Ц. 10 к.—**К. Шиндлеръ.** Изъ практики для практики. Земледѣльческія орудія и машины. Ц. 15 к.—**И. Селивановскій.** Берестяное производство. Ц. 10 к.—**Д. Арцыбашевъ.** Простѣйшіе приборы по молочному хозяйству. Ц. 15 к—**В. Пржеіорскій.** Первая бесѣда о дренажѣ. Ц. 7 к.—**В. Я. Лангъ.** Зараза, или пришла бѣда, отворяй ворота. Ц. 6 к.

Проф. **Альбертъ Ревиль.** Какъ я повѣрилъ въ невиновность Дрейфуса. Переводъ съ франц. Я. С. Балабана. Изданіе С. В. Можаровскаго. Одесса 98. Ц. 25 к., съ перес. 30 к.

Histoire des doctrines économiques. Par **Luigi Cossa.** Avec une préface de A Deschamps. P. 99. Pr. 10 fr.

La famille dans les différentes sociétés. Par **C. N. Starcke.** P. 99. Pr. 5 fr.

Центральные союзы и кредитные банки для мелкихъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи.

(Докладъ второму Съѣзду представителей обществъ взаимнаго кредита 10 августа 1898 года).

Если бы меня спросили, почему здѣсь, въ день открытія II съѣзда представителей русскихъ обществъ взаимнаго кредита, я буду говорить о Германіи, то мнѣ достаточно сказать, что Германія—классическая страна всевозможныхъ кооперативныхъ учрежденій. Вся страна покрыта цѣлою сѣтью разнообразныхъ товарищескихъ организацій, среди которыхъ кредитныя занимаютъ самое видное мѣсто. Они не стоятъ одиноко, а группируются въ союзы; они создали для себя центральныя кассы, банки, т. е. тѣ учрежденія, устройство которыхъ составляло, между прочимъ, предметъ занятій перваго съѣзда представителей ссудосберегательныхъ товариществъ и настоящаго съѣзда. Если кооперативное движеніе не остановится, а будетъ развиваться съ такою же быстротою, съ

Digitized by Google

какою развивалось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ Германіи скоро наступитъ время, когда почти въ каждой деревнѣ будетъ существовать того или другого вида кооперативное учрежденіе, не говоря уже о крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, въ которыхъ и теперь насчитываются десятки подобныхъ учрежденій. Разбросанные по всей странѣ мелкіе банки, сельскія кассы, потребительные союзы, строительныя товарищества связаны общими интересами, руководствуются однообразными уставами; всѣ они находятъ для себя поддержку въ центральныхъ союзахъ. Благодаря этой концентраціи, объединенію слабыхъ товариществъ въ союзы, кооперативныя кредитныя учрежденія достигли въ Германіи такого развитія, какого не достигли ни въ одной странѣ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на исторіи кооперація въ Германіи, на характеристикѣ банковъ, основанныхъ Шульце-Деличемъ, всего ближе подходящихъ къ нашимъ обществамъ взаимнаго кредита, ни на продолжительной борьбѣ между защитниками его идей съ представителями учрежденій, созданныхъ по образцу, выработанному Райффейзеномъ. Въ мою задачу входитъ лишь ознакомленіе съ центральными союзами и кассами, объединяющими отдѣльныя товарищества, къ какой бы группѣ они ни принадлежали.

Прежде чѣмъ перейти къ центральнымъ организаціямъ, я позволю себѣ привести нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о быстромъ распространеніи товариществъ въ Германіи. Въ прошломъ году въ Германіи уже насчитывалось около 15,000 кооперативныхъ учрежденій, изъ которыхъ около 10,000 принадлежало къ кредитнымъ. *) Чтобы наглядно показать, какое развитіе получили кредитныя товарищества и банки, построенные на началахъ, аналогичныхъ нашимъ обществамъ взаимнаго кредита или, по крайней мѣрѣ, всего болѣе приближающихся къ нимъ, достаточно привести нѣкоторыя статистическія данныя объ операціяхъ товариществъ, примыкающихъ къ «Всеобщему Союзу», занимающему, если не по числу входящихъ въ него товариществъ, то по числу членовъ и по величинѣ оборота первое мѣсто. Въ 1,068 товариществахъ, предоставившихъ свои отчеты «Всеобщему Союзу» (къ 1 августа 1898 года къ «Союзу» примыкаетъ 1,544 товарищества) числилось въ 1896 году 496,367 членовъ, воспользовавшихся въ теченіе года кредитомъ въ 1.659,000,000 марокъ (въ 1897—98 году сумма выданныхъ ссудъ составляла 1,782 мил. м.). Товарищества эти располагали собственными капиталами въ 126 мил. м., резервными фондами въ 38 мил., а сумма вкладовъ и займовъ составляла 467 мил. Правда, эти товарищества принадлежатъ къ самымъ крупнымъ; какъ по числу членовъ, такъ и размѣру оборотовъ остальныя това-

*) Согласно отчету, представленному 39 съѣзду германскихъ промышленныхъ и экономическихъ товариществъ, къ 1 августа 1898 года число товариществъ достигло уже 16,049 (1 августа 1897 года ихъ было 14,842), изъ нихъ 10,259 принадлежатъ къ кредитнымъ.

Digitized by Google

рищества гораздо слабѣе, но вышеприведенныя данныя показываютъ, какими огромными средствами располагаютъ кооперативныя кредитныя учрежденія въ Германіи, какую силу они представляютъ въ настоящее время. Нѣкоторыя изъ товариществъ могутъ выдержать сравненіе съ акціонерными банками и скорѣе приближаются къ нашимъ обществамъ взаимнаго кредита, чѣмъ къ ссудосберегательнымъ товариществамъ.

Какъ только кооперативныя учрежденія стали развиваться, они тотчасъ начали соединяться въ союзы. Первый такой союзъ образовался въ 1859 г.; это—«Всеобщій Союзъ промышленныхъ и экономическихъ товариществъ», въ составъ котораго въ 1896 году входило 1496 членовъ, т. е. отдѣльныхъ кооперативныхъ учрежденій. Членами Союза состоятъ товарищества, преслѣдующія самыя разнообразныя цѣли; къ нему примыкаютъ потребительныя товарищества, строительныя, промышленныя, товарищества покупки различныхъ произведеній, для продажи молочныхъ продуктовъ, и т. п.

Уполномоченнымъ или завѣдующимъ дѣлами Союза (Anwalt) былъ первоначально Шульце-Деличъ, послѣ него Шенкъ, теперь Кригеръ,—все лица, пользующіяся репутаціею знатоковъ этого дѣла, выступавшія неоднократно въ защиту кооперативныхъ учрежденій въ печати, обладающія знаніями и опытомъ, необходимымъ для защиты ввѣреннаго имъ дѣла. Въ литературѣ они отстаивали принципы, на которыхъ построены шульце-деличевскіе банки, и являлись горячими поборниками самостоятельности и независимости товариществъ.

Управленіе дѣлами Союза организовано слѣдующимъ образомъ: ежегодно устраиваются *Съѣзды* (Genossenschaftstag), на которыхъ представляются отчеты о кооперативномъ движеніи за годъ, свѣдѣнія о принадлежащихъ Союзу суммахъ, читаются доклады, дѣлаются предложенія объ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ и о желательныхъ реформахъ и т. д. Вопросы, носящіе мѣстный характеръ, не имѣющіе значенія для всѣхъ членовъ Союза, входятъ въ компетенцію *провинціальныхъ, мѣстныхъ союзовъ* (Unterverbände, въ 1896 году ихъ было 32, между ними 22 изъ кредитныхъ товариществъ). Съѣздъ избираетъ Совѣтъ (Engere Ausschuss), постоянный органъ, на ряду съ которымъ существуетъ еще избираемый провинціальными союзами Совѣтъ (Gesammt Ausschuss). Весьма важную роль въ Союзѣ играетъ завѣдующій дѣлами—Anwalt; онъ является также оффиціальнымъ представителемъ Союза во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ рейхстагѣ или ландтагѣ обсуждаются вопросы, затрогивающіе интересы народныхъ банковъ, потребительныхъ товариществъ или аналогичныхъ учрежденій. Союзъ имѣетъ свой печатный органъ Blätter für Genossenschaftswesen, въ которомъ обсуждаются вопросы, затрогивающіе интересы товарищества.

Digitized by Google

Цѣли союза составляютъ: распространеніе въ обществѣ кооперативныхъ идей, развитіе и улучшеніе уставовъ отдѣльныхъ товариществъ, содѣйствіе къ удовлетворенію ихъ ходатайствъ передъ правительствомъ, защита общихъ интересовъ, установленіе связи между отдѣльными товариществами, установленіе порядка въ отчетности и счетоводствѣ, ревизія дѣлопроизводства и проч. Для выполненія денежныхъ операцій и для облегченія отдѣльнымъ товариществамъ пользованія кредитомъ въ 1864 году былъ учрежденъ центральный банкъ, Genossenschaftsbank Sörgel, Parisius et Comp.; банкъ этотъ долженъ былъ также содѣйствовать установленію правильныхъ отношеній и связей между мелкими кредитными учрежденіями и столичными крупными банками. Предполагалось, что онъ не только будетъ выполнять порученія отдѣльныхъ кредитныхъ товариществъ по покупкѣ и продажѣ бумагъ, по переводу денегъ, по полученію за ихъ счетъ денегъ, но и оказывать помощь провинціальнымъ мелкимъ товариществамъ, которыя на мѣстѣ не могутъ пользоваться кредитомъ на такихъ льготныхъ условіяхъ, какія доступны центральному банку. Этотъ банкъ организованъ въ видѣ акціонернаго предпріятія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что непосредственный кредитъ отдѣльнымъ товариществамъ не входилъ въ задачи центральнаго банка. Предполагалось, что и косвеннаго содѣйствія достаточно для упроченія товариществъ. На ряду съ операціями, касавшимися кооперативныхъ учрежденій, банкъ выполнялъ всѣ тѣ операціи, которыя входятъ въ кругъ обычныхъ операцій акціонерныхъ коммерческихъ банковъ. Съ теченіемъ времени этотъ центральный банкъ превратился въ коммерческій банкъ, сохранивъ только прежнюю фирму. Хотя онъ и остался по названію тѣмъ же Genossenschaftsbank, но онъ ничѣмъ уже теперь не отличается отъ крупныхъ столичныхъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ. Онъ участвуетъ въ различныхъ эмиссіонныхъ операціяхъ, принимаетъ на себя реализацію акцій и облигацій промышленныхъ предпріятій, вообще фигурируетъ наравнѣ съ крупными берлинскими банками въ различныхъ финансовыхъ операціяхъ. Судьба этого банка, основаннаго горячими поборниками шульцеделичевскихъ идей, Сергелемъ и Паризіусомъ, въ высшей степени интересна не только потому, что это былъ первый центральный банкъ для товариществъ, но и потому, что на этомъ примѣрѣ видно, какъ легко кооперативныя товарищескія предпріятія превращаются при благопріятныхъ условіяхъ въ акціонерныя. Это превращеніе, кромѣ того, показываетъ, что крупныя товарищества—а къ Всеобщему Союзу промышленныхъ и экономическихъ товариществъ примыкаютъ преимущественно крупныя товарищества—не въ такой мѣрѣ нуждаются въ центральныхъ банкахъ, какъ мелкія.

Второй центральный Союзъ и центральный банкъ объединяетъ сельскія кассы и товарищества райффейзеновскаго типа. Въ 1872 году Райффейзенъ основалъ въ Нейвидѣ «Рейнскій Сельско-

Digitized by Google

хозяйственный банкъ для товариществъ», потомъ въ Изерлонѣ былъ основанъ для тѣхъ же цѣлей «Вестфальскій Сельскохозяйственный банкъ» и въ Дармштатѣ «Сельско-хозяйственная Центральная Касса для Гессена». Всѣ эти три банка основали въ 1874 году въ Нейвидѣ новый центральный банкъ подъ названіемъ «Нѣмецкій Сельско-хозяйственный генеральный банкъ». Подъ вліяніемъ агитаціи Шульце-Делича, доказывавшаго, что центральные банки, основанные Райффейзеномъ, не согласованы съ дѣйствовавшимъ тогда законодательствомъ о товариществахъ, банки эти вынуждены были ликвидировать свои дѣла. Одинъ только Рейнскій банкъ былъ преобразованъ въ 1876 году въ «Сельско-хозяйственную Центральную Кассу въ Нейвидѣ».

Банкъ этотъ имѣетъ цѣлью оказывать помощь кредитомъ исключительно кооперативнымъ обществамъ, организованнымъ по системѣ Райффейзена.

Агитація Шульце-Делича противъ Райффейзена и созданныхъ имъ товариществъ и кассъ вполнѣ понятна: въ то время какъ Райффейзенъ, дѣятельность котораго была сосредоточена въ деревнѣ, не только не отказывался отъ правительственнаго содѣйствія, но во многихъ случаяхъ искалъ даже прямой поддержки, Шульце-Деличъ всегда безусловно высказывался противъ правительственнаго вмѣшательства, считая его вреднымъ для развитія ссудосберегательныхъ товариществъ; онъ выдвигалъ на первый планъ принципъ взаимопомощи. Банки и товарищества, созданные по выработанному имъ типу, функціонируютъ преимущественно въ городахъ и могли обходиться безъ посторонней поддержки, тогда какъ товарищества райффейзеновскаго типа, далеко не располагающія такими средствами, болѣе слабыя въ хозяйственномъ отношеніи, нуждались въ поддержкѣ и всегда охотно шли на встрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ, облегчающимъ имъ кредитъ и оказывавшимъ имъ содѣйствіе въ различныхъ формахъ.

Въ связи съ Нейвидскою центральною кассою находится центральный Союзъ—Anwaltschaftsverband, приближающійся по своей организаціи къ «Всеобщему Союзу промышленныхъ и экономическихъ товариществъ».

Въ этомъ Союзѣ такіе же органы управленія; въ него входятъ не только сельскія кассы, но и другого рода кооперативныя учрежденія. Уже въ 1893 г. къ нему примыкало 1,232 товарищества, въ томъ числѣ 1,129 кредитныхъ.

Союзъ имѣетъ свой печатный органъ Landwirhtschaftliches Genossenschaftsblatt, распространяющійся въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Въ немъ помѣщаются всѣ свѣдѣнія, могущія интересовать кооперативныя товарищества, отвѣты на запросы, поступающіе какъ отъ обществъ, такъ и отъ отдѣльныхъ членовъ того или другого кооперативнаго учрежденія.

Наконецъ, въ Германіи имѣется третій, еще болѣе крупный

Digitized by Google

центральный Союзъ подъ названіемъ «Всеобщій Союзъ сельскохозяйственныхъ товариществъ» (Allgemeiner Verband der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften).

Доступъ къ этому Союзу болѣе свободенъ, чѣмъ въ вышеуказанныхъ двухъ Союзахъ. Онъ занимаетъ совершенно самостоятельное мѣсто. Приближаясь къ учрежденіямъ райффейзеновскаго типа, онъ въ то же время не только не сталъ въ оппозицію къ шульце-деличевскимъ товариществамъ, но даже принялъ нѣкоторыя положенія изъ катехизиса Шульце-Делича.

Руководитель Союза Гаасъ, съумѣвшій создать изъ него самое многочисленное и вліятельное центральное учрежденіе для товариществъ, могъ съ гордостью заявить на послѣднемъ съѣздѣ въ Карлсруэ, что, не смотря на сравнительно кратковременный періодъ со времени основанія Союза (Союзъ существуетъ лишь 15 лѣтъ, тогда какъ шульце-деличевскій Союзъ основанъ въ 1859 году, а Нейвидскій въ 1872 г.), ему удалось привлечь больше членовъ, чѣмъ другимъ центральнымъ союзамъ.

Въ 1893 г. къ нему примыкало около 2,000 членовъ, въ томъ числѣ 15 центральныхъ товариществъ и 21 провинціальное. Въ настоящее время онъ объединяетъ 6,061 товарищество, а именно 3,720 ссудныхъ, ссудосберегательныхъ и иныхъ кассъ, 1,258 товариществъ для покупки и продажи продуктовъ, 897 товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ и 186 различнаго рода товариществъ. Въ теченіе одного года къ этому Союзу примкнуло 1,702 новыхъ товарищества. Благодаря присоединенію одного баварскаго союза сельско-хозяйственныхъ товариществъ, число членовъ увеличилось на 1,220. Дѣятельность этого Союза распространяется на всю Германію, всякое кооперативное общество, гдѣ бы оно ни находилось на всемъ пространствѣ Германской Имперіи, можетъ быть его членомъ. Печатный органъ его Deutsche landwirthschaftliche Genossenchaftspresse. Цѣли Союза — самыя разнообразныя: покупка машинъ, земледѣльческихъ орудій, сельско-хозяйственныхъ произведеній, посредничество въ пріобрѣтеніи тѣхъ или другихъ предметовъ, открытіе кредита, страхованіе и т. д.

Въ тѣсной связи съ Союзомъ находится центральный банкъ— «Сельско-хозяйственный банкъ, для товариществъ въ Дармштадтѣ» (Landwirthschaftliche Genossenschaftsbank), акціонерное общество съ капиталомъ въ 500,000 марокъ. Кредитомъ въ банкѣ могутъ пользоваться только союзы товариществъ и отдѣльныя товарищества, подчиняющіяся ревизіи чрезъ ревизоровъ союза; кредитъ частнымъ лицамъ, спекулятивныя сдѣлки и ипотечныя операціи исключены изъ круга дѣйствій банка. Изъ отчета за 1897 г. (14-й отчетный годъ) видно, что десять акцій принадлежатъ Союзамъ, 20 одному центральному товариществу, 46 акцій 11 товариществамъ для сбыта молочныхъ продуктовъ, 117 акцій 69 сельско-хо-

Digitized by Google

зяйственнымъ потребительнымъ товариществамъ, 1540 акцій 321 кассѣ и 767 акцій 296 частнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ, въ Германіи функціонируетъ теперь три крупныхъ центральныхъ союза: Шульце-Деличевскій Всеобщій Союзъ промышленныхъ и экономическихъ товариществъ, Нейвидскій Союзъ и Всеобщій Союзъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ въ Оффенбахѣ. Каждое кооперативное товарищество, по своему усмотрѣнію, можетъ быть членомъ любого изъ нихъ. Они не ограничены никакимъ райономъ, а распространяютъ свою дѣятельность на всю Германію. Обороты центральныхъ кассъ Всеобщаго Союза сельскохозяйственныхъ товариществъ достигли въ 1897 г. 405 мил. марокъ, Нейвидскаго Союза—270 мил.

Но на ряду съ этими тремя центральными кредитными учрежденіями, въ Германіи находится около двадцати провинціальныхъ центральныхъ кассъ (ихъ обороты въ 1897 году составляли 140 милл. марокъ) съ болѣе ограниченными районами. Отдѣльныя кооперативныя учрежденія охотно вступаютъ въ Германіи въ сношенія другъ съ другомъ, стремятся къ образованію центральныхъ союзовъ и центральныхъ кассъ и банковъ.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ странамъ Германіи и къ существующимъ въ нихъ центральнымъ кассамъ.

Въ *Баденѣ* первое товарищество возникло 25 лѣтъ тому назадъ; въ 1883 году образовался Союзъ, вступившій съ отдѣленіемъ акціонернаго Рейнскаго кредитнаго банка въ договоръ, по которому отдѣленіе банка приняло на себя функцію центральной кассы для товариществъ. Потомъ эту функцію началъ выполнять Рейнскій Ипотечный банкъ въ Мангеймѣ. Вмѣсто самостоятельнаго банка Союзъ нашелъ болѣе удобнымъ воспользоваться услугами, предложенными акціонернымъ ипотечнымъ банкомъ. Входящія въ Союзъ товарищества, а ихъ уже имѣется до 200, могутъ пользоваться въ ипотечномъ банкѣ кредитомъ до 4 мил. марокъ въ годъ. Конечно, эта сумма не выбирается товариществами, но они знаютъ, что, въ случаѣ нужды, они всегда могутъ разсчитывать на поддержку Рейнскаго ипотечнаго банка.

Въ *Баваріи* правительство весьма охотно оказываетъ помощь мелкому люду въ формѣ кредита, вслѣдствіе чего въ этой странѣ весьма быстро распространяются разнообразныя кооперативныя учрежденія. Посредничество между отдѣльными товариществами организовано слѣдующимъ образомъ: товарищества и кассы, входящія въ Нижнефранконскій Союзъ, заключили еще въ 1881 году съ отдѣленіемъ Королевскаго банка въ Вюрцбургѣ договоръ, по которому на отдѣленіе была возложена функція центральной кассы; оно должно было оказывать помощь кредитомъ товариществамъ и сельскимъ кассамъ. Въ 1894 г. кредитомъ воспользовалось 129 кассъ; имъ были выданы ссуды на 856,000 мил. Кромѣ того, товарищества могутъ пользоваться кредитомъ и въ Баварскомъ би-

Digitized by Google

летномъ банкѣ въ Вюрцбургѣ. Для облегченія сношеній между отдѣльными кассами въ 1891 году было устроено бюро, въ которое каждая касса сообщаетъ о положеніи своихъ дѣлъ. Если она располагаетъ свободными оборотными средствами, то она сообщаетъ въ бюро, что у нея имѣется извѣстная сумма свободнаго капитала; нуждающаяся же касса доводитъ до свѣдѣнія бюро, что ей на опредѣленный срокъ нужна извѣстная сумма; въ такомъ случаѣ, по распоряженію бюро, изъ первой кассы переводится во вторую кассу потребная ей сумма денегъ. Такимъ образомъ, это посредническое бюро облегчаетъ каждой кассѣ пользованіе кредитомъ другъ у друга, избавляя ихъ отъ необходимости обращаться за кредитомъ въ центральное учрежденіе. Впрочемъ, обороты бюро не очень велики.

Какимъ довѣріемъ въ глазахъ правительства пользуются сельскія кассы и товарищества, показываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1893 г. правительство, желая поддержать крестьянское населеніе, лишенное, вслѣдствіе неурожая травъ, возможности прокормить скотъ, ассигновало на этотъ предметъ 253 тыс. марокъ. Для раздачи этихъ денегъ, оно обратилось къ сельскимъ кассамъ, какъ наилучшимъ представителямъ мѣстныхъ интересовъ, въ полной увѣренности, что въ рукахъ сельскихъ кассъ ввѣренныя имъ деньги не погибнутъ.

Среднефранконскія кассы пользуются кредитомъ въ правительственномъ банкѣ въ Нюренбергѣ, гдѣ имъ открытъ кредитъ въ 200,000 марокъ изъ 3% годовыхъ. Наконецъ, имъ оказываютъ кредитъ Билетный банкъ и Баварскій ипотечный и вексельный банкъ, послѣдній изъ $3^1/_2$%.

Такимъ образомъ, въ Баваріи существуетъ цѣлая группа кредитныхъ учрежденій, которыя приходятъ на помощь мелкому кредиту. Въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ Баваріи ни образовалось кооперативное товарищество, оно можетъ разсчитывать на поддержку. Для этого ему стоитъ только примкнуть къ провинціальному союзу, который связанъ съ какимъ нибудь центральнымъ банкомъ, или пользуется кредитомъ въ крупномъ акціонерномъ банкѣ. Если дѣла его ведутся правильно, то оно всегда можетъ разсчитывать на поддержку и кредитъ. Тоже относится и къ центральнымъ потребительнымъ союзамъ, товариществамъ для сбыта продуктовъ и покупки орудій. Они даютъ отдѣльнымъ товариществамъ возможность пріобрѣтать разнообразные продукты по оптовымъ цѣнамъ.

Остается еще упомянуть о Баварской центральной ссудной кассѣ (товарищество съ ограниченною отвѣтственностью), основанной въ Мюнхенѣ Союзомъ баварскихъ сельско-хозяйственныхъ ссудныхъ кассъ. На 1 января 1897 года за членами числилось ссудъ свыше 4 мил. м., въ теченіе 1896 года внесено было членами 13,6 мил., получено изъ кассы 14,8 мил. Число членовъ центральной кассы

Digitized by Google

къ этому времени составляло 960, а число принадлежащихъ имъ паевъ 1275. Таковы обороты кассы при наличности паевыхъ взносовъ въ 43,855 марокъ и капитала сбезпеченія въ 1,275,000 м.

Этой кассѣ правительство дало безпроцентную ссуду въ суммѣ 100 тыс. марокъ. Кромѣ того, правительство сдѣлало вкладъ въ Королевскій банкъ въ Мюнхенѣ въ 100 тыс. марокъ для расширенія кредита центральной кассѣ. Для содѣйствія Союзу при открытіи новыхъ кассъ правительство выдаетъ ежегодно субсидію Союзу въ размѣрѣ 19,000 марокъ и центральной кассѣ въ размѣрѣ 6,500 марокъ.

Такимъ образомъ, баварское правительство принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ развитію учрежденій мелкаго кредита на кооперативныхъ началахъ.

Центральные банки и кассы, принимающіе фирму товарищества съ ограниченною отвѣтственностью, организованы слѣдующимъ образомъ: пай обыкновенно не превышаетъ 100 марокъ, въ счетъ котораго долженъ быть сдѣланъ взносъ въ 10 марокъ, отвѣтственность за каждый пай десятикратная, въ 1000 марокъ, maximum дивиденда—не свыше 4%, иногда 5%. Все, что остается свыше 4%, поступаетъ въ запасный фондъ. Членами товарищества могутъ быть только кассы, союзы и товарищества, примыкающіе къ мѣстному центральному союзу, установившіе ревизіи чрезъ посредство ревизоровъ союза. Отдѣльныя лица допускаются только въ томъ случаѣ, когда они избраны въ составъ правленія или наблюдательнаго комитета, но они не могутъ пользоваться кредитомъ.

Такимъ образомъ, приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы эти кассы не увлеклись посторонними операціями и не уподобились акціонернымъ банкамъ обычнаго типа. Если просмотрѣть отчеты этихъ кассъ за нѣсколько лѣтъ, то окажется, что дивидендъ составляетъ обыкновенно не болѣе 4%.

Въ центральныхъ банкахъ и кассахъ, организованныхъ на акціонерныхъ началахъ, взносы по акціямъ замѣняютъ капиталъ обезпеченія, въ нихъ отвѣтственность не идетъ дальше акціонернаго капитала. Въ остальномъ мало разницы, такъ какъ и въ акціонерныхъ центральныхъ банкахъ приняты мѣры къ тому, чтобы они не увлекались стремленіемъ къ увеличенію дивиденда и не занимались спекулятивными операціями.

Если союзъ постановилъ устроить для входящихъ въ него товариществъ центральный банкъ или кассу, то ему остается прежде всего вступить въ переговоры съ какимъ нибудь изъ существующихъ правительственныхъ или акціонерныхъ банковъ и заключить съ нимъ договоръ, по которому товарищества получаютъ право пользоваться кредитомъ, а банкъ получаетъ значеніе центральной кассы для товариществъ. Если же заключеніе такого договора почему либо нежелательно или неисполнимо, то союзъ основываетъ самостоятельный центральный банкъ. Будетъ ли послѣдній органи-

Digitized by Google

зованъ на акціонерныхъ началахъ или въ видѣ товарищества съ ограниченною отвѣтственностью,—это вопросъ второстепенный, касающійся скорѣе формы, чѣмъ существа. Въ томъ и другомъ случаѣ цѣли центральной кассы одинаковы. Слѣдовательно, при организаціи ея необходимо обратить особенное вниманіе лишь на то, чтобы съ развитіемъ своихъ операцій она не обратилась въ обычнаго типа коммерческій банкъ, не стремилась къ большимъ дивидендамъ и не увлеклась сомнительными, но часто весьма выгодными эмиссіонными операціями, носящими спекулятивный характеръ. Что опасенія эти основательны, показываетъ исторія одного изъ банковъ, пользовавшагося долгое время репутаціею образцоваго банка для мелкаго сельскаго кредита. Это сельско-хозяйственный банкъ въ Трирѣ, основанный каплановъ Дасбахомъ, для борьбы съ сельскимъ ростовщичествомъ. Банкъ выдавалъ ссуды для покупки скота подъ залогъ хлѣба, самостоятельно выступалъ въ качествѣ покупателя на хлѣбъ, принималъ участіе въ покупкѣ участковъ земли по порученію другихъ лицъ, вообще выступалъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ростовщичество приноситъ всего больше вреда крестьянскому населенію. Какъ въ нѣмецкой литературѣ (особенно Іегеръ), такъ и въ иностранной (Дюронъ) банкъ этотъ фигурируетъ какъ образецъ общеполезнаго учрежденія. По § 31 устава высшій размѣръ дивиденда опредѣленъ въ 5%. Въ послѣднее время эта статья отмѣнена, вмѣсто нея введено постановленіе, по которому размѣры дивиденда не ограничены никакою нормою. Отчетъ 1897 года ясно доказываетъ, что банкъ потерялъ прежнее значеніе, учредитель его, Дасбахъ, отказался на послѣднемъ общемъ собраніи въ февралѣ нынѣшняго года отъ дальнѣйшаго участія, дивидендъ назначенъ въ $7^1/_2\%$ при общей чистой прибыли около 14%. Изъ этого же отчета видно, что банкъ окончательно потерялъ прежній характеръ.

Во избѣжаніе подобной метаморфозы въ истинно кооперативныхъ обществахъ всегда ограничивается размѣръ процентовъ 4, а иногда 5%.

Теперь сдѣлаемъ бѣглый обзоръ оборотовъ еще нѣкоторыхъ центральныхъ кассъ на основаніи имѣющихся у насъ отчетовъ.

Въ *Вюртембергѣ* Союзъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ, пользовавшійся кредитомъ въ королевскомъ банкѣ въ Штутгартѣ по особому договору, заключенному въ 1881 году. Въ 1893 году онъ основалъ въ Штутгартѣ самостоятельную «Центральную Кассу для товарищества» въ формѣ товарищества съ ограниченною отвѣтственною. Въ 1894 году обороты ея составляли уже $14^1/_2$ мил. она платила по вкладамъ $3^1/_2\%$, взимала по ссудамъ $4^1/_2\%$. Дивидендъ опредѣленъ не свыше 4%, пай назначенъ въ 100 м. при десятикратной отвѣтственности, никто изъ членовъ не владѣетъ больше чѣмъ 10 паями.

Въ *Касселѣ* организована центральная касса для товариществъ,

Digitized by Google

располагающая капиталомъ въ 546,000 м., въ формѣ товарищества съ ограниченною отвѣтственностью.

Въ *Висбаденѣ* въ 1894 году основана Нассауская главная касса для товариществъ.

Въ *Рейнской провинціи* функціонируетъ Главная касса для мѣстныхъ товариществъ въ Боннѣ (Hauptsgenossenschaftskasse).

Въ *Вестфаліи* въ Мюнстерѣ въ 1884 году учреждена Центральная касса въ видѣ акціонернаго общества съ капиталомъ въ 500,000 м., раздѣленнымъ на 1,000 акцій.

Въ *Ганноверѣ* въ 1890 году открыла свои дѣйствія Касса для товариществъ (Landesgenossenschaftskasse). Дивидендъ опредѣленъ въ размѣрѣ, не превышающемъ процента по ссудамъ. Отвѣтственность за пай составляетъ 2,000 м., кредитъ на каждый пай не свыше 10,000 м., но не больше 50,000 м. на члена.

Въ *Галле* въ 1893 году основано товарищество съ ограниченною отвѣтственностью (Genossenschaftsbank). Размѣръ пая 100 м., отвѣтственность за пай 6,000 м.

Для *Бранденбурга* существуетъ особая центральная касса Provinzialgenossenschaftskasse für die Mark Brandenburg und die Niederlausitz; ей открытъ, съ гарантіею провинціальнаго управленія, дешевый кредитъ въ 500,000 марокъ.

Хотя я и утомилъ, вѣроятно, ваше вниманіе перечисленіемъ центральныхъ кассъ и банковъ, но я все же не исчерпалъ всѣхъ дѣйствующихъ въ настоящее время учрежденій этого рода.

Центральные банки, находящіеся въ крупныхъ городахъ Германіи, распространяютъ свою дѣятельность на всю страну; провинціальныя кассы, въ составъ которыхъ входятъ мѣстныя товарищества, ограничиваютъ свои операціи болѣе тѣснымъ райономъ. Какъ бы то ни было, безспорно, что Германія покрыта въ настоящее время цѣлою сѣтью центральныхъ союзовъ и кассъ.

Вѣнцомъ всѣхъ учрежденій подобнаго рода является Прусская правительственная центральная касса для товариществъ (Preussische Centralgenossenschaftkasse). Противъ устройства этой кассы высказывалось много возраженій, особенно со стороны представителей банковъ и союзовъ шульце-деличевскаго типа.

По предложенію министра финансовъ Микеля, на устройство центральной кассы было ассигновано изъ государственнаго казначейства сначала 5 мил. марокъ въ прусскихъ консоляхъ, а затѣмъ эта сумма была увеличена до 20 мил. Теперь рѣчь идетъ уже объ увеличеніи капитала кассы до 40 мил. марокъ.

Прежде всего нужно было разрѣшить вопросъ: организовать ли эту кассу въ видѣ акціонернаго банка, товарищества съ ограниченною отвѣтственностью, или въ формѣ правительственнаго учрежденія? Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свои выгодныя и невыгодныя стороны. Въ виду этого рѣшено было придать центральной кассѣ характеръ смѣшаннаго учрежденія. Съ формальной стороны,

Digitized by Google

касса является правительственнымъ учрежденіемъ, но правительство въ то же время не отвѣчаетъ по обязательствамъ кассы. Слѣдовательно, это учрежденіе отнюдь не походитъ на наши дворянскій или крестьянскій государственные банки. Выдавъ изъ казначейства 20 мил. марокъ на устройсто кассы, правительство этимъ и ограничилось. Оно не несетъ никакой дальнѣйшей отвѣтственности, оно не отвѣчаетъ за убытки, которые могутъ причинить кассѣ союзы, пользующіеся въ ней кредитомъ. Это создало для правительства очень удобную позицію. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что выданные въ ссуду кассѣ 20 мил. марокъ погибли (въ дѣйствительности они при нынѣшней организаціи не могутъ погибнуть), потери правительства выразятся лишь въ суммѣ 20 мил. марокъ. Ссуда выдана кассѣ на слѣдующихъ условіяхъ: пока въ кассѣ не образовался запасный капиталъ въ 25% основного, правительство получаетъ 3% за свои деньги; когда запасный капиталъ превыситъ этотъ размѣръ, касса должна будетъ уплачивать 4%. То же относится и къ суммамъ, внесеннымъ въ основной капиталъ союзами, если они пожелаютъ принять въ немъ участіе. До сихъ поръ касса исправно выплачиваетъ правительству проценты по ссудѣ.

Болѣе крупные товарищества и союзы враждебно отнеслись къ учрежденію центральной кассы. Представители банковъ шульце-деличевскаго типа, гг. Паризіусъ и Шенкъ, заявляли, что для ихъ банковъ правительственное участіе въ формѣ устройства спеціальной кассы для мелкаго кредита не только не нужно, но въ этой формѣ даже вредно, потому что и безъ этой кассы акціонерные коммерческіе банки охотно оказываютъ поддержку учрежденіямъ мелкаго кредита. Въ этихъ возраженіяхъ выразилась общая точка зрѣнія партіи, для которой правительственное вмѣшательство представляется зломъ.

Хотя для аграріевъ центральная касса сама по себѣ не могла получить значенія, но они горячо ее отстаивали, чѣмъ хотѣли доказать, что имъ не чужды интересы крестьянскаго населенія.

На ближайшемъ съѣздѣ Всеобщаго Союза промышленныхъ и экономическихъ товариществъ Крюгеръ рѣзко выступалъ противъ этой кассы, доказывая, что всѣ кооперативныя общества должны быть основаны на принципѣ самопомощи и взаимопомощи, и что если, напротивъ, они пойдутъ другимъ путемъ, то ихъ постигнетъ та же участь, какая постигла кооперацію во Франціи. Но прошло два-три года послѣ открытія дѣйствій центральной кассы, воззрѣніе партіи Шульце-Делича стало измѣняться; банки, организованные по его системѣ, начали также прибѣгать за ссудами въ центральную правительственную кассу. Сельскіе банки и кассы, примыкающіе къ Нейвидскому и Оффенбаховскому союзамъ, съ самаго начала пошли навстрѣчу правительственному проекту.

Центральная правительственная касса не имѣетъ сношеній съ отдѣльными товариществами, не открываетъ имъ кредита. Кредитомъ

Digitized by Google

въ кассѣ пользуются лишь союзы товариществъ. Поэтому съ образованіемъ Прусской центральной кассы по всей Германіи стало усиливаться стремленіе къ объединенію, къ образованію мѣстныхъ, провинціальныхъ союзовъ, чрезъ посредство которыхъ можно было воспользоваться дешевымъ кредитомъ правительственной кассы. Въ то же время усилилось стремленіе къ образованію новыхъ товариществъ и кассъ. За послѣдніе годы ежегодно возникаетъ болѣе 1,000 товариществъ, а съ 1 августа 1897 года по 1 августа 1898 года появилось 1,207 новыхъ товариществъ. Союзы объединяютъ не одни кредитныя учрежденія, но и всякія другія кооперативныя общества и товарищества, преслѣдующія самыя разнообразныя задачи и цѣли.

Кредитомъ въ Прусской кассѣ пользуются не только кооперативныя учрежденія, но и ссудныя кассы, устроенныя при земскихъ кредитныхъ обществахъ (Landschaften). Доступъ къ кассѣ имѣютъ и ипотечные правительственные банки, издавна существующіе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ для выдачи ссудъ землевладѣльцамъ и разнообразныхъ другихъ операцій. Наконецъ, слѣдуетъ указать и на то, что Прусская касса открыта и для сберегательныхъ кассъ. Это не правительственныя учрежденія, какъ наша государственная сберегательная касса; поступающіе къ нимъ капиталы не помѣщаются исключительно въ государственныя процентныя бумаги. Напротивъ, сберегательныя кассы въ Германіи чисто мѣстныя учрежденія, организованныя примѣнительно къ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ; онѣ находятся подъ весьма слабымъ относительно помѣщенія капиталовъ контролемъ правительства. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ характеръ народныхъ банковъ.

Такимъ образомъ, въ Прусской центральной кассѣ открытъ кредитъ для всякаго учрежденія, преслѣдующаго не спекулятивныя цѣли,—будь то народный или сельскій банкъ, кооперативное товарищество, строительное общество или потребительное товарищество, сберегательная касса, ссудная касса для землевладѣльцевъ и т. п. Всѣ эти учрежденія могутъ найти въ ней кредитъ. Но понятно, что при капиталѣ въ 20 мил. марокъ нельзя удовлетворить всѣхъ нуждающихся въ кредитѣ. Въ виду этого Прусской центральной кассѣ предоставлено право принимать вклады. Такъ какъ изъ операцій кассы исключены рискованныя сдѣлки, то вклады легко притекаютъ въ кассу.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что хотя Прусская центральная касса и имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ открывать помощь кооперативнымъ учрежденіямъ, но она не закрыта вполнѣ для публики, т. е. для отдѣльныхъ лицъ; она открываетъ и имъ кредитъ, но только не бланковый. Чеки Прусскаго банка сдѣлались въ скоромъ времени излюбленною бумагою, въ деньгахъ банкъ не нуждается; съ каждымъ годомъ расширяетъ свою дѣятельность и ста-

Digitized by Google

новится однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій для мелкаго кредита въ Германіи.

Вопросъ объ объединеніи нашихъ кредитныхъ учрежденій, основанныхъ на началахъ взаимности, безъ участія акціонернаго капитала привлекаетъ всеобщее вниманіе. Онъ былъ предметомъ обсужденій съѣзда представителей ссудосберегательныхъ товариществъ, засѣдавшаго въ Москвѣ весною нынѣшняго года, тотъ же вопросъ интересуетъ теперь представителей обществъ взаимнаго кредита. Думаю поэтому, что ознакомленіе съ центральными союзами и кассами въ Германіи будетъ представлять интересъ для всѣхъ интересующихся кооперативнымъ движеніемъ.

М. Герценштейнъ.

Новый трудъ проф. М. М. Ковалевскаго.

(„Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“, т. I, М. 1898).

Новый трудъ проф. М. М. Ковалевскаго касается одной изъ интереснѣйшихъ и въ то же время запутаннѣйшихъ проблемъ исторической науки. Вопросъ о судьбахъ общиннаго землевладѣнія въ Зап. Европѣ служитъ въ послѣднія десятилѣтія предметомъ тщательнаго изученія со стороны историковъ-экономистовъ. Имъ занимались такіе выдающіеся умы, какъ Ф. де-Куланжъ, Мауреръ, Гансенъ, Вайцъ; ему посвящена обширная литература, насчитывающая не мало блестящихъ страницъ, могущая похвалиться не однимъ перломъ глубокаго и тонкаго анализа. И тѣмъ не менѣе, едва ли найдется еще одинъ вопросъ, о которомъ существовало бы столько разнорѣчивыхъ мнѣній; едва ли найдется еще одна область исторической науки, гдѣ было бы такъ много неяснаго, гадательнаго, проблематичнаго. Здѣсь царитъ еще полный хаосъ даже по отношенію къ наиболѣе существеннымъ сторонамъ вопроса, не говоря уже о деталяхъ, относительно которыхъ едва ли можно найти два одинаковыхъ мнѣнія. Существовала ли вообще общинная форма землевладѣнія въ З. Европѣ, а если существовала, то какой она носила характеръ,—была ли то община родовая, семейная, міровая съ передѣлами или долевая; что составляло предметъ общиннаго владѣнія,—пахатная ли земля или другія угодья; когда и въ силу какихъ причинъ коллективная форма уступила свое мѣсто индивидуалистической; и въ связи съ этимъ—носили ли крестьянскія поселенія сельскій характеръ или хуторской,—эти коренные вопросы рѣшаются далеко не всѣми одинаково. «Въ то время, какъ Зибель

Digitized by Google

толкуетъ о родовомъ бытѣ германцевъ, Вайцъ считаетъ его общиннымъ, а Деманъ Россъ феодальнымъ, Гансенъ и Ромеръ, допуская подсѣчное хозяйство у германцевъ, въ то же время предполагаютъ существованіе у нихъ системы періодическихъ передѣловъ. Фюстель де Куланжъ готовъ признать въ нихъ средѣ институтъ частной собственности. Мезеръ еще въ прошломъ вѣкѣ, подобно Инама Штернегу въ настоящемъ, отрицалъ всякаго рода сельскія поселенія за германцами, объявляя ихъ хуторянами. Мауреръ, наоборотъ, не хотѣлъ допустить существованія у нихъ изолированныхъ дворовъ, не связанныхъ между собою какими общественными узами» (Ковалевскій, стр. 31). И это можно сказать не только о германцахъ въ эпоху Цезаря и Тацита, но и о франкахъ въ эпоху Салической и другихъ правдъ, и объ аллеманахъ, баварцахъ и др. племенахъ въ VI и слѣдующихъ вѣкахъ, и объ англо-саксахъ въ VII вѣкѣ (припомнимъ извѣстный трудъ Сэбома!). При такихъ условіяхъ всякое новое изслѣдованіе, посвященное древнему и средневѣковому землевладѣнію въ З. Европѣ, можно только привѣтствовать.

Тѣмъ больше правъ на такой пріемъ имѣетъ трудъ ученаго успѣвшаго зарекомендовать себя глубокимъ знатокомъ аграрнаго строя средневѣковой Европы и талантливымъ изслѣдователемъ и истолкователемъ источниковъ, изобилующихъ неясными, обивчивыми и мало понятными мѣстами.

Ознакомившись, однако, ближе съ новой книгой М. М. Ковалевскаго, читатель приходитъ въ нѣкоторое разочарованіе или, лучше сказать, недоумѣніе. Вы вчитываетесь въ эти живыя, написанныя блестящимъ картиннымъ языкомъ страницы, увлекаетесь вмѣстѣ съ авторомъ мастерски изложенными картинами давно минувшаго прошлаго, но, закрывая, наконецъ, книгу, вы чувствуете какую-то неудовлетворенность.

И въ самомъ дѣлѣ, все, о чемъ говорится на протяженіи 712 страницъ,—все это не ново, все это мы давно читали не только у такихъ авторовъ, какъ Глассонъ, Гансенъ, Мауреръ, но у самого М. М. Ковалевскаго. И 1-ая часть, въ которой сгруппированы данныя, доказывающія существованіе общинной формы землевладѣнія у нѣкоторыхъ народностей З. Европы, и вторая, изображающая эволюцію феодализма съ его экономической стороны, представляютъ собою повтореніе того, о чемъ уже много писалось на разныхъ языкахъ. Мы старались отыскать хоть одно мѣсто, хоть одну идею, которая могла бы оправдать появленіе въ свѣтъ перваго тома «Экономическаго роста Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства», и наши поиски оказались тщетными. Указанный недостатокъ ученаго трактата могла бы до нѣкоторой степени искупить систематичность изложенія, которая дала бы послѣдовательно развивающуюся картину эволюціи аграрныхъ отношеній въ средневѣковой Европѣ; но вмѣсто этого мы находимъ рядъ отрывочныхъ, не свя-

Digitized by Google

занныхъ между собою очерковъ, охватывающихъ далеко не всѣ народности З. Европы. Въ концѣ концовъ, остается впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, недоговореннаго.

При всемъ томъ, однако, описательная часть труда проф. М. М. Ковалевскаго, не отличаясь новизною взглядовъ, имѣетъ то достоинство, что незнакомый съ вопросомъ читатель найдетъ здѣсь основанное на многочисленныхъ источникахъ подтвержденіе того взгляда, что древнѣйшую форму землевладѣнія въ З. Европѣ слѣдуетъ признать общинной. Не скупясь на ссылки и выдержки изъ разныхъ правдъ и сборниковъ юридическихъ формулъ, авторъ доказываетъ, что у германскихъ народовъ первоначально существовала родовая и семейная община съ заимочнымъ способомъ пользованія пахотными землями, которая съ теченіемъ времени замѣняется, по отношенію къ пахоти, частной собственностью, а по отношенію къ остальнымъ угодьямъ сосѣдской общиной; что у лонгобардовъ уже съ VIII вѣка можетъ быть констатировано нѣкоторое подобіе мірской общины, хотя безъ коренныхъ передѣловъ, но съ временно исправляемыми нарѣзками полосъ въ разныхъ поляхъ или конахъ; что у англо-саксовъ родовая собственность смѣнилась долевой общиной на подобіе той, которая, по изслѣдованіямъ г-жи Ефименко, долго держалась на сѣверѣ Россіи, а по другимъ изслѣдованіямъ до сихъ поръ еще существуетъ въ Курской или Рязанской губерніи. Переходя затѣмъ ко второй части своего труда,—«Экономической сторонѣ процесса феодализаціи недвижимой собственности», авторъ останавливается на вопросѣ о происхожденіи крупной собственности съ конца VIII и началѣ IX вѣка, составляющей «экономическій фундаментъ, на которомъ возникаетъ феодальная система», ибо «гдѣ ея нѣтъ, гдѣ большинство народа продолжаетъ владѣть землею на правахъ частныхъ или общинныхъ обладателей ея, тамъ нѣтъ необходимыхъ условій для развитія феодализма» (стр. 408). Стараясь открыть причину тѣхъ метаморфозъ, которыя пережило помѣстье, и сокровенный смыслъ эволюціи зависимыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, авторъ даетъ мастерскую картину внутреннихъ распорядковъ помѣстья, его личнаго и имущественнаго состава, а съ тѣмъ вмѣстѣ—аграрнаго строя средневѣковой Европы. Повторяю, все это хотя и не ново для читателя, знакомаго съ литературой предмета, но представляетъ выдающійся интересъ для всякаго, кто хочетъ детально ознакомиться съ экономической стороною феодализма.

Но, кромѣ описательной стороны, книга М. М. Ковалевскаго заключаетъ въ себѣ еще цѣлую историко-философскую теорію, которая должна «дать читателю руководящую нить въ томъ лабиринтѣ разномѣстныхъ и разновременныхъ явленій, анализъ которыхъ составятъ ближайшую задачу автора» (стр. XXI—XXXII). Эта теорія, занимающая 26 страницъ вступленія, сводится къ слѣдующему: «Формы народнаго хозяйства не слѣдуютъ другъ за другомъ въ произвольномъ порядкѣ, но подчинены извѣстному закону пре-

Digitized by Google

ества. Важнѣйшимъ факторомъ ихъ эволюціи является въ каждый данный моментъ и въ каждой данной странѣ ростъ населенія, большая или меньшая его густота, а во всѣхъ вмѣстѣ обусловленная тѣмъ же ростомъ большая или меньшая зависимость отдѣльныхъ національныхъ хозяйствъ въ дѣлѣ производства и потребленія другъ отъ друга.» Смѣну формъ народнаго хозяйства обусловливаетъ «большая или меньшая густота населенія, отъ которой зависитъ прежде всего выборъ формъ производства, а затѣмъ зависятъ размѣръ и порядки фактическаго владѣнія землей и самый характеръ общественныхъ отношеній» (стр. VII, VIII). Авторъ рекомендуетъ читателю свою теорію въ качествѣ руководящей нити, необходимой для того, чтобы ориентироваться въ многосложной сѣти смѣняющихъ другъ друга формъ и событій. Посмотримъ же, насколько теорія, изложенная во вступленіи чисто догматически, оправдываетъ свое назначеніе. Вмѣстѣ съ этимъ мы получимъ возможность судить о достоинствахъ самой теоріи, такъ какъ состоятельность всякой теоріи опредѣляется тѣмъ, въ состояніи ли она выдержать бремя фактовъ, для объясненія которыхъ она призвана.

Первое испытаніе наша теорія должна выдержать на такомъ крупной важности вопросѣ, какъ возникновеніе частной собственности на пахотную землю. Гдѣ лежитъ причина этого переворота въ хозяйственномъ бытѣ народовъ? Посмотримъ, что говоритъ объ этомъ нашъ авторъ. Франкскій король присваиваетъ себѣ домены римскихъ императоровъ и тѣмъ создаетъ *первоначальный типъ* частной недвижимой собственности, такъ какъ земли фиска продолжаютъ подчиняться постановленіямъ римскаго права, которое не налагаетъ на владѣльца земли тѣхъ ограниченій, кои германское право ставило распоряженію дворовой собственностью (стр. 65 и 92). Вторымъ по времени частнымъ собственникомъ является духовенство, которое, съ одной стороны, получаетъ землю въ качествѣ пожалованій отъ короля изъ его доменовъ, а съ другой—обогащается въ силу дареній отъ частныхъ лицъ,—дареній, ставшихъ возможными вслѣдствіе проведенія стараніями духовенства принципа свободы раздѣловъ и безвозмездныхъ отчужденій въ пользу церкви (но не частныхъ лицъ) (стр. 223). Наконецъ, частная собственность частныхъ лицъ возникаетъ въ силу королевскихъ пожалованій, а также въ силу распространенія принципа свободы дареній и на тѣ случаи, когда одаряемымъ является не церковь, а частное лицо (стр. 74). Проведеніе въ жизнь этихъ новыхъ началъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ германскихъ племенъ, осуществилось при помощи заимствованія принциповъ римскаго права (стр. 91—106). Торжество римской юриспруденціи обѣщало германскому королю всемогущество римскихъ императоровъ, замиреніе общества и обогащеніе казны, а духовенству оно открывало возможность расширенія его владѣній (стр. 71). Таковъ процессъ возникновенія частной собственности на пахотныя земли. О при-

Digitized by Google

ростѣ населенія, какъ основной причинѣ эволюціи, мы пока ничего не слышимъ. Напротивъ, господство заимочнаго характера землепользованія въ эту эпоху, какъ и въ предшествующую, свидѣтельствуетъ о томъ, что никакой «тѣсноты» не ощущается; духовенство, какъ и частныя лица, могло бы по прежнему довольствоваться способомъ заимокъ для расширенія своихъ владѣній. Если оно сочло нужнымъ прибѣгнуть къ иному средству для обоснованія своего «земного царства» и нашло въ этомъ дѣятельную поддержку со стороны государственной власти, то это объясняется тѣмъ, что, будучи прекрасно знакомо съ римской юриспруденціей, оно увидѣло въ ея принципахъ наилучшій путь для обоснованія своего могущества, а король, въ свою очередь, видѣлъ въ ней средство для замиренія общества и увеличенія своей власти. «Проводимая духовенствомъ свобода сдѣлокъ потребовала введенія въ обычное право аллемановъ римскаго начала раздѣла семейной собственности, что, въ свою очередь, необходимо должно было повлечь за собою, съ одной стороны, разложеніе кровныхъ союзовъ и общиннаго владѣнія ими землею, а съ другой, установленіе частной собственности на послѣднюю» (стр. 189). И эта мысль проходитъ красной нитью черезъ всю первую часть разбираемаго нами труда. Такимъ образомъ, при выясненіи причинъ возникновенія частной собственности на пахотныя земли теорія автора остается въ сторонѣ.

Семейная община у аллемановъ уступаетъ свое мѣсто сосѣдской («маркѣ»), охватывающей лишь лѣсныя и пастбищныя угодья. Спрашивается: чѣмъ вызванъ былъ переходъ отъ кровнаго начала къ сосѣдскому? Нашъ авторъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «кровное начало не могло удержаться при включеніи въ ряды землевладѣльцевъ покореннаго гельвето-римскаго населенія... Сосѣдскія отношенія съ этого времени заступили мѣсто родовыхъ, и такъ какъ владѣніе земельнымъ участкомъ открывало доступъ къ общинному пользованію, то и по отношенію къ послѣднему имущественной единицей должна была сдѣлаться вмѣсто рода марка» (216—217). Слѣд., коренной причиной здѣсь является фактъ завоеванія и способъ распредѣленія территоріи между побѣдителями и побѣжденными.

Идемъ дальше. Въ маркѣ каждый общинникъ имѣлъ «идеальную долю» въ общинныхъ угодьяхъ, которая первоначально не могла быть отчуждаема. Какія же причины вызвали затѣмъ свободу отчужденія «идеальныхъ долей»? «Только принявши во вниманіе сказанное выше о вліяніи римскаго законодательства на разложеніе самыхъ основъ народнаго права аллемановъ, можно понять, какъ возникла такая свобода отчужденій. Въ ней, очевидно, нѣтъ ничего туземнаго, исконнаго... Допущенная сперва по отношенію къ частной собственности и заимствованная изъ римскаго права, свобода сдѣлокъ распространена была съ теченіемъ времени и на право участія въ общинной собственности» (212).

Digitized by Google

Въ VIII, IX и X вѣкахъ общинное землевладѣніе («марка») у алеманновъ частью совершенно разлагается, частью сокращаетъ свой районъ. «Важнѣйшей причиной» въ этомъ процессѣ является заимствованная изъ римскаго права свобода имущественныхъ сдѣлокъ, проведенная въ интересахъ и по настоянію духовенства, которое въ качествѣ класса крупныхъ собственниковъ болѣе другихъ заинтересовано было въ расширеніи сельско-хозяйственной культуры и потому враждебно было всему, что задерживало ея развитіе (220). Въ ряды противниковъ общиннаго пользованія наравнѣ съ духовенствомъ и по той же причинѣ слѣдуетъ зачислить и членовъ зарождающейся свѣтской аристократіи и, наконецъ, королей въ особенности (221). Таковы «внѣшнія причины начинающагося уже въ VIII и IX в. сокращенія и исчезновенія общинныхъ угодій». Нельзя ли указать на одновременное дѣйствіе и «внутреннихъ причинъ», т. е. наплыва колонистовъ («приростъ населенія»), побуждающаго общинниковъ къ раздѣлу угодій изъ опасенія, чтобы новые пришельцы не потребовали отъ нихъ равнаго участія въ пользованіи?

«О такомъ наплывѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи въ занимающую насъ эпоху, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ общаго правила. Какъ мѣстное явленіе, этотъ наплывъ можетъ быть, однако, отмѣченъ уже въ это время и именно тамъ, гдѣ общинныя угодья подлежали единовременному пользованію свободныхъ сельчанъ и поселенцевъ монастырскихъ земель» (222). Слѣд., приростъ населенія является только *одной* изъ причинъ разложенія общинныхъ устоевъ, дѣйствующей притомъ въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ. Нѣтъ поэтому никакого основанія ставить эту причину во главу угла, создавая цѣлую теорію, изъ которой всѣ другія причины, оказывающія болѣе сильное дѣйствіе, исключаются вовсе. Мало того,— наплывъ колонистовъ могъ имѣть и другія послѣдствія: опасаясь уменьшенія своихъ долей участія въ общинныхъ угодьяхъ, общинники совершенно закрываютъ новымъ поселенцамъ доступъ къ пріобрѣтенію правъ пользованія и избѣгаютъ такимъ образомъ въ теченіе слѣдующихъ столѣтій необходимости раздѣла угодій въ частную собственность (222). Хотя вслѣдствіе этой мѣры общинное землевладѣніе изъ всенароднаго постепенно дѣлается преимуществомъ однихъ старинныхъ гражданъ, но все же едва ли при такихъ условіяхъ можно говорить о наплывѣ колонистовъ, какъ о факторѣ, вызывающемъ разложеніе общины,—напротивъ, онъ въ такой же мѣрѣ, смотря по обстоятельствамъ, способствуетъ сохраненію существующихъ общинныхъ порядковъ.

Мы разсмотрѣли главные моменты въ эволюціи формъ землевладѣнія и убѣдились, что историко-философская теорія автора далеко не можетъ служить той путеводной звѣздой, какой она ему представляется. Лучшимъ критеріемъ для опредѣленія цѣны всякой теоріи служитъ способность или неспособность ея дать надлежащее

Digitized by Google

объясненіе фактамъ, выходящимъ изъ сферы нашего наблюденія; удовлетворительная теорія можетъ по нѣсколькимъ костямъ возсоздать цѣлаго мастодонта. Неспособность теоріи нашего автора объяснить аграрную эволюцію З. Европы, скрывающуюся во мракѣ временъ и оставившую по себѣ одни едва замѣтные слѣды, служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ о достоинствѣ этой теоріи.

Переходя ко второй половинѣ разбираемаго труда, попробуемъ примѣнить теорію нашего автора къ тремъ важнѣйшимъ моментамъ феодализаціи недвижимой собственности: происхожденію крупнаго помѣстья, возникновенію крѣпостничества и замѣнѣ крѣпостного труда свободнымъ.

У англо-саксовъ главнымъ источникомъ крупнаго церковнаго землевладѣнія являются пожалованія, сдѣланныя королями и сопровождавшіяся обезземеленіемъ общинъ, сидѣвшихъ раньше на доменахъ (стр. 423); тѣ же пожалованія, дѣлаемыя въ видѣ вознагражденія за службу, служили источникомъ развитія крупныхъ помѣстій въ рукахъ свѣтскихъ лицъ (служилаго сословія). Сюда присоединяется еще одна причина, общая для свѣтскихъ и духовныхъ латифундій; это—система обязательнаго поручительства крупныхъ землевладѣльцевъ за мелкихъ. «Съ упадкомъ родовой солидарности, при слабомъ еще развитіи государственной власти, охрану мира приходилось по необходимости возлагать на лицъ, имущественное положеніе которыхъ само являлось надежнѣйшимъ ручательствомъ соблюденія ими тишины и спокойствія». Поэтому малоземельнымъ (а также безземельнымъ) сначала предоставлялось, а впослѣдствіи предписывалось «пріискивать въ средѣ землевладѣльцевъ лицъ, готовыхъ принять ихъ подъ свою высокую руку» (стр. 425). На практикѣ это поручительство землевладѣльцевъ имѣло послѣдствіемъ судебную отвѣтственность ихъ за своевременную явку всѣхъ заподозрѣнныхъ въ нарушеніи мира, а вознагражденіемъ за это служилъ переходъ въ руки землевладѣльца («глафорда») права собственности на землю лица, поступившаго подъ его поручительство. «Это обстоятельство, очевидно, должно было повести къ радикальному перевороту. Изъ страны свободнаго крестьянскаго землевладѣнія Англія сдѣлалась страною латифундій» (стр. 427). На континентѣ тотъ же результатъ достигнутъ былъ путемъ комендаціи, въ которой главную роль играли набѣги норманновъ и сарацинъ, а также вымогательства и притѣсненія графовъ въ дѣлѣ вынужденія налоговъ и воинской службы, что заставляло мелкихъ свободныхъ людей обмѣнивать свою независимость и право собственности на покровительство и экономическую поддержку со стороны надѣленныхъ иммунитетами духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ (стр. 403). На ряду съ постепеннымъ ослабленіемъ центральной власти и образованіемъ мѣстныхъ единицъ и союзовъ, пріуроченныхъ къ цѣлямъ внѣшней и внутренней обороны («*здѣсь*, *) говоритъ авторъ, *хо-*

*) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

фенится дѣйствительный источникъ и англо-саксонскаго института поручительства, и франкской комендаціи»—стр. 281), дѣйствовала и чисто экономическая причина: вслѣдствіе сосредоточенія въ рукахъ землевладѣльцевъ (обителей) движимаго капитала и обилія у нихъ способныхъ къ обработкѣ пустошей, простой разсчетъ побуждалъ бѣднаго, малоземельнаго крестьянина передавать себя со своимъ мелкимъ алодомъ въ подданство землевладѣльца, чтобы получить значительно большій надѣлъ (стр. 405). Читатель видитъ, что приростъ населенія въ этомъ процессѣ не причемъ; основными причинами образованія крупныхъ помѣстій,—причинами, на которыя М. М. Ковалевскій напираетъ съ особенной силой въ разныхъ мѣстахъ книги,—являются политическая необезпеченность, юридическое безправіе и имущественная несостоятельность крестьянскаго населенія.

Ростъ крупнаго землевладѣнія совершался параллельно съ распространеніемъ крѣпостного труда, которое находилось подъ вліяніемъ почти тѣхъ же причинъ. Мы не будемъ поэтому останавливаться на этомъ моментѣ въ процессѣ феодализаціи,—тѣмъ болѣе, что намъ пришлось бы повторить здѣсь то, что говорили о возникновеніи крупнаго помѣстья,—и перейдемъ прямо къ вопросу о замѣнѣ крѣпостного труда свободнымъ. Это мѣсто въ книгѣ М. М. Ковалевскаго представляетъ для насъ особенный интересъ. До сихъ поръ авторъ только мимоходомъ упоминалъ свою теорію при объясненіи изображаемыхъ имъ явленій, считая, повидимому, достаточной общую ссылку, сдѣланную имъ въ предисловіи. Здѣсь же онъ не только *напоминаетъ* о своей теоріи, но останавливается подробно на выясненіи той роли, которую ростъ населенія игралъ въ процессѣ разложенія крѣпостныхъ отношеній. Указавъ на то, что изслѣдованія Дюро-де-ла Майля, Моро-де Жонеса и Левассера вполнѣ установили фактъ чрезвычайной густоты населенія въ XIII и началѣ XIV в., М. М. Ковалевскій продолжаетъ: «Это объясняетъ намъ многое: и быстрое завершеніе давно начавшейся расчистки всей способной къ утилизаціи земельной площади, и основаніе новыхъ городовъ, и привлеченіе поселенцевъ всякаго рода льготами, и быстрые успѣхи городской промышленности и торговли, вызванные прежде всего невозможностью прокормить населеніе однимъ земледѣліемъ, и возрастаніе спроса на землю, и большую легкость найти свободныхъ воздѣлывателей и съемщиковъ, и потерю того значенія, какое имѣла земельная крѣпостность въ отношеніи обезпеченія помѣщика нужнымъ ему числомъ рукъ» (573). Согласимся съ авторомъ, что вся эта цѣпь событій дѣйствительно вызвала разложеніе крѣпостничества и что эти событія обусловлены усиленнымъ ростомъ населенія въ XIII и началѣ XIV в. Но только ли перечисленныя причины играли роль въ процессѣ крестьянскаго освобожденія? Далеко нѣтъ. Крѣпостныя отношенія предполагаютъ двѣ стороны: помѣщика и крестьянина. Если для перваго, въ силу роста

Digitized by Google

населенія, свободный трудъ оказался выгоднѣе крѣпостного, то что побуждало самихъ крестьянъ добиваться упраздненія юридическихъ послѣдствій крѣпости? На это авторъ отвѣчаетъ такъ: «Крѣпостное право оказывается непримиримымъ съ раціональнымъ земледѣліемъ, а косвенно—и съ ростомъ населенія, вызывающимъ необходимость перехода къ болѣе интенсивному хозяйничанію. И все это потому, что не достаетъ увѣренности въ ближайшей утилизаціи самимъ крестьяниномъ и его семьею вложеннаго ими въ землю труда и сбереженій» (588). Признаться, мы не понимаемъ этого довода. Что крестьяне искали свободы въ значительной степени оттого, что плодами ихъ труда пользовались не они сами, а помѣщики, — это истина очень и очень старая. Но причемъ же тутъ ростъ населенія? Развѣ до XIII столѣтія крестьяне находили этотъ фактъ вполнѣ нормальнымъ? Противъ этого говорятъ многочисленныя крестьянскія волненія, происходившія то тамъ, то сямъ — правда, въ небольшихъ размѣрахъ—еще до жакеріи во Франціи, возстанія Wat Tyler'a въ Англіи и «великой крестьянской войны» въ Германіи. Укажу на знаменитыя братства и тайные союзы, возникающіе уже въ VIII вѣкѣ, на крестьянскія волненія въ епископствахъ рейнскомъ, майнцскомъ и др. при Карлѣ Великомъ, въ Саксоніи при Лотарѣ (842 г.), упорную борьбу дитмарсцевъ въ XII столѣтіи и пр., и пр. Ростъ населенія обнаружилъ невыгодность наемнаго труда, но это соображеніе, весьма важное для помѣщика, не могло, конечно, играть роли въ стремленіи крестьянъ къ свободѣ: *для них* свободный трудъ выгоднѣе крѣпостного при всякой населенности...

Но этого мало. «Къ чисто экономическимъ мотивамъ,—читаемъ мы на стр. 594,—дѣлавшимъ одинаково неудобнымъ и для крестьянина, и для помѣщика дальнѣйшее удержаніе порядковъ, которые перваго стѣсняли въ распоряженіи своею личностью и достояніемъ, а второго заставляли страдать отъ обусловленнаго тѣми же причинами нерадѣнія къ сельскому труду, надо присоединить и религіозно-нравственные мотивы». Объ этихъ мотивахъ говорится на протяженіи 6 страницъ, но на какую бы то ни было связь ихъ съ ростомъ населенія нѣтъ и намека. Словомъ, въ процессѣ крестьянскаго освобожденія видную роль играли, кромѣ роста населенія, и другія причины, которыя авторъ съ обычной добросовѣстностью и обстоятельностью констатируетъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ одну изъ причинъ ставить въ центръ цѣлой историко-философской теоріи, которая сама по себѣ недостаточна для объясненія сложнаго комплекса явленій?

Нужно отдать справедливость автору, что онъ не насилуетъ фактовъ въ угоду своей теоріи, что онъ не пошелъ по торной дорожкѣ иныхъ слишкомъ усердныхъ сторонниковъ всеобъемлющихъ теорій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что между теоріей, изложенной во вступленіи, и всей книгой нѣтъ внутренней связи, что теорія не только не способна служить руководящей нитью при

Digitized by Google

объясненія развитія явленій, но лишь можетъ запутать добросовѣстнаго читателя, который вздумалъ бы шагъ за шагомъ слѣдить за ролью роста населенія въ смѣнѣ формъ и событій. Книга сама по себѣ рѣшительно ничего не проиграла бы въ смыслѣ ясности и картинности, если бы вступленіе блистало своимъ отсутствіемъ. Мы съ своей стороны напомнимъ автору золотыя слова К. Маркса: «Никогда нельзя придти къ пониманію историческихъ явленій, имѣя въ рукахъ passe par tout историко-философской теоріи, *высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-исторической*».

Л. С. З.

Англійскія «Reviews».

I.

По всей вѣроятности, нигдѣ нельзя такъ изучить характеръ различныхъ классовъ по періодической прессѣ, какъ въ Англіи. Каждый классъ выработалъ свой собственный типъ изданія, въ которомъ отразились вполнѣ идеалы, страсти, достоинства и недостатки его. Исторія англійской прессы это — исторія развитія англійскаго общества. Внимательное изученіе нумеровъ двухъ-трехъ уличныхъ газетъ да нѣсколькихъ книжекъ «магазина»—и предъ нами обрисуется, такъ сказать, умственная физіономія читателя, принадлежащаго къ тому новому классу, который и въ самой даже Англіи не очерченъ вполнѣ. Съ другой стороны, чтобы познакомиться съ дѣйствительно культурными классами англійскаго общества, нужно изучить лондонскіе левіаѳаны да рядъ ежемѣсячныхъ *Reviews*. Разверните любую книжку одного изъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ: Fortnigtly Review, Contemporary Review или Nineteenth Century,—васъ поразитъ та масса вопросовъ, которыми интересуется культурный англичанинъ. Трещины на Марсѣ, египетскій вопросъ, современная испанская драма, положеніе дѣтей на фабрикахъ, тюремная реформа, вліяніе Бальзака на современную литературу, новая теорія вулканическихъ изверженій, поправки къ теоріи цѣнности, принципы этики, — все это одинаково занимаетъ вниманіе читателя. Каждая книжка это — энциклопедія по вопросамъ дня, ворохъ матеріала, который читатель переваритъ и освѣтитъ самъ своимъ собственнымъ взглядомъ. Но англійскія Reviews еще гораздо болѣе интересны съ исторической точки зрѣнія. Эволюція ихъ отъ боевого журнала до сборника свѣдѣній находится въ прямой пропорціи съ ростомъ само-

Digitized by Google

сознанія общества. Мнѣ кажется, нѣсколько бѣглыхъ историческихъ штриховъ будутъ небезынтересны по этому..

Вначалѣ протестъ выражался въ Англіи въ формѣ памфлета или же газеты; какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ это было партизанское дѣло, послѣдствіе личнаго почина. Авторъ на свой собственный страхъ, рискуя попасть въ тюрьму, а иногда—быть изувѣченнымъ у позорнаго столба,—составлялъ и распространялъ памфлеты. Группами и обществами протестовали лишь *активно*. Въ серединѣ прошлаго вѣка партіи впервые почувствовали необходимость имѣть печатный органъ для выраженія *коллективнаго* мнѣнія. Почувствовалась необходимость во всестороннемъ обсужденіи вопроса, прежде, чѣмъ выступить за него активно. До тѣхъ поръ, если бывали подобныя обсужденія,—они производились крайне примитивно. Время Георга II отнюдь не было благопріятнымъ для свободнаго выраженія мысли. Нужно было избрать невинную форму для замаскированія основной цѣли. Безопаснѣе всего казалась форма литературной критики. И вотъ въ 1749 г. появляется первое англійское Review,—«Ежемѣсячное Обозрѣніе» *) (The Monthly Review). «Злоупотребленіе заглавіями и титулами достигло теперь крайней степени,—читаемъ мы въ редакціонной программѣ, приложенной къ первой (майской) книжкѣ. Большинство читателей хотятъ, въ силу этого, брать новую книгу, какъ слугу: не иначе, какъ съ аттестатомъ. Никогда въ обозрѣніи книгъ, выходящихъ изъ подъ станка, не чувствовалась такая настоятельная необходимость, какъ теперь... Цѣль нашего изданія—давать сжатый отчетъ о произведеніяхъ печати, достойныхъ быть отмѣченными. Такъ какъ мы будемъ безпристрастны и добросовѣстны, то каждый, прежде, чѣмъ купить книгу и затратить на нее деньги и время,—сможетъ себѣ составить о ней полное представленіе». Цѣль, повидимому, была крайне скромна; но съ первой же статьи перваго нумера—журналъ сталъ боевымъ органомъ. Разбираемая книга служила лишь поводомъ для обозрѣвателя. Первая статья была написана по поводу книги Грова «Система нравственной философіи». Обозрѣватель подбираетъ факты и положенія автора такимъ образомъ, что получается обвинительный актъ противъ нетерпимости господствующей англиканской церкви. Въ слѣдующей статьѣ разбирается книга «О духѣ патріотизма». Послѣдняя говоритъ о политическихъ партіяхъ въ моментъ вступленія на престолъ Георга I. Критикъ выясняетъ, что такое истинный патріотизмъ, и приходитъ къ заключенію, что величайшій политическій грѣхъ это—индифферентизмъ гражданъ. Третья статья первой

*) Вотъ полный титулъ перваго англійскаго журнала: „Ежемѣсячное обозрѣніе. Періодическій трудъ, дающій безпристрастный отчетъ, съ прибавленіемъ необходимыхъ выдержекъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, памфлетахъ и т. д. по мѣрѣ выхода ихъ. Составлено нѣсколькими авторами. Лондонъ. 1749 г.».

Digitized by Google

книжки навѣяна поэмой «Патріотъ», написанной на библейскую тему. «Патріотъ» это—Гедеонъ. Подъ перомъ критика вождь амалекитянъ принимаетъ болѣе современную физіономію: предъ нами все болѣе и болѣе ясно вырисовываются черты Георга II.

Журналъ, основанный Ральфомъ Грифизсомъ, имѣлъ большой успѣхъ. Торійская партія быстро убѣдилась, что такое Review можетъ стать сильнымъ оружіемъ въ искусныхъ рукахъ. Такъ какъ журналъ велся ловко, то придраться было не къ чему. Статьи и разсужденія носили, повидимому, чисто литературный характеръ. Тогда тори рѣшили бороться съ противникомъ тѣмъ же оружіемъ и въ 1756 г. основали свой журналъ «The Critical Review», *Критическое Обозрѣніе*, во главѣ котораго сталъ писатель съ огромнымъ талантомъ, романистъ Смолетъ. Но у автора романовъ «Перегринъ Пикль» и «Родерикъ Рэндомъ» не было опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ; онъ рѣшился стать во главѣ журнала, потому что ему были противны нѣкоторые изъ дѣятелей, участвовавшихъ въ «Ежемѣсячномъ Обозрѣніи». Ихъ онъ окарикатурилъ впослѣдствіи. Затѣмъ журналъ ему надоѣлъ, и Смолетъ бросилъ его. Успѣхъ первыхъ двухъ «обозрѣній» вызвалъ появленіе цѣлаго ряда Reviews въ концѣ прошлаго вѣка; возникли: «Лондонское Обозрѣніе», «Новое Обозрѣніе», «Англійское Обозрѣніе» и т. д. Нѣкорые изъ этихъ журналовъ быстро исчезали, другіе—становились на ноги и держались много десятилѣтій.

У перваго журнала, въ сущности, не было *опредѣленной* политической и философской программы: онъ только критически относился къ дѣйствительности. Притомъ же журналъ сдѣлалъ крупную ошибку. Онъ не понялъ движенія, носителями котораго сдѣлались такъ называемые «дикари», Годвинъ и товарищи его. Журналъ блѣднѣлъ все болѣе и болѣе, превращаясь въ сборникъ болтовни и злословья по поводу новыхъ книгъ. «Reviews» вообще сильно упали въ глазахъ читателей въ прошломъ вѣкѣ, потому что многія изъ нихъ поступили на службу къ крупнымъ издательскимъ фирмамъ, рекламируя книги и браня изданія конкуррентовъ. Но почва была расчищена. Вмѣстѣ съ новымъ вѣкомъ нарождается новый журналъ, который объединяетъ впослѣдствіи все, что есть наиболѣе блестящаго и прогрессивнаго въ Англіи. Съ этого момента мы можемъ прослѣдить послѣдовательное развитіе прогрессивной идеи, которая преемственно берется послѣдующими поколѣніями и каждый разъ принимаетъ новую окраску. Каждый фазисъ этой прогрессивной идеи создавалъ опредѣленное Review; каждый фазисъ же, какъ антитезу, создавалъ новый консервативный органъ. Новымъ изданіемъ, открывшимъ собою вѣкъ, было *Эдинбургское Обозрѣніе*, The Edinburgh Review, основанное въ 1802 г. группою молодыхъ литераторовъ. Французская революція окончилась. Въ Англіи она вызвала крайнюю реакцію. Такъ какъ Шотландія тогда была на особенно плохомъ счету у правительственной партіи въ Англіи,—то

Digitized by Google

туда послали суроваго усмирителя, зорко слѣдившаго за каждымъ проявленіемъ якобинскаго духа. Протестомъ противъ покушенія на свободу мысли и совѣсти и явилось *Эдинбургское Обозрѣніе*, выставившее эпиграфомъ слова латинскаго историка «Judex damnatur cum nocens absolvitur», т. е. «Безнаказанность виновнаго — есть осужденіе для судьи». Вскорѣ *Эдинбургское Обозрѣніе* стало носителемъ идей либерализма старой формы. Не всѣ статьи, помѣщавшіяся тамъ, были одинаково хороши; но всѣ онѣ стремились къ одной и той же цѣли. Всѣ онѣ били въ одну точку. Всѣ авторы стали подъ общее знамя, стягивавшее все новыхъ и новыхъ бойцовъ. Прототипомъ для *Эдинбургскаго Обозрѣнія* служило «Ежемѣсячное Обозрѣніе». Современныя событія или же книги служили темой для диссертаціи, подчасъ ироническої или саркастической, о вопросахъ дня. Первая статья перваго нумера посвящена разбору книги Мунье: «De l'influence atribuée aux Philosophes, aux Francs-Maçons, et aux Illuminés sur la Revolution de France». Обозрѣватель отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Мунье, хотя врагъ Мирабо, не принадлежитъ, однако, къ тѣмъ, кого испугали ужасы революціи настолько, что робкіе прокляли самые принципы свободы. Нужно имѣть въ виду время, когда писана статья. Нужно помнить, что «патріоты своего отечества» доказывали, что событія прошлаго вѣка во Франціи вызваны только книгами и, главнымъ образомъ, сочиненіями философовъ, чтобы понять аргументацію обозрѣвателя. «Мунье увѣренъ,—говоритъ обозрѣватель,—что переворотъ вызванъ не заговоромъ философовъ, не дѣйствіемъ извнѣ, а коренными, конституціонными причинами. Наличность ихъ вызываетъ рано или поздно переворотъ въ каждомъ обществѣ, независимо отъ того, есть ли или нѣтъ философы, дозволяютъ ли имъ высказываться или жгутъ ихъ на кострахъ». Статья является защитой перваго пункта программы виговъ: свободы личности. Вторая статья первой книжки *Эдинбургскаго Обозрѣнія* трактуетъ о философіи Канта. Это — защита второго пункта программы: свобода совѣсти. Въ томъ же нумерѣ находимъ разборъ курьезной книжки «The Picture of St.-Petersbug», Это—картина петербургской жизни въ 1800 г. Авторъ книги въ восторгѣ отъ Петербурга. Обозрѣватель нѣсколько скептически относится къ изобилію розовыхъ красокъ на палитрѣ художника и отмѣчаетъ слѣдующее противорѣчіе. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о «низшихъ петербургскихъ классахъ, какъ о жалкихъ существахъ», не указывая причины, почему населеніе такъ забито», въ другомъ мѣстѣ авторъ въ восторгѣ отъ крестьянъ и описываетъ ихъ, «какъ наиболѣе счастливыхъ, трудолюбивыхъ, веселыхъ и богатыхъ плебеевъ въ мірѣ». По его словамъ, на трудъ въ Петербургѣ существуетъ постоянный запросъ, такъ что мужикъ, среднимъ числомъ, «получаетъ въ день по полкроны, тогда какъ всѣ потребности удовлетворяются за три пенса». Въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи* выступилъ рядъ блестящихъ писателей, цвѣтъ англійскаго

Digitized by Google

вигизма. Здѣсь помѣщалъ Галламъ первыя главы своей исторіи англійской конституціи, труда хорошо знакомаго у насъ каждому студенту; Вильберфорсъ здѣсь велъ свой крестовый походъ противъ невольничества. Сотрудниками *Эдинбургскаго Обозрѣнія* были Томасъ Муръ, Макъ-Кулохъ, Гамильтонъ, Джемсъ Милль, блестящій Маколей, Карлейль и др. Много лѣтъ литературнымъ критикомъ журнала былъ Джефри, оцѣнившій и опредѣлившій значеніе Бернса, Мура, Родерса, Вальтеръ Скотта, Соузси, Вордсворта, Байрона и др. Джефри обладалъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ и былъ замѣчательнымъ цѣнителемъ прекраснаго; но онъ требовалъ отъ поэзіи, помимо образовъ, еще мысли. Въ силу этого такъ называемая озерная школа, «лэкисты», встрѣтила въ немъ суроваго противника. Въ силу этого Джефри враждебно отнесся къ Hours of Idleness, къ первому опыту Байрона. Въ переводахъ изъ Катула и Анакреона, въ посланіяхъ къ «Эммѣ», къ «Каролинѣ», къ «Герцогу Дорсетскому», къ «женщинѣ»—невозможно было угадать, что авторъ ихъ выступитъ съ *Чайльдъ Гарольдомъ* или съ *Донъ Жуаномъ*. Байронъ отвѣтилъ на критику ядовитой сатирой «English Bards and Scotch Reviewers».

«Prepare for rhyme—I'll publish, right or wrong:
Fools are my theme»,

говоритъ въ заключеніе поэтъ своей музѣ.

Не смотря на эту сатиру, Байронъ высоко ставилъ Джефри. *Эдинбургское Обозрѣніе*, послѣ появленія *Чайльдъ Гарольда*, указало на мѣсто Байрона въ англійской поэзіи. Журналъ явился носителемъ всего того, что было лучшаго въ программѣ виговъ. Какъ антитеза ему, возникло «Трехмѣсячное Обозрѣніе» (Quarterly Review), органъ правовѣрнаго торизма. Шли годы и дѣсятилѣтія. Смѣнялись общественныя теченія. Въ соціальной жизни Англіи свершались великіе перевороты. На арену выступили новые классы, пріобщенные къ политической жизни. Время выдвигало новые запросы; но *Эдинбургское Обозрѣніе* осталось на старомъ посту. Знамена, которыя когда-то были новыми, обветшали и истлѣли, выставленные на нихъ девизы, зажигавшіе когда-то серца бойцовъ,—потеряли значеніе, потому что принципы, заключавшіеся въ нихъ, осуществились въ жизни; съ другой стороны, дѣйствительность показала, что нѣкоторые принципы, казавшіеся когда-то прогрессивными, служатъ лишь къ новому виду закрѣпощенія (напр., принципъ невмѣшательства въ «свободный» договоръ между нанимаемымъ и нанимателемъ). *Эдинбургское Обозрѣніе* продолжало являться съ тою же физіономіей, съ тѣмъ же эпиграфомъ; оно является въ томъ же видѣ и теперь каждые три мѣсяца. Это—тотъ же вигъ временъ Маколея, съ тѣми же аргументами, съ тѣми же взглядами. Между тѣмъ антитеза *Эдинбургскаго Обозрѣнія—Трехъ-мѣсячное Обозрѣніе* за это время сильно измѣнило программу. Отстаивать всѣ тѣ пункты крайняго консерватизма, которые были

Digitized by Google

выдвинуты страхомъ предъ «французской гидрой»—не представлялось уже никакой возможности. Партія, выразителемъ которой явилась Quarterly Review, сознала, что окончательно погибнетъ, если не приметъ во вниманіе интересовъ новыхъ избирателей, явившихся на сцену послѣ ряда парламентскихъ реформъ. Такъ или иначе слѣдовало ихъ залучить въ свой лагерь. Въ силу этого, вначалѣ въ Quarterly Review замолкли тимпаны возглашавшихъ, что овому талантъ, овому два, а овому ничего. Защитники политическаго неравенства всѣхъ гражданъ и религіозной нетерпимости или совсѣмъ удалились, или попробовали настроить свои цѣвницы на новый ладъ. Въ Quarterly Review мало по малу стали появляться такія статьи, которыя показались бы страшной и опасной ересью консерваторамъ временъ желѣзнаго герцога; напр., стали обсуждаться соціальныя реформы, какъ пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ, какъ государственная нормировка рабочаго дня и т. д. Правда, время доказало, что партія, поднимающая эти вопросы, при первой же возможности готова отказаться отъ нихъ, какъ только выборная кампанія окончена; но само появленіе этихъ вопроссовъ въ журналѣ, гдѣ прежде говорилось объ однѣхъ лишь «освященныхъ традиціями» привилегіяхъ—составляетъ уже крайне характерное явленіе.

Дальше либерализма *Эдинбургскаго Обозрѣнія* пошелъ философскій радикализмъ Westminster Review, журнала, основаннаго въ 1824 г. учениками Бентама. Ученики провозвѣстника утилитаріанизма рѣшили основать журналъ для пропаганды доктрины учителя. Редактированіе журнала взялъ на себя д-ръ Бауингъ, ученый филологъ, обладавшій большимъ популяризаторскимъ талантомъ. Бауингъ былъ для идей Бентама тѣмъ же, чѣмъ Розенкранцъ для идей Канта, чѣмъ Литрэ для изученія Конта. *Вестминстерское Обозрѣніе* выступило противъ майоратовъ. Журналъ ратовалъ за эмансипацію католиковъ и евреевъ, проповѣдовалъ равенство всѣхъ культовъ предъ закономъ и стоялъ за отдѣленіе церкви отъ государства. Westminster Review было первымъ изданіемъ въ Англіи, которое подняло вопросъ о томъ, что образованіе народа есть дѣло не частной иниціативы, какъ было до тѣхъ поръ, а первый и основной долгъ государства. Журналъ стоялъ за отмѣну налоговъ на съѣстные припасы и за введеніе налога на недвижимую собственность. Въ Вестминстерскомъ Обозрѣніи выступилъ Джонъ Стюартъ Милль. Одной изъ первыхъ его работъ была статья по поводу логики Whately, въ которой мы находимъ всѣ элементы, развитые впослѣдствіи съ такою силою въ «Системѣ логики». Пока работалъ въ немъ Милль, журналъ носилъ всѣ черты характера этого замѣчательнаго публициста и философа. Онъ былъ богатъ мыслями, статьи отличались стройностью, логичностью и той искренностью, которая насъ такъ чаруетъ въ *Автобіографіи*; но, въ то же время, журналъ былъ на рѣдкость суховатъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Милль ушелъ изъ журнала. Изъ прежнихъ чертъ журналъ удержалъ лишь одну: сухость. Въ 1836 г.

Digitized by Google

Вестминстерское Обозрѣніе слилось съ другимъ журналомъ, съ *London Review*. Первый журналъ былъ всецѣло посвященъ экономикѣ и практической философіи,—другой интересовался исключительно лишь иностранной литературой. Философія и иностранные романы пошли рядомъ, стараясь попадать въ ногу. Это была, своего рода, журнальная Австро-Венгрія. Названія обоихъ журналовъ появлялись на оберткѣ каждой книжки (Westminster and London Review); каждый редакторъ былъ совершенно самостоятеленъ въ своемъ отдѣлѣ. Этотъ mariage de raison продолжался двѣнадцать лѣтъ; затѣмъ союзъ распался, и оба журнала продолжали самостоятельное существованіе. Westminster Review дожило до настоящаго времени, измѣнившись такъ же мало, какъ и *Эдинбургское Обозрѣніе*. По цѣнѣ своей (шесть шиллинговъ за книжку) журналъ разсчитанъ не на большую публику. Мнѣ кажется, что и среди избранной публики Westminster Review гораздо болѣе уважаютъ, чѣмъ читаютъ.

II.

Вестминстерское Обозрѣніе остановилась на философскомъ радикализмѣ. Преемственно продолжать дѣло журнала явилось новое изданіе, задуманное по совершенно другому плану. Я говорю о Fortnightly Review. Оно возникло по иниціативѣ писателя, принимавшаго долгое время участіе въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*. Этотъ публицистъ былъ идеальнымъ журналистомъ: всесторонне образованъ, чуткъ, отзывчивъ, со стройнымъ міровоззрѣніемъ; онъ обладалъ, кромѣ того, замѣчательнымъ талантомъ популяризатора. Журналистъ этотъ вначалѣ хотѣлъ быть медикомъ и изучалъ физіологію и анатомію; но не могъ преодолѣть отвращенія къ анатомическому театру и уѣхалъ въ Германію изучать нѣмецкую литературу и нѣмецкую философію. Въ результатѣ явилась превосходная біографія великаго нѣмецкаго поэта. Я говорю о Джорджѣ Генри Льюисѣ, объ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ англійскихъ писателей въ Россіи. Когда Льюисъ задумалъ изданіе новаго журнала, онъ былъ уже хорошо извѣстенъ, какъ авторъ *Жизни Гете*, *Контовской философіи* (1853 г.), *Физіологіи обыденной жизни* (1859 г.), *Очерковъ животной жизни* (1862), труда *Aristotle, A chapter from the History of Science*. Его *Біографическая исторія философіи* успѣла уже выдержать нѣсколько изданій. Высоко цѣнились также его очерки испанской драмы. Неудачны лишь были опыты Льюиса въ области беллетристики. Публицистъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ отношеніи. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ написалъ романъ Ranthorpe. Произведеніе было задумано глубоко и оригинально; но въ художественномъ отношеніи оно крайне плохо. Льюисъ попытался написать другой романъ: Rose, Blanche and

Digitized by Google

Violet, но онъ вышелъ еще болѣе неудачнымъ. Итакъ, Льюисъ пользовался уже громадной извѣстностью, когда онъ рѣшилъ стать самъ издателемъ новаго журнала, который, по плану публициста, долженъ былъ быть прежде всего болѣе подвиженъ и отзывчивъ, чѣмъ неповоротливое трехмѣсячное обозрѣніе. «Въ Англіи часто высказывалось сожалѣніе по поводу того, что у насъ нѣтъ журнала, подобнаго Revue des Deux Mondes, трактующаго о предметахъ, интересующихъ культурныхъ и мыслящихъ читателей, и выходящаго въ промежуткахъ, которые въ одно и то же время не на столько велики, чтобы имѣть вліяніе на текущіе вопросы, и не на столько коротки, чтобы помѣшать обдумать предметъ, писалъ Льюисъ въ первомъ нумерѣ новаго «обозрѣнія».—Fortnightly Review имѣетъ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ. Журналъ будетъ обращаться къ мыслящимъ читателямъ всѣхъ классовъ, такъ какъ станетъ трактовать вопросы, интересные для всѣхъ. Мы думаемъ, что тотъ просторъ, который мы предоставимъ представителямъ всѣхъ мнѣній,—сдѣлаетъ журналъ интереснымъ для различной публики... Мы намѣреваемся снять всѣ парціональныя перегородки, которыя въ другихъ журналахъ стѣсняютъ свободное выраженіе мнѣній. Мы станемъ просить каждаго писателя высказывать свои мысли со всей силой и со всей искренностью, не считаясь ни съ какими побочными соображеніями. Автору никогда не будетъ предложено высказывать лишь мнѣнія редактора или же опредѣленной партіи. У писателя никогда не потребуютъ, чтобы онъ затаилъ извѣстное мнѣніе или чувство, потому что съ послѣднимъ не согласенъ редакторъ или потому, что они противорѣчатъ всему, что появлялось раньше въ изданіи. Пусть авторы выскажутся вполнѣ, на свой собственный страхъ. Оцѣнка будетъ предоставлена публикѣ... При обсужденіи жизненныхъ вопросовъ, глубоко волнующихъ людей, журналъ можетъ слѣдовать двумя путями: 1) онъ можетъ стать органомъ партіи и упорно проводить лишь одинъ взглядъ на вопросъ, не упоминая даже про другіе, или 2) устраниться отъ всякихъ ограниченій, чтобы всесторонне охватить вопросъ. Мы изберемъ послѣдній путь... Каждая партія имѣетъ свой органъ. Fortnightly Review станетъ искать свою публику между всѣми партіями. Но это отнюдь не значитъ, что у журнала нѣтъ своей собственной, опредѣленной программы. Она у насъ есть; но мы рѣшили отстаивать цѣлое *міровоззрѣніе*, а не одну лишь *доктрину*. Программа—содѣйствовать всесторонне прогрессу человѣчества. Fortnightly Review будетъ *радикальнымъ* журналомъ; но его радикализмъ будетъ пытаться охватить всѣ оттѣнки мысли. Мы дѣлаемъ опытъ. Люди никогда не мыслятъ едино, даже когда работаютъ для общей цѣли» *).

Если *Вестминстерское Обозрѣніе* было органомъ философскаго

*) Fortnightly R., 1865, № 1.

Digitized by Google

радикализма, то Fortnightly Review, съ первой же книжки, стало органомъ практическаго политическаго радикализма. Въ первой же статьѣ, посвященной англійской конституціи, журналъ доказываетъ настоятельную необходимость широкихъ демократическихъ реформъ. Интересно отмѣтить то, что оба радикальныхъ журнала возникли наканунѣ широкихъ политическихъ реформъ: *Вестминстерское Обозрѣніе* — предъ реформой 1832 г., а *Двухнедѣльное Обозрѣніе*—предъ знаменитымъ «скачкомъ въ мракъ», какъ назвалъ графъ Дерби реформы 67 г. Такимъ образомъ, оба журнала являются дѣйствительно этапами англійской политической и соціальной жизни. Первый нумеръ *Fortnightly R.* вышелъ съ первой публицистической статьей Джорджъ Эліотъ: разборомъ «Исторіи развитія и вліянія духа раціонализма въ Европѣ»—Лекки. Статья эта—своего рода декларація правъ человѣческаго разума. Какъ жаль, что Джорджъ Эліотъ, такъ хорошо извѣстная у насъ, какъ романистка, неизвѣстна, какъ публицистъ. Самъ Льюисъ выступилъ съ нѣсколькими статьями: очеркомъ «Сердце и мозгъ», первыми главами трактата «Принципы литературнаго успѣха», и подробнымъ библіографическимъ обзоромъ. Трактатъ Льюиса «Принципы литературнаго успѣха», который былъ законченъ впослѣдствіи въ *Fortnightly Review*, кажется, совершенно неизвѣстенъ у насъ. Да и въ самой Англіи онъ былъ забытъ, пока на дняхъ появился отдѣльной книжкой въ серіи «Scott Library». Тогда печать заговорила о немъ. Мнѣ кажется, этотъ трактатъ — одно изъ наиболѣе характерныхъ произведеній Льюиса. Отдавая должное таланту, Льюисъ настоятельно доказываетъ, что верховный критерій творчества это все же *bien-public*, о которомъ говорили такъ много и такъ краснорѣчиво французскіе энциклопедисты. Трактатъ отличается тою же логическою стройностью, какъ и всѣ произведенія автора.

Льюисъ строитъ свою теорію на естественно-историческомъ базисѣ.

«Въ развитіи животныхъ организмовъ нервной системѣ придается все большее и большее значеніе. Разрядъ, занимаемый животнымъ, опредѣляется развитіемъ его, а не величиной, силой или степенью полезности. Такимъ же образомъ въ развитіи соціальнаго организма, по мѣрѣ того, какъ жизнь націй становится сложнѣе, мысль играетъ все большее и большее значеніе. Литература, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, становится крайне чувствительнымъ показателемъ соціальной эволюціи... Литература въ одно и то же время является и причиной, и послѣдствіемъ соціальнаго прогресса. Она дѣлаетъ болѣе глубокими наши чувства и укрѣпляетъ путемъ упражненій наши способности. Она собираетъ накопленный опытъ расы, связываетъ прошлое съ настоящимъ въ сознательное единство. Этимъ запасомъ она питаетъ послѣдующія поколѣнія... Понятно, что о литературномъ успѣхѣ мечтаетъ все

Digitized by Google

большее и большее число лицъ по мѣрѣ того, какъ ростетъ значеніе литературы. Литературный успѣхъ это—современная дворянская грамота... Есть еще другая сторона вопроса. Литература стала профессіей. Для нѣкоторыхъ это—благородная, возвышающая профессія; для многихъ же—простое ремесло, чреватое всякими профессіональными непріятностями, какъ и любое ремесло. Какъ въ каждой профессіи, ряды наполнены некомпетентными аспирантами, не сознающими всей серьезности задачи, не обладающими тѣми способностями, которыя требуются дѣломъ. Эти искатели тратятъ напрасно силы, которыя, примѣненныя въ другой области, принесли бы значительные результаты,—ибо претенденты не въ состояніи различить желаніе отъ вдохновенія (to discriminate between aspiration and inspiration). Еще болѣе низкое мѣсто занимаютъ тѣ, которые стремятся въ литературу, потому что не видятъ другого примѣненія своей некомпетентности. Они поступаютъ рѣшительно такъ, какъ безпомощныя вдовы и невѣжественныя старыя дѣвы, открывающія школы, потому что не въ состояніи взяться за что либо другое. Ниже всѣхъ стоятъ тѣ, которые изъ тщеславія или изъ легкомыслія превращаютъ литературу въ игрушку. Писать только потому, что это даетъ хлѣбъ, все же простительно даже тогда, когда литературный ремесленникъ абсолютно не имѣетъ способностей, требуемыхъ профессіей; но играть литературой — абсолютно непростительно. Мотивомъ тутъ является тщеславіе; цѣлью—желаніе извѣстности, а концомъ — презрѣніе... Въ моемъ трудѣ я намѣреваюсь разобрать основы литературнаго успѣха. Мнѣ кажется, если удастся выяснить *причины* успѣха въ литературѣ, то это можетъ принести пользу очень многимъ».

Меньше всего Льюисъ желаетъ давать рецепты, какъ фабриковать талантливыя произведенія. «Никто еще не сталъ изобрѣтателемъ оттого, что изучилъ основы научнаго метода, но, въ то же время, только при помощи знанія этого метода изобрѣтенія могутъ быть сдѣланы. Изобрѣтатель, изучившій эти принципы, избавитъ себя отъ долгой и безплодной работы... Успѣхъ въ литературѣ не есть что либо случайное. Всѣ виды литературы основаны на психологическихъ задачахъ и заключаютъ принципы, которые вѣрны для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ» *). Какіе же это принципы успѣха, найденные Льюисомъ? Прежде всего, это ясность. Излагайте ясно свои мысли, если желаете имѣть успѣхъ. Провалъ, прежде всего, объясняется тѣмъ, что авторъ не умѣлъ сдѣлать свои идеи понятными; не умѣлъ облечь ихъ въ привлекательную, ясную форму... Льюисъ въ публикѣ видитъ верховнаго судью литературнаго произведенія. «Совершенно потерянный трудъ писать непонятно для массъ, если только одни жрецы могутъ расшифровать іероглифы».

*) G. H. Lewes, The principles of Success in literature (отдѣльное изданіе Sharper-Knowlson.), p. p. 1—10.

Digitized by Google

Но это отнюдь не значитъ, что авторъ долженъ приспособляться ко вкусамъ толпы. Наоборотъ, чтобы имѣть успѣхъ, нужно имѣть свой идеалъ и стараться поднять до его уровня массы и т. д.

Многое въ этомъ трактатѣ сильно отдаетъ догматизмомъ, объясняющимся временемъ, когда думали, что одна формула, если ее только найти, можетъ обнять всю человѣческую жизнь; но многое не утратило значенія до настоящаго времени. *Fortnighly Review* сдѣлало еще одно нововведеніе: оно открыло свои страницы для поэтовъ и для беллетристовъ. Этого слѣдовало ожидать отъ журнала, во главѣ котораго стояла также первоклассная романистка (Джорджъ Эліотъ). Fortnightly Review, на первыхъ порахъ, дѣйствительно выходило два раза въ мѣсяцъ; но затѣмъ стало появлятся лишь каждое первое число, хотя названіе осталось то же. Съ 1865 г., за 33 года существованія, журналъ переходилъ въ руки нѣсколькихъ редакторовъ. Вмѣстѣ съ этимъ мѣнялась, конечно, физіономія журнала. Золотымъ вѣкомъ журнала былъ періодъ отъ 1867—1882 г. Во главѣ Fortnightly Review сталъ молодой 29-лѣтній адвокатъ, только что оставившій окончательно судъ для журнальной дѣятельности и уже извѣстный въ литературѣ замѣчательной книгой объ Эдмундѣ Беркѣ. Молодой редакторъ явился съ стройнымъ, цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, съ горячей ненавистью къ сдѣлкамъ съ собственной совѣстью и ко всякаго рода компромиссамъ. Это была одна изъ тѣхъ чистыхъ, нѣсколько мечтательныхъ натуръ, которыя мѣряютъ человѣчество на свой собственный, крайне длинный, аршинъ. Этотъ редакторъ былъ Джонъ Морлей, впослѣдствіи, когда онъ былъ министромъ, прозванный народомъ «Честнымъ Джономъ». Fortnightly Review получило тогда физіономію самого редактора. Въ журналѣ появились отдѣльныя главы изъ книгъ «Вольтеръ», «Дидеро», «Руссо», «Ричардъ Кобденъ» и др., которыя составили Морлею такое громкое и заслуженное имя не только въ Англіи. «Морлей, когда пишетъ книгу, думаетъ не только о томъ, чтобы сдѣлать ее интересной и содержательной, онъ постоянно имѣетъ цѣлью облагораживать читателя. Житейская пошлость разстраиваетъ благороднаго автора. Онъ доказываетъ постоянно, что идеалы достижимы; стоитъ лишь сдѣлать усиліе. Индифферентизмъ и посредственность кажутся Морлею величайшими проклятіями, тяготѣющими надъ человѣчествомъ.» Эта характеристика сдѣлана лѣтъ шесть тому назадъ. Сомнѣваюсь, чтобы даже политическіе противники честнаго Джона отказались бы подписать эту аттестацію. Въ 1883 г. Морлей былъ избранъ въ парламентъ, журналъ перешелъ въ руки Эспата. Мнѣ пришлось уже писать о Морлеѣ, какъ о политическомъ дѣятелѣ. Въ силу этого, я приведу здѣсь лишь удачное выраженіе, сказанное политическимъ противникомъ «честнаго Джона»: «Морлей—литераторъ, болѣе подготовленный къ тому, чтобы писать исторію, чѣмъ къ тому, чтобы дѣлать ее». Въ 1886 г. *Fortnightly*

Digitized by Google

Review перешло въ руки Фрэнка Гарриса, а въ послѣднее время во-главѣ его стоитъ Курней.

За долгій періодъ своего существованія журналъ отмѣтилъ много новыхъ общественныхъ и литературныхъ теченій. Обыкновенно, когда намѣчается такое теченіе, редакція поручаетъ наиболѣе крайнему представителю его высказаться вполнѣ, не стѣсняясь ничѣмъ. Дѣлается лишь одна оговорка, существенная для всѣхъ англійскихъ Reviews: авторъ не долженъ быть многоглаголивъ. Англичане увѣрены, что всякій вопросъ можно изложить вполнѣ, maximum, въ статьѣ въ 16 страницъ. Потому ли, что англійскій языкъ болѣе сжатый, потому ли, что англійскіе авторы умѣютъ вгонять много мыслей въ мало предложеній, но статьи въ Reviews почти никогда не превышаютъ «максимальнаго максимума», какъ говорятъ математики, въ печатный листъ. Въ Fortnightly Review выступилъ со своимъ новымъ словомъ Оскаръ Уайльдъ; въ этомъ журналѣ появился манифестъ новой демократіи, озаглавленный на библейскій ладъ: «Къ вашимъ шатрамъ, о, Израиль!» Но журналъ уже не сдѣлалъ дальнѣйшаго шага, когда стало очевиднымъ, что катехизисъ старой радикальной партіи уже болѣе не соотвѣтствуетъ времени; что послѣднее выдвинуло новыя задачи и новыя требованія. *Fortnightly Review* уже давно, собственно говоря, послѣ Морлея, перестало быть боевымъ, руководящимъ органомъ; но осталось все же прекраснымъ, богатымъ содержаніемъ журналомъ. Если время, или the topic of the month, какъ говорятъ англичане, выдвинуло какіе нибудь вопросы, все равно, идетъ ли дѣло о новыхъ теченіяхъ въ экономикѣ или философіи, о Фашодѣ, о сибирской желѣзной дорогѣ, о китайской политикѣ, о поэзіи Верлэна или же о положеніи дѣтей на фабрикахъ,—можно быть увѣреннымъ, что раньше всего въ *Fortnightly Review* мы найдемъ статью, а иногда и двѣ, написанныя лучшими знатоками вопроса. Статья будетъ богата фактами, но въ то же время безусловно «читабельна». Почти въ каждомъ нумерѣ мы найдемъ политическое обозрѣніе, подписанное псевдонимомъ Diplomaticus. Говорятъ, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается бывшій министръ, вѣроятный кандидатъ въ премьеры, если консервативное министерство потерпитъ крушеніе. Въ желаніи достать что ни на есть лучшаго и болѣе компетентнаго спеціалиста для изложенія извѣстнаго вопроса, *Fortnightly Review*, да и вообще англійскіе журналы, не останавливаются ни передъ чѣмъ. Полистная плата тогда не знаетъ максимальнаго максимума. Минимальный минимумъ—это двѣ гинеи (т.-е. 20 руб.) за страницу; но *Fortnightly* R. платило спеціалистамъ и по 20 и болѣе гиней за стр.

Нѣсколько писателей появляются особенно часто на страницахъ журнала, какъ, напр., Грэнтъ Алленъ, едва ли не самая крупная фигура въ современной англійской журналистикѣ. Его умное лицо съ насмѣшливымъ ртомъ, скрытымъ лишь на половину густой бородой, такъ какъ верхняя губа выбрита, глядитъ съ портрета

Digitized by Google

во всѣхъ витринахъ, гдѣ выставлены карточки знаменитостей. Воспитанникъ оксфордскаго университета, заброшенный впослѣдствіи судьбой въ качествѣ учителя въ Spanish Town, на Ямайкѣ, онъ пережилъ и перевидалъ многое, пока въ концѣ семидесятыхъ годовъ переселился въ Лондонъ, рѣшивъ стать профессіональнымъ журналистомъ. Вначалѣ его интересовали исключительно психологическіе и біологическіе вопросы. Грэнтъ Алленъ написалъ рядъ книгъ: «Physiological Aesthetics», «Colour Sense», «The Evolutionist at Large» и пр. Грэнтъ Алленъ обладаетъ совершенно исключительнымъ популяризаторскимъ талантомъ. Удивительный стилистъ, онъ умѣетъ писать образно, легко и «весело», какъ выразился когда-то Писаревъ, о самыхъ сложныхъ и, повидимому, туманныхъ вопросахъ. Въ публицистическихъ статьяхъ своихъ онъ проводитъ взглядъ здороваго, нѣсколько циничнаго, эпикуреизма. Предъ нами скептикъ, который не прочь поглумиться, когда находитъ удобнымъ, надъ человѣческой пошлостью и... надъ идеализмомъ, который ему, эпикурейцу, кажется смѣшнымъ и болѣзненно ненормальнымъ. Нужно имѣть въ виду, что въ каждой строкѣ виденъ огромный талантъ, по своему, хорошо знающій людей, обладающій большими знаніями. Но не научныя работы, не публицистическія статьи доставили Грэнтъ Аллену наибольшую популярность среди большой публики, а романы. Начиная съ 1884 г., Грэнтъ Алленъ сталъ писать романы и повѣсти въ огромномъ количествѣ. Таковы *Philistia*, *Babylon*, *In All Shades*, *A Terrible Inheritance* и пр. Мнѣ понадобилось бы очень много мѣста, чтобы перечислить всѣ беллетристическія произведенія плодовитаго писателя. Въ свое время романъ *The Woman who did* произвелъ цѣлую бурю въ печати и среди публики. Каковъ же характеръ этихъ произведеній? Несомнѣнно, авторъ обладаетъ большимъ остроуміемъ и живой, богатой фантазіей; но цинизмъ и эпикуреецъ сказался и тутъ. Большая публика въ Англіи любитъ больше всего романы съ приключеніями. Подобными произведеніями набиты всѣ «магазины» (журналы). «Вы хотите приключеній? Извольте»— какъ будто рѣшилъ Грэнтъ Алленъ. Конечно, его романы и талантливѣе, и неизмѣримо болѣе остроумны, чѣмъ прочая «магазинная» беллетристика; произведенія Грэнтъ Аллена, конечно, не имѣютъ и слѣда того непокрытаго, перекатнаго невѣжества, которымъ такъ тучна беллетристика съ приключеніями; но все же это—*фабричная* литература. Грэнтъ Алленъ рѣшительно не стѣсняется мѣстомъ: онъ не только появляется во всѣхъ *магазинахъ*, но спускается даже въ такіе курятники англійской литературы, какъ *Tit Bits*, какъ *Answers*. Бѣда заключается не въ этомъ. Если *настоящій* литераторъ не брезгаетъ заглянуть въ литературный курятникъ, чтобы повѣдать обывателямъ его о такихъ идеалахъ и матеріяхъ, о которыхъ они и не слыхали,—я не знаю, предосудительно ли это. Нужно, конечно, чтобы публицистъ не поступался ни одной буквой. Кто знаетъ, сколько новообращенныхъ можетъ быть пріобрѣтено такимъ путемъ!

Digitized by Google

Съ Грэнтъ Аленомъ дѣло обстоитъ не такъ: онъ приспособляется къ каждой литературной лохани и къ вкусамъ той публики, которая бултыхается въ ней. *Магазины*, держащіеся, главнымъ образомъ, розничной продажей, выработали своеобразный видъ беллетристики: романовъ, гдѣ каждая глава имѣетъ значеніе самостоятельнаго разсказа. Я покупаю, скажемъ, ноябрьскую книжку *Strand Magazine*. Тамъ уже цѣлый годъ печатается романъ «Братство семи королей», но я могу читать только ту главу, что помѣщена въ ноябрьскомъ нумерѣ. Грэнтъ Алленъ великій мастеръ фабриковать подобныя произведенія. Если бы понадобилось указать въ Fortnightly Review на двухъ журналистовъ, обладающихъ одинаково большимъ талантомъ, но составляющихъ полную антитезу другъ другу, нужно было бы упомянуть о Джонѣ Морлеѣ и Грэнтъ Алленѣ. Одинъ ненавидитъ компромиссъ, другой—возводитъ его въ перлъ созданія; одинъ мѣряетъ человѣчество на огромный аршинъ, другой—примѣняетъ къ нему узенькую мѣрку. Для одного стремленіе къ идеалу—цѣль жизни; для другого идеализмъ такъ же смѣшонъ, какъ пошлость и глупость, для различенія которыхъ онъ обладаетъ замѣчательной проницательностью. Въ странѣ съ ненормальной общественной жизнью, съ неустановившимся идеалами, дѣятельность такого публициста, какъ Грэнтъ Алленъ, принесла бы огромный вредъ, усугубленный большимъ талантомъ писателя; въ такой же уравновѣшанной странѣ, какъ Англія, выступаютъ лишь положительныя стороны таланта Грэнтъ Аллена. Публика Fortnightly Review, къ которой обращается публицистъ, умѣетъ сама разобраться въ явленіяхъ жизни.

Крайне своеобразна также литературная физіономія другого крупнаго англійскаго журналиста, сотрудника *Fortnightly R.*, Бернара Шау, экономиста, литературнаго критика и драматическаго писателя; но о немъ я надѣюсь говорить подробно особо.

Въ прошломъ году была сдѣлана попытка основать журналъ. органъ новыхъ элементовъ англійской общественной жизни, который преемственно продолжалъ бы дѣло *Эдинбургскаго*, *Вестминстерскаго* и *Двухнедѣльнаго* обозрѣній. Новый журналъ, во главѣ котораго сталъ Эдуардъ Карпентеръ, назывался *Progressive Review*; но онъ прекратился на одиннадцатой книжкѣ. Журналъ былъ блѣденъ и крайне бѣденъ литературными силами.

Какъ и *Вестминстерское Обозрѣніе*, Fortnightly Review вызвало, какъ антитезу, консервативное Contemporary Review, являющееся вторымъ изъ наиболѣе важныхъ существующихъ англійскихъ журналовъ. Впрочемъ, направленіе журнала открыть не совсѣмъ легко. Какъ и *Fortnightly R.*, журналъ, въ случаѣ возникновенія вопросовъ, обращается къ спеціалистамъ и компетентнымъ людямъ, не считаясь съ мнѣніемъ ихъ. Супруги Сидней и Беатриса Веббъ являются постоянными сотрудниками журнала Въ Contemporary Review были напечатаны тѣ статьи, которыя те-

Digitized by Google

перь вошли, какъ отдѣльныя главы, въ только вышедшую интересную книгу «Problems of Modern Industry».

Въ 1877 г. былъ основанъ Джемсомъ Наулесомъ (Knowles) третій изъ важныхъ современныхъ англійскихъ журналовъ—*Nineteenth Century*, «Девятнадцатый вѣкъ», который уже совсѣмъ не гонится ни за какимъ направленіемъ. Журналъ требуетъ лишь, чтобы статьи были подписаны полностью, *настоящимъ* именемъ и, разумѣется, чтобы онѣ были интересны и содержательны. Редакторъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы журналъ давалъ именно тѣ свѣдѣнія, которыя требуются въ настоящую минуту. Большинство сотрудниковъ Nineteenth Century люди очень талантливые, но въ общемъ составляютъ пеструю коллекцію мнѣній.

III.

До послѣдняго времени обозрѣнія были разсчитаны, главнымъ образомъ, на людей состоятельныхъ. Цѣна ихъ стояла не ниже полукроны за книжку. Въ 1890 г. явился новый журналъ, доступный по цѣнѣ всѣмъ. Онъ стоилъ въ пять разъ меньше самаго дешеваго Review, именно 6 пенсовъ. Если принять во вниманіе, что въ Англіи на журналы, какъ и на многія книги, дѣлается при покупкѣ скидка въ 25%, то журналъ обходится еще дешевле, именно въ $4^1/_2$ пенса. Но оригинально въ журналѣ было не только это. Въ немъ самобытнымъ являлось все. Всѣ reviews давали обзоръ книгамъ; новый журналъ говорилъ о книгахъ и передавалъ въ сжатой формѣ содержаніе всѣхъ другихъ журналовъ. Онъ и назывался поэтому *Review of Reviews*. Основалъ его Вильямъ Стэдъ, крайне своеобразная фигура въ англійской журналистикѣ. Никто изъ англійскихъ журналистовъ не являлся передъ публикой въ такихъ различныхъ фазисахъ, какъ Стэдъ. Онъ былъ и соціалистомъ, и теозофистомъ, и спиритомъ, и восторженнымъ поклонникомъ іезуитизма, въ которомъ усмотрѣлъ могучее орудіе просвѣщенія народа, и правовѣрнымъ джинго, и обличителемъ тиранiи въ Ирландіи; перечесть всѣ фазисы, въ которыхъ являлся онъ, нѣтъ возможности. Еще труднѣе предсказать, что скажетъ Стэдъ въ ближайшемъ нумерѣ. Обладая большимъ талантомъ и умѣньемъ взвинчивать себя въ каждомъ новомъ фазисѣ, Стэдъ пишетъ одинаково патетически и одинаково блестяще порой о діаметрально противоположныхъ вещахъ. Нельзя отрицать извѣстной искренности въ томъ скитаніи безъ руля и вѣтрилъ по морю темъ, которое мы наблюдаемъ въ публицистической дѣятельности Стэда. Познакомимся нѣсколько ближе съ этой своеобразной личностью прежде, чѣмъ перейти къ *Review of Reviews*. Стэдъ вполнѣ то, что англичане называютъ «self-made man»: своему образованію и развитію онъ обязанъ только самому себѣ. Сынъ бѣднаго деревенскаго пастора, голодавшаго съ огромной семьей гдѣ-то въ сѣверныхъ графствахъ,—онъ почти не посѣщалъ школы. Въ то время (Стэдъ

Digitized by Google

родился въ 1849 г.) начальныя школы были изъ рукъ вонъ плохи. Въ 14 лѣтъ онъ поступилъ разсыльнымъ въ магазинъ, съ платой по 4 шиллинга въ недѣлю. Но Стэдъ былъ настойчивъ, талантливъ и обладалъ блестящими способностями. Вообще, англичане выносятъ въ лучшемъ случаѣ изъ школы только, такъ сказать, закалъ. Всѣ великіе англійскіе ученые вынесли свои знанія и методъ не изъ школы. Надъ любовью Дарвина къ химіи глумились въ школѣ и ученики и учителя. Вокль оставилъ школу въ 14 лѣтъ. Спенсеръ по профессіи—гражданскій инженеръ. На немногія карманныя деньги Стэдъ покупалъ книги и учился. Какъ видно, ученіе шло хорошо, потому что въ 19 лѣтъ ему была присуждена награда за сочиненіе о Кромвелѣ. Онъ мечталъ стать историкомъ; но его увлекъ журнальный трудъ. Двадцати лѣтъ отъ роду Стэдъ дебютировалъ въ маленькой газетѣ Northern Daily Express. Онъ выступилъ съ рядомъ статей, въ которыхъ рисовалъ ужасное положеніе безработныхъ и предложилъ новую систему реформы законовъ для бѣдныхъ. Статьи произвели впечатлѣніе. Стэда попросили написать на ту же тему статью въ Northern Echo. Черезъ годъ молодой человѣкъ былъ уже редакторомъ этой газеты. Стэдъ учился много, изучилъ самъ три европейскихъ языка, на которыхъ читалъ очень много. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Стэдъ переселился въ Лондонъ, гдѣ нашелъ работу въ Pall Mall Gazette, во главѣ которой тогда стоялъ «Честный Джонъ» Морлей. Газета имѣла тогда опредѣленную физіономію; она была безусловно корректна, строго держалась намѣченной программы, не гонялась за сенсаціями, такъ что журналисту, не знающему, что онъ станетъ сѣять завтра, развернуться было невозможно. Но вотъ «Честный Джонъ» оставляетъ совершенно журнальную дѣятельность и переходитъ въ парламентъ. *Pall Mall Gazette* попадаетъ вполнѣ въ руки Стэда. Вначалѣ газета становится гораздо болѣе радикальной, чѣмъ была при Морлеѣ. Появляется рядъ дѣйствительно поразительныхъ статей, рисующихъ жизнь бѣдныхъ классовъ въ Лондонѣ. Статьи произвели такое сильное впечатлѣніе, что въ 1883 году парламентъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія жилищъ бѣдняковъ. Въ результатѣ былъ парламентскій актъ, о которомъ мнѣ пришлось недавно подробно говорить въ другомъ мѣстѣ. («Жилища бѣдняковъ въ Лондонѣ», *Русскія Вѣдомости*). Но имя Стэду составили не эти статьи, а рядъ скандальныхъ разоблаченій, появившихся въ *Pall Mall* въ 1885 г. Въ Англіи статьи вызвали цѣлую бурю. За границей ими долго кололи глаза Джону Булю, въ особенности когда онъ возмущался паденіемъ нравовъ на континентѣ. Я говорю о серіи статей подъ общимъ заголовкомъ «Maiden Tribute of Modern Babylon». Стэдъ раскрылъ цѣлую правильно организованную систему продажи малолѣтнихъ дѣвочекъ въ Лондонѣ. Покупателями являлись лорды и богатые классы. Рыночная цѣна колебалась отъ 2—3 ф. ст. за дѣвочку. Эти статьи тоже повели къ поправкѣ къ парламентскому акту. Послѣ «кроваваго воскре-

Digitized by Google

сенья», какъ называютъ въ Лондонѣ столкновеніе народа съ полиціей въ Трафальгаръ-скверѣ въ 1887 г., Стэдъ всецѣло сталъ на сторонѣ народа. Вмѣстѣ съ Энни Безантъ онъ основалъ тогда «Лигу свободы и закона», федерацію, которая должна была защитить всѣхъ жертвъ произвола. Но въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ вѣтеръ уноситъ Стэда въ другую сторону. Онъ ѣдетъ въ Римъ, знакомится съ іезуитскими священниками, отъ которыхъ приходитъ въ восторгъ. Стэду кажется, что это именно та сила, которая можетъ возродить народъ. Іезуитизмъ перемѣшивается вскорѣ съ спиритизмомъ, съ міромъ, лежащимъ за четвертымъ измѣреніемъ. Стэдъ пишетъ о теософіи такія же страстныя статьи, какъ недавно о «кровавомъ воскресеньи». Въ 1890 г. Стэдъ основалъ по собственному плану новый журналъ, Review of Reviews, который вскорѣ нашелъ подражателей въ Америкѣ, въ Австраліи, во Франціи, а въ послѣднее время, если не ошибаюсь, и у насъ въ Россіи. Нужно отдать справедливость: журналъ ведется Стэдомъ превосходно. Каждая тетрадь, состоящая болѣе чѣмъ изъ 200 страницъ въ четвертую часть листа, является довольно полнымъ отраженіемъ умственной и политической жизни Англіи за послѣдній мѣсяцъ. Мы находимъ тутъ изложеніе содержанія наиболѣе выдающихся статей, появившихся во всѣхъ англійскихъ и американскихъ, а, отчасти, и въ европейскихъ журналахъ. Затѣмъ, книжка начинается политическимъ обзоромъ (The Progress of the World). Въ каждомъ нумерѣ мы находимъ три статьи самого издателя: 1) «Character Sketch» 2) «The topic of the Month» и 3) «The Book of the Month». Первая статья это— мастерски набросанный портретъ какого-нибудь выдающагося общественнаго дѣятеля. Правда, законы перспективы для Стэда не существуютъ; въ силу этого, Морлею, Чэмберлену и Салисбюри удѣляется такое же вниманіе, какъ и какому-нибудь безшабашному американскому репортеру Джемсу Крилману, замѣчательному развѣ своей смѣлостью, да тѣмъ, что спустился по Миссисипи въ маленькомъ челнокѣ отъ Аллеганскихъ горъ до Мексиканскаго залива. Не смотря на отсутствіе перспективы, многіе изъ портретовъ Стэда настоящіе шедевры. «The topic of the month» это — статья по поводу вопроса, занимающаго въ данный моментъ Англію. Именно въ этихъ статьяхъ можно ожидать отъ Стэда совершенно неожиданныхъ вольтовъ; но именно эти статьи написаны особенно горячо и патетически. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ирландія правила поминки по своимъ героямъ возстанія 1798 г. Англійскія газеты или же замолчали событія или ограничились замѣтками въ нѣсколько строчекъ. Reviews поступили, какъ обыкновенно: они поручили написать о 1798 г. лицамъ, смотрящимъ на событіе съ діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія, т. е. съ ультра англійской и ультра ирландской и помѣстили статьи рядомъ. Стэдъ же въ іюльскомъ Review of Reviews, въ отдѣлѣ The topic of the month, выступилъ съ пламенной статьей «Годовщина 1798 г.». Мнѣ кажется, это

Digitized by Google

одна изъ лучшихъ, если не самая лучшая статья Стэда. Сдѣлаю небольшую выдержку изъ нея.

«Кто боится говорить о девяносто восьмомъ годѣ? Кто краснѣетъ, заслышавъ это слово? Когда трусы и подлецы смѣются надъ участью, постигшей патріотовъ, кто опускаетъ отъ стыда голову?» *) На этотъ вопросъ, заданный д-ромъ Ингрэмомъ, я — Вильямъ Томасъ Стэдъ, смиренный и недостойный представитель господствующей партіи въ союзѣ между Англіей и Ирландіей,—отвѣчаю слѣдующее. Да будетъ вѣдомо, что если даже въ мірѣ не останется ни одного человѣка, который отвѣтитъ утвердительно, я торжественно объявляю и утверждаю: «*Я* краснѣю, когда слышу это слово; *я* опускаю отъ стыда голову; *я* смущенъ при мысли о тѣхъ дѣяніяхъ, которыя учинены лицами, представлявшими тогда Англію предъ всѣмъ міромъ... Лишь накинувъ на тѣло власяницу и посыпавъ главу пепломъ, имѣетъ право англичанинъ произнести предъ культурнымъ міромъ слово «Ирландія». Когда же онъ говоритъ о дѣяніяхъ 1798 г., поведшихъ за собою унію 1800 г., ему остается лишь воскликнуть: «Проклятіе! Проклятіе! Проклятіе!» Нѣтъ другого слова для выраженія чувства человѣка, если только онъ не дьяволъ во плоти, когда онъ слышитъ про то, что сдѣлали англичане въ 1798 г.!.. Надъ Англіей съ этого года тяготѣетъ наиболѣе отвратительное, гнусное и невѣроятное преступленіе» **). То, что разсказываетъ далѣе Стэдъ, дѣйствительно, можетъ вызвать лишь одно восклицаніе: «проклятіе!» Авторъ доказываетъ, впрочемъ, давно уже извѣстный фактъ, что возстаніе 1798 г. было умышленно вызвано англійскимъ правительствомъ, искавшимъ повода для уничтоженія ирландскаго парламента. Когда населеніе все же не возставало, не смотря на жестокія преслѣдованія католическихъ священниковъ, не смотря на ограбленіе страны и пр. (я говорилъ подробно объ этомъ въ статьяхъ объ англійской печати и объ англійскихъ политическихъ партіяхъ), лордъ Корнвэльскій придумалъ мѣру, которая сдѣлала бы честь курдскому баши-бузуку. Англійскихъ солдатъ расквартировали по крестьянскимъ избамъ и отдали приказъ насиловать женъ и дочерей ирландцевъ. Мятежъ вспыхнулъ на всемъ островѣ.

Статья Стэда произвела крайне сильное впечатлѣніе, какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. Ни здѣсь, ни тамъ не ожидали ничего подобнаго отъ джинго и отъ «патріота», восхвалявшаго еще недавно Сесиля Родса. Послѣдній же не дальше, какъ въ 1896 г. дѣлалъ въ южной Африкѣ отнюдь не меньше, чѣмъ лордъ Корнвэльсъ и «Джекъ Горлорѣзъ» въ Ирландіи въ 1798 г. Возстаніе

*) Эти слова составляютъ первую строфу гимна ирландскихъ націоналистовъ „Who fears to speak of Ninety-Eight?» написаннаго докторомъ Джономъ-Келсомъ Ингрэмомъ.

**) См. «The Centenary of 1798», статьи Стэда, изданныя отдѣльнымъ памфлетомъ, p. p. 15—19.

Digitized by Google

матабеловъ было также искусственно вызвано, какъ и ирландскій мятежъ 1798 г. Что же касается до «усмиренія», то объ этомъ краснорѣчиво разсказываетъ Оливъ Шраннеръ и пасторъ Блэкъ въ «National Review». Что касается третьей статьи, появляющейся въ каждомъ нумерѣ Review of Reviews, — *Book of the Month*, то это изложеніе содержанія книги, нашумѣвшей въ данное время. Порой, это политическій памфлетъ, порой — художественное произведеніе. Въ общемъ, этотъ отдѣлъ составляется гораздо слабѣе, чѣмъ два предыдущихъ. Стэдъ—памфлетистъ по своей натурѣ и по характеру таланта; но очень посредственный художественный критикъ. Порой, гдѣ у публициста не хватаетъ художественнаго чутья, онъ замѣняетъ его совершенно своеобразнымъ «пасторскимъ» пріемомъ. Эффектъ получается удивительный, хотя отнюдь не лестный для Стэда. Приведу одинъ примѣръ, о которомъ вспомнилъ теперь. Въ прошломъ году въ это время въ Лондонѣ много говорили о романѣ Олла Кэна «Христіанинъ». Въ обществѣ и въ газетахъ на всѣ лады толковали про главныхъ героевъ, про Джона Сторма и Глори. Есть въ романѣ такой эпизодъ: Стормъ приходитъ ночью къ Глори, чтобы убить ее.

— Небо меня послало, чтобы казнить васъ, Глори,—говоритъ Джонъ.

— Нѣтъ, чтобы любить меня!—перерываетъ дѣвушка, обхватывая шею фанатика. «Цѣлуй меня, Джонъ!»—шепчетъ она. Глава кончается. Въ слѣдующей говорится, что Стормъ вышелъ изъ дома Глори предъ разсвѣтомъ. Такъ какъ шаблонъ установился незыблемо въ обыкновенной англійской повѣсти, то сцена эта показалась крайне соблазнительной многимъ. Романъ кончается такъ. Къ смертельно раненому Сторму приходитъ Глори. Священникъ вѣнчаетъ ее съ умирающимъ, и Глори даетъ клятву свершить то, что собирался сдѣлать Джонъ: именно отправиться сестрой милосердія къ прокаженнымъ. Сцена самопожертвованія примирила отчасти съ героиней всѣхъ предомокъ и биготокъ, которыя не могли простить ей, что Глори способна была даже на нѣчто такое, что пришлось прервать главу. Но вотъ выступилъ Стэдъ въ Review of Reviews. Онъ заявилъ, что Глори виновна въ прелюбодѣяніи и не заслуживаетъ снисхожденія. Вѣнчалась она съ умирающимъ не изъ какихъ либо высокихъ мотивовъ, но единственно для того, чтобы обезпечить отца для будущаго ребенка. Такъ какъ въ романѣ нѣтъ даже намека на этого ребенка, то прозорливость и проницательность критика просто изумительна.

Характерную особенность *Review of Reviews* составляетъ листъ, озаглавленный «Исторія мѣсяца въ каррикатурахъ». Это собраніе наиболѣе остроумныхъ и злыхъ политическихъ каррикатуръ, появившихся въ различныхъ европейскихъ, американскихъ и австралійскихъ сатирическихъ изданіяхъ. Эта «исторія» составляется гораздо болѣе удачно, чѣмъ во французскомъ аналогическомъ изданіи.

Digitized by Google

Когда умеръ Гладстонъ, Стэдъ собралъ всѣ каррикатуры, касавшіяся его, въ одну книжку. Составилась крайне интересная біографія «великаго старца». Въ общемъ, *Review of Reviews*—прекрасное и крайне полезное изданіе, хотя *воспитательнаго* значенія для демократіи, какъ проектировалъ Стэдъ, журналъ не можетъ имѣть именно въ виду отсутствія «вѣтрилъ и руля» въ направленіи самого редактора. Сегодня онъ увлекается теософіей и ему кажется, что именно на ней держится весь міръ. Журналъ явится отраженіемъ этого взгляда. Завтра вмѣсто теософіи явится римскій папа, въ которомъ Стэдъ увидитъ нѣчто такое, чего не видалъ никто, а далѣе папу замѣнитъ союзъ всѣхъ тевтонскихъ народовъ и т. д. Обо всемъ это Стэдъ будетъ говорить блестяще, горячо, убѣдительность будетъ замѣнена страстностью. Извлечетъ ли изъ всего этого пользу *масса*, которую журналистъ думаетъ просвѣщать, это вопросъ, въ коемъ позволительно усомниться.

Прежде, чѣмъ покончить съ Review of Reviews, слѣдуетъ сказать о любопытномъ и полезномъ изданіи, задуманномъ Стэдомъ года два тому назадъ, именно о «Penny Poets» и «Penny Novels» Чтобы дать народу лучшее чтеніе, вмѣсто наполненныхъ убійствами «на копѣйку ужасовъ», лубочныхъ книжекъ, которыми зачитываются мальчишки въ большихъ англійскихъ городахъ,—Стэдъ сталъ издавать англійскихъ и нѣкоторыхъ европейскихъ классиковъ по 1 пенни за книжку страницъ въ 150. Такъ изданы Байронъ, Шелли, Лонгфелло, Муръ, Уотъ Уитманъ, затѣмъ романы В. Скотта, Гюго, Бронте, Диккенса, Теккерея и т. д. Тутъ же мы находимъ самый популярный, кажется, романъ въ Англіи: переводъ «Трехъ мушкатеровъ», который могъ бы и не фигурировать въ спискѣ просвѣтительнаго чтенія. Русская литература, если не ошибаюсь, представлена здѣсь лишь двумя книжками: «Севастопольскими разсказами» Толстого да «Тарасомъ Бульбой»; эту повѣсть переводчикъ почему-то перекрестилъ въ «казацкаго гетмана» («The Hetman of the Cossacks»). Судя по заголовку, да еще по нѣкоторымъ другимъ чертамъ, переводъ скорѣе всего сдѣланъ съ нѣмецкаго. Въ Рекламовскомъ изданіи нѣмецкій переводъ тоже называется «Казацкимъ Гетманомъ». Къ слову сказать, въ англійскомъ переводѣ «Бульбы» нѣтъ такихъ удивительныхъ вещей, какъ въ переводѣ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Изъ нихъ англійскій читатель узнаетъ, напр., что малороссы имѣютъ странное обыкновеніе накручивать на ухо *селедку* (*Hering*, какъ понялъ переводчикъ слово *оселедецъ*). Стэдъ составилъ, такимъ образомъ, библіотеку изъ 150 книжекъ. Онѣ высылаются въ деревянномъ шкафикѣ за одинъ ф. ст. Такимъ образомъ, много глухихъ деревень снабжены за маленькую сумму редакціей Review of Reviews библіотечкой избранныхъ писателей.

Попытаюсь суммировать мои бѣглые эскизы. Англійскія Reviews характеризуютъ исключительно вкусы вполнѣ культурныхъ классовъ.

Digitized by Google

Они отмѣчаютъ послѣдовательные этапы въ развитіи общественнаго самосознанія. Рядъ журналовъ преемственно продолжали одну и ту же работу. Эти Reviews разработали тѣ идеалы, которые впослѣдствіи были примѣнены въ жизни. Когда англійская жизнь приняла нормальное теченіе, Reviews утратили тотъ боевой характеръ, который имѣли вначалѣ; оттѣнки между ними сгладились; журналы превратились въ сборники, цѣль которыхъ—уловить вопросъ дня и дать о немъ наиболѣе точныя свѣдѣнія, освѣтить его иногда съ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія.

Діонео.

Французскій романтизмъ въ литературѣ и наукѣ.

(По поводу юбилеевъ Шатобріана и Мишлэ).

(Письмо изъ Франціи).

Читатель, можетъ быть, удивится выбранной мною на этотъ разъ темѣ: говорить о романтизмѣ, вызывать тѣни Шатобріана, Мишлэ, въ то время, какъ весь цивилизованный міръ съ напряженнымъ вниманіемъ и волненіемъ слѣдитъ за малѣйшими перипетіями, эпизодами, то трагическими, то комическими сценами громадной общественной драмы, которая разыгрывается во Франціи конца XIX-го вѣка подъ названіемъ «дѣла Дрейфуса»? Въ отвѣтъ на это я позволю себѣ сослаться на общій характеръ своихъ писемъ, въ которыхъ, нисколько не претендуя ловить минутные факты и новости дня—на то есть газеты,—я пытаюсь, по мѣрѣ силъ и пониманія, подводить крупные итоги политической и умственной жизни страны и знакомить читателя съ обширными группами явленій, которыя не сегодня начались и не завтра кончатся. Около года тому назадъ я далъ статью, въ которой старался показать, какъ дѣло Дрейфуса, не смотря на свой, повидимому, случайный, исключительный характеръ, явилось со всѣми своими усложненіями лишь симптомомъ и необходимымъ слѣдствіемъ общаго настроенія французовъ третьей республики. Съ тѣхъ поръ не мало воды протекло подъ сводами парижскихъ мостовъ; новые и новые факты наслоились на этомъ безконечно растущемъ дѣлѣ; были сюрпризы, были громовые удары изъ чистаго неба; струи крови примѣшались къ грязи шовинистскаго и и антисемитскаго болота, и я лишь жду если не окончанія «дѣла»—въ извѣстномъ смыслѣ оно никогда не можетъ кончиться,—то, по крайней мѣрѣ, рѣшительнаго новаго поворота въ его ходѣ, чтобы

Digitized by Google

прибавить еще кой какіе общіе штрихи къ нарисованной мною раньше картинѣ. Эти штрихи, эти дополняющіе выводы уже намѣчаются въ моей головѣ, я попрошу читателя лишь вооружиться на нѣкоторое время терпѣніемъ, а пока дать мнѣ разрѣшеніе побесѣдовать съ нимъ о французскомъ романтизмѣ. Впрочемъ, самъ читатель скоро увидитъ, что, даже занимаясь такимъ, казалось бы, академическимъ вопросомъ, мы будемъ стоять съ нимъ все время въ центрѣ кипучей и нервной французской жизни....

Какъ это часто бываетъ, чисто внѣшняя, формальная вещь, голое подраздѣленіе времени, простая дата,—связала между собою два на самомъ дѣлѣ родственныя имени. Нынѣшнимъ лѣтомъ франція праздновала столѣтній юбилей рожденія Мишлэ, который увидѣлъ свѣтъ 21-го августа 1798 г., и пятидесятилѣтіе смерти Шатобріана, который угасъ дряхлымъ старикомъ 4-го іюля 1848 г. Но въ чемъ же, могутъ спросить насъ, въ чемъ заключается родственность аристократа, роялиста и католика Шатобріана и плебея, свободомыслящаго деиста и пламеннаго демократа Мишлэ? Въ томъ, что, не смотря на эту разницу происхожденія и міросозерцанія, оба они были романтиками,—одинъ отцомъ французскаго романтизма, другой чуть не послѣднимъ могиканомъ его, и притомъ такъ, что, работая въ общемъ въ двухъ различныхъ областяхъ французской литературы, оба они въ извѣстныхъ пунктахъ сближались даже по характеру работы: Шатобріанъ рядомъ со своими романами и эпопеями въ прозѣ, да и въ нихъ самихъ, совершая экскурсіи въ область исторіи, Мишлэ, уже даже въ своихъ чисто историческихъ трудахъ возвышаясь до лирическаго пафоса и художественнаго творчества романтика. Интересно для дальнѣйшаго сопоставленія этихъ двухъ авторовъ и то обстоятельство, что и тотъ и другой формально не одобряли романтизма. Шатобріанъ съ худо скрытымъ нетерпѣніемъ старался сначала игнорировать представителей молодой литературной школы и лишь въ тридцатыхъ годахъ, ища популярности, вынужденъ былъ раздавать хвалебныя оцѣнки продолжателямъ своего направленія, продолжателямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ незаконныхъ и неудачныхъ дѣтей своего высокомѣрно-меланхолическаго генія. А Мишлэ неоднократно противоставлялъ себя и свои пріемы романтической школѣ и романтикамъ. *)

Такъ лишній разъ подтверждается то психологическое явленіе, что самъ художникъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) далеко не всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ истинномъ характерѣ своего творчества...

Во всякомъ случаѣ, читатель увидитъ изъ моей статьи, въ какой степени я имѣлъ право остановиться, по поводу юбилеевъ Ш...

*) Напр., въ предисловіи къ «Народу», гдѣ читаешь—очевидно, по адресу Гюго—слѣдующую фразу: «романтики думали, что искусство заключалось преимущественно въ безобразномъ (laid)». См. J. Michelet, Le peuple, стр. 9. Oeuvres completes», éd. Flammarion.

Digitized by Google

тобріана и Мишлэ, на литературномъ значеніи этихъ двухъ авторовъ для французскаго романтизма: и въ томъ и другомъ писателѣ ярко обрисовались главныя черты этого литературнаго направленія. Но что такое романтизмъ или, точнѣе, что такое французскій романтизмъ? Ибо, не отказываясь отъ разсмотрѣнія романтизма вообще, я все же предпочитаю стоять на почвѣ французской разновидности романтической школы, во первыхъ потому, что я лучше знаю ее, а во вторыхъ и потому, что эта разновидность отличается довольно ощутительно отъ нѣмецкаго, англійскаго и т. п. романтизма.

Попробуйте присмотрѣться къ различнымъ опредѣленіямъ романтизма со стороны французскихъ критиковъ литературы и самихъ художниковъ. Лишь въ самое послѣднее время начинаетъ пробиваться сквозь эти по большой части формальныя опредѣленія философская, такъ сказать, сущность романтизма, и пробиваться въ неполномъ и поверхностномъ видѣ. Прилагательное «романтическій» находится, согласно цитатѣ въ словарѣ Литтрэ, уже у Мармонтеля, значитъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, и, кромѣ того, я не увѣренъ, можно-ли считать приведенную Литтрэ фразу за первый примѣръ употребленія этого слова въ литературѣ. Но «романтизмомъ» стали называть во Франціи извѣстное направленіе въ литературѣ лишь со времени баронессы Сталь, которая познакомила французовъ въ началѣ XIX-го вѣка съ «литературами сѣвера» (и взяла оттуда самое слово). Для Сталь романтизмъ является выраженіемъ духовной жизни христіанскихъ народовъ въ противоположность классицизму языческой древности.

Отсюда, подъ вліяніемъ нѣмецкой романтической поэзіи Тика и Шлегеля (которую французы знали главнымъ образомъ по наслышкѣ, изъ третьихъ и даже изъ четвертыхъ рукъ), романтизмъ скоро сталъ синонимомъ возвеличенія среднихъ вѣковъ, которые можно было считать въ извѣстномъ смыслѣ за самую «христіанскую», т. е., собственно говоря, католическую эпоху. Идеализація реакціонной средневѣковщины, замка феодала-разбойника, готическаго собора, наполненнаго вѣрующими, которые въ данный моментъ готовы встрѣтить дикими криками радости и рукоплесканіями сожженіе на кострѣ колдуньи, еретика или свободнаго мыслителя,—эта идеализація стала основнымъ признакомъ романтизма, и отъ нея не свободна муза второго періода литературной дѣятельности Виктора Гюго: я говорю о двадцатыхъ годахъ, когда поэтъ отождествлялъ романтическую школу съ изображеніемъ «католическихъ и монархическихъ среднихъ вѣковъ». Позже Гюго, правда, сталъ говорить совершенно иное, связывая съ литературной революціей, совершонной романтизмомъ въ формѣ, необходимость революціоннаго демократическаго содержанія въ романтическихъ произведеніяхъ. Но, во всякомъ случаѣ, къ раннему періоду дѣятельности Гюго можетъ быть по праву примѣнена эффектная фраза другого романтика, Теофиля Готье: «Викторъ Гюго реставрировалъ средневѣковой готическій соборъ».

Кстати, разъ я упомянулъ «о божественномъ Тео» (кличка Готье,

Digitized by Google

вышедшая отъ его друзей, а затѣмъ распространившаяся во всей литературѣ), не мѣшаетъ тутъ же указать читателю на новый элементъ, который былъ особенно ярко выраженъ въ романтизмѣ именно Теофилемъ Готье: я разумѣю до комичнаго яростный протестъ артиста-романтика противъ презрѣннаго «буржуа» во имя искусства, которое выдѣляется изъ всѣхъ прочихъ элементовъ общественной жизни и ставится надъ ними, какъ нѣчто единственно цѣнное и великое. Въ сущности, ничто не находитъ пощады передъ артистическими филиппиками «божественнаго Тео», отъ котораго, казалось, нельзя было бы ждать такой концентрированной ненависти. Я попрошу читателя припомнить лишь пресловутое введеніе Готье къ его роману «Мадемуазель де-Мопэнъ», введеніе, которое такъ скандализировало въ свое время почтенную академію сорока безсмертныхъ, что она ни за что не хотѣла посадить на одно изъ своихъ креселъ чѣловѣка, осмѣлившагося сравнить мораль съ почтенной, но скучнѣйшей бабушкой, а безнравственность съ очаровательной и легкомысленной дѣвицей. Эксцентричный артистъ презрительно смѣется не только надъ «буржуазной» моралью,—ибо видитъ въ ней лишь «лицемѣріе»,—не только надъ особой разновидностью «христіанскаго республиканизма» (имѣя, вѣроятно, въ виду Ламенне, а можетъ быть и Луи-Блана),—ибо это міровоззрѣніе раздражаетъ его своей претенціозностью: онъ издѣвается и надъ людьми, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшивать съ «буржуа», и балагуритъ надъ «утилитаризмомъ» сен-симонистовъ, которые были осуждены именно буржуа и именно за «безнравственность».

Единственный человѣкъ, передъ которымъ останавливается его артистическое негодованіе и передъ которымъ онъ снимаетъ свою шутовскую шапку, это—творецъ идеальныхъ фаланстерій, великій Шарль Фурье. Но Т. Готье лишь мимоходомъ касается геніальной системы «привлекательности страстей» (вѣроятно, находя въ послѣднихъ сходство съ безшабашными и, въ сущности, довольно мелкими житейскими страстишками господъ артистовъ) и съ ироническимъ восхищеніемъ останавливается на разныхъ фантастическихъ мечтаніяхъ великаго мыслителя-поэта.

Презрѣніе къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ ярко сказывается въ фразѣ: «что касается до меня, то я охотно согласился бы на возвращеніе антропофага Карла X-го, если бы онъ привезъ мнѣ изъ своего замка въ Богеміи корзинку съ токайскимъ виномъ или Іоганнисбергомъ; точно также я нашелъ бы избирательные законы достаточно широкими, если бы только нѣкоторыя улицы были шире, а другія вещи уже» (скабрезный намекъ на переиначенную французскую поговорку). Въ пылу своего общественнаго индифферентизма жрецъ чистаго искусства заходитъ, самъ того не замѣчая, такъ далеко, что подаетъ руку чуть не современнымъ анархистамъ въ ихъ презрѣніи къ парламентаризму и отрицанію

Digitized by Google

всякой власти. Я приведу цѣликомъ это мѣсто, которое скоро понадобится намъ для окончательнаго опредѣленія романтизма:

Что вы говорите мнѣ о прогрессѣ? Я, конечно, знаю, что вы скажете мнѣ: «у насъ есть верхняя и нижняя палаты; можно надѣяться, что всѣ будутъ скоро избирателями, а число представителей удвоится или утроится». Но, что же? Или вы думаете, что и безъ того еще недостаточно дѣлается ошибокъ противъ французскаго языка съ національной трибуны, и что не достаточно самихъ представителей для дрянного дѣла, которое они стряпаютъ? Я не понимаю, какая польза въ томъ, что загонятъ двѣсти или триста провинціаловъ въ деревянный амбаръ съ потолкомъ, разрисованнымъ Фрагонаромъ, и заставятъ ихъ тамъ печь и лѣпать кучу нелѣпыхъ или жестокихъ законишекъ. Не все ли равно, кто и что управляетъ вами: сабля, кропило, или зонтикъ *)! Во всякомъ случаѣ это—палка. и я удивляюсь, что люди прогресса до сихъ поръ еще препираются о выборѣ дубины, которой имъ будутъ грѣть плечи, тогда какъ было бы гораздо прогрессивнѣе и дешевле сломать ее и бросить куски ко всѣмъ чертямъ **).

Не думайте, впрочемъ, что у эксцентриковъ французскаго романтизма такія, повидимому, революціонныя фразы означаютъ что-нибудь иное, кромѣ презрѣнія ко всему, за исключеніемъ искусства, и восхищенія свободной, непринужденной, не подчиненной никакимъ правиламъ и законамъ артистической формой, которая соединяетъ какъ попало довольно плохо вяжущіяся мысли при помощи внѣшняго блеска, грома и созвучія словъ. Въ данномъ предисловіи Теофиль Готье очень смахиваетъ на отчаяннаго наѣздника-акробата съ колпакомъ арлекина на головѣ и жиденькимъ бичомъ сатиры въ рукахъ, акробата, который несется среди цѣлаго табуна своевольно галопирующихъ лошадей и перескакиваетъ то на того, то на другого поэтическаго конька...

Во всякомъ случаѣ, преклоненіе передъ свободной формой и возстаніе противъ литературныхъ правилъ и традицій въ такой степени характеризуютъ французскій романтизмъ, что и сами романтики и противники ихъ главнымъ образомъ видѣли въ новомъ направленіи борьбу съ классицизмомъ (псевдо-классицизмомъ двухъ предшествующихъ вѣковъ) и его литературными законами: строгимъ разграниченіемъ родовъ; абстрактнымъ выраженіемъ характеровъ; тщательнымъ выборомъ сюжетовъ для поэзіи и словъ для сюжета; соблюденіемъ извѣстныхъ условныхъ формъ вродѣ трехъ единствъ для драматическаго произведенія, однообразнаго александрійскаго стиха для эпоса, драмы и вообще «высшихъ родовъ», и т. п. Просмотрите хотя бы толстѣйшую «Исторію французской литературы»

*) Очень можетъ быть, что вошедшая недавно въ обиходъ фраза «сабля и кропило» (sabre et goupillon), которой искренніе республиканцы заклеймили союзъ клерикаловъ и милитаристовъ, заимствована у «божественнаго Тео». Н. К.

**) Théophile Gautier, «Mademoiselle de Maupin»; стр. 24 предисловія новаго изд. Charpentier, 1869.

Digitized by Google

Низара, который пытался защищать псевдо-классицизмъ, когда онъ уже былъ пораженъ въ борьбѣ: романтизмъ разсматривается этимъ авторомъ исключительно какъ возмущеніе литературныхъ революціонеровъ противъ вѣчныхъ и необходимыхъ законовъ, установленныхъ античной древностью или «великимъ» (XVII-мъ) французскимъ вѣкомъ.

Въ послѣднее время, рядомъ съ опредѣленіемъ романтизма при помощи классицизма, а именно какъ антитезы его *), замѣчается стремленіе посмотрѣть на него нѣсколько поглубже и вскрыть его соціально-психологическую сущность. У только что цитированныхъ мною Брюнетьера и идущаго часто по его стопамъ Лансона вы найдете уже взглядъ на романтизмъ, какъ на проявленіе «индивидуализма», какъ на выраженіе «*я*, освобожденнаго французской революціей». И подобная же мысль встрѣчается въ написанномъ Фагэ предисловіи къ только что начавшему выходить 7-му тому «Исторіи французскаго языка и литературы» Пети-де-Жюльвиля, гдѣ неудачный сокрушитель XVIII-го вѣка говоритъ о «*личной* литературѣ демократическаго общества», выросшаго изъ великой французской революціи и войнъ Имперіи **). Замѣчу мимоходомъ, что этотъ болѣе серьезный и плодотворный взглядъ на романтизмъ внушенъ, какъ мнѣ кажется, французскимъ историкамъ литературы работой Брандеса о «главнѣйшихъ теченіяхъ литературы девятнадцатаго вѣка», работой, которая, не смотря на сравнительную слабость французской части (такъ въ главахъ о Шатобріанѣ Брандесъ черезчуръ слѣдуетъ за Сентъ-Бевомъ вплоть до отдѣльныхъ мыслей, которыя онъ лишь развиваетъ), очень хорошо схватываетъ политическія и общественныя стороны романтизма ***).

Какъ бы то ни было, мы въ настоящее время уже далеки отъ чисто формальнаго опредѣленія романтизма, какъ противоположности классицизма: ни средневѣковые сюжеты; ни пренебреженіе тремя

---

*) См., напр., Brunetière, «L'évolution de la poésie lyrique en France», etc; Парижъ, 1894, т. I, стр. 172. «Чтобы опредѣлить научно романтизмъ... достаточно было противоположить его классицизму». Или G. Lanson, «Histoire de la littérature française»; Парижъ, 5-ое изд. 1898, стр. 920: «по необходимости романтизмъ опредѣлился своимъ отношеніемъ къ классицизму... сначала путемъ отрицанія, а затѣмъ путемъ антитезы».

**) L. Pety de Julleville, «Histoire de la Langue et de la littérature française»; t. VII, «Dix-neuvième siècle. Période romantique, стр. I—II.

***) Вѣроятно, это заимствованіе безъ указанія источника—сдѣлано первоначально Брюнетьеромъ, чуть ли не единственнымъ французскимъ историкомъ литературы, который знаетъ по нѣмецки; Лансонъ (а можетъ быть и Фагэ) вдохновились въ свою очередь Брюнетьеромъ. Укажу читателю для сравненія, между прочимъ, шестую главу 1-го тома Брандеса, говорящую о «новомъ состояніи души», гдѣ «освобожденіе индивидуума» играетъ такую роль. (G. Brandes, «Die Hauptströmungen der Litteratur des neunzehnten Jahrhunderts; стр. 62—64 четвертаго (Лейпцигскаго изд. 1894).

Digitized by Google

мнимо-аристотелевскими единствами *); ни сочетаніе «великаго и смѣшного, трагическаго и комическаго, прекраснаго и безобразнаго» (по теоріи Виктора Гюго и его послѣдователей); ни смѣшеніе родовъ; ни болѣе разнообразный, гибкій, мѣстами разломанный на куски стихъ романтиковъ; ни ихъ причудливая, дикая, порою курьезная, порою великолѣпная и необыкновенно звучная проза,—все это не можетъ считаться основными, существенными чертами романтизма. Центръ тяжести опредѣленія переносится въ общественную сферу, какъ и давно слѣдовало бы сдѣлать, ибо рѣчь идетъ о крупномъ общественномъ явленіи, лишь различно отражаемомъ индивидуальнымъ темпераментомъ художниковъ. Вотъ опредѣленіе романтизма, которое я предлагаю читателю, пытаясь обобщить различныя находящіяся въ обращеніи опредѣленія: *романтизмъ есть такая форма художественнаго творчества, при которой артистъ противопоставляетъ себя и свою манеру видѣть, чувствовать и думать обществу и прочимъ артистамъ, самый же процессъ творчества, т. е. сферу искусства, . противополагаетъ, какъ нѣчто высшее, всѣмъ другимъ потребностямъ и стремленіямъ личности, а, стало быть, и всѣмъ выросшимъ изъ нихъ элементамъ общежитія.*

Думаю, что любое изъ частныхъ опредѣленій, любая изъ характеристикъ романтизма, съ той или другой стороны, можетъ быть выведена изъ этой формулы и объяснена при помощи ея. Намъ, говорятъ, напр., что романтизмъ долженъ трактовать по преимуществу сюжеты средневѣкового или вообще христіанскаго періода цивилизаціи. Но что обозначаетъ это предпочтеніе, какъ не тяготѣніе романтика къ изображенію души человѣка, живущаго въ томъ обществѣ, которое выросло на развалинахъ античнаго міра? Чѣмъ въ особенности характеризуется это душевное состояніе, какъ не разорванностью личности, не внутренней борьбой между тѣмъ, что нашептываютъ человѣку обольстительные голоса красоты и наслажденія, и тѣмъ, что требуетъ отъ него аскетическій идеалъ католицизма? Теоретики романтизма (особенно въ Германіи) любили противопоставлять «спокойную, пластичную уравновѣшенность» древняго грека вѣчной «борьбѣ духа съ плотью» у средневѣкового христіанина (т. е., въ сущности говоря, католика); и отдавали преимущество волнующейся душѣ этого человѣка, который то глубоко падаетъ въ пучину грѣха, то слезами раскаянія омываетъ грязь этого

*) Курьезно, что французскіе псевдо-классики XVII-го и XVIII-го вѣковъ, въ сущности, приписали Аристотелю вещь, которая не находится на самомъ дѣлѣ въ его сочиненіяхъ. Эта ошибка была, кажется, пущена въ ходъ нѣкіимъ аббатомъ д'Обиньякомъ, который поставилъ въ счетъ Аристателю предразсудки эпохи, нашедшіе яркое выраженіе въ стихѣ Буало:

Qu'en un lieu, qu'en un jour, un seul fait accompli
Tienne jusqu'à la fin le théâtre rempli,

т. е. «пусть *одинъ и тотъ же фактъ*, совершившійся въ *одномъ и томъ же мѣстѣ* въ *теченіе одного дня*, занимаетъ до конца сцену».

Digitized by Google

паденія и возносится на крыльяхъ молитвы до «недосягаемой высоты» аскетическаго идеала. Правы ли романтики въ такомъ предпочтеніи, другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ они не ошиблись, противополагая античное и католическое міровоззрѣнія. Что сказалъ бы въ самомъ дѣлѣ гомеровскій Парисъ, который, вырвавшись изъ желѣзныхъ рукъ Менелая, предлагаетъ тутъ же послѣ поединка прекрасной Еленѣ «насладиться, возлегши, любовью» *), что сказалъ бы этотъ цвѣтущій молодостью и здоровьемъ грекъ при взглядѣ на идеальную чету средневѣковыхъ любовниковъ, бѣлокурую Изольду и ея милаго рыцаря, которые заснули рядомъ другъ съ другомъ, но отдѣливъ себя предварительно, во избѣжаніе грѣха, обнаженнымъ мечомъ? Что представляетъ эта, въ сущности, комичная группа,— умилившая, согласно легендѣ, даже сердце ревниваго и жестокаго мужа,— какъ не наглядное выраженіе разорванности средневѣкового человѣка, котораго томитъ жажда личныхъ наслажденій, но который страшится въ то же время строгаго голоса общепризнаннаго духовнаго авторитета и изъ самой борьбы этихъ двухъ началъ создаетъ болѣзненно-щекочущую нервы атмосферу полу-грѣха, полудобродѣтели, родъ своеобразнаго чистилища, гдѣ райскіе зефиры лишь поддуваютъ адское пламя?

Для многихъ романтиковъ католическаго направленія страсть, приправленная сознаніемъ преступности, является излюбленной формой раздвоенности и душевной борьбы человѣка. Вспомните шатобріановскую «Аталу», бѣдную индіанку-католичку, которая то замираетъ отъ блаженства на груди Шактаса, то въ ужасѣ отталкиваетъ отъ себя возлюбленнаго-язычника и, въ концѣ концовъ, отравляется, но на самомъ краю гроба дѣлаетъ такое дикое съ точки зрѣнія христіанина признаніе:

> То я хотѣла быть съ тобою единственнымъ живымъ существомъ на землѣ; то, чувствуя присутствіе Божества, которое останавливало меня въ этихъ ужасныхъ восторгахъ, я желала, чтобы само Божество было уничтожено, лишь бы, охваченная твоими объятіями, я падала бы изъ бездны въ бездну съ обломками Бога и міра.

Вспомните также шатобріановскую же Амелію изъ «Рене», которая пылаетъ преступною любовью къ своему родному брату, сама ужасаясь этой «чудовищной страсти», и въ качествѣ вѣрующей католички ищетъ спасенія въ монастырѣ.

Но этотъ демоническій характеръ личнаго аффекта, борющагося съ установленными взглядами и священными традиціями, разработывается не только романтиками католическаго, но и романтиками свободомыслящаго направленія. Разница лишь та, что въ то время какъ у первыхъ сатанинскій характеръ страсти борется, такъ сказать, съ минусомъ и преподносится читателю подъ приправою страховъ и ужасовъ, писатели второго рода беруть ту же самую страсть

*) П., III, 441.

Digitized by Google

съ плюсомъ и идеализируютъ ее, какъ гордый вызовъ титанической личности божескимъ и человѣческимъ законамъ, вѣковымъ обычаямъ и учрежденіямъ. Припомните лишь галлерею мрачныхъ и горделивыхъ героевъ Байрона, который, къ слову сказать, самъ любилъ распространять про себя ужасы въ пуританскомъ обществѣ Англіи: такъ предполагаютъ, что онъ старался увѣрить свою жену, будто его сестра была вмѣстѣ съ тѣмъ и его любовницей...

Отсутствіе цѣльности въ личности и обществѣ; борьба личности, раздираемой противорѣчіями, съ самой собой; или же борьба личности противъ общества,—эти признаки гораздо болѣе характеризуютъ «эпоху христіанства» (слѣдуя терминологіи Сталь), чѣмъ античную цивилизацію, среди которой личность была развита гармоничнѣе, а общество лучше удовлетворяло такому развитію, не подавляло «прекрасной индивидуальности» и потому не вызывало, по закону реакціи, и такой борьбы личности противъ общественныхъ формъ. *) Но теперь пусть читатель припомнитъ наше опредѣленіе романтизма: разъ чисто личная манера ощущать, мыслить и творить составляетъ основную черту романтика, его естественно должно было потянуть за сюжетами къ тому періоду, который давалъ болѣе психологическаго матеріала для изображенія чувствъ разорванности, противорѣчія, обособленности, странности, фантастичности, даже прямой чудовищности, оставляя большій просторъ художнику для игры его индивидуальнаго таланта.

Что касается въ частности до идеализированія средневѣкового періода романтиками реакціоннаго типа, то тутъ къ психологическимъ побужденіямъ присоединились еще политическія (сознательныя или безсознательныя) стремленія дѣлать все въ пику, даже въ средѣ творчества, XVIII-му вѣку, вѣку разума, который пренебрегалъ средними вѣками, какъ эпохой невѣжества и суевѣрія. Какъ это ни странно покажется на первый разъ, у многихъ романтиковъ *н*, раскрѣпощенное великимъ переворотомъ, проявило свое совершеннолѣтіе актомъ возмущенія противъ освободителя... Итакъ, вотъ вамъ объясненіе сюжетовъ изъ христіанской и въ особенности средневѣковой жизни.

Испробуемъ теперь вѣрность нашего общаго опредѣленія на какой нибудь другой характеристичной чертѣ романтизма. Возьмемъ, напр., столь затрепанные во время спора классиковъ съ романтиками «мѣстный колоритъ» и «индивидуальныя особенности героевъ». Въ то время, какъ французскіе классики отличались мастерствомъ въ постройкѣ абстрактныхъ типовъ, въ которыхъ проявлялись возможно общія черты человѣка, романтики (особенно В. Гюго въ своихъ драматическихъ

*) Я говорю, само собою разумѣется, объ обществѣ свободныхъ гражданъ. Несчастіе античнаго міра и заключалось въ томъ, что цивилизація опиралась тогда на существованіе большинства, состоявшаго изъ рабовъ: когда вопли милліоновъ «труждающихся и обремененныхъ» поднялись къ небу, свѣтлое солнце Эллады погрузилось въ туманы средневѣковья...

Digitized by Google

произведеніяхъ) поставили требованіемъ изображать опредѣленную эпоху опредѣленной страны, а дѣйствующихъ въ этой рамкѣ лицъ снабжать характеристичными, лишь имъ принадлежащими деталями. Но что выражаетъ эта, казалось бы, объективная тенденція поэта, эта любовь къ описанію и исторической эрудиціи? Ни больше, ни меньше какъ литературный пріемъ, своего рода фокусъ, при помощи котораго артистъ можетъ наилучшимъ образомъ выразить свою личную манеру чувствовать и творить въ противоположность взглядамъ, обращающимся въ обществѣ, или пріемамъ другихъ артистовъ. И это понятно почему: абстракція объединяетъ, деталь раздѣляетъ. Чѣмъ болѣе абстрактный типъ осложненъ конкретными подробностями, тѣмъ болѣе можетъ проявиться индивидуальный темпераментъ художника. Попробуйте описать, съ одной стороны, камень вообще, а съ другой, могильную плиту, помѣщенную въ извѣстной обстановкѣ, скажемъ на берегу какой-нибудь бухты Греціи, въ тѣни кипарисовъ, съ дорійской надписью, возвѣщающей о подвигахъ похороненнаго героя или знаменитой куртизанки Эллады. Ясно, что во второмъ случаѣ цѣлый міръ идей и чувствованій, ассоціированныхъ съ древнимъ памятникомъ и окружающимъ пейзажемъ, будетъ толпиться въ вашей головѣ, и чѣмъ болѣе элементовъ участвуютъ въ этой игрѣ, тѣмъ великолѣпнѣе и фантастичнѣе будутъ они укладываться въ пестромъ калейдоскопѣ вашего воображенія. Вы можете себѣ представить, какъ людей съ грандіозной фантазіей Гюго будетъ тянуть къ жонглерству, къ пересыпанью этихъ перловъ и алмазовъ воображенія, на которые дробится волна поэтическаго творчества, направленнаго по руслу пресловутаго «мѣстнаго колорита»... Я говорю пресловутаго, потому что, въ сущности, не смотря на всѣ эти археологическія претензіи, въ «Рюи-Блазѣ» Виктора Гюго столь же мало монархической Испаніи конца XVII-го вѣка, какъ въ корнелевскомъ «Сидѣ» мало варварской Испаніи XI-го. Когда присутствуешь при этихъ историческихъ реставраціяхъ, поневолѣ вспоминаешь остроумный вопросъ, обращенный Генрихомъ Гейне къ Теофилю Готье наканунѣ его отъѣзда въ Испанію: «послушайте, Готье, что же новаго вы можете разсказать намъ о странѣ за Пиринеями, когда вы такъ хорошо описали ее, еще не видя въ глаза?»

А «характеристичныя особенности героя»? Опять таки, что это такое, какъ не стремленіе романтика противоставить по возможности индивидуализированный и фантастическій продуктъ своего творчества таковымъ же продуктамъ другихъ артистовъ? Чѣмъ больше особенностей дѣйствующаго лица создастъ художникъ, чѣмъ большими странностями, причудами, физическими и нравственными бородавками онъ надѣлитъ своего героя, тѣмъ неизгладимѣе ляжетъ на литературномъ дѣтищѣ отпечатокъ творца, тѣмъ рѣзче артистъ выразитъ свою личную манеру воспринимать и создавать. И опять таки, не ищите и здѣсь, не смотря на историческія притязанія, приближенія къ дѣйствительному типу героя. Вы попрежнему имѣете

Digitized by Google

дѣло съ калейдоскопомъ, на сей разъ лишь психологическимъ. Много ли, напр., въ гюговскомъ «Кромвелѣ» чертъ настоящаго протектора? Тутъ кстати будетъ замѣтить, что французскій романтизмъ даже по преимуществу стремится къ возсозданію не столько внутренней, сколько казовой стороны эпохи и личности...

Или возьмемъ лиризмъ, который нѣкоторые критики (напр. Брюнетьеръ) даже прямо отождествляютъ съ романтизмомъ. И опять таки, что это такое, какъ не одна изъ самыхъ удобныхъ формъ выраженія личной манеры ощущенія и творчества? Конечно, лирика замѣчается на очень раннихъ ступеняхъ развитія, но лишь въ освобожденной отъ различныхъ преградъ индивидуальности романтика она достигаетъ своего завершенія. Возьмите перваго лирическаго поэта древности: на крыльяхъ знаменитаго «паренія» Пиндара висятъ еще коллективныя задачи поэта гражданина, *) восхваленіе отечественныхъ боговъ, національныхъ героевъ и родныхъ побѣдителей; ивановскій орелъ при самомъ возвышенномъ полетѣ не въ силахъ оставить за собой нити, связывающія его фантазію съ алтаремъ и очагомъ; въ его то побѣдномъ, то скорбномъ крикѣ слышатся голоса тысячъ его согражданъ. Съ другой стороны, мы хорошо знаемъ, что сдѣлали изъ этого паренія французскіе псевдо-классическіе лирики, размѣренные, правильные круги которыхъ въ воздухѣ напоминали скорѣе одомашненныхъ птицъ. И, дѣйствительно, ихъ и безъ того слабому размаху мѣшали узы той каррикатурной коллективности, которая выражалась въ общихъ традиціяхъ и литературныхъ приличіяхъ тогдашней образованной среды. И, чтобы перейти отъ этихъ посредственностей къ великому таланту,—возьмите самого Ж. Ж. Руссо, который былъ, въ сущности, самымъ сильнымъ лирическимъ поэтомъ въ прозѣ наканунѣ революціи: не смотря на постоянное присутствіе въ его произведеніяхъ его же собственной пламенной, страдающей, больной, но необыкновенно рельефной личности, онъ лишь на половину могъ высвободить свою индивидуальность изъ рамокъ общества, изъ пріемовъ современной литературной среды, изъ условій тогдашей творческой техники. Его лиризмъ выражался не столько въ чисто-личной поэзіи, сколько въ необыкновенно сильномъ ораторскомъ талантѣ, съ которымъ онъ развивалъ на бумагѣ общія мѣста той эпохи, или парадоксы, т. е. опять таки общія мѣста, лишь вывернутыя на изнанку. Только въ романтизмѣ лирика достигла полнаго своего развитія, и художникъ противопоставилъ свое я, свои ощущенія, свое выраженіе ощущеній творческимъ пріемамъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ собратовъ; а лич-

*) Характеристично, что Пиндаръ, уроженецъ столь часто враждовавшихъ съ Аѳинами Ѳивъ, выражаетъ общій восторгъ грековъ передъ самыми блестящими представителями эллинской цивилизаціи, „сынами Аѳинъ, которые заложили блестящее основаніе свободы"—παῖδες Ἀθαναίων ἐβάλοντο, φαεννὰρ κρηπῖδ' ελευθερίας, такъ поетъ пѣвецъ-гражданинъ!...

Digitized by Google

ный элементъ заявилъ передъ коллективностью свое право на полнѣйшую «свободу искусства» (любимый терминъ французскихъ теоретиковъ романтизма) и даже на злоупотребленіе этой свободой...

Не менѣе точно подходитъ подъ наше опредѣленіе и тотъ революціонный характеръ, который былъ обнаруженъ романтизмомъ во внѣшней формѣ произведеній: смѣшеніи родовъ; постановкѣ рядомъ высокихъ и вульгарныхъ словъ; обогащеніи языка конкретными и живописными словами; упраздненіи мнимо-аристотелевской троицы «единствъ», и т. п. Измѣненіе формы должно было естественно послѣдовать за измѣненіемъ содержанія и характера творчества; индивидуализмъ художника долженъ былъ неминуемо опрокинуть старинныя перегородки и разбить традиціонныя формы. Не надо забывать, что эти условія и ограниченія предполагали существованіе извѣстнаго, неособенно обширнаго класса читателей-знатоковъ, для которыхъ литературный кодексъ казался вещью столь же важною, какъ и кодексъ чести, поведенія, приличій и манеръ, составлявшихъ общую принадлежность тѣхъ людей, что назывались въ XVII-мъ вѣкѣ непереводимымъ именемъ «honnêtes gens», т. е. не столько «честныхъ» въ низменномъ, плебейскомъ смыслѣ этого слова, сколько благорожденныхъ, благовоспитанныхъ и могущихъ не безъ пріятности разсуждать о чемъ вамъ угодно. Коллективный идеалъ этого класса, который только и составлялъ въ то время настоящую читающую публику, служилъ удобнымъ компасомъ для писателей именно потому, что отличался опредѣленностью и могъ быть провѣренъ разговоромъ съ любымъ «honnête homme». Принимаясь за перо, авторъ имѣлъ въ виду этихъ людей, и даже люди геніальные, вродѣ Мольера, провозглашали необходимость «изучать вкусъ двора», ибо, молъ, «нѣтъ другого мѣста, гдѣ приговоры были бы такъ вѣрны». Словомъ, руководящимъ принципомъ художественнаго творчества было подлаживаніе автора именно подъ вкусы такого верховнаго трибунала, а вкусы эти требовали слѣдованія извѣстному литературному кодексу, употребленія блѣднаго и абстрактнаго языка и прочихъ особенностей «классическаго духа» *).

Но когда подготовлялся романтизмъ, классы до революціонной Франціи были уже въ такой степени перемѣшаны, а демократическій переворотъ въ такой мѣрѣ расширилъ число лицъ, болѣе или менѣе сознательно участвовавшихъ въ жизни страны, что «освобожденное я» художника уже могло не стѣсняться уставомъ вкуса, а отыскивать подходящую форму для измѣнившагося, какъ мы видѣли, содержанія. И именно потребность противопоставлять свою артистическую индивидуальность другимъ артистическимъ индивидуальностямъ должна была подсказать авторамъ разрушеніе стараго литературнаго кодекса и выработку возможно свободной, разнообразной,

*) См. объ этомъ духѣ H. Taine, Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime, стр. 240—265 четвертаго изданія; Парижъ, 1877

Digitized by Google

даже причудливой формы. Какія тутъ три единства, когда романтикъ драматургъ, ища мѣстнаго колорита, велъ зрителей изъ хижины пастуха во дворецъ короля и для полноты историческаго изображенія развертывалъ передъ ихъ глазами рядъ далеко не одновременныхъ событій! Какіе тутъ «роды», когда тотъ же драматургъ задавался цѣлію передать полноту жизни самымъ непринужденнымъ сочетаніемъ лирики, эпоса и дѣйствія? Какой тутъ строго выдержанный «возвышенный» или же «наивный» стиль, когда всѣхъ словъ абстрактнаго и блѣднаго языка псевдо-классиковъ не хватило бы романтику лишь на одни лирическія восклицанія, тогда какъ для самого изложенія онъ принужденъ былъ заимствовать слова изъ простонароднаго говора, старыхъ авторовъ, техническаго жаргона, иностранныхъ языковъ, и самъ присочинять новыя? Что ему прикажете дѣлать даже съ великолѣпнымъ Расиномъ, у котораго, какъ увѣряютъ злые шутники, 600 словъ составляютъ весь этимологическій багажъ, тогда какъ нашъ романтикъ пытается перещеголять богатствомъ языка самого Шекспира, у котораго любопытные лексикологи насчитываютъ 15000 словъ, не считая притомъ очень близкихъ производныхъ? Какъ вы хотите остаться при александрійскомъ стихѣ классиковъ, съ его двумя полустишіями, въ свою очередь раздѣленными на двѣ части каждое, когда чародѣи ритмической техники ухитряются продѣлывать со стихомъ не только акустическіе, но оптическіе фокусы, не принося въ жертву романтическаго содержанія, а даже придавая ему особый пикантно-причудливый характеръ этой внѣшней игрой стиха? Вспомните лишь въ «Германи» В. Гюго знаменитое мѣсто, построенное «лѣстницей съ уступами» (escalier-dérobé), какъ называютъ его французы!... Короче сказать, какая внѣшняя форма въ состояніи лучше передать своевольную игру *я* артиста-романтика, какъ не та литературная техника, которая выросла на развалинахъ классическаго кодекса?

Остановлюсь, наконецъ, на столь распространенномъ между романтиками требованіи «искусства для искусства». Что означаетъ это, какъ не предпочтеніе поэтическаго творчества всѣмъ прочимъ областямъ человѣческой жизни, предпочтеніе, о которомъ какъ разъ идетъ рѣчь во второй половинѣ нашего опредѣленія романтизма? Въ то время, какъ французскіе классики преслѣдовали въ столкновеніяхъ между различными абстрактными характерами какую либо высшую моральную цѣль, романтики поставили искусство, процессъ творчества, самодовлѣющею цѣлью и нисколько не задумались помѣстить его напр., внѣ и выше нравственности. Я говорю, по крайней мѣрѣ, о наиболѣе страстныхъ защитникахъ новаго направленія. И это совершенно понятно: художникъ индивидуалистъ, противоставляя себя обществу и другимъ такимъ же, какъ онъ, художникамъ, очевидно, не можетъ найти вдохновляющаго начала въ окружающей коллективности, а находитъ его единственно въ лично-сознаваемомъ имъ процессѣ творчества. Отсюда и выростаетъ психологическая иллюзія

Digitized by Google

превосходства искусства надъ всѣми другими сферами сознанія. Ибо всякій искренній художникъ, находясь въ процессѣ созданія, долженъ чувствовать себя въ состояніи энтузіазма, приподнимающемъ его надъ обыкновенными жизненными интересами. Но это личное и, замѣтьте, временное и для него свойство онъ, такъ сказать, проектируетъ, переноситъ во внѣшній міръ и начинаетъ видѣть въ искусствѣ единственный постоянный благородный стимулъ, единственную верховную цѣль человѣческаго общежитія. Можно смѣло сказать, что никогда еще раньше артистъ не смотрѣлъ съ такой увѣренностью на искусство, какъ на истинную религію, а на себя самого, какъ на жреца ея, подавляющаго своимъ величіемъ обыкновенныхъ смертныхъ и готоваго даже, по крайней мѣрѣ на словахъ, умереть за идола Прекраснаго:

«Я снесу скорѣе, говоритъ Т. Готье, разорванную ботинку, чѣмъ плохую риѳму, и охотнѣе обойдусь безъ сапогъ, чѣмъ безъ поэзіи... я откажусь скорѣе отъ картофеля, чѣмъ отъ розъ... только то на самомъ дѣлѣ прекрасно, что ни на что не годно; все же полезное безобразно, потому что является выраженіемъ какой-нибудь потребности, а всѣ человѣческія потребности постыдны и отвратительны»... *)

Замѣтьте, что, относясь довольно иронически къ шутовскому энтузіазму крайняго поклонника «искусства для искусства», я нисколько не думаю отрицать, что въ этой теоріи есть своя симпатичная сторона, а именно борьба убѣжденія—въ данномъ случаѣ артистическаго—съ узкими грубо-эгоистическими интересами. Скажу даже болѣе: если взглянуть нѣсколько глубже на сущность романтизма, т. е. на противоставленіе *я* художника окружающей его средѣ, то это литературное направленіе окажется переводомъ на эстетическій языкъ одной изъ самыхъ крупныхъ проблемъ, которыя когда-либо только стояли предъ человѣчествомъ. Задача эта такова: какъ обезпечить всестороннее развитіе личности, не разрушая въ то же самое время общественной солидарности между личностями? какъ обезпечить прочность общежитія, не подавляя въ то же время гармоничной индивидуальности? Мы знаемъ, что одностороннее преслѣдованіе одной или другой половины задачи влечетъ за собою вредныя послѣдствія для человѣчества: безграничное разростаніе *я* разбиваетъ тѣ самыя формы общественнаго сотрудничества, которыя даютъ почву для развитія всѣхъ личностей; но чрезмѣрная кристаллизація общественныхъ формъ задушаетъ блескъ и свободную игру индивидуальности, для которой только и должно существовать общежитіе. На долю романтизма и выпало заявить въ поэтической формѣ о совершеннолѣтіи «освобожденнаго я» и повести борьбу противъ сковывавшихъ личность преградъ; и мы знаемъ, какую великую роль даже въ чисто поли-

*) См. уже выше цитированное мною предисловіе къ «Мадемуазель де-Мопэнъ», стр. 20—21, passim.

Digitized by Google

тическомъ отношеніи сыграли нѣкоторые изъ величайшихъ романтиковъ этого вѣка, особенно въ Англіи и Германіи. Во Франціи, эта «борьба за индивидуальность» (выраженіе Н. К. Михайловскаго) выразилась у романтиковъ главнымъ образомъ въ литературной области, въ ниспроверженіи старыхъ боговъ псевдоклассическаго Олимпа; но и здѣсь не могла не перекинуться въ политическую область. И знаменательно при этомъ, что пока политическіе революціонеры (въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго вѣка) держались по большей части классическихъ идеаловъ, реакціонеры въ силу противорѣчія стояли подъ знаменемъ романтизма; а когда романтизмъ, логически развивая свою революціонную сторону, сталъ переходить (начиная съ тридцатыхъ годовъ) отъ литературнаго радикализма къ общественному, классицизмъ сдѣлался артистическимъ лозунгомъ для многихъ представителей консервативныхъ партій. Въ одномъ изъ мѣстъ «Положительной философіи», относящемся къ 1838 г., вы еще можете найти оцѣнку Контомъ этого процесса перетасовки, который происходилъ въ литературѣ на глазахъ мыслителя и вызвалъ, въ концѣ концовъ, «распредѣленіе литературныхъ мнѣній, болѣе сообразное съ законами аналогіи» *).

Какъ бы то ни было, романтизмъ выполнилъ свою задачу, вырвавъ созрѣвшую личность изъ подъ гнета старой, отживающей коллективности и освободивъ ее такимъ образомъ для выработки новой и высшей... Не его вина, если его положительные идеалы не отличались опредѣленностью и даже измѣняли съ теченіемъ времени свою окраску: сила романтизма лежала въ разрушеніи...

Во второй половинѣ статьи мнѣ остается иллюстрировать на примѣрѣ Шатобріана и Мишлэ тѣ особенности, которыя романтизмъ внесъ въ изящную литературу и въ исторію. Не останавливаясь ни на біографіи, ни на подробной оцѣнкѣ этихъ писателей, я ограничусь самыми выпуклыми чертами ихъ литературной физіономіи, поскольку это можетъ выяснить намъ роль романтическаго направленія во Франціи. Мы видѣли раньше, какое значеніе имѣютъ въ романтизмѣ подчеркиваніе *я* художника и возведеніе искусства на степень высшей цѣли жизни. Судьба словно нарочно выдвинула Шатобріана, чтобы сдѣлать изъ него отца французскаго романтизма: трудно представить себѣ человѣка съ болѣе развитымъ личнымъ началомъ. Большинство французскихъ критиковъ находитъ, слѣдуя извѣстному этюду Сентъ-Бева, три элемента въ характерѣ Шатобріана: мечтательную и глубокую скуку; романтическую фантазію вѣчнаго влюбленнаго, который до самой глубокой старости не

*) Auguste Comte, «Cours de philosophie positive,» т. IV, прим. къ стр. 33 третьяго изд. (Парижъ, 1869).

Digitized by Google

можетъ отказаться отъ «горячаго каприза» сердца; и понятіе о рыцарски дворянскей чести *). Но что такое, въ сущности, эти элементы, какъ не проявленіе до болѣзненности развитаго индивидуализма?

Скука... «Я, можно сказать, скучаю съ чрева матери», любилъ говаривать Шатобріанъ, и какъ ни объясняйте тяжелыми впечатлѣніями дѣтства и лишеніями молодости эту неотразимую склонность къ меланхоліи, вы все же принуждены будете признать такое настроеніе за основную черту Шатобріана. Это и есть та знаменитая «болѣзнь Ренэ», которая у французовъ играла роль «міровой скорби» и которая вызвала такую массу подражателей горделиво тоскующему герою шатобріановскаго романа. Отъ него самъ авторъ, передавшій собственныя черты своему литературному дѣтищу, искалъ спасенія вдали отъ людей, въ первобытныхъ лѣсахъ Америки, на развалинахъ Спарты, подъ палящимъ солнцемъ Сиріи, среди величаво унылыхъ окрестностей Вѣчнаго города, вообще въ той или иной формѣ «пустыни». И если въ самомъ началѣ литературной дѣятельности, у голодавшаго въ Лондонѣ (въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка) Шатобріана вырываются ноты родственной симпатіи къ страдающимъ людямъ—«тамъ мои братья», мечтаетъ онъ, смотря издали на дрожащій огонекъ въ какомъ нибудь бѣдномъ домикѣ предмѣстья **),—то всего нѣсколько лѣтъ спустя входящій въ моду авторъ «Ренэ» уже съ гордостью выдѣляетъ себя даже самыми страданіями изъ толпы обыкновенныхъ смертныхъ: «и я думалъ о томъ, что подъ столькими кровлями у меня не было ни одного друга» ***). А въ самой жизни у Шатобріана была настоящая манія воображать, будто все, что съ нимъ происходитъ, выпадаетъ лишь на его долю, и будто въ самыхъ своихъ несчастіяхъ онъ не похожъ на простыхъ людей ****). Короче сказать, въ его меланхоліи, въ его тоскѣ было неимѣримо больше горделиваго сознанія своей будто бы исключительно великой натуры, чѣмъ того

*) См. С.—A. Sainte-Beuve, Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire; т. I, лекція третья, стр. 93—115 новаго изд. (Парижъ, 1889). То же самое буквально повторяетъ и Дезэссаръ, авторъ этюда о Шатобріанѣ въ уже цитированной литературѣ Пети-де-Жюльвиля. Histoire de la langue, etc., т. VII, (Emmanuel des Essarts, «Chateaubriand», стр. 5). Но въ то время, какъ Сэнтъ-Бевъ порою довольно язвительно щиплетъ смѣшныя стороны Шатобріана, отдавая въ общемъ должное его литературному генію, Дезэссаръ ни на минуту не перестаетъ восторгаться «великимъ новаторомъ». Этого и слѣдовало ожидать въ виду реакціонныхъ идеаловъ современной буржуазіи.

**) Chateaubriand, «Essai sur les révolutions anciennes ou modernes» etc.; стр. 156 и сл. т. II, изд. 1826 г.

***) «René», стр. 92 тома, содержащаго Atala, René и Natchez, изд. Hachette, 1893.

****) Сэнтъ-Бёвъ зло замѣчаетъ: «при каждой случайности, онъ говорилъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и печали: я рожденъ для всевозможныхъ несчастій, такія вещи бываютъ только со мной» (Chateau-

Digitized by Google

благороднаго пессимизма (свойственнаго, напр., Байрону), подъ которымъ скрывается горячее сочувствіе къ страданіямъ людей—братьевъ.

Возьмемъ второй элементъ, который Сэнтъ-Бевъ называетъ «горячимъ капризомъ», а Дезэссаръ «романической иллюзіей», я же просто назвалъ бы непомѣрною и притомъ наивно-эгоистическою влюбчивостью. И въ этомъ свойствѣ выражается чрезмѣрно развитая индивидуальность Шатобріана. Конечно, не всякая влюбчивость носитъ такой личный характеръ: есть люди, которые поражаютъ при этомъ своей способностью самопожертвованія. Но у Шатобріана всѣ эти «капризы» и «иллюзіи» въ такой степени проникнуты сознаніемъ величія того самаго субъекта, въ душѣ котораго они возникаютъ, что производятъ трагическое, а порою комическое впечатлѣніе. Какъ вамъ нравится, напр., слѣдующее посланіе Ренэ къ его молодой женѣ—индіанкѣ? (не забывайте, что въ Ренэ изображенъ самъ Шатобріанъ, который, впрочемъ, и не умѣлъ рисовать иныхъ героевъ, кромѣ самого себя):

...Наконецъ, Семота, если мнѣ суждено умереть, то вы можете искать послѣ моей смерти союза съ душою, болѣе ровною, чѣмъ моя. Но не думайте, впрочемъ, что отнынѣ вы можете безнаказанно принимать ласки другого мужчины; не думайте, что эти слабыя объятія могутъ изгладить изъ вашей души объятія Ренэ... Да, Семота, если вы потеряете меня, вы останетесь вдовой: кто другой будетъ въ состояніи окружить васъ тѣмъ пламенемъ, которое я ношу съ собой, даже и не любя?.. *).

И почти то же самое повторялъ уже не въ литературномъ, а жизненномъ романѣ состарѣвшійся Шатобріанъ (ему было въ то время 64 года), призывая одну изъ своихъ многочисленныхъ поклонницъ на свиданіе къ себѣ въ Швейцарію:

Если вы выдѣлите меня изъ прочихъ людей и поставите меня внѣ банальнаго закона, то вы возвѣстите мнѣ свой визитъ какъ фея: бури, снѣга, пустынные и неизвѣстные Альпы будутъ такъ идти къ вашимъ таинствамъ и вашему волшебству! Моя жизнь — простая случайность; я чувствую, что не долженъ былъ бы родиться. Примите же отъ этой случайности страсть, скоротечность и несчастіе; въ одинъ день я дамъ вамъ больше, чѣмъ другой въ долгіе годы... **)

То, что могло казаться трагичнымъ въ устахъ молодого человѣка, является довольно комичнымъ, исходя изъ устъ состарѣв-

---

briand, etc., т. I, стр. 404). Ср. наивное признаніе Шатобріана одному изъ своихъ друзей: «въ моей судьбѣ нѣтъ ничего похожаго на судьбу другихъ людей... меня нельзя судить какъ всякаго другого индивидуума, а скорѣе какъ душу, живущую внѣ общества» (Ibid.. т. II, стр. 426 приложеній).

*) «Suite des Natchez», стр. 460 — 461, passim уже упомянутаго тома.

**) См. интересное письмо, которое было дано для прочтенія Сэнтъ-Беву самой дамой, получившей это посланіе: «Causeries du lundi». т. II, стр. 159 шестого изд.

Digitized by Google

шагося льва. Но и тамъ, и тутъ герой остается вѣрнымъ себѣ: чудовищная гипертрофія *я* составляетъ характеристичный призракъ Шатобріана въ его любовныхъ отношеніяхъ; другая личность играетъ для этого маэстро эгоизма роль простого инструмента, изъ котораго артистъ извлекаетъ быстро-преходящіе и быстро-забываемые звуки для услады своей горделиво-скучающей души, не безъ самодовольства мечтая о томъ, что, авось, бѣдная скрипка останется навсегда разлаженной и разбитой послѣ этого демоническаго соло...

И, наконецъ, это же непомѣрное развитіе индивидуальности мы находимъ въ третьемъ элементѣ поэзіи Шатобріана: его рыцарски-дворянскомъ понятіи о чести. Честь Шатобріана носитъ отпечатокъ страшнаго высокомѣрія и, такъ сказать, кричитъ о правѣ ея владѣльца быть «выдѣленнымъ изъ прочихъ людей и поставленнымъ внѣ банальнаго закона», какъ то требовалъ для себя Шатобріанъ въ любовныхъ изліяніяхъ. Эту особенность отца романтизма можно объяснить, по крайней мѣрѣ отчасти, даже исторически. Рыцарски-дворянская честь предполагала существованіе особаго до-революціоннаго класса, общими традиціями котораго и обусловливалось особое сословное понятіе личнаго достоинства. Но когда великая политическая катастрофа потрясла до основанія и повалила старый режимъ, палъ и привилегированный классъ вмѣстѣ со своими взглядами и предразсудками. Попытка реставрировать эти развалины при Наполеонѣ и Бурбонахъ показала лишь невозможность возврата къ прежнему положенію вещей, и новый привилегированный классъ, весь проникнутый компромиссомъ съ буржуазнымъ строемъ, былъ жалкой пародіей на до-революціонное дворянское сословіе. Великолѣпный художникъ, но посредственный мыслитель, Шатобріанъ увлекся поэтической стороной реакціи: онъ думалъ олицетворять паладина сословной старинной чести, живя въ обществѣ, которое, не смотря на реставрацію, сохранило демократическія черты, выросшія изъ революціи; и, не находя достойнаго носителя сословной чести въ ублюдочномъ по-революціонномъ дворянствѣ, онъ сталъ видѣть такого носителя въ самомъ себѣ. Но и самъ онъ былъ отчасти сыномъ переворота; потому-то весь его аристократизмъ пошелъ лишь на то, чтобы завернуть въ историческое тряпье классовой дворянской чести личное достоинство человѣка вообще, созданное демократическимъ переворотомъ. Шатобріанъ плохо скрылъ революціонный характеръ новаго понятія о чести: сильно развитый у него элементъ индивидуальности лишь придалъ этому чувству высокомѣрныя, исключительныя формы, которыми онъ хочетъ отдѣлить свое личное достоинство отъ достоинства простыхъ смертныхъ. Порою можно прямо подумать, что онъ дѣлаетъ честь чести (извините этотъ почти необходимый здѣсь каламбуръ), объявляя себя, великаго Шатобріана, ея рыцаремъ.

Этимъ объясняется его странное отношеніе къ политическимъ

Digitized by Google

идеаламъ, которымъ онъ старался заявлять публично свою вѣрность: «я сторонникъ Бурбоновъ по долгу чести, роялистъ по разуму и убѣжденію, республиканецъ по вкусамъ и характеру». Очевидно, въ этомъ политическомъ попури заключается лишь одна опредѣленная мысль: для Шатобріана понятіе о чести куда какъ выше всякихъ Бурбоновъ! Въ одномъ изъ своихъ политическихъ памфлетовъ онъ даже прямо говоритъ: «наше сердце никогда не билось сильно для королей». Разсуждая о старшей линіи Бурбоновъ, онъ не безъ презрѣнія замѣчаетъ: «въ концѣ концовъ, старшая вѣтвь представляетъ собой павшую монархію; не мало падетъ и другихъ: единственнымъ нашимъ долгомъ по отношенію къ ней была вѣрность, и вѣрность эту мы сохранили». Онъ расточалъ по адресу представителей этой вѣтви слова и оцѣнки, которыя плохо вяжутся съ настроеніемъ легитимиста: «дуракъ», «глупости» и т. п. Когда пала реставрація, Шатобріанъ въ политической отходной надъ этимъ режимомъ приписалъ его паденіе «заговору глупости и лицемѣрія». Нѣсколько позже, разговаривая съ Ламеннэ, уже перешедшимъ на сторону демократіи, онъ сдѣлалъ такое признаніе: «я думаю, какъ и вы, но что хотите? я не могъ отдѣлаться отъ этой падали». Падаль эта—монархизмъ! Когда король заставилъ его подать въ отставку, Шатобріанъ оставилъ постъ министра въ крайнемъ негодованіи: «я удалился отъ власти, рыча», восклицаетъ онъ на своемъ картинномъ языкѣ. Вспоминая объ этомъ аффронтѣ, онъ прибѣгаетъ къ угрожающему (если не прямо, то косвенно) языку: «поражая меня, наиесли ударъ вѣрному служителю короля, и неблагодарность не стѣсняется съ вѣрностью; но, вѣдь, могутъ быть люди, менѣе покорные, и обстоятельства такого рода, что злоупотребленіе поведетъ не къ добру: это показываетъ исторія». Однажды у Шатобріана вырвалась слѣдующая незаконченная, но очень прозрачная фраза: «Конечно, было бы лучше быть болѣе смиреннымъ, болѣе преклоненнымъ, болѣе христіаниномъ. Къ несчастію, мы (это «мы»—писательское; авторъ говоритъ о себѣ) склонны къ грѣхопаденію: намъ не хватаетъ евангельскаго совершенства. Если бы какой-нибудь человѣкъ далъ намъ пощечину, то мы, конечно, не подставили бы ему другую щеку: будь это простой подданный короля, мы бы взяли у него жизнь, или онъ отнялъ бы жизнь у насъ; а если бы то былъ король...» Окончаніе фразы не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія: «то мы отняли бы у него престолъ, низвергли бы его путемъ революціи, и т. п.» *).

Итакъ, вотъ вамъ куда заводитъ нашего паладина чести его «я, освобожденное французской революціей», но рядящееся въ средне-

*) Для этой стороны Шатобріана см., кромѣ большого труда Сэнтъ-Бева, еще короткій, но интересный этюдъ послѣдняго: «Chateaubriand homme d'Etat et politique въ Causeries du lundi, стр. 539—564 второго тома 6-го изд.

Digitized by Google

вѣковые доспѣхи сословнаго рыцарски-дворянскаго гонора, какъ можно перевести здѣсь французское слово honneur. Гипертрофія индивидуальности проявляется у Шатобріана не только въ горделиво-меланхолическомъ отчужденіи отъ человѣчества, не только въ поразительномъ эгоизмѣ «капризовъ сердца», но и въ поставленіи чести выше тѣхъ самыхъ политическихъ идоловъ, служить которымъ ему подсказываетъ его «вѣрность».

Мнѣ хотѣлось бы прибавить къ этой психологіи еще одну черту, которая, согласно нашему опредѣленію, входитъ въ составъ романтизма: рѣшительное предпочтеніе, оказываемое художникомъ искусству передъ другими элементами личной и общественной жизни.— Какъ, спроситъ меня иной читатель, можно ли подводить подъ эту рубрику Шатобріана, который столь часто употреблялъ свой великолѣпный литературный талантъ на защиту католичества, монархизма, извѣстныхъ нравственныхъ и политическихъ идеаловъ? — Несомнѣнно можно, ибо всѣ эти общія идеи лишь заслоняютъ настоящую физіономію автора, но не въ силахъ измѣнить ея. Мы уже видѣли, какъ легитимизмъ Шатобріана временами совершенно стушевывается передъ повелительнымъ голосомъ личнаго темперамента поэта; а одной изъ сторонъ этого темперамента и было, какъ замѣчаетъ одинъ остроумный критикъ, стремленіе къ «артистическому единству жизни», къ совокупности тѣхъ позъ, жестовъ и словъ для галлереи, которые бы производили на публику впечатлѣніе цѣльной и послѣдовательной личности, не смотря на массу противорѣчій въ общественной дѣятельности нашего гордаго Ренэ.

Но, можетъ быть, нѣтъ ничего типичнѣе для артистической натуры Шатобріана, какъ его отношеніе къ такому основному вопросу, какимъ является религія. Шатобріанъ любилъ гордиться тѣми услугами, которыя онъ оказалъ будто бы христіанству (собственно говоря, слѣдовало бы сказать: католичеству). Посмотримъ же, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ этотъ апологетъ христіанской вѣры. Онъ ни много ни мало, какъ пишетъ свое основное сочиненіе по этому предмету, «Геній (или, если хотите, духъ) христіанства», на ту тему, что христіанство истинно, потому что оно прекрасно въ художественномъ смыслѣ, или, по буквальному выраженію самого Шатобріана, «христіанство не потому превосходно, что оно идетъ отъ Бога, а потому и идетъ отъ Бога, что превосходно» *). И чтобы рельефнѣе выразить эстетическій характеръ этого «превосходства», онъ такъ развиваетъ мысль:

Изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ религій, христіанская религія самая поэтичная, самая гуманная, наиболѣе благопріятствующая свободѣ, искусствамъ и литературѣ... нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, болѣе

*) См. „Génie du Christianisme", стр. 5 изд. Hachette, 1895.

Digitized by Google

пышнаго, чемъ ея догматы, ея доктрина, ея культъ... она способствуетъ генію, очищаетъ вкусъ, даетъ благородныя формы писателю и образцы совершенства артисту... Изслѣдуйте ее въ богослуженіи, какихъ только вещей не говорятъ вамъ и ея старыя готическія церкви, и ея воспитательныя моленія, и ея великолѣпныя церемоніи... не забудьте воинскихъ орденовъ, изъ которыхъ выросло рыцарство... нравы нашихъ предковъ, картины прежнихъ дней, даже романы, даже тайныя стороны жизни *)...

Первому изданію «Генія христіанства» Шатобріанъ даже далъ подзаглавіе: «или красоты христіанской религіи», и эти красоты художникъ, дѣйствительно, ставилъ основнымъ доказательствомъ вѣры. Эта точка зрѣнія пришлась не по вкусу многимъ религіознымъ людямъ, которые справедливо указывали на то, что такимъ образомъ истинность христіанскаго ученія ставилась въ зависимость отъ искусства, съ какимъ писатель могъ на протяженіи пяти томовъ рисовать «прекрасныя картины», связанныя съ догматами, таинствами, обрядами церкви...

Не мѣшаетъ кстати припомнить, что «Атала» и «Рене,» отличающіеся мѣстами очень ясно выраженнымъ демоническимъ характеромъ, составляли по первоначальному плану Шатобріана части «Генія христіанства». Не мѣшаетъ точно также припомнить изъ самой жизни Шатобріана эти типичныя для артиста сцены, когда онъ, женатый человѣкъ, шестидесяти пятилѣтній старикъ, ревностный католикъ, сидя въ cabinet particulier со своей двадцатилѣтней обожательницей и подогрѣвая себя шампанскимъ, восхищается пѣніемъ возлюбленной, угощающей его свободомыслящею пѣсенью Беранже «Dieu des bonnes gens», или же навзрыдъ рыдаетъ, слушая, какъ его дама сердца читаетъ вслухъ чувствительно-христіанскія страницы изъ «Мучениковъ» самого же Шатобріана... Я не хочу останавливаться на другихъ хорошо извѣстныхъ фактахъ, которые показываютъ, какъ и католицизмъ игралъ въ жизни горделиваго автора не большую роль, чѣмъ его легитимизмъ, и какъ натура художника, ищущаго «артистическаго единства», была, такъ сказать, вдохновляющей музой его литературной и общественной дѣятельности.

Мы нашли элементы романтизма соединенными въ творческомъ темпераментѣ Шатобріана. Укажемъ въ заключеніе, какъ проявлялись они въ его произведеніяхъ, имѣвшихъ въ свое время столь колоссальный успѣхъ. Если абстрактное творчество классиковъ обращалось къ разсудку людей, къ тому, что объединяетъ, то любящее детали и индивидуализацію творчество романтиковъ апеллировало къ чувству и воображенію, къ тому, что наиболѣе раздѣляетъ личностей. У Шатобріана еще слышатся декламаторскіе пріемы Руссо,

*) l. c., стр. 5—7, passim.

Digitized by Google

но порывъ личнаго чувства, личной страсти уже гораздо болѣе освободился отъ общихъ мѣстъ, чѣмъ у краснорѣчиваго демократа. Даже въ общихъ мѣстахъ Шатобріанъ умѣетъ выразить патетическую ноту личной разорванности, глубокой меланхоліи и неудовлетворенности. Помните страстный крикъ, брошенный имъ въ заключеніи «Аталы»:

Человѣкъ! ты лишь мимолетный сонъ, лишь горестная греза; ты живешь лишь несчастіемъ, ты представляешь собой нѣчто только скорбью своей души и вѣчной меланхоліей своей мысли *).

Или остановитесь на типѣ пресыщеннаго, разочарованнаго, глубоко-несчастнаго и мучащаго другихъ Рене, съ которымъ мы уже нѣсколько разъ случайно встрѣчались въ нашей статьѣ и который является родоначальникомъ и Чайльдъ-Гарольда, и Печорина, и всѣхъ этихъ «роковыхъ людей», носящихъ въ своей душѣ и актера и зрителя, и палача и жертву, ненавидящихъ себя, не знающихъ, какъ отдѣлаться отъ себя, своего сознанія и анализа, а въ то же время ужасно бережно баюкающихъ свое горе и боящихся, какъ бы не растерять его... Ибо, чѣмъ наполнить тогда пустоту своей непомѣрно раздутой индивидуальности? Помните, какъ говорилъ пессимистъ-сердцевѣдецъ XVII-го вѣка (Ла-Рошфуко): «люди лучше согласны плохо говорить о себѣ, чѣмъ не говорить ничего»! **) И Рене не перестаетъ говорить о себѣ. Было бы слишкомъ долго стенографировать, такъ сказать, эту исповѣдь, но какъ не вспомнить нѣкоторыхъ знаменитыхъ фразъ, въ которыхъ выражается безпокойное бѣганье мысли, порывъ безпредметнаго чувства, игра поэтическаго воображенія,—все словомъ, что характеризуетъ внутреннюю жизнь односторонне развитой индивидуальности, которая въ силу своего эгоизма не можетъ ни на минуту выйти изъ себя и задыхается въ этой душевной тюрьмѣ. То Рене «призывалъ всѣми силами своихъ желаній идеальный предметъ будущаго пламени, обнималъ его въ вѣтрахъ, слышалъ его въ стонахъ рѣки»; то обращался къ стихіямъ, ища отзвука въ природѣ: «поднимайтесь же скорѣе, вы, желанныя грозы, которыя должны унести Рене въ пространство другой жизни»; то, узнавъ о преступной страсти сестры къ нему, удалялся навсегда изъ родины и, прислонившись къ мачтѣ корабля, «долго всматривался въ послѣднія колебанія деревьевъ на берегу отечества и въ верхушки монастыря, опускавшіяся къ горизонту».

Рядомъ съ этими лирическими выраженіями чувства, воображеніе у Шатобріана принимаетъ такія конкретныя формы, къ которымъ не привыкла классическая литература. Подробности и общій характеръ пейзажа, костюмы дѣйствующихъ лицъ, внѣшнія особен-

*) «Atala», стр. 77.
**) La Rochefoucauld, «Maximes et réflexions morales», максима 138-я.

Digitized by Google

ности той или другой цивилизаціи выступаютъ необыкновенно ярко... Возьмите, напр., описанія природы. Руссо, правда, уже «ввелъ зеленый цвѣтъ во французскую литературу», какъ выражались люди, на которыхъ пріятно подѣйствовалъ элементъ природы въ произведеніяхъ пламеннаго демократа; но здѣсь пейзажъ игралъ все еще слишкомъ второстепенную роль по сравненію съ разсужденіями автора или дѣйствующихъ лицъ, которыя, такъ сказать, пользовались этими внѣшними аксессуарами для того, чтобы связывать съ ними такія или иныя воспоминанія, чувства, размышленія *). Съ другой стороны, Бернарденъ-де-Сэнъ Пьеръ нарисовалъ въ «Полѣ и Виргиніи» нѣсколько великолѣпныхъ пейзажей тропической природы; но эти картины, не смотря на свою вѣрность натурѣ и вкусъ, не отличаются еще тѣмъ размахомъ и выпуклостью, которые были бы способны волновать читателя, производя въ немъ иллюзію величавой дѣйствительности. Только у Шатобріана картины природы впервые начинаютъ спорить съ оригиналомъ, а порою даже превосходить его необыкновенно-ловкой группировкой деталей и законченной цѣльностію панорамы; причемъ васъ поражаетъ то мастерство, съ какимъ авторъ соединилъ субъективный элементъ настроенія, возбуждаемаго пейзажемъ, съ рельефнымъ, чисто объективнымъ изображеніемъ подробностей. Такую галлерею видовъ трудно найти у другого французскаго писателя. Тутъ и лунная ночь въ первобытномъ лѣсу Америки, и другая лунная ночь на морскомъ прибрежьи Мессеніи; тутъ и восходъ солнца на развалинахъ Партенона, и полночная сцена восточнаго базара; грандіозный Колизей сѣрое небо древней Германіи, заколдованное озеро въ лѣсу Друидовъ. Тамъ, гдѣ къ природѣ примѣшивается человѣческій элементъ,— какъ въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ и во многихъ другихъ видахъ,— «мѣстный колоритъ» и «характеристичная деталь» справляютъ настоящія оргіи, но каждое изъ этихъ лукулловыхъ эстетическихъ пиршествъ оставляетъ въ васъ по себѣ очень опредѣленное и цѣльное впечатлѣніе: греки, римляне, франки, народы и эпохи обособляются и живутъ независимою жизнію, какъ въ дѣйствительности. Слабая психологія героевъ и героинь,— этотъ, можно сказать, основной недостатокъ односторонней, черезчуръ индивидуальной музы Шатобріана,— выкупается тою интенсивностью, тѣмъ трепетомъ жизни, который проникаетъ крупныя группы людей, изображаемыя широкой кистью художника. Можно, конечно, спорить, на сколько большая, но безсистемная эрудиція автора позволила ему исторически вѣрно воспроизвести быть тѣхъ народовъ, которые сталкиваются между собой хотя бы въ его христіанской эпопеѣ «Мучениковъ». Но несомнѣнно, что вы никогда не смѣшаете шатобріановскихъ франковъ съ шатобріановскими римлянами, или съ шато-

*) См., напр., воспоминанія о скалахъ Мейльри (Meillerie) въ четвертой части «Элоизы», письмо 17-е.

Digitized by Google

бріановскими же греками. Авторъ, по удачному выраженію Брюнетьера, успѣлъ «индивидуализировать историческія эпохи» *), и не лишено интереса то обстоятельство, что извѣстный Огюстэнъ Тьерри, уже будучи крупнымъ историкомъ, признается, въ какой степени опредѣлило его будущую научную карьеру чтеніе имъ,—въ то время молоденькимъ гимназистомъ,—«Мучениковъ» Шатобріана, и какъ, притворившись больнымъ, онъ остался въ праздничный день одинъ въ училищѣ и шагалъ по гулкой и мрачной залѣ, выкрикивая изъ книги военный гимнъ франковъ: «Фарамондъ, Фарамондъ, мы сражались мечемъ» и т. д. **). Можно было бы даже показать, что въ теченіе довольно долгаго времени многіе романтики Франціи (напр. Гюго) жили зачастую историческимъ «мѣстнымъ колоритомъ», заимствованнымъ у Шатобріана.

Историческая сторона шатобріановскихъ произведеній напоминаетъ намъ о необходимости перейти къ оцѣнкѣ историка по спеціальности, который является тѣмъ не менѣе, можетъ быть, самымъ крупнымъ французскимъ романтикомъ въ прозѣ ***): я говорю о Мишлэ. Мнѣ представляется съ самаго же начала необходимымъ объяснить тѣ черты въ литературной физіономіи Мишлэ, которыя на первый разъ, казалось бы, противорѣчатъ установленному мною выше опредѣленію романтизма и романтиковъ. Дѣйствительно, можно-ли сказать о Мишлэ, что онъ противополагаетъ искусство всѣмъ остальнымъ сферамъ личной и общественной жизни и ставитъ творческій процессъ выше всей дѣйствительности? Можно ли утверждать это о писателѣ, который видитъ основную задачу историка въ симпатіи, въ состраданіи, въ любви къ человѣчеству, любви, переходящей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его спеціальныхъ сочиненій, и въ его популярно нравственныхъ трактатахъ, каковы, напр., «Женщина», «Любовь», въ слезливую сантиментальность (какъ это совершенно вѣрно отмѣчаетъ Н. К. Михайловскій, противоставляя эту чувствительную манеру суровымъ пріемамъ Прудона)? Можно ли видѣть представителя индивидуализма, представителя личнаго элемента въ человѣкѣ, который и въ своемъ «Народѣ», и въ своей «Исторіи революціи» прославляетъ инстинктъ массъ, коллективныя стремленія народа, можно сказать, въ пику сознательнымъ идеаламъ великихъ и малыхъ «историческихъ людей»?

---

*) См. Brunetière, «Manuel de l'Histoire de la littérature française»; Парижъ, 1898, стр. 392 (книга въ общемъ тусклая и полезная лишь для библіографическихъ справокъ).

**) Augustin Thierry, «Recits des temps mérovingiens»; Парижъ, 1840, т. I, стр. 20 предисловія.

***) Ср. Georges Meunier, «Le bilan littéraire du XIX siècle»; Парижъ 1898, стр. 162: ... cet historien qui restera l'un des plus grands maîtres du romantisme en prose.

Digitized by Google

Не противорѣчитъ ли это своеобразное народничество (а Мишлэ былъ французскимъ народникомъ даже въ узкомъ смыслѣ, зачастую идеализируя здѣшнее крестьянство въ ущербъ городскому рабочему *), не противорѣчитъ ли это народничество тому «освобожденному я», которое составляетъ признакъ романтическаго писателя? Я ни мало не колеблюсь отвѣтить на первые три вопроса утвердительно, на послѣдній отрицательно.

Какъ человѣкъ, Мишлэ, по словамъ знавшихъ его, отличался способностью до такой степени входить въ интересы другихъ, что забывалъ о себѣ, о своихъ ощущеніяхъ, и думалъ непосредственно о лицѣ, въ которомъ принималъ участіе; но какъ писатель, онъ близко принималъ къ сердцу интересы изображаемыхъ имъ коллективностей и личностей лишь сквозь свой темпераментъ артиста. Онъ увлекался историческими личностями, любилъ и ненавидѣлъ ихъ, но въ томъ отраженіи, которое рисовало магическое зеркало его воображенія; онъ благословлялъ или проклиналъ цѣлыя эпохи, вступалъ въ историческій діалогъ съ прошлымъ, но подъ аккомпаниментъ той внутренней «эоловой арфы» своей артистической чувствительности, струны которой дрожали при малѣйшемъ сотрясеніи. Можно смѣло сказать, нисколько не умаляя благородныхъ сторонъ Мишлэ—человѣка, что онъ пролилъ гораздо больше слезъ, читая историческіе документы и воссоздавая минувшее, чѣмъ встрѣчаясь съ несчастіями людей въ окружавшей его жизни. Онъ самъ нерѣдко признается, какъ рыданія сжимали его горло, когда онъ разбиралъ какой-нибудь пожелтѣвшій пергаментъ. И я, кажется, никогда не забуду разсказа, который мнѣ пришлось слышать отъ стараго французскаго демократа и фурьериста (я обозначу его здѣсь иниціалами Э. Р.), о томъ, какъ моему собесѣднику, въ то время юношѣ, почти мальчику,—дѣло было въ 40-хъ годахъ—пришлось прогуливаться съ Мишлэ въ окрестностяхъ Реймса, разговаривая о Жаннѣ Даркъ, повѣствованіе о которой уже появилось въ многотомной «Исторіи Франціи». Дѣло было лѣтомъ, къ вечеру, и оба туриста любовались съ одного изъ сосѣднихъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и виноградниками, великолѣпной панорамой города, на историческихъ памятникахъ котораго играли косые лучи солнца. Вдругъ Мишлэ, все время оживленно говорившій, умолкнулъ, упалъ на землю, цѣлуя ее, рыдая; и задыхаясь, сквозь слезы, едва могъ произнести: «и подумать только, что вся эта почва кругомъ освящена слѣдами ногъ великой героини: это нашъ храмъ, наша купина; не ходить мы должны здѣсь, а молиться! О Жанна Даркъ, Жанна Даркъ, какой гимнъ достоинъ твоего чистѣйшаго патріотизма?»...

Чувство въ формѣ артистической чувствительности и воображеніе—вотъ два основныя качества Мишлэ, которыя даютъ ему

*) См. «Le Peuple» (уже цитир. изд.), стр. 45 и пр.

Digitized by Google

одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду романтиковъ. Что такое его «историческое воскрешеніе», какъ не художественный процессъ творчества, прерываемый лирическими восклицаніями творца? Ибо не надо забывать, что Мишлэ не ограничивается яркимъ, чисто артистическимъ изображеніемъ личности, народа, эпохи: онъ не можетъ удержаться, чтобы тутъ же, въ формѣ отступленій, восклицаній, поощреній, восторговъ, негодованій и проклятій, не выразить своей личной оцѣнки и не произнести своего суда надъ вызванными имъ же самимъ тѣнями минувшаго. Въ этомъ смыслѣ, личный элементъ достигаетъ у него такихъ размѣровъ, какіе мы рѣдко замѣчаемъ даже у наиболѣе индивидуальныхъ романтиковъ. Много говорили о пріемѣ «воскрешенія» Мишлэ; онъ самъ употреблялъ неоднократно это выраженіе. Но мнѣ больше нравится одно замѣчательное мѣсто въ его сочиненіяхъ, гдѣ нѣтъ самого слова, за то крайне рельефно представленъ процессъ творчества:

Никто изъ этихъ великихъ актеровъ революціи не оставилъ меня равнодушнымъ. Развѣ я не жилъ съ ними, развѣ я не слѣдилъ вѣрнымъ спутникомъ за каждымъ изъ нихъ, проникая во внутрь его мысли, въ его превращенія? Мало-по-малу я сталъ однимъ изъ ихъ общества, своимъ человѣкомъ этого страннаго міра. Я выработалъ себѣ зрѣніе, постоянно приглядываясь къ этимъ тѣнямъ, и онѣ, я думаю, въ свою очередь знали меня. Онѣ видѣли меня наединѣ съ ними въ этихъ галлереяхъ, въ этихъ обширныхъ, рѣдко посѣщаемыхъ архивахъ. Порою я находилъ закладку на той страницѣ, на которой оставилъ ее въ послѣдній разъ Шометтъ или кто нибудь другой. Иная фраза въ грубомъ протоколѣ Кордельеровъ такъ и осталась неоконченной, внезапно прерванная смертью. Пыль временъ остается. Хорошо вдыхать ее, блуждать взадъ и впередъ по этимъ бумагамъ, этимъ дѣламъ, этимъ протоколамъ. Они не нѣмы, и все это не такъ мертво, какъ кажется. Я никогда не касался до нихъ безъ того, чтобы изъ нихъ не вышло чего-нибудь и чего-нибудь не пробудилось... То душа. И по истинѣ, я заслуживалъ этого. Я не былъ авторомъ. Я былъ за сто миль отъ мысли о публикѣ, объ успѣхѣ: я любилъ—вотъ и все. Лихорадочно и жадно, я бродилъ тамъ и сямъ; я вдыхалъ въ себя, я записывалъ эту трагическую душу прошлаго *).

Перечитайте эту великолѣпную исповѣдь, читатель: лучше и нельзя выразить то состояніе творческаго энтузіазма, которое овладѣваетъ душой истиннаго романтика и — принужденъ замѣтить я — заставляетъ его ставить искусство выше всего на свѣтѣ. Не останавливайтесь на поверхности, не цѣпляйтесь за отдѣльныя слова вродѣ «я любилъ»! Идите смѣло впередъ, проникайте въ сущность мысли и спросите себя: что любилъ здѣсь Мишлэ? И вы отвѣтите: патетическое опьяненіе процессомъ творчества! Какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, Мишлэ имѣлъ извѣстные политическіе и общественные идеалы, и писатели двухъ противоположныхъ лагерей—и крайніе консерваторы, и крайніе революціонеры—упрекали его даже въ томъ, что въ угоду этимъ идеаламъ онъ откло-

*) J. Michelet, «Histoire de la Révolution francaise»; Парижъ, 1889, правительственное юбилейное (въ честь 1789 г.) изданіе, т. I, стр. 15—16.

Digitized by Google

нялся отъ исторической правды и замѣнялъ факты произвольными гипотезами. Но какъ артистъ, Мишлэ удовлетворялъ прежде всего своей эстетической потребности, потребности художественнаго творчества и подчинялъ ей прочія соображенія: не научная истина, по необходимости неполная, по необходимости кусочная, руководила его работами; ими руководила истина художественная, истина артистическая, та истина, которая, по прекрасному выраженію Аристотеля, ищетъ (въ противоположность исторіи) не «подробностей», а «цѣлаго», не изображенія «того, что было», а «того, что могло бы быть» *). Вотъ почему главнымъ образомъ—а не въ силу предвзятыхъ идеаловъ—колоссальная эрудиція Мишлэ, его любовь къ точнымъ документамъ и неутомимая работа въ архивахъ не предохранили историка-романтика отъ увлеченій, ошибокъ и искаженій. Словомъ, историческая истина была далеко не единственной и далеко не главной цѣлью Мишлэ. Въ этомъ отношеніи я охотно подпишусь подъ слѣдующими словами одного изъ современныхъ критиковъ (съ которымъ я по большей части расхожусь въ общей оцѣнкѣ значенія авторовъ):

Мишлэ не простой труженикъ, не одинъ изъ тѣхъ людей, которые работаютъ для того, чтобы работать. Съ другой стороны, онъ и не собственно такъ называемый ученый, человѣкъ, который работаетъ, подталкиваемый повелительною потребностью въ достовѣрности и мучимый жаждою истины. Истина не была его идоломъ; у него идолами были другія вещи *).

Историкъ-художникъ — вотъ какъ, мнѣ кажется, можно было бы охарактеризовать выдающуюся сторону литературной дѣятельности Мишлэ: историкъ-политикъ гораздо слабѣе и блѣднѣе. И это является характерной особенностью этого писателя, сочетаніе научнаго сюжета и романтической обработки его нисколько не исключаетъ геніальнаго угадыванія многихъ и многихъ темныхъ сторонъ историческаго процесса, какъ то было нѣсколько разъ доказано послѣ Мишлэ новѣйшими, болѣе точными изслѣдованіями. Не забывайте, что, когда рѣчь идетъ о «мѣстномъ колоритѣ» и «характеристичной детали», романтизмъ историка творчески перерабатываетъ такую массу подлинныхъ матеріаловъ и дѣйствительныхъ фактовъ, что часто пророческая догадка относительно того или другого невыясненнаго факта является лишь результатомъ естественнаго сближенія, сростанія, такъ сказать, въ головѣ художника разрозненныхъ, но вполнѣ реальныхъ данныхъ прошлаго. Недаромъ въ своемъ извѣстномъ этюдѣ о Мишлэ Тэнъ говоритъ отъ лица научной критики:

Должны ли мы вѣрить Мишле? Что касается до меня, то, провѣривши дѣло на опытѣ, я отвѣчаю: да! Ибо, изучая документы эпохи, которую

*) Poët., 9, начало главы.

**) Emile Faguet, Dix-neuvième siècle. Etudes littéraires, Парижъ, стр. 347—348 девятнадцатаго изд. 1898.

Digitized by Google

изучалъ и онъ, вы испытываете ощущеніе, подобное его ощущенію, и находите, что въ концѣ концовъ заключенія его предугадывающаго лиризма почти столь же точны, какъ и заключенія терпѣливаго анализа и медленнаго обобщенія *).

Эта твердая почва громаднаго количества достовѣрныхъ фактовъ, которые соединены между собою воздушными мостами романтическаго творчества историка - художника, — это реальное основаніе и было, вѣроятно, причиною того, что французскіе романтики долго игнорировали или, по крайней мѣрѣ, не признавали за своего, одного изъ самыхъ крупныхъ представителей романтизма, великолѣпнаго творца «Исторіи Франціи». А Мишлэ былъ, дѣйствительно, творцомъ: можно смѣло сказать, что это произведеніе является единственнымъ трудомъ, въ которомъ цѣлый народъ въ предѣлахъ извѣстной страны и на протяженіи цѣлой исторіи живетъ и движется какъ одно органическое цѣлое, какъ настоящая личность. Франція является подъ волшебнымъ перомъ Мишлэ по истинѣ героиней историческаго романа. Можно оспаривать именно съ художественной точки зрѣнія, правъ ли былъ нашъ романтикъ, утверждая, что «Англія лишь государство, Германія лишь страна»; но онъ доказалъ — говорю опять таки съ художественной точки зрѣнія — что «Франція — личность» **). И однако оффиціальные, такъ сказать, романтики оцѣнили поэтическія заслуги мага-воскресителя лишь сравнительно поздно, когда самъ романтизмъ пошелъ уже на убыль.

Слѣдуетъ замѣтить, что Мишлэ былъ и самымъ талантливымъ психологомъ изъ французскихъ романтиковъ, которые по большей части или воспроизводили подъ множествомъ именъ одну и ту же,—собственную авторскую — душу, или же ударялись въ такую примитивную психологію, какая стоитъ еще ниже въ смыслѣ художественной правды, чѣмъ психологія абстрактныхъ героевъ и абстрактныхъ злодѣевъ псевдо - классицизма. Историческія произведенія Мишлэ даютъ намъ такую галлерею различныхъ типовъ—и высокихъ, и низкихъ, и трагическихъ и комическихъ,—что передъ ней блѣднѣетъ вся коллекція литературныхъ героевъ романтизма. И, говоря такъ, я разумѣю не то естественное разнообразіе историческихъ личностей, которое представляетъ сама дѣйствительность: я имѣю въ виду тѣ творчески воссозданныя Мишлэ фигуры, для которыхъ исторія давала лишь обрывки противорѣчивыхъ документовъ и которыя были, можно сказать, вновь вызваны къ жизни всемогущимъ воскресителемъ. Вспомните лишь его портреты Людовика XI, Карла Смѣлаго, Людовика XII, Жанны Даркъ, императора Максимиліана, и т. п.

*) H. Taine, Essais de critique et d'histoire; Парижъ. 1896, стр. 107 седьмого изд.

**) См. историко-географическое введеніе въ «Исторію Франціи», т. I, стр. 50 (иллюстрированнаго изд. Rouff, выходящаго выпусками).

Digitized by Google

«Историкъ массъ», какъ называетъ его современный ученый (Габріэль Моно), Мишлэ остается тѣмъ не менѣе неподражаемъ и въ индивидуальной психологіи, что не мѣшаетъ ему, конечно, превращать въ живые типичные образы такую или иную группу людей, коллективность, народъ и расу. Вспомните опять таки лишь пестрое разнообразіе провинціальныхъ типовъ, которые проходятъ передъ глазами очарованнаго читателя въ уже цитированномъ мною введеніи въ «Исторіи Франціи». А Альбигойцы, а средневѣковые схоластики, а кальвинисты Женевы! Страны, народы, вѣка, лица—все живетъ и дышетъ подъ перомъ волшебника.

И, если позволено, какъ говорили древніе, сравнить малое съ великимъ, эту способность къ индивидуализирующей психологіи вы найдете даже въ трудахъ Мишлэ, которые мы должны оставить здѣсь въ сторонѣ: я разумѣю его популярныя естественно-научныя книги о «Птицѣ», «Насѣкомомъ», «Морѣ» и т. п. Его соловей, его ласточка, альбатросъ, колибри изображены каждый со своей особой душой, привычками, птичьими размышленіями, такъ что порою вы не можете удержаться, чтобы не улыбнуться и не задаться вопросомъ, откуда знаетъ все это Мишлэ: магъ воскреситель людей, или тебѣ не довольно этого? Или ты хочешь соперничать съ волшебникомъ восточныхъ сказаній, знающимъ языкъ звѣрей и птицъ?

Въ 1856 г. Тэнъ ставилъ на ряду съ тремя великими поэтами Франціи, Мюссэ, Ламартиномъ, Гюго, четвертаго поэта, поэта въ прозѣ: то былъ Мишлэ. Это, можетъ быть, лучшая оцѣнка историка-романтика...

Н. К.

Политика.

Военныя опасности и мирный исходъ.—Паденіе кабинета Бриссона.—Крупныя заслуги этого кабинета.—Пересмотръ дѣла Дрейфуса.—Октябрьскіе дни въ палатѣ.—Коалиціонное министерство Дюпюи.—Текущія политическія событія.

I.

Окончательное улаженіе вопроса о Фашодѣ и Верхнемъ Нилѣ представляется едва ли не самымъ отраднымъ фактомъ международной исторіи отчетнаго мѣсяца. Война была такъ близка, и тѣ ужасы, которыми она угрожала, такъ неизмѣримо огромны, несоизмѣримо ни съ какими Фашодами, что можно только поздравить французское правительство за по истинѣ мудрую уступчивость, спасшую міръ отъ непоправимаго бѣдствія. Франція уступила по всей линіи,

Digitized by Google

Англія получаетъ все, чего требовала. Англія пожелала увеличить это торжество формою, въ которой были затребованы отъ Франціи уступки и которая, при другомъ настроеніи французскаго общества, неминуемо привела бы къ войнѣ. Англія не допустила никакихъ переговоровъ о Бахръ-эль-Газалѣ параллельно съ переговорами о Фашодѣ. Послѣдняя должна быть очищена, а затѣмъ объ остальномъ прочемъ можно и поговорить. Но только затѣмъ... Французы исполняютъ это англійское требованіе и на туманномъ Альбіонѣ давно не чувствовали такого радостнаго настроенія. Давно не было такого единодушія и среди политическихъ партій, которыя всѣ одинаково привѣтствуютъ британское правительство за одержанную имъ блистательную побѣду. И дѣйствительно, эта побѣда стоитъ для Англіи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ побѣда Соединенныхъ Штатовъ надъ Испаніей.

Извѣстно, какъ англичане въ 1882 году оккупировали Египетъ для возстановленія тамъ порядка, нарушеннаго революціей Арабипаши. Эта временная оккупація продолжается уже шестнадцать лѣтъ. Изъ великихъ державъ съ серьезнымъ и порою опаснымъ неудовольствіемъ смотрѣла всегда на эту оккупацію одна Франція. Только отъ нея можно было ожидать иниціативы въ возбужденіи вопроса объ очищеніи Египта. Только она могла бы склонить Россію и Турцію оказать ей въ этомъ серьезную поддержку. Такимъ образомъ, только благодаря положенію, занятому въ египетскомъ вопросѣ Франціею, этотъ вопросъ вообще существовалъ и положеніе Англіи на Нилѣ не было столь же упрочено, какъ на Гангѣ. Занятіе французами Фашоды на Верхнемъ Нилѣ потому и было особенно опасно, что споръ изъ за права ея оккупаціи являлся, въ сущности, споромъ изъ за оккупаціи всего Египта. Уступивъ въ вопросѣ о Фашодѣ, Франція тѣмъ самымъ признала, что серьезно оспаривать положеніе, занятое англичанами въ Египтѣ, не намѣрена. Отнынѣ это положеніе окончательно упрочено и Египетъ должно считать прямо англійскою колоніей, какъ Индію, Бирму или Капландію. А что характеръ владѣнія носитъ названіе оккупаціи, то вѣдь именно въ послѣднее время этотъ характеръ владѣнія особенно распространенъ. Австрія такъ владѣетъ Босніей и Герцеговиной; Франція—Тунисомъ; Америка—Кубой; Англія, кромѣ Египта, еще Гонъ-Конгомъ, Вей-ха-Веемъ, Кипромъ; Россія—Портъ-Артуромъ; Германія—Кіао-Шау и т. д. Египетъ тоже входитъ въ составъ этого новаго рода европейскаго колоніальнаго владычества.

Независимо отъ этого громаднаго выигрыша въ видѣ окончательнаго утвержденія въ Египтѣ, и непосредственные выгоды отъ пріобрѣтенія Фашоды англичанами немаловажны для нихъ. Территорія, нынѣ очищаемая французами, соединяетъ (какъ мы уже говорили въ прошлой нашей политической хроникѣ) Египетъ съ англійскими колоніями въ области великихъ озеръ и на восточномъ берегу Африки. Естественно, если въ Англіи ликуютъ, одержавъ

Digitized by Google

такую побѣду, притомъ безъ пролитія крови. Такимъ образомъ 1898 годъ былъ очень удаченъ для обѣихъ половинъ англо-саксонской націи, которая въ ея цѣломъ сильно подняла свое значеніе и вліяніе и которая все больше объединяется въ сознаніи солидарности. Существуютъ еще могучія теченія, препятствующія осуществленію идеи панбританиза, но эти препятствія таютъ съ такою быстротою, что, быть можетъ, еще живущія поколѣнія увидятъ это осуществленіе въ той или иной формѣ. Успѣхи 1898 года могутъ наполнять гордостью сердца британскія по обѣ стороны Атлантическаго океана. И новѣйшее пріобрѣтеніе американцами Филиппинскаго архипелага должно быть перечислено въ этомъ спискѣ британскихъ успѣховъ и торжествъ.

Оборотная сторона медали—значеніе того же французскаго пораженія для Франціи. Конечно, Франція могла бы принять вызовъ Англіи. Конечно, поддержанная Россіей, она могла бы разсчитывать и на такіе, по крайней мѣрѣ, успѣхи, которые заставили бы Англію искать компромисса. Конечно, и неудачная для французовъ война была бы разорительна и для англичанъ... Такъ что Франція имѣла полную возможность, уступивъ по существу, не пойти на ту форму уступки, которая уже считается humiliation (какъ и сами французы называютъ ее). Англія едва ли рискнула бы войной изъ за вопроса формы, если бы не существовало общаго убѣжденія, что французы согласны воевать только въ единственномъ случаѣ. Это же видно и изъ того, что писали и говорили французы о мирной нотѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Исходъ вопроса о Фашодѣ лишній разъ доказалъ, что внѣ рейнскаго вопроса (или съ нимъ тѣсно связанныхъ) Франція не должна уже почитаться активною силою европейской политики. Какъ и въ 1882 году, въ эпоху перваго занятія англичанами Египта, какъ и затѣмъ въ періодъ столкновенія съ Китаемъ изъ за Тонкина, Франція и теперь уступила въ вопросѣ, который сама почитала очень для себя важнымъ. Очевидно, и впредь она будетъ во всемъ уступать, оберегая свои силы все для одной цѣли. Это очень выгодно для Англіи, бываетъ это выгодно и для Америки, и для Россіи; это очень невыгодно не только для Франціи, но и для Германіи. Съ другой стороны, однако, если, благодаря этому, конецъ XIX вѣка не обагрилъ землю братоубійственною англо-французскою войною, то по истинѣ нѣтъ худа безъ добра.

II.

Отъ внѣшнихъ дѣлъ нашей союзницы естественный переходъ къ ея дѣламъ внутреннимъ. Смѣна кабинета при самыхъ экстраординарныхъ обстоятельствахъ представляется наиболѣе важнымъ фактомъ внутренней жизни Франціи за отчетный мѣсяцъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ оформировалось радикальное министерство Бриссона,

Digitized by Google

въ октябрѣ оно пало и если была очень поучительна исторія сформированія этого министерства, то еще болѣе того поучительна исторія его паденія.

Три года уже управляло страною умѣренно республиканское министерство Мелина и три года шло постепенное его отступленіе въ сторону правыхъ парламента. Такъ называемые raillés (монархисты и клерикалы, примирившіеся съ фактомъ республиканскаго образа правленія) уже не отличались отъ умѣренныхъ республиканцевъ, никогда не бывшихъ членами правой. Сами члены этой послѣдней все чаще и чаще подавали голоса за министерство Мелина, которое охотно принимало эту поддержку и которое, благодаря этому, могло отказывать лѣвымъ въ какихъ бы то ни было реформахъ. Болѣе равномѣрное податное обложеніе; нѣкоторыя безусловно необходимыя поправки конституціи, созданной монархистами, какъ переходная временная форма; реформа мѣстнаго управленія, давно требуемая всѣми мыслящими людьми страны; реформа колоніальнаго управленія, составляющая насущную потребность и въ интересахъ колоній, и въ интересахъ метрополіи; дальнѣйшее развитіе системы всеобщаго свѣтскаго образованія; рабочее законодательство, и т. д., и т. д.,—все было заторможено, на все была наложена печать косности и омертвѣнія. Быть можетъ, со временъ второй имперіи Франція не управлялась столь рутинно, а все ярче обозначавшееся сближеніе съ клерикалами все болѣе выясняло, что это рутинерство готово перейти въ обскурантизмъ. Довольно удачная внѣшняя политика, провозглашеніе русскаго союза, пріобрѣтенія въ Китаѣ, успѣшное окончаніе переговоровъ о разграниченіи на Нигерѣ, замѣтная роль Франціи въ критскомъ вопросѣ, вся эта внѣшность силы и значенія красиво прикрывала собою внутреннее безсиліе и неспособность французскихъ правителей. Страна была довольна этою мишурою внѣшнихъ успѣховъ, довольно показныхъ, но большею частью довольно эфемерныхъ. Страна была довольна, слѣдовательно, и своими правителями. Такъ по крайней мѣрѣ казалось, и Мелинъ съ товарищами съ надеждами небезосновательными ожидалъ благопріятнаго вердикта страны на майскихъ парламентскихъ выборахъ. Вердиктъ оказался, однако, несовсѣмъ благопріятнымъ. Радикальная и соціалистическая оппозиція усилилась, а число умѣренныхъ республиканцевъ, недовольныхъ союзомъ съ реакціонными элементами правой, увеличилось. Тѣмъ не менѣе министерство Мелина рѣшило предстать передъ парламентомъ и сначала даже могло надѣяться, что, хотя бы и съ ослабѣвшимъ большинствомъ, оно удержится у власти. Кандидатъ оппозиціи на кресло предсѣдателя палаты Бриссонъ не прошелъ, а былъ выбранъ Дешанель, кандидатъ министерства. За Дешанеля единодушно голосовала вся правая и онъ былъ избранъ всего нѣсколькими голосами большинства. Другими словами, большинство республиканцевъ голосовало за Бриссона. Однако, если бы мень-

Digitized by Google

министво республиканцевъ, которое, въ союзѣ съ правою, избрало Дешанеля, осталось въ полномъ составѣ вѣрно этому союзу, то опирающееся на этотъ союзъ министерство Мелина могло бы сохранить власть. Но одно дѣло выбирать предсѣдателя палаты (и притомъ предсѣдателя-республиканца) и другое дѣло поддерживать союзъ съ правой на политической почвѣ. Здѣсь не выдержали союза еще десятка два умѣренныхъ республиканцевъ и Мелинъ палъ послѣ того, какъ палата вотировала резолюцію, приглашающую правительство опираться исключительно на республиканскія группы, не входя ни въ какія соглашенія съ правою. Попытка составить коалиціонное министерство не удалась умѣренному Рибо, ни радикаламъ Сарріену и Пейтралю, послѣ чего сформировалось однородное радикальное министерство Бриссона. Оно предстало предъ парламентомъ, получило вотумъ довѣрія и отсрочило до октября парламентскую сессію.

Эта первая сессія палаты 1898 года мало обѣщала: утвердить союзъ съ правой фактомъ выборовъ предсѣдателя въ этомъ союзѣ и затѣмъ выразить порицаніе этому союзу; отказать Бриссону въ довѣріи, какъ предсѣдателю собранія, и выразить ему затѣмъ довѣріе, какъ предсѣдателю кабинета,—все это показывало и неустойчивость, и непослѣдовательность, и политическую невоспитанность весьма значительнаго контингента членовъ палаты. Какъ бы то ни было, кабинетъ сформировался, заключая въ своемъ составѣ такихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какъ Бриссонъ, Буржуа, Сарріенъ, Пейтраль, Локруа. Можно было разсчитывать, что собраніе такихъ талантовъ и умовъ настолько подвинетъ дѣло управленія страною, что утвердитъ за собою довѣріе палаты, уже ею однажды имъ вотированное. Изъ этихъ двухъ надеждъ первая даже въ четыре мѣсяца не оказалась напрасною, но всѣ заслуги министерства не повели ни къ чему и разбились о выше указанную непослѣдовательность и политическую невоспитанность парламентскаго большинства.

Исторія кратковременнаго пребыванія у власти кабинета Бриссона является одною изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи правительственной дѣятельности третьей республики. Трудно представить себѣ въ такое короткое время такъ много самыхъ роковыхъ затрудненій, сплетавшихся въ самый сложный и спутанный клубокъ, но министерство, не разрубая этого новаго гордіева узла, умѣло его развязывать, вмѣстѣ съ тѣмъ трудясь надъ всесторонниимъ возрожденіемъ французской государственной и общественной жизни.

Парижская стачка землекоповъ и другихъ рабочихъ строительныхъ профессій, болѣе мѣсяца державшая столицу въ состояніи высокаго и опаснаго напряженія; дѣло Дрейфуса, Анри, Пикара, обобщавшееся въ дѣло о значеніи и характерѣ военнаго элемента; дѣло о Фашодѣ и угрожающей войнѣ съ Англіей,—каждаго изъ

Digitized by Google

этихъ дѣлъ было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы всецѣло поглотить вниманіе кабинета, который заслужилъ бы благодарность страны, если бы съумѣлъ выдти въ отдѣльности изъ каждаго изъ этихъ отвѣтственныхъ, сложныхъ вопросовъ. Можно, однако, поздравить Францію, что она имѣла министерство, у котораго хватило таланта, опытности и умѣнія трудиться для того, чтобы, будучи сразу атакованнымъ тремя такими дѣлами, оно все таки вышло съ честью, разрѣшивъ всѣ ихъ въ интересахъ справедливости и цивилизаціи и къ несомнѣнной выгодѣ страны. Рядомъ съ этимъ не останавливались и другія культурныя работы кабинета. Министерство народнаго просвѣщенія (Леонъ Буржуа) серьезно поставило на очередь вопросъ о преобразованіи программъ средней школы; министерство финансовъ (Пейтраль) выработало проектъ подоходнаго налога и внесло его въ палату; министерство внутреннихъ дѣлъ (Бриссонъ) осуществило благотворную реформу мѣстнаго управленія въ Алжирѣ (реформу, встрѣченную общими одобреніями даже со стороны враговъ кабинета); министерство морское (Локруа) выработало замѣчательный планъ сѣти угольныхъ станцій по всѣмъ океанамъ и моряхъ для военнаго и коммерческаго флота Франціи, вмѣстѣ съ обстоятельнымъ планомъ морской обороны приморскихъ колоній (этотъ планъ равнымъ образомъ заслужилъ общее одобреніе даже со стороны противниковъ радикальнаго министерства); и т. д., и т. д. Эта многосторонняя инициатива и этотъ энергическій трудъ, проявленные въ такое короткое время министерствомъ Бриссона и даютъ право признать за этимъ же министерствомъ крупныя заслуги передъ страною. Исторія поставитъ ему въ крупную заслугу и смѣлую инициативу въ вопросѣ о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса. Именно эта благородная инициатива и повлекла паденіе самаго дѣятельнаго и талантливаго министерства третьей республики.

III.

Всѣ истинные друзья французскаго народа съ печальною тревогою слѣдили за перипетіями того грустнаго и стыднаго дѣла, которое называется дѣломъ Дрейфуса. Въ 1894 году во французскомъ военномъ судѣ судили и осудили за измѣну капитана генеральнаго штаба Дрейфуса, отнынѣ на многіе вѣка знаменитаго. Его обвиняли и обвинили въ томъ, что, состоя на службѣ въ секретномъ отдѣленіи главнаго штаба арміи, онъ передавалъ агенту иностранной державы (теперь уже извѣстно, что рѣчь шла о германскомъ военномъ агентѣ, полковникѣ Шварцкоппенѣ) разные тайные документы, касающіеся обороны Франціи, ея вооруженія, новыхъ военныхъ изобрѣтеній и пр. Единственнымъ доказательствомъ виновности подсудимаго, которое было предъявлено ему и его защитнику, было нынѣ тоже знаменитое *бордеро* чернового документа, сообщавшаго Шварцкоппену о новомъ уставѣ артиллерій-

Digitized by Google

ской службы и нѣкоторыя менѣе важныя свѣдѣнія. Экспертиза признала почеркъ, которымъ писано бордеро, за почеркъ Дрейфуса и его осудили, приговоръ привели въ исполненіе и сослали на Чортовъ островъ, небольшой островокъ у береговъ французской Гвіаны. Однако, уже это уединеніе преступника, отказъ женѣ въ правѣ за нимъ послѣдовать, отказъ въ правѣ сношенія съ родными, совершенное изолированіе, вовсе не предписываемое закономъ, наконецъ, чрезвычайныя мѣры охраны, принятыя на островѣ, могли внушить идею о какой-то грустной тайнѣ, окутывающей это дѣло. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ настойчивыми утвержденіями родныхъ осужденнаго, что онъ невиновенъ, и заставили честныхъ и совѣстливыхъ людей задуматься надъ возможностью судебной ошибки (невольной, какъ тогда всѣ могли думать). Извѣстно, что вопросъ былъ поднятъ сначала тогдашнимъ вице-предсѣдателемъ сената Шереромъ-Кестнеромъ, послѣднимъ представителемъ Эльзаса во французскомъ парламентѣ. Изучая дѣло, какъ оно было зарегистрировано въ судебномъ процессѣ, почтенный сенаторъ натолкнулся на тотъ фактъ, что единственное доказательство—сходство почерка бордеро съ почеркомъ осужденнаго. Сходство это ему не показалось убѣдительнымъ, а совѣщаніе съ болѣе компетентными экспертами его утвердило въ этомъ сомнѣніи. Если же экспертиза была, повидимому, ошибочна, если бордеро писано не почеркомъ Дрейфуса, то и весь приговоръ, основанный единственно на признаніи бордеро писаннымъ Дрейфусомъ, теряетъ почву. Необходимо, слѣдовательно, пересмотрѣть дѣло и сдѣлать болѣе тщательную и болѣе авторитетную экспертизу. Выводы Шерера-Кестнера были сама логика, но министерство Мелина рѣшительно отклонило пересмотръ, а послушное ему сенатское большинство наказало Шерера-Кестнера за его благородную инициативу тѣмъ, что, при первыхъ затѣмъ послѣдовавшихъ выборахъ сенатскаго бюро, не переизбрало его вице-предсѣдателемъ.

Дѣло, однако, было уже поставлено на очередь и общественная совѣсть была уже пробуждена. Стало извѣстно, что подполковникъ Пикаръ, служившій вскорѣ послѣ осужденія Дрейфуса въ томъ же секретномъ отдѣленіи и ознакомившійся подробно со всѣмъ дѣломъ, уже тогда усомнился въ справедливости осужденія и докладывалъ о своихъ сомнѣніяхъ своему непосредственному начальству, но его сомнѣніямъ не дано было хода, а онъ самъ вскорѣ переведенъ въ Тунисъ, подальше отъ возможныхъ нескромностей. Наконецъ, начали называть и дѣйствительнаго автора бордеро, именно майора графа Эстергази. Тогда братъ Дрейфуса подалъ министру военному (генералу Билье) заявленіе, что бордеро писано майоромъ Эстергази и что онъ проситъ дѣло разслѣдовать. Этому оффиціальному заявленію нельзя было не дать хода. Слѣдователь Пати-дю-Кламъ произвелъ слѣдствіе подъ руководствомъ генерала Пелье и, на основаніи представленныхъ имъ данныхъ, военный

Digitized by Google

судъ оправдалъ Эстергази. Замѣчательно, что уже въ этомъ первоначальномъ фазисѣ вопроса о пересмотрѣ, дѣло начали затемнять вопросомъ о какомъ-то оскорбленіи французской арміи, будто бы немыслимомъ въ случаѣ пересмотра дѣла. Точно Дрейфусъ не былъ такимъ же офицеромъ французской арміи, какъ и Эстергази, Патидю-Кламъ или Анри. И если осужденіе Дрейфуса за измѣну нисколько не мараетъ чести арміи, то почему же было бы безчестіемъ осужденіе другого офицера и возстановленіе чести осужденнаго капитана? Тѣмъ не менѣе это смѣшеніе чести отдѣльнаго офицера или даже нѣсколькихъ офицеревъ съ честью цѣлой арміи внесло много путаницы и еще болѣе того страсти и возбужденія въ вопросъ, который безъ этого могъ бы обсуждаться спокойно sine ira et... Повидимому, кому-то эта путаница и это возбужденіе были полезны.

Оправданіемъ Эстергази дѣло не могло кончиться. Сама страстность господствовавшей военной партіи указывала, что не все ладно въ этомъ темномъ и печальномъ дѣлѣ. Оправданіе Эстергази казалось возмутительнымъ. Выразителемъ этой пробудившейся народной совѣсти явился Эмиль Зола, напечатавшій въ *Aurore* свое знаменитое открытое письмо *J'accuse*. Зола былъ преданъ суду, но не за всѣ обвиненія, выставленныя имъ противъ лицъ, властно участвовавшихъ въ направленіи дѣла Дрейфуса и Эстергази, а только за обвиненіе, высказанное имъ противъ военнаго суда, оправдавшаго Эстергази. Такимъ образомъ, ему пришлось не защищать невинно осужденнаго, а обвинять неправильно оправданнаго. Обвинять не дѣло писателя и промахомъ Эмиля Зола воспользовался военный министръ. Къ тому же обвинять, не имѣя въ рукахъ ни слѣдственной власти, ни полиціи, весьма затруднительно, а признаніе присяжными неправоты Зола по этому единственному судившемуся пункту накидывало тѣнь сомнѣнія и на другія его утвержденія. Такъ и случилось; Зола былъ обвиненъ въ диффамаціи и приговоренъ къ годичному тюремному заключенію. Послѣ кассаціи версальскій судъ подтвердилъ приговоръ парижскаго, а совѣтъ ордена почетнаго легіона лишилъ Эмиля Зола знака отличія этого ордена. Но это уже было послѣднее торжество господствовавшей военной партіи и того ложно понятаго патріотизма, который давалъ и до сихъ поръ придаетъ этой партіи неподобающую силу и значеніе.

Процессъ Эмиля Зола кое-что, однако, уже тогда выяснилъ. Самые авторитетные и компетентные эксперты почерка, французскіе, бельгійскіе и швейцарскіе, единодушно отвергли сходство почерка бордеро съ почеркомъ Дрейфуса, а нѣкоторые рѣшительно признали почеркъ бордеро за почеркъ Эстергази. Послѣ этого, для каждаго безпристрастнаго человѣка приговоръ 1894 года терялъ нравственное значеніе и пересмотръ становился нравственнымъ долгомъ. Процессъ Эмиля Зола выяснилъ и другое обстоятельство, которое

Digitized by Google

и являлось для патріотовъ основаніемъ продолжать отказывать въ пересмотрѣ. Выяснилось, что, повидимому, бордеро было единственнымъ доказательствомъ лишь въ протоколахъ судебнаго процесса, а судьямъ были секретно предъявлены другіе документы, подсудимому и его защитнику не предъявлявшіеся. Съ одной стороны, это обстоятельство является элементарнымъ нарушеніемъ правосудія (судить человѣка, не знающаго *за что* его судятъ и лишеннаго возможности опровергнуть обвиненіе), а съ другой стороны, документы секретны и ихъ предъявленіе можетъ будто бы повредить интересамъ отечества. Вотъ почему разоблаченіе этого обстоятельства съ тайными документами, съ одной стороны, еще болѣе возбудило людей съ чуткою совѣстью, а съ другой, укрѣпило патріотовъ въ ихъ сопротивленіи пересмотру, давая вмѣстѣ съ тѣмъ имъ возможность успокаивать свою совѣсть: секретные документы, дескать, доказываютъ виновность осужденнаго.

Господствовавшая военная партія не довольствовалась этими успѣхами. Она хотѣла отомстить не только Эмилю Зола, но и Пикару. Послѣдняго привлекли къ слѣдствію сначала по обвиненію въ нарушеніи дисциплины и служебной тайны. Военный слѣдователь Пати-дю-Кламъ (тотъ самый, что производилъ слѣдствіе по дѣлу Эстергази) былъ назначенъ произвести и это новое слѣдствіе надъ человѣкомъ, виновнымъ въ томъ, что, усомнившись въ справедливости приговора 1894 года, объ этихъ сомнѣніяхъ доложилъ по начальству. Продолжались преслѣдованія и противъ Зола, и противъ его адвокатовъ... Казалось, новый терроръ повисъ надъ Франціею, которая, сбитая съ толку ложно направленнымъ патріотизмомъ, воспитавшая среди своихъ несчастій культъ арміи, смѣшавшая армію съ нѣсколькими группами правящихъ арміей лицъ, готова склониться подъ самымъ печальнымъ и стыднымъ терроромъ, терроромъ, опирающимся на добровольное холопство, и избивающимъ оставшихся представителей общественной совѣсти. Это и было время, когда всѣ истинные друзья великаго народа, столь дорогого человѣчеству, слѣдили съ тревогою и стыдомъ за перипетіями этой національной трагедіи, гдѣ хотѣли сгубить великую душу великаго народа. Въ это время пало министерство Мелина и вступило во власть министерство Бриссона. Это министерство поставило формально на очередь вопросъ о пересмотрѣ дрейфусовскаго процесса 1894 года. Не безъ жестокой борьбы и грустныхъ жертвъ далась кабинету Бриссона эта побѣда права надъ военнымъ терроромъ.

Когда сформировалось министерство Бриссона, еще густой мракъ покрывалъ дѣло Дрейфуса и для громаднаго большинства непосвященныхъ было ясно одно, что были допущены во время процесса 1894 года нѣкоторыя серьезныя нарушенія общепризнанныхъ гарантій правосудія. Невиновность же осужденнаго капитана, теперь выступающая все ярче, тогда не могла быть констатирована съ достаточною ясностью. Были, однако, люди, глубоко убѣжденные въ

Digitized by Google

невинности Дрейфуса. Таковы были Шереръ-Кестнеръ, Зола, Пикаръ, Жоресъ. Въ ихъ числѣ было и нѣсколько депутатовъ. Такимъ образомъ, немедленно по сформированіи новаго кабинета вопросъ былъ снова поднятъ съ парламентской трибуны. Новый военный министръ Годфруа Кавеньякъ, сынъ знаменитаго диктатора 1848 года генерала Эжена Кавеньяка, держался того же мнѣнія, какъ и его предшественники по министерству, генералы Мерсье и Билье, т. е. раздѣлялъ мнѣніе о виновности Дрейфуса и правильности приговора 1894 года.

Однако, была одна существенная разница въ отношеніяхъ къ дѣлу со стороны Кавеньяка и со стороны его предшественниковъ. Послѣдніе предпочитали отмалчиваться, по возможности зажимая рты тѣмъ, кто хотѣлъ пролить свѣтъ на это темное дѣло. Кавеньякъ же, напротивъ, самъ рѣшилъ пойти на встрѣчу этой потребности въ свѣтѣ и, по возможности, дать его публикѣ и парламенту. Съ трибуны онъ познакомилъ палату и общество съ секретными доказательствами вины осужденнаго. Прочтенные документы были неотразимы: собственноручное письмо германскаго военнаго агента полковника Шварцкоппена къ итальянскому военному агенту прямо упоминало о Дрейфусѣ, какъ объ лицѣ, доставлявшемъ необходимыя секретныя свѣдѣнія. Были прочтены и другіе документы, гдѣ Дрейфусъ по фамиліи не упоминался, но, сопоставленные съ только что названнымъ письмомъ Шварцкоппена, они явно относились къ Дрейфусу и не оставляли никакого сомнѣнія въ его измѣнѣ. Впечатлѣніе рѣчи Кавеньяка было подавляющее и все дѣло казалось уже сданнымъ въ архивъ. Можно было только удивляться, зачѣмъ такъ долго дѣлали изъ всего этого непроницаемую тайну. Такъ легко было разъяснить дѣло и успокоить встревоженное общественное мнѣніе, зачѣмъ же молчали? Отчего нужно было явиться свѣжему человѣку, чтобы сдѣлать этотъ простой, элементарно обязательный шагъ? Вскорѣ, однако, обнаружилось, зачѣмъ и отчего. Вскорѣ всѣ узнали, что молчавшіе имѣли основаніе молчать и что заговорить, дѣйствительно, могъ только свѣжій человѣкъ, мало посвященный въ тайны военной партіи. Кавеньякъ сдѣлалъ во всякомъ случаѣ большую услугу дѣлу справедливости, нарушивъ молчаніе. Онъ прочиталъ съ трибуны секретно перехваченное письмо полковника Шварцкоппена и тѣмъ далъ возможность полковнику Пикару указать, что прочитанное письмо подложное, сфабрикованное въ секретномъ отдѣленіи главнаго штаба. Кавеньякъ лично произвелъ дознаніе по предмету этого заявленія полковника Пикара и заявленіе вполнѣ подтвердилось. Поддѣлка была констатирована и самъ авторъ ея подполковникъ Анри вынужденъ былъ сознаться въ подлогѣ. Посаженный въ тюрьму, онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ прежде, нежели дальнѣйшее слѣдствіе могло выяснить всѣ обстоятельства этого возмутительнаго дѣла.

Digitized by Google

Подлогъ Анри подрывалъ всю доказательность рѣчи Кавеньяка. Остальные документы, если даже не подложные, могли относиться не къ одному Дрейфусу и только въ связи съ подложнымъ письмомъ Шварцкоппена они указывали въ эту сторону. Оставалось затѣмъ все то же пресловутое бордеро, столь раскритикованное экспертизой на дѣлѣ Зола, да неопредѣленные слухи о какихъ-то еще болѣе секретныхъ документахъ, чуть ли не о письмахъ самого германскаго императора! Послѣ обнаруженія подлога Анри и при томъ фактѣ, что на судѣ 1894 года Анри былъ въ числѣ главныхъ свидѣтелей обвиненія, вопросъ о пересмотрѣ становился совсѣмъ на другую почву, нежели раньше. Онъ былъ оффиціально поднятъ прошеніемъ жены Дрейфуса на имя министра юстиціи Сарріена. По французскимъ законамъ инициатива пересмотра приговора, уже вошедшаго въ законную силу, принадлежитъ исключительно министру юстиціи, который принимаетъ свое рѣшеніе послѣ совѣщанія съ особымъ присутствіемъ, состоящимъ изъ трехъ директоровъ департамента министерства юстиціи и трехъ членовъ кассаціоннаго суда. Если это присутствіе и министръ юстиціи признаютъ наличность данныхъ для пересмотра, дѣло передается верховному кассаціонному суду, которому и принадлежитъ право окончательнаго рѣшенія. Такова обыкновенная процедура въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не имѣетъ политическаго значенія. Въ настоящемъ случаѣ дѣло именно пріобрѣло острый политическій характеръ и министръ юстиціи не могъ обойтись безъ совѣщанія со всѣмъ кабинетомъ. Къ этому обязывало министерство и то обстоятельство, что разсматриваемое дѣло уже не разъ было поднимаемо въ парламентѣ. Такимъ образомъ Сарріенъ долженъ былъ прежде всего внести дѣло на разсмотрѣніе совѣта министровъ. Самъ Сарріенъ, повидимому, колебался, смущаемый тѣмъ обстоятельствомъ, что палата уже высказалась противъ пересмотра (по поводу рѣчи Кавеньяка), а также и тѣми опасеніями военнаго pronunciamento, которыя были очень распространены тогда. На поддержку этихъ колебаній министра юстиціи явилось рѣшительное сопротивленіе со стороны военнаго министра. Кавеньякъ продолжалъ вѣрить виновности Дрейфуса и видѣлъ, подобно господствовавшей военной партіи, оскорбленіе арміи въ рѣшеніи о пересмотрѣ. Мы уже говорили выше о совершенной неосновательности такого взгляда, очень пригоднаго для лицъ, виновныхъ въ этомъ темномъ дѣлѣ, но совершенно не нужнаго для арміи. Колебаніямъ Сарріена и сопротивленіямъ Кавеньяка положилъ конецъ министръ-президентъ. Поддержанный Леономъ Буржуа, Бриссонъ высказался за возбужденіе вопроса о пересмотрѣ, причемъ заявилъ рѣшимость взять лично портфель юстиціи, предоставивъ Сарріену свой портфель внутреннихъ дѣлъ. Сарріенъ, однако, не пожелалъ уклониться отъ отвѣтственности по этому дѣлу и принялъ полномочіе министерства возбудить вопросъ о пересмотрѣ. Кавеньякъ вышелъ въ отставку.

Digitized by Google

Нельзя было не поздравить отъ души министерство съ важнымъ рѣшеніемъ, имъ принятымъ. Пересмотръ еще не значитъ оправданіе и лица, которые, какъ Кавеньякъ, продолжаютъ вѣрить виновности осужденнаго, могли бы, кажется, съ довѣріемъ ожидать новаго приговора. Измѣнника не оправдаетъ никакой судъ. Но если пересмотръ отнюдь не есть непремѣнно оправданіе, то это во всякомъ случаѣ полное выясненіе дѣла и совершенное успокоеніе глубоко потрясенной общественной совѣсти. Однако, выясненіе не всѣмъ пріятно и необходимо, и вотъ начинается немедленно совершенно странная исторія, которой полное объясненіе прочтутъ, вѣроятно, только потомки наши, но которой общій характеръ отчасти выясняется и теперь.. На мѣсто Кавеньяка вступаетъ въ кабинетъ генералъ Цурлинденъ (военный губернаторъ Парижа до того времени). Рѣшеніе о возбужденіи пересмотра уже кабинетомъ принято и генералъ, вступая въ министерство, долженъ былъ знать, на что онъ идетъ. Немедленно по реформированіи министерства, Сарріенъ, исполняя принятое рѣшеніе, обращается къ Цурлиндену за передачею изъ военнаго министерства въ министерство юстиціи дѣла Дрейфуса, для направленія дѣла въ законномъ порядкѣ. Цурлинденъ сначала задерживаетъ дѣло для личнаго ознакомленія, а потомъ заявляетъ категорически, что не можетъ согласиться на пересмотръ. Опять собирается совѣтъ министровъ, снова обсуждается уже рѣшенное дѣло и, конечно, снова принимаютъ то же, единственно возможное и единственно достойное рѣшеніе передать сомнительное дѣло на компетентное сужденіе верховнаго суда. Генералъ Цурлинденъ выходитъ въ отставку... Нѣкоторое время министерство остается безъ военнаго министра, а страна наполняется слухами о близкомъ военномъ переворотѣ. Претенденты издаютъ воззваніе; съ ними кто-то таинственно совѣщается; правительство вызываетъ въ Парижъ свѣжія войска, не захваченныя еще штабною агитаціей. Дѣло постепенно налаживается и генералъ Шануанъ занимаетъ кресло военнаго министра, но съ тѣмъ, однако, чтобы (хотя и нѣсколько позже) повторить непослѣдовательность Цурлиндена. Во всякомъ случаѣ, при Шануанѣ дѣло Дрейфуса передано Сарріену, разсмотрѣно въ вышеупомянутомъ особомъ присутствіи и, наконецъ, направлено въ кассаціонный судъ, на которомъ уже нѣтъ министерской власти. Военная партія въ это время отводитъ душу, бросивъ въ тюрьму Пикара и преслѣдуя его по обвиненію въ подлогѣ или пользованіи подложными документами.

Былъ ли военный заговоръ этою осенью въ Парижѣ, въ настоящее время никто (кромѣ бывшихъ министровъ) съ достовѣрностью сказать не можетъ, но что настроеніе довольно вліятельныхъ военныхъ сферъ было очень близко къ заговору, это доказывается тѣмъ довѣріемъ, съ которымъ всѣ отнеслись къ слухамъ о заговорѣ. Нѣтъ дыму безъ пламени, давно сказано неизвѣстнымъ, но несомнѣнно неглупымъ авторомъ.

Digitized by Google

IV.

Таково было положеніе вещей, натянутое и обострившееся до послѣдней степени, когда собрались палаты и разгорячённые сторонники штабной партіи немедленно подняли вопросъ въ парламентѣ. О чемъ однако вопросъ? Дѣло было уже въ рукахъ высшей судебной власти и никакой парламентъ въ мірѣ уже не имѣлъ ни права, ни власти вмѣшиваться въ отправленіе правосудія этимъ верховнымъ судилищемъ государства. Оставалось только ждать авторитетнаго приговора. Тѣмъ не менѣе вопросъ былъ поставленъ, раздавались требованія пріостановить процедуру суда, требованія, нарушавшія и конституцію, и самыя элементарныя условія правильной государственной жизни. Несообразности этихъ дебатовъ достигли апогея, когда генералъ Шануанъ съ трибуны подалъ въ отставку и заявилъ о своей полной несолидарности съ кабинетомъ, котораго онъ состоялъ членомъ и котораго рѣшеніе не оспаривалъ въ его засѣданіяхъ. На минуту палата поняла опасность этой разнузданности и вотировала резолюцію о суверенитетѣ гражданской власти, о субординаціи власти военной. Однако, немедленно послѣ того внесенное предложеніе потребовать отъ правительства энергичнаго преслѣдованія газетныхъ нападокъ на армію было равнымъ образомъ принято палатою, не смотря на заявленіе Сарріена, что онъ неоднократно обращался къ Шануану съ просьбою возбуждать такія преслѣдованія, но тотъ дѣламъ этимъ не давалъ хода. Принятіе этой резолюціи означало какъ бы косвенное порицаніе министерству. Внесена была по этому новая резолюція о выраженіи одобренія кабинету, но резолюція отвергнута и министерство Бриссона вышло въ отставку. Такъ безсильно и безсистемно колебались отъ рѣшенія къ рѣшенію, безъ яснаго сознанія цѣли, поддаваясь то чувству справедливости, то чувству ложно понятаго патріотизма, палата и въ октябрѣ, какъ и въ іюнѣ, показала, что она стоитъ далеко не на высотѣ того сложнаго и отвѣтственнаго положенія вещей, руководить которыми выпало нынѣ на ея долю.

Сформированіе новаго министерства заняло очень много времени. Затрудненія были велики. Надо было совершенно устранить военный элементъ отъ власти, а для этого опереться равнымъ образомъ и всѣ здравомыслящіе элементы и умѣренно республиканской, и радикальной партіи, потому что и въ той и въ другой нашлись шовинистскіе элементы. На долю сенатора Шарля Дюпюи выпала эта трудная задача. Удержавъ въ полной силѣ программу Бриссона, уже одобренную палатою въ іюнѣ, онъ могъ разсчитывать на полную поддержку радикальной партіи. Дѣйствительно, Дальказ, Пейтраль, Виже, Локруа перешли изъ кабинета Бриссона въ кабинетъ Дюпюи. Портфель военнаго министра взялъ Фрейсине; остальные министры, какъ и самъ Дюпюи,—изъ партіи умѣренныхъ.

Digitized by Google

Это коалиціонное министерство едва ли будетъ долговѣчно, но если съумѣетъ благополучно довести до конца дѣло правосудія, возбужденное его предшественниками, и заставитъ его уважать и признавать всѣхъ, нынѣ еще пробующихъ возставать и возмущаться, то оно исполнитъ свою миссію и заслужитъ благодарность страны.

До сихъ поръ мы почти исключительно занимались французскими дѣлами, внутренними и внѣшними. Чтобы уже не возвращаться къ Франціи сегодня, отмѣтимъ еще франко-итальянское экономическое соглашеніе на основахъ взаимнаго признанія правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. Это соглашеніе завершаетъ долгую таможенную и финансовую войну, начатую еще при Криспи и нанесшую итальянцамъ громадные убытки. Можно только привѣтствовать это уничтоженіе еще одного элемента международнаго раздора.

Изъ другихъ событій, волновавшихъ цивилизованный міръ, наиболѣе шума и блеска надѣлало помпезное путешествіе германской императорской четы въ Константинополь и Іерусалимъ. Впервые еще государь христіанской націи явился на берега Босфора гостемъ султана. Политическіе союзы христіанскія государства нерѣдко и прежде заключали съ повелителями правовѣрныхъ, но демонстрріи личной дружбы съ этими повелителями,—это совершенная новость, тѣмъ болѣе знаменательная, что она совпала съ усиліями четырехъ державъ сломить упорство того же султана въ критскомъ дѣлѣ. Упорство было сломлено и критяне получили, наконецъ, давно жданную и давно заслуженную свободу. Послѣ критянъ, однако, ждутъ своей очереди македоняне, армяне и другіе христіанскіе народы оттоманскаго султанства, и въ какой мѣрѣ демонстраціи дружбы Вильгельма II и Абдулъ-Гамида поддержатъ сопротивленіе послѣдняго проведенію давно обѣщанныхъ реформъ, это покажетъ недалекое будущее. Много ли пользы нѣмцамъ принесутъ театральные эффекты въ Стамбулѣ и Дамаскѣ, которыхъ мы были свидѣтелями, трудно сказать съ достовѣрностью, но и теперь уже можно съ увѣренностью предвидѣть, что эти дружественныя демонстраціи принесутъ много горя христіанской райи... И вотъ причина, почему друзья человѣчества во всемъ мірѣ съ грустью и тревогою слѣдили за этою цѣпью поощреній турецкому господству со стороны государя могущественной европейской имперіи.

Повидимому, Вильгельмъ имѣлъ желаніе продолжать эту вереницу неожиданностей и сюрпризовъ и поставить на сцену современной исторіи новую интересную пьесу на Пиринейскомъ полуостровѣ. Однако, пришлось отмѣнить эту постановку. Неотложныя домашнія дѣла призывали германскаго императора въ отечество. И прежде всего, очень щекотливое дѣло съ регентомъ княжества Липпе-Детмольдъ. Когда недавно прекратилась владѣтельная линія этого княжества, права наслѣдованія были предъявлены двумя боковыми

Digitized by Google

линіями, графами Гохбергами и князьями Липпе-Шаумбургъ, близкими родственниками германской императрицы. Вильгельмъ былъ склоненъ отстаивать права своего родственника, но третейскій судья, король Саксоніи, присудилъ княжество Гохбергу, причемъ въ виду малолѣтства главнаго наслѣдника учреждено регентство. Регентомъ является тоже гр. Гохбергъ и въ виду того, что отнынѣ графы Гохберги уже стали законные князья Липпе-Детмольдъ, онъ требуетъ для всего княжескаго семейства отдачи почестей, какъ владѣтельнымъ особамъ. Прусскія войска, расположенныя въ княжествѣ, въ этомъ отказываютъ. На жалобу императору регентъ получилъ отвѣтъ, что его генералы дѣйствуютъ правильно. Затѣмъ императоръ уѣхалъ въ Палестину. Между тѣмъ, въ архивѣ княжества обнаружилась пропажа нѣкоторыхъ документовъ, очень интересныхъ для соперничающихъ Липпе-Шаумбургъ. Прусскій чиновникъ, служившій въ архивѣ, былъ заподозрѣнъ въ этой кражѣ и посаженъ въ тюрьму, обвиняемый въ государственной измѣнѣ. Независимо отъ этого регентъ редижировалъ циркуляръ всѣмъ владѣтельнымъ государямъ германскаго союза, указывая на нарушеніе императоромъ конституціи и требуя возстановленія попранныхъ своихъ правъ. Союзный совѣтъ долженъ будетъ заняться этимъ щекотливымъ дѣломъ и присутствіе Вильгельма, конечно, болѣе, чѣмъ полезно, въ Берлинѣ.

И другое щекотливое дѣло придется улаживать Вильгельму въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ отъѣзда на востокъ германскаго императора была примѣнена въ обширномъ размѣрѣ обычная бисмарковская мѣра о высылкѣ изъ Германіи иностранцевъ исключительно за то, что они иностранцы. Это дѣлается обыкновенно въ пограничныхъ мѣстностяхъ, со смѣшаннымъ населеніемъ. Такъ и теперь упомянутая мѣра была въ обширномъ размѣрѣ примѣнена къ сѣверному Шлезвигу, откуда внезапно было выслано нѣсколько тысячъ датчанъ, и къ верхней Силезіи, гдѣ остракизмъ палъ на долю австрійскихъ славянъ и евреевъ. Датчане, конечно, должны молчать и безъ протеста терпѣть этотъ произволъ, но въ Австріи нѣсколько обидѣлись и теперь предстоитъ это дѣло такъ или иначе уладить.

С. Южаковъ.

Digitized by Google

Знаменитость конца вѣка.

(Этюдъ).

«Конецъ вѣка», въ ряду другихъ характерныхъ явленій, обогащаетъ насъ еще новымъ родомъ знаменитостей. Мы знали знаменитыхъ государственныхъ людей, полководцевъ, ораторовъ, писателей, художниковъ, артистовъ, врачей, строителей, путешественниковъ, воздухоплавателей, наконецъ знаменитыхъ укротителей звѣрей или антрепренеровъ, въ родѣ знаменитѣйшаго американскаго Барнума. Теперь у насъ есть еще знаменитые—негодяи.

Вы скажете, пожалуй, что это было всегда. Публика всегда любила такъ называемыя causes célebres. Пранцини, убійца, былъ тоже своего рода знаменитостію, какъ и Джекъ-потрошитель, какъ Тропманъ, казнь котораго такъ превосходно описана Тургеневымъ. Это вѣрно, но было это по иному. Говорили, напримѣръ, что какой-то англичанинъ заплатилъ большія деньги палачу за кусокъ кожи казненнаго Пранцини. Онъ заказалъ изъ нея портсигаръ и, угощая пріятелей дорогой сигарой, навѣрное прибавлялъ съ самодовольствомъ истаго коллектора: «обратите вниманіе на этотъ портсигаръ, сэръ. Онъ сдѣланъ изъ кожи знаменитаго Пранцини». Согласитесь, что Пранцини заплатилъ, пожалуй, дороговато за свою популярность.

Можно сказать съ увѣренностію, что и Пранцини, и Тропманъ, и Джекъ-потрошитель тщательно избѣгали личной извѣстности. Это были дѣятельные негодяи, но знаменитости чисто пассивныя. Современная же Франція являетъ намъ примѣры знаменитостей подобнаго же рода, которыя пользуются своей славой еще при жизни, дѣлаютъ изъ своего негодяйства нѣчто вродѣ соціальнаго фактора. Они сами угощаютъ сигарами многочисленныхъ почетныхъ посѣтителей. И послѣдніе, вмѣсто того, чтобы закурить такую сигару, тщательно завертываютъ ее въ бумажку и потомъ хвастаютъ передъ другими любителями коллекцій: «Обратите вниманіе: этой сигарой такого-то числа и года, въ такомъ-то часу угостилъ меня знаменитый панамистъ Артонъ, или не менѣе знаменитый Герцъ, или, наконецъ, затмившій нынѣ всѣхъ своею знаменитостью Эстергази».

Вы, конечно, помните: Артонъ былъ воръ и посредникъ воровства въ дѣлѣ Панамы. Герцъ былъ тоже воръ, украшенный орденомъ почетнаго легіона, pauvre diable или дѣйствительно главная пружина этого грязнаго дѣла, а Эстергази..: ну, Эстергази-то знаменитость самаго послѣдняго дня. Насколько эта интересная личность успѣла выясниться до сихъ поръ.,—онъ мотъ, прожигатель жизни, мелкій мошенникъ, обокравшій родственниковъ, фальсифи-

Digitized by Google

каторъ, изъ корысти поддѣлавшій массу документовъ, интриганъ изъ бульварнаго романа, придумывающій или только выполняющій сложныя интриги съ переодѣваніями и подлогами, лжесвидѣтель, содѣйствовавшій обвиненію людей завѣдомо невинныхъ, наконецъ—продажный субъектъ, готовый теперь за хорошія деньги предать недавнихъ нанимателей... И притомъ—кавалеръ французскаго ордена почетнаго легіона, которому герцогъ Орлеанскій еще недавно считалъ за честь публично пожимать руку.

II.

Вотъ новая знаменитость конца нашего вѣка! Изъ его кожи никто не сдѣлаетъ портсигара, какъ сдѣлалъ англійскій варваръ изъ кожи злополучнаго Пранцини. Даже напротивъ,—посмотрите: онъ носитъ орденъ почетнаго легіона, изъ котораго давно исключенъ Зола, пытавшійся разоблачить его продѣлки. Дрейфусъ, теперь завѣдомо для всего міра осужденный на основаніи подлоговъ Эстергази—продолжаетъ томиться на Чортовомъ островѣ. Зола, знаменитѣйшій изъ писателей Европы, скрывается невѣдомо гдѣ, а его вещи продаются съ аукціона за то, что онъ старался разоблачить продѣлки Эстергази и ошибку «графологовъ», которая теперь уже ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія... Пикаръ, первымъ пытавшійся раскрыть теперь доказанные подлоги—заперъ въ военной тюрьмѣ Cherche-midi и въ то время, какъ я пишу эти строки, ему еще не разрѣшено видѣться даже со своимъ защитникомъ. Правда, по послѣднимъ извѣстіямъ, его «дѣло» принимаетъ сравнительно благопріятный оборотъ. Теперь дѣло идетъ лишь о томъ, не пользовался ли Пикаръ поддѣльнымъ petit-bleu, чтобы вредить... г-ну Эстергази! А г. Эстергази въ это самое время разъѣзжаетъ по европейскимъ столицамъ, куритъ дорогія сигары, угощаетъ ими любителей коллекцій, отбивается отъ тучи назойливыхъ репортеровъ, съ жадностію ловящихъ каждое его словечко,—какъ будто это сказочная принцесса, при каждомъ словѣ которой съ румяныхъ устъ падаютъ на землю розы или, еще лучше,—червонцы. О, нѣтъ, изъ его кожи никто не сдѣлаетъ портсигара! Онъ самъ теперь торгуется, чтобы подороже продать исторію своего негодяйства, которое является настоящимъ сокровищемъ.

— Вы желаете узнать, какъ мы поддѣлали такой-то документъ? Г-нъ... Но вѣдь это, monsieur, будетъ стоить не дешево.

— Ахъ, сэръ,—отвѣчаетъ англійскій издатель,—мы не стоимъ за деньгами... Если бы, вдобавокъ, вамъ угодно было почтить насъ еще разсказомъ о томъ, какъ вамъ удалось свалить все это на Пикара...

— Можетъ быть, можетъ быть... Я еще посмотрю.

— Посмотрите, сэръ... Мы будемъ надѣяться...

Онъ посмотритъ. Одинъ разъ онъ уже сдѣлалъ ошибку. Еще

Digitized by Google

неопытный въ такого рода сдѣлкахъ, онъ продешевилъ одинъ изъ своихъ секретовъ и отдалъ его газетѣ Observer. И вотъ, знаменитый Эстергази сидитъ въ office'ѣ одного изъ лондонскихъ адвокатовъ и совѣщается, какъ поправить дѣло... Биржевая стоимость его негодяйства быстро подымается и сдѣлка съ Observer'омъ теперь для него чистое разореніе.

— Вы дали какія нибудь документальныя обязательства, сэръ?— спрашиваетъ адвокатъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Никакихъ. Я имѣлъ лишь неосторожность подѣлиться кое-какими свѣдѣніями... устно... разумѣется, тогда я не зналъ еще настоящей цѣны...

— О, это ни къ чему не обязываетъ. Законы этой страны на вашей сторонѣ, сэръ!

И дѣйствительно, въ извѣстный часъ, точный и строгій, застегнутый на всѣ пуговицы, англійскій юристъ является въ редакцію англійской газеты, чтобы защищать интересы французскаго негодяя.

— Мой знаменитый кліентъ,—начинаетъ онъ сухо, но все таки съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости... И затѣмъ газета, хотя и съ большой досадой, вынуждена прекратить печатаніе своихъ разоблаченій, Эстергази получаетъ обратно свое драгоцѣнное негодяйство и опять выноситъ его на рынокъ. Торговля открыта! Кто дастъ больше? Опять около квартиры Эстергази, кажется на Charing-cross'ѣ, устраиваются дежурства репортеровъ, и знаменитый нѣкогда Веллингтонъ съ завистію смотритъ съ вышины своей колонны на знаменитаго нынѣ Эстергази. По временамъ къ подъѣзду подкатываютъ щегольскіе кэбы, и респектабельные джентльмены, съ туго набитыми бумажниками въ карманахъ, подымаются по лѣстницѣ въ квартиру Эстергази, кавалера ордена французскаго почетнаго легіона, продающаго свое негодяйство оптомъ и въ розницу. На этотъ разъ, однако, онъ величаво сдержанъ. Онъ ждетъ. Онъ знаетъ, что у него будутъ покупать его слова, и еще болѣе—его молчаніе... Для этого онъ и бѣжалъ изъ Франціи за границу. Ему приходилось плохо. Дѣло разоблачалось, Анри уже заплатилъ жизнію за свою ревность, личная репутація Эстергази погибла, недавніе друзья уже не въ силахъ были поддерживать это «блестящее реноме».—Если меня исключатъ изъ арміи,—говоритъ онъ своему «пріятелю» Стронгу,—мнѣ остается только пуля.

— О нѣтъ,—отвѣчаетъ опытный газетчикъ.—Вамъ остается еще... знаменитость и богатство...

И вотъ, какъ нѣкогда Мадзини, Викторъ Гюго и другіе «шаблонные герои» устарѣвшей европейской исторіи,—г. Эстергази переправляется тайно черезъ границу... Судьба, а можетъ быть и еще кто нибудь, оберегаетъ конспиративный побѣгъ: поѣздъ везетъ великаго Эстергази и его счастіе.

И вотъ онъ—въ Лондонѣ. Онъ привезъ съ собой нѣчто такое, изъ за чего вступаютъ въ конкурренцію издатели нѣсколькихъ сто-

Digitized by Google

лицъ. По самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, «разоблаченія» Эстергази появятся одновременно въ Лондонѣ и Парижѣ. «*Agence National*» сообщаетъ, что между французскимъ и англійскимъ издателями мемуаровъ майора Эстергази послѣдовало соглашеніе... По свѣдѣніямъ Agence первая рукопись Эстергази будетъ получена на дняхъ парижскимъ издателемъ... Парижскій издатель monsieur Файаръ не безъ гордости подтверждаетъ это извѣстіе. Дѣйствительно, пишетъ онъ въ *Temps*, «между г. Эстергази и мною уже состоялось соглашеніе. Майоръ уже приступилъ къ редактированію статей, которыя появятся у насъ въ формѣ брошюры... Г. Эстергази пишетъ два разсказа (!): одинъ для насъ, другой, который не есть переводъ и разнится отъ перваго,—для своего лондонскаго издателя». Да, таковы «послѣднія извѣстія о произведеніи новаго знаменитаго писателя» *). Скоро мы услышимъ, быть можетъ, что къ упомянутымъ двумъ столицамъ присоединяется еще Берлинъ, Вѣна, Римъ, Петербургъ... Можетъ быть даже злополучный Мадридъ забудетъ на время несчастія своей страны и позоръ своихъ пораженій и тоже примкнетъ къ всемірной аудиторіи знаменитѣйшаго изъ негодяевъ «конца вѣка». И когда такимъ образомъ весь міръ насторожится вокругъ г. Эстергази, онъ, наконецъ, заговоритъ съ полнымъ сознаніемъ своего мірового значенія.

— Итакъ, милостивыя государыни и милостивые государи,—я начну съ исторіи нашего перваго подлога. Слушайте!..

И въ тотъ день, когда это блестящее начало, при посредствѣ телеграфа и печатнаго станка, появится въ видѣ черныхъ буквъ на бѣлой бумагѣ,—во всѣхъ столицахъ міра произойдетъ одновременно замѣтное движеніе, какъ будто у знаменитаго негодяя въ рукахъ собраны струны отъ милліоновъ человѣческихъ сердецъ...

Неправда ли—это явленіе уже совершенно новое, настоящее знаменіе «конца вѣка»...

III.

Да, это уже не Тропманы и не Пранцини, изъ кожи которыхъ любители-варвары выкраивали портсигары. Тѣ сами платились за свою знаменитость, а за знаменитость Эстергази платятъ издатели расплачивается,—и какой дорогой цѣной!—все общество...

Я говорю, разумѣется, не о тѣхъ фунтахъ-стерлинговъ, которые г. Эстергази положитъ въ карманъ, въ окончательномъ итогѣ своей сдѣлки на негодяйствѣ. И вообще, я говорю не о деньгахъ. Не помню, кто сказалъ первый, что сущность того воздѣйствія, которое литература оказываетъ на общество, сводится къ внушенію. Во всякомъ случаѣ, это мысль, не подлежащая теперь спору, и относится она не къ одному лишь роману, и не къ одной

*) Заимствую изъ нашего русскаго «Книжнаго Вѣстника».

Digitized by Google

лишь прямой проповѣди. То, что мы называемъ «прессой» въ самомъ общемъ значеніи этого слова, играетъ ту же роль. Le roman est un miroir qu'on promène le long d'un chemin,—сказалъ кто-то. Но вся пресса заслуживаетъ это сравненіе въ гораздо большей степени. Огромное зеркало стоитъ у огромной всемірной дороги, выхватывая порой изъ дорожнаго движенія фигуры и эпизоды, по драматизму и по впечатлѣнію, оказываемому на зрителей, превосходящіе всякій романическій вымыселъ. Какихъ только «знаменитостей» не отражало оно за время своего существованія! И вотъ теперь на поверхности мірового зеркала появилась и привлекаетъ всѣ взоры фигура знаменитаго г. Эстергази, который готовится разсказать міру о своихъ подвигахъ...

Съ этой точки зрѣнія, право, даже трудно оцѣнить вліяніе этихъ фигуръ, невольно приковывающихъ къ себѣ вниманіе и незамѣтно дѣйствующихъ на воображеніе милліоновъ людей. Одно время это воображеніе невольно и стихійно влеклось за таинственной траекторіей ловкаго панамиста и бѣглеца Артона, мелькавшаго то въ Алжирѣ, то въ Лондонѣ, то на бульварѣ Вѣны, то чуть не на вершинѣ Чимборасо. Но все-таки это былъ хоть бѣглецъ! Съ тѣхъ поръ явленіе, которое я пытаюсь анализировать,—сдѣлало еще шагъ по пути своей эволюціи и, въ лицѣ Эстергази, комфортабельно устроившись въ Лондонѣ, даритъ насъ своими откровеніями. Право, не будетъ ничего удивительнаго, если вскорѣ на вопросъ къ какому нибудь юношѣ: «чѣмъ ты хотѣлъ бы быть, милый «мальчикъ»,—мы получимъ отвѣтъ:

— Я хотѣлъ бы быть знаменитымъ негодяемъ, вродѣ Эстергази. Это такъ интересно!

И вѣдь въ самомъ дѣлѣ заманчиво: въ извѣстный день и часъ негодяй скажетъ свое негодяйское «откровеніе» — и всѣ столицы внезапно вздрогнутъ отъ любопытства. И только Дрейфусъ на Чортовомъ островѣ, да Пикаръ въ кельѣ Cherche-midi не будутъ читать великаго произведенія, потому что къ тому времени они все еще будутъ въ рукахъ людей, въ пользу которыхъ Эстергази совершалъ свои подлоги,—о чемъ онъ благоволитъ, быть можетъ, разсказать въ своихъ «разоблаченіяхъ». Ну, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, придумать «романъ» невѣроятнѣе и романичнѣе этой ситуаціи, реально разыгрывающейся передъ глазами всей Европы?

IV.

Кто виноватъ? Начнемъ съ той публики, которая будетъ тѣсниться у кіосковъ, когда появится «исторія» великаго Эстергази. Виновата ли она? Едва ли, даже навѣрное нѣтъ. Въ худшемъ случаѣ это люди, которые, отправляясь въ должность или на свою дневную работу, пожелаютъ изъ утренняго номера газеты или изъ только что отпечатанной брошюры узнать свѣжую новость. Любопытство,

Digitized by Google

быть можетъ, праздное, но совершенно невинное. Въ лучшемъ же случаѣ, и это навѣрное у большинства—среди сложной амальгамы душевныхъ движеній шевелится также человѣческое участіе, интересъ къ правдѣ, желаніе разъяснить себѣ истину въ сложномъ дѣлѣ, наконецъ, хоть у немногихъ — это будетъ интересъ къ вопросу права и справедливости. Нѣтъ, право, никто изъ насъ, изъ тѣхъ, которые будемъ тѣсниться въ тотъ день у кіосковъ—не виноватъ.

Мосье Файаръ, продавцы, издатели, вообще пресса? Да, французская пресса вылила теперь въ умы и въ души европейскаго читателя цѣлый потокъ невообразимаго изувѣрства и грязи. Вотъ что, напримѣръ, написалъ, напечаталъ, распространилъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ Рошфоръ, послѣ того, какъ кассаціонный судъ высказался за пересмотръ дѣла Дрейфуса. «Какому наказанію народъ долженъ подвергнуть этихъ измѣнниковъ»? — спрашиваетъ французскій «патріотъ», обращаясь къ толпѣ такихъ же фанатизированныхъ «патріотовъ». Гильотинѣ? Это слишкомъ мягко. Сжечь живьемъ? Это не ново . . . . . .

Вотъ для чего эти господа употребляютъ теперь изобрѣтеніе Гутенберга и, конечно, если когда, то именно теперь можно бы усомниться въ пользѣ этого изобрѣтенія. Однако—достаточно вспомнить, что никто не обрадовался бы отсутствію гласности въ этомъ дѣлѣ болѣе самого Эстергази и его вдохновителей, — чтобы излѣчиться отъ этого пессимизма. Да, много грязи вылила въ наши умы французская пресса; но только пресса же способна бороться съ этимъ потокомъ. Благодаря ей, въ дѣлѣ Дрейфуса, какъ и въ Панамѣ, истинѣ удалось пробиться съ такой силой, что уже ничѣмъ нельзя ее ни заглушить, ни уничтожить. Нѣтъ, пресса все-таки въ среднемъ только сдѣлала свое дѣло, открыла кратеръ для этого внутренняго изверженія...

Гонзъ, Пати-дю Кламъ, наконецъ—самъ Эстергази? Объ этомъ смѣшно говорить. Что, въ сущности, значитъ эта ничтожная, хотя и типично-негодяйская фигура? Если даже Наполеоны не сами создавали свою эпоху, а являлись лишь верхушкой исторической волны, которая ихъ выносила на своемъ гребнѣ, то что же говорить объ этихъ дю-Кламахъ и Эстергази. Правда, нужно быть искуснымъ пловцомъ, чтобы держаться на верхушкѣ бурной волны, и десятки Наполеоновъ погибли, прежде чѣмъ одинъ достигъ вершины. Значитъ, нужно быть и негодяемъ не вполнѣ уже заурядными, чтобы вписать свое имя въ скрижали исторіи. Но все же самая волна, которая поднялась во Франціи такъ высоко, что великолѣпная фигура стала видна всему міру—создала господина Эстергази, а не создана послѣднимъ.

Значитъ, Франція?

Франція — это удивительная страна, изъ которой въ послѣднее столѣтіе исходили всѣ ожиданія и всѣ разочарованія мыслящей Европы. Она то вызывала расцвѣтъ самыхъ восторженныхъ на-

Digitized by Google

дождъ, то опять разливала въ умахъ реакцію и безнадежность. Теперь много говорятъ о реакціи противъ парламентаризма. Но въ Англіи, родинѣ чистаго парламентаризма, онъ дѣйствуетъ совершенно нормально. Это именно Франція даетъ болѣе всего матеріала для указанной реакціи. Она явила намъ примѣръ «республиканскихъ добродѣтелей» въ дѣлѣ Панамы. Теперь она заставляетъ многихъ усомниться въ пользѣ свободнаго слова, выкапывающаго и разливающаго въ массы изувѣрское настроеніе самыхъ мрачныхъ періодовъ среднихъ вѣковъ. И если когда, то именно теперь, вмѣстѣ съ нашимъ поэтомъ, намъ

...Хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!

Однако, будетъ ли справедливо, если мы успокоимся на признаніи вины за Франціей? Эта страна всегда была только пробной лабораторіей Европы, и если въ 1797, въ 1830, въ 1848 годахъ въ ней слышались первые взрывы, то развѣ остальныя страны не были переполнены тѣмъ же газомъ? Всегда Европа обращала свои глаза къ пробной лабораторіи, и если, по окончаніи многихъ опытовъ, въ ней разливалось унынie и разочарованіе, то развѣ мало препаратовъ, которые все-таки вошли въ общее употребленіе... Теперь мы видимъ въ лабораторіи новую работу: она даетъ намъ экстрактъ буржуазно-политическаго строя въ видѣ Панамы, и конденсированнаго милитаризма—въ дѣлѣ Дрейфуса-Эстергази. Правда, это яды, острый запахъ которыхъ отравляетъ дыханіе. Правда, въ результатѣ этого эксперимента—невидимыя нити общеевропейскаго вниманія оказались въ рукахъ господъ Эстергази, которые являются до извѣстной степени «властителями нашихъ думъ»... Но все же, намъ, можетъ быть, слѣдуетъ благодарить гг. французовъ за «чистоту» ихъ работы и за необыкновенную характерность ихъ препаратовъ.

V.

Не заставятъ ли они и насъ оглянуться немного на себя. Если бы я былъ французомъ и слышалъ осужденіе своей родины остальными европейцами, я бы сказалъ: «ну, хорошо. У насъ произошло все это, потому что мы воспитали цѣлое поколѣніе ядовитымъ хлѣбомъ реванша»! Но посмотрите, однако, сколько у васъ самихъ было и есть защитниковъ и Эстергази, и Анри, и Дрюмона, и Рошфора. И если мы бьемся въ этомъ вязкомъ болотѣ, въ которое насъ втянули запутанные реальные интересы и интриги,—то изъ-за чего ваши Дрюмоны и ваши Рошфоры, послѣ того, какъ истина уже разоблачена, продолжаютъ кричать: «долой разоблачителей; держите «жида» на Чортовомъ островѣ». Что имъ Гекуба, что они Гекубѣ?

И въ самомъ дѣлѣ: откуда это удивительное явленіе? У Лесажа, въ исторіи Жиль-Блаза де-Сантильяна разсказанъ такой эпизодъ: легкомысленный герой натыкается въ тѣсной улицѣ на свалку, въ

Digitized by Google

которой одинъ защищается противъ пятерыхъ. Онъ не знаетъ ни этихъ пятерыхъ, ни этого одного, однако, видя, что разспрашивать уже некогда, тотчасъ же обнажаетъ свою шпагу и становится на сторону одного... И мы всѣ невольно, инстинктивно, по чувству, которое врождено въ человѣческомъ сердцѣ, отдаемъ свои симпатіи этому молодому человѣку, далеко не всегда заслуживавшему монтіоновской преміи. Мы чувствуемъ, что, по большей части, когда слишкомъ ужъ сильная сторона злоупотребляетъ своимъ перевѣсомъ,—правда должна быть на сторонѣ слабѣйшаго. А такъ какъ, вдобавокъ, вмѣшательство одного противъ пятерыхъ требуетъ героизма и явно невыгодно для Жиль-Блаза, то понятно, почему мы съ невольнымъ сочувствіемъ будемъ слѣдить за его участію... Это здоровый инстинктъ человѣчества, который, надо надѣяться, останется въ немъ и въ двадцатомъ и въ двухсотомъ вѣкѣ...

Не то же ли самое происходило на нашихъ глазахъ во Франціи? Виновенъ или невиновенъ Дрейфусъ? Почемъ намъ было знать это? Но мы слышимъ, что кучка частныхъ людей, въ томъ числѣ знаменитый писатель, выступаютъ противъ господствующей партіи и,—что еще опаснѣе,—противъ господствующей *страсти* своего народа. Они утверждаютъ, что человѣкъ осужденъ невинно и ужъ во всякомъ случаѣ неправильно, что на судѣ нарушены первыя, необходимѣйшія условія всякаго правосудія. И никто, ни одинъ изъ участниковъ не посмѣлъ сказать, что это неправда, что судьямъ не были предъявлены документы, неизвѣстные защитѣ (и впослѣдствіи оказавшіеся поддѣльными). Начинается борьба, еще, кажется, невиданная въ исторіи: кучка частныхъ людей и ничтожное меньшинство прессы борются съ нѣсколькими министерствами, съ штабомъ, въ рукахъ котораго огромная сила, съ ослѣпленіемъ всего народа: ихъ гонятъ, ихъ заплевываютъ (даже молодежь!), имъ закрываютъ уста, имъ грозятъ смертью, для нихъ изобрѣтаютъ невиданныя казни... Зола вынужденъ бѣжать, Пикаръ во власти своихъ личныхъ враговъ, а мы... мы, стоящіе вдали и ужъ во всякомъ случаѣ не связанные никакими реальными интересами,—становимся на сторону пятерыхъ противъ одного,—нѣтъ, даже на сторону пяти тысячъ—противъ одного... Мы защищаемъ Эстергази, мы защищаемъ Пати-дю-Клама, мы защищаемъ Анри и черезъ всю Европу присоединяемъ свои голоса къ крикамъ страсти и изувѣрства, раздающимся на парижскихъ улицахъ и бульварахъ противъ людей, стоящихъ за несомнѣнное право.

Отчего это? Или въ самомъ дѣлѣ человѣчество разочаровалось въ героизмѣ и въ шаблонной добродѣтели, и его разочарованный взглядъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ теперь на типично негодяйскихъ фигурахъ господъ Эстергази? Конечно, нѣтъ... Дѣло совсѣмъ не въ этомъ; дѣло просто въ ослѣпленіи, дѣло въ родственныхъ настроеніяхъ, дѣло въ общихъ формулахъ, называемыхъ, по старому, «идеями» и «принципами».

Digitized by Google

Истина всегда была и всегда будетъ великою силой; съ нею даже за ничтожнымъ меньшинствомъ обезпечена, рано или поздно, нравственная побѣда. Но истину надо угадать, надо почуять ее сердцемъ и постигнуть умомъ. А для этого нуженъ вѣрный компасъ, указывающій ея направленіе... Этотъ компасъ мы и называемъ чутьемъ правды.

Онъ, очевидно, былъ у такъ называемыхъ «дрейфусаровъ», и посмотрите результаты: въ то время, какъ Зола, оплеванный, исключенный съ позоромъ изъ ордена, который въ то время украшалъ еще грудь Эстергази,—спасается бѣгствомъ изъ своего отечества, когда Пикаръ удаленъ отъ всего міра въ тюрьму Cherche-midi, когда всѣ матеріальные аттрибуты успѣха на сторонѣ торжествующаго большинства,—надъ поддѣлывателемъ Анри истина уже произнесла свой приговоръ, и для всей торжествующей партіи уже готово страшное, нравственное пораженіе, которое теперь не отвратятъ никакіе формальные приговоры никакихъ въ мірѣ судовъ. Анри сознался въ подлогахъ и умеръ таинственнымъ образомъ, Пати дю-Кламъ скрывается неизвѣстно гдѣ, не будучи даже осужденнымъ, какъ Зола, Эстергази готовится, за хорошія деньги, снять маски не только съ себя, но и съ другихъ. Теперь оглянитесь назадъ: сколько на столбцахъ газетъ (въ томъ числѣ и нашихъ) расточалось похвалъ этимъ господамъ и ихъ покровителямъ? Теперь все это остается историческимъ свидѣтельствомъ рокового ослѣпленія и полнаго отсутствія того, что называется «чутьемъ правды».

Откуда же все это, гдѣ его источники? Прислушайтесь къ этимъ крикамъ и, вмѣсто аргументовъ, вы услышите одно: «Дрейфусъ-жидъ». Въ этомъ все дѣло, отсюда, какъ изъ источника, вытекаетъ все остальное, это слово объединило людей на противоположныхъ концахъ Европы... Не очевидно ли, что ядъ, которымъ такъ густо насыщена теперь атмосфера Франціи, отравляетъ воздухъ и другихъ странъ, мѣшая «чувствовать правду»? И вотъ почему нити отъ нашихъ сердецъ очутились въ рукахъ знаменитаго писателя Эстергази, вотъ почему къ крикамъ французскихъ Деруледовъ, Дрюмоновъ и Рошфоровъ присоединяются такіе сочувственные отклики изъ другихъ странъ: «ненужно раскрывать истину, держите «жида» на Чортовомъ островѣ»... И вотъ почему, наконецъ, мы еще разъ обязаны благодарностію Франціи за «образцовые препараты», которые она изготовила въ своей общественно политической лабораторіи.

Это съ одной стороны. А съ другой—эта безпримѣрная борьба кучки частныхъ лицъ противъ отравленной совѣсти всего народа эта, теперь уже несомнѣнная побѣда ничтожной группы надъ нѣсколькими министерствами, надъ парламентомъ, надъ общественнымъ мнѣніемъ цѣлой страны, — не есть ли это еще одинъ препаратъ, который Франція опять приготовила въ назиданіе старой Европѣ наряду съ другими. И, вмѣсто того, чтобы по

Digitized by Google

добно фарисею, возводить очи горѣ и благодарить Бога за то; что не сдѣлалъ насъ, «какъ эти французы»,—Европѣ слѣдуетъ подумать: въ подобныхъ же обстоятельствахъ—найдутся ли всюду свои Зола, Кестнеры и Пикары? Найдется ли на ряду съ изувѣрской прессой — пресса, которая сумѣетъ воспользоваться свободой такъ, какъ ею воспользовалась часть французской печати?

А пока—послушаемъ всетаки, что намъ скажетъ г. Эстергази, знаменитѣйшій изъ негодяевъ «конца вѣка» (если только ему, дѣйствительно, лучше заплатили за его слова, чѣмъ за молчаніе)... Потому что,—такова уже сила «шаблонной истины», что ей служатъ въ концѣ-концовъ даже гг. Эстергази...

В. К.

Хроника внутренней жизни.

Студенческая нужда и юбилей общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета.—Къ характеристикѣ нашего купечества.—Чумная комиссія и санитарное положеніе Поволжья. — Эпизоды уѣздныхъ земскихъ собраній.

Періодъ студенчества считается счастливѣйшимъ періодомъ жизни. Освободившись отъ школьной ферулы, юноша испытываетъ обаяніе дѣйствительной науки, трудъ его пока безкорыстенъ, жизнь не тяготитъ его бременемъ обязательствъ и не окружила его еще своей пошлостью. Это время первыхъ сильныхъ увлеченій, горячаго энтузіазма, большихъ надеждъ, первой любви... Счастливое, скажете вы, время! А на самомъ дѣлѣ для большинства нашей студенческой молодежи это — время тяжелыхъ лишеній и нужды, омрачающихъ свѣтлыя радости этого непереживаемаго момента жизни и отнимающихъ не мало силъ, столь нужныхъ будущему. И нерѣдко нужда эта становится препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію университетскаго курса, препятствіемъ, о которое разбиваются, если только не придетъ откуда либо помощь, надежды семьи и собственное терпѣливое и настойчивое стремленіе овладѣть высшимъ знаніемъ, необходимымъ для полезной общественной работы.

Матеріальная необезпеченность большинства молодежи, учащейся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, явленіе повсемѣстно наблюдаемое какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ. Но въ столицахъ студенческая нужда не такъ ярко выступаетъ на глаза, объ истинныхъ размѣрахъ ея имѣютъ представленіе лишь тѣ, кто ближе стоитъ къ интересамъ студенчества, для остальной же публики она скрадывается условіями

Digitized by Google

жизни учащихся, притомъ большею частью пріѣзжихъ издалека и разсѣянныхъ въ большомъ и многолюдномъ городѣ. Въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ условія быта студенчества виднѣе, потому что оно составляетъ тамъ болѣе замѣтную, по крайней мѣрѣ относительно, часть городского населенія. А какъ велика степень необезпеченности учащихся въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ, о томъ даютъ понятіе цифры, приведенныя въ газ. «Сиб. Жизнь», и характеризующія нужду томскаго студенчества. Таблица процентнаго отношенія числа необезпеченныхъ студентовъ къ общему числу ихъ, основанная на оффиціальныхъ данныхъ, показываетъ, что за первыя 6 лѣтъ существованія университета процентъ необезпеченныхъ равнялся въ среднемъ 72%, поднимаясь въ нѣкоторые годы до 81% (1892 — 93) и обнаруживая скорѣе склонность къ возрастанію, чѣмъ къ пониженію. Естественно, что при ограниченности средствъ мѣстнаго общества вспомоществованія студентамъ, при слабомъ спросѣ въ Томскѣ на тѣ формы интеллигентнаго труда (репетиторство, переписка и проч.), которыя обычно поддерживаютъ нуждающееся студенчество крупныхъ университетскихъ центровъ, бывали случаи, когда томскимъ студентамъ приходилось даже идти въ поденщики, въ дворники, заниматься какимъ либо мастерствамъ, и т. п., какъ о томъ и сообщалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ газетахъ. Конечно, это не можетъ не отражаться на ихъ прямыхъ занятіяхъ, на ихъ будущей дѣятельности, не можетъ не стоять въ противорѣчіи съ тѣми надеждами, которыя возлагаются на питомцевъ перваго сибирскаго университета. Не далѣе, какъ 22 октября томскій университетъ съ большой торжественностью и искреннимъ одушевленіемъ отпраздновалъ свою десятую годовщину и вмѣстѣ съ тѣмъ открытіе при немъ юридическаго факультета. На актѣ деканъ вновь открытаго факультета профессоръ Табашниковъ говорилъ, между прочимъ, въ своемъ привѣтствіи первымъ студентамъ-юристамъ.

«Вамъ, студенты юридическаго факультета, выпалъ счастливый жребій быть піонерами, подобно христіанскимъ миссіонерамъ, сѣять добрыя сѣмена не только въ крупныхъ городахъ и центрахъ, но и въ отдаленныхъ уголкахъ обширной Сибири; и словомъ и дѣломъ вамъ предстоитъ пріучить заброшеннаго сибиряка къ уваженію чужой личности и интересовъ».

Все это такъ, но надо же обратить вниманіе и на то, чтобы люди, являющіеся надеждою края, могли посвятить свои силы подготовкѣ къ выполненію столь трудной и благородной миссіи, не озабочиваясь въ теченіе какихъ либо 4—5 лѣтъ вопросомъ едва ли не о кускѣ насущнаго хлѣба.

Одною изъ помѣхъ къ безпрепятственному прохожденію университетскаго курса является высокій уровень платы за слушаніе лекцій профессорскаго гонорора и платы въ пользу университета. Размѣръ платы, по признанію комитета общества вспомоществованія

Digitized by Google

студентамъ с.-петербургскаго университета, непосиленъ не только для наиболѣе нуждающихся студентовъ, но и для многихъ, имѣющихъ средній достатокъ, въ случаѣ же невнесенія платы студенту угрожаетъ исключеніе изъ университета, безъ зачета прослушаннаго полугодія. И вотъ, не смотря на то, что с.-петербургскій университетъ, имѣетъ не мало стипендіатовъ, и многихъ по тѣмъ или другимъ основаніямъ освобождаетъ отъ платы, обществу большую часть своихъ средствъ приходится тратить на взносъ платы за слушаніе лекцій студентами. Въ 1896—97 учебномъ году на взносъ платы за право ученія израсходовано обществомъ свыше 15½ тыс. рублей. Обычной исторіей во всѣхъ университетскихъ городахъ являются призывы мѣстныхъ обществъ вспомоществованія студентамъ къ помощи частныхъ лицъ, разъ наступаютъ послѣдніе сроки взноса платы за слушаніе лекцій. Такъ недавно въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» (287) писали слѣдующее:

«Въ настоящее время не внесли платы въ университетъ за право слушанія лекцій 90 студентовъ юридическаго факультета, около 40 математическаго, и болѣе 100 студентовъ медиковъ. И вотъ, имъ всѣмъ сегодня—завтра грозитъ увольненіе изъ университета. Внести плату за студентовъ, которымъ грозитъ исключеніе, общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ университета св. Владиміра не имѣетъ никакой возможности, не смотря на тѣ пожертвованія, какія поступили въ этомъ мѣсяцѣ въ кассу общества» (отъ Лаз. Бродскаго, А. Терещенко и другихъ).

Мы не сомнѣваемся, что найдутся голоса, у которыхъ по этому поводу готово возраженіе: зачѣмъ же и допускать въ университетъ тѣхъ, кто не имѣютъ средствъ ни къ уплатѣ за право ученія, ни къ обезпеченному существованію во время прохожденія университетскаго курса. Но тѣ, кто это говорятъ, не вникаютъ даже въ то, что недостаточные элементы нашего студенчества не составляютъ никакой конкурренціи достаточнымъ, что съ ихъ устраненіемъ, страна лишится нужныхъ ей во всѣхъ отрасляхъ государственно-общественной дѣятельности образованныхъ людей и спеціалистовъ, а университеты наши просто таки опустѣютъ на половину. И это потому, что приливъ въ наши университеты молодежи изъ недостаточныхъ и среднедостаточныхъ слоевъ общества—явленіе, коренящееся глубоко въ условіяхъ общественнаго развитія Россіи, явленіе естественное и неизбѣжное.

Не надо думать, что только среди студенчества такой отдаленной окраины, какъ Сибирь, встрѣчаются случаи вопіющей нужды, вынуждающей искать какого бы то ни было заработка. Хроникеръ «Сына Отеч.» писалъ о нѣсколькихъ извѣстныхъ ему случаяхъ подобной нужды среди петербургской учащейся молодежи.

Авторъ увѣряетъ также, что онъ знаетъ двухъ студентовъ, которые днемъ посѣщаютъ лекціи, а послѣ обѣда работаютъ въ портняжныхъ мастерскихъ, вырабатывая по 2—3 р. въ недѣлю.

Digitized by Google

«У одного изъ нихъ быстро развивается туберкулезный процессъ въ легкихъ, и въ этомъ году бѣдняга не могъ уже пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ силы его окончательно надорваны. Есть такъ называемые «бальные» оркестры, которые насчитываютъ въ своемъ составѣ нѣсколько музыкантовъ-студентовъ, которые просиживаютъ цѣлыя ночи, вырабатывая на «музыкѣ» жалкіе гроши».

А вотъ какія квартиры, по его словамъ, видѣлъ онъ на Васильевскомъ островѣ:

«Небольшая комната, одно окно, выходящее на грязный дворъ, комната уставлена кроватями (ихъ было три), еле стоящій на коротенькихъ ножкахъ столикъ; дышать въ комнатѣ положительно нечѣмъ, потолокъ почернѣлъ отъ копоти и сырости, со стѣнъ ползетъ какая-то зловонная жидкость... За это помѣщеніе студенты платили 7 р. 50 к.—по 2 р. 50 к. на брата. Одинъ изъ жильцовъ, пріѣхавшій въ Петербургъ совершенно здоровымъ, прожилъ въ своемъ «отелѣ» 2 мѣсяца, слегъ въ постель и былъ отправленъ въ больницу. Врачи констатировали сильнѣйшій ревматизмъ и легочный процессъ, что приписывалось исключительно «благотворному» вліянію комнаты. Ко всему этому надо прибавить, что комната студентовъ отъ-ватеръ-клозета была отдѣлена «занавѣсью», сдѣланной изъ старыхъ парусиновыхъ мѣшковъ».

Что же касается условій питанія студенческой бѣдноты, то объ этомъ столь компетентный источникъ, какъ отчеты университетскаго врача, говорятъ слѣдующее. Отмѣчая въ отчетѣ до 1895 г. обиліе у являвшихся къ нему паціентовъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній, д-ръ П. Добродинъ, объясняетъ это явленіе «неудовлетворительностью по качеству, а еще чаще и однообразіемъ и недостаточностью студенческаго питанія: больше половины моихъ паціентовъ этого рода обѣдали въ столовыхъ фонъ Дервиза и очень многіе изъ нихъ, кромѣ скуднаго кухмистерскаго обѣда, довольствовались только чаемъ съ булкой утромъ и вечеромъ». Год. актъ Имп. СПБ-скаго унив-та (1895 г. стр. 79). Въ отчетѣ за 1896 годъ тотъ же врачъ, отмѣчая частые случаи у студентовъ хроническаго разстройства пищеваренія и связанной съ тѣмъ порчи зубовъ, указываетъ на усиливающуюся съ каждымъ годомъ настоятельную необходимость устройства хорошей столовой, гдѣ бы студенты могли получать достаточную и здоровую пищу.

Въ отчетѣ за 1897 годъ онъ также указываетъ на частые случаи заболѣваній среди студентовъ въ зависимости отъ недостаточности и неудовлетворительности питанія и приводитъ примѣры, что учащіеся по цѣлымъ мѣсяцамъ не имѣли горячей пищи, пропитываясь только въ сухомятку, а одинъ студентъ, какъ оказалось, въ теченіе всего учебнаго года и части слѣдующаго, пока не обратился къ врачу, питался только хлѣбомъ да чаемъ, изрѣдка дополняя это селедкой. Но на этотъ разъ отчетъ врача имѣетъ возможность отмѣтить открытіе прекрасно устроенной студенческой столо-

Digitized by Google

вой, число обѣдающихъ въ которой въ иные дни доходило до 600 человѣкъ. Это была столовая, открытая 15 ноября 1897 г. комитетомъ общества вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета. Послѣ всего сказаннаго выше ясно, какую услугу оказало это общество нуждающемуся студенчеству открытіемъ столовой, число обѣдающихъ въ которой въ 1898—1899 учебномъ году достигало иногда свыше 1.000 человѣкъ. Открытіе столовой явилось для общества осуществленіемъ давнишняго желанія и составляетъ лишь одну изъ заслугъ этого почтеннаго учрежденія, на дѣятельности котораго умѣстно остановиться подробнѣе въ виду исполнившагося 4 ноября с. г. двадцатипяти-лѣтняго юбилея его существованія. «Общество вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета» основано было въ 1873 г., получивъ начало отъ организаціи ежегодныхъ товарищескихъ обѣдовъ, устраиваемыхъ съ 1869 года бывшими студентами университета. Общество скоро пріобрѣло себѣ симпатіи образованной публики и къ 1 января 1883 года насчитывало въ составѣ своемъ свыше 1000 членовъ. Министерство народнаго просвѣщенія оказало ему поддержку ежегодной субсидіею въ размѣрахъ 1.000 руб., выдача которой, однако, съ 1890 года была прекращена. Въ дѣлахъ общества принимали участіе многіе профессора и приватъ доценты; между прочимъ, нѣкоторые изъ нихъ жертвовали на усиленіе средствъ общества значительную часть гонорара, получаемаго отъ студентовъ за слушаніе лекцій. Особенно живое участіе въ дѣлахъ общества принималъ покойный проф. О. Ѳ. Миллеръ. Для усиленія средствъ общества устраивались концерты и вечера, читались публичныя лекціи. Такимъ путемъ вмѣстѣ съ членскими взносами и пожертвованіями частныхъ лицъ составлялись средства общества.

Что касается дѣятельности общества, то она заключается въ выдачѣ денежныхъ пособій, какъ вообще на разныя надобности студентовъ, такъ въ частности на взносѣ платы въ университетъ, въ пріисканіи занятій студентамъ и въ доставленіи имъ дешевой и здоровой пищи путемъ устройства и содержанія столовой. Согласно уставу общества, всѣ денежныя пособія выдаются не безвозвратно, но въ видѣ временныхъ безсрочныхъ ссудъ. При установленіи такого порядка имѣлось въ виду устранить вопросъ самолюбія для нуждающихся студентовъ, для которыхъ принятіе безвозвратнаго пособія было бы тягостно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дать нѣкоторое выраженіе идеѣ солидарности студентовъ всѣхъ выпусковъ и поколѣній, такъ какъ суммы, возвращаемыя бывшими студентами, немедленно идутъ на выдачу новыхъ ссудъ нуждающимся. Къ сожалѣнію, сознаніе этой солидарности отнюдь не такъ живо чувствуется бывшими студентами петербургскаго университета, въ свое время пользовавшимися услугами общества. Послѣднимъ по 1-е января 1897 года было выдано всего 358,516 р. ссуды по 38,712 обязательствамъ. Къ тому же времени въ долгу

Digitized by Google

за студентами и окончившими университетъ состояла солидная сумма 227,895 р., а въ настоящее время долгъ достигаетъ 362,000 р., изъ которыхъ половина числится за окончившими. Какъ видно изъ отчета общества за 1897 годъ, погашеніе долга совершается въ очень незначительныхъ доляхъ, и, напр., за періодъ съ 1887—97 гг. процентъ погашенія къ общей суммѣ долга колеблется между 0,9 и 6,8%.

Съ 1887 г. комитетъ общества учредилъ изъ состава общества особую комиссію по изысканію мѣръ къ болѣе успѣшному возврату долговъ обществу. Эта долговая коммиссія общества ведетъ переписку съ бывшими должниками общества и уполномочена въ случаѣ упорнаго нежеланія съ ихъ стороны уплатить долгъ, не смотря на полную къ тому возможность, прибѣгать ко взысканію его судебнымъ порядкомъ. Въ большинствѣ случаевъ первое же напоминаніе со стороны общества, влекло за собою или полную или частичную уплату долга, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ — послѣ четвертаго напоминанія—дѣло по взысканію долга переходило въ руки повѣреннаго общества. Въ этомъ случаѣ обществомъ, очевидно, руководилъ не принципъ формальнаго права, а исключительно желаніе усилить средства общества въ виду крайней и вопіющей нужды, съ которою ему приходится встрѣчаться въ студенческой средѣ, оказываясь безсильнымъ помочь ей. Отмѣченный фактъ халатнаго отношенія со стороны бывшихъ студентовъ столько же къ принятымъ на себя обязанностямъ, сколько къ нуждамъ послѣдующихъ поколѣній студенчества — явленіе общее, къ сожалѣнію, питомцамъ и другихъ университетовъ. За свою семнадцати лѣтнюю дѣятельность общество вспомоществованія нуждающимся студентамъ университета св. Владиміра выдало всего въ ссуду болѣе 150,000 руб., изъ которыхъ въ долгу обществу состоитъ по настоящее время 136,000 руб.

«Поступаютъ возвраты только отъ лицъ, находящихся на государственной службѣ, и отъ врачей, адресы которыхъ обществу болѣе или менѣе извѣстны. Остальныя же лица, занимающіяся частною дѣятельностью и получающія довольно крупные оклады жалованья, нисколько не заботятся поспѣшить возвратомъ взятыхъ ссудъ изъ общества и забываютъ, что въ такомъ же положеніи, въ какомъ они находились 10 лѣтъ тому назадъ, находятся многіе десятки студентовъ». (Жизнь и Искусство № 287).

Недостатокъ средствъ не даетъ возможности комитету петербургскаго общества вспомоществованія студентамъ приходить на помощь студенческой нуждѣ въ той мѣрѣ, чтобы это явилось для нуждающихся серьезнымъ подспорьемъ. Долгосрочныя ссуды выдаются въ ничтожной суммѣ не свыше 5 рублей въ мѣсяцъ. Помимо того дѣло распредѣленія пособій сильно тормозится отсутствіемъ правильно организованной экспертизы по отношенію къ нуждающимся въ пособіяхъ. До 1881 года существовалъ прекрас-

Digitized by Google

ный обычай приглашать на засѣданія комитета въ качествѣ экспертовъ 6 человѣкъ студентовъ, выбранныхъ товарищами. Но порядокъ этотъ по обстоятельствамъ, отъ комитета не зависѣвшимъ, долженъ былъ прекратиться. Въ виду этого комитетъ поставленъ теперь въ необходимость при назначеніи пособій руководствоваться случайными свѣдѣніями и указаніями. Въ отчетѣ общества за 1897 годъ мы находимъ по этому поводу слѣдующія слова: «Черезъ извѣстныхъ комитету студентовъ, до него доходятъ иногда свѣдѣнія о товарищахъ ихъ, нуждающихся въ усиленной помощи, а также о лицахъ, не заслуживающихъ пособія. Но въ первомъ случаѣ нельзя скрыть отъ себя, что десятки студентовъ, находящихся въ столь же затруднительномъ положеніи, остаются неизвѣстными вслѣдствіе своей застѣнчивости или малаго числа знакомыхъ студентовъ; во второмъ случаѣ—комитетъ поставленъ въ большое затрудненіе, когда, мотивируя отказъ, вынужденъ ссылаться на свидѣтельство студентовъ, не имѣющихъ прямого полномочія быть представителями интересовъ товарищей. Такимъ образомъ, установленіе студенческой экспертизы, по прежнему, представляется насущнымъ вопросомъ» (стр. 391).

Сомнѣваться въ томъ, что организація подобнаго рода экспертизы не приведетъ къ цѣли, нѣтъ никакихъ основаній, какъ потому, что говоритъ предшествовавшій опытъ, такъ и въ виду примѣра близкаго участія студентовъ въ другомъ предпріятіи общества—столовой. Отчетъ 1897 года говоритъ объ этомъ участіи слѣдующее: «многія детали хозяйства нуждаются въ усовершенствованіи, но общій характеръ столовой, господствующее въ ней настроеніе, и въ особенности отношеніе дежурящихъ студентовъ къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей производитъ на всякаго весьма отрадное впечатлѣніе; надо, однако, оговориться, что ни комитетъ, ни коммиссія (по устройству столовой) не сдѣлали въ этомъ отношеніи ничего новаго: на ихъ долю пришлось лишь воспользоваться тѣми силами, которыя въ студенческой средѣ всегда были налицо и которыя ждали только примѣненія къ практическому дѣлу, совпадающему съ ихъ идейными стремленіями» (Отчетъ, стр. 38).

Какъ было упомянуто выше, 4 ноября общество вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета праздновало 25-лѣтіе со времени своего основанія. Къ дню торжества прибыли представители подобнаго же общества при московскомъ университетѣ и присланы были телеграммы отъ обществъ вспомоществованія студентамъ провинціальныхъ университетовъ, которыя и были прочитаны во время торжества. Послѣ рѣчи предсѣдателя общества П. П. Семенова, съ благодарностью вспоминавшаго о дѣятельности лицъ, работавшихъ на пользу общества и, особенно, покойнаго А. С. Воронова, извѣстнаго педагога, секретаремъ общества прочитаны были краткія выдержки изъ готовящагося историческаго очерка дѣятельности общества. Въ составѣ его за все время существованія числи-

Digitized by Google

лось 1,927 членовъ; изъ нихъ умерло 253, выступило 339, исключены 586; такимъ образомъ, всего выбыло 1,178, осталось 749, въ томъ числѣ 11 почетныхъ членовъ.

Денежныхъ пособій выдано было обществомъ всего по 1 января 1897 годъ 358,516 р., изъ нихъ на взносъ платы за право ученія 145,000 руб. Студенческая столовая имени О. Ѳ. Миллера, открытіе которой въ прошломъ году явилось заключеніемъ двадцати-пятилѣтней дѣятельности общества, за время своего существованія получила дохода 29,000 руб., а израсходовала 31,000 р. (отъ университета столовая получаетъ субсидію въ 2,000 руб.). Существеннымъ недостаткомъ столовой служила отдаленность ея отъ университета, обусловленная дороговизною квартиръ. Предсѣдателемъ общества было заявлено на собраніи, что княгиня Юсупова уступаетъ обществу участокъ своей земли, примыкающей къ университету, за 18,000 руб., которыя жертвуетъ тому же обществу для оказанія помощи студентамъ въ той или иной формѣ. Такимъ образомъ, ближайшей задачей общества является постройка собственнаго дома для столовой, а затѣмъ и устройство интерната для студентовъ.

Мы не мало говоримъ о нашемъ сочувствіи молодежи, объ относительномъ пониженіи ея нравственнаго и общественнаго уровня, объ ослабленіи въ ея средѣ прежней солидарности, объ отсутствіи идейной преемственности поколѣній. Но вотъ передъ нами фактъ несомнѣнной, подавляющей нужды большинства теперешней учащейся молодежи, нужды, которая теперь ощущается тѣмъ сильнѣе, что условія жизни въ большихъ городахъ стали иныя и прежній нѣсколько патріархальный строй ея уступилъ мѣсто незнающей жалости и пощады борьбѣ за существованіе. Вотъ время показать примѣръ солидарности и преемственности старшихъ и младшихъ поколѣній студенчества. Иначе окажется, что не первыя подаютъ этотъ примѣръ вторымъ, а наоборотъ. Не далѣе какъ въ началѣ нынѣшняго года комитетомъ общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета было получено письмо одного студента на имя ректора, съ препровожденіемъ 142 руб., для передачи въ общество, какъ сбора съ вечера, устроеннаго въ г. Ревелѣ, на Рождествѣ, причемъ авторъ письма объяснялъ: «передаемъ эти деньги въ общество, а не личное распоряженіе г. ректора, такъ какъ весьма сочувственно относимся къ пункту устава общества, по которому требуется возвратъ выданныхъ ссудъ и этимъ современемъ будетъ дана возможность студентамъ воспользоваться возвращенными деньгами». По признанію комитета общества, сочувствіе, выраженное въ такой формѣ, доставило ему большее нравственное удовлетвореніе, чѣмъ могли бы доставить крупныя пожертвованія изъ другихъ источниковъ.

Digitized by Google

Въ прошломъ мѣсяцѣ, почти одновременно въ главныхъ районахъ крупной мукомольной промышленности созваны были областные съѣзды мукомоловъ. Созывались они для обсужденія нуждъ данной отрасли промышленности и разсмотрѣнія нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ, включенныхъ въ программу, общую для всѣхъ съѣздовъ: о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, о нормировкѣ рабочаго времени на мельницахъ и др. Результаты этого созыва были настолько комичны, что дали богатую пищу остроумію юмористическихъ журналовъ. И, дѣйствительно, газета «Мельникъ», подводя итоги бывшимъ съѣздамъ, приводитъ слѣдующіе примѣры: «Москва. Приглашены были мукомолы изъ семи губерній. Явились 3 пріѣзжихъ изъ ближайшихъ мѣстъ. Рыбинскъ. Приглашены были мукомолы изъ четырехъ губерній. Пріѣхалъ одинъ. Нижній-Новгородъ. Приглашено было 157 мукомоловъ отъ четырехъ губерній и явилось 7 человѣкъ (преимущественно мѣстныхъ мельниковъ), а 150 даже не отозвались на призывъ». Такимъ образомъ екатеринбургскій съѣздъ мукомоловъ сибирскаго района, на которомъ присутствовало изъ числа 85 приглашенныхъ членовъ всего 19 человѣкъ, преимущественно екатеринбургскихъ, можетъ еще считаться однимъ изъ удавшихся («Уралъ», № 513). Каковы же были результаты этихъ съѣздовъ? Та же газета «Мельникъ», которую никакъ ужъ нельзя заподозрѣть въ недостаткѣ серьезнаго отношенія къ предмету, резюмируетъ эти результаты въ слѣдующихъ словахъ. «Никакихъ у насъ нуждъ нѣтъ», отвѣтили мукомолы. «Никакихъ намъ съѣздовъ не нужно», отвѣтили они. «Никуда мы не поѣдемъ и не о чемъ намъ разговаривать»... Одно изъ двухъ, или наша мукомольная промышленность не имѣетъ никакихъ нуждъ и всякія совѣщанія мукомоловъ излишни; или (если эти нужды существуютъ) сами господа мукомолы недостаточно еще сознали необходимость совмѣстнаго обсужденія этихъ нуждъ и изысканія мѣръ къ ихъ устраненію, или облегченію».

Что нужды у мукомольной промышленности есть, это несомнѣнно. Не мало писалось у насъ о недостаткахъ нашего хлѣбнаго экспорта, обусловливающихъ успѣхъ заграничной конкурренціи, на нашихъ внѣшнихъ рынкахъ, о необходимости урегулированія типовъ и установленія одинаковой номенклатуры муки, объ организаціи заграничныхъ агентствъ, измѣненіи тарифныхъ условій, поднятія профессіональнаго образованія и проч. Но объ этомъ больше писали газеты, да говорили спеціалисты техники, чѣмъ сами мукомолы. Мукомоламъ же, какъ выражается авторъ статьи въ «Новомъ Времени» (№ 8125) «и такъ хорошо». На внутреннихъ рынкахъ сойдетъ мука и съ сырцой для увеличенія вѣса и со «всячинкой», а внѣшніе рынки тоже не могутъ обойтись при выработкѣ высшихъ сортовъ своей муки безъ русскаго привоза. Такимъ образомъ 40 проц. на капиталъ будутъ обезпечены. Чего же тутъ еще разговаривать? Вотъ развѣ еще о помѣхахъ дѣлу, которыя возникли въ послѣд-

Digitized by Google

нее время. Вышелъ законъ 7 іюня 1897 года о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, коснувшійся первоначально и мельницъ, работающихъ паровой силой. Законъ и послѣдующія правила и инструкціи дѣлали исключенія изъ ограниченія рабочаго дня $11^1/_2$ часами и предоставленія праздничнаго отдыха для нѣкоторыхъ производствъ, по техническимъ условіямъ нуждающихся въ непрерывной работѣ. Эти производства были причислены къ непрерывно дѣйствующимъ, но къ числу ихъ мукомольное производство не было причислено. Вопросъ о таковомъ причисленіи фигурировалъ въ программѣ обсужденія на послѣднихъ областныхъ съѣздахъ мукомоловъ, и они единодушно ходатайствуютъ о признаніи ихъ производствъ непрерывно дѣйствующими. Екатеринбургскій съѣздъ мотивировалъ это ходатайство тѣмъ, что 1) «перерывъ работъ отзывается вредно на производствѣ и является вообще убыточнымъ для владѣльцевъ мельницъ; 2) остановка по закону будетъ не $1^1/_2$ часа, а не менѣе 4—хъ, потому что сыпи нужно запирать, а потомъ вновь устанавливать; 3) при малой водѣ само собою является перерывность, особенно въ морозы; при остановкахъ, хлѣбъ будетъ жесткій и сырой, будетъ подогрѣваться (потѣть) и легко въ такомъ случаѣ можетъ совсѣмъ испортиться; 4) помимо прямого ущерба, причиняемаго перерывами въ работахъ, остановка крайне вредно отражается на качествѣ муки, значительно портя послѣднюю».

Какая трогательная заботливость о мукѣ, которая можетъ «вспотѣть» и испортиться, и какое равнодушіе къ судьбѣ сотенъ и тысячъ рабочихъ, которые при допущеніи непрерывныхъ работъ не только «потѣютъ» за ними въ теченіе подрядъ 18 часовъ въ сутки, но и портятъ свое здоровье, и лишаются послѣднихъ часовъ праздничнаго отдыха! И какое отношеніе имѣетъ пунктъ третій до крупныхъ паровыхъ мельницъ, которыхъ главнымъ образомъ и касается законъ 7 іюня? Что же касается ссылки на то, что «перерывъ работъ является вообще убыточнымъ для владѣльцевъ мельницъ», то она свидѣтельствуетъ лишь о наивной увѣренности нашихъ мукомоловъ въ томъ, что правительство должно зорко оберегать ихъ барыши.

Останавливая свое вниманіе на фактѣ существованія указанныхъ выше областныхъ съѣздовъ мукомоловъ, «Новое Время» задаетъ вопросъ: «Какъ же совмѣстить это съ косностью мукомоловъ? Очевидно, значитъ, что есть какая-то благодѣтельная рука, которая и эту косную и самодовольную силу расшевелила (пусть и въ умѣренной пока степени), сѣютила ее для совмѣстной работы, указала ей и важнѣйшіе практическіе вопросы, по которымъ работа ея дастъ наибольшіе—по обстоятельствамъ времени—результаты, т. е. руководитъ мукомолами и нятаскиваетъ ихъ, выражаясь языкомъ охотниковъ». И газета отвѣчаетъ утвердительно:

«Дѣйствительно, есть такая благодѣющая рука, которая и шеве-

Digitized by Google

лить и направляетъ мукомоловъ къ совмѣстной работѣ. Ближайшимъ образомъ это—общій съѣздъ мукомоловъ, устроившійся по настояніямъ департамента торговли и мануфактуръ и имѣющій постоянное бюро въ Петербургѣ, которое работаетъ подъ руководствомъ и контролемъ того же департамента. Говоря другими словами, за организацію мукомольной промышленности взялся названный департаментъ и, безъ сомнѣнія, онъ же руководитъ ею черезъ бюро общаго съѣзда. И нынѣшніе порайонные съѣзды, и программа вопросовъ, имъ предложенная, все это оттуда же, и туда же пойдутъ всѣ отвѣты и резолюціи этихъ съѣздовъ по вопросамъ программы, а по обработкѣ матерьяловъ, доставленныхъ мѣстными съѣздами, надо ожидать, будетъ собранъ общій съѣздъ, который и дастъ окончательныя заключенія по тѣмъ же вопросамъ программы» («Нов. Вр.», № 8125). По послѣднимъ извѣстіямъ газетъ такой общій съѣздъ, дѣйствительно, и имѣетъ быть созванъ въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца.

Однако, въ этихъ попыткахъ правительства организовать мукомольную промышленность, съ одной стороны, и упорной косности самихъ мукомоловъ, съ другой, мы наблюдаемъ не болѣе какъ частное проявленіе того процесса, который совершается уже давно и въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ. Это все старая исторія, начало которой восходитъ къ тому времени, когда Петръ Великій впервые указалъ, чтобы князь Трубецкой «вѣдалъ всѣхъ купецкихъ людей... и сію разсыпанную храмину паки собралъ». Петръ думалъ достигнуть этого принудительнымъ введеніемъ внѣшнихъ формъ развитой торговой дѣятельности, путемъ устроенія биржъ, образцы которыхъ видѣлъ онъ въ тогдашней Голландіи и которыя произвели на него, очевидно, большое впечатлѣніе.

Такимъ образомъ по иниціативѣ правительства впервые возникли у насъ биржи. Какихъ же результатовъ достигла въ этомъ дѣлѣ—биржевого устроенія нашего купеческаго сословія—за періодъ почти въ два столѣтія та рука, о которой говоритъ «Новое Время»? Въ этомъ отношеніи любопытныя данныя находятся въ отчетѣ г. А. С. Невзорова по командировкѣ во внутреннія губерніи Россіи, которую совершалъ онъ въ лѣтніе мѣсяцы 1896 года для изученія на мѣстахъ постановки у насъ биржевого дѣла. (Отчетъ этотъ печатался въ «Ученыхъ запискахъ Имп. юрьевскаго университета» 1897 г. № 3, 4, 1898 г. № 2 и слѣд.). Вотъ итоги двухсотлѣтняго собиранія «разсыпанной храмины».

Сходки купцовъ для обсужденія торговыхъ дѣлъ были, конечно, и до Петра Великаго: они неизбѣжны, разъ есть торговля и торговцы, но совершались эти сходки въ излюбленныхъ купечествомъ мѣстахъ, на улицахъ, на торжищахъ, на перекресткахъ, въ гостиницахъ и трактирахъ. И вотъ оказывается, что это право собираться въ излюбленныхъ мѣстахъ безъ всякой внѣшней регламентаціи купечество наше до сихъ поръ не уступило, какія бы ро-

Digitized by Google

скошныя зданія для биржевыхъ собраній ни возводили ихъ выборныя власти подъ настояніемъ администраціи. Первый примѣръ въ этомъ отношеніи даетъ Москва — «средоточіе русской торговли». Впервые биржа была построена въ ней въ 1839 году и открыта для пользованія купечества. Тогда же открылъ свои дѣйствія вновь образованный биржевой комитетъ. «Но, пишетъ г. Невзоровъ, зданіе пустовало: купечество не посѣщало его и даже не записывалось въ члены биржевого общества, предпочитая собираться на крыльцѣ гостинаго двора. Биржевой комитетъ въ 1840 г. просилъ оберъ-полиціймейстера о воспрещеніи такихъ сходокъ. Но и уничтоженіе сходокъ около гостинаго двора не водворило купечества внутри биржевого зданія: оно продолжало толпиться на прилегающей террасѣ, на ступеняхъ лѣстницы, на тротуарѣ и даже на самой улицѣ. Лишь въ 1860 г. «энергичными мѣрами» удалось прекратить наружныя собранія и перенести ихъ внутрь зданія». Тогда зданіе оказалось тѣснымъ, его расширяли, перестраивали и, наконецъ, въ 1875 году отдѣлали въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время. И что же? «Прекрасно отдѣланное помѣщеніе биржи посѣщается сравнительно слабо. Повидимому, и до сего времени торгующее купечество предпочитаетъ «наружныя» собранія «внутреннимъ». Предъ зданіемъ биржи и на ступеняхъ при входѣ всегда густая толпа.

Сдѣлайте съ г. Невзоровымъ прогулку по цѣлому ряду россійскихъ городовъ и вездѣ вы встрѣчаете то же явленіе. Въ Нижнемъ Новгородѣ до послѣдняго времени купечество собиралось въ трактирахъ и номерахъ гостиницъ за чайкомъ, главнымъ же образомъ въ одной или, точнѣе говоря, у одной изъ гостиницъ пассажа, выстроеннаго въ 1856 г. купцомъ Блиновымъ. Съ 1881 г. въ помѣщеніи того же пассажа была открыта постоянная биржа, а въ 1895 г. биржевое общество приняло предложеніе А. Блинова выстроить на его средства особый домъ для биржи, который и открылся для пользованія купечества. Домъ былъ выстроенъ, отдѣланъ, собранія купечества перешли въ него, но... не прошло и года, какъ оно опять вернулось на излюбленныя мѣста, въ «Биржевую гостиницу», въ проходы и къ дверямъ пассажа. Въ Самарѣ особое зданіе биржи строится только съ 1894 г., а до послѣдняго времени биржевыя собранія происходили на улицѣ или въ гостиницѣ «Ревель». Саратовцы, хотя и имѣютъ съ 1890 г. собственное зданіе биржи, однако, никакъ не могутъ «усвоить» его назначеніе и собираются въ какой-то гостиницѣ «Татарской». То же наблюдается въ Ельцѣ, Харьковѣ, даже Одесса съ ея международнымъ составомъ торговаго сословія не отступаетъ отъ общаго правила: биржевыя собранія мало посѣщаются. Биржевые дѣятели, по словамъ г. Невзорова, предпочитаютъ собираться у Франкони и въ другихъ мѣстахъ, даже на улицахъ. Въ Астрахани, хотя и имѣется съ 1885 г. деревянное зданіе биржи, но торговый людъ предпо-

Digitized by Google

читаетъ пребывать подъ палящими лучами южнаго солнца на такъ наз. «Старой биржѣ» на набережной Волги, гдѣ стоятъ огромные мучные и соляные склады, гдѣ устроена особая платформа для причала купеческихъ пароходовъ. Дважды въ день запруживаетъ это мѣсто многотысячная толпа торговцевъ и рабочихъ, дѣловыхъ людей и зѣвакъ. «Жарко подъ открытымъ небомъ, грязно въ непогоду, пыльно при легонькомъ даже вѣтрѣ. Нерѣдко ѣдкій потъ катится по присутствующей здѣсь публикѣ, которая невольно при этомъ почесывается. Отсюда самое мѣсто собраній названо въ насмѣшку чёской. Но не смотря на насмѣшки, на жаръ и пыль, торговый людъ охотно собирается и остается на платформѣ, почти забывая о биржевомъ зданіи. Въ маѣ 1892 г. платформу разбило штормомъ; холерные безпорядки 21 іюня того же года побудили администрацію воспретить уличныя собранія; не оставалось для нихъ ни мѣста, ни права. Въ 1892 г. въ первый и едва ли не единственный разъ биржевое зданіе не пустовало. Но вскорѣ платформа была исправлена; холера и ея послѣдствія миновали; и торгующіе вновь перекочевали изъ биржевого зала на улицу, ведя упорную борьбу за свое право стоять здѣсь, оставаясь совершенно глухими къ увѣщаніямъ биржевого комитета посѣщать биржу».

Это проникнутое непосредственнымъ юморомъ русской жизни описаніе астраханской «биржи», наглядно показываетъ, однако, то упорство, съ которымъ наше торговое сословіе не поддается воздѣйствію руки, пытающейся объединить его хотя бы внѣшнимъ образомъ. Имѣютъ тутъ, конечно, нѣкоторое значеніе и частныя причины: необходимость платить членскій взносъ за право входа на биржу (5 руб. въ Астрахани), удобство встрѣчать на вольной биржѣ лицъ разныхъ положеній, званій и занятій; мѣстами—недопущеніе на биржу мелкихъ маклеровъ и т. п. Но все же главною причиной непосѣщенія биржи купечествомъ является привычка вести дѣла на просторѣ, «по старинкѣ», безъ огласки и регламентаціи, тамъ, «гдѣ торговали ихъ отцы и дѣды», гдѣ подъ рукой имѣются и товаръ, и покупатели, и рабочіе, на площади въ толпѣ чернорабочихъ, либо дома, либо въ гостиницахъ и харчевняхъ за чаемъ и закуской. Только два города въ Россіи имѣютъ правильно организованныя и посѣщаемыя биржи—это Варшава и С.-Петербургъ. Но надо замѣтить, что петербургское биржевое общество состоитъ исключительно изъ крупнаго первогильдейскаго купечества, избирающаго для завѣдыванія общественными дѣлами гласныхъ въ количествѣ 80.

Матеріалы, собранные г. Невзоровымъ, говорятъ намъ, что не только внѣшняя организація нашего торговаго сословія до сихъ поръ подвигается туго, но и все, что свидѣтельствовало бы объ организаціи внутренней. «Наше купечество, говоритъ онъ, не отличалось особою самодѣятельностью не только въ креаціи точно формулированныхъ нормъ, но и въ организаціи своего сословія» (стр. 39).

Digitized by Google

На примѣрѣ петербургскаго биржевого общества мы видимъ, что оно охватываетъ лишь незначительную часть торговаго люда. То же самое наблюдается повсюду. Купечество провинціальныхъ городовъ уклоняется отъ участія въ биржевыхъ обществахъ; къ тому, чтобы завлечь его туда, приходится употреблять разные принудительныя мѣры. Такъ въ Саратовѣ, гдѣ число членовъ биржеваго общества едва составляло до послѣдняго времени $^1/_6$ часть всего торгующаго въ Саратовѣ купечества, биржевой комитетъ пришелъ къ мысли, что «самое желательное для успѣховъ мѣстной биржи, чтобы не только всѣ хлѣбные торговцы 1-ой и 2-ой гильдіи, но и всѣ купцы входили въ составъ биржевого общества *обязательно*, дѣлая членскій взносъ при уплатѣ гильдейскихъ пошлинъ». Очевидно, части «разсыпанной храмины» не обнаруживаютъ до сихъ поръ дѣйствительнаго стремленія слиться и образовать единое и крѣпкое зданіе.

То же явленіе наблюдаемъ мы и въ области торговаго правосознанія. На биржевые комитеты возлагается закономъ обязанность «составленія свода торговыхъ обычаевъ» (п. 2 ст. 66 прил. I къ ст. 592 Устава Торговаго, п. 12 ст. 39 Устава биржи московской и пр.). Но, не говоря уже о провинціальныхъ биржевыхъ комитетахъ, ни петербургская, ни московская биржи не имѣютъ общаго свода или собранія торговыхъ обычаевъ и общепринятыхъ правилъ. Такіе своды существуютъ лишь на нѣкоторыхъ биржахъ по отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ торговой дѣятельности, почему либо выдвинутымъ на первую очередь самою практикой дѣловой жизни. Такъ, на петербургской биржѣ установлены правила для опредѣленія отношеній между экспортерами заграницу хлѣбныхъ и зерновыхъ товаровъ и ихъ заграничными контрагентами, а также редактированы правила для сдѣлокъ фондовыхъ и вексельныхъ. На нижегородской биржѣ (а также на елецкой) приведены въ систему обычаи, примѣняющіеся въ хлѣбной торговлѣ, въ Одессѣ выработаны правила фондовой торговли и обычаи, практикуемые въ области правоотношеній корабельщиковъ къ грузохозяевамъ. Но систематическаго цѣльнаго свода правилъ и обычаевъ торговли не пытался составить ни одинъ биржевой комитетъ: говоря словами г. Невзорова, эти правила и обычаи, «продолжаютъ пребывать въ индивидуальномъ сознаніи дѣятелей торговаго оборота». Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, съ какой медленностью совершается ростъ нашего торговаго сословія какъ въ отношеніи внѣшнихъ проявленій организаціи, такъ и въ области выработки правосознанія. Въ виду приведенныхъ фактовъ говорить о классовомъ самосознаніи нашей буржуазіи, право, какъ-то не приходится.

Водворившаяся съ 1896 года въ предѣлахъ Индіи чума, то ослабѣвая, то усиливаясь, все время держала наши средне-азіатскія владѣнія въ тревожномъ ожиданіи возможнаго появленія и у насъ страшной гостьи. Къ сожалѣнію, ожиданіе это оправдалось. По сообще-

Digitized by Google

нію напечатанному въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ Высочайше учрежденной коммиссіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумной заразой, туркестанскій генералъ губернаторъ телеграммою 10 октября увѣдомилъ коммиссію о томъ, что въ Искандеровской волости Пянджекендскаго уч. Самаркандской области, въ «кишлакѣ Анзобѣ, расположенномъ въ горной, малодоступной мѣстности, и отдѣленномъ отъ сосѣднихъ поселеній перевалами отъ 13,000 до 14,000 фут. высоты появилась повальная болѣзнь, съ чрезвычайно высокимъ процентомъ смертности. На бывшемъ въ Самаркандѣ засѣданіи комитета народнаго здравія врачи, по описанію симптомовъ болѣзни, но безъ бактеріологическаго изслѣдованія, признали ее схожею съ чумою.»

«Первое подозрительное заболѣваніе въ названномъ кишлакѣ произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ селеніи Марзинъ той же волости, заболѣла туземка, вскорѣ скончавшаяся. Хоронить покойницу явилась изъ Анзоба туземка Агіуръ-Биби, которая ее обмыла и за то получила отъ родственниковъ подарки. Возвратясь въ Анзобъ, Агіуръ-Биби сама тотчасъ же заболѣла и на третій день скончалась. Съ этого момента среди родственниковъ и ея бывшихъ на похоронахъ знакомыхъ, а затѣмъ и среди жителей Анзоба стали появляться заболѣванія. Кто-то изъ мѣстныхъ жителей посовѣтовалъ своимъ односельчанамъ вырыть тѣло Агіуръ-Биби, какъ похороненное не по шаріату,—обстоятельство, которому приписывалось распространеніе болѣзни. Анзобцы послѣдовали такому совѣту, вырыли тѣло и, убѣдившись, будто бы, въ неправильномъ его положеніи, вновь его похоронили. Послѣ этого заболѣваемость среди анзобцевъ сильно увеличилась, представляя тѣ же симптомы, какіе наблюдались и ранѣе, и съ тѣмъ же смертельнымъ исходомъ.

Мѣстною администраціею немедленно были приняты мѣры, указанныя Высочайше утвержденными, 3 го іюня 1897 года, правилами: дороги, ведущія въ Анзобъ, закрыты; носильное платье и постели умершихъ сожжены, селеніе очищено; больные распредѣлены въ особыхъ помѣщеніяхъ; преподаны правила ухода за заболѣвшими и погребенія умершихъ; здоровые временно оставлены на мѣстѣ, но выведены въ новыя помѣщенія, гдѣ будутъ содержаться двѣ недѣли подъ наблюденіемъ, имъ выданы новое бѣлье и платье, а равно и постельныя принадлежности, старыя же сожжены. Вокругъ Анзоба, оцѣпленнаго жителями окрестныхъ селеній, установлены наблюдательные посты. Для наблюденія за дѣйствіями постовъ посланы взводы казаковъ. Медицинскій персоналъ усиленъ врачами и фельдшерами, которые снабжены необходимыми медикаментами и дезинфекціонными средствами.

Позднѣе этого сообщенія, въ «Закаспійскомъ Обозрѣніи» напечатана была телеграмма военнаго губернатора Самаркандской области ген.-маіора Ѳедорова отъ 12 октября, адресованная на имя временно командующаго войсками Закаспійской области.

Digitized by Google

«Въ Самаркандѣ для чистки и подготовки въ войскахъ особыхъ мѣръ не принимаю; въ сосѣднихъ волостяхъ съ Искандеровской пока благополучно; съ 3 по 5 е изъ числа двѣнадцати больныхъ, осмотрѣнныхъ врачемъ, умерло трое; въ теченіе мѣсяца изъ трехсотъ восьмидесяти пяти жителей осталось въ живыхъ сто тридцать восемь, выздоровѣвшихъ 1,8 проц.; волость крайне бѣдная, дикая: однѣ только тропинки, причемъ зимой всѣ перевалы заносятся снѣгомъ и сообщенія почти прекращаются. Сообщеніе Бухары съ Анзобомъ закрыто». («Каспій» № 225).

Указанное сообщеніе въ связи съ извѣстіями, что въ бомбейскомъ и мадрасскомъ президентствахъ чума усиливается и появляются новые очаги заболѣванія во многихъ деревняхъ, вызвало противочумную коммиссію на чрезвычайныя мѣры. Предсѣдатель ея, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, лично отправился въ городъ Самаркандъ для принятія на мѣстѣ мѣръ къ прекращенію дальнѣйшихъ заболѣваній и оздоровленію мѣстности.

Для болѣе успѣшнаго выполненія этой задачи Высочайше повелѣно было облечь предсѣдателя коммиссіи особенными полномочіями, а именно:

1) предоставить ему въ предѣлахъ возложеннаго на него порученія по отношенію къ мѣстнымъ начальствамъ тѣ полномочія, какими, въ силу дѣйствующихъ узаконеній, облекаются сенаторы, ревизующіе по Высочайшимъ повелѣніямъ губерніи и области, съ правомъ, въ случаѣ обнаруженія злоупотребленій, безпорядковъ и лихоимства со стороны чиновниковъ, занимающихъ должности до IV класса включительно, временно удалять виновныхъ отъ должностей;

2) предоставить ему право, «въ предѣлахъ того же порученія и на основаніи изданныхъ Высочайше учрежденною коммиссіею правилъ, объявлять въ случаѣ крайней необходимости собственною властью отдѣльную мѣстность, а также волость, уѣздъ или область по отношенію къ чумной заразѣ угрожаемою или неблагополучною;

3) предоставить право, «въ видахъ наилучшаго исполненія возложеннаго на него порученія, собственною властью передвигать войска изъ одной мѣстности въ другую, и

4) разрѣшить его высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому собственною властью высылать въ административномъ порядкѣ изъ мѣстностей, входящихъ въ районъ Высочайшее возложеннаго на него порученія, на опредѣляемый имъ самимъ каждый разъ срокъ, тѣхъ лицъ, пребываніе коихъ признано будетъ имъ вреднымъ и препятствующимъ ему точно выполнять возложенную на него задачу».

Облеченный указанными полномочіями предсѣдатель коммиссіи 26 октября прибылъ въ Самаркандъ, гдѣ, по сообщенію коммиссіи, нашелъ, что въ Анзобѣ уже имѣется больница и устроено правильное оцѣпленіе отъ сосѣднихъ селеній, съ учрежденіемъ врачебно-

Digitized by Google

наблюдательныхъ пунктовъ въ близъ лежащихъ поселкахъ Маргифѣ и Ташфанѣ; мѣстными врачами болѣзнь признана бубонною чумою. Въ Анзобѣ къ 3 октября изъ 357 жителей умерло 219; съ того времени по 21 октября заболѣло 19, умерло 14; остается на лицо больныхъ 14.

Для болѣе точнаго опредѣленія свойствъ заразы и правильной постановки борьбы съ нею въ Анзобъ командированъ состоящій при его высочествѣ спеціалистъ-бактеріологъ, доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины Левинъ, изучавшій чуму въ Индіи.

«По выслушаніи мнѣній генералъ-губернатора, военнаго губернатора, политическаго агента въ Бухарѣ, чиновъ администраціи и врачебнаго персонала, приняты слѣдующія мѣры: организуется сѣть врачебно-наблюдательныхъ пунктовъ вокругъ очага заразы съ такимъ разсчетомъ, чтобы ею была охвачена вся область возможнаго на будущее время проникновенія изъ Анзоба заразы какъ въ Туркестанскій край, такъ и въ Бухарское ханство. Эти врачебно-наблюдательные пункты расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: *первую линію* образуютъ упомянутыя выше селенія Маргифъ и Ташфанъ, *вторую линію* составляютъ: Пенджакентъ, Урмитанъ, Варзиминоръ, Пахурдъ и Кштутъ; въ *третью линію* входятъ: Джизакъ, Зааминъ, Ураттюбе, Самаркандъ, Хавастъ, Ходжентъ, Кокандъ и Андижанъ. Сверхъ сего, учреждаются врачебно-наблюдательные пункты: 1) по аму-дарьинской линіи въ Чарджуѣ, Басагѣ, Керкахъ и Келифѣ; 2) восемь наблюдательныхъ пунктовъ по линіи закаспійской желѣзной дороги, и 3) приводятся въ порядокъ уже существующіе три такихъ же пункта по персидскому побережью въ Энзели, Астарѣ и Гязи. Для Бухарскаго ханства организуются *двѣ линіи* защиты: 1)два пропускныхъ поста у переваловъ: Тахта, Карачи и Пакшифа и 2) врачебно-наблюдательные пункты въ главныхъ городахъ: Китабѣ, Карши, Шахрисябѣ, Гиссарѣ и Гармѣ. За сѣтью врачебно-наблюдательныхъ пунктовъ формируется систематическое наблюденіе летучими медицинскими отрядами. За остальными мѣстностями Бухары, Хивы, Закаспійской области и Туркестанскаго края, для обезпеченія Европейской Россіи отъ возможности проникновенія въ нее заразы, учреждается врачебное наблюденіе. За закаспійскою и андижанскою желѣзными дорогами, Красноводскомъ, всѣмъ побережьемъ Каспійскаго моря и Астраханью усиленъ надзоръ, установленный также за санитарнымъ состояніемъ пароходовъ и прочихъ судовъ Каспійскаго моря и рѣки Аму-Дарьи. На случай могущихъ быть осложненій образованы въ главнѣйшихъ городахъ Имперіи резервы врачей, фельдшерицъ и акушерокъ, которые, не отрываясь пока отъ занятій, должны быть готовы по первому требованію отправиться къ мѣсту назначенія; такіе же резервы образованы въ городахъ: Астрахани, Варшавѣ, Вильнѣ, Екатеринославѣ, Казани, Кіевѣ, Москвѣ, Одессѣ,

Digitized by Google

С.-Петербургѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Тулѣ, Харьковѣ и Юрьевѣ. Въ резервы записано пока около 100 врачей и 80 фельдшерицъ; записи желающихъ продолжаются. Прививочныя средства по способу Іерсена имѣются въ изобилiи; такія же средства Хавкина выписаны изъ Индіи и частью изготовляются въ Императорскомъ институтѣ экспериментальной медицины; врачамъ предписано рекомендовать возможно широкое ихъ примѣненіе и свободно пользовать ими всѣхъ желающихъ».

Таково положеніе дѣлъ по опубликованнымъ до настоящаго времени оффиціальнымъ даннымъ. За время съ 23 октября, когда больныхъ въ Анзобѣ оставалось 14, по 4 ноября, вновь прибылъ 1 больной и выздоровѣли 9. Въ сосѣднихъ селеніяхъ и прочихъ мѣстностяхъ Самаркандской области и Бухарскаго ханства заболѣваній не было.

Естественная изолированность кишлака Анзобъ въ связи съ принятыми мѣрами внушаетъ надежду, что болѣзнь на этотъ разъ будетъ локализирована. Но присутствіе рядомъ съ нашими среднеазіатскими владѣніями такого очага не прекращающейся заразы, какъ Индія, заставляетъ серьезно отнестись къ возможности появленія эпидеміи въ нашихъ предѣлахъ.

Упорство, съ которою держится чума въ Индіи, не смотря на энергическую борьбу, которую ведетъ съ нею британское правительство, показываетъ, что это врагъ трудно искоренимый, при наличности извѣстныхъ условій.

Въ телеграммѣ отъ 6 ноября противочумною коммиссіею сообщалось, что въ Бомбейскомъ президентствѣ съ 8 по 14 ноября заболѣло чумою 5674, а умерло 4,221 человѣкъ, что составляетъ увеличеніе заболѣваемости противъ предыдущей недѣли на 113, а смертности — на 208. Условія, которыя поддерживаютъ подобное развитіе эпидеміи, заключаются, конечно, въ крайне антисанитарномъ состояніи городовъ и селеній британской Индіи. Но гигіеническія условія жизни въ нашихъ среднеазіатскихъ городахъ и мѣстечкахъ не только не превосходятъ таковыя же въ Индіи, но далеко имъ уступаютъ. Да что говорить о санитарныхъ условіяхъ городовъ и селеній Туркестанскаго края, когда положеніе немногимъ лучше и въ городахъ Европейской Россіи, въ частности на окраинѣ ея, примыкающей къ нашимъ юговосточнымъ владѣніямъ и въ Поволжьи. Въ этомъ отношеніи обширный и поучительный матеріалъ для общихъ выводовъ даетъ экспедиція сенатора В. П. Лихачева въ поволжскія губерніи въ прошломъ году съ цѣлью изученія санитарныхъ условій края. Поѣздка сенатора Лихачева и сопровождавшихъ его лицъ (проф. гигіены юрьевскаго университета Г. В. Хлопина, доктора Н. Я. Кетчера и др.) должна была доставить учрежденной передъ тѣмъ коммиссіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумной заразою данныя для выработки общаго плана дѣйствій. Но она раскрыла картину настолько плачевнаго

Digitized by Google

состоянія большинства городовъ Поволжья въ отношеніи городского благоустройства и гигіены, что, независимо отъ своего частнаго назначенія, наглядно выяснила необходимость самой энергичной и широкой дѣятельности въ пользу оздоровленія этого обширнаго района Россіи. Обычная смертность въ поволжскихъ городахъ 40 на 1000 жителей, т. е. она значительно выше какъ средней смертности общей для всей Россіи (36,7 на 1000), такъ и смертности нашихъ столицъ (37 на 100 для Москвы, 28 для Петербурга). Подобная смертность городовъ и крупныхъ поселеній Поволжья въ два раза выше смертности главныхъ столичныхъ городовъ западной Европы—Парижа, Копенгагена, Берлина, Лондона. Между тѣмъ въ Поволжьи есть города, въ которыхъ смертность достигаетъ ужасающей цифры 47,8 на тысячу, какъ то даетъ Царицынъ, гдѣ на 2403 человѣкъ рождающихся, умираетъ 3126. При такихъ условіяхъ населеніе Царицына должно было бы выродиться въ непродолжительномъ времени, если бы не постоянный притокъ пришлаго люда.

Но если мы обратимъ вниманіе на условія жизни въ поволжскихъ городахъ, на отсталость ихъ въ дѣлѣ всяческаго благоустройства и санитарныхъ мѣропріятій, то для насъ не покажется нисколько удивительной высокая цифра смертности населенія. Въ какомъ, напр., положеніи находится снабженіе населенія главныхъ городовъ Поволжья водою, годною для питья и приготовленія пищи. Въ большей части ихъ водопроводы есть: въ Н. Новгородѣ, на нижегородской ярмаркѣ, въ Казани, Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, но почти повсемѣстно они недостаточны для потребностей всего населенія и неудовлетворительно устроены. Вода самарскаго водопровода трижды экспертизою проф. Эрисмана и московской гигіенической лабораторіи признана негодной для питья. Въ Н. Новгородѣ въ Макарьевской части водопроводъ пользуется водою окскаго затона, въ который спускаются всѣ нечистоты съ ярмарки, саратовскій водопроводъ также лѣтомъ, когда Волга отходитъ отъ берега, получаетъ воду изъ грязнаго затона. Въ Камышинѣ устраивается водопроводъ, но воду онъ будетъ брать изъ Волги, мало того, «ниже города и ниже всѣхъ городскихъ стоковъ». Внѣ губернскихъ городовъ, даже въ такихъ обширныхъ поселеніяхъ какъ Николаевская слобода съ 25,000 жителей, водопроводовъ нѣтъ. Исключеніемъ является только Сарепта съ ея нѣмецкимъ населеніемъ, имѣющая два водопровода изъ ключей, водою которыхъ она снабжаетъ и жителей сосѣднихъ деревень. Сарепта выдѣляется также устройствомъ порядочныхъ боенъ, правильнымъ наблюденіемъ за помойными и выгребными ямами. За то въ ней никогда не бывало ни тифозныхъ эпидемій, ни холеры.

Еще менѣе удовлетворительно обстоитъ дѣло охраны воды и воздуха отъ загрязненія, т. е. правильное удаленіе нечистотъ, хозяйственныхъ, фабричныхъ и другихъ отбросовъ. По мнѣнію В. И.

Лихачева едва ли десятая часть нечистотъ удаляется изъ городовъ. «Населеніе, пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ,—въ буквальномъ смыслѣ слова тонетъ въ собственныхъ нечистотахъ, отравляя ими воздухъ, безжалостно загрязняя городскую почву и почвенныя воды, или же болѣе или менѣе открыто спускаетъ ихъ въ Волгу и ея притоки, нанося этимъ непосредственный вредъ не только современному, но и будущему поколѣніямъ».

Въ Самарѣ $^1/_3$ домовъ не имѣетъ помойныхъ ямъ; 109 домовъ не имѣютъ отхожихъ мѣстъ, на 56 дворахъ нечистоты сливаются въ такъ наз. «поглотительные колодцы», т. е. ничѣмъ не выстланныя ямы въ землѣ, пропитывая почву, заражая колодезныя воды. Мѣстомъ свалокъ пользовались 20 лѣтъ безъ всякой системы и загрязнили его до такой степени, что по низкимъ мѣстамъ образовались озера жидкихъ нечистотъ. Средства частнаго ассенизаціоннаго обоза (собственнаго у города нѣтъ) недостаточны; въ результатѣ возможны такія явленія, что изъ одного сада на площадь около губернской земской больницы течетъ навозная жижа въ такомъ количествѣ, что образуетъ на площади цѣлое вонючее озеро. Такое же озеро представляетъ собою мѣсто свалокъ въ Астрахани, распространяющее зловоніе въ значительной части города и отстоящее не далѣе, какъ въ 300 саженяхъ отъ губернской больницы общественнаго призрѣнія. Симбирскъ не дорось до самыхъ примитивныхъ мѣръ къ очищенію города отъ нечистотъ: ихъ сваливаютъ прямо въ овраги и ямы, городского ассенизаціоннаго обоза нѣтъ. Въ Саратовѣ при 130,000 жителей нѣтъ сколько нибудь порядочнаго мѣста для свалки нечистотъ: всего 8 десятинъ, когда ихъ нужно было бы по приблизительному разсчету 100—150 десятинъ. Отъ имѣющагося мѣста свалокъ идетъ уклонъ къ городу, въ который по оврагамъ нечистоты текутъ обратно въ городъ, мимо мѣстнаго института благородныхъ дѣвицъ, отравляя въ ближайшей части города почву, воздухъ, колодцы и пруды. Послѣ этого неудивительно, что въ Саратовѣ смертность достигаетъ 43,8 на тысячу.

Но особенный интересъ въ отношеніи возможнаго распространенія въ нихъ различнаго рода эпидемій представляютъ тѣ города нижняго Поволжья, куда стекается лѣтомъ на промыслы масса рабочаго люда, въ особенности Царицынъ и Астрахань. Въ Царицынѣ нѣтъ ни городской больницы, ни канализаціи, ни городскихъ скотобоенъ. Кровь и отбросы частныхъ скотобоенъ спускаются въ овраги. Ночлежный домъ, пожертвованный городу рыбопромышленниками, недостаточенъ, рабочій людъ спитъ на берегу Волги подъ открытымъ небомъ. О томъ, что такое представляетъ собою волго-донская пристань, Л. Оболенскій, пользуясь отчетомъ В. И. Лихачева, пишетъ слѣдующее:

«Здѣсь неудобство многовластія показываетъ себя особенно наглядно: три источника власти соревнуютъ на этой пристани — желѣзнодорожная жандармерія, городская полиція и начальство судо-

Digitized by Google

ходной дистанціи. И вотъ результаты: подъ площадками *для склада* рыбы образовались цѣлыя озера нечистотъ и человѣческихъ извержений, такъ какъ для десятковъ тысячъ рабочихъ,- орудующихъ здѣсь, нѣтъ ни одного отхожаго мѣста. Все пространство берега въ 300 саженъ длины и 30 ширины представляетъ одно «сплошное отхожее мѣсто и является образчикомъ вопіющаго антисанитарнаго безобразія», такъ какъ сюда же сваливаются еще и рыбьи головы, и чешуя и т. под. Въ складахъ рыбы нѣтъ ни мусорныхъ ящиковъ, ни бочекъ: всѣ отбросы валятся на берегъ и идутъ въ Волгу. Желоба съ тузлукомъ полны сора и грязи, и вся эта смѣсь, опять-таки, течетъ въ Волгу. А у рыбопромышленника Новикова не оказалось даже желобовъ, и подъ тарами съ рыбой стоятъ лужи тузлука, разлитаго почти по всему полу. Сзади лабазовъ устроены дворы, на которые стекаютъ всѣ нечистоты изъ жилищъ бѣдноты, устроившейся выше этихъ дворовъ. Такимъ образомъ, склады съ рыбой оказываются островами на цѣломъ морѣ нечистотъ» (Новости № 125).

Въ дельтѣ Волги, гдѣ собирается на рыбные промыслы стотысячное населеніе всевозможныхъ народностей, жилища для рабочихъ это готовый очагъ для развитія всякихъ эпидемическихъ заболѣваній. Не лучше и на рыбныхъ промыслахъ Уральской области: темныя, сырыя и тѣсныя землянки или холодные камышевые шалаши. И народъ, и рабочее населеніе рыбныхъ промысловъ въ Астраханской губерніи почти совсѣмъ лишены врачебной помощи. Лѣчебное дѣло вообще, по заключенію сенатора Лихачева, поставлено всего лучше земствами (особенно въ Самарѣ, Саратовѣ, Камышинѣ и посадѣ Дубовка), затѣмъ идутъ города, но менѣе всего удовлетворительно оно стоитъ въ Астраханской губ. и землѣ уральскаго войска.

Если мы будемъ имѣть въ виду, что именно этотъ край примыкаетъ къ нашимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ, что въ такомъ пунктѣ, какъ Астрахань, мы имѣемъ окно, всегда открытое для идущихъ съ востока эпидемій, то насъ не можетъ не озабочивать необходимость широкихъ и скорѣйшихъ мѣръ къ оздоровленію нижняго поволжья. Въ Астрахани не переводятся тифы, оспа, дифтеритъ; городъ пережилъ въ теченіе текущаго столѣтія пять чумныхъ и пять холерныхъ эпидемій. В. И. Лихачевъ посѣтилъ Астрахань черезъ 5 лѣтъ послѣ холеры 1892 года, унесшей въ этомъ городѣ такъ много жертвъ. И что же? Онъ нашелъ въ немъ водопроводъ, дающій лишь 200,000 ведеръ вмѣсто 600,000, потребныхъ для жителей, ассенизаціонный обозъ изъ 16 бочекъ, когда въ городѣ больше 110,000 жителей, скотобойни, построенныя еще Лорисъ Меликовымъ въ 1879—80 г. и пришедшія въ полную ветхость, рядъ заводовъ, расположенныхъ по берегу р. Царевы, главнымъ образомъ кожевенныхъ и мыловаренныхъ, спускающихъ отъ себя грязную воду послѣ промывки кожъ и кишекъ въ рѣчку, откуда

Digitized by Google

безъ всякой очистки беретъ ее для питья мѣстное населеніе. Урокъ холернаго года какъ будто не коснулся ни въ чемъ санитарныхъ порядковъ Астрахани. Какую противоположность представляетъ собою въ этомъ отношеніи примѣръ другого также портоваго города, изъ всѣхъ городовъ Западной Европы испытавшаго на себѣ въ 1892 г. всего болѣе губительную силу холеры. Рѣчь идетъ о Гамбургѣ. Въ недавно вышедшемъ въ русскомъ переводѣ сочиненіи Альберта Шоу «Городскія управленія въ Западной Европѣ» въ главѣ: «Вольный городъ Гамбургъ и его санитарныя преобразованія», читатель найдетъ высокоинтересное описаніе всей системы мѣръ, которыя были приняты послѣ 1892 года городскимъ управленіемъ Гамбурга для оздоровленія города и въ короткое время 3—4 лѣтъ поставили его наряду съ самыми благоустроенными въ санитарномъ отношеніи городами Запада. Примѣры Гамбурга и Неаполя даютъ автору право высказать заключеніе, которое къ Россіи врядъ ли можетъ быть примѣнено съ одинаковой справедливостью. «Послѣдняя холерная паника, которую Европѣ пришлось пережить, имѣла хорошія послѣдствія. Правда, холера вызываетъ всегда возбужденіе, но теперь стало очевидно, что другія болѣзни, въ значительной степени поддающіяся предупредительнымъ мѣрамъ общественной гигіены, гораздо пагубнѣе для жизни, нежели холера; производимыя ими опустошенія стали общимъ мѣстомъ, къ нимъ какъ будто привыкли и потому они не такъ бросаются въ глаза, а предостереженія, вызываемыя ими со стороны санитарной науки, дѣйствуютъ на городской кошелекъ очень медленно и слабо. Высокая смертность, причиняемая вообще плохими санитарными условіями, не бросается такъ сильно въ глаза и, не нарушая заурядnаго хода дѣлъ, не уменьшаетъ въ такой степени жизненныхъ шансовъ горожанъ, несущихъ бремя налоговъ и завѣдующихъ общественными средствами. Иное дѣло—холера: она сразу останавливаетъ всѣ дѣла, разоряетъ состоятельныхъ бюргеровъ, грозитъ забраться въ нѣдра ихъ домашней жизни и на глазахъ разить ихъ дѣтей и близкихъ; она дѣйствуетъ подобно десятой египетской казни, и городскіе фараоны начинаютъ подъ ея ударами живо пошевеливаться» (стр. 572). Такую именно роль сыграла холера по отношенію къ Гамбургу. Вольный и ганзейскій Гамбургъ управляется «Городскимъ Обществомъ», состоящимъ изъ 160 членовъ, изъ которыхъ половина избирается всеобщимъ равноправнымъ голосованіемъ всѣхъ платящихъ налоги гражданъ, а остальная половина домовладѣльцами города и спеціальнымъ собраніемъ изъ судей, мѣстныхъ сановниковъ и членовъ нѣкоторыхъ гильдій и корпорацій. Гамбургъ по преимуществу купеческій городъ и характеръ городского управленія въ немъ опредѣляютъ люди, дѣлающія дѣла на биржѣ и въ гавани. Однако, гамбургское купечество оказалось настолько просвѣщеннымъ, что, рѣшивъ въ 1892 г. не жалѣть никакихъ средствъ для общаго оздоровленія города, стало на ту точку зрѣнія, чт

Digitized by Google

тратить на санитарныя преобразованія крупныя суммы и не пользоваться при этомъ послѣдними указаніями науки было бы столь же безразсудно, какъ возводить общественныя зданія безъ свѣдущихъ архитекторовъ. И вотъ, преобразовавъ издавна существовавшую при гамбургской полиціи химическую лабораторію для общественныхъ цѣлей въ Гигіеническій Институтъ, городское управленіе пригласило для завѣдыванія имъ молодого, но даровитаго американскаго бактеріолога проф. Дунбера и предоставило ему широкія рамки дѣятельности. Д-ръ Дунберъ очень скоро и фактически довелъ гамбургскую городскую лабораторію до высоты одного изъ первыхъ въ свѣтѣ учрежденій этого рода и поставилъ ее въ тѣсную практическую связь съ дѣломъ городского оздоровленія.

Что холерная эпидемія развилась въ Гамбургѣ вслѣдствіе употребленія воды Эльбы, сильнымъ тому доказательствамъ служило то, что въ частяхъ города, пользовавшихся вмѣсто рѣчной воды колодезною, холерныя заболѣванія или были очень рѣдки или вовсе не наблюдались. Поэтому главное вниманіе было обращено на очищеніе питьевой воды. Всѣ продукты канализаціи Гамбурга выносились вонъ Эльбою, кромѣ того, вода въ гавани крайне грязнилась отъ скопленія кораблей, верфей, товарныхъ складовъ и фабричныхъ учрежденій. Главный выводной тоннель канализаціи, впадавшій нѣсколько ниже города въ рѣку, отпирался лишь тогда, когда морской отливъ, соединяясь съ обычнымъ теченіемъ рѣки, образовывалъ быстрый отокъ воды по направленію къ морю. Однако, хотя и принимались мѣры къ тому, чтобы предупредить обратное движеніе огромной массы отбросовъ и нечистотъ въ городъ во время прилива, мѣры эти, очевидно, не вполнѣ достигали своей цѣли. Въ виду этого первымъ шагомъ новой системы водоснабженія было перенесеніе пріемнаго воднаго тоннеля вверхъ по рѣкѣ на нѣсколько миль выше того пункта, гдѣ бралась вода отъ 1892 г. Обошлось это не дешево, потому что новый тоннель пришлось провести подъ руслomъ рѣки.

Но главной особенностью новой системы водоснабженія въ Гамбургѣ являются фильтры, представляющіе образецъ обширнѣйшаго и лучшаго до сихъ поръ въ свѣтѣ устройства для очищенія питьевой воды. Вліяніе гамбургскихъ фильтровъ на бактеріологическія свойства воды Эльбы служитъ предметомъ постоянныхъ изслѣдованій и точнаго изученія. Вся система потому именно и работала въ продолженіе 1893 г., что въ грязной водѣ Эльбы, подымаемой къ Гамбургу волнами прилива, были открыты холерные бациллы — отъ 30,000 до 100,000 холерныхъ бациллъ въ каждомъ кубическомъ сантиметрѣ, столько же, сколько и въ предыдущемъ году. Городъ поставилъ цѣлью дать своему населенію воду свободную отъ этихъ бациллъ. Въ іюлѣ 1893 г. имперскія санитарныя власти въ Берлинѣ издали циркуляръ, рекомендовавшій городскимъ управленіямъ страны не снабжать горожанъ питьевой водою, содержащею болѣе, чѣмъ

Digitized by Google

сто холерныхъ бацилъ на кубическій сантиметръ. Найдено было, что при не превосходящемъ этой нормы количествѣ бациллъ воду еще можно употреблять, не подвергаясь серьезной опасности. Вода, пропущенная черезъ новые гамбургскіе фильтры и изслѣдованная отъ фильтра къ фильтру и изо-дня въ день, иногда вовсе не содержитъ холерныхъ бацилъ, а вообще содержитъ ихъ не болѣе 4—10 на кубическій сантиметръ. Только при помощи чрезвычайно тонкихъ пріемовъ, никогда не примѣнявшихся до лѣта 1893 г., можно было открыть, выдѣлить и точно сосчитать эти немногіе разсѣянные въ водѣ микроорганизмы (стр. 587).

Таковъ успѣхъ гамбургской системы фильтровъ. Горожане Гамбурга вполнѣ увѣрены, что при существованіи этой системы они получаютъ здоровую воду, и сознаютъ, что современная наука въ состояніи справиться со всякою крайностью, какая ни возникнетъ. Гамбургъ былъ свободенъ отъ холерныхъ заболѣваній во все лѣто 1893 года, хотя изслѣдованія показывали, что рѣка была страшно заражена смертельными холерными бациллами. Но вотъ въ сентябрѣ 1893 г. произведенныя испытанія обнаруживаютъ въ фильтрованной водѣ, вытекавшей изъ городскихъ водопроводныхъ кранovъ, тревожное умноженіе бацилъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе открыло, что изъ подъ фильтровъ получалась совершенно чистая вода, но что зараженіе ея было слѣдствіемъ сильнаго просачиванія не очищенной рѣчной воды сквозь трещины въ стѣнахъ водопроводнаго тоннеля. Течь была прекращена, но, къ несчастію, произошло уже много случаевъ холерныхъ заболѣваній и смерти, причина которыхъ несомнѣнно заключалась въ этой примѣси не фильтрованной рѣчной воды.

Гамбургскій гигіеническій институтъ существуетъ для борьбы не съ одною холерой, онъ вообще руководитъ городскими санитарами въ ихъ дѣятельности, обращая ихъ вниманіе то на ту, то на другую форму заразныхъ заболѣваній, угрожающую здоровью населенія. И не одной системой усовершенствованнаго водоснабженія городское управленіе Гамбурга достигло того, что городъ сталъ въ столь короткое время однимъ изъ первыхъ по санитарнымъ условіямъ жизни. Образцовая очистка улицъ и содержаніе мостовыхъ, городскія крематоріи для сожиганія отбросовъ, двѣ дезинфекціонныя камеры, постоянный и строгій надзоръ за съѣстными припасами, мѣры къ болѣе правильному квартирному размѣщенію и особый усиленный надзоръ за подвальными помѣщеніями — всѣ эти мѣры ведутъ къ тому, что городъ гарантированъ отъ возможности широкаго развитія какой бы то ни было заразы. Въ 1893 году въ дополненіе къ новой системѣ санитарныхъ мѣръ въ самомъ городѣ учреждена была особая портовая служба изъ врачей и санитарныхъ инспекторовъ, которые, разъѣзжая на паровыхъ баркасахъ, основательно изслѣдуютъ здоровье судовыхъ экипажей на всѣхъ судахъ, прибывающихъ въ гавань, и наблюдаютъ за ихъ санитарнымъ содержаніемъ.

Digitized by Google

И вотъ въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ, столь широко, разумно и энергично проведенныхъ, смертность упала въ Гамбургѣ на цѣлыхъ 20 проц. ниже средней цифры за предшествующее десятилѣтіе. Вообще же за періодъ съ 1865 по 1895 г., не смотря на необыкновенный ростъ населенія, связанный съ развитіемъ этого мірового порта, средняя смертность въ Гамбургѣ упала съ 30 и болѣе случаевъ на 1000 въ годъ до 20 случаевъ и ниже. Тяжелый урокъ холернаго года, дѣйствительно, не пропалъ даромъ. Онъ вызвалъ плодотворный порывъ самоувѣренной и разумной общественной энергіи. Что же видимъ мы у себя на примѣрѣ хотя бы той же Астрахани? Изъ населенія ея, ежегодно теряющаго въ среднемъ 38 человѣкъ pro mille, зараза вырвала не одну тысячу народа. Но вотъ она угасла отъ естественныхъ причинъ, оставляя открытое поле для губительной работы обычныхъ посѣтителей города: лихорадки, тифа, оспы, дифтерита и др. Тина общественной апатіи и равнодушія быстро затянула слѣды раны, нанесенной пережитымъ бѣдствіемъ. И жизнь течетъ по прежнему среди ненужныхъ жертвъ и отовсюду подстерегающихъ страданій, безсильная передъ возможностью новыхъ, болѣе тяжкихъ ударовъ. И даже простой разсчетъ никому не подсказываетъ, что силы и средства, затраченныя на охрану общественнаго здоровья, одна изъ самыхъ производительныхъ затратъ капитала, она возвращаетъ проценты сторицею въ видѣ благоденствія, могущества и богатства жителей.

Въ теченіе минувшаго мѣсяца происходили повсемѣстно въ земскихъ губерніяхъ уѣздныя земскія собранія. Обсуждались обычные вопросы земской жизни, изощрялись умы, какъ бы при самыхъ скромныхъ средствахъ удовлетворить громадныя потребности населенія и подводились этимъ потребностямъ поучительные, но и приводящіе въ унынie итоги. На сѣромъ фонѣ всѣхъ этихъ обсужденій выдѣляются, однако, мѣстами инциденты, весьма характерные какъ для оцѣнки теперешнихъ земскихъ настроеній, такъ и теперешнихъ земскихъ дѣятелей.

Такъ, любопытныя пренія происходили 7 октября въ засѣданіи воронежскаго уѣзднаго земск. собранія. По сообщенію корреспондента «Новостей», въ собраніи обсуждался докладъ по народному здравію. Надо имѣть въ виду, что не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, въ Воронежской губерніи и особенно въ Воронежскомъ уѣздѣ свирѣпствовала страшная оспенная эпидемія, унесшая въ могилу не мало жертвъ. При этомъ выяснилось, что едва ли не большинству населенія не была привита оспа. Уѣздная управа и предлагала въ своемъ докладѣ пригласить на два лѣтнихъ мѣсяца фельдшеровъ и студентовъ медиковъ, въ виду того, что наличный земскій медицинскій персоналъ не въ состояніи привить оспу. При этомъ управа отдавала предпочтеніе студентамъ медикамъ. На этой почвѣ

Digitized by Google

и разгорѣлись пренія. Далѣе предоставляемъ слово корреспонденту. «Гласный Самофаловъ, извѣстя й мѣстный богачъ, бывшій городской голова, хотя и получившій только низшее образованіе, попросилъ разъяснить ему, почему управа предпочитаетъ студентовъ фельдшерамъ? Предсѣдатель управы объяснилъ, что студенты, какъ люди интеллигентные, въ общемъ добросовѣстнѣе относятся къ дѣлу, и на нихъ больше можно положиться, чѣмъ на фельдшеровъ. Гласный Самофаловъ возразилъ, что, по его мнѣнію, наоборотъ, фельдшерамъ гораздо больше можно довѣриться, чѣмъ студентамъ, да къ тому же и крестьяне охотнѣе довѣрятъ своихъ дѣтей фельдшеру, нежели молодому человѣку—студенту.

«Поэтому гласный Самофаловъ предлагалъ студентовъ безусловно не приглашать. Затѣмъ попросилъ слова гласный Безруковъ, нынѣшній городской голова г. Воронежа, обладающій гимназическимъ образованіемъ, и сказалъ приблизительно слѣдующее: на дняхъ собраніе рѣшительно высказалось противъ практики такъ называемыхъ оспенниковъ изъ крестьянъ, отставныхъ солдатъ и т. п. на томъ основаніи, что они, дѣлая прививку съ ручки на ручку, прививаютъ, вмѣстѣ съ оспой, и заразныя болѣзни; теперь намъ предлагаютъ пригласить для этого дѣла студентовъ; но не станутъ ли студенты прививать чего-нибудь похуже?.. Кругомъ раздались недоумѣвающіе голоса: что же именно? Гласный Безруковъ поставилъ точку надъ і: находясь среди крестьянскаго населенія,—сказалъ онъ,—студенты могутъ прививать этому населенію вредныя идеи... Трудно описать волненіе, охватившее послѣ этого собраніе: всѣ заговорили разомъ, горячо и рѣзко возражая другъ другу». Собраніе было прервано. Но и послѣ перерыва возобновились бурныя пренія. Наконецъ, рѣшено было поставить на закрытую баллотировку вопросъ въ слѣдующей редакціи: угодно ли собранію предоставить управѣ пригласить для прививки оспы населенію уѣзда «постороннихъ лицъ», не изъ состава постоянныхъ земскихъ служащихъ? Закрытой баллотировкой, большинствомъ 20 голосовъ противъ 19, собраніе рѣшило не приглашать «постороннихъ лицъ не изъ состава постоянныхъ земскихъ служащихъ».

Взволнованные гласные усѣлись по мѣстамъ, а гласный Самофаловъ торжествующе воскликнулъ: «Вотъ она правда—свѣтлѣе солнца!» Но вопросъ о временномъ усиленіи медицинскаго состава все же оставался въ силѣ. Безъ приглашенія «постороннихъ» лицъ обойтись нельзя. Какъ же быть съ постановленіемъ? Тогда гл. Безруковъ опять пришелъ на помощь собранію. «Онъ обратилъ вниманіе собранія на то, что вопросъ совершенно напрасно запутывается, совершенно напрасно предлагаются новыя хитроумныя постановленія, тогда какъ вопросъ для всѣхъ одинаково ясенъ: баллотировка въ дѣйствительности касалась не какихъ-то «постороннихъ лицъ», а именно студентовъ; ясно, что противъ приглашенія другихъ лицъ, исключая студентовъ, никто ничего имѣть не будетъ;

Digitized by Google

по этому лучше всего—прямо поставить теперь вопросъ: пригласить ли для привитія оспы фельдшеровъ, или нѣтъ? Дѣлать нечего, пришлось, скрѣпя сердце, поставить этотъ вопросъ, причемъ опять поставили его на закрытую баллотировку и большинствомъ 26 голосовъ противъ 4 (нѣсколько гласныхъ воздержались отъ голосованія) постановили пригласить фельдшеровъ».

Благодаря мѣстному корреспонденту, оцѣнка высшаго образованія, произведенная городскимъ головою г. Воронежа и большинствомъ уѣзднаго собранія (къ чести его, можно прибавить, лишь незначительнымъ), станетъ общеизвѣстной. Сомнительно, чтобы извѣстность эта доставила имъ особое удовольствіе. Въ предвидѣніи подобной могущей возникнуть непріятности предсѣдатель сергачскаго уѣзднаго земскаго собранія (онъ же предсѣдатель управы) П. Г. Бобоѣдовъ нашелъ, что вообще гласность земскихъ собраній неудобна и нежелательна. И вотъ, когда во второй день сессіи въ залъ засѣданія впервые явились представители печати, онъ отдалъ распоряженіе удалить представителей прессы и публику». Свое постановленіе пишутъ, «Рус. Вѣд.», г. Бобоѣдовъ мотивировалъ тѣмъ, что представители прессы и публика вошли въ залу засѣданія, не испросивъ предварительнаго на то разрѣшенія у него, предсѣдателя собранія. Послѣ удаленія публики 11 гласныхъ выразили протестъ, заявивъ, что признаютъ дѣйствія предсѣдателя незаконными. Черезъ часъ предсѣдатель собранія отмѣнилъ свое постановленіе. Не смотря на это, двѣнадцать гласныхъ подали особое мнѣніе по поводу разсмотрѣнія докладовъ при закрытыхъ дверяхъ и удаленія публики. Особое мнѣніе мотивировано приблизительно слѣдующимъ образомъ. По волѣ законодателя засѣданія земскихъ собраній гласны и публичны. Хотя тотъ же законодатель далъ предсѣдателю право удалять публику изъ залы засѣданій, но не по его личному произволу, а въ случаяхъ, точно и опредѣленно указанныхъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ,—за нарушеніе тишины, правилъ приличія и т. п. Ни одно изъ указанныхъ условій 19-го октября не было нарушено публикой».

Чѣмъ руководствовался г. Бобоѣдовъ,—сказать очень трудно. Еще труднѣе представить себѣ—въ какой формѣ «публика» могла бы испрашивать у г. Бобоѣдова разрѣшеніе присутствовать на засѣданіяхъ. Если каждый приходящій отдѣльно,—не будетъ ли это затруднительно и самому строгому предсѣдателю. Или, предварительно передъ залой сергачскихъ собраній публика будетъ производить выборы депутатовъ для почтительной коллективной просьбы

Очень печальны подобные симптомы въ земствѣ.

М. А. Плотниковъ.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

А. А. БАЛАШИНА въ г. Енисейскѣ

Digitized by Google

ПОДПИСКА на 1899 г.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(86 годъ изданія):

Въ Москвѣ съ доставкой	На города съ пересылкой	За границу съ пересылкой
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
» 6 » 5 » 50 »	» 6 » 6 » — »	» 6 » 9 » — »
» 3 » 3 » — »	» 3 » 3 » 50 »	» 3 » 4 » 80 »
» 1 » 1 » — »	» 1 » 1 » 20 »	» 1 » 1 » 90 »

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требован. о подпискѣ въ Москву въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ *въ Москвѣ съ доставкой* на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой *въ другіе города* на 1 мѣсяцъ 1 руб.

Недавно вышедшія изданія Л. Ф. Пантелѣева.

Сѣрошевскій. В. Л. На краю лѣсовъ. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

Вагнеръ, В. А. Вопросы зоопсихологіи. Ц. 1 руб. 50 коп.

Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи. Пер. съ фр. В. Водовозовъ. Ц 2 р.

Шимкевичъ, В. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Ц. 1 руб.

Фонъ Шакъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Пер. съ нѣмецкаго Н. М. Соколовъ. Ц. 2 руб. 50 коп.

Лазарильо изъ Тормезъ. Перев. съ испанск. Ц. 75 коп.

Могра. Послѣдніе дни одного общества. Перев. съ франц. Ц. 3 руб.

Додю. Исторія монархическихъ учрежденій латиноіерусалимскаго королевства. Пер. съ фр. Ц. 2 р.

Спенсеръ, Г. Основныя начала. Перев. съ англ. Ц. 2 руб.

Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев. съ франц. Ц. 3 руб.

Штраусъ, Ф. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Ц. 3 р.

Курье. Сочиненія, ч. I. Цѣна 2 руб.

Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Пер. съ чешскаго подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Ц. 5 руб.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. съ нѣм. П. И. Вейнбергъ. Ц. 75 коп.

Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 руб.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Ц. 2 руб. 50 коп.

Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. съ исп. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 руб. 50 коп.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 руб.

Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ. Пер. съ англ. Ц. 75 коп.

Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ франц. Ц. 1 руб. 50 коп.

Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Пер. съ фр. Ц. 1 руб. 25 коп.

Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 руб.

Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 руб.

Риголажъ. Соціологія Конта. Пер. съ фр. Ц. 2 руб. 50 коп.

Бельшовскій. Жизнь Гёте. Пер. съ нѣм. подъ ред. П. И. Вейнберга, т. I. Ц. 2 р. 50 коп.

П. Леруа-Больё. Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка. Пер. съ франц. Ц. 2 руб.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: Петербургъ, Литейная, 46, Москва, Моховая, д. Коха (бывшій), Варшава и Вильно.

Digitized by Google

RETURN TO ➡ **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

DUE AS STAMPED BELOW

OCT 24 1987

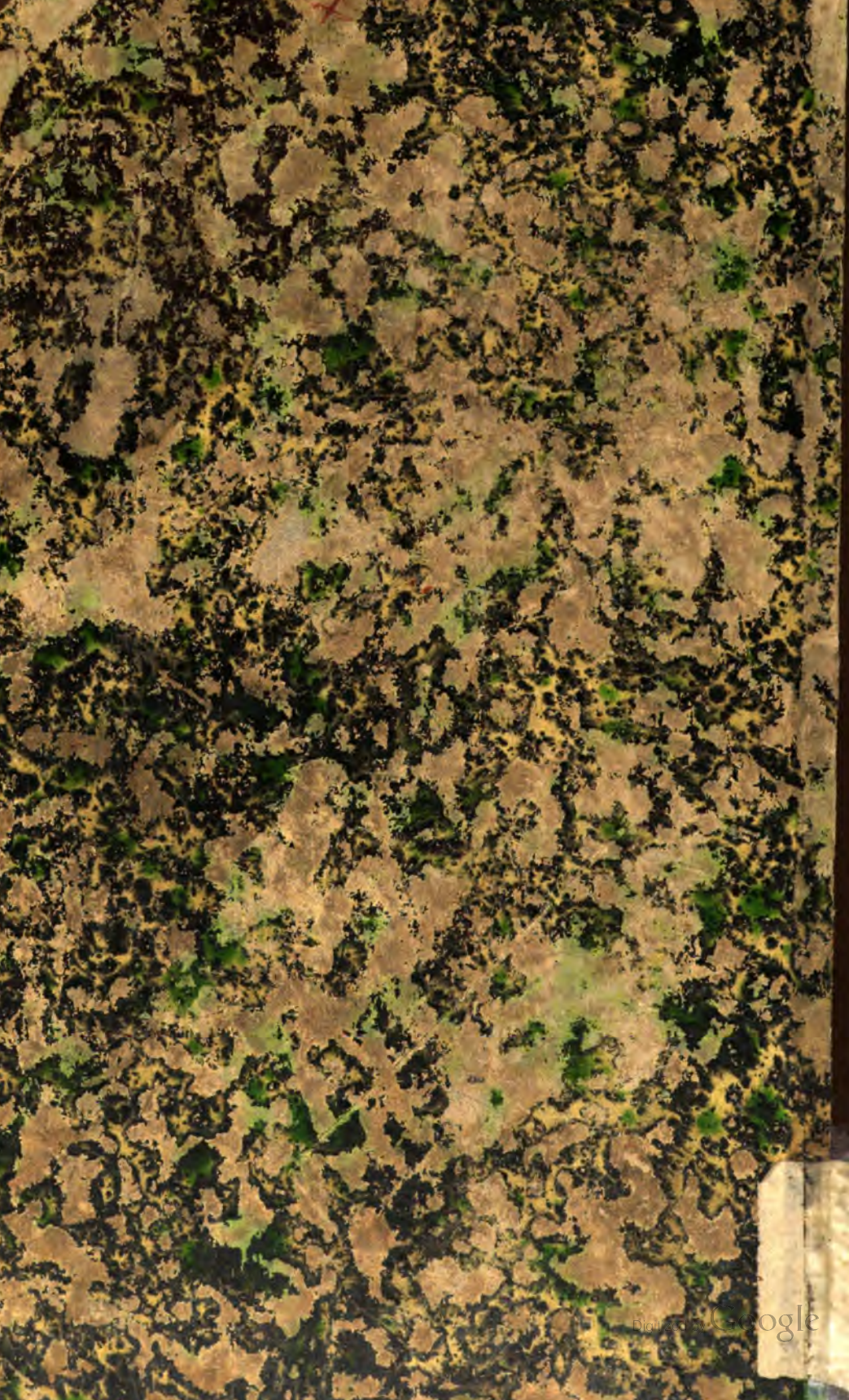
AUTO. DISC.

OCT 03 1987

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
FORM NO. DD6, 60m, 1/83 BERKELEY, CA 94720

Digitized by Google

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

B000572743

Digitized by Google